

Валерий Евгеньевич Шамбаров

КАЗАЧЕСТВО Путь воинов Христовых ПРЕДИСЛОВИЕ

С земным поклоном всем братьям казакам и сестрам казачкам

Казачество... Оно создавало обширную и могучую Россию, защищало ее в боях, охраняло ее границы. Но что же это такое — казачество?... Есть казаки донские, кубанские — но и на противоположном краю континента живут казаки забайкальские, амурские, уссурийские. Была великолепная казачья конница — но были и пластуны-пехотинцы, были казаки-моряки, были казаки-землепроходцы, преодолевавшие и осваивавшие огромные пространства тайги и ледяных пустынь. Были удалцы-станичники, с молоком матери впитывавшие боевой дух и воинское искусство — но была и Запорожская Сечь, куда приходил любой желающий. Были служилые и городовые казаки, набиравшиеся царской администрацией из людей разного звания. А были и некрасовцы, задунайцы, воевавшие против России. Однако все эти категории, несмотря ни на какие различия, признавали друг друга казаками. И все они составляли единое явление, имя которому — казачество...

Идея этой книги возникла в издательстве «Алгоритм-книга» — создать такую работу, чтобы вобрала в себя историю не какого-то одного, а всех Казачьих Войск России, поведала об их делах и свершениях. То есть, чтобы книга как раз и рассказала о казачестве в целом. Что это? Как оно возникло? Как жило и развивалось от зарождения и вплоть до нынешних дней? С таким предложением издательство обратилось в ряд казачьих организаций Москвы. Оно вызвало большой интерес в Международном объединении журналистов казачества и казачьем отряде им. св. Александра Невского. По решению председателя правления объединения журналистов В.Н. Кочетова и атамана отряда А.Ф. Ткачева вопрос был вынесен на традиционный ежегодный круг этих организаций. И круг оказал мне высокую честь, поручив заняться написанием книги, на что было дано благословение священника храма св. Параскевы Пятницы о. Владимира (Ковтуненко).

Конечно, справиться со столь ответственным и объемным делом было бы весьма тяжело, если не невозможно. Но, во-первых, в данном направлении уже имелись значительные наработки, ведь истории казачества я так или иначе касался в других своих книгах — «Белогвардейщина», «За веру, царя и Отечество», «Государство и революции», «Бей поганых», «Правда варварской Руси», «Русь — дорога из глубин тысячелетий», «Оккультные корни Октябрьской революции». А во-вторых, огромную помощь оказали братья казаки и сестры казачки не только из Москвы, но и из других регионов. Идея создания книги была согласована с Постоянным Межгосударственным координационным советом казаков России, Украины и Белоруссии, одобрена атаманами Всевеликого Войска Донского Н.И. Козицыным, Кубанской Казачьей Ассоциации В.И. Каюдой, Крымского Казачьего Союза В.С. Черкашиным, через казачью прессу было распространено обращение ко всем, кто пожелает подключиться к творческому процессу. И многие откликнулись, предоставляли редкие книги, документы, подборки материалов из личных архивов, рассказывали в письмах об известных им интересных фактах, местных преданиях. Главы книги, по мере их написания, я передавал в Совет стариков отряда, получив много ценных консультаций и замечаний. И хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял

участие в этой работе.

Согласно приговору круга, мне поручалось написать книгу «фундаментальную, полную, и вместе с тем изложенную просто и доступно, чтобы она могла стать пособием по истории казачества, настольной книгой казака». А насколько получилось выполнить эту задачу, судить уже не мне, а вам.

**Войсковой старшина казачьего отряда им. св. Александра Невского
В. Шамбаров**

1. О ДРЕВНЕЙШИХ КОРНЯХ

Доводилось ли вам слышать о том, что герой древнегреческого эпоса Ахилл был... казаком? Впрочем, сразу разочарую. Эту историю придумали в XVII в. киевские бурсаки, изучавшие античную классику. И уж конечно, были сыто кормлены и крепко поены, рассказывая ее запорожцам. Но все же придумана байка не на пустом месте. Дело в том, что у самих греков бытовало несколько версий происхождения Ахилла. У Гомера он представлен царем мирмидонян, погиб и похоронен под Троей. А Ликофрон, Алкей и другие авторы писали, что он привел воинов с севера и «владычествовал над Скифской землей». Могилы, где якобы похоронен Ахилл, показывали и почитали на островах Змеином, в устье Дуная, и Белом, в устье Днепра — сейчас он превратился в Кинбурнскую косу. А Тендровская коса между Днепром и Перекопом носила название «Ахиллов Дром» («дром» — значит «бег», «ристаллище для бега»). И археологические раскопки на Кинбурнской косе действительно обнаружили остатки жертвенника, надпись в честь Ахилла, неподалеку найдены три мраморных плиты с посвящениями ему.

Очевидно, в фигуре Ахилла, предания совместили нескольких вождей. А тот из них, который жил в Поднепровье, судя по времени, был киммерийцем. Древнегреческие изображения сохранили облик этого народа, лихих всадников и впрямь похожих на казаков — бородатых, в папахах, одежде наподобие зипунов, подпоясанных кушаками. Только вместо сабель в руках прямые мечи. Но, конечно, отождествлять киммерийцев с казаками нет оснований. Это был кельтский народ, населявший Северное Причерноморье в XIII–VIII вв. до н. э.

Люди в здешних краях жили задолго до киммерийцев — например, самый древний в мире образец лодки найден на Дону и датируется аж VII тысячелетием до н. э. Это типичная долбленка-однодревка, каковые впоследствии использовались и казаками. Жили тут люди и после киммерийцев, в VIII в. до н. э. их частично вытеснили, частично смешались с ними скифы, создавшие многонациональную империю, куда входили и праславяне [214]. А во II в. до н. э. началось расселение из Средней Азии сарматских племен, и Скифию разгромили савроматы. Но и сами были изгнаны языгами. А их, в свою очередь, оттеснили на запад роксоланы, заняв степи между Днепром и Доном. В лесостепях расселялись славянские и угорские народы, севернее, в лесах — финские и балтские.

В Приазовье, на Кубани и на черноморском побережье Кавказа обитал ряд древних племен: зиги (чиги), керкеты, синды, ахеи, гениохи, аспургиане, дандарии, агры и др. Из них чиги славились как мореходы и пираты, выходившие в море на легких ладьях, вмещавших 25 человек. Но с востока двинулась еще одна волна сарматских племен — асседоны, иksamаты, писаматы, аорсы, сираки. За Дон роксоланы их не пропустили и они тоже оседали на Кубани и в нынешнем Ставрополье. А в I в. последовала новая волна переселенцев, аланы (ясы). Они имели обыкновение инкорпорировать побежденные народы в состав своего, и этнонимы множества племен, живших от Тамани до Каспия, из античных источников исчезают, здесь появляется единая Алания...

Спрашивается — как и по каким признакам среди всех этих народов искать предков казаков? В начале XX в. возникли две теории их происхождения — «автохтонная» и «миграционная». Сторонником первой являлся историк генерал **Н.Ф. Быкадоров**. Утверждалось, что казаки всегда являлись коренным населением своих земель (правда, сам

Быкадоров позже от своей теории отказался) [219]. «Миграционную» версию разрабатывал донской историк **Е.П. Савельев**. Он считал казаков потомками «гетов-руссов», которые якобы сперва жили под Троей, потом в Италии, а потом переселились в Причерноморье [161].

Обе эти теории неверны. Во времена, когда они создавались, история Древнейшей Руси была исследована очень мало, а такой науки, как этнология, вообще не существовало, и представления об этногенезе бытовали поверхностные и примитивные. Хотя на самом деле эти процессы всегда сложны и неоднозначны. Так, если коснуться «автохтонной» теории, то надо иметь в виду, что ни один народ не может в течение тысячелетий обитать в одних и тех же местах и остаться неизменным. Подобное возможно лишь для небольших «изолятов», отрезанных от мира на отдаленном острове или в высокогорной долине. Но не в столь «бойком районе», как Восточноевропейская равнина, где зафиксирована масса больших и малых переселений, народы неизбежно вступали в контакты, принимали в себя те или иные «добавки».

Ну а относительно «миграционной» теории надо сказать — народ не футбольный мяч, способный кататься туда-сюда по полю земли. Переселения — тяжелый и болезненный процесс, обычно сопровождающийся расколом этноса. Часть уходит, часть остается. Обе части взаимодействуют с разным окружением, развиваются в разных условиях и теряют родство. Конкретный пример: в VII в. под ударами хазар населявшие Причерноморье древние болгары разделились на три ветви. Одна ветвь ушла в горы Кавказа — это балкарцы. Другая отступила на Балканы, объединила вокруг себя местных славян и создала Болгарское царство. Третья ушла вверх по Волге, в X в. приняла ислам и снова разделилась — не пожелало менять веру племя чувашей. А сменившие религию стали предками казанских татар. Ну кто скажет, что нынешние болгары, балкарцы, чуваша и казанские татары — это один народ? Или что один народ венгры и башкиры, разделившиеся в IX в.? Причем если уж говорить о родстве, о преемственности, то не лишне вспомнить, что даже у отдельного человека не один, а два предка, отец и мать. А в процессах этногенеза их гораздо больше. Поэтому производить «напрямую» один народ от другого совершенно неправомерно. И, скажем, предками русского народа являются отнюдь не только славянские племена, он имеет многочисленные финно-угорские, тюркские, балтские, германские, сарматские, скифские, кельтские корни.

Впрочем, и в наши дни наука этнологии разработана весьма слабо и представляет собой не единую стройную систему, а расплывчатый набор частных взглядов тех или иных ученых. Самой полной и последовательной теорией представляется к настоящему времени концепция одного из основоположников этой науки Л.Н. Гумилева. Который считал казаков «субэтнотом великорусского этноса» [38, 39, 40]. А субэтнос, по определению автора — «таксономическая единица внутри этноса как зримого целого, не нарушающая его единства» [41]. Т. е. общность, имеющая черты и признаки народа, но при этом прочно связанная с основным этносом.

К данной классификации казачества мы еще будем возвращаться по ходу книги, но пока возьмем его за основу. И отметим еще одно фундаментальное положение учения Гумилева — для любого этноса (и субэтноса) очень важной оказывается связь с родным для него ландшафтом. Именно ландшафт определяет его «лицо», особенности, способы хозяйствования. Так, родным ландшафтом таджиков являются горы, узбеков — орошаемые долины, туркмен — оазисы пустынь. Три народа живут рядом, но существенно отличаются. Для русских это — лесостепь. И при расселении на север они всегда выбирали сходные условия: поляны, опушки, но не глубины лесов. А, скажем, для евреев обязательно нужен искусственный ландшафт — города, местечки, но не деревни.

Какой же ландшафт является родным для казаков? Это долины великих рек степной полосы! Дона, Днепра, Волги, Яика, Терека, Кубани. А чем они были характерны в древности? Тогдашние степные народы являлись скотоводами, но не кочевниками в полном смысле. В Европейской России выпадает много снега, скот не может добывать из-под него

корм. И требовались постоянные селения, где заготавливается сено, зимуют стада и люди. Разумеется, строили их не посреди голой степи, а вблизи рек, долины которых были покрыты густыми лесами и кустарниками. Тут имелись дрова, стройматериалы, сенокосы на заливных лугах, водопои. И археология это подтверждает. Города скифов обнаружены на Днестре, их столица располагалась возле Запорожья. А роксоланы зимовали в городках на Нижнем Дону.

Но евразийские степи были и «торной дорогой», по которой, громя друг друга, приходили новые народы. А покрытые зарослями долины рек, острова, плавни, болота являлись естественным укрытием, где имела возможность спастись часть побежденных. Не все. Ведь для этого требовалось сменить образ жизни, добывать пропитание охотой, рыболовством, угодками скота. Выжить в таких условиях могли только самые сильные, выносливые. И вольнолюбивые, не желающие покориться победителям. И из осколочков различных племен произрастают древнейшие корни казачества.

Доказательства есть. На Дону и Донце археология обнаруживает непрерывное существование оседлых поселений примерно со II в. до н. э. Что совпадает с гибелью Скифии и праславянской Милоградской культуры. Археологические данные дополняются письменными. Страбон писал о «смешанном» племени, обитавшем в гирлах Дона. Арриан, посетивший Северное Причерноморье во II в. н. э., сообщал, что некоторые из местных племен «прежде питались хлебом и занимались земледелием», но после вражеских нашествий «поклонились великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов... а скота держать не более, чем сколько можно переводить из одной страны в другую». Но этот же закон, категорически запрещавший земледелие, известен у донских казаков, он просуществовал до 1695 г. и был вполне рационален — привязанные к земле хозяйства стали бы легкой добычей степняков.

Еще одним доказательством является резкое изменение стереотипов поведения местных жителей. Если в V–IV вв. до н. э. греки сообщали о мирных «меотах», пассивно переходивших под власть Скифии или Боспора, то римские авторы в I–II вв. н. э. предостерегали, что оседлые жители Приазовья не менее воинственны, чем кочевники. То есть, они вобрали в себя часть скифов, праславян, сарматов. У них существовали и крупные центры вроде г. Танаиса — Азова. Этот город был не греческим — во всех документах его граждане подразделяются на «танаитов» и «эллинов», причем руководство составляли «танаиты». А умение здешних племен воевать римляне испытали на себе, в 47 г. их легионы от Тамани прошли по Приазовью, взяли Азов, но он стал самой северной точкой их завоеваний. Римляне тут крепко получили и дальше не продвинулись ни на шаг [214].

Позже жителей Нижнего Дона и Приазовья зарубежные авторы стали именовать «герулами». Иордан сообщал, что герулы — племя «скифское», т. е. местное, не германское, что оно «очень подвижно». «Не было тогда ни одного государства, которое не набирало бы из них легковооруженных воинов». Однако карта Причерноморья продолжала меняться. Во II в. сюда с Балтики пришли русы (руги), объединившись в одну державу со славянами и роксоланами. А затем этот союз был побежден германцами-готами. С герулами готы сперва вошли в альянс. С 256 г. совместные эскадры их лодок стали совершать нападения на берега Кавказа, Малой Азии, Босфора. Но в IV в. готский император Германарих решил окончательно поработить окрестные народы. Герулы сопротивлялись дольше других, согласно Иордану, были «в большей части перебиты», и лишь после нескольких поражений вынуждены были покориться.

Торжество германцев было недолгим. Из Поволжья и Приуралья развернули наступление гунны. Разгромили Аланию, а в 371 г. обрушились на готов. И герулы, как и большинство славянских племен, сразу приняли сторону гуннов, помогая им бить общих врагов. Кстати, до нас дошла легенда о том, как гуннские воины, охотясь на Тамани, ранили оленя. Он бросился в воду, переплывая между отмелями и наносами, пересек Керченский пролив — и показал путь войску. Готы сосредоточили силы на Дону, а гунны обошли их через Крым и ударили в тыл [40, 65]. Не этот ли олень, раненный стрелой и помогший

герулам освободиться, был изображен на древнем гербе донских казаков?

Но напрямую отождествлять казаков с герулами тоже нельзя. Основная их часть вместе с союзниками-гуннами ушла на запад. В 476 г. герулы, во главе со своим вождем Одоакром (в славянской транскрипции Оттокар), захватили Италию, где и сгинули в последующих войнах. В Причерноморье после распада империи гуннов возникла Антия. Но в 558 г. из Средней Азии пришли авары, сокрушившие ее. А в 570 г. с востока двинулись враги аваров, тюрки. Возникли Аварский и Тюркский каганаты — граница между ними пролегла по Дону.

В VII в. оба каганата развалились на части. В степях от Дуная до Кубани образовалось Болгарское ханство. А хазары, населявшие берега Каспия и долину Терека, приняли тюркскую военную верхушку и создали свой каганат. В 670 г. в союзе со славянами и аланами они одолели и изгнали болгар. Затем разбили и подчинили Аланию. И вот после этого вдруг распространяется этноним «касаки» (в русских летописях «касоги»). Впервые он зафиксирован еще у Страбона в I в., среди племен, населявших Кубань и Кавказ у него упоминаются «косоахи». Потом это название исчезает. А с VII в. начинает широко применяться по отношению к жителям Западного Кавказа, Кубани и Приазовья. О «стране Касакии» сообщают авторы X в. Константин Багрянородный, Аль-Масуди, персидский географ XIII в. Гудад ал-Алэм и др. И как раз в этих известиях эмигрантские исследователи склонны были видеть «казачью нацию».

Это не совсем так. Этноним может передаваться от одного народа к другому, как, допустим, от римлян их название перешло к ромеям (византийцам), а потом и к румынам. Но если мы попытаемся понять смысл слова «касаки», то действительно подойдем к разгадке, откуда же происходит имя казаков? Обычно считают, что оно тюркское и употреблялось в значениях «вольный воин», «бродяга», а то и «разбойник». Но Страбон упоминает его задолго до тюркского нашествия. И к тому же в тюркских языках нет близких корней, от которых можно было бы произвести «казак», нет и никаких родственных слов. Следовательно, в лексикон тюркских народов оно попало уже «готовым», откуда-то извне. Откуда?

Происхождение слова «казак» надо искать не в тюркских, а древнеиранских языках, на которых говорили скифы и сарматы. И чтобы увидеть это, предлагаю читателю взглянуть на набор слов (в первой группе древнеиранские, во второй более поздние):

- асии, асы, ясы, аспургиане, каспии, траспии, Асаак, сакасы, массагеты, аседоны, асиаки, языги, азады, хазары, хорасмии, касоги
- казаки, черкасы, казахи, хакасы.

Что общего в этих словах? Корень «ас» (в зависимости от произношения и передачи способный трансформироваться в «яс» или «аз»). Его значение известно — «свободный», «вольный» (например, «азады» — служилое сословие воинов Парфии, это слово как раз и означало «свободные», в Сасанидском Иране то же самое слово произносилось «газа»). Но «асы» было и самоназванием всех сарматских народов! Причем такое обозначение самих себя отнюдь не редкость в мире. «Франки» — тоже означает «свободные», а Чингисхан собирал монгольский этнос из «людей длинной воли» (читай «свободных»).

Корень «ас» входил и в большинство сарматских племенных названий. Почти все слова, представленные в цепочке — этнонимы. Скажем, аланы — это название народа, а самоназванием было — асы, в славянской транскрипции — ясы. А окончание «-ак, — ах» в древнеиранских языках применялось при образовании существительных от прилагательных и глаголов, оно присутствует в этнонимах «языг», «асиак», «касак», в названии первой парфянской столицы Асаак. Таким образом «казак» в буквальном переводе — что-то вроде «вольник», а если перевести не по форме, а по смыслу — «вольный человек». Легко переводится и «черкас». «Чер» — голова, и это слово можно прочесть или как «главные свободные», «главные асы», или «вольные головы». Обратим внимание, что и казахи, хакасы, сохранившие в этнонимах тот же корень, проживают на территориях, некогда заселенных сарматскими племенами. От которых и перешли сквозь века их названия, хотя сами народы успели измениться, сменить языки, и к казакам, естественно, никакого

отношения не имеют.

Кстати, от скифо-сарматских народов к нам пришли и многие другие названия: Азовское море, Казбек, Кавказ, Азия (слова имеют тот же корень «аз»), а «дан» в древнеиранских языках означало «вода», «река» — отсюда Дон, Днепр (Данапр), Днестр (Данастр), Дунай (Данувий), да и русское «дно». Что же касается древних касиков, то можно еще раз вспомнить: при образовании Алании в нее вошли многочисленные побежденные племена, как сарматские, так и досарматские (в том числе и «кассахи», упомянутые Страбоном). И логично предположить, что после разгрома аланов хазарами эти племена отделились. Причем теперь уже обобщенно обозначили себя «свободными» — «касаками». Какие-то из них назвались и «черкасами» (но не черкесами — это не самоназвание, а прозвище, данное аланами, означает «головорезы»). Арабский историк Масуди описывал очень красноречиво: «За царством алан находится народ, именуемый касик, живущий между горой Кабх (Казбек) и Румским (Черным) морем. Народ этот исповедует веру магов. Среди племен тех мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более выпуклой линией бедер и ягодиц. Наедине их женщины, как описывают, отличаются сладостностью. Аланы более сильны, чем касики. Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В таком случае ни аланы, ни какой другой народ не смогли бы их покорить». Как видим, и Масуди отметил, что это был не один народ, а раздробленные племена.

2. ИЗНАЧАЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЕГО ГИБЕЛЬ

Изгнание из Причерноморья болгар вызвало и другие изменения на карте здешних мест. По Донцу и Дону расселились северяне, хотя население здесь оставалось смешанным, археологи отмечают одновременное сосуществование разных культур. Но арабы и персы стали называть Дон «Русской рекой» или «Славянской рекой». Поселения русов возникли и в Приазовье, в Крыму. С VIII в. греки упоминают флотилии русов. Северяне были союзниками хазар, вместе с ними отражали натиск арабов, рвавшихся из Закавказья на север. Уже начало распространяться и христианство, от Константинопольской патриархии была учреждена Хазарско-Хорезмийская митрополия.

Однако в 808 г. в Хазарском каганате произошел переворот, власть захватила иудейская купеческая верхушка. И из военной державы он превратился в торговую, что стало бедствием для окрестных народов — основными товарами, которые Хазария поставляла в страны Востока, были меха и рабы. Каганат принялся поработать соседей, облагая тяжелой данью. А христиане подверглись гонениям, бежали на окраины государства, укрывались и на Дону. В 834 г. византийский инженер Петрона Коматир, присланный по просьбе кагана для строительства крепости Саркел (ныне затоплена Цимлянским морем), обнаружил, что здешнее население — христиане и запроектировал в цитадели храм. Но иудейское руководство не позволило его возвести, завезенные для церкви капители и колонны были брошены в степи, где их и нашли археологи в 1935 г.

Северяне отступили с Дона и Донца на Десну. А каганат, как страшный паук, все шире раскидывал паутину, захватывая в нее славянские, кавказские, финно-угорские народы. По Дону, Осколу, Донцу возникла система крепостей-замков (археологи обнаружили их более 300), продвигавшаяся на запад и достигшая Днепра (в с. Вознесенка около Запорожья). Сами хазарские евреи воинами не были, в крепостях несли службу какие-то другие племена. Причем выявлены не только мужские, но и женские воинские погребения, что было характерно для сарматских народов (от которых и пошла легенда об «амазонках»). Но установлено, что хозяева им не доверяли. Внутри цитаделей жили только властители, а гарнизоны располагались во внешнем обводе укреплений. По рисункам и надписям, нацарапанным часовыми, обнаружено, что даже и посты несли службу не с внутренней, а с внешней стороны стен! [80]

В IX в. у хазар появился сильный противник, князя из династии Рюриковичей. Борьба шла с переменным успехом, пока в 965 г. Святослав Игоревич не нанес каганату смертельный удар. Сокрушил войско хазар, разрушил Итиль, Семендер на Тереке, Саркел, победил и вассалов каганата, ясов и касаков. Согласно Иоакимовской летописи, часть из них он «приведе Киеву» на поселение — вероятно, некоторые из подневольных племен в войне перешли на его сторону. А на месте Саркела была отстроена крепость Белая Вежа — Дон стал границей Киевской Руси.

Сын Святослава св. Владимир в 984–985 гг. покорил последний осколок Хазарии Таматарху (Тамань), основав здесь Тмутараканское удельное княжество. Правящая верхушка в нем была русской, а основную часть населения составили касаки. Их отношения с русичами начались с противостояния, с поединка между Мстиславом Владимировичем и вождем **Редедей**, однако после победы князя местные племена признали подданство и были установлены вполне дружеские связи. Касаки вступали в дружины русских князей, часть их приняла крещение.

При Владимире Красно-Солнышко создавались и системы пограничной обороны. Поскольку Русь постоянно тревожили набегами печенег, князь стал строить систему крепостей по Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне. Кроме того, в противовес печенегам Владимир начал привлекать на службу торков — ветвь туркмен, отказавшуюся принять ислам и изгнанную из Средней Азии. Эту практику продолжили преемники Владимира, «осаживая» в Поднепровье для защиты своих границ торков, черных клобуков (каракалпаков), берендеев (угров), союзную часть половцев.

Но с XI в. Киевская Русь стала дробиться и втягиваться во внутренние распри. В 1094 г. князь Олег Святославович навсегда оставил Тмутаракань — отдал ее грекам, а сам с войском из русских, касаков и половцев ушел добывать Черниговский стол. В 1117 г. был выведен гарнизон и из Белой Вежи. Однако за 150 лет русские прижились здесь, и многие, естественно, остались. *Смешанное русскоязычное население на Дону получило название «бродников»* — не от слова «бродить», а от «брод». Через территорию Дона проходили важные торговые пути, и бродники селились вблизи переправ, волоков, обслуживая их, подрабатывали в качестве лодочников, проводников. Разводили овец, ловили рыбу, торговали своей продукцией. Живя в окружении степняков, конечно, вырабатывали в себе и воинские навыки. О бродниках упоминают не только русские летописи, но и западные источники.

Существовали в Древней Руси были и места, подобные Запорожской Сечи. Базы, где собиралась всевозможная вооруженная вольница, сперва возникли на «Белобережье» (Кинбурнской косе) и близлежащих островах. Греки называли этих удальцов, тревоживших их морскими набегами, «русскими-дромитами» (от Ахиллова Дрома — Тендровской косы). Позже на Днестре возник «вольный город» Берлад, собиравший разноплеменных «берладников».

Как известно, Киевская Русь, подорвав свои силы в междоусобицах, стала добычей татаро-монголов. Обвинять бродников в том, что они в 1223 г. на Калке изменили Руси, некорректно. Во-первых, они уже более ста лет не относились к Руси. Во-вторых, русские князья выступали в поддержку половцев, с которыми бродники враждовали. Поэтому бродники приняли сторону пришельцев по принципу «враг моего врага — мой друг». Ну а в 1237–1241 гг. нашествие Батые добило и поработило Русь.

Историк **А.А. Гордеев** [35] связывает начало казачества как раз с Золотой Ордой. Но его теория ошибочна. Автор был эмигрантом уже не первого поколения, нередко даже путался в русских словах, терминах. И пользовался зарубежными источниками сомнительной достоверности, тенденциозными, а то и совершенно ложными. Свои выводы он построил на предпосылках, будто русским князьям под властью Орды не позволялось иметь вооруженные дружины, а десятая часть населения ежегодно угонялась в рабство и использовалась ханами для охраны границ, откуда и появилось казачество. Исторической действительности эти предпосылки не соответствуют. В составе Орды у русских

сохранялись и дружины, и городские ополчения, велись войны с немцами, шведами, литовцами. Ежегодных угонов десятой части людей не выдержал бы ни один народ. (Если хотите, возьмите карандаш и посчитайте — через 15 лет от народа осталась бы пятая часть). И никто, разумеется, не стал бы «оказачивать» невольников. Представьте сами — если человека, угнанного с родины, поселить в степи, дать оружие, коней, долго ли он останется на месте? Угоны в рабство действительно имели место, но носили характер разовых акций, для ханов важнее было получить деньги. А из подневольных русских воинов, взятых в Орду, составили особые полки и отправили подальше от родных мест, в Китай. Там они хорошо известны, имели свои поселения возле Пекина и были истреблены в XIV в. в ходе антимонгольских восстаний.

Однако на Дону сохранилось прежнее оседлое население — бродники, проявившие лояльность к татарам. Французский посол Робрук, проезжавший в 1252–1253 гг. через земли Дона, сообщал: «Повсюду среди татар разбросаны поселения русов; русы смешались с татарами и в смешении с ними превратились в закаленных воинов; усвоили их порядки, а также одежду и образ жизни. Средства для жизни добывают войной, охотой, рыбной ловлей и огородничеством. Для защиты от холода и непогоды строят землянки и постройки из хвороста; своим женам и дочерям не отказывают в богатых подарках и нарядах. Женщины украшают свои головы головными уборами, похожими на головной убор француженок, низ платья опушают мехами выдры, белки и горностая. Мужчины носят короткую одежду: кафтаны, чекмени и барашковые шапки. В смешении с другими народами русы образовали особый народ, добывающий все необходимое войной и другими промыслами... Все пути передвижения в обширной стране обслуживаются русами; на переправах рек повсюду русы, имеющие на каждой переправе по три парома».

Писалось это всего через 10 лет после Батыева нашествия, и об «усвоении» татарских обычаев говорить не приходится. Способы хозяйствования, жилища, наряды, о которых рассказывается, совершенно не соответствуют монгольским. Просто Робрук видел бродников, которые и раньше жили подобным образом. Л.Н. Гумилев в 1965 г. при раскопках на берегу Цимлянского моря обнаружил остатки селения, в том числе камень от очага, пряслице от веретена — здесь обитали семейные люди. Тут же на небольшом пространстве 17x14 м были найдены многочисленные фрагменты керамики, и разные образцы ее датировались в диапазоне от X до XV вв. Люди непрерывно жили на одном и том же месте и до Орды, и во время Орды.

Но население Приазовья не желало покориться, и после своего рейда в Европу Батый жестоко усмирил восстание местных племен. Они были разгромлены, г. Тана (Азов) разрушен и вырезан. И «страна Касакия» из всех источников исчезает. На ее месте обосновалась Ногайская орда. *Однако исчезает и этноним бродников (в последний раз они упоминаются в 1254 г.) — позже сменяясь на «казаки»*. Напрашивается вывод, что подвергшиеся погрому племена казаков распались. Одни отступили в горы — они стали предками черкесов, карачаевцев, кабардинцев. Другие бежали, укрываясь в болотах Приазовья, лесах донских притоков. Смешались с местными жителями и передали им свой этноним.

Доказательства таких миграций имеются. Так, авторы античных времен и раннего Средневековья локализуют племя чигов на Нижней Кубани и черноморском побережье Кавказа. Некоторые выделяли его, некоторые смешивали с казаками. Впоследствии чиги обнаруживаются на Верхнем Дону и Хопре [38, 39]. В казачий лексикон вошли связанные с ними слова «чигонаки» (селения в болотистых низинах), «чигин» — поясной кошелек, «чикилеки» (женское украшение), прозвище «чига востропузая». Какая-то их часть ушла и в Поднепровье, где их этноним зафиксировался в названии Чигирин. А этноним черкасов — в названии города Черкассы. Общий ход и механизмы переселений остаются нам неизвестным. Например, русские источники XVI–XVII вв. именовали термином «черкасы» как кабардинцев, так и украинских казаков, но не донских. Почему — мы не знаем, но какая-то причина для такой градации имелась, тогдашние приказные чиновники ее вполне

представляли.

Хотя, повторюсь, напрямую соотносить прикубанских касаков с казаками нельзя. Они тоже стали лишь одним из корней формирования казачества, влившись в прежнее смешанное население. А общей основой для такого объединения становились русский язык и Православие. Великую силу Православия в полной мере осознавал первый устроитель Руси после татарского нашествия, св. благоверный князь **Александр Невский**. И именно он обеспечил духовную связку казачества и русского государства. Поднепровский Переяславль был почти стерт с лица земли, и в 1261 г. Александр Невский добился разрешения хана Берке, чтобы резиденция Переяславского епископа была перенесена в столицу Орды Сарай, возникла Сарско-Подонская епархия. Из самого названия видно, что значительная часть паствы жила по Дону. А подчинялась епархия митрополиту Всея Руси, резиденция которого в 1299 г. была перенесена из Киева во Владимир, а потом в Москву. И таким образом через Церковь установились связи казаков с новым центром русских земель.

Правда, информация о казаках в этот период неясна и расплывчата. Они упоминаются в составе отрядов, сопровождавших баскаков, в составе ордынских войск. Но это могли быть еще те же кубанские касаки, пристраивавшиеся служить где получится. Впрочем, и донские казаки служили ордынским ханам, участвовали в их войнах. Хотя порой и разбойничали. Робрук писал, что русы, аланы и другие собираются ватагами по 20–30 человек и «шалют» на дорогах.

А в 1380 г. казаки впервые выступили в том качестве, в котором им впоследствии суждено было прославиться. В качестве воинов Христовых. Когда великий князь Московский **Дмитрий Иванович** собирал рати, готовясь выступить против Мамаю, поддержали его далеко не все русские земли. Не прислали свои полки Великий Новгород, Тверь, двоякую позицию заняла Рязань. А вот казаки пришли. Незадолго до битвы, как сообщает «Гребенная летопись», к князю присоединились казаки городков Сиротина и Гребни: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый казаки в радости встретиша великаго князя Дмитрия, со святыми иконы и со кресты поздравляюще ему об избавление своем от супостата и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквях своих».

Казаки принесли князю Донскую икону Пресвятой Богородицы. «Она была утверждена на древке, как хоругвь, и во все продолжение войны оставалась при русском войске. В день славной Куликовской битвы... икону носили среди православных воинов для ободрения и помощи» [58]. После победы уцелевшие казаки подарили икону св. Дмитрию Донскому. Летопись рассказывает, что князь побывал и в казачьих городках, где ему была подарена еще одна чудотворная икона Божьей Матери — Гребневская (или Гребенская). Эти сведения сохранились и в описании икон [58, 106, 162].

Однако победное торжество оказалось непродолжительным. Уже в 1382 г. Москва была захвачена и сожжена Тохтамышем. А затем пришла беда и на казаков. Неумный и коварный Тохтамыш захватил престол Орды при поддержке властителя Средней Азии Тимура Тамерлана. Но тут же поссорился со своим благодетелем, «отплатив» набегам на его владения. Тамерлан несколько раз бил его, совершал ответные вторжения, однако все повторялось. И расвирепевший Тимур, в 1395 г., разгромив татар на Тереке, решил подчистую разорить все земли противника. Тохтамыш удрал в Литву. А полчища Тимура, преследуя отступающих и уничтожая все на своем пути, дошли до Днепра. «Прочесали» степь, и Тамерлан двинулся на ханского вассала — на Москву. Был взят и выжжен Елец. Сын Дмитрия Донского Василий собирал войска. Но, осознавая мощь врага, люди ждали катастрофы и молились. В Москву была принесена Владимирская икона Пресвятой Богородицы — и произошло чудо. Тимуру во сне привиделась великая горы, на которой стояла сама Божья Матерь в окружении Небесного Воинства. И завоеватель вдруг повернул назад.

Историки называют и другую причину отступления — дескать, в тылах «черкесы» пожгли степи. Но доверия это не вызывает. От Ельца до Кубани далеко, и на положении

армии Тамерлана диверсии черкесов сказаться никак не могли. Другое дело, если степи начали жечь казаки. И косвенным доказательством того, что они пытались вести партизанскую борьбу, служат дальнейшие действия Тимура. Он разделил армию надвое. Одна половина пошла на Крым, другая стала спускаться по Дону. Хроники Шереф-ад-Дина Йезди и Низама ад-Дина Шами восторженно описывают итоги похода «на Машкав» (Москву) — мол, были одержаны победы «над эмирами русскими... вне города», захвачены многочисленные «подобные пери русские женщины — как будто розы, набитые в русский холст», взята большая добыча: «рудное золото и чистое серебро, затмевающее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканые ткани... блестящие бобры, черные соболя, горностаи... меха рыси... блестящие белки и красные, как рубин, лисицы, равно как и жеребцы, еще не видевшие подков...»

Но ведь Тимур до Москвы не дошел! А в прикордонном Ельце такой добычи быть не могло. Так где же одерживались победы, набирались пленницы и трофеи? Это могло быть только на Дону. И подтверждением служат записи диакона Игнатия, проезжавшего из Москвы в Константинополь в 1399 г., через 4 года после нашествия: «По Дону никакого населения нет, только виднелись развалины многих городков...» То есть в составе Орды казаки чувствовали себя уже достаточно вольготно, строили «многие городки» на виду. А удар Тамерлана не был локальным набегом. Его армия целенаправленно «прочесала» весь Дон сверху донизу. Те самые украшения, меха и наряды, которые зарабатывались службой и которыми, по Робруку, казаки любили баловать жен и дочерей, стали вражеской добычей, а сами жены и дочери, «подобные пери», угодили на невольничьи рынки и в гаремы. Рейд по Дону завершился взятием Азова. Дальше Тамерлан прокатился по Северному Кавказу, уничтожая селения и жителей, разграбил Астрахань, Сарай и удалился в Закавказье [38].

Таким образом «изначальное» донское казачество было уничтожено. Уцелевшие бежали кто куда. Предания, записанные в XVIII в. Рычковым, Рукавишниковым, Акутиным связывают с нашествием Тамерлана первое появление казаков на Яике — атаман **Василий Гугня** с отрядом из 30 донцов и одного татарина перебрался на эту реку. Встретили группу татар и побили их, кроме женщины, на которой Гугня женился. После чего к отряду присоединилось много татар, бежавших из Астрахани [153]. Легенда о том, будто до «бабушки-Гугнихи» казаки не женились, сходились с женщинами на время, бросали их, отправляясь в новый поход, а прижитых детей убивали, разумеется, относится к разряду сказок. Как мы видели, на Дону испокон веков жили семьями. Но целиком отвергать предание, как это делали историки XIX в., нельзя. Народная память зафиксировала важные и исторически верные факты. И миграции с Дона, вызванные именно Тамерланом. И даже последовательность разорения — сперва Дона, потом Астрахани. Вычитать это в каких-либо источниках неграмотные казаки, сохранявшие устные предания, никак не могли. Хотя постоянных поселений на Яике в данное время еще не возникло. Казаки лишь стали приходить сюда, а обосновались уже позже, в XVI в.

Но уходили не только на далекий Яик. Часть казаков бежала в Крым, *многие перебрались в Поднепровье, принадлежавшее Литве*. Она не знала татарского ига и быстро усиливалась. Прирастала не отдельными городами, как Москва, а целыми областями — русские удельные князья добровольно переходили под власть Гедиминовичей, чтобы обрести защиту. В Литве взяла верх более высокая русская культура, утвердилось православие, официальным языком стал русский. Правда, в 1386 г. путем династического брака Литва объединилась с Польшей, и государственной религией стал католицизм, но на окраинах это еще не ощущалось. *Часть казаков обрела пристанище во владениях Чернигово-Северских, Рязанских, Московских князей — и появились казаки-севрюки, рязанские, мецкерские казаки.*

3. ОТ РАССЕЯНИЯ К ОРГАНИЗАЦИИ

Дон надолго запустел. И объяснялось это не только тамерлановым разорением. Стала

разваливаться Золотая Орда, и степь превращалась в «Дикое Поле», где месились друг с другом, хищничали и грабили отряды претендентов на престол, отдельных мурз и просто банды. Рухнул весь внутренний порядок державы. Обслуживание тех же переправ, паромов, постоянных дворов, ямских станций больше никого не интересовало. Конечно, при известных навыках человек может прокормиться за счет охоты, рыболовства. Но надо же и одеться, обуться, откуда-то взять оружие, орудия труда... В конце XIV — начале XV вв. на границах русских княжеств отмечалось появление «бездомовного люда». Не только казаков. Из погрязших в междоусобицах ордынских владений уходили жившие там крестьяне, ремесленники, разорившиеся торговцы. Уходили и татары, поступая на службу в Москву и Литву.

Известия о казаках в течение двух столетий эпизодичны. Потому что они выступали не самостоятельной силой, а в составе смешанных контингентов разных государств. Тем не менее, эти упоминания составляют непрерывную цепь и позволяют представить географию расселения казаков по всем окраинам степи. Так, в 1399 г. литовский князь Витовт в союзе с Тохтамышем выступил против ордынского хана Темир-Кутлуга. В составе литовского войска были и днепровские казаки. Но в битве на р. Ворскле оно потерпело страшное поражение. И Витовта спас казак **Мамай**. Три дня блукал с ним в лесу по чащобам, пока Витовт не пообещал ему княжеский титул и город Глинск. Казак сразу же нашел дорогу и стал князем Глинским.

Впоследствии Глинские постарались приукрасить свою родословную и представили казака потомком темника Мамаю. Но это не более чем выдумка. Со времени гибели хана Мамаю прошло всего 18 лет, и трудно предположить, чтобы его сын или внук стал простым казаком, знавшим как свои пять пальцев леса Полтавщины. Да и вообще казак Мамай — один из любимейших героев украинского народного творчества. Его рисовали на дверях хат, скрынях (сундуках), печках. Изображали обычно с бандурой, чаркой, часто вместе с конем Белогривом и песиком Ложкой, сопровождая подписями из стихов и поговорок типа: «Козак — душа праведна, сорочки не мае, колы не пье, то вошу бье, а все не гуляе». Подобные рисунки были распространены повсеместно, впоследствии они с запорожцами перекочевали и на Кубань. И совершенно невероятно, чтобы у простонародья пользовались такой популярностью родичи хана Мамаю. Скорее, прозвище «Мамай», прилепленное по тому или иному поводу, было распространено среди казаков, вот и стало обозначать фольклорного «обобщенного» казака. А Иван Грозный, по матери потомок Глинских, таким образом имел в своих жилах не татарскую, а казачью кровь.

Известно, что казаки сражались в 1410 г. в битве при Грюнвальде в составе польско-литовской армии. Неплохим пристанищем у казаков считались и богатые торговые города Кафа (Феодосия), Сугдея (Судак), Тана (Азов). Умиравшая Византия отдала их генуэзцам, которые пользовались наемными воинами и хорошо платили. В уставе Кафы (1449 г.) п. 66 гласил «если случится, что будет взята какая-нибудь добыча на суше казаками, или оргузиями, или кафскими людьми», запрещалось отбирать ее и взимать с нее налоги. В уставах Солдаи и Чембало требовалось, чтобы казаки, если возьмут добычу, выделяли четвертую часть консулу города, а остальные три четверти делились пополам между казаками и городской общиной [57]. Венецианец Барбаро, живший в 1436–1452 гг. в Крыму и на Руси, писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называвшийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русско-татарском языке», указывал, что они имели выборных предводителей.

В 1444 г. летописи говорят о рязанских казаках — зимой вторглись татары под предводительством ордынского царевича, казаки выступили против них на «артах» (легких санях или лыжах) и отбили нападение. Между тем Золотая Орда совсем развалилась. Выделились самостоятельные Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Ногайская орда. Все они враждовали между собой. А Сарай пришел в упадок. И пребывание в нем Сарско-Подонской епархии теряло смысл. В 1460 г., при Василии II Темном, епископ Вассиан был переведен в Москву. Резиденцию ему выделили на Крутицком подворье при

храме свв. Петра и Павла, и епархия стала называться Крутицкой, сохранив прежнюю задачу — окормлять православное население в татарских владениях.

Московские князья при распаде Орды выбрали союз с Крымом — здешние ханы из династии Гиреев воевали с Литвой, противницей Руси. И враждовали с Сараем и Казанью, которые донимали русских набегами. Казаки же сперва служили во всех ханствах, возникших на месте Орды. Польский историк Ян Длугош писал, что в 1469 г. на Волынь напало крымское войско, состоявшее «из беглецов, добычников и изгнанников, которых они на своем языке называют казаками». При возникновении Казанского ханства на службе у него также отмечены казаки. Но затем сведения о них исчезают — они перешли к единой Руси. В самом первом походе на Казань, предпринятом в 1467 г. Иваном III, в его войско входил отряд казаков под началом атамана **Ивана Руды**. Он отличился, первым ворвавшись в город, но атаман заслужил царскую опалу за своеволие и недисциплинированность.

Однако в это время кардинально изменилась международная обстановка. Погибла Византия. А в 1475 г. турки предприняли экспедицию в Крым. Генуэзцы воззвали о помощи. Польский король Казимир откликнулся, но не рискнул вступать в открытый конфликт с османами и прислал для защиты Кафы казаков [197]. Тем не менее, Кафа была взята и вырезана. Прочие здешние города сдались, а Крымское ханство признало себя вассалом Османской империи. На северных берегах Черного моря начали строиться турецкие крепости.

Но уже входила в силу Русь, став новым мировым центром Православия. Под властью Ивана III она преодолела удельную систему, превратившись в мощную единую державу. В ходе противостояния с Ахматом сбросила остатки ордынской зависимости. Россия начала теснить Литву, отобрав у нее Вязьму, Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский. И в этот период стал заново заселяться Дон. Рязанская княгиня Аграфена, сестра Ивана III, жаловалась ему, что приграничный люд «самодурью» уходит за рубеж. Государь негодовал, требовал пресечь процесс: «А их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовым же и женским делом не отпиралась бы, а по уму бабью не учнешь казнити, ино мне велети казнити и продавати их в окуп». Всего при Иване III на Дон ушло около 4 тыс. человек.

Однако представлять дело так, будто сперва казаки отступили из родных мест на Русь, а потом вернулись, было бы слишком грубым упрощением. Большинство тех, кто покинул Дон сотню лет назад, конечно же, прижилось в рязанских, северских, московских землях, их потомки смешались с коренным населением. Но в семейных преданиях сохранялась память о прежней родине, а ситуация в степях менялась. Основная часть татар теперь тяготела к центрам ханств, а в Диком Поле вместо крупных орд остались рассеянные кочевья и шайки. И некоторые из казаков находили возможным рискнуть. К ним присоединялись другие жители порубежья из самых крутых и отчаянных — и тоже становились казаками. Селились по верховьям Дона, по Вороне, Хопру, Медведице, что давало возможность и вольную жизнь вести, и поддерживать связи с русским приграничьем, торговать там, покупать необходимые вещи.

Азов же после истребления и изгнания генуэзцев очутился на краю Османской империи, у властей до него долгое время руки не доходили. Местные казаки стали считать его своей «столицей», жили в полной воле, не подчиняясь никому, нападали на турок и их вассалов. Наконец, в 1502 г. султан повелел Крымскому хану Менгли-Гирею навести порядок, а «всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». Хан предпринял экспедицию и занял Азов. А казаки отступили от устья Дона вверх по реке, основав свои городки.

Так возникли верховое казачество — костяк его составили выходцы с Руси, и низовое — его основой стали азовские казаки. Они были разделены, так как места у Переволоки лежали близко от Астраханской орды и оставались слишком опасными. Но и сами по себе казачьи сообщества не были централизованными. Городки и станицы (изначально станицами назывались не населенные пункты, а отряды) существовали независимо, избирали

собственных атаманов. А объединялись и ставили над собой общего руководителя только на время совместных предприятий. В связи с этим возникло два центра донских казаков — Раздоры возле впадения в Дон Северского Донца и Верхние Раздоры на Медведице. Здесь собирались для совместных походов, проводили выборы, а потом делили добычу. Как выборы, так и дуван не обходились без конфликтов, откуда и названия городков.

В период распада Орды среди казаков нередко встречаются и тюркские имена. Что вполне естественно — лихие татарские воины, потеряв в междоусобицах родных, лишившись средств к существованию, прибивались к казакам, были близки им по быту и становились своими в их среде. Но общим языком, средством «межнационального» общения, был русский, хотя и вобравший в себя тюркские заимствования и термины (впрочем, как и язык Московской Руси в целом). Общей основой оставалась и православная вера. Она давала казакам идеологическое знамя — они осознавали себя защитниками христиан от «басурманских» хищников. И сами отвечали контрударами. В 1503 г. Менгли-Гирей жаловался, что киевские и черкасские казаки ограбили турецких купцов. В 1504 г. просил Ивана III отпустить крымских послов «на зиме... коли казаки не ездят и дорога чиста», а в 1505 г. в переписке отмечалось, что «от казаков страх в поле».

Православие через Крутицкую епархию связывало казачество с Москвой. И в начале XVI в., когда великий князь Василий III решил перевести дипломатические отношения с Турцией на постоянную основу, он пригласил для консультаций донских атаманов (откуда видно, что контакты с ними уже существовали). Атаманы пояснили, что обмениваться посольствами на Переволоке нельзя из-за угрозы со стороны Астрахани, и был выработан механизм, что охрана и сопровождение посольств на Дону будет осуществляться казаками, а встреча и передача дипломатов будет происходить в низовьях Дона и на Медведице. Казакам за такую службу стало выплачиваться жалованье.

Но ситуацию на юге во все больше определяло Крымское ханство. Под покровительством Блистательной Порты (Турции) оно усилилось. Добило Сарайскую орду. Зависимость от Крыма признали народы Северного Кавказа, ногайцы. Развернулось и соперничество за Казань. Русские князья неоднократно совершали походы на нее, возводя на престол своих ставленников. Однако крымские Гирей теперь считали себя правопреемниками Золотой Орды. Вмешивались в казанские дела, пророссийские ханы свергались, заменяясь антироссийскими. Мало того, чувствуя себя неуязвимым под эгидой Османской империи и получив выход на ее рынки, Крым занялся очень выгодным промыслом — охотой за рабами. Ежегодно татарские загоны стали выплескиваться за «ясырем», разоряя окраины России, Литвы, Польши.

Московская Русь зарождалась и росла как государство централизованное. Еще с Дмитрия Донского она каждое лето выводила войска на Окский рубеж. А при Василии III начали строиться гигантские фортификационные сооружения — засечные черты. В лесах рубилась сплошные завалы из деревьев, на открытых местах копались ров и насыпался вал с палисадами. Эти укрепления тянулись по линии Болхова — Белева — Одоева — Тулы — Венева — Рязани. Прикрыть такую протяженность войсками было невозможно, но засечные черты являлись препятствием для конницы. Ей приходилось останавливаться, рубить проходы или штурмовать города-крепости, что давало возможность стянуть силы на угрожаемый участок. А для службы на засечных чертах правительство стало привлекать казаков. И тех, кто уже раньше осел в русском приграничье, и вольных. Им давали места для поселения, освобождали от податей, платили жалованье, а они за это выставляли посты, высылали разъезды, составляли гарнизоны укрепленных слобод и городов. *Так возникло служилое казачество, прикрывшее Рязанскую, Рязско-Сапожковскую, Липскую засеки*. Служилые казаки имели связи и с донскими, присылавшими предупреждения об опасности.

В Речи Посполитой дела обстояли иначе — спецификой этой державы были ее «свободы». Не для всех, только для знати, определявшей решения сената и сейма. Короли не имели ни реальной силы, ни денег, ни своей армии. Осуществить такие оборонительные мероприятия, как Москва, поляки не могли. Единственной силой, противостоявшей

степнякам, тут были поднепровские казаки. К их помощи обращались и магнаты, чьи владения опустошались татарами. Эти паны и сами были русскими по крови, еще держались православия. В конце XV в. казаки служили у киевского воеводы Дмитрия Путятича. *А в 1506 г. аристократ Ляндскоронский и «знаменитый казак» Евстафий Дашкевич занялись организацией войска из казаков*. Ляндскоронский стал их гетманом, и в 1517 г. за успехи в войне с турками Сигизмунд I даровал казачеству «вольность и землю выше и ниже порогов по обеих сторон Днепра». Даровал так запросто, потому что поднепровские территории, постоянно находящиеся под угрозой набегов, лежали в запустении и никому из дворян были еще не нужны.

Главными базами казаков являлись Канев и Черкассы. Здесь степные воины зимовали, а летом выходили на охрану рубежей и на промысел в Дикое Поле. Но служба их не была государственной, они действовали по собственному разумению, причем разные общины казаков поддерживали друг с другом контакты. Днепровские казаки дружили с российскими поданными, севрюками, нередко промышляли рыбу на «северских реках». Ходили и на Дон, в 1517 г. там побывал Ляндскоронский, построив несколько городков. В 1527 г. крымский хан, заключивший союз с Польшей против России, писал королю: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям». Жаловался, что они напали на татарские тылы, когда «я шел на Московского князя... Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (*Московского князя*) под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву» [57].

В России организация казачества началась при **Иване Грозном**. Уже в начале его правления казаки все чаще фигурируют в дипломатической переписке. В 1538 г. при переговорах с Москвой на них жаловались ногайцы. Российские власти признавали наличие казаков в степи, но указывали, что за их действия не отвечают: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные ходят баловни казаки, а и наших украин (*окраин*) казаки, с ними смешавшись, ходят». В действительности ходили не только «баловни». Служилые казаки порубежья не ограничивались пассивной обороной, сами совершали вылазки в степь, объединяясь при этом с вольными казаками. В 1546 г. путивльский воевода доносил царю: «Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасцев (*украинцев*), и кыян, и твоих государевых, вышли, государь, на поле изо всех украин».

Количество вольных казаков множилось за счет добровольцев, беглецов из плена. И от Ногайской орды сыпались все новые жалобы. То на «казаков-севрюков» и «всю русь», осевшую на Дону, требуя «свести их» с этой реки. То на некоего **Сары-Азмана**, который со своим отрядом «на Дону в трех или четырех местах города поделали... да наших послов и людей стерегут и разбивают». Москва не отрицала, что Сары-Азман прежде служил царю, но потом ушел «в поле». В общем, ответы были стандартными — за действия таких ватаг Русь ответственности не несет, они «как вам, так и нам тати», вот и разбирайтесь с ними сами.

Но воспринимать подобные отписки буквально (как нередко делают историки) нельзя. Ногайцы, крымцы, казанцы, астраханцы вовсе не были невинными овечками. Русь страдала от них очень сильно. Причем не помогали никакие договоры. Когда московскому правительству удалось заключить соглашение о мире и дружбе со Стамбулом, и султан Сулейман в 1521 г. запретил Крымскому хану набег, тот ответил: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?» Даже и денежные «поминки» Крыму (татары называли их данью) не спасали. Если сам хан соглашался не предпринимать походов, он отпускал «подкормиться» своих мурз, царевичей, иначе подданные его просто свергли бы. Страдала и торговля. Достаточно почитать «Хождение за три моря» Никитина, как караван купцов захватили и разграбили астраханцы, хотя он плыл вместе с посольством. А те же ногайцы на жалобы о нападениях на купцов отнекивались — дескать, не мы, «на поле всегда лихих людей много... и тех людей кому мочно знати, хто ни ограбит тот имени своего не скажет». Москва старалась не вступать в открытый конфликт с соседями. Но с помощью казаков отвечала «неофициально», имея

возможность тоже отнекиваться и разводиться руками.

А в 1540-х гг. против России развернулась настоящая необъявленная война. Боярское правление при малолетнем Иване IV принесло стране массу злоупотреблений, раздраз, смуты. Казна разворовывалась. Пошел развал в армии. Засечные черты остались недостроенными. А Крым и Турция не преминули воспользоваться такой ситуацией, чтобы подмять Московское государство. Крымцы опять усадили своего ставленника на престол Казани, подчинили Астрахань. Образовался единый фронт, охватывающий Русь полукольцом. Набеги резко активизировались. Современник писал: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте». Дошло уже и до того, что Казань требовала платить «выход» — такой же, как когда-то Золотой Орде. А крымский Сахиб-Гирей прямо писал царю, что турецкий султан «вселенную покорил», и «дай Боже нам ему твоя земля показать». В походе крымцев на Русь в 1541 г. участвовали не только татары и ногаи, но и «турского царя люди с пушками и с пищальми» [171].

Становилось ясно, что петлю, стягивающуюся вокруг Москвы, надо решительно разрубить. И самостоятельное правление Ивана Грозного началось с Казанской войны. Реорганизовывалась и усиливалась армия, она состояла из поместной конницы — бояр, дворян и детей боярских (мелкопоместных дворян), формировались полки регулярной пехоты, стрельцов. Войско включало и казаков, как служилых, так и вольных — их нанимали за плату отрядами во главе со своими выборными атаманами. Но первые походы на Казань в 1547 и 1550 гг. были неудачными. Тогда царь изменил тактику, весной 1551 г. была построена крепость Свияжск. Небольшая, казанцы ей не придали значения. Однако в крепости вместе с гарнизоном были размещены казаки. Они перекрыли «сторожами» сообщение между Казанью и Крымом, несколькими рейдами привели «под государеву руку» окрестные племена горной (правобережной) черемисы. И уже вместе с черемисами начали «на луговую (левобережную) сторону ходити воевать и языков добывать». Эти нападения вызвали в Казани панику, внутренний раскол, и уже летом ханство запросило о мире. Условия были продиктованы жесткие. Казань возвращала всех русских невольников (их набралось 60 тыс.!), выдавала царю крымского царевича с матерью и становилась вассалом Москвы, принимая на престол касимовского служилого «царя» Шах-Али и русский отряд. По сути, ханство капитулировало.

Но мир был недолгим. Крымский Девлет-Гирей и султан Сулейман тут же направили послов в Астрахань и Ногайскую орду, призывая к войне с русскими. Их эмиссары постарались взбунтовать казанцев. Шах-Али поспешил уехать, русские чиновники и дети боярские, оставшиеся в городе, были перебиты, Казань провозгласила ханом астраханского царевича Ядигера. Переворот привел царя к выводу, что полумерами ограничиваться больше нельзя, и с самостоятельностью Казани надо покончить. В 1552 г. он стал собирать рать для решающего удара. Девлет-Гирей попытался предотвратить его, двинул на Москву крымскую орду, усиленную турецкой артиллерией и янычарами. Но об этом вовремя предупредили донские казаки. Русское войско выступило на юг, отразило татар под Тулой, а уж потом повернуло на восток.

Казаки в этой кампании участвовали очень активно. В донской песне взять Казань помогает Ермак Тимофеевич. Но это фольклорная фантазия более поздних времен. А в начале XVII в. на Дону еще помнили подлинные события и писали: «В которое время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы и казаки выходили з Дону и с Волги и с Яика и с Терека». А возглавил их атаман **Сусар Федоров** [171, 219]. Отсюда видно: во-первых, что к середине XVI в. казаки уже жили и промышляли на перечисленных реках; во-вторых — что Москва, несмотря на дипломатические отговорки перед татарами, поддерживала с казаками неплохие отношения; а в-третьих, что сами казаки на различных реках были связаны между собой. Осада Казани была очень трудной. Город жестоко сопротивлялся. Корпус хана Епанчи совершал нападения на тылы. С 30 сентября начались кровопролитные атаки крепости. А в день Покрова Пресвятой Богородицы, 2 октября, были

взорваны мины, и летопись сообщает, как пошли на штурм «многие атаманы и казаки, и стрельцы, и многие дети боярские, и охотники». Казань пала. За проявленный героизм казакам, первым ворвавшимся в город, Иван Грозный пожаловал в вечное владение Тихий Дон со всеми притоками. Эта грамота не сохранилась, но казачество о ней всегда помнило. И именно в связи с Казанским взятием Покров Пресвятой Богородицы стал почитаться у казаков особенным, своим праздником. Общим — ведь в этой войне впервые выступили вместе донские, терские, волжские, яицкие казаки. И днепровские тоже, их привлекали на службу в качестве наемников. *А значит, эту дату, Покров Пресвятой Богородицы 1552 г., наверное, правомочно рассматривать как некую точку отсчета, как дату рождения российского казачества.*

4. О ТРАДИЦИЯХ

Но в этой точке, на переходе, так сказать, от «предыстории» к истории казачества, целесообразно остановиться. Потому что факты свидетельствуют: на историческую арену оно вышло весомой силой, в значительной мере сложившейся общностью, с уже сформировавшимися традициями — братства, самоуправления, самоорганизации, казачьего обычного права. Такой комплекс традиций никак не мог возникнуть сразу, случайным образом. И можно показать, что он вырабатывался в течение долгого времени, веками. Например, обычаи воинского круга были присущи многим древним народам — германским, славянским, есть версия, что и у скифов цари выбирались на кругу. Но от древнерусского веча и земских сходов Средневековой Руси казачий круг значительно отличался как по ритуалу, так и по функциям. Он был не только избирательным, но и высшим законодательным, административным и судебным органом с огромными полномочиями.

Как уже отмечалось, слово «казак» сарматское. И атаманская булава тоже пришла к казакам от сарматских народов. У них она являлась символом власти князей и военачальников, «булавы вождей» считаются у археологов характерной особенностью сарматских погребений. А само слово «атаман» северное, оно встречается в новгородских документах. И пришло от варягов, т. е. балтийских русов. В их языке было много германизмов, и «ватт-ман», «атта-ман» называли предводителей варяжских дружин, что означало «отец-витязь», «отец-муж» [106]. Отсюда и казачье «батька-атаман». От этого же народа перешел обычай запорожцев брить голову, оставляя оселедец — у русов оселедец считался признаком знатного рода. Лев Диакон, описывая князя Святослава, упоминает и одну серьгу в ухе. У казаков она означала единственного сына у матери — каковым и являлся Святослав.

Слово «есаул» — тюркское, «хорунжий» — польское, «писарь», «сотник», «судья» — русские. А среди казачьих законов, как уже отмечалось, встречаются и такие, которые действовали еще в начале нашей эры. То есть обычаи, терминология формировались постепенно, заимствуясь от разных народов. Но они отнюдь не случайны. Казаки и их предки почти всегда жили в экстремальных условиях. Для которых такие традиции оказывались оптимальными. Без братства, взаимопомощи было нельзя. Оптимальным являлся и обычай самоорганизации. Ведь любой народ можно покорить или рассеять, если разбить его войско, убить или пленить князя, хана — и обезглавленная, беззащитная общность капитулирует или развалится. Но казаки сами по себе в своей совокупности были войском! И даже если в столкновении с врагом большинство погибнет, но уцелеет хотя бы трое, то они и будут войском. Могут составить круг, выбрать нового атамана и станут костяком для восстановления своей общности. Откуда и пословица «казачьему роду нет переводу».

В дореволюционной и советской историографии была внедрена теория, будто казачество составилось из беглых крепостных и староверов [63,74]. Но почему-то никто из авторов таких утверждений не счел нужным задуматься, что до 1593 г. крепостного права на Руси не существовало, любой крестьянин имел право легально уйти от помещика на Юрьев

день. Церковный же раскол случился в середине XVII в. Казачество сформировалось задолго до этих дат. Да и куда стал бы бежать крестьянин? В татарский плен? Дикое Поле потому и значилось «диким», что без умения владеть оружием, без организации и навыков выжить здесь было невозможно. И привычного хозяйства крестьянин тут никак не смог бы вести.

Существуют и гипотезы, что казаки составились из тех, кто удрал от царских репрессий, из беглых преступников, из шаек разбойников, выходивших в степь пограбить. Эти версии также не выдерживают критики. Разве правдоподобно, чтобы пострадавшие и обиженные в России проявляли такую верность ей, отдавали за нее жизни? Скорее, сомкнулись бы с ее врагами, как и поступали эмигранты в эпоху Ивана Грозного, некрасовцы и т. п. Наконец, попробуйте представить, возможно ли братство и общая спайка между разномастными разбойничьими бандами? А ведь у казаков это было объединяющим началом — братьями считали друг друга казаки Дона, Днепра, Яика, Терека.

Да, казачество интенсивно пополнялось извне. Но за счет кого? В основном — жителей приграничья, привычных к условиям военного быта. Примыкали и просто удальцы, «руку правую потешить», удачи поискать. Давали приток постоянные татарские набеги. Если степняки сожгли деревню, перебили и угнали близких, уцелевший мужик уходил в казаки. У него с татарами были теперь свои счета. Как и у тех, кто бежал из плена. Впрочем, присутствовал и «разбойный элемент». Например, новгородские ушкуйники. Когда Иван III присоединил Новгород, переселив в другие земли часть его жителей, взял под контроль Верхнюю Волгу и Север, прежний промысел ушкуйников стал невозможен. И они подались в казачью среду. Видный исследователь истории Терека, Н.Н. Великая, приводит многочисленные доказательства присутствия в казачьей культуре новгородских элементов [23].

Но, повторюсь, разрозненные группы и одиночки сплотиться в единое явление под названием «казачество» никак не могли бы. А традиции казаков, хоть и имели местные отличия, но их главная основа является общей для всех рек и Войск! И как раз эти традиции становились индикатором принадлежности к казачеству, базой для его формирования. Значит, были и носители традиций. Ими являлись остатки «изначального», древнего казачества. Они и стали костяком, обраставшим новыми людьми, но обеспечивавшим общность и духовное единение. Как и адаптацию к специфическим условиям существования. В XVI–XVII вв. любой пришлый сперва становился «товарищем» старого казака. Который выступал его наставником, опекуном. И лишь прижившись, зарекомендовав себя, человек признавался полноправным казаком [171].

Еще раз коснемся и сказок о том, будто казаки в ту пору не женились. Разумеется, летописи и переписка царей их жен не упоминают, в документах подобного уровня такие вещи никогда не фиксировались. Но никаких законов о безбрачии у казаков не существовало, они не были ни аскетами, ни извращенцами. Запрет на связь с женщинами действовал только в походах, как и «сухой закон» — вполне здравые требования для поддержания дисциплины. На Дону в XVI в. неоднократно упоминаются сыновья казаков, потомственные казаки — а дети без жен, как известно, не получают. В царской грамоте 1624 г. упоминается, что еще раньше, в XVI в., многие донцы имели семьи в российских окраинных городах. Польские источники сообщают о женах днепровских казаков, живших в Черкассах, Каневе, Киеве. Ян Сеннинский писал о казаках: «Женщины у них наравне с мужчинами участвуют в военных действиях». Предания гребенцов говорят, что они издревле жили семьями, часто умыкали на женитьбу девушек у горцев. О семьях сообщают и предания уральцев. А Назаров, сопоставивший прозвища яицких казаков, встречающиеся в документах XVI в., с данными переписей 1632, 1723 гг., метрическими книгами XIX в., выявил четкую преимственность — некоторые прозвища продолжали существовать, превращаясь в фамилии [128]. Кстати, среди прозвищ XVI в. нередко встречается «болдыря» — а по казачьей терминологии так называли сына не-казака и казачки.

Другой вопрос, что многие казаки и впрямь оставались холостыми, не успевая обзавестись семьей из-за бурной и непоседливой жизни. Или становились вдовцами.

Смертность была высокой, а опасность подстерегала каждый час. Один удачный налет на городок, когда казаки в походе — и они остались без жен и детей. Иностранцы посещали Дон уже позже, в начале XVII в. И в своих описаниях отмечали очень большую свободу казачек, их красоту, силу, выносливость, чистоту и опрятность жилищ. Рассказывали и о брачных обычаях. Церквей и священников тут еще не было, и жених приводил невесту на майдан. Атаман перед лицом всех казаков спрашивал молодых, любы ли они друг дружке, и объявлял мужем и женой. Легким был и развод — казак и его супруга снова приходили на майдан, муж свидетельствовал, что она была хорошей женой, но любви больше нет. И слегка отталкивал ее от себя. После чего другой холостяк был вправе накрыть ее полой зипуна, предлагая себя в мужья.

Обычаи, кстати, весьма архаичные и не славянские. На Руси развод был возможен только при уходе одного из супругов в монастырь. Впрочем, и в других вопросах отношение казаков к религии имело свою специфику. В России той эпохи чрезвычайное внимание уделялось внешним атрибутам: постам, регулярному посещению храмов, ритуалам праздников и т. п. Казаки были очень набожны, но выполнять эти требования попросту не могли. Как соблюдать посты, если хлеб покупной и не всегда есть, а основу питания составляют мясо и рыба? Священнослужители иногда имелись, но были и из расстриг, беглых монахов. Это считалось нормальным, где других взять? Иногда навещали священники, командированные Крутицкой епархией. Но часто их обязанности выполняли «уставщики», избранные из своей среды — те, кто лучше знает молитвы. Исповедовались им же или друг другу. А перед боем прикусывали кончик собственной бороды — полагали, что это в какой-то мере заменяет причастие [23].

Была распространенной и такая форма покаяния, как обеты. Искупаться на Крещение, сделать вклад в монастырь. По обетам казаки периодически отправлялись на богомолье в монастыри — то в близлежащие, а то и в далекие, например, на Поморский Север. «Отмаливали грехи», после чего возвращались к привычному образу жизни. Но если, скажем, купец Афанасий Никитин, будучи за границей, не имел возможности соблюдать посты и службы, сбился с календаря церковных праздников и был от этого в ужасе — писал, что теперь его душа наверняка погибла, то казаки так не считали. Они пребывали в уверенности, что служат Богу по-своему, защищая православных людей от басурман. И Господь это учтет. Таким образом, вырабатывалось осознание себя воинами Христовыми. Не в качестве гордыни или претензий на исключительность, а как констатация факта. Воины Христовы, а уж Он разберет, кто достойно послужил Ему, а кто оказался нерадивым.

Вера стала и одним из краеугольных камней традиций. А вторым была воля. Но здесь надо обратить внимание, что в XIX в. либералы произвели подмену понятий, внедрив вместо «воля» — «свобода». Идеализировалась «борьба за свободу», этот термин стал подразумеваться заведомым благом и противопоставлялся «рабству». А в таком контексте как же не согласиться? Однако в XVI–XVII вв. на Руси слово «свобода» применялось очень редко. В ходу был термин «воля». Который совпадает со «свободой» лишь в одном из значений, а в других расходится. Понятие «свобода» чисто механическое. Так, в физике говорят о «степенях свободы». Одна степень — способность частицы телепаться вдоль одной оси, две степени — по двум осям, три — по всем направлениям, четыре — тело вдобавок может вращаться вокруг одной оси, пять — вокруг двух осей, шесть — если способно перемещаться в пространстве и кувыряться как угодно... Термин «воля», в отличие от «свободы», включает в себя целенаправленное, осмысленное начало. Говорят — «моя воля». (В том числе, если сочтено нужным, и воля на то, чтобы ограничить свою свободу). Данное понятие включает и усилие по достижению цели — «волевое усилие», «силу воли». Наконец, оно имеет много уровней. Есть воля одного человека, воля коллектива — которая выше воли индивидуума, есть и Божья Воля...

«Свобода», доведенная до абсолюта, дает анархию, хаос. То бишь, царство лукавого. Воля — нет. Для нее идеалом будет случай, когда воля отдельного человека совпадает по направлению с волей коллектива и с Божьей Волей. И слово «рабство», на самом-то деле,

антоним не для «свободы», а для «воли». Невольник — человек, не способный действовать по своей воле. В наше время можно привести массу примеров, когда люди, юридически вполне свободные, утрачивают собственную волю и живут по манипуляциям пропаганды, бездумно следуют в русле навязанных им стандартов и ценностей. И вот эту разницу важно учитывать для правильного понимания психологии казачества и его истории.

Последующие исследователи внесли и искажение другого порядка — отождествление казаков с легкой конницей. То есть с родом войск. И в итоге ряд современных ученых договаривается до вывода: дескать, в современной войне легкая конница не нужна, поэтому и казачество не имеет будущего. Однако в действительности казаки были конницей далеко не всегда. Изначально они были пехотой и десантниками. Для табунов нужны пастбища, а степь еще принадлежала татарам. В кавалерийских боях с крупными отрядами степняков шансов на победу у казаков было мало. Как и на то, чтобы уйти на конях от татарской погони. Лошади имелись у служилых казаков — для разъездов, сторожевой службы. Вольные казаки тоже умели ездить верхом (как и все тогдашние русские), но использовали коней ограниченно — находясь на службе, для отдельных рейдов и дальних переездов (для чего их угоняли у татар). А главным транспортным средством являлась лодка. И операции чаще всего осуществлялись на лодках. Скрытно подплыть, внезапно высадиться, ударить, а потом отчалили — и попробуй достань на воде. И исчезли в сплетениях рек и протоков.

Основной тактикой была стрелковая. Казаки учились владеть оружием с детства и славились исключительной меткостью. Что и не удивительно, ведь пропитание добывали охотой. Причем в середине XVI в. огнестрельное вооружение применялось еще не слишком широко, но казаки всеми силами стремились обзавестись им — захватить, купить, выменять. И выделялись именно как мастера «огненного боя», оснащенность им была в среднем выше, чем в российской или европейских армиях. В морских столкновениях или при десантировании один борт лодки стрелял, другой перезаряжал ружья. Сметали врага огнем, а потом бросались в сабли.

А на суше казаки проявляли себя отличными фортификаторами. Первым делом старались огородиться, очень быстро возводили «острожки» (иностранцы называют их «фортами»). Или «засекались» завалом срубленных деревьев, делали кольцо из телег. Провоцировали противника на атаку, из-за укрытий косили пулями и стрелами, а потом довершали дело решительной контратакой. Подобную роль играли и укрепления казачьих городков. Преодолеть их вражеская конница не могла. А спешившись, татары в значительной мере теряли боевые качества. Казаки отстреливались, наносили им урон. А вести планомерную осаду, глядишь, и не станут — добыча небольшая, а серьезные потери гарантированы. *Своя «табель о рангах» — атаманы, есаулы, старшины, формировалась у казаков независимо от государственной службы.* Она тоже диктовалась жизнью: чтобы при необходимости быстро сорганизоваться, определить, кто из наличных казаков возглавит отряд.

Ну и в заключение коснемся еще одного вопроса. Древние касоги были отдельным неславянским народом (точнее, группой племен). Но они смешались с бродниками, приняли Православие, пошла широкая подпитка за счет русских, украинцев. Что же получилось? Этнос? Субэтнос? Впрочем, тут встает еще одна проблема... Выясняется, что до сих пор не существует однозначной формулировки, а что же это такое? Все определения этноса и субэтноса, сделанные различными учеными авторами, опровергнуты другими авторами, не менее учеными! Как ни парадоксально, современная наука не установила даже четких признаков, по которым выделяется этнос. Государственность? Нет. Существует множество народов, никогда не имевших своей государственности. Происхождение от общих предков? Опять нет. Оно никогда не может быть полностью общим. И наоборот, общие предки могут оказаться у разных этносов. Потому что любой народ формируется из множества компонентов, да и продолжает вбирать в себя те или иные «добавки» все время своего существования. Это характерно и для русских, и для французов, немцев, турок, американцев...

Казалось бы, однозначный признак — язык... И снова нет! По данному признаку мы должны были бы признать одним народом португальцев и бразильцев. Или испанцев, мексиканцев, кубинцев, филиппинцев. По этому признаку нам пришлось бы признать народом воров, «ботающих» по-фени. Вместе с тем нам пришлось бы считать, что нет немецкого народа, поскольку наречия разных германских земель очень сильно отличаются. Что нет грузинского этноса — там тоже диалекты настолько разнятся, что жители соседних долин могут друг друга не понимать. И что нет еврейского народа — у него много языков: иврит, идиш, английский, русский и др. Так по каким же все-таки признакам выделять народ? Единственный непротиворечивый ответ пока что дал Л.Н. Гумилев — по стереотипам мышления и поведения, по своей традиционной психологии [41]. И это действительно так. В одной и той же жизненной ситуации представители различных этносов поступают по-разному. На один и тот же внешний фактор реагируют не одинаково. Допустим, похвала телесных прелестей жены, высказанная французу, будет воспринята как комплимент, а высказанная грузину — как оскорбление. Над шуткой, смешной для русских, не засмеется американец, он ее просто не поймет. А то, над чем будет ржать американец, покажется русскому пошлым и плоским.

При этом происхождение не всегда играет определяющую роль. Человек вполне может переходить из «системы координат» одного народа в систему другого. Так, о семье одного знакомого, переехавшего в США, мне довелось услышать любопытное высказывание: «У его старшей дочери наша, русская улыбка, а у младшей уже типично американская». Важную роль в таких случаях играет самоосознание человеком принадлежности к той или иной общности: кто для него «свой», а кто «чужие». Младшей девочке оказалось легче осознать себя «настоящей американкой», и она быстрее переняла иноземные стереотипы поведения. Точно так же «обрусевали» немцы, шотландцы, татары, когда порывали с прежней родиной и переходили на службу в Россию, навсегда связав себя с ее обычаями и системами ценностей.

И вот если руководствоваться критериями Л.Н. Гумилева, то казачество, выработавшее свою особую психологию, традиции, поведенческие стереотипы, действительно приобрело признаки народа. Однако и отдельным этносом не стало. С русскими казаков связывало Православие. А по понятиям той эпохи «православный» было тождественно слову «русский». Православные украинцы тогда называли себя «русскими». И человек любой нации, принимая православное крещение, становился «русским», с ним обращались как с полноправным русским. То есть казачество стало субэтносом, «народом внутри народа». Впрочем, ведь и сам по себе великорусский этнос, в XV–XVI вв. только еще формировался, объединяя в одно целое значительно отличавшиеся общности москвитян, новгородцев, рязанцев, смолян, севрюков, финские племена мерян, муромы, чуды, служилых татар, «литву» и т. д.

Но при слиянии особенности всех этих компонентов стирались, а у казаков, наоборот, утверждались и укреплялись. Почему? Тут надо учитывать, что образование любого нового народа — процесс не только благотворный, но и отнюдь не безболезненный. Самые активные, энергичные люди могут противиться «унификации». Они становятся тормозом на пути объективного процесса и, как правило, погибают — это происходило в феодальных и религиозных междоусобицах Западной Европы, Арабского халифата, Индии, Балканских стран. Однако в условиях России нашлась готовая древняя структура — казачество, которая нуждалась именно в таких людях! Вбирала их в себя. И им она вполне подходила, они дали старой форме новое наполнение. Таким образом формирование великорусского этноса и казачества шло одновременно, было «двуединым» процессом. Случай в мировой истории уникальный, оттого и не удастся втиснуть казаков в какую бы то ни было «стандартную» классификацию. Особенностью «двуединого» процесса стало и то, что казаки не отделяли себя от Российского государства (как следовало бы по версии о «беглых» — из самой психологии эмигрантов), а, напротив, крепили связи с ним. И еще одним краеугольным камнем казачьих традиций стал российский патриотизм.

5. КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Казанское взятие стало в истории России столь же важной вехой, как Куликовская битва и Стояние на Угре. Русь уже не только оборонялась от татар, она перешла в наступление! Она красноречиво продемонстрировала свою мощь, и ее зауважали. На сторону царя предпочла перейти Большая Ногайская орда, кочевавшая между Волгой и Яиком. Однако война еще не кончилась, сопротивлялись некоторые районы Казанского ханства, а поддерживал их астраханский хан Ямгурчей. И в 1554 г. русская рать во главе с Юрием Пронским-Шемякой выступила на Астрахань. В этой кампании решающую роль сыграли казаки. Волжцы и донцы, которыми командовал атаман **Федец Павлов**, выступили к Переволоке навстречу воеводе. Но обнаружили выдвигавшееся астраханское войско и возле Черного острова разбили его. Хан бежал. Павлов двинулся следом на стругах, захватил суда с пушками и гарем Ямгурчей. Астрахань сдалась без боя. На ее престол посадили сына ногайского хана Дервиш-Али.

А продвижение на Нижнюю Волгу выводило Россию к Северному Кавказу. Но политическая карта этого региона значительно отличалась от нынешней. В степях Кубани и Ставрополя кочевала Малая Ногайская орда, а горцы разделялись на множество родовых княжеств — черкесских, кабардинских, осетинских, дагестанских. Господствующее положение здесь в то время занимала Кабарда. Она была значительно больше, чем сейчас. Ей принадлежали Пятигорье, территории Карачаево-Черкессии, междуречье Терека и Сунжи. В зависимости от Кабарды находились часть черкесских и чеченских родов. *На Кавказе жили и гребенские казаки, появившиеся тут в XV — начале XVI вв.* По преданиям, первый отряд пришел с Дона во главе с атаманом **Андреем Шарой**. Как показывают исследования, сперва казаки «кочевали в гребнях» (горах) по рекам Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ, Сунжа, в Воздвиженском и Татартупском ущельях, по Качкалыковскому хребту. Оставляли одно место и переходили в другое. Но потом выбрали постоянное пристанище — по р. Сунжа (в фольклоре гребенцов ее зовут Сунжа-матушка) [23]. Здесь казаки установили весьма дружественные отношения с кабардинцами, стали союзниками.

Но в Закавказье шли непрерывные войны между Ираном и Турцией, причем обе державы не оставляли попыток подчинить и Северный Кавказ. Пробовало это сделать и Крымское ханство. Татары и ногайцы теснили горцев, взимали дань не только скотом, но и людьми. Местные народы сопротивлялись, отбивались в своих крепостях. Однако в середине XVI в. хан Девлет-Гирей, получив от турок артиллерию, развернул наступление на адыгов и кабардинцев, разбивая их замки. Требовал признать подданство, принять ислам. И еще до взятия Астрахани посольства черкесских и кабардинских князей прибыли в Москву, просили принять их «под государеву руку» и оказать покровительство.

Для переговоров на Кавказ был направлен дипломат Андрей Щепотьев. И в 1555 г. к Ивану Грозному прибыло новое посольство от кабардинцев, «дало правду на всю землю». В состав посольства входили и гребенские казаки. Царь согласился принять Кабарду в подданство, послы принесли присягу «что им со всею землею Черкасскою служить государю». И любопытно, что правительственные чиновники знали давнюю историю кавказских народов. Или кабардинцы подсказали. Дабы подвести под решение юридическую базу, указывалось, что некогда «черкасы» (кабардинцы) являлись «холопами» Тмутараканских князей, а когда их земля «отошла к нечестивым», «вселились в горы» [35, 199]. То есть мы видим явное подтверждение версии о касогах и черкасах, рассеявшихся в XIII в. под ударами Батая.

А предание гребенцов рассказывает, будто сам Иван Грозный побывал на Тереке, и казаки поставили ему условие — сохранить их волю. Царь согласился и даровал им здешние земли за службу по охране границ. В действительности Грозный никогда на Кавказ не ездил. Очевидно, легенды сохранили память о визите Щепотьева или переговорах в Москве. Но условия зафиксированы верно. Для кавказских народов подданство оставалось чисто

номинальным, сохранялось прежнее управление, законы, дань не взималась, московская администрация не назначалась. Горцы лишь брали обязательство защищать царские владения, получая за это русскую помощь. В том же 1555 г. вассалом царя признал себя Сибирский хан Едигер. Но для него условия подданства были другими, Сибирь стала платить ежегодную дань в тысячу соболей.

Однако турки и крымцы с успехами России отнюдь не смирились. Их эмиссары стали сеять смуту среди волжских народов, подбивали к восстаниям, обещали поддержку. И в 1556 г. изменил астраханский хан Дервиш-Али. К нему из Крыма пришла тысяча конников и янычар, русские, находившиеся в городе, были вероломно перебиты. Отряд воеводы Мансурова, прикрывавший Переволоку, под ударами неприятеля отступил к донским казакам в городок Зимьево. Иван Грозный стал собирать против Астрахани рать под командованием воевод Черемисинова и Писемского. Отличился в этот раз донской атаман **Ляпун Филимонов**. Он понял, насколько важно не упустить время, пока астраханцы не изготовились к обороне. И казаки напали на врага, не дожидаясь воевод. Погромили улусы, нанесли жестокое поражение воинству. Среди астраханцев началась паника, они перепугались мести за содеянное. И прибывшее русское войско нашло город пустым. Многих «бегавших» астраханцев взяли в плен ногайцы, Дервиш-Али удрал в Крым. А Астрахань окончательно вошла в российские владения.

К сожалению, это привело к трениям с казаками. Правительство, которое возглавлял Алексей Адашев, придавало слишком большое значение союзу с ногайцами, склоняло их к переходу в подданство. Но ногайцы издавна конфликтовали с казаками. И выдвинули условия, чтобы их избавили от такого соседства. Москва согласилась. В обмен на присягу о верности было обещано, что царь поставит на Волге стрельцов и «казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет». В столицу пригласили Ляпуна Филимонова, обласкали, пожаловали в чин сына боярского. И назначили во главе «казаков добрых», ему и воеводой Кобелеву ставилась задача — прочих казаков с Волги «всех согнать». Но прежние соратники признали такое поведение атамана изменой казачьему братству. А за измену ответ был один... Филимонова вызвали на круг вольных казаков, он был осужден и казнен.

И все же, несмотря даже на такие эксцессы, казачество в целом оставалось надежнейшим и ценнейшим союзником Москвы. Причем на службу к Ивану Грозному перешли уже и днепровские казаки. А почему ж не перейти, если враги были общими? Татары наведывались на Украину ежегодно. Угоняли то 5, а то и 50 тыс. человек за раз. Возглавлял днепровских казаков князь **Дмитрий Вишневецкий** по прозвищу **Байда**. По происхождению русский, православный. По натуре — рыцарь, отчаянный рубака. Впрочем, был и изрядным авантюристом. Успел послужить даже туркам. Но вернулся обратно к полякам, получил пост старосты Черкасского и Каневского. Казаки его любили, избрали гетманом, и он обратился к царю, предлагая перейти в подданство со своими городами. Иван Грозный войны с Польшей не желал, городов не взял. А вместо этого пожаловал Вишневецкому удельное княжество в России и принял в службу «со всем казацтвом». Таким образом под властью царя собралось казачество всех рек!

И с помощью казаков Россия перешла в наступление уже и на главное гнездо хищников — Крым! В 1556–1559 гг. на него посыпались удары со всех сторон. К казакам посылались русские воеводы с отрядами. На Дон — Данила Чулков, на Днепр — дьяк Ржевский, Данила Адашев. Были разгромлены предместья Очакова, взята крепость Ислам-Кермен на Днепре. *Вишневецкий впервые создал базу в еще пустынном Запорожье, перевез из Ислам-Кермена трофейные пушки на о. Хортица, где и построил первую Сечь.* И татарам только с огромным трудом, после 24 дней атак, удалось заставить казаков отступить с Хортицы. На Дону и Днепре строились лодки, и казачьи эскадры стали выплескиваться в море, нападая на Керчь, Евпаторию и другие населенные пункты Крыма.

Это оказалось очень эффективным. Защитить все побережье было невозможно. Казаки легко находили слабые места, нападали, а пока враг успевал сорганизоваться, уже отчаливали. Захватывалась огромная добыча, освобождались тысячи невольников. Как

докладывал Адашев, «русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала... а ныне морем... в малых челнех якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кров христианскую поганым, здорово отъидоша». Хан Девлет-Гирей пребывал в шоке, «у турского салтана помощи просил» — ждал, что сам Грозный предпримет поход на Крым. Бахчисарайские дипломаты вопили, что Россия действует по «казанскому сценарию». Там, мол, тоже сперва казаков напустили, а потом и захватили.

Тем временем кабардинцы и адыги с гребенцами разорили Темрюк и Тамань. В 1558 г. по приказу царя Вишневецкий с днепровскими казаками совершил поход в Кабарду. Помог ей против ногайцев и вместе с кабардинцами ударил на крымцев. В 1559–1560 гг. кабардинцы с гребенскими казаками совершили два похода в Дагестан против шамхала Тарковского, занимавшего протурецкую позицию. Он был разгромлен и вступил в переговоры о переходе под власть царя. *В эти годы на Кавказе, кроме гребенцов, появилась еще одна, другая община казаков — на Нижнем Тереке (впервые упоминается в 1563 г.)*. Судя по сведениям из дипломатической переписки, что «на Тереке волжские казаки громят» турецких гонцов, и о казаках, «которые Волгою приходят в Терку», нижнетерская община отпочковалась от волжских казаков, построила Трехстенный городок и прочно обосновались в нем.

Однако вскоре политическая ситуация изменилась. Потому что правительство Адашева допустило грубую ошибку: В Прибалтике вел себя враждебно Ливонский орден. Не пропускал в Россию приглашенных мастеров, стратегические товары, заключал союзы с недругами Москвы. Но орден был очень слаб, и правительство сочло, что раздавить его и прорубить выход к Балтике будет легко. А чтобы не вмешалась Польша, Адашев придумал «хитрый» ход — в качестве компенсации предложить ей союз против Крыма. Ну неужели король не согласится, если хан не дает житья обеим державам? Однако Сигизмунд II вовсе не собирался уступать русским Прибалтику. И, невзирая на татарские набеги, не желал крушения Крымского ханства, считая его необходимым противовесом России. Сигизмунда поддержал папа римский. И с его помощью против Москвы вызрел заговор, в который были втянуты Польша, Литва, Ливония, Крым, Турция. При переговорах с царскими дипломатами король обманул. На словах соглашался на альянс, но от конкретных обязательств под разными предлогами уклонялся, а сам... тайно заключил союз с Девлет-Гиреем. И русское правительство попало в расставленную ловушку. Не завершив одной войны, ввязалось в другую.

В 1558 г. царское войско выступило на запад. Сперва все шло, как по писаному. Ливония удара не выдержала, ее города сдавались один за другим. А казаки продолжали рейды на Крым. Вдобавок раздули смуту в принадлежавшей туркам Молдавии, посадили на ее престол самозванца Василида. Но Ливонский орден отдался вдруг под покровительство Польши. Вмешались и Швеция. И Москва неожиданно для себя оказалась перед лицом нескольких сильных врагов. Уже с 1561 г. царю пришлось менять политику. Он дал знать в Крым, что готов мириться и выплатить большие «поминки». Не тут-то было! Девлет-Гирей тоже прекрасно понимал, в каком трудном положении очутились русские. Отвечал, что «многими кунами мысль моя утешена не будет» — выдвинув требование отдать Казань и Астрахань.

Между тем сворачивание операций на юге не понравилось Вишневецкому. Он пришел к выводу, что триумфов здесь больше не предвидится и очередной раз сменил подданство, вернулся на службу польскому королю. Но днепровские атаманы **Савва Балыкчей Черников**, **Ивашка Пирог Подолянин**, **Ивашка Бровка** и другие отказались ему повиноваться, сохранили верность царю. Дальнейшая участь Вишневецкого была трагичной. На службе королю ему быстро наскучило, он снова набрал отряд казаков и ринулся в очередную авантюру — решил сесть на молдавский престол. Однако молдаване выдали его туркам, и бывшего гетмана подвергли жуткой казни, повесили на остром крюке под ребро. А пророссийская часть днепровских казаков выбрала гетманом **Богдана Ружинского**, тоже

князя и богатого магната. Впрочем, ориентация на тех или иных знатных панов была в XVI в. характерной для украинских казаков и являлась вполне рациональной. Подобный покровитель мог предоставить свои замки в качестве баз, помогал обеспечивать оружием, селил у себя казачьи семьи. А Ружинский симпатизировал царю и имел с «басурманами» личные счеты — в татарском плену сгинули его жена и дочь. И под его началом казаки возобновили удары по Крыму и туркам.

6. НАЧАЛО ВОЙСКА ДОНСКОГО

Боевые действия против Польши сперва протекали успешно. В 1563 г. царь предпринял победоносный поход на Полоцк — в составе его армии числилось 6 тыс. казаков, служилых и вольных. Но затем война стала приобретать затяжной характер. Победы чередовались с неудачами. Росли потери, истощались средства и ресурсы. Этим в полной мере воспользовался Крымский хан. Его набеги опустошали Мценск, Северщину, Рязанщину. На Кавказе ногайцы стали теснить кабардинцев. Царский тесть Темрюк Идарович Сунжалей обратился за помощью к зятю, и в 1567 г. в устье Сунжи была построена первая русская крепость на Кавказе — Терский городок. Сюда прибыл отряд стрельцов, на службу привлекались и гребенские казаки.

Однако для активной войны на нескольких фронтах сил не хватало. Царские рати, прикрывавшие южные рубежи, становились все слабее. Да и из казаков значительная часть отвлекалась в Польшу и Ливонию. А татары теперь старались отыграться. Нападали на донские городки, захватывали жен и детей. Если же удавалось поймать казаков, в плен их уводили редко. Понимали, что «хороших» рабов их них не получится, и подвергали страшным казням. Сдирали кожу, сажали на кол, зарывали заживо. Но донцы держались, осаживали врага.

В этих схватках выдвинулся один из величайших героев Дона — атаман **Михаил Черкашин**. Судя по прозвищу, он мог быть из украинских казаков, а мог быть и из терских, часто роднившихся с «черкасами». Но в российские документы раз за разом попадали сведения о его подвигах. Именно с ним связано первое упоминание о выходе донцов в море — в 1556 г. отряд Черкашина погромил окрестности Керчи. В 1559 г., по записям Разрядного приказа, атаман разбил крымцев в верховьях Северского Донца, прислав «языков» в Москву. Казаки верили в его удачу, считали его «характерником» — полагали, что он может и пули, и ядра заговаривать. Но Черкашин был не просто удачливым атаманом. С его именем связано и объединение Войска Донского. После падения Астрахани места у Переволоки стали не такими опасными, исчезла «преграда», разделявшая низовых и верховых казаков. Но потребовалось и объединение другого рода. На Дону и его притоках оседали не только казаки. Были разбойничьи шайки, знать не желающие казачьих законов. Были «самостийные» атаманы, предпочитающие жить сами по себе. Изначально центром объединения стало низовое казачество. Оно ведь и сложилось в отрыве от России, в случае чего могло рассчитывать только на себя. Поэтому и потребность в сплочении тут была сильнее. И в общую войсковую структуру сперва объединились низовые городки, возникло Нижнее Большое Войско.

В 1560-х — начале 1570-х гг. было осуществлено вовлечение в эту структуру верховых казаков. Речь еще не шла о полном слиянии. Но на казачество «всех рек», всех притоков Дона, распространялось общее войсковое право, традиция общего круга и обязанности его решений. Для этого велись переговоры с верховыми атаманами и казаками, высылались делегации. Но таких мер оказывалось недостаточно. Подчиняться большинству и стоять заедино выражали желание отнюдь не все. Что ж, в таких случаях казачество не останавливалось перед крайностями. Некоторые городки брались «на щит», смутьянов и самостийников сурово карали. Однако благодаря этому было достигнуто единение, и Дон выстоял в смертельной борьбе.

Между тем положение России продолжало ухудшаться. Из-за войны налоги выросли

второе, крестьяне разорялись. В 1566–1567 гг. прокатилась эпидемия чумы, унесшая множество жизней. А меры царя по укреплению центральной власти вызывали недовольство бояр. Они изменяли, строили заговоры. В ответ следовали репрессии. Но при этом вассалы и дружинники опальных вельмож тоже оказывались обиженными, дезертировали, бежали за рубеж. И в Стамбуле сочли, что наступил самый подходящий момент сокрушить Москву. А стоит напомнить, в XVI в. Османская империя находилась на вершине своего могущества, охватывая всю Юго-Восточную Европу, Ближний Восток, Северную Африку. Турки создали лучшую и величайшую в мире армию, их считали «потрясателями вселенной». После долгих войн с Ираном султан заключил мир, поделив пополам Закавказье. А в 1568 г. заключил мир с германским императором, отобрав у него почти всю Венгрию. Силы Турции высвободились для удара на север.

Был разработан грандиозный план направить флот и армию на Дон, очистить его от казаков, прорыть канал и провести корабли на Волгу. После чего Астрахань и Казань достались бы османам, под их власть переходил и Северный Кавказ. А России, попавшей в полуокружение, осталось бы только капитулировать. Для реализации этого проекта в Азов стягивались корабли, воинские части. Казанцы и астраханцы заверили, что при появлении турок поднимут восстание. О поддержке турок заявили шамхал Тарковский и хан Тюменский. И летом 1569 г. началось вторжение. Огромный флот и армия под командованием Касим-паши двинулись на Дон. Шло более 100 судов, 17 тыс. турецкой конницы, 40 тыс. татарской, янычары. По русским данным, рать насчитывала 90 тыс. (но это, видимо, с рабочими-землекопами). Казаки такой лавине сопротивляться не могли. Многие из них находились в Ливонии. А оставшиеся уходили, бросая городки. Русского посла Мальцева, ехавшего к ногайцам, турки захватили и везли, привязав к мачте — пусть увидит триумф османского оружия.

Однако большие турецкие суда садились на мели, их приходилось разгружать, стаскивать, и армада ползла до Переволоки 5 недель. Лишь в августе Касим-паша разбил лагерь на Иловле и распорядился приступить к работам. Царь предпринимал экстренные усилия, чтобы противостоять врагу. Собрав кого смог, направил в Астрахань на стругах «плавную рать» князя Петра Серебряного. Но она была небольшой. Князь дошел до Царицына острова, узнал о силах Касим-паши и от боя уклонился, отступил выше по реке. Иван Грозный разослал и призывы к казакам. На помощь донцам прибыли 5 тыс. днепровских казаков во главе с Ружинским. Явились и кабардинцы с гребенцами. И на вражеских коммуникациях началась партизанская война. А тем временем Касим-паша понял, что прорыть канал нереально. Попытались тащить корабли волоком, с помощью катков, но они были слишком тяжелыми, ничего не получалось. Зато прибыло посольство астраханских татар и заверило, что суда на Волге не понадобятся. Пусть турки быстрее наступают, а уж астраханцы их и плавсредствами обеспечат, и снабжением, и ворота города откроют.

И Касим рискнул. Отправил флот с артиллерией и припасами обратно в Азов, а войско пошло дальше налегке. 16 сентября оно подступило к Астрахани, и «астороханские люди со многие суда к ним приехали». Начали строить осадный лагерь. Но астраханский воевода Карпов предпринял должные меры, крепость ворот не открыла. А казаки нанесли удар по тылам. Не по туркам и татарам, а по изменившим астраханцам, взявшимся снабжать неприятельскую армию. Погромили и разогнали их. Захватили и разметали «многие суда», очистив Волгу. И рать Серебряного, усилившись за счет казаков, проскочила в город. После чего Касим-паша очутился в тупиковом положении. Теперь перед ним была крепость с большим гарнизоном, готовая к обороне. Штурмовать ее без артиллерии было нельзя. И осаждать тоже — армия осталась без припасов, в кольце казачьих отрядов. К тому же начиналась осень с дождями. Голодные янычары взбунтовались. И уже 26 сентября паша поджег лагерь, повел войско назад. Причем и прямой путь по Манычу оказался перекрыт казаками. Туркам и татарам пришлось выбираться через степи Северного Кавказа, без еды и воды. Из всей армии вернулось лишь 16 тысяч...

Часть украинских казаков, пришедших с Ружинским, на Днепр возвращаться не стала.

Решила остаться на Дону. *И в 1570 г. основала Черкасск.* А Иван Грозный понадеялся, что после такого провала неприятели станут сговорчивее, направил в Бахчисарай и Стамбул посла Ивана Новосильцева с очередными предложениями о мире. В связи с этим послал грамоту «на Донец Северский», в ней указывалось — «приводить посла из Рильска велели к Азову Мише Черкашину» и сообщалось, что за службу казакам выделено «государево жалованье: деньги, и сукна, и селитру, и свинец». Грамота в общем-то обычная. Такие поручения казакам давали уже давно. И все же этот документ стал особенным. В 1860-х гг. было решено установить «старшинство» Казачьих Войск. А критерием было принято считать самый ранний документ о выполнении казаками службы российским царям. И именно эта грамота в архивах оказалась самой ранней. Были, конечно, и другие, но не сохранились. А она сохранилась. *Отсюда и официальное старшинство Всевеликого Войска Донского было установлено с 1570 г.*

Однако посольство Новосильцева успехом не увенчалось. Поражение турок и татар не образумило. Наоборот, обозлило, и они грезили о реванше. В 1570 г. последовали нападения крымских мурз на каширские, рязанские, новосильские окрестности, царевич Адиль-Гирей разгромил кабардинцев, Темрюк Идарович был ранен, двое его сыновей попали в плен. Причем единства среди кабардинцев не было — ими правил не один Темрюк, у разных родов были свои князья. Когда запахло жареным, часть из них переметнулась к татарам. На их сторону перешли адыги, изменила Большая Ногайская орда.

И летом 1571 г. Девлет-Гирей выступил на Русь со всеми силами. Впрочем, сперва ставил ограниченные цели — хотел напасть на Козельск. Но к нему явилась группа изменников под предводительством Башуя Сумарокова. Сообщили, что на Руси «была меженина великая и мор», что войска «в Немцах», а у царя «людей мало». И Девлет-Гирей повернул на Москву. Россия и впрямь была очень ослаблена. По ней вторично прошлась чума, добавились неурожай, голод. И на Оке удалось собрать лишь 6 тыс. воинов во главе с Иваном Бельским. Чтобы подкрепить его, выступил сам царь с опричниками. Но перебежчики показали хану броды через Оку, и орда обошла русское войско. А царь и воеводы неожиданно узнали, что враг уже у них в тылу! Иван Грозный с частью опричников спешно уехал. А Бельский форсированным маршем погнал полки к Москве — она осталась вообще без защитников! Хан и русская рать подошли к столице одновременно. Бельский все же успел ввести воинов в город, и когда враг полез в атаку, дал отпор. Но тогда... татары подожгли Москву. Случился один из самых страшных пожаров. Погибли сотни тысяч людей. В том числе и защитники, воеводы. Погибло и много крымцев, кинувшихся грабить. И Девлет-Гирей предпочел увести орду от пылающего города — вместо этого беспрепятственно набрал по русской земле огромный полон.

Ответные удары не заставили себя ждать. Днепровские казаки «впали за Перекоп», погромили крымские улусы. А волжские казаки отплатили Ногайской орде за измену, совершили рейд на ее столицу Сарайчик, разорили его и сожгли. Тем не менее для России случившееся стало колоссальной катастрофой. Таких потерь, такого унижения страна не знала уже давно. Иван Грозный после сожжения Москвы готов был мириться уже на любых условиях. Выражал готовность отдать Астрахань, платить «поминки». Приказал срыть Терский городок, раздражавший Стамбул и Бахчисарай. Но нет, теперь врагам этого было мало! От султана русские послы получили ответ грубый и заносчивый — Селим II соглашался на мир только в том случае, если царь уступит Казань, Астрахань, а сам станет «подручным нашего высокого порога», т. е. признает себя вассалом Турции. В Крыму были настроены еще более решительно. Зачем брать часть, если можно взять все? Ведь прошлый поход показал, как легко громить обессиленную Русь. Значит, оставалось ее добить совсем. Вообще ликвидировать российскую государственность! В Бахчисарае уже распределяли наместничества — кому из мурз дать Москву, кому Владимир, кому Суздаль. А купцы, спонсирующие поход, уже получали ярлыки на беспошлинную торговлю по Волге.

Россия тоже готовилась. Во главе войска были назначены лучшие полководцы Михаил Иванович Воротынский и Дмитрий Иванович Хворостинин. Но сил не хватало. На окский

рубеж ратников скребли «с миру по нитке». И вот тут-то казакам в первый раз суждено было спасти Москву и Россию. Михаил Черкашин поднял и привел на подмогу казачий Дон. Сколько человек было с ним, неизвестно. Разрядный приказ сообщал о численности армии: «И всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20043, опричь Мишки с казаки». Как видим, донцы названы отдельно, то есть отряд был значительным. По разным оценкам, 3–5 тыс. К тому же это были отборные, высокопрофессиональные бойцы. Но и в числе 20 тыс. «опричь Мишки» было как минимум еще 2 тыс. казаков, разрядные росписи указывают тысячу «казаков польских наемных с пищальми», и тысячу волжских казаков наняли на свой счет Строгановы. По планам казакам предстояло действовать на стругах, прикрывая переправы Оки, а в случае отступления хана выбирать места для засад и нападать, отбивая полон. Но на такой исход надежды было мало. Силы оказывались слишком неравными. Царь перенес свою резиденцию в Новгород, туда же эвакуировали государственную казну. Да, это был один из самых критических моментов в истории нашей страны...

Девлет-Гирей поднял орду, 40–50 тыс. татар. К нему примкнули 20 тыс. всадников Малой и Большой Ногайской орд, отряды кавказских горцев, ополчения турецких городов. Султан прислал янычар, пушкарей с орудиями. Собралось 80-100 тыс. воинов, не считая обозов, слуг. В июле эти полчища устремились на север и появились у Серпухова. Русские войска изготовились к обороне, отбросили головные разъезды. Однако хан позаботился заблаговременно собрать сведения о местности. И, демонстрируя, будто готовит переправу у Серпухова, двинул главные силы вверх по реке. Ночью татары форсировали Оку через Сенькин брод. Опрокинули сторожевой полк Ивана Шуйского. Воевода Хворостинин попытался задержать врага, спешно направив полк правой руки на рубеж р. Нары, но и он был отброшен. Вражеская армия обошла русскую, оставив ее в тылу, и по Серпуховской дороге устремилась к незащищенной Москве. Казалось, прошлогодняя история повторяется. Но во главе русских ратей стояли другие военачальники. Они не стали наперегонки с противником мчаться к столице, а затеяли другую игру. Смертельно опасную, но сулившую единственный шанс на успех. Вцепились татарам «в хвост» в надежде оттянуть назад, на себя.

Хворостинин, собрав всю конницу, бросился в погоню и разгромил арьергард, которым командовали крымские царевичи. Хан уже дошел до р. Пахры возле Подольска. Но озаботился ударом с тыла, остановился и выделил сыновьям еще 12 тыс. конницы, чтобы устранили досадную помеху. Мы не знаем, участвовали ли в разработке планов Черкашин и другие атаманы, но, во всяком случае, был применен типичный казачий «вентерь». Русская пехота и артиллерия подтягивались следом за конницей, выбрали удобное место у дер. Молоди, на холме, прикрытом р. Рожайкой, и укрепились, поставив «гуляй-город». А кавалерия под натиском крымцев покатила назад. И, удирая по Серпуховской дороге, подвела разогнавшихся татар прямо под батареи и ружья гуляй-города. Врага покосили огнем, нанесли огромные потери. И хан сделал именно то, ради чего предпринимались все усилия. Не дойдя до Москвы 40 верст, повернул обратно, на русскую рать.

30 июля разгорелось сражение. Противник обрушился всей массой. Шесть полков московских стрельцов, 3 тыс. человек, прикрывавших подножье холма у Рожайки, полегли до единого. Сбили с позиций и конницу, оборонявшую фланги, заставили отступить в гуляй-город. Но само укрепление устояло, отражая все атаки. Были убиты ногайский хан, трое мурз. А лучший крымский полководец, второе лицо в ханстве Дивей-мурза, решив лично разобраться в обстановке, неосторожно приблизился к гуляй-городу и был взят в плен. Враг понес такой урон, что двое суток приводил себя в порядок. Но и положение русской армии было тяжелым. Она оказалась заперта в укреплении почти без еды и фуража, отрезана от воды. Люди и кони слабели, мучились. Воины пытались копать колодцы «всяк о своей голове», но ничего не получалось.

А 2 августа возобновился яростный штурм. Лезущие татары и турки устилали холм трупами, а хан бросал все новые силы. Подступив к невысоким стенам гуляй-города, враги

рубил их саблями, расшатывали руками, силясь перелезть или повалить, «и тут много татар побили и руки поотсекли бесчисленно много». Уже под вечер, воспользовавшись тем, что противник сосредоточился на одной стороне холма и увлекся атаками, был предпринят смелый маневр. В гуляй-городе остались Хворостинин и Черкашин с казаками, пушкарями и немцами-наемниками, а конницу Воротынский сумел скрытно вывести по ложине и двинулся в обход. При очередном штурме неприятеля подпустили вплотную без выстрелов. А потом из всех ружей и пушек последовал залп в упор, и защитники с криком выскочили в контратаку. А в тыл хану ударила конница Воротынского. И орда... побежала. Бросая орудия, обозы, имущество. Ее гнали и рубили. Погибли сын и внук хана, «много мурз и татар живых поимали». Несмотря ни на какую усталость, измученность, незваных гостей «проводжали» до самой Оки — здесь 3 августа прижали к берегу и уничтожили 5 тыс. крымцев. Многие утонули при переправе.

Полный разгром многократно превосходящих врагов был настоящим чудом... Кому-то из участников битвы было видение, что в критический момент на помощь изнемогавшим ратникам явились семь святых князей — Александр Невский, Борис и Глеб, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Юрий и Ярослав Всеволодовичи. Пришли с Небесным Воинством, незримо встали в ряды воинов и помогли опрокинуть татар [42]. А царь признал, что победа одержана благодаря заступничеству святых великомучеников и чудотворцев князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (потому что воевода Воротынский был прямым потомком Михаила Черниговского). И Иван Грозный распорядился о торжественном перенесении мощей свв. князя Михаила и боярина Феодора из Чернигова в Москву, даже самолично написал тропарь в их честь.

К сожалению, либеральные историки XIX в., поливая грязью Ивана Грозного, сумели «заодно» очернить и всю его эпоху. Стало автоматически подразумеваться, будто в его времена ничего яркого и великого происходить не могло. Затерлась и память о битве при Молодях. Автору неоднократно приходилось бывать на ее месте. И даже здешние жители и дачники ничего не знают о давних событиях. Хотя эта битва должна была бы стоять в одном ряду с такими сражениями, как Куликовское, Полтавское, Бородинское. Сражениями, в которых решалась судьба России. Академик Р.Г. Скрынников назвал победу при Молодях «крупнейшим событием русской истории XVI в.» [171]. Фактически она остановила османскую экспансию на север. И пресекла последнюю реальную попытку восстановить на Руси татарское иго.

Если будете проезжать на машине по Старому Симферопольскому шоссе, между Подольском и Столбовой обратите внимание на деревню Молоди. А если будете ехать на электричке или поезде по Серпуховскому направлению — на станцию «Колхозная». Течет здесь и речка Рожайка. Она сейчас превратилась в ручей, а возле Молодей перекрыта и образует пруд. На той самой низине, где полегли стрельцы. А за прудом, на берегу, противоположном от Москвы, вы увидите холм с церковью. Как раз на этом холме стоял гуляй-город. Перекреститесь и хотя бы мысленно помяните русских ратников и казаков, доблестно сражавшихся и умиравших здесь знойным летом 1572 г.

7. НАЧАЛО ОРЕНБУРГСКОГО И ТЕРСКОГО ВОЙСК

Битвой при Молодях война с Крымом отнюдь не завершилась. Предложения о мире хан по-прежнему отвергал. А атаману Черкашину жестоко отомстил. До сей поры Азов неофициально считался как бы «нейтральным» городом. Здешние купцы придерживались принципа «деньги не пахнут» и торговали с казаками, городские власти закрывали на это глаза. А донцы по памяти все еще считали Азов «своим», никогда не нападали на него, приезжали сбывать рыбу, военную добычу, покупать одежду, вино, хлеб. Через азовских купцов турки с татарами выкупали у донцов своих пленников, а казаки — своих.

Но теперь крымцы были обозлены на Черкашина. И когда его сын Данила появился в Азове, схватили его и увезли в Крым. Атаман отреагировал немедленно. Напал на город,

погромил посад Тапракалов и захватил 20 «лучших людей», в том числе Сеина, шурина турецкого султана. И через азовского пашу передал, что отпустит всех в обмен на сына. Девлет-Гирей не согласился, предал Данилу мучительной казни. Естественно, в ответ были убиты заложники. Султан, кстати, был очень недоволен действиями татар. Видимо, не терял надежды, что донцов можно оторвать от России. Писал хану: «А ведь, де, Азов казаками и жил, а казаки, де, Азовом жили, о чем, де, у них по ся места все было смирно. Нынче, деи, ты меж казаков и Азова великую кровь учинил». Действительно, с этого момента «нейтралитет» Азова кончился.

А Иван Грозный наступательных операций против Крыма не предпринимал, но развернул энергичную деятельность по защите южных рубежей. Еще в феврале 1571 г. (по др. источникам в феврале 1574 г. [120]) под руководством боярина Михаила Воротынского был разработан «Приговор о станичной и сторожевой службе» — по сути положивший начало пограничным войскам, основу которых составили служилые казаки. Предусматривалось с ранней весны до глубокого снега размещать в степи станицы-заставы, выставлявшие разъезды. Определялись правила несения ими службы, пересылки донесений.

И эти меры начали воплощаться в жизнь. Дотраивалась и восстанавливалась система засечных черт, начатая при Василии III. Возводились новые крепости Орел, Епифань и др. Укрепления становились сплошными и составили Большую засечную черту, перегородившую завалами, рвами и 15-метровыми валами путь полчищам степняков. Прикрывались засеки башнями, постами, укрепленными слободами. А службу несли дети боярские, пушкарки и казаки. Это было удобно — казаки становились и населением приграничных мест, и их защитниками. Привлекались тульские, брянские, рязанские, мещерские казаки. Приглашали и вольных, предоставляя им землю для поселения, льготы, оплату, оружие от казны. Их ряды пополнялись и за счет местных крестьян, которые в приграничье волей-неволей привыкли к военному быту.

Так возникло Орловское казачество. В самом Орле существовала Черкасская слобода (из украинских казаков), развертывались «Мценские сторожи», «Орловские и Карачевские сторожи». О них до сих пор свидетельствуют названия здешних селений — Казачье, Сторожевское, Караул, Воин, деревни Казаки и Казаковки в Елецком, Болховском, Колпинском, Покровском, Новосильском районах. Казачий отряд в крепости назывался «прибором», его командир получал чин «головой» и подчинялся городскому воеводе. Осуществлялась разведка, например, мещерские казаки делали разъезды «вниз по Дону до Волжской переволоки» — взаимодействуя при этом с донскими казаками. Глубоко в степь высылались дозоры. Каждый состоял из 2 казаков с заводными лошадьми. Пункт наблюдения выбирался на дереве, кургане, холме. Заметив облако пыли, дозорный сообщал товарищу, и тот скакал к своим. По этому первому сигналу поднималась тревога в крепостях, высылались разведка. И если поступало подтверждение, что тревога не ложная, идут татары, приходила в действие вся система обороны, информация шла до Москвы, выступали войска.

Создание такой мощной защиты стало серьезным препятствием для татарских набегов, избавляло крестьян от постоянного страха перед крымской опасностью и открыло возможность к освоению плодородных южных земель. Но беспокойным оставалось и Поволжье. Турецкие и крымские агитаторы продолжали мутить воду, подбивать на восстания татар, черемису, мордву, чувашей. Да и Большая Ногайская орда, хотя после разгрома она снова метнулась под власть царя, искренностью отнюдь не отличалась. При любом удобном случае ногайцы не прочь были пограбить русских. К их набегам подключались и башкиры. Поэтому царь предпринимал усилия для закрепления в Поволжье. И здесь тоже важнейшую роль сыграли казаки. Они составили значительную часть гарнизонов Казани и Астрахани. Строились новые крепости: Мокшан, Верхний и Нижний Ломов, Водинск.

А чтобы более эффективно противостоять набегам из степи, было решено выдвинуть форпост далеко на восток. В 1574 г. отряд воеводы Ивана Нагого заложил на р. Белой Уфимское укрепление. Здесь также поселили казаков. *И с этой даты, 1574 г, берет отсчет*

старшинство Оренбургского Войска. Хотя нужно помнить, что сам принцип подобного определения все же весьма условный. Так, донское казачество существовало уже давно и службы царю выполняло давно, но самая ранняя сохранившаяся грамота к донцам датируется 1570 г. А Оренбургского Войска еще и в помине не было. Однако в 1860-х гг. решили считать старшинство по самой старой казачьей общине, которая потом вошла в то или иное Войско. И для оренбуржцев таковой стала уфимская община, документально зафиксированная в 1574 г.

Победа при Молодях значительно подняла авторитет России и среди народов Кавказа. Кабардинские князья из числа царских союзников воспрянули духом, возобновилась их поддержка из Москвы — уступать Терек крымцам Иван Грозный больше не намеревался. Кабардинцы, гребенцы и нижнетерцы снова начали теснить своих противников. *А в 1577 г. «по челобитью Темрюка, князя Черкасского» был вторично построен Терский городок. В его возведении участвовали гребенские казаки. И... эта дата принята для определения старшинства Терского Войска.* Потому что сведения о первом строительстве городка в 1567 г. и о службе в нем казаков есть, но «вторичные», в хрониках и переписке. А прямое царское указание и донесения воевод сохранились только насчет второго городка.

В Терский городок был направлен воевода, подчинявшийся астраханскому, и гарнизон стрельцов. Они сменялись через каждые 3 года. Но, надо сказать, что гребенские и нижнетерские казаки подданными России в данный период еще не стали. Они сотрудничали с царскими воинами, сражались против общих врагов. Однако во многих отношениях, как и донцы, вели себя независимо. Имеются известия, что гребенцы служили не только у терских воевод, но нанимались и к грузинским царям. Впрочем, известны и их походы в Грузию «на добыч». Документы конца XVI в. свидетельствуют и о том, что казаки подрабатывали наемничеством в Дербенте, у перидских шахов, в одной из войн взяли Индили и еще 7 городов. Не прочь были и «пошалить». Периодически царю шли жалобы иранских, крымских, турецких купцов, кумыкских, тюменских, шемахинских, ногайских князей, что их или их подданных пограбили казаки, захватив товары, скот, лошадей [23].

Но для Северного Кавказа это было делом обычным, здесь все так жили. И, допустим, угнать коней, считалось не только «заработком», но и признаком удали. Кстати, стоит подчеркнуть, что заселение казаками Терека и Сунжи никакого кровного противостояния с местными жителями не вызывало. Ни чеченцы, ни дагестанцы в то время в долинах вообще не жили, это было слишком опасно. Ведь по соседству кочевали ногайцы, не успеешь оглянуться, как в ясырь угодишь. И коренные кавказцы предпочитали оставаться в горах. А для казаков селиться по рекам было привычно. Основным их промыслом являлось рыболовство, в камышах и прибрежных лесах водилось множество дичи. Если же налетят степняки, казаки хорошо умели отбиваться в своих укрепленных городках, а потери скота и урон, нанесенный хозяйству, тут же компенсировали ответными рейдами. Для казаков это тоже было привычно, буднично.

8. НАЧАЛО ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА

Несмотря на то, что Польша воевала с Россией, большинство днепровских казаков по-прежнему служило царя и выполняло его приказы тревожить южных врагов. Хан слал жалобы польскому королю, что «из года в год зимой и летом» они нападают на татар и турок, побивают их, угоняют коней, скот, громят купцов и даже послов, возвращающихся из Польши. Что окрестности Очакова, Бендер, Аккермана, Ислам-Кермена по 4–5 раз за год подвергаются набегам казачьих отрядов, а в Киеве, Черкасах, Каневе и Брацлаве содержится не менее тысячи мусульманских женщин и детей. А потом и жаловаться стало некому. Сигизмунд II умер и пресеклась династия Ягеллонов. В Речи Посполитой настало «бескорольевье». И казалось, что Россия одерживает верх. Паны запросили перемирия, согласившись за это, чтобы Иван Грозный выставил свою кандидатуру на польский трон. А туркам и татарам казаки житья не давали. Не прекращали морских рейдов, впервые

появились у берегов Малой Азии, пограбив Трапезунд и Синоп. Учинили новую смуту в Молдавии, сажая на ее престол очередных самозванцев, сперва некоего Ивону, потом своего гетмана **Подкову**.

В ответ Девлет-Гирей нарушил союз с Польшей и начал набеги на Украину. Впрочем, это был предлог. Из-за поражения под Москвой и строительства пограничных оборонительных систем татары не рисковали идти на Русь. А значит, нужно было брать «ясырь» у других соседей. В 1575 г. состоялся большой поход. Киевский воевода Константин Острожский организовал оборону с помощью казаков, они на «чайках» спустились по Днепру, разбили крымские авангарды и сорвали переправу. Но хан выбрал другое место, переждал, пока недисциплинированная шляхта, мобилизованная Острожским, разоидется по домам, и нанес удар, прокатившись до Тернополя и захватив огромный полон. За это Ружинский «впал за Перекоп... учинив великие опустошения». Такие контрудары оказались самым эффективным способом противодействия набегам. Когда татары вздумали повторить рейд на Украину, они узнали, что и казаки готовят нападение на Крым, и от Днепра повернули коней обратно.

Однако польские паны надеждой на корону всего лишь морочили голову Ивану Грозному. Для них было важно перемирие. Королем был избран французский принц Генрих Валуа. Правда, вскоре сбежал — предпочел занять престол Франции. Тогда избрали трансильванского князя Стефана Батория, бывшего вассала Турции и врага России. Который возобновил курс на укрепление союза с Портой и Бахчисараем — против Москвы. Но помехой этому были казаки. На короля обрушился целый поток жалоб хана и султана о разорении их земель. Зимой 1575–1576 гг. Иван Грозный направил Ружинскому приказ опять идти «на крымские улусы и Козлов (Евпаторию)», прислал жалованье, отряды служилых казаков. И днепровские казаки обязались «государю крепко служить». В море снова вышли эскадры, а 3 тыс. казаков во главе с Ружинским осадили Ислам-Кермен. Подвели мину и взорвали башню. Но Ружинский неосторожно встал на «плохом месте» и при взрыве погиб. А хан прислал подмогу, перебившую многих казаков, ворвавшихся в город.

Смертью гетмана как раз и воспользовался Баторий. И сумел расколоть казаков. *В 1576 г. он издал универсал о принятии их на службу. Вводился реестр на 6 тыс. человек, из них формировались 6 полков.* Войску даровались официальные «клейноды» (регалии) — знамя, бунчук, печать. Гетман и старшина должны были утверждаться королем. Реестровым выплачивалось жалованье, им выделяли земельные наделы, разъясняли, что они вошли в воинское сословие Речи Посполитой, а значит со временем их уравниют в правах со шляхтой. Но те, кто не попал в реестр, теряли право называться казаками и обращались в крестьян. Однако подчинились универсалу далеко не все. *Часть нереестровых отказалась повиноваться и составила Низовое Войско — которое впоследствии стало Запорожским.*

И королю опять сыпались жалобы от хана и султана то на «низового гетмана» **Шаха**, то на других казачьих предводителей. В исторической литературе иногда приводится «грамота Батория» от 1576 г., коей он и запорожцам даровал войсковые права, земли с городами и селами. Но это фальшивка, составленная уже в XVIII в. Это однозначно доказали не только немецкий историк Г.Ф. Миллер, но и столь компетентный исследователь Сечи, как Д.И. Яворницкий [57]. В действительности даже термин «запорожцы» появился позже. В документах 1570-х гг. Запорожье еще не фигурирует. Баторий писал туркам, что «низовцы живут около московских границ за Днепром» [238] (Черниговщина и Северщина являлись в XVI в. российскими владениями). Свидетельство Батория вполне согласуется с преданиями запорожцев, согласно которым Сечь сперва располагалась в Седневке, недалеко от Чернигова. Однако казаки жили и в других местах. Резиденцией «низового гетмана» Шаха был Немиров. А к походам низовцов, по информации крымцев, примыкали люди из Брацлава, Черкас, Канева.

Но в лице Батория Польша получила прекрасного полководца и хитрого дипломата, он постарался и низовых казаков перетянуть на свою сторону. Их соблазняли высоким жалованьем, манили надеждами, что за усердную службу тоже сделают реестровыми.

Хорошо потрудились королевская агентура, подкупая атаманов, бочками выставляя вино. И низовым гетманом был избран ставленник Батория **Зборовский**. Предоставленное царем перемирие Речь Посполитая использовала в полной мере, восстановила боеспособность, Баторий реорганизовал и усилил армию. И если раньше Польша, Швеция и Крым действовали против России вразной, то стараниями нового короля между ними был заключен тройственный союз.

В 1579 г. враги обрушились с нескольких сторон. Хан возобновил атаки с юга. С севера развернули наступление шведы. А Баторий двинул войско на Полоцк. Причем был первым, кто использовал и идеологическое оружие. Объявил, будто воюет не против русских, а «за» них, ради их «освобождения» от «тирании» царя. Но его агитация успеха не имела. Полочане, в том числе белорусы, оказали жесточайшее сопротивление. На помощь им Грозный направил рать Бориса Шеина, в которую входил и отряд донцов Михаила Черкашина. Но подмога запоздала, уже не смогла пробиться к крепости. Полоцк был взят, а потом Баторий разгромил и Шеина. Уцелели только казаки — они сумели организованно отступить и пробиться на Дон.

В 1580 г. шведы взяли Карелу, поляки — Великие Луки. А казаки-низовцы сожгли Стародуб. Правда, вскоре они поняли, что их гетман Зборовский является агентом короля и скинули его, но Баторий был очень доволен. Считал, что Зборовский свое дело сделал — поссорил низовцов с Москвой. Россия же в долгих войнах начала выдыхаться. Но от предложений мира Польша теперь отказывалась. Рассчитывала захватить все западные русские области и готовила поход на Псков. Иван Грозный об этом узнал и усиливал гарнизон. Псковским воеводой был назначен опытный военачальник Иван Петрович Шуйский, к нему направили стрельцов, тысячу служилых казаков, 500 донцов во главе с Черкашиным. В 1581 г. вражеская армия обложила город.

Чтобы облегчить положение Пскова, оттянуть часть польских сил, царь организовал глубокий рейд на неприятельскую территорию. Возглавил его Дмитрий Хворостинин с корпусом конницы, служилых татар и казаков. Выступив из Смоленска, он напал на Дубровну, потом на Оршу, разбил литовцев под Шкловом, сжег посады в Могилеве, повернул на Радомысль и Мстиславль и вышел к своим. Комендант Могилева Стравинский составил отчет королю, и среди командиров сторожевого полка, чьи имена поляки узнали от пленных, названы «**Василий Янов** — воевода казаков донских и **Ермак Тимофеевич** — атаман казацкий». Янов известен и из других документов, он был служилым командиром, имел чин головы, а в походе возглавлял отряд из 500 донцов. Ермак Тимофеевич был вольным атаманом, нанявшимся на службу со своим отрядом. В донесении Стравинского он упоминается впервые [171].

Рейд продемонстрировал Баторию, что ресурсы России еще не исчерпаны, что она способна наносить удары. Тем не менее, положение оставалось тяжелым. Крымцы опять взбунтовали поволжские народы. Из-за Волги напали ногайцы. Шведы взяли Нарву, зверски вырезав, невзирая на пол и возраст, 7 тыс. русских, живших в городе (он принадлежал России уже 23 года). Но Псков держался. Осада длилась 147 дней. Пять месяцев жесточайших бомбардировок, штурмов, минных подкопов. Гарнизон и жители отбивали все атаки. Позади разрушенных укреплений возводили новые. Сами взорвали башню, захваченную врагом. Одним из героев обороны стал Михаил Черкашин. Он и среди псковичей славился в качестве «характерника». Летописец отмечал: «А заговоры были от него ядром многим». Здесь и сложил атаман свою буйну голову. Летопись сообщает: «Да тут же убили Мишку Черкашина, а угадал себе сам, что ему быти убиту, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам».

Псков не только устоял. Его осада обернулась для Батория крупным поражением. 1 декабря, понеся огромные потери и отчаявшись взять город, король уехал. А защитники совершили вылазку, разгромив польский лагерь, захватили богатые трофеи. И Баторий согласился на переговоры. Война кончилась фактически «вничью». Поляки возвращали занятые ими русские города, а Москва уступала ливонские. Но для продолжения войны со

шведами сил и средств у государства уже не было. В 1583 г. был заключен мир — Швеция удержала захваченные ею города, Россия лишилась выхода к Финскому заливу.

9. НАЧАЛО СИБИРСКОГО ВОЙСКА

В Сибирь русские начали проникать еще с XI в. Сюда ходили новгородцы, при Иване III царские воеводы совершили четыре похода за Урал. Морские пути в Сибирь освоили поморы, регулярно бывали в устье Оби, торговали с местными племенами, и при Иване Грозном основали на р. Таз город Мангазею. Как уже отмечалось, после взятия Казани принес присягу о подданстве Сибирский хан Едигер. А земли по Каме и Чусовой царь дал промышленникам Строгановым, здесь выросли укрепленные городки, слободы, соляные варницы. Однако в Средней Азии усилилось Бухарское ханство. И сын хана Муртазы Кучум предпринял поход на север. Заключил союз с башкирами, ногайцами, и в 1563 г. разгромил и убил Едигера. Но и после этого ему пришлось воевать 7 лет, чтобы подчинить входившие в Сибирское ханство племена хантов, манси, сибирских татар. Кучум обложил их высокой данью, повел политику исламизации — из Бухары прислали мулл и шейхов. России завоеватель сперва побаивался и тоже признал себя вассалом Ивана Грозного. Но после сожжения Москвы Девлет-Гиреем счел, что русские слабы. Убил царского посла Третьяка Чебукова и начал набеги на Пермь, на владения Строгановых. Это и стало причиной похода Ермака.

Впрочем, хочу предупредить читателя, что всевозможные версии из области «желтых сенсаций» в этой книге рассматриваться не будут. Поэтому я, например, не стал повторять баек о том, будто герой Куликовской битвы Дмитрий Боброк был казаком (он был волынским князем). Точно так же я не собираюсь пересказывать «сенсаций» об отождествлении Ивана Кольцо и боярина Колычева или отождествлении Ермака с патриархом Гермогеном. Оставляю подобные домыслы журналистам соответствующего уровня. Однако история покорения Сибири и без дополнительных «наворотов» оказалась сильно искаженной. Первые исследования свершений Ермака велись в 1620-х — 1630-х гг., когда образовалась Тобольская епархия и составлялись сибирские летописи. С московскими архивами местные летописцы не сверялись, далековато было. Они опрашивали соратников Ермака, которые были еще живы, но они уже находились уже в ветхом возрасте, и воспоминания точностью не отличались. Дополнялись их сведения фольклором, преданиями. И возникла путаница, которая в более поздних источниках нарастала. События, даты совершенно не стыковались с данными, зафиксированными в документах столичных приказов. Самое полное и детальное исследование сибирской эпопеи провел академик Р.Г. Скрынников, сопоставивший все первоисточники, отделяя правду от наслоений. Поэтому данную главу я излагаю на основании его работы [171].

Ермак — это имя, Ермолай или Герман. А в документах Посольского приказа сообщается: «Прозвище ему у казаков было Токмак» (пест, колотушка). Известно, что атаманом он был заслуженным, один из подчиненных под его началом «на поле казаковал двадцать лет». Данных, в каких именно операциях и сражениях он участвовал, нет. Первое упоминание уже приводилось — в июне 1581 г. в рейде Хворостинина. Тем не менее, мы имеем доказательство, что он пользовался у казаков исключительным авторитетом. Ермак Тимофеевич — единственный атаман, которого называли по имени-отчеству! История о том, будто он разграбил на Волге персидских послов и царскую казну, за что на него были посланы войска — вымысел. Этот случай действительно имел место, но его дата зафиксирована в Посольском приказе — через несколько лет после смерти Ермака.

Царская опала коснулась не его, а других атаманов. Весной 1581 г. Ногайская орда, 15 тыс. всадников хана Уруса, выступила в набег. Момент был критическим — осада Пскова, Нарвы, восстания в Поволжье. Москва направила к Урусу посла Пелепелицына с богатыми дарами, чтобы любой ценой сохранить мир. Одновременно волжским казакам пошел приказ «промышляти» против врага. Дважды казаки разбили ногайцев на волжских переправах. И

лишь в августе Урус (уже пограбив Русь) склонился к миру. В Москву поехал Пелепелицын с ногайским послом в сопровождении 300 всадников. Но казаки, не особо разбирая, что за отряд, напали на него у Соснового острова и разгромили — бегством спаслись лишь 25 человек. В Москве это вызвало негодование. И следствие установило, что послов погромил сводный отряд — казаки, живущие «на Тереке и на море на Яике и на Волге и казаки донские, пришедшие с Дону», а возглавляли их атаманы **Иван Кольцо**, **Богдан Барбоша**, **Никита Пан** и **Савва Болдыря**. Их было велено «промышлять» и при случае повесить.

А Ермак Тимофеевич оставался на царской службе до начала 1582 г., когда было заключено перемирие с Польшей. Часть его отряда вернулась на Дон. Часть осталась с атаманом — судя по тому, что некоторые были еще живы в 1630-х гг, с ним остались в основном молодые. Жалованья, видать, хватило ненадолго. И в поисках новых предприятий отправились на Волгу. Но тут происходили большие передвижки войск — полки, высвободившиеся на западе, правительство перебросило подавлять восстание черемисы и волжских татар. А здешние казаки, очутившиеся вдруг в опале, ушли на Яик. Ермаковцы тоже подались туда. На Яике казаки созвали общий круг, дабы решить, что делать дальше. Прибыл на круг и посланец Строгановых. Кучум тоже не преминул воспользоваться трудным положением России. В сентябре 1581 г. его вассал пелымский князь Аблыгерим с отрядом в 700 человек напал на владения Строгановых, взбунтовал местных вогуличей, разорил деревни. И промышленники обратились к казакам, приглашая их для охраны своих земель.

Часть казаков во главе с атаманом Барбошей отказалась от такой службы. А те, кто согласился, выбрали командование на «паритетных началах», от ермаковского отряда и от волжского. Большим атаманом стал Ермак Тимофеевич, его «сверстником» (со-руководителем) — Ивана Кольцо. Был и священностужитель. Имя его, к сожалению, неизвестно, в XVII в. старики-ермаковцы из всех соратников смогли поименно вспомнить лишь 37. Но помнили, что был некий старец, не отлучавшийся от атамана ни на шаг — что он «круг церковный справно знал», «правило правил», раненых исповедовал. А заодно вел счет припасам и «каши варил». И «ходил без черных риз» — то есть был либо уставщиком-самоучкой, либо священником, не имевшим прихода.

Во владения Строгановых казаки прибыли вовремя. Набег пелымцев в прошлом году был всего лишь разведкой боем. А летом 1582 г. Кучум направил на Пермь большое войско во главе с царевичем Алеем — бухарскую гвардию, ногайцев, башкир, отряды своих мурз. И первое сражение казаки выдержали у Чусовского городка, отбив врага. А Алей, получив здесь крепкий отпор, повернул на север, на Соль-Камскую. Враги ворвались в посад, учинив бойню, подожгли город, (после этого в Соли-Камской 200 лет устраивали крестный ход к братским могилам). Отсюда Алей двинулся еще севернее и осадил Чердынь, главную русскую крепость в Пермском крае. И вот этим-то воспользовался Ермак Тимофеевич. Нет, не Строгановы организовывали поход. Для них главным была защита своих владений. Это была истинно казачья тактика — пока главные силы сибирцев бродили по Пермскому краю, представилась уникальная возможность нанести смертельный удар прямо в сердце их ханства! Сохранились сведения, как Кольцо и другие казаки угрозами вытрясли из Максима Строганова припасы и снаряжение. Взяли местных проводников и 1 сентября выступили. Отряд насчитывал 540 человек, имел на вооружении 3 малокалиберных пушки и 300 пищалей.

Чердынь еле отбилась. И воевода Пелепелицын, тот самый, что уже пострадал от казаков, послал в Москву донос. Мол, Строгановы не помогли, вместо этого отправили казаков в Сибирь. Царь осерчал. В этот момент правительство всеми мерами старалось не спровоцировать новых войн, и на Каму пошла гневная грамота. Строгановым нагорело за то, что они призвали «воров», которые «преж того поссорили нас с Ногайской ордой, послов ногайских на Волге на перевозех побивали». Но о том, чтобы их перевешать, уже не упоминалось — царь приказывал под страхом «большой опалы» вернуть казаков и использовать «для оберегания пермских мест». *И именно эта грамота, датированная 6*

декабря 1582 г., принята для определения старшинства Сибирского Войска.

Впрочем, грамота опоздала. Когда она писалась, Кучум уже был разгромлен. Не было трехлетнего похода на Кашлык с зимовками, многими сражениями и поочередным прогрызанием линий обороны. Такой поход, воспетый потом в легендах, оказался бы не по силам никаким героям. Был стремительный рейд. Очень тяжелый и напряженный. Нужно было и опередить Алея с его ратью, и успеть до ледостава. С Чусовой флотилия поднялась по ее притоку, Серебрянке. Здесь, на перевале Уральских гор, пришлось бросить несколько тяжелых стругов. Легкие перетащили волоком в р. Журавлик. А дальше сплавлялись уже по сибирским рекам: Баранчук, Тагил, Тура, Тобол. Были стычки с противником у «Епанчиной деревни», в юрте Карачи, и Кучум узнал о появлении казаков. Но не придавал этому должного значения — ну пограбят и уйдут. Что может сделать горстка людей против целого царства? Но они быстро приближались, и хан принялся собирать войско, поручив командование брату Маметкулу. Столица ханства Кашлык не являлась в полном смысле слова городом. Это было небольшое укрепление на холме, где располагались ставка царя. Поэтому оборону организовали у подножия холма, на Чувашевом мысу. Соорудили засеку, построили воинов.

Когда струги Ермака вышли на Иртыш к Кашлыку, казаки увидели огромную рать, и многие невольно оробели, «восхотеша в ночи бежати». Атаман велел отойти в безопасное место и провел круг. Отступление было, в общем-то, уже невозможно. Стояла поздняя осень. Вот-вот сибирские реки начнут замерзать, и отряд не успел бы уйти за Урал. Оставалось победить или погибнуть. Круг решил атаковать. 26 октября, в день св. Дмитрия Солунского, струги ринулись на штурм. Противников и впрямь было очень много, но это были не лучшие дружины Кучума — они еще не вернулись с Руси. Это было наспех собранное ополчение разных племен. Огнем казаки отогнали врагов, высадили десант. У засеки атака захлебнулась, штурмующих засыпали стрелами. Казаки остановились, стали откатываться к воде. Но не исключено, что это делалось нарочно — Маметкул велел делать проходы в засеке и контратаковать. А как только враги высыпались из-за укрытий, они стали хорошей мишенью. Получили несколько залпов, и разношерстная рать побежала. Маметкул, пытаясь навести порядок, был ранен, что усилило панику. А казаки ринулись в новую атаку. Кашлык был взят.

Кучум бежал. Но уступать не собирался. Он сохранил свои главные силы, подошло войско Алея. Захваченную столицу окружили, скрытно наблюдали за ней. А казакам требовалось пополнить припасы. Они узнали о хороших рыбных ловах на оз. Абалак, и туда отправился отряд под предводительством **Богдана Брызги**. Неприятели напали на него и истребили полностью. Получив об этом сведения, Ермак немедленно вывел всех казаков. Это был рискованный, но единственно верный шаг — иначе кучумовцы, ободрившись победой, блокировали бы Кашлык. 5 декабря у оз. Абалак произошло тяжелое и кровопролитное сражение, «брань велия на мног час». Подробностей мы не знаем. Известно лишь, что казаки понесли серьезные потери, но победили.

И вот после этого держава Кучума посыпалась, как карточный домик. Местные племена вышли из повиновения узурпатору. Некоторые перешли на сторону русских, повезли в Кашлык дичь, рыбу, ясак — дань мехами. Против Кучума выступил Сеид-хан, племянник свергнутого Едигера. От царя отпадал его визирь Карача. А казаки на кругу решили — обратиться в Москву и передать Сибирь царю. По весне выехала станица из 25 человек. Вопреки легендам, возглавил ее не Иван Кольцо. В Посольском приказе и записях Чудова монастыря, получившего вклады казаков, зафиксированы имена атаманов посольства: **Александр Иванов** по прозвищу **Черкас** и Савва Болдыря. Возвращаться прежней дорогой значило 1200 км грести против течения, и от местных жителей узнали более легкий обратный путь, вниз по Иртышу и Оби, а «через Камень прошли Собыю же рекой в Пусто-озеро».

В Москву прибыли летом или осенью 1583 г. Иван Грозный высоко оценил победу казаков, все «вины им отдал», наградил. Но о царских панцирях для Ермака столичные документы не упоминают нигде. Перечисляется, что Грозный жаловал казаков «деньгами и

сукнами», а Ермака и атаманов «золотыми». Царь собирался немедленно послать подмогу, но убедился, что зимний поход через горы нереален и отложил его на весну. А в марте он умер. И все пошло через пень-колоду. Черкаса и Болдырю правительство задержало в Москве как консультантов по сибирским делам. А за Урал направило Семена Болховского, Ивана Киреева и Ивана Глухова, выделив им всего 300 стрельцов, да и то две сотни предписывалось набрать самим. Это были не профессионалы, а новобранцы из крестьян и посадской голытьбы.

Тем временем казаки Ермака «гуляли» по Сибири, «приводя под государеву руку» племена. Свою базу они перенесли из тесного Кашлыка на Карачин остров в устье Тобола. Отсюда на лошадях и стругах совершили походы по Иртышу, Тавде. Одни племена присягали добровольно. Другие, хоть и вышли из-под власти Кучума, но и казакам покоряться не желали. Их приходилось подчинять с боями. В схватках погибали казаки, пал атаман Никита Пан. Но одерживались победы. На Вагае был еще раз разгромлен и взят в плен Маметкул. Однако и трудностей не убывало. Летом 1584 г. не удалось запасти достаточно продовольствия. О причинах остается лишь догадываться — то ли погодные условия выпали неблагоприятные, то ли враги отогнали дружественные племена, снабжавшие казаков. А отряд Болховского прособирался долго, выступил поздно. И дорога для воинов, набранных с миру по нитке, оказалась слишком тяжелой. Все грузы, в том числе продовольствие, они бросили на перевалах. Прибыли к Ермаку в ноябре. И такая подмога обернулась бедствием.

Зимой в лагере настал голод. Первыми начали умирать самые слабые — стрелецкие новобранцы, измученные дальним переходом. Умер и Болховский, да и казаков поубавилось. Едва спали морозы, Ермак отправил на Русь Киреева, который повез пленного Маметкула и донесение с просьбой о помощи. С началом весны казаки смогли выходить на рыбалку, положение немного улучшилось. Однако и враги не дремали. Первый удар нанес Карача. Явились его гонцы с известием, что влиятельный мурза признает себя русским вассалом, но за это умоляет о защите от теснящих его казахов. К нему отправился Кольцо с отрядом в 40 человек. В их честь был устроен пир, голодные казаки набросились на еду и питье, а когда захмелели, были подло вырезаны. Ермак, обеспокоенный отсутствием вестей от них, послал на разведку отряд **Якова Михайлова**. Его тоже уничтожили. И вскоре местные сообщили о приближении войска Карачи.

Ермаковцы перебрались из лагеря в укрепленный Кашлык. Но Карача на штурм не полез. Обложил крепость со всех сторон, надеясь выморить голодом. Блокада продолжалась с Великого поста до «пролетия». Заметив, что бдительность противника ослабла, Ермак выслал самых крепких и умелых бойцов под командованием **Матвея Мещеряка**. Ночью они пробрались мимо караулов и напали на ставку Карачи. Погромили, убили двоих его сыновей. Татары, опомнившись, стали окружать смельчаков, они отбивали атаки. А Ермак из крепости пошел на вылазку. Ошеломленные и растерявшиеся неприятели ринулись в бегство.

Казалось, все беды позади. Но подмоги из России все еще не было, и Ермак не знал, когда она придет. А местные жители жаловались, что Кучум, обосновавшись в южных степях, не пропускает бухарских купцов. Роль торговли со Средней Азией была в Сибири очень велика. Оттуда в обмен на меха поступали ткани, хлеб, рис. И Ермак, оставив в Кашлыке Глухова с уцелевшими стрельцами, предпринял свой последний поход, к верховьям Иртыша. Опять с боями, приводя в подчинение здешних князьков. Казаки осадили крепость Кулары, но взять не смогли. Ермак ободрял соратников, ничего, мол, на обратном пути «приберем». Дошли до Шиш-реки, но возвращались уже «прогребаючи все городки и волости». Не исключено, что у казаков кончались боеприпасы.

А Кучум и Карача, вновь объединившись, подняли все силы. И выслали агентов, сообщивших Ермаку, будто видели бухарских купцов на Вагае. Не дойдя всего 100 верст до Кашлыка, казаки повернули в эту реку. Прошлись по ней впустую, никого не нашли. И остановились на ночлег в устье Вагая. Измученные скитаниями, казаки утратили

бдительность. На руку Кучуму сыграло и ненастье. Ночью 5 августа 1585 г. татары скрытно подобралась к лагерю и ударили. В более поздних хрониках возникла версия, будто вся дружина полегла, но ранние источники показывают, что часть казаков спаслась [171]. О том же говорят татарские предания. А версий гибели атамана несколько. По одной он прикрывал отход — главное было столкнуть струги на воду и отчалить от берега. Ермак был тяжело ранен богатырем Кучугаем, и, бросившись вплавь за судами, утонул. По другой, он отбивался уже на стругах и, будучи раненым, упал в реку... Казаков осталось всего 90. Их возглавил Мещеряк. На общем совете со стрельцами Глухова решили — уходить на Русь. Но и Кучуму победа впрямь не пошла. Кашлык захватил его соперник Сеид, на сторону которого перекинулся Карача.

А на Руси тем временем кончились неурядицы, связанные со смертью Ивана Грозного. При новом царе Федоре Иоанновиче власть крепко взял в руки Борис Годунов. И вести, привезенные Киреевым, его встревожили. Годунов забил тревогу, была срочно собрана рать воеводы Мансурова из 700 стрельцов и служилых казаков. Но, как уже отмечалось, в Сибирь и из Сибири вели разные пути. Мансуров опоздал всего чуть-чуть и разминулся с Мещеряком. Увидел Кашлык в руках татар. Попытался догнать ушедших казаков, поплыл вниз по Иртышу до Оби, но не догнал. Наступали холода, реки стали замерзать. И рать Мансурова остановилась у устья Иртыша, срубив Обский городок, стала объяснять местным хантов.

Мещеряк же с казаками встретил в Москве прохладный прием. Царь «на них не опалился», но и наград не последовало. А Годунов стал снаряжать новое войско. Во главе были поставлены Василий Сукин и Иван Мясной. В состав рати вошел и отряд Мещеряка, и прежние посланцы Ермака, все еще находившиеся в Москве, Черкас Иванов и Болдыря «со товарищи». В наказе воеводам предписывалось не ввязываться в сражения и закрепляться в Сибири строительством крепостей. В 1586 г. воины Сукина и Мясного перешли Уральские горы и заложили г. Тюмень. В 1587 г. в Сибирь прибыли еще 200 стрельцов и казаков Данилы Чулкова. Под его начало перешли и ермаковцы. Отряд основал г. Тобольск всего в 15 верстах от Кашлыка. Сеид-хану и Караче такое соседство, конечно, не погравилось. Они напросились на переговоры, но привели 500 воинов. И встреча вылилась в столкновение. В жестоком бою погиб Мещеряк, однако врага разгромили. Победителям достался и Кашлык, но он был уже не нужен — новой столицей Сибири стал Тобольск.

10. ЗАПОРОЖЦЫ И УНИЯ

Две славянских державы, сложившихся в Восточной Европе, Россия и Речь Посполитая, отличались, как небо и земля. Одна была православной монархией, где сильная власть царя опиралась на устои Православия и дополнялась широким земским самоуправлением народа. Другая — оплотом католицизма. И аристократической республикой, где магнаты и шляхта ставили во главу угла собственные «свободы». Заседая в сенате и сейме, выносили постановления, выгодные им самим, всячески ограничивали власть монархов. После смерти Сигизмунда II паны сделали пост короля выборным и ввели право «вето». Достаточно было одному депутату сейма крикнуть: «Не позволям!» — и решение не проходило. С этого времени короли стали полностью зависеть от магнатов, способных заблокировать любой их шаг.

Но простонародье никаких прав не имело вообще. Подати были самыми высокими в Европе. В 1566 г. был принят Статут, согласно которому владеть недвижимостью могла только шляхта. А крестьяне, не только крепостные, но и свободные, должны были арендовать землю у дворян, попадая при этом в их полную юридическую власть. Суды осуществляли помещики. И любой шляхтич мог безнаказанно ограбить, изувечить, убить простолюдина (в России право жизни и смерти принадлежало одному лишь царю). Для «хлопа» добиться справедливости было невозможно.

Что же касается казаков, то обещания, которые им надавали, остались пустым звуком.

Реестровых так и не уравнивали в правах со шляхтой. Правда, допустили, что реестровые могут владеть землей, но без закрепления этого в законе. Юридический статус казаков остался неопределенным. А низовцов не уравнивали в правах с реестровыми. Ну а после сожжения ими Стародуба о том, чтобы базироваться возле Чернигова, разумеется, не могло быть речи. И в 1580-х гг. возникла Запорожская Сечь. Впрочем, термин «Сечь» не географический и не организационный. Запорожское Войско называло себя Кошем. А Сечь означает засеку, укрепление. Она несколько раз меняла свое место, а в конце XVI в. расположилась возле устья р. Чертомлык. Внутри укрепления строились курени — казармы. Впоследствии их количество было традиционным — 38. Каждый курень являлся самостоятельной общиной, выбирал куренного атамана. Каким образом сложилась такая структура, представляется очевидным — если на Дону разные отряды селились отдельными городками, то в Запорожье они объединились, став куренями, об этом свидетельствуют и названия куреней — Донской, Каневский и т. п.

В Сечи жило около 3 тыс. казаков. Ежегодно 1 января проводилась рада — круг, где выбирали кошевого атамана и старшин: судью, писаря и есаула. По жребью распределяли между куренями реки для рыбных и звериных ловов. Выработывали совместные предприятия. Быть запорожцем — значило принадлежать к какому-нибудь куреню. Но прием был легким. Задавалось всего два вопроса. Верует ли человек в Господа Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу, и желает ли биться с басурманами. Два «да» — и ты казак. Принимали и поляков, русских, белорусов, даже татар и турок (но при условии перехода в христианство). Почему так просто? Потому что никаких благ и выгод звание запорожца не сулило. Зато лишений и опасностей — хоть отбавляй. Из походов нередко возвращалась половина, а то и меньше. Не по нутру такая жизнь, ну и иди себе, никто не держит. Погиб — Царствие Небесное. А из тех, кто оставался и приживался, выковывались настоящие казаки.

Запорожцы объявляли себя «лыцарским братством». И законы их в целом были такими же, как у других вольных казаков. Единство, взаимовыручка, равный раздел добычи, смертная казнь за предательство, убийство товарища, воровство, мужеложство и прочие тяжкие преступления. Но была и особенность — безбрачие. Женщины в Сечь не допускались под страхом смерти, а за «блуд» били киями. Легенда гласит, что подобные правила ввел Вишневецкий по образцу Мальтийского рыцарского ордена. Так это или нет, но правила были вполне рациональными. Народ в Сечи собирался разношерстный, и наличие женского пола запросто могло разложить «лыцарство». Были и женатые запорожцы. Но их семьи жили в городах или на хуторах, на зиму мужья возвращались к ним, а весной приходили в Кош для участия в походах. Сечевики к таким относились свысока, презрительно именовали «сиднями», «гнездюшниками». А постоянным ядром была безбрачная «сирома» («сиромаха» — волк).

Поэтому применительно к запорожцам говорить о какой-то генетической преемственности не приходится. Преемственность шла сугубо на уровне традиций. А само слово «казак» на Украине приобрело три значения. Первое — реестровые днепровские казаки. Второе — разноплеменные запорожцы. Наконец, и крестьяне всеми правдами и неправдами стремились обозначить себя «казаками», потому что только в этом случае могли быть свободными землевладельцами. Если ты не казак, то «хлоп» со всеми вытекающими последствиями. Иной градации польское право не знало. Кстати, и термин «Украина» по смыслу отличался от нынешнего, он применялся только в прямом значении, «окраина». В документах того времени фигурируют Польская Украина, Московская Украина (южное порубежье), Сибирская Украина.

По окончании войны с Россией казаки принесли Баторию массу хлопот. От хана и султана опять пошел дождь жалоб на них. Украинский историк С.А. Лепявко просуммировал цифры, и оказалось, что только по данным, попавшим в эти жалобы, казаки в 1570–1580 х гг. совершили более 40 нападений на турок и татар, угнали 100 тыс. быков и овец, 17 тыс. коней, взяли 360 тыс. золотых деньгами. Баторий же вел себя хитро. Реагировал так, как ему выгодно. Когда казаки поймали и выдали ему молдавского господаря Янку Саса, бежавшего

от турок со своими богатствами, король его убил, а казну присвоил и султану не вернул. Но когда казаки разрушили Бендеры, и турки грозили войной, Баторий ради примирения казнил 31 казака и возвратил захваченные ими пушки.

Казаки по-прежнему пользовались покровительством украинских магнатов, в их предприятиях участвовали Вишневецкие, Острожские, Збаражские, Заславские. Панам это было выгодно. Ну куда, спрашивается, казакам было девать 10 тыс. овец, угнанных от Аккермана? А магнату скупленные подешевке стада и отары оказывались очень кстати. А из внутренних областей Речи Посполитой крестьяне всюду бежали от шляхетского гнета и произвола. Устремлялись на пустующие земли Поднепровья и Приднестровья — под защитой казаков эти территории стали более безопасными, чем раньше. Но этим пользовались и местные паны, приманивая беглецов к себе. Давали льготы на 5, 10 лет. Не мешали новым подданным и «оказываться», пусть обороняют хозяйские земли, пусть ходят в набеги, умножают скот и добро. В результате именно украинские магнаты стали в Польше самыми богатыми.

У короля на панов управы не было никакой. Но и с казаками он сладить не мог. В 1585 г. хан Ислам-Гирей опять прислал жалобу на нападение, угрожая набегом. Баторий послал в Сечь дворянина Глембовского, чтобы вернуть татарам награбленное, однако казаки возмутились и посланца утопили. Впрочем, когда Ислам-Гирей выступил на Украину, казачьи челны встретили его на переправе у о. Таван, вступили в бой на воде, перебили 3 тыс. татар, захватили их лодки с седлами и припасами и сорвали набег.

Но в 1587 г. Баторий умер. И на престол был избран шведский принц Сигизмунд III Ваза, хотя и выходец из протестантской страны, но ярый католик. Ближайшим его советником стал папский нунций, страну наводнили иезуиты. Если многие украинские и литовские паны еще сохраняли православную веру, то иезуиты принялись переманивать в католицизм их сыновей. Открыли сеть своих школ. Сигизмунд покровительствовал и подыгрывал им, давал католикам преимущества при выдвижении на важные посты, так что сменить веру становилось выгодно. Во внешней политике Польша стала вернейшей опорой Рима и германских Габсбургов, под влиянием папы и императора Сигизмунд втянулся в антитурецкую коалицию. Но расплата была суровой. Хан Кази-Гирей в 1589 г. двинул всю орду на Украину. Своевольная шляхта приказ о мобилизации проигнорировала. Татары докатились до Львова, встали лагерем у Тернополя и разослали загоны, опустошая страну.

Достоинно проявили себя только запорожцы. Выступили из Сечи на перехват и встретили татар, когда они уже уходили, на Днестре. Напали на один из загонов и разгромили. Кази-Гирей, услышав шум боя, поспешил на выручку и окружил казаков. Но они устроили табор, заслонившись возами, и отбивались. Хан бросал на них все новые отряды. Как писали потом запорожцы, «враг на нас потопом пошел, чего мы перед тем в битвах никогда не видели». Отбили несколько атак, а затем вышли из табора и ударили прямо на ханскую ставку. Кази-Гирей был ранен, погиб его двоюродный брат, несколько мурз. И татары отступили. В битве они потеряли 9 тыс. воинов, был освобожден огромный полон.

И, тем не менее, несмотря на столь явные заслуги, почти сразу же начались... репрессии против казачества. Потому что король поспешил замирился с турками, а султан выставил требование уничтожить и разогнать запорожцев, «чтоб и имени их не осталось». Однако наложился и другой фактор — менялась позиция украинских магнатов. Старые рубаки, добывавшие саблей свои владения и богатства, сходили со сцены. А их наследники уже не были заинтересованы в альянсе с казаками. Для них были важнее стабильность и покорность подданных. В том же 1589 г. сейм принял постановление, запрещавшее отлучаться из заселенной Украины «на низ». Предписывалось казнить таких беглецов, как и тех, кто будет возвращаться из «диких полей» с добычей или принимать их добычу. Для контроля назначались особые «дозорцы», обязанные проверять приграничные города и местечки. Простолюдинам запрещалось продавать оружие и боеприпасы.

В 1590 г. последовало второе постановление: казачьи гетман и старшина должны были

избираться из польской шляхты, утверждаться королем, предписывалось проверить реестр, сведя число казаков до ранее установленной цифры в 6 тыс. То есть исключить вольных крестьян, которые, назвав себя казаками, заводили хозяйства, и запорожцев, имевших семьи и дома в украинских городах и селах. Те и другие превращались в «хлопов». О казачьих правах на поднепровские земли, дарованные прежними королями, было забыто. Сигизмунд указывал: «Государственные сословия обратили наше внимание на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусте наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы... будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитой». Территории, освоенные казачьей кровью (и отнюдь уже не пустынные), раздавались панам, получая тот же гнет, что внутренние районы Польши.

В ответ в 1591 г. полыхнуло первое восстание. Возглавил его шляхтич **Кшиштов Косинский**, которого запорожцы избрали гетманом. Повстанцы захватили Белую Церковь, войско их достигло 20 тыс. Но поляки сумели нанести им ряд поражений, после чего предложили заключить мир. Косинский был приглашен для переговоров в Варшаву, вероломно схвачен и казнен. Правда, с запорожцами королю все же пришлось мириться. Потому что мир с Крымом был слишком ненадежным. Татары не преминули воспользоваться смутой в Речи Посполитой и в 1593 г. прокатились по ней так, что даже 8 лет спустя в Луцком повете насчитывалось 269 опустошенных селений. А западные «друзья» Сигизмунда, папа и император Рудольф, как раз затевали новую войну против Турции. Польша вступила в союз с ними. К участию в коалиции Рудольф хотел привлечь и Россию, просил Федора Иоанновича прислать ему 8–9 тыс. казаков, они в Европе уже тогда славились как непревзойденные бойцы. Посол императора Эрих Лясота посетил Сечь. Причем посетил вместе с московским послом. И любопытно, что запорожцы все еще считали царя «своим» монархом. Просили, чтобы и он прислал для операций против турок российских воинов.

В этой войне запорожцы в очередной раз проявили себя с лучшей стороны, предпринимали рейды на Очаков, Крым, Молдавию, Валахию... Но тем временем король и иезуиты уже готовили православным подданным новый страшный сюрприз. Унию. Надо сказать, это была не первая попытка римских пап уничтожить Православную Церковь и стать единовластными хозяевами «христианского мира». Когда Византия совсем ослабла, ее императоры в надежде на помощь Запада заключали Лионскую унию в 1274 г. и Флорентийскую — в 1439 г. Но Рим в эпоху Возрождения превратился в настоящий гнойник, на папском престоле оказывались взяточники, убийцы, развратники, гомосексуалисты. Православные об этом знали, и оба раза большинство из них унию отвергло. Униатского митрополита Исидора, прибывшего в Москву, князь Василий II арестовал и выслал вон. Ну а для помощи Византии Запад пальцем о палец не ударил. И после падения Константинополя греческое духовенство унию осудило.

Однако в Риме о ней помнили и сочли, что в Польше представился удобный случай восстановить ее. Не только для того, чтобы залучить под власть «святого престола» украинцев, белорусов, литовцев, но и создать юридический прецедент для дальнейшей католической экспансии — на Россию, Балканы, Ближний Восток. Для иезуитов были разработаны особые инструкции, как обрабатывать православное духовенство. Им удалось перекупить Луцкого епископа, от его имени развернулась кампания по подчинению Риму. И в 1596 г. по указу Сигизмунда в Бресте был созван церковный собор. Сразу же он разделился на две партии, они заседали отдельно и вынесли противоположные решения. Одна, во главе с Киевским митрополитом Рагозой, постановила принять унию и прокляла ее противников. Другая постановила лишить сана Рагозу и просила короля не чинить насилия в делах веры.

Да уж куда там! Конечно, Сигизмунд поддержал первую партию. Начались захваты имущества Православной Церкви, погромы униатами и католиками храмов и монастырей. Доходило до того, что луцкий староста Симашко в Страстную субботу и Св. Воскресенье

устроил в православном храме танцы, приказывал солдатам стрелять в иконы, а упорствующим православным выкалывал глаза... И в 1596 г. казаки вновь восстали. Возглавил их **Наливайко**. Он был из мелкой украинской шляхты, участвовал в подавлении восстания Косинского. Но в то самое время, когда он сражался за короля, магнат Конецпольский убил его отца. И Наливайко ушел к запорожцам. Отличился в войне с турками и был избран гетманом.

Лозунгом повстанцев стала защита православия, причем казакам покровительствовал князь Острожский. Наливайко базировался в его владениях, совершая набеги на униатов. Но и этот мятеж подавили. Наливайко и его полковников **Лободу** и **Мазепу** взяли в плен и подвергли в Варшаве особо изощренной казни, изжарили в медном быке. А против казаков вводились дополнительные меры. Шляхте Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств был поручен надзор за казаками, приказывалось арестовывать всех подозрительных, разгонять любые группы, хотя бы и по 5–6 человек, прекратить всякие сношения Украины и Запорожья. Но выступления против унии не прекращались, были бунты в Добровнице, Остре, Брацлаве, Корсуни. Сейм издал постановление «О своеволии Украины», предписывая «беспощадные кары» за любые «эксцессы». И Сигизмунд решил покончить с казачеством. Издал указ об уменьшении реестра до 1 тыс. человек. Планировалось направить войска и разорить Сечь. Но неумная политика короля перессорила Польшу со всеми соседями — Турцией, Швецией, Крымом, Россией, вызвала оппозицию знати. И проект уничтожения Сечи остался не реализованным.

11. НАЧАЛО УРАЛЬСКОГО ВОЙСКА

Многие историки допускают серьезнейшую ошибку, рассматривая казаков в XVI–XVII вв. как какую-то одну категорию людей. Но, как уже отмечалось, на Украине в ту эпоху слово «казак» имело три значения. А на Руси...четыре! Были «природные» казаки: донские, терские, волжские, яицкие. Но издавна многие казаки осели в русском приграничье, да и у природных казаков основным заработком была военная служба. И постепенно термин «казак» распространился на любых вольных людей, нанимающихся в царское войско или гарнизоны городов — если они служили не в стрелецких частях. В документах такую категорию выделяли как «служилых» или «городовых казаков», что, по сути, было синонимом слова «солдат» (напомню, этого термина в России еще не существовало). Служилыми казаками становились выходцы не только из казачьей среды, но и из крестьян, горожан. Они получали жалованье 4–5 руб. в год (сумма немалая, корова стоила 2 руб.), 12 четвертей ржи и столько же овса, участок земли, освобождались от налогов. Служба их была пожизненной и потомственной. Они сводились в десятки, сотни. И командный состав имел чины десятников, пятидесятников, сотников, голов. Позже чин головы сохранился только у стрельцов и дворянской конницы, а у служилых казаков был заменен на «атаман». Но это был не выборный пост, а воинское звание, означавшее командира пяти сотен (и жалованье 9 руб.) Слобода, где жили служилые казаки, существовала и в Москве, ее следы сохранились в названиях нескольких Казачьих переулков.

Французский капитан Маржерет, служивший в России, писал о служилых и природных казаках: «Лучшая пехота... состоит из стрельцов и казаков... они есть в каждом городе, приближенном на 100 верст к татарской границе, смотря по величине имеющихся там крепостей по 60–80, более или менее, и до 150, не считая приграничных городов, где их вполне достаточно. Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают равную со стрельцами плату и хлеб, сверх того император (царь) снабжает их порохом и свинцом. Есть еще другие казаки, имеющие землю и не покидающие гарнизонов. Их наберется от 5 до 6 тыс. владеющих оружием. Затем есть настоящие казаки, которые держатся в татарских равнинах вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие, и часто наносят гораздо больший урон татарам, чем вся русская армия. Они не получают большого содержания от императора, разве только, как говорят, свободу своевольничать, как им

вздумается. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тыс., готовясь соединиться с армией... Половина из них должна иметь аркебузы (пищали), по 2 фунта пороха, 4 фунта свинца и саблю. Остальные... должны иметь лук, стрелы, саблю или нечто вроде рогатины... когда зовут на войну, шлют им порох, свинец, жалованье 7-10 тыс. руб. Они приводят первых пленников, за что награждаются сукном на платье или деньгами...»

Природные казаки являлись не только воинами, но и отличными корабелями, моряками, чем также нередко подрабатывали. Отсюда третье значение — «кормовые казаки». Так стали называть матросов на речных судах (термина «матрос» в русском лексиконе тоже еще не было). А «кормовые» — не от слова «корма», а от «корм». То есть оплата, которую они получали. Наконец, всякая вооруженная вольница, то бишь разбойники, тоже величала себя казаками. Это были «воровские казаки». Следует помнить, что данные четыре категории были совершенно различными. И когда мы ведем речь о современном казачестве, то оно формировалось в основном из природных и служилых. Но были и добавки из двух других категорий.

Первые политические шаги Федора Иоанновича (точнее, правительства Годунова) были направлены на укрепление мира со всеми соседями. На Дон, Терек, Волгу пошли указы казакам «жить смирно» и «не чинить задору» с соседями. Но на самом деле это было нереально. Работорговый промысел стал главной специализацией Крыма. Причем определяющую роль в этом играли не сами татары и турки. Торговля в Османской империи всячески поощрялась, находилась под личным покровительством султана, но турки и татары ею не занимались, считали ее недостойной профессией. Купцами были греки, армяне, арабы, евреи. В Крыму работорговлю монополизировала еврейская купеческая община. (Обратите внимание, на Украине жило много евреев, но ни в одном документе вы не найдете, чтобы их захватывали в полон, продавали в неволю — выходит, крымцы знали, кого брать, а кого не стоит. А может быть и так, что крымские и украинские соплеменники обменивались информацией о предстоящих набегах, а то и наводили их.)

Община работорговцев являлась вернейшей опорой ханов. Но она влияла и на политику. От денег купцов зависели придворные, мурзы. В результате Крым стал главным поставщиком рабов в страны Востока. Но и для самого ханства захват «ясыря» стал основой политики и экономики, без этого оно существовать уже не могло. Крупнейший оптовый рынок был в Перекопе — тут работорговцы скупали полон у воинов. Вторым центром была Кафа. Здесь «оптовики» перепродавали «товар», и он развозился в Стамбул, Малую Азию, Африку. Еще один центр работорговцы устроили в Азове. Он был удобнее Перекопа, отсюда невольников не требовалось гнать через степи Крыма, а можно было везти морем. В «выгоды» работоргового промысла втягивались и азовские жители, черкесы, ногайцы.

И если правительство в Москве из политических соображений порой закрывало глаза на эти безобразия, то для казаков они были не безликими сведениями из воеводских донесений. Они воочию видели вереницы связанных мужиков, баб, телеги с пленными девушками, корзины с маленькими детьми, притороченные к коням. У них по соседству шумели рынки, где помосты переполняли тысячи голых людей, а покупатели щупали их мускулы, заглядывали в зубы, оценивали телесные прелести женщин и мальчиков. И царские дипломаты оправдывались в Стамбуле, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей с крымскими и ногайскими людьми ходят на государевы украины войною и многих русских людей емлют в полон и ведут в Азов, и казаки, того не мога терпети, на них приходят».

Впрочем, и правительство на самом-то деле хорошо понимало, что мир со степняками — понятие условное. И Годунов продолжил мероприятия Ивана Грозного по укреплению границ. Южнее Большой засечной черты стала строиться еще одна система крепостей — Ливны, Курск, Рыльск, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород. Они составили передовую цепь укреплений, выдвинутую вглубь степи. Крепости строились и на Волге для предотвращения бунтов местных племен, защиты от ногайцев. В 1586 г. была возведена Самара, где поселили 200 семей казаков. Следом за ней выросли Царицын, Царево-Кокшайск, Царево-Санчурск,

Уржум, Саратов.

К данному времени относится и первая достоверная информация о яицких казаках. Как уже говорилось, при уходе Ермака к Строгановым атаман Барбоша с соратниками остался на Яике. Он построил городок в урочище Коловратное, в 60 верстах от будущего Уральска. Эта река была еще совсем «дикой», никаких иных населенных пунктов тут не существовало. И на Яик стекались самые отчаянные головушки. В 1586 г. к ним обратились астраханские воеводы, приглашая на службу. 150 казаков согласились. Но атаманы **Богдан Барбоша**, **Нечай Шацкий**, **Якбулат Чембулатов**, **Якуня Павлов**, **Никита Ус**, **Первуша Зея** и **Иван Дуда** отказались. С ними осталось 250 казаков.

Россия укрепляла позиции и на Кавказе. Терский городок, восстановленный в 1577 г., тоже был разрушен. В 1588 г. его отстроили заново, но теперь он располагался в устье Терека. Сюда переселился кабардинский князь Мамсрук со своими подданными и частью гребенцов, на службу привлекались и нижнетерские казаки. А в устье Сунжи был возведен Сунженский острог. Но в Дагестане шамхал Тарковский вел себя враждебно, сносился с турками и Крымом, предпринимал набеги на казаков и кабардинцев. И в 1591 г. против него был организован поход. Участвовали стрельцы, князя Кабарды, к экспедиции правительство привлекло гребенских, терских и яицких казаков. Шамхала быстро вразумили, он принес присягу о подданстве царю. А для защиты от врагов попросил, чтобы ему тоже построили русскую крепость. И на его землях возник Койсинский острог.

А поскольку сохранилась грамота об участии в походе яицких казаков, то как раз с 1591 г. принято считать старшинство Уральского Войска. Но в данном случае дата тоже условна, хотя по другим причинам, чем с Донским или Оренбургским Войсками. Казачья община на Яике в это время на службу России еще не перешла. Рейд на Дагестан стал разовым мероприятием — сулил хорошую добычу, жалованье, вот и сходили. А дальше яицкие казаки продолжали жить сами по себе, изрядную долю среди них составляли «воровские», и о контактах с правительством они знать не желали. Вместо этого предпочитали выйти на Каспий или на Волгу и грабануть персидских купцов.

При Федоре Иоанновиче были достигнуты новые успехи в освоении Сибири. Воевода Горчаков с казаками разгромил давно досаждавшее России Пелымское княжество. Росли новые города — Березов, Верхотурье, Обдорск, Кетский острог, Сургут, Тара. Годунов обратил внимание и на Мангазею. Поморы тут действовали сами по себе, торговали с местными и даже «дань с них имали воровством на себя». Царь взял этот город под контроль, направив своих воевод. А Кучума еще долго не могли одолеть. Он оставался вассалом Бухары, получая от нее помощь. Но Бухара воевала и с Казахским ханством. И вместе с Кучумом стеснила казахов с двух сторон, их хан Тевеккель обратился за подмогой в Москву.

Начались переговоры о том, что Тевеккель примет подданство царю, а за это получит «много рати с огненным боем». И хан соглашался, но погиб в бою, а затем ситуация изменилась. В Бухаре был убит заговорщиками свирепый хан Абдулмумин, началась гражданская война... От Бухары отделилась Хива, казахи захватили Ташкент. И Кучум лишился главной поддержки. Стал терпеть поражения. От него отпали ногайцы, башкирские и татарские мурзы переходили под власть русских. В 1598 г. против Кучума выступил воевода Воейков с отрядом из 400 бойцов, в который входили и ермаковцы под командой Черкаса Александра. Войско Кучума обнаружили на Черных водах. Скрытно приблизившись, отряд на рассвете 20 августа атаковал хана и разгромил наголову. После этого Кучум скитался по степям с горсткой людей и погиб в стычке с ногайцами.

Ну а Яицкое казачество к концу XVI в. значительно выросло — за счет притока беглых, перехода «воровских казаков» с Волги, которую все сильнее брали под контроль царские воеводы. Да и за счет естественного прироста. Но Яицкое Войско само подорвало свои силы. Решило воспользоваться раздорами в Средней Азии и предприняло два похода на Хиву. В 1600 г. отправился Нечай Шацкий с тысячей казаков. Сумел достичь Хивы, захватить и пограбить ее — поскольку хан с войском отсутствовал. Но на обратном пути ханская

конница настигла казаков у Аму-Дарьи и почти всех перебила. В 1605 г. на Хиву отправился атаман **Шамай** с отрядом в 500 казаков. Однако Шамай был захвачен в плен калмыками, а казаки двинулись дальше без него, сбились с пути и очутились на берегу Аральского моря. Многие погибли от голода и жажды. Оставшихся захватили хивинцы и увели в рабство.

12. КАТАСТРОФА СМУТЫ

Могущество России росло. В 1590 г. она начала войну против Швеции, одерживая победы. Враги России попытались было разыграть прежний сценарий — воспользоваться отвлечением царских войск на запад и ударить в спину. В 1591 г. крымский хан Кази-Гирей двинул на Москву всю орду, сумел прорвать пограничные линии. Но правительство смогло собрать к столице сильную рать. Федор Иоаннович вспомнил и о Донской иконе Пресвятой Богородицы, принесенной казаками на Куликово поле. После крестного хода вокруг города икона была поставлена в походной церкви. Всю ночь царь молился перед ней и получил известие, что одержит победу. 19 августа татары атаковали. И вдруг в их рядах возникло замешательство. Они начали отступать — и отход превратился в бегство [58]. Это чудо Пресвятая Богородица совершила через тех, с кем оставалась незримо связана икона, через донских казаков. Когда хан вышел к Москве, они ударили по второму эшелону орды, двигавшемуся следом. Разбили, взяли 7 тыс. пленных, 17 тыс. лошадей и двинулись на Крым. Известия об этом и вызвали среди татар панику [35]. В память о случившемся чуде был основан Свято-Донской монастырь — на том месте, где находилась икона во время битвы.

Шведов тоже разгромили, к России вернулись Карелия и утраченные земли возле Финского залива. Рос авторитет Москвы на международной арене. Через Константинопольского патриарха, получавшего от царя денежную помощь, удалось добиться учреждения Московской патриархии. Но... в стране стали нарастать и противоречия. Годунов был одним из первых в нашей истории «западников» и принялся проводить «европейские» реформы.

По примеру Польши он решил подмять казаков, обратить их в обычных подданных. В 1593 г. на Дон был направлен приказ «жить в мире с азовцами», отпустить пленных. А управлять казаками отныне должен был царский уполномоченный, на этот пост назначался дворянин Петр Хрущев. Круг возмутился и дал Хрущеву от ворот поворот. Годунов осерчал. И от имени царя послал с князем Волконским вторую грамоту. За конфликты с Крымом правительство угрожало опалами, казнями, обещало послать войска и согнать казаков с Дона, причем действовать против них вместе с турками. Правда, угрозы дополнялись и обычными приказами по службе — сопровождать посла в Азов, выслать разведку «на Арасланов улус добывать языков», «про ханское умышление проведать». И некоторые казаки соглашались исполнить повеления. Но в это время прибыл из Москвы казак **Нехорошко Картавый** и сообщил, что власти прижали донцов, которые находились на царской службе, перестали платить жалованье, «корму не дают», но и на Дон не пускают, «а иных в холопи отдают». Тут уж казаки совсем оскорбились, «показать службу» отказались и даже охраны Волконскому не дали.

Годунов попытался силой принудить Дон к покорности. Запретил казакам появляться в русских городах, где у многих были семьи, и где они торговали. Воеводам предписывалось сажать их в тюрьму, кого поймали — казнили. Против казаков началось строительство крепости Царев-Борисов на Северском Донце. Кроме того, стали создаваться отряды добровольцев, чтобы нападать на Дон и отлавливать казаков, для этого привлекались даже волжские «воровские» банды. Так, некий атаман Болдырь совершил несколько рейдов на Медведицу, хватая казаков, за что получил награду. Но карательные акции вызвали вовсе не ту реакцию, на которую рассчитывал Годунов. В ходе борьбы против турок и татар у донцов установились прочные связи с запорожцами. Несмотря на разное подданство, те и другие казаки считали себя братьями. Помогали друг другу, предпринимали совместные походы.

Теперь и на донцов, и на запорожцев катились гонения, и они заключили договор «стоять за един». А на нападения донцы ответили адекватно, ударили на Воронеж и сожгли его. Фактически началась война.

Однако Годунов испортил отношения не только с казаками. Он ухитрился нагадить всем слоям населения. Крестьяне на Руси были вольными. Но по образцу Польши, Прибалтики, Германии правительство решило закрепостить их, в 1593 г. отменило право ухода от помещиков на Юрьев день, а в 1597 г. учредило сыск беглых. Мало того, был принят закон, что любой вольный человек, проработавший полгода по найму, превращался в потомственного холопа. Начались страшные злоупотребления. Царские приближенные, бояре, дворяне заманивали мастеровых, даже хватали людей на дорогах, вымогая кабальные записи.

В 1598 г. умер Федор Иоаннович. Пресеклась династия Рюриковичей, и Годунов через Земский Собор обеспечил свое избрание царем. Но чувствовал себя на троне непрочно и развернул репрессии против возможных соперников. Главные из них, бояре Романовы, были арестованы по клеветническим обвинениям. Федора Романова постригли в монахи под именем Филарета, остальных сослали, многие умерли в заточении. Опалам подверглись и другие знатные роды — Нагие, Бельские, Черкасские, Сицкие, Шестовы, Репнины, Карповы, Шуйские, Мстиславские, Воротынские... Пострадало и дворянство. Опасаясь заговоров, Годунов внедрил повальное доносительство — холоп, донесший на дворянина, получал его поместье. Города наводнили шпионы... Пострадали и купцы, посадские. Годунов увеличил налоги и ввел западную систему, отдавать их на откуп частным лицам. Этим тоже пользовались его клеветы, обирая народ и разоряя торговцев.

А в 1601–1602 гг. случился двухлетний неурожай. Начался голод. В одной только Москве в общих могилах погребли 127 тыс. умерших. Хозяева распускали крепостных, которым нечем было кормить, другие разбегались сами, погибали, бродяжничали. Но когда положение стало выправляться, власти взялись сыскивать беглых. Вспыхнуло восстание Хлопки Косолапого. Его удалось подавить. Но главная гроза собиралась на юге. В тех самых городах-крепостях, которые понастроили по татарской границе. Они служили местом ссылки для опальных дворян. Именно сюда (а не к казакам) устремлялись беглые крепостные: людей здесь не хватало, и на происхождение смотрели сквозь пальцы. Юг не поразили стихийные бедствия, сюда шли голодающие. А потом побежали и остатки повстанцев. Рядом было враждебное Годунову казачество. Словом, юг превратился в пороховую бочку. И хватило одной искры...

Кем был в действительности Лжедмитрий I, доподлинно не известно до сих пор. Конечно, он не являлся «истинным царевичем». Но факты, приводимые современниками, ставят под сомнение и версию насчет расстриги Отрепьева. В России заметили, что он прикладывается к образам и творит крестное знамение не совсем так, как природный «москвитянин». А это выработывалось с детства, отвыкнуть за 3 года бывший монах не мог [90]. Заметили, что он не ходит регулярно в баню — а русские, в отличие от редко мывшихся западноевропейцев, были весьма чистоплотными. Да и речи самозванца по стилю и цитатам выдают следы польского воспитания. Скорее всего, он происходил из русских эмигрантов, живших в Польше, и был «тройной лошадкой», специально подготовленной иезуитами. Хорошо известно, что покровителями его стали папа Павел V, Сигизмунд III, иезуиты, авантюристы Адам Вишневецкий и Мнишек (который и в Польше имел репутацию подлеца). Сам Лжедмитрий был человеком храбрым, не злым, но абсолютно беспринципным. Тайно принял католичество, обязался распространить его на Руси, королю дал расписку уступить Смоленск, Северщину, Мнишеку обещал жениться на его дочери, отдать Новгород, Псков.

Предприятие сперва выглядело несерьезным, в 1604 г. на Русь выступили 3 тыс. шляхты и 2 тыс. запорожцев. Но едва Лжедмитрий перешел границу, на его сторону стали переходить города — Моравск, Чернигов, Путивль, Кромы, Рыльск, Севск, Белгород, Курск... Поддержало и казачество. Впрочем, при описании Смуты часто бывает неясно, о каких именно казаках идет речь. Историки нередко относят всех русских казаков к

«донским», а украинских к «запорожцам». Это неверно. Сторону Лжедмитрия приняли и служилые казаки, и вооруженные крестьяне тоже именовали себя «казаками». Например, к самозванцу пришли 12 тыс. конных «запорожцев» — цифра абсолютно нереальная. Сечь вместе с женатыми «зимовыми» выставляла лишь 6 тыс., из них 1,5 — 2 тыс. конных. Очевидно, это были обычные поселяне. На Украине многие из них имели оружие для защиты от татар. А узнав об успехах самозванца, хлынули к нему в надежде на добычу и награды. И в январе 1605 г. в битве у Добрыничей эти самые «запорожцы» при первом же натиске царских войск кинулись наутек, воеводам осталось только гнать и рубить их. Но донские казаки Лжедмитрию I помогли крепко. Оставались его опорой даже тогда, когда после поражений от него разбежались поляки. Атаман **Карела** с отрядом из 4 тыс. ополченцев, из них всего 600 донцов, в крошечной крепости Кромь связал всю царскую армию и несколько месяцев выдерживал осаду.

Тем не менее, успех самозванца определили не казаки, а то, что вся страна ненавидела Годунова. Ратники геройствовать и погибать ради него не стремились. А 15 апреля царь умер, оставив престол сыну Федору. Тут же среди войска и бояр возникли заговоры, ставившие целью с помощью Лжедмитрия избавиться от Годуновых. Армия перешла на его сторону, Федор был свергнут и убит. И самозванец торжественно воцарился в Москве. Он щедро награждал и обласкал донцов, допускал атаманов к руке прежде бояр, сажал рядом с собой за столом. Реабилитировал всех пострадавших при Годуновых. В частности, вернул из ссылки Филарета Романова с женой, тоже насильно постриженной, и сыном Михаилом. Филарета, который должен был бы приходиться «царю Дмитрию» дядей, поставил митрополитом Ростовским.

Но бояре не для того свержали Годуновых, чтоб посадить себе на шею безродного пройдоху, и стали готовить переворот. «Подыграл» им сам Лжедмитрий. Окружил себя иностранцами, выскочками, иезуитами. На подарки любимцам и забавы за полгода растранил из казны 7,5 млн. руб. (при годовом доходе бюджета 1,5 млн.). Ударился в разгул, пиры, охоты. Устраивал оргии, куда его подручный Молчанов поставлял девок. Позже в Москве насчитали 30 только таких, которых «государь» обрюхатил. А наилучшая ситуация сложилась в мае 1605 г., когда на свадьбу Лжедмитрия и Марины Мнишек понаехали тысячи поляков. Вели себя по-хозяйски, безобразничали, задирали русских, насиловали женщин. И москвичи охотно поддерживали заговорщиков. Самозванец был убит. Царем стал Василий Шуйский. Был низложен и поставленный Лжедмитрием патриарх, грек Игнатий. Его место занял Казанский митрополит **Гермоген**. Он был из донских казаков, прославился как строгий ревнитель веры, а в царствование самозванца не боялся обличать его.

Но положение в стране сразу стало выходить из-под контроля. Лжедмитрий и его окружение успели дискредитировать себя только в Москве. А для провинции он остался «добрым царем» — чтобы завоевать популярность, много чего наобещал народу, на год освободил от податей. Получалось — бояре убили «доброе царя», чтобы притеснять людей. Эти настроения не преминули использовать проходимцы. Князь Шаховской и Молчанов украли печать «Дмитрия» и начали от его имени рассылать воззвания, будто он не погиб, а спасся. И поднялась вторая волна Смуты — восстание Болотникова. Действительно ли верили казаки историям о спасении? В своем большинстве — вряд ли. Но Годунова не считали законным царем. А Шуйский был избран даже без Земского Собора, одной лишь Боярской Думой. Ну а раз так, то почему не сменить царя?

Идея самозванничества не была новой для казаков. Запорожцы, например, усаживали на престол Молдавии четверых таких. А на Тереке еще при жизни Лжедмитрия выдвинули «царевича Петра». О нижнетерских казаках в круговерти событий забыли, они не получали ни жалованья, ни заработков. На кругу стали решать, что делать, и атаман **Федор Нагиба** выдвинул идею — дескать, донцы поддержали «своего» царя и получили награды, так чего ж нам не придумать «своего»? «Царевичем Петром» стал **Илейка из Муром**. Он был сиротой, работал «кормовым казаком» (матросом) на Волге [173]. Потом нанялся вместо

стрельца сходить в поход на Дагестан (такая замена допускалась). Познакомился с терскими казаками. Видимо, отличился. И по рекомендации двоих из них, Нагибы и Наметки, был принят в Войско. А «царевичем» его избрали из-за того, что он единственный бывал в Москве. И 4 тыс. нижнетерских казаков выступили на Волгу. Некоторые города признали «Петра», другие подверглись грабежам.

Ну а в движении Болотникова объединились самые разные силы — дворяне, казаки, крестьяне. Но сам он, будучи бывшим холопом, сделал опору на холопов и крестьян. Призывал истреблять помещиков, жечь и грабить усадьбы. Но в результате таких безобразий дворянская часть повстанцев перешла на сторону царя. Оставшиеся у Болотникова толпы сброда были разгромлены. Большинству донцов такой предводитель тоже пришелся не по душе. Они, правда, Шуйскому служить не стали, а ушли на Дон и в южные города. Не спас Болотникова и союз с «царевичем Петром», который привел терцев и волжских «воров». Повстанцев осадили в Туле и запрудили р. Упу, затопив город. Они вступили в переговоры и сдались на условиях сохранения жизни. Но Шуйский свое слово не сдержал. Помиловал лишь дворян. «Царевича Петра» повесили, Болотникова и атамана Нагибу утопили, а рядовых пленных, в том числе казаков, истребляли сотнями, глушили дубинами и «сажали в воду».

Такая расправа вызвала озлобление казачества, Шуйский стал для него персональным врагом. А между тем уже поднималась третья волна Смуты! Появился Лжедмитрий II. По Польше распространялись легенды о богатствах Руси, о слабости ее войск. И группа панов смекнула, что если нового самозванца нет, его нужно создать. На эту роль они определили еврея Богданко, учителя из Шклова. Когда он из Польши прибыл в Стародуб, там случайно находился атаман **Иван Заруцкий**. Он был не казачьего рода, мещанин из Тернополя. Угодил в татарский полон, бежал на Дон, выдвинулся храбростью и умом, женился на казачке. Заруцкий участвовал в походе Лжедмитрия I, хорошо знал его. Но предпочел «узнать» Лжедмитрия II, подтвердил — да, тот самый. За что был пожалован в «бояре».

Под знаменами «Дмитрия» собрались отряды польской шляхты, которую возглавил князь Ружинский, полковник Лисовский привел украинских казаков, Заруцкий донских. Это был уже не сброд, а профессионалы. И войско, одерживая победы, в 1608 г. подступило к Москве. Взять ее не смогло и остановилось в Тушине, осадив столицу. Теперь дело выглядело куда более солидно, чем у Болотникова. Лжедмитрию стали присягать города, покорилась большая часть России. К нему стали перебегать представители знати. Он жаловал их поместьями, чинами, при нем возникла «боярская дума» во главе с Михаилом Салтыковым и Дмитрием Трубецким. А когда из Ростова привезли пленного Филарета Романова, самозванец сделал его своим «патриархом». Хотя на самом деле вес Лжедмитрия II был нулевым. В Тушине всем заправляли поляки. С «вором» они считались только для видимости, презрительно называли «цариком». Тут как тут оказались и иезуиты, до нас дошел проект их соглашения с «вором» о введении на Руси католичества. Прибыла и Марина Мнишек, неосторожно отпущенная Шуйским.

Он вообще совершал ошибку за ошибкой. Обратился за помощью в Крым — и татары явились. Но воевать не стали, а погромили окрестности Рязани, Серпухова, Коломны и ушли, угоняя полон. А подданные проклинали Шуйского за то, что «навел поганых». Обратился царь и к шведам. Они тоже согласились «помочь». Навязали договор, по которому Россия уступала Карелу с уездом, платила огромные деньги. Но и кадровых хороших войск шведы не дали, на вербовали по Европе наемников из всякой швали и привезли на Русь. Это воинство дошло до Твери, а после первых серьезных боев взбунтовалось, повернув обратно. Зато Швеция находилась в состоянии войны с Польшей. И союз со Стокгольмом стал поводом для агрессии поляков. Если раньше шляхта участвовала в Смуте «неофициально», сама по себе, то теперь ослаблением Москвы решил воспользоваться король. Причем придворный идеолог Пальчевский выпустил труд о том, что Россия должна стать «польским Новым Светом»: русских «еретиков» надо перекрестить и так же обратить в рабов, как испанцы индейцев. В 1609 г. армия Сигизмунда подступила к Смоленску.

Что касается казачества, то оно в этой мешанине «рассыпалось» на группировки, возглавляемые своими атаманами. Большинство казаков приняло сторону «вора». Этой частью верховодил Заруцкий. С поляками он прекрасно ладил. Став «боярином», жену-казачку упек в монастырь (не «по чину»!). Сына протолкнул в «придворные». Но и в обороне Москвы участвовал отряд казаков атамана Горохового. Хотя, повторюсь, часто неясно, о каких казаках идет речь. Некоторые казаки с Сапегой и Лисовским осаждали Троице-Сергиев монастырь — по распросам пленный один оказался из Дедилова, другой рязанцем. Но и когда монастырь запросил подкреплений, в него из Москвы прорвалась станица из 60 казаков атамана Сухого-Осташкова, привезла порох. К Сигизмунду под Смоленск пришло 10 тыс. запорожцев атаманов Ширия и Наливайко. А потом некий Олевченко привел аж 30 тыс. «запорожцев» [90]. Тут уж ясно, что речь идет не о настоящих казаках, а о шпане и вольнице.

Но обстановка быстро менялась. Самозванцем поляки вертели как хотели. Ехали в присягнувшие ему города собирать «жалованье» и снабжение. Грабили, издевались, бесчестили женщин, оскверняли церкви и монастыри. И те же города начали отпадать от «вора». Патриоты стали одерживать победу за победой. В лагере Лжедмитрия это вызвало разлад. Вмешался и Сигизмунд, звал «рыцарство» в королевскую армию. С «вором» никто уже не считался, его хаяли, угрожали. Он испугался, что паны запросто им пожертвуют, и сбежал в Калугу, разослав воззвания — объявил поляков изменниками и требовал истреблять их. И казаки тоже разделились. Одних Заруцкий уговорил идти к Сигизмунду. Другие выступили в Калугу. Заруцкий тут же сообщил об этом Ружинскому, поляки напали на колонну и перебили до 2 тыс. человек. В ответ атаман **Дмитрий Беззубцев** истребил польский гарнизон в Серпухове.

Но до национального единства было еще далеко. Недовольство Шуйским, восстановившим против себя всю Россию, накопилось и в Москве. В результате царя свергли и постригли в монахи. Но и нового царя созданный Земский Собор избрать не мог. Любая кандидатура из русской знати вызывала резкое противодействие остальных бояр — считавших, что их собственные роды ничуть не ниже. Однако с юга к Москве опять подступил Лжедмитрий, а с запада — войско польского гетмана Жолкевского. Получалось, что надо договариваться с тем или другим. И был выработан компромиссный вариант, позволявший, вроде бы, прекратить Смуту и замирииться с Польшей — пригласить на царство сына Сигизмунда, Владислава. Речь вовсе не шла о капитуляции. Условиями приглашения был переход королевича в православие, неприкосновенность русской веры, законов, территориальная целостность страны.

Но Жолкевский при переговорах обманул. Прекрасно зная, что Сигизмунд уже настроился на полное завоевание России и введение унии, он сделал вид, что соглашается на русские требования. Добился присяги Владиславу. Патриотов, которые могли помешать утверждению поляков в Москве — Василия Голицына, Филарета Романова, Жолкевский включил в посольство к королю. А удалив их, договорился с соглашательской частью бояр, чтобы они впустили польское войско в Кремль. И столица очутилась во власти захватчиков. Патриарх Гермогена пытался протестовать, но его оклеветали в связях с Лжедмитрием и взяли под стражу. А русское посольство, прибывшее в осадный лагерь под Смоленском, угодило в ловушку. Договор, подписанный Жолкевским, король и сенаторы не признали. Требовали, чтобы послы присягали не Владиславу, а Сигизмунду, чтобы приказали сдать Смоленску. Несмотря на давление и угрозы, Голицын и Филарет твердо отказались. Тогда участников посольства, представлявших низшие сословия, поляки перебили, а руководителей объявили пленными и отправили в Литву.

13. КАЗАКИ УСТАНОВЛИВАЮТ ДИНАСТИЮ

Присяга Владиславу ничего не дала России, кроме новых бед. С одной стороны, теперь повод для экспансии получили шведы, принялись захватывать русские города. А с другой, и

города, впусившие поляков, подвергались от них грабежам и разорению. Повсюду бесчинствовали отряды шляхты, немецких и венгерских наемников, украинцев. Убивали, угоняли в плен, истязали людей, вымогая деньги. И народ стал подниматься на борьбу. Вдохновителем ее стал патриарх Гермоген. Его держали в заточении, всячески притесняли, требуя призвать людей к покорности. Он отвечал, что если поляки не исполнят условий прежнего договора, то он благословит восстание. У него отобрали бумагу, всех слуг. Тем не менее смельчаки пробирались к нему. Сумели с ним увидеться и казачьи атаманы **Андрей Просовецкий** и **Миша Черкашин** (может быть, родственник давнего героя Дона). Патриарх через таких гонцов извещал, что он разрешает Россию от присяги Владиславу и призывал: «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!» [173].

А в декабре 1610 г. устранилось препятствие, разделявшее патриотические силы. Лжедмитрий, заподозрив в измене, убил касимовского царя Ураз-Мухаммеда, а татары отомстили и прикончили самого «царика». Пробовала было играть самостоятельную роль Марина Мнишек — она как раз разродилась «царевичем Иваном Дмитриевичем». Но «царицу» и ее ребенка никто всерьез не принимал. Даже не знали, от кого он был, современники писали, что «Маринка воровала со многими». Калужский лагерь возглавили «тушинский боярин» **Дмитрий Трубецкой** и Заруцкий — атаман понял, что в альянсе поляков и московских предателей ему ничего не светит, никто его «боярство» не признает, и перешел на другую сторону. А на Рязанщине выступил против интервентов Прокопий Ляпунов. Возникло Первое земское ополчение. Весной 1611 г. войска патриотов двинулись к Москве. И поляки, поняв, что во враждебно настроенном городе обороняться не смогут, приняли варварское решение — сжечь Москву. 19 марта возникла драка между солдатами и москвичами. Польский комендант Гонсевский бросил на безоружный люд наемников, учинивших жуткую резню. А когда горожане сорганизовались к сопротивлению, враги начали поджигать дома. Поляки засели во внутренних крепостях — Кремле и Китай-городе. А остальная Москва превратилась в пепелище. Погибло по разным оценкам от 150 до 300 тыс. человек [207].

В это время подошло и земское ополчение. Пыталось штурмовать, но центральные цитадели Москвы были первоклассными твердынями, в руки поляков попала лучшая в мире московская артиллерия, и атаки отбивались. Началась осада. При ополчении было создано правительство, возглавил его триумвират из Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Однако лидеры не ладили между собой. Заруцкий стал любовником Марины Мнишек, вынашивал планы возвести на престол ее и «воренка», чтоб возвыситься самому. А Ляпунов был никудышним политиком — поскольку обожглись с польским королевичем, он задумал пригласить на царство шведского, направил для переговоров посольство Бутурлина. Само ополчение было небольшим, 6 тыс. воинов [173]. Умножилось оно за счет приставших к таборам москвичей, но в боевом отношении они стоили немного.

Сигизмунд вполне мог бы раздавить патриотов. Но его силы связала героическая оборона Смоленска. Лишь в июне 1611 г., когда погибло большинство защитников, враг сумел захватить город. Падение Смоленска пышно праздновалось всем католическим миром. Балы, торжества с фейерверками шли даже в Риме. Папа объявил отпущение грехов всем участникам кампании. Генерал иезуитов Аквила, провозглашал: «О, даруй, Боже, яснейшему королю польскому, для блага христианской церкви *уничтожить* коварных врагов москвитян».

Ну а шведы воспользовались ошибками Ляпунова. Делали вид, будто ведут переговоры, а сами подтягивали войска к Новгороду. А потом предъявили ультиматум о сдаче. Город отказался, и шведы ринулись в атаку. Правда, ее удалось отразить, но ночью шведы проникли в крепость с помощью предателя. Началась резня, паника. Среди тех, кто сражался до конца, был атаман **Тимофей Шаров** с 40 казаками. Им предлагали сдаться, обещая жизнь. Они отвечали: «Не сдадимся! Умрем все за православную веру!» И пали в сече до единого. Новгород был взят.

Неладно было и в подмосковном лагере. Сношения со шведами вызвали недоверие казаков к Ляпунову. Их недовольство подогревал Заруцкий. К тому же земское правительство не сумело организовать нормальное снабжение. Если от городов что-то присылали своим отрядам, то казаки были вынуждены самоснабжаться, что приводило к конфликтам, грабежам, жалобам. Тем более что за время Смуты к казакам прибилась невесть кто. Кончилось тем, что воевода Плещеев поймал 28 казаков по обвинению в грабеже, а Ляпунов без особого разбирательства приказал их «посадить в воду». Казачество возмутилось. Об этом узнали осажденные поляки и провернули интригу. От имени Ляпунова было изготовлено письмо, где он якобы требовал истребления всех казаков, «зачинщиков смут». И через некоего Заварзина фальшивку подкинули казакам. Ее зачитали на кругу, народ забушевал и вызвал Ляпунова. Он отрицал свое авторство, но возбужденные казаки не стали его слушать и изрубили саблями.

После гибели предводителя стали уезжать дворяне. Основой ополчения остались казаки. Между тем к полякам подошло подкрепление, свежий корпус Сапеги. Он прокатился по Руси, отметившись страшными зверствами. Людей сжигали, сажали на кол, рубили руки, ноги, женщинам резали груди. Набрал обоз продовольствия, корпус ударил на осаждавшим извне, гарнизон Москвы предпринял вылазку изнутри, и кольцо было прорвано. С этого момента полной блокады больше не было. У казаков не хватало для этого сил, они осаждали Москву только с востока и юга. Но не ушли, обосновались капитально. Понастроили острожки, соорудили «лавы» — наплавной мост через Москву-реку. А 15 сентября установили батарею мортир и стали обстреливать Китай-город калеными ядрами. Одно попали в сарай с сеном, и запыхало. Защитники бежали в Кремль, а казаки полезли на стены. Но и сами не смогли продвинуться из-за пожара, охватившего весь Китай-город. А потом оккупанты согнали их со стены огнем артиллерии.

Однако выжгли Китай-город очень кстати. К Москве из Смоленска вел войско литовский гетман Ходкевич. Теперь же оказалось, что в столице ему разместиться негде. Ходкевич хотел было решить проблему иначе — уничтожить казаков. Вывел 10 тыс. воинов и атаковал острожки у Язу. Но не тут-то было. Казаки уклонялись от рукопашной и осыпали врага пулями из-за укреплений, из-за торчавших на пепелищах печей. Конница на пожарище не могла развернуться, а пехота в атаках несла большие потери. Когда же поляки стали отступать, казаки нанесли контрудар, отсекали часть неприятелей, загнали в Язу и перебили. И Ходкевич, потерпев поражение, разделил свои силы. Часть войска оставил в Москве, а сам ушел собирать припасы. Пошла затяжная тяжелая война. Казаки вели кровопролитные бои за овладение отдельными укреплениями, узлами обороны. А Ходкевич несколько раз прорывался с обозами, сменял гарнизон.

Россия лежала в полном развале. Ее уже опустошали все кому не лень — поляки, литовцы, шведы, украинцы, татары, разбойники. Но все шире разворачивалась народная борьба. Отряды партизан — «шишей» нападали на оккупантов. А в Нижнем Новгороде **Минин** и **Пожарский** стали формировать Второе земское ополчение. Когда об этом узнали поляки в Москве, они обвинили во всем Гермогена. Кричали на него, что это он мутит народ своими призывами. Требовали написать увещевание о роспуске ополчения. Патриарх-казак ответил: «Да будет над ними милость от Бога и от нашего смирения благословение, а на изменников да излиется от Бога гнев, а от нашего смирения да будут прокляты в сем веке и в будущем». 17 февраля патриарха не стало. Поляки уморили его голодом. Впоследствии Православная Церковь причислила его к лику святых.

Создание второго ополчения встревожило и Заруцкого. Он фактически подмял Трубецкого и совсем занесся. Сам себя наделял поместьями и вотчинами, вел игру в пользу Марины и «воренка». Нижегородцев воспринял как угрозу своему положению и планам, и стал рассылать отряды для занятия городов, чтоб не отошли к Пожарскому. Да только казакам «воренок» был абсолютно не интересен. Они были сбиты с толку. Не знали, на кого же ориентироваться. А в Пскове в это время появился Лжедмитрий III — Матюшка Веревкин. И когда в подмосковные таборы пришло его воззвание, казаки забузили и

присягнули ему — по крайней мере не иноземец. Заруцкий возражать кругу не посмел. А перед Пожарским встал трудный выбор. Объединяться с Заруцким и сторонниками «вора» было нельзя. И развязывать очередную междоусобицу он не хотел. Поэтому дошел только до Ярославля и остановился, собирая силы и формируя армию.

Лжедмитрия III быстро скинули сами же казаки. «Царь» оказался еще тот. Обобрал псковскую казну, бражничал, слуги хватили на улицах баб и тащили ему «на блуд». В мае 1612 г. его свергли и взяли под стражу. Трубецкой начал переговоры об объединении с Пожарским. Заруцкий же сделал последнюю попытку удержать лидерство в освободительном движении. Решил взять Москву до прибытия Пожарского и бросил все силы на общий штурм. Он захлебнулся в крови. Авторитет атамана падал. К казакам поступали сведения об отличной организации в Ярославле, о четком снабжении и выплатах жалованья. К Пожарскому начали уходить земские ратники, часть атаманов со своими станицами.

И Заруцкий не остановился перед попыткой физически устранить «конкурента», подослал для этого в Ярославль казаков Стеньку и Обрезка. Но и охрана Пожарского состояла из казаков [173]. И когда в толпе на площади было предпринято покушение, казак **Роман** получил удар ножом, предназначенный князю. Убийц поймали, на допросе они выдали «заказчика». Заруцкий лихорадочно заметался в поисках выхода. Поляки, зная о его проблемах, направили к нему гонцов, переманивая на свою сторону. Но эти контакты получило огласку — гонцов опознал поляк, служивший у русских. Положение Заруцкого стало совсем шатким, и когда в июле к Москве начали прибывать авангарды Второго ополчения, он приказал казакам сниматься и уходить. Послушались его лишь 2 тыс., в основном всякий сброд, а донские казаки, 3–4 тыс., остались с Трубецким.

У Пожарского было около 10 тыс. ратников, и Трубецкой предлагал объединиться. Но командование Второго ополчения опасалось, что дух казачьей вольницы ослабит дисциплину. И расположило войско в западной части города, а казакам выделило для подкрепления 5 сотен конницы. Врага опередили всего на день. К Москве опять шел Ходкевич с большим обозом продовольствия. Он тоже получил подкрепления — венгерскую и немецкую пехоту, запорожцев Ширия и Наливайко. У Ходкевича набралось 12–14 тыс. воинов, да гарнизон Москвы составлял 3,5 тыс. (причем польские данные учитывали только «рыцарство», а каждый шляхтич имел 2–3 вооруженных слуг) [75]. Битва началась 22 августа. Поляки атаковали позиции Пожарского, а гарнизон предпринял вылазку. Его крепко побили и загнали назад. Но части Ходкевича теснили русских, стали одолевать. Трубецкой стоял в бездействии за Москвой-рекой, не отпускал и сотни, присланные от Пожарского. Но когда враг прижал к берегу отряд русских, и они, спасаясь вплавь, появились в Замоскворечье, командиры сотен сами ринулись в бой. Атаман **Межаков** крикнул Трубецкому: «От ваших ссор только гибель чинится Московскому государству» — и с четырьмя сотнями казаков тоже бросился через реку. Получив фланговый удар, поляки отступили.

После этого Ходкевич перегруппировал силы, решил прорваться с юга. Дорогу через сожженное Замоскворечье перекрывали два острожка, со стороны Кремля — у церкви св. Георгия, и с внешней стороны у церкви св. Климента. Ночью изменник провел 600 гайдуков через посты, и они захватили внутренний, Георгиевский острожек. А 24 августа поляки нанесли двойной удар. Конницу Ходкевич бросил против частей Пожарского, а пехота атаковала оборону Трубецкого. С тыла ударили просочившиеся гайдуки и овладели Климентовским острожком. Дорога к Кремлю открылась, и гетман сразу двинул туда обоз в 400 возов и подкрепления. Но выбитые из острожка казаки засели рядом в кустах и развалинах, к ним подошла подмога. Объехать острожек стороной обоз не мог. А когда враги открыли ворота, чтобы пропустить его, казаки открыли пальбу. Лошади заметались, дорога закупорилась, и казаки ворвались в укрепление. Растянувшийся по Ордынке обоз был разрезан и частью захвачен. А Ходкевич, понеся большой урон, отвел войска и дал им передышку.

В бою возникла пауза. Чтобы узнать о положении в Замоскворечье, Пожарский направил туда нескольких дворян и келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Палицын пишет, что в Климентовском острожке увидели «литовских людей множество побитых и казаков со оружием стоящих». Они сказали келарю: «Хотим умереть за православную веру; иди, отче, к нашим братьям казакам в станы и умоли их идти на неверных». Отправившись дальше, Палицын встретил толпу казаков, возвращавшихся с боя в лагерь и вдохновил их вернуться, дав боевой клич «Сергиев». После чего достиг табора и увидел «упрямых», которые пьянствовали и играли в карты. Он и с ними поговорил, и они тоже пошли в бой. Что ж, видимо, Палицын был хорошим агитатором. Но во многом можно усомниться. Это подметил еще Костомаров — что автор приписал только себе решающую роль в исходе битвы [90]. Ведь на самом-то деле казаки выдержали на себе всю тяжесть осады, стояли под Москвой полтора года. У них не хватало одежды, обуви, они голодали — так где же им было спиртное взять?

Скорее, картина была иной. Войско Трубецкого растянулось, охватывая половину Москвы. Те казаки, что стояли на Яузе, не знали, что делается в Замоскворечье. У них-то было спокойно, и они могли коротать время за картами. А Трубецкой им приказов не посылал, пустил дело на самотек. И как раз поэтому казаки в Климентовском острожке попросили Палицына известить их товарищей. Те откликнулись сразу. Сам келарь вспоминал, как казаки босые, в лохмотьях, но с саблями в руках неслись на врага. Ударили на лагерь Ходкевича. Поддержал и Пожарский, послал в атаку конницу во главе с Мининым. И разгром был завершен. Казаки отбили обоз, гетман по сути лишился и армии — у него осталось 400 конников и 4 тыс. запорожцев. Ночью он ушел прочь.

Победа сплотила патриотов, обе рати объединились. А у осажденных начался голод. Съели ворон, собак, лошадей. Пожарский предложил почетные условия сдачи — с гарантией жизни и свободного ухода домой. Но ответили по-хамски. Называли русских ослиами, сурками. Впрочем, стойкость «рыцарства» объяснялась отнюдь не героизмом, а всего лишь алчностью. Гарнизон обчистил кремлевские сокровищницы, церкви, ободрал даже царские гробы и не желал расставаться с награбленными богатствами. А чтобы продержаться до прихода короля, прибег к людоедству. Сперва сожрали пленных, потом гулящих девок, потом стали жрать друг друга и ловить людей на улицах. Но силы поляков быстро таяли. В октябре из 3,5 тыс. бойцов осталось 1,5 тыс., и они согласились на переговоры. Правда, по-прежнему вели себя нагло, торговались. Казакам это надоело. 22 октября без приказа командования, по собственной инициативе, они со списком Казанской иконы Пресвятой Богородицы пошли на штурм. И ворвались в Китай-город. *В честь этого события и был установлен праздник Казанской иконы Божьей Матери.* Потому что дальнейшая оборона поляков стала невозможной. И 27 октября остатки гарнизона капитулировали. Уже без всяких условий. По соглашению между двумя частями ополчения пленных разделили. Те, кто попал к земцам, уцелели. А казаки своих пленных перебили — когда увидели оскверненную столицу, загаженные церкви, чаны засоленной человечины в домах, отношение к полякам было соответствующим.

Москва была взята исключительно вовремя — к ней приближался король Сигизмунд с армией. В Вязьме соединился с остатками воинства Ходкевича. И лишь тут узнал, что Москва пала. Сразу вспомнил об отвергнутом ранее договоре. Направил посольство, уверяя, что пришел дать на царство Владислава. Но земское руководство переговоры отвергло. А король застрял у маленького Волоколамска. Здешний воевода Карамышев было скис, хотел сдаваться. Однако в городе находились донские станицы атаманов **Нелюба Маркова** и **Ивана Епанчина**, они отстранили воеводу от командования и поляков непустили. Отразили три штурма, да еще и предприняли вылазку, отобрав у врага несколько пушек. А уже начинались метели и морозы. 27 ноября король приказал отступать. Побрели по зиме, бросая в снегах обозы, теряя замерзших воинов. В общем «пришли казаки с Дону, погнали ляхов до дому».

Только тогда Русь смогла заняться государственным устройством. В январе 1613 г. был

созван Земский Собор для избрания царя. На него съехались выборные от всех сословий: дворян, духовенства, посадских, стрельцов, казаков, свободных крестьян. В принципе, главная кандидатура была одна. Михаил Романов. Остальные представители самых знатных родов погибли, находились в плену или дискредитировали себя связью с поляками. А Михаил был двоюродным племянником царя Федора Иоанновича. Его отец Филарет проявил себя стойким патриотом в посольстве. Он был популярен у казаков по тушинскому лагерю, по войне со шведами в 1591–1593 гг., где он прекрасно командовал войсками. Но бояре решительно выступили против Романова. Однако и между собой соперничали. Снова заговорили о приглашении шведского принца. Были сторонники Трубецкого, Черкасского.

И Собор преодолел разброд беспрецедентным решением — отправил всех бояр «на богомолье». А без них выработал первое общее постановление: не искать на царство иноземцев и «маринкиного выблядка». Активную агитацию в пользу Романова вел Троице-Сергиев монастырь. На его подворье собирались «многие дворяне и дети боярские и гости многих разных городов и атаманы и казаки». *7 февраля на заседании Собора первую «выпись» с предложением Михаила подал от Дона атаман Филат Межаков.* За ним подали такие же «выписи» служилые Галича, калужские купцы. Так состоялось предварительное избрание. После чего делегатов распустили в свои города — «проведать», поддержат ли кандидатуру их избиратели. 21 февраля собрались снова, уже с боярами. И те опять начали приводить возражения. «Черная» часть Собора возмутилась. Заявила, что хватит тянуть волюнку и интриговать. Окончательное обсуждение вынесли на Красную площадь, где собрались толпы народа и отряды казаков, которые единодушно одобрили избрание Романова. Когда известия о случившемся дошли до Речи Посполитой, канцлер Сапега озлобленно бросил пленному Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы!»

Последствия Смуты были для Руси очень тяжелыми. По разным оценкам, погибло от четверти до трети населения. Города и села лежали в руинах. Западные районы захватили поляки, северо-западные — шведы. Степняки разгуливали беспрепятственно, и жители жаловались, что татары «живут у них без выходу». Пострадало и казачество, понесло огромные потери. Пока казаки сражались под Москвой, их городки были разорены, семьи сгинули. А с другой стороны, станицы пополнились прибывшими к ним людьми, оставшимися без кола без двора. Но казачество, даже ослабленное, являлось в это время основной боевой силой государства. Ведь и прежней армии не существовало. И власть всячески укрепляла отношения с казаками. Один из первых указов нового царя, был направлен на то, чтобы утвердить доброе имя казаков, замаранное всякими бандитами. Михаил Федорович требовал «впредь тех воров казаками не называть, дабы прямым казакам, которые служат, бесчестья не было».

«Воров» и впрямь хватало. Бесчинствовали шайки украинцев, русских разбойников. А главную опасность представлял Заруцкий с Маринкой. Собирал разный сброд, пытался взять Рязань. Против него была направлена рать, нагнала под Воронежем и разбила. После чего от него отделились 2,5 тыс. казаков и принесли повинную. Дон Заруцкого не принял. И он с тысячей сторонников ушел в Астрахань. Убил воеводу, крутым террором подчинил горожан. Вынашивал планы втянуть в русские дела еще и Иран с Турцией, направил послов к шаху, обещая за помощь отдать Астрахань. Разослал воззвания на Дон, Терек, Яик, чтобы вместе с ногайцами идти на Москву. Но его призывы остались без отклика, к нему пришли лишь 560 волжских «воров». Весной 1614 г. на Заруцкого выступили отряды из Москвы и с Терека. Астраханцы, узнав об этом, восстали, перебили многих людей атамана. Заруцкий с остатками подчиненных на стругах бежал на Яик. Однако проводники из яицких казаков помогли стрельцам найти его. Настигли в городке на Медвеьем острове. Но власть Заруцкого уже кончилась. В городке верховодили яицкие атаманы **Треня Ус** и **Верзига**, а когда подошел царский отряд, выдали смутьянов. И впервые Яицкое Войско принесло присягу царю. В Москве Заруцкого посадили на кол, малолетний «воренок» был повешен, Мнишек умерла в тюрьме.

14. МОРСКИЕ ПОХОДЫ

Царское правительство высоко оценило роль казачества в освободительной войне. В июне 1614 г. посольство Ивана Опухтина привезло на Дон жалованье. Впервые Войску Донскому было вручено государево знамя. Из Москвы прислали и священников. И в Черкасском городке была построена первая на Дону часовня [219].

У украинских казаков связи с государством тоже улучшились. Они в общем-то тоже разделились. Часть их во время Смуты колобродила по Руси. Но другая часть запорожцев по-прежнему нападала на турок и татар. В 1605 г. они взяли и разорили Варну, в 1608 г. — Перекоп и Очаков. В этих предприятиях выдвинулся выдающийся руководитель казачества **Петр Конашевич-Сагайдачный**. В 1612 г. его эскадра взяла Кафу, освободив тысячи невольников. Следующим рейдом 2 тыс. казаков захватили Синоп. Сагайдачный был ревностным поборником Православия и казачьих вольностей. Но полагал, что все права можно заслужить доблестной службой Польше: оценят ее король и паны, ну и пойдут на уступки. Запорожцы откликнулись и на призыв короля выступить против России. Отряды Сагайдачного разгромили Болхов, Перемышль, Козельск. Но жители Калуги, к которым пришло на помощь 2,5 тыс. донцов, отбили запорожцев. Они отступили в крепость Белую, где были осаждены, и Сагайдачный еле вырвался с немногими людьми, остальных пленили.

К сожалению, правительство при Михаиле Федоровиче сформировалось слабое. Верховодили его родичи, неумные Салтыковы. Войну повели «растопыренными пальцами», стали собирать не одну, а две армии, Черкасского против поляков и Трубецкого против шведов. Но они получились малочисленными, Черкасский не смог взять Смоленск, а Трубецкой — Новгород. Быстро омрачилась и дружба с казаками. Правительство затеяло «разбор» станиц, чтобы в них остались «старые» казаки, а «новых», приставших в Смуту, требовалось удалить. Правда, предусматривалось делать это «по доброй воле», по рассмотрению и «челобитью» самих казаков. А бывшим холопам и крепостным предоставлялся выбор — возвращаться к прежнему хозяину или идти к другому. Но они уже прижились в станицах, сроднились в боях. И казаки резко воспротивились, заявив: «С Дона выдачи нет!» При попытках «разбора» отряды стали уходить со службы на Дон. Или действовали самостоятельно, кочевали по Оке и заключали соглашения с местными жителями — те выделяли снабжение, а казаки обороняли их от татар и поляков.

Кроме того, Москва попыталась заключить против Польши союз с Турцией, для чего потребовала от донцов пребывать в мире с Азовом и Крымом. Но ведь они-то не прекращали нападений! В 1615 г., когда царское посольство к султану проезжало через Азов, туда после очередного набега привели пленных казаков и атамана **Матвея Лиственникова**. На площади их подвергли нечеловеческим мукам, резали из спин ремни. Прощать такое казаки не привыкли. Осадили Азов. Взять его не смогли, но вышли в море и сожгли Синоп. А запорожцы добавили, их эскадра появилась уже возле Стамбула, «окуривала его мушкетным дымом», ограбила виллы в окрестностях. Султан выслал на казаков флот, но его разгромили возле устья Дуная, захватив несколько кораблей и пленив капудан-пашу (адмирала). Турки были в бешенстве, визирь обвинял русских послов. Те оправдывались, что казаки «народ вольный», подданными царя не являются. Однако турки знали, что эти же послы привезли на Дон жалованье, уличали в обмане, и подписание союзного договора сорвалось.

Но обошлись и без турок. Шведский король Густав II Адольф обломал зубы, попытавшись взять Псков (в героической обороне участвовали и несколько казачьих станиц). А партизанская война показала королю, что удержать Новгородскую землю будет непросто. И он согласился заключить мир, удовлетворившись тем, что снова отобрал районы, прилегающие к Финскому заливу. Был этим очень доволен и восклицал: «У русских отнято море!» Поляки же мириться не хотели, предприняли еще одно наступление. Однако Польша уже выдыхалась. В войско под командование королевича Владислава собрали лишь 10–15 тыс. человек. Оно дошло до Можайска и попало в трудное положение, обложенное с

нескольких сторон русскими ратями. Спас королевича Сагайдачный. Гетман Жолкевский провел с ним переговоры. Пообещал увеличить реестр казаков до 12 тыс., восстановить права Православной Церкви на Украине. И Сагайдачный, собрав 20 тыс. казаков, вторгся в Россию, сжег Ливны, Елец. Царское правительство принялось перетасовывать силы, и поляки с украинцами, воспользовавшись этим, с двух сторон прорвались к Москве. Взять ее не сумели, штурм был отбит. И лишь после этого в 1618 г. Польша согласилась заключить перемирие на 14,5 лет. На очень тяжелых условиях — к Речи Посполитой отошли Смоленщина, Черниговщина, Северщина.

Тем не менее измученная Русь наконец-то обрела мир. А из плена вернулся отец царя Филарет. Он был поставлен патриархом, но одновременно принял титул государя и стал фактическим правителем при сыне. И именно он стал восстановителем Руси после Смуты. Разогнал из правительства временщиков и проходимцев, провел ряд важных реформ. При нем были упорядочены и взаимоотношения Москвы с Доном. Определен размер ежегодного жалования войску: 7 тыс. четвертей муки, 500 ведер вина, 260 пудов пороха, 150 пудов свинца, 17142 руб. деньгами и еще 1169 руб. 60 коп. «на будары» (баржи, которыми все это перевозилось). Для строительства будар Филарет (а не Петр I) организовал судоверфи в Воронеже. А от Дона в Москву каждую зиму стала присылаться «зимовая станица» из атамана и сотни отличившихся казаков, привозила «отписки» о войсковых делах. Если требовалось решить какие-то срочные вопросы, присылались «легкие станицы» из 5-10 казаков. Но при этом Дон сохранял полную автономию, казаки подданными России не числились, и их принимали в Иноземном приказе (ведавшем служилыми иностранцами) [35].

А в Польше Сагайдачный за свои услуги королю и впрямь смог поставить себя независимо. Был восстановлен выборный пост гетмана, который и занял Сагайдачный. Когда через Украину проезжал в Москву патриарх Иерусалимский Феофан, гетман уговорил его посвятить в сан Киевского митрополита Иосифа Борецкого. Таким образом восстанавливалась структура Православной Церкви (но за это Феофан наложил на казаков запрет — никогда больше не ходить войной на Россию). Сагайдачный основал в Киеве Братский монастырь, школу для подготовки священнослужителей. Казалось, вернулись и казачьи вольности. Крестьянин уходил на год-два в Запорожье, а возвращался в ранге «казака». Заводил хозяйство на землях, отданных магнатам, но считал себя свободным. Однако эти «вольности» были призрачными, терпели их до поры до времени. Да и православных иерархов поляки не признавали «законными», продолжали гонения на церковь, захваты храмов и имущества.

Ну а дела донских казаков вскоре вошли в противоречие с политикой Филарета. Патриарх совершенно справедливо считал главным врагом России Польшу. Она так и не признала Михаила Федоровича царем, сохраняла этот титул за Владиславом. Не исчезли и проекты обращения русских в унию — Филарет знал о них прекрасно, во время пребывания в плену иезуиты всячески обрабатывали его самого. Значит, была неизбежна новая схватка, ставкой в которой было само существование России и русских как народа. А союзницей против Польши выглядела Турция. Но морские походы донцов набирали все больший размах. Причем они стали действовать вместе с запорожцами. Получалось — с потенциальным противником. Центром Войска Донского после Смуты стал Монастырский городок (названный по Монастырскому урочищу — никаких монастырей здесь не было). Тут собирался войсковой круг, выбиравший атамана и утверждавший планы на следующий год. Строили и смолили челны. У запорожцев они назывались «чайками», но конструкция на Днепре и Дону была одинаковой.

Лодки длиной 15–20 м делались из выдолбленных деревьев, борта наращивались досками. Для маневренности они имели 2 руля, спереди и сзади, а для повышения непотопляемости и защиты от пуль по бортам обвязывались охапками тростника. Экипаж составлял 40–70 казаков. На судах устанавливалось по 4–6 легких пушек-фальконетов, каждый казак брал 2–3 ружья. При попутном ветре поднималась мачта с прямым парусом. Но чаще шли на веслах и за 35–40 часов достигали Малой Азии [25]. Снова горели Синоп,

Трапезунд, Варна, Кафа. Турки устроили по берегам системы сигнального оповещения, высылали эскадры в устья Дона и Днепра. Но ничего не помогало. Стремительные казачьи флотилии опережали сигналы тревоги. А турецких моряков обманывали, прорывались домой другими реками — часто пользовались путем через Миус, откуда волоком попадали в притоки Дона и Днепра.

Нападали и на корабли в открытом море. Лодки были низкими, и казаки замечали суда турок раньше, чем обнаруживали их самих. Следовали за противником на расстоянии, держась со стороны солнца. А когда оно заходило, неслышно подгребали к борту, снимали вахтенных и врываются на судно. В морских сражениях казаки умело маневрировали, избегая огня орудий. Старались приблизиться вплотную, попасть в мертвую зону. Расчищали вражескую палубу ливнем метких пуль и бросались на abordаж. Добычу привозили огромную. Но и погибали во множестве. В боях, штормах, от руки палачей. Когда в очередном сражении казаки потрепали турецкий флот, уничтожив 20 галер, враги сумели захватить 17 лодок с перераненными экипажами. Пленных подвергли в Стамбуле показательным казням. Одних клали на землю и топтали слонами, других привязывали к галерам, гребущим в разные стороны, и разрывали на части, третьих закапывали живьем.

Турция в это время готовилась к новой войне с Польшей, предлагая Москве союз. Россия была еще не готова воевать. Но и упускать шансов не хотела. И Филарет решил поддержать султана «неофициально», а заодно перенацелить донцов в нужном направлении. Приказал им выступить на стороне турок. Но патриарх ошибся. Войско отказалось наотрез, заявив, что если будет воевать Россия, то под начальством царских воевод сражаться пойдет, а служить под командованием «пашей нечестивых в обычае донских казаков никогда не бывало».

В 1620 г. османские полчища двинулись на поляков и разгромили их под Цецорой, а в 1621 г. стотысячное войско подступило к крепости Хотин. Под знамена королевича Владислава, возглавившего польскую армию, удалось собрать всего 30 тыс. воинов. В Речи Посполитой царила паника. А Сигизмунд совершил новую глупость, объявил православных священников турецкими шпионами и начал аресты. Запорожцы возмутились, защищать такую власть не хотели. Спас Польшу опять Сагайдачный. Он явился в Запорожье, убил кошевого атамана **Бородавку**, не желавшего идти под Хотин, созвал отовсюду казаков, набрав 40 тыс. И привел на выручку Владиславу. Получив неожиданный удар, турки были разбиты и отступили. Но сам же Сагайдачный вскоре понял, что ошибся. Едва исчезла угроза, паны обнаглели. Несмотря на то, что на сейме в защиту прав казаков выступил Владислав, не лишенный рыцарской чести, шляхта эти права признавать отказалась. И тогда Сагайдачный тайно отправил гонцов... в Москву. Стал первым из гетманов, кто предложил союз и переход Украины в подданство царя. Но на Руси ему не верили, хорошо помнили походы на нашу страну, и посольство не приняли.

Обращался в Москву и султан. Требовал унять донцов. Заявлял даже, что готов взять их на свое содержание и переселить в Анатолию, пусть «промышляют» против врагов Порты. Филарет отвечал, что царь способен и сам усмирить казачество. Но только Порты оказались слишком уж ненадежной «союзницей». После Хотина она замирилась с Польшей, а раз так, то крымский хан выступил за ясырем в другую сторону, на Русь. В 1622 г. татары проломили пограничную оборону, опустошив Епифанский, Даниловский, Одоевский, Белевский, Дедиловский уезды. Казаки ответили. Атаман **Шило** с отрядом из 700 донцов высадился под Стамбулом, «повоевал в Цареградском уезде села и деревни», хотя на обратном пути его догнала турецкая эскадра и перебила 400 человек. Были разорены Кодриа, Трапезунд, казаки подступали к Керчи и Азову. В итоге так и установилось — Москва требовала от Стамбула унять крымцев, чего турки сделать не могли и не хотели. А когда Стамбул требовал усмирить казаков, в Москве отвечали: «На Дону живут воры и государя не слушают». Однако при этом на Дон регулярно посылались жалованье, в том числе боеприпасы.

На Украине же не стало Сагайдачного — он под Хотинем получил рану, болел и,

постригшись в монахи, отошел в мир иной. И все обещания, данные ему, сразу были забыты. Казаки в 1625 г. прислали делегатов на сейм с просьбой законодательно обеспечить права православных, приложили большой перечень беззаконий и обид. На что получили грубый отказ — само обращение «хлопов» к сейму сочли непростительной дерзостью. И вспыхнуло восстание под предводительством **Жмайла**. По инициативе Киевского митрополита Иова Борецкого запорожцы отправили посольство к царю. Приносили повинную за все, что натворили в Смуту, просили помощи и «принятия Малороссии и запорожских казаков в покровительство». Извинения за прошлое приняли. Царь «отпустил вины и велел впредь того не поминать».

Но в вопросе о подданстве Россия уклонилось. Воевать она еще не могла. Да и уверенности в единодушной поддержке украинцев не было, ответ гласил: «Ныне царскому величеству того дела всчати нельзя», поскольку «та мысль и в самих вас еще не утвердилась, и о том укрепления меж вас еще нет». Впрочем, пока послы ездили в Москву, на Украине уже все было кончено. На мятежников были брошены войска. Казаков осадили в укрепленном таборе возле Кураковского озера и вынудили подписать Кураковский договор. По его условиям повстанцы получали амнистию, но все привилегии, которых сумел добиться Сагайдачный, отменялись. Реестр опять сокращался до 6 тыс, запорожцам запрещалось ходить в море. Запрещалось им и «проживать в панских имениях» — или уходи, или превращайся в крепостного.

В это же время казаки стали получать чувствительные удары от турок. Новый султан Мурад IV принялся наращивать флот, назначил командовать способных моряков. В 1625 г. казаки предприняли массированный набег, разграбив Трапезунд и 250 прибрежных селений. Против них было выслано 50 галер. 300 челнов ринулись в атаку на турок. Но сильный ветер и волнение на море дали преимущество крупным кораблям, они одержали победу, потопив много казачьих лодок. А в следующем рейде османский флот уничтожил еще 20 запорожских чаек с командами. Мурад возобновил и проект антипольского союза с Россией. Его посол грек Фома Кантакузин ездил туда-сюда между Стамбулом и Москвой. Целовал крест от имени султана, «что ему с царем Михаилом Федоровичем в дружбе быть... на недругов стоять за одно». Султан брал обязательство запретить «крымскому царю и ногаям и азовским людям на московские земли войной ходить». В 1627 г. договор был заключен. И на Дон пошли суровые повеления прекратить набеги. Филарет грозил: «Или того себе чаете, что мы, великий государь, не можем с вами управиться?»

Еще одной проблемой было «воровство» на Волге. Тут-то ни о каких высоких целях речь не шла. Но по Волге проходил главный торговый путь из Персии в Россию, добыча была богатой и легкой: шелк, пряности, индийские драгоценности. И «воровские казаки» разгулялись вовсю, нападая на купцов. Правительство предпринимало специальные экспедиции, очищая Волгу от этих банд. Но они укрывались на Дону, да и донцы, соблазнившись, порой примыкали к ним. Царь обратился к Войску, требуя пресечь эти безобразия. И круг, созванный атаманом **Родиловым**, согласился, что такой разбой — дело недостойное. Приговорили: «От сего времени и навсегда чтобы никто с Дона не ходил для воровства на Волгу; а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнену смертию» [63].

Однако морские походы — это было другое. Тут тоже отправлялись «за зипунами», но в рамках борьбы с поработителями христиан. В 1628 г. царские послы Яковлев и Евдокимов прибыли на Дон мирить казаков с крымцами и азовцами. Донцы в общем-то не отказывались, но заявляли: «Помиримся, турецких городов и сел брать не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы украины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших и матерей, братьев и сестер, жен и детей в полон брать и продавать не станут. Если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем...» Но это условие было невыполнимым, потому что и султан своих подданных не обуздал. И в том же году казаки напали на Крым, сожгли Карасу и Минкуп. В 1629 г. пожаловали к Стамбулу. Часть казачьей эскадры орудовала у входа в гавань, а 12 лодок прорвались в Босфор. Их прижали 14 турецких галер. Тогда казаки пристали к берегу,

закрылись в греческом монастыре и отстреливались. Их товарищи, услышав шум боя, подошли на 50 челнах, захватили абордажем и сожгли 2 галеры, высадили десант и выручили осажденных. После чего убралась, увозя большую добычу.

Турецкий посол Кантакузин явился в Москву с целым букетом жалоб. Еще и от себя добавил, передав в соответствующем ключе картины, которые он видел на Дону. Филарет осерчал. 60 казаков, сопровождавших посольство, были арестованы и отправлены в ссылку.

Вместе с Кантакузиным в Стамбул должен был ехать посол Савинов, ему велели объявить казакам, что пока они не исправятся, жалованья им не будет. А чтобы припугнуть Дон, с послами направили воеводу Карамышева с отрядом в 700 стрельцов. И вот это сделали напрасно. Да и выбор был неудачным. Карамышев был тот самый, который в 1612 г. чуть не сдал полякам Волоколамск и был отстранен казаками от командования. Теперь он горел желанием утереть им нос, всюду шумел, что будет казаков и атаманов «казнить и вешати». Что он, мол, соединится с татарами и вместе с ними вразумит Дон. Результат был плачевным. Казаки возмутились арестом своих товарищей в Москве. А тут еще Карамышев своими выходками злости добавил. Его притащили на круг, изрубили и утопили. Правда, послов не тронули, проводили в Азов, не взяли даже большую сумму денег, которую вез Карамышев. Но реакция правительства была жесткой. Находившуюся в Москве станицу, атамана **Васильева** и 70 казаков, заточили по тюрьмам, некоторых казнили. Жалованье присылать прекратили.

15. КАЗАКИ РАСШИРЯЮТ ДЕРЖАВУ

Во время Смуты из Москвы сбежал находившийся на русской службе сын Кучума Ишим и в Сибири взбунтовал ряд племен. Его агитации поддались далеко не все. Но в это время из Монголии и Джунгарии начались миграции калмыков (ойратов). Это был многочисленный и

сильный народ, воевал с казаками, вторгался в Среднюю Азию. «Кучумовичи» породнились с калмыками, к их союзу примкнули енисейские киргизы, кузнецкие татары. И запылало по всей Южной Сибири. Деревни и мелкие острожки погибали. Города кое-как отбивались. Осадам подвергались Тобольск, Тара, Тюмень. В 1615 г. разгорелись бои под Томском. Его осадили кузнецкие татары. Гарнизон предпринял вылазку, казаку **Якиме Захарову** в рукопашной удалось убить вражеского предводителя Наяна, и противника отогнали. После этого томские служилые под командованием стрелецкого сотника **Ивана Пущина** и атамана **Бажена Констептинова** совершили ответный рейд, «Абинский улус повоевали и городок взяли». Но на помощь кузнецким татарам подошли 5 тыс. калмыков и снова обложили Томск. Блокада длилась 10 недель, люди стали умирать от голода. Поняв, что терять больше нечего, ринулись в последнюю отчаянную атаку. И победили — степняки откатились прочь.

По мере стабилизации в Европейской России стало улучшаться и положение в Сибири. Сюда пошло оружие, продовольствие, подкрепления. И от обороны русские перешли к дальнейшему продвижению на восток — в бассейн Енисея. В 1618 г., чтобы замирить кузнецких татар, был построен Кузнецкий острог, в 1619 г. отряд **Алябьева** и **Рукина** основал Енисейск. Добирались уже и до стран вообще далеких. Так, казак **Иван Петлин** «со товарищи» по собственной инициативе совершил путешествие в Китай. Пересекли Монголию, достигли Пекина. Даже сумели получить прием у императора Шэньцзуня и провести переговоры. Получили грамоты для царя, где предлагалось установить между государствами торговые и дипломатические связи. И привезли их в Москву. Увы, в столице не нашлось ни одного человека, способного прочесть китайские грамоты. И единственным результатом похода стало описание Китая, составленное Петлиным.

Важные меры по укреплению восточных рубежей предпринял патриарх Филарет. По его решению в 1620 г. была учреждена Тобольская епархия. А чтобы защитить от калмыков Поволжье, в этом же году был построен Яицкий городок. В нем был размещен стрелецкий

гарнизон, а местным казакам царь своей грамотой даровал в вечное пользование земли и рыбные ловы по Яику, право беспошлинной торговли. За это они во взаимодействии со стрельцами стали нести пограничную службу.

Но сибирское казачество, в отличие от яицкого, создавалось искусственно. Оставшиеся в живых соратники Ермака и их потомки были приняты на службу и составили «Старую сотню», размещенную в Тобольске. *А пополнялось Сибирское Войско из служилых казаков. Набирали их в основном на севере, где природные условия были сходны с сибирскими — из вольных крестьян и охотников Вятки, Перми, Устюга, Вологды, Поморья* [45, 129]. Например, до нас дошел указ Михаила Федоровича воеводе Великому Устюгу в 1630 г. — набрать для Енисейска 500 «охочих мужиков в сибирскую службу» и 150 «охочих девок сибирским служилым людям на женитьбу». И добровольцев хватало. Но разве повернется у кого-нибудь язык назвать «не настоящими» казаками Пояркова, Дежнева, Хабарова, Атласова — хотя родом они были устюжанами? Впрочем, ведь в Сибири, в условиях постоянной опасности, невероятных трудностей и лишений, тоже оказывались оптимальными казачьи традиции братства, спайки, организации.

Некоторые историки сравнивают освоение Сибири с завоеванием Америки, а казаков с конкистадорами. Действительности это не соответствует. Европейские колонизаторы добивались успехов благодаря своему военно-техническому превосходству — у них, в отличие от индейцев, были ружья, пушки, стальное оружие, кони, а морские коммуникации позволяли удобно подвозить подкрепления. Казаки такими преимуществами не обладали. У сибирских народов была и конница, и стальные сабли, пики, доспехи, у некоторых и огнестрельное оружие. Впрочем, тогдашние фитильные ружья были весьма несовершенными, делали за день боя 12–16 выстрелов, и чаще все решала рукопашная. Не было у русских и удобных коммуникаций — из Москвы в Восточную Сибирь добирались 2–3 года.

Правда, сибирские народы были малочисленны. Но русских тут было еще меньше, на всю Сибирь 3–4 тыс. служилых. Предположим, даже удалось победить в бою то или иное племя, обязать платить ясак. А как быть с партизанской войной в таежном море? Она похоронила бы любые отряды. Но казаки не только объясачивали сибиряков, а и добивались вполне мирного сосуществования. На сбор ясака к отдаленным племенам ходили по 2–3 человека. И возвращались, ясак доставляли, новые ценные сведения узнавали. Просто в Сибири действовали механизмы, совершенно отличные от западных завоеваний. Ясак не был обременительным. Скажем, в Якутии с рядовых жителей брали 1 соболя в год, с богатых — 1 соболя с 4 голов имеющегося у них скота. А с безлошадных вообще не брали — полагали, что без лошади человек не может охотиться. Но ясак был и не безвозмездным, он считался службой для царя. И сдавший его получал «государево жалованье» — топоры, пилы, иглы, ткани.

Кроме того, уплативший ясак получал право свободно продавать излишки мехов. Часто торговлей занимались сами сборщики, бравшие с собой запас товаров. Ехали и купцы, возникали ярмарки. И торговля была ясачным выгодна. Не пахло и никаким порабощением. Сибирские племена полностью сохраняли свои угодья, самоуправление, верования, традиции. Царские указы требовали от воевод: «Приводить инородцев под высокую государеву руку ласкою, а не жесточью и не правежом». «Держать к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их в чем напрасно не ожесточить и от государевой милости не отгонить», городки и селения ставить только «на порозжих местах, а ясачных угодий не имать» [129]. Наконец, сибирские племена постоянно враждовали между собой. Отбивали скот, имущество, обращали пленных в рабов. А согласившиеся платить ясак получали защиту со стороны русских. Ну а в южных районах добавилась внешняя опасность. Здешиим племенам приходилось выбирать — стать данниками степняков или подданными царя. Выбор в такой ситуации следовал однозначный. Остяки, вогулы, тунгусы, сибирские татары часто сражались плечом к плечу с русскими, отражая набеги. А для того, чтобы защитить ясачных

на Енисее, в 1628 г. 300 казаков под командованием **Дубенского** построили Красноярск.

Конечно, допускать на свою территорию пришельцев и объясняться выражали желание не все. Первые контакты с местными часто бывали кровавыми. Казачьи экспедиции выдерживали нешуточные сражения со значительно превосходящими силами, сидели в осадах в своих острожках, старались захватить аманатов-заложников. Но затем устанавливались взаимовыгодные связи. Которые, кстати, обеспечивался еще и тем, что казаки, в отличие от западноевропейцев, отнюдь не считали жителей тайги и степей неполноценными «дикарями». Воспринимали их в качестве таких же людей, как сами. Уважительно относились к обычаям сибирских народов. И сами не гнушались учиться, перенимали местную одежду, виды жилья, формы ведения хозяйства.

От Енисея освоение Сибири пошло двумя путями. Северным, морским, от Мангазеи, и сухопутным от Енисейска. Точнее, этот путь тоже был водным. Главной целью поисков были новые реки, они служили дорогами в неведомые края. Казаки были на все руки мастера, а в экспедиции включали мастеров-корабелов, запас скоб, гвоздей. На реках делали челны или струги. Для морских плаваний служили кочи. Это были довольно крупные суда водоизмещением 35–40 т. Они имели особую выпуклую форму корпуса и малую осадку, что позволяло идти в прибрежной полосе, очистившейся от льда, а если коч все же попадал во льды, его выжимало на поверхность, и он мог, не погибая, дрейфовать со льдами. Коч имел мачту с парусами. Когда его строили не на верфи, а в ходе экспедиции, паруса делали из оленьих шкур. Существовали и навигационные приборы — глубинный лот, солнечные часы, компасы-«матки» [45].

На Енисее землепроходцы узнали, что восточнее есть река Лена. В 1627 г. на ее поиски отправились 40 казаков атамана **Максима Перфильева** и **Ивана Реброва**, в 1628 г. — десятник **Василий Бугор** с 10 казаками. Трудности приходилось преодолевать невероятные. Без дорог форсировать «дебри непроходимые» и «кручи каменные», надрываться на волоках, перетаскивая грузы, зимовать в необитаемых местах, терпеть голод, морозы. Первым с донесением об открытии Лены вернулся Бугор, произведенный за это в пятидесятники. Он путешествовал 2 года, основав 2 пункта для сбора ясака. Оставил 2 казаков у устья Куты и 4 — у р. Киренги. Вот так и возникали новые поселения. Сперва зимовье — курная изба. Потом ее надстраивали, и получалось подобие башни. Обносили тыном — и это был уже острожек. Поселение разрасталось, ставились стены с башнями, и называлось уже городом. Строились церковь, съезжая изба (канцелярия воеводы), таможня, кабак. Из зимовий у устья Куты и на Киренге возникли Усть-Кут и Киренск. Вскоре были основаны Илимск, Братский острог. На Ангаре казаки встретились с бурятами, и отношения установились настолько дружеские, что в документах того времени бурят называли «братья», «братские люди», отсюда и Братск.

После донесения Бугра на Лену был отправлен отряд атамана **Ивана Галкина**. В нескольких боях победил пятерых якутских тойонов и «подвел под государеву руку». А затем сюда прибыл сотник **Петр Бекетов** с 30 казаками. И в 1632 г. основал г. Якутск. А экспедиция Перфильева и Реброва, первой отправившаяся на Лену, возвращаться не спешила. Спустилась по реке, основав Жиганск. В 1633 г. построила кочи, вышла в море и открыла р. Яну. Объясачила юкагиров, Перфильев с «меховой казной» и сведениями о новых землях отправился назад, а казак Иван Ребров «со товарищи» остался. И провел в здешних краях еще 7 лет. Проплыл еще восточнее, открыв р. Индигирку, потом отправился на запад, на р. Оленек.

Из Якутска направлялись новые партии. **Харитонов** — на Яну. **Дмитрия Зыряна** — на Индигирку. Ряд смелых плаваний в Ледовитом океане совершили казаки **Елисей Буза**, **Беляна**, **Иван Ерастов**. Из Томска пришел на Лену атаман **Дмитрий Косолапов** с 50 казаками. Они поднялись по Алдану, заложили Бутальский острожек. Здесь от отряда отделились 30 человек под руководством **Ивана Москвитина**, двинулись дальше на восток и в 1639 г. достигли Охотского моря, составив первые карты его берегов. Казаки вообще проявили себя отличными географами. По результатам экспедиций составлялись чертежи,

«отписки», «скаска», имевшие огромную научную ценность. И когда академик В.Н. Скалон работал в 1929 г. над картами сибирских рек, то вдруг обнаружил, «что русские чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя».

Героями в Сибири были многие. Это считалось обычным, само собой разумеющимся. Несколько трудных походов возглавил **Посник Иванов**. На Виллюй, объясачив эвенков. На Яну, построив Верхоянск. На Индигирку, выдержав «крепкие бои» с юкагирами. В 1642-43 гг. Иванов руководил первой экспедицией на Байкал. Изучил западный берег озера, уговорил перейти «под государеву руку» местных бурят. Но отряд **Скороходова**, отправленный в 1643 г. в район к востоку от Байкала, в боях погиб полностью. И этот случай был не единичным. О многих экспедициях мы ничего не знаем по одной причине — из них не вернулся никто. Да и удачи порой стоили дорого. В 1643 г. письменный голова Якутска (управляющий воеводской канцелярии) **Василий Поярков** предпринял большой поход на Амур. Отправились 132 человека, поднялись по Алдану, перевалили Становой хребет и достигли Зеи. Построив суда, двинулись к низовьям Амура. Летом 1645 г. вышли в море, увидели о. Сахалин. И поплыли на север до р. Ульи, откуда по пути Москвитина вернулись в Якутск. От лишений, болезней, в боях отряд потерял две трети личного состава. Но привез огромный ясак, а главное — отчет с подробным описанием своих открытий, чертежами Амура и морского побережья.

Десятник **Михаил Стадухин** за свой счет организовал отряд из 16 человек для похода на Индигирку. Исследовал Оймякон, выдержал тяжелую войну с ламутами, отбиться удалось с помощью союзных якутов и тунгусов. Узнав, что восточнее Индигирки есть еще большие реки, Стадухин объединился с экспедицией Зыряна, двумя кочами вышли в море и открыли р. Колыму. А отряд казаков **Семена Шелковникова** в это же время был направлен из Якутска к Охотскому морю, где основал Охотск. Лена становилась уже совсем «обжитыми» краями. Сюда ехали купцы, промышленники-охотники, поселенцы. Только в 1647 г. таможня Якутска зарегистрировала 404 человека, отправившихся на «дальние реки» для «торгу и промыслу», и 15 кочей, отчаливших к морю. А заполярный Жиганск, куда начальство отродясь не добиралось, превратился в натуральный «Дикий Восток». Через него шли суда на Яну, Оленек, Индигирку, а обратно ехали промышленники, купцы, служилые с добычей и выручкой. В Жиганске расцвели кабаки, гнали вино из какой-то «сладкой травы» и «кислой ягоды», съезжались на заработки якутские, тунгусские, ламутские, ненецкие бабенки. В общем любой возвращающийся из странствий мог оттянуться и облегчить кошелек.

Появились тут даже и пираты! Одним стал казак **Герасим Анкудинов**. Он сбежал со службы с ватагой из 30 человек, на коче безобразничал в море Лаптевых, ограбил Нижнеиндигирское зимовье. Вторым «джентльменом удачи» стал первооткрыватель Лены Бугор. То ли с начальством не поладил, то ли просто «погулять» захотел. Сговорился с 20 казаками, угнали в Якутске коч и пошли «шалить» по реке. Захватили несколько судов, ограбили коч казанских купцов, хапнув товаров на 1200 руб. Добычу лихо прогуливали в Жиганске. От потерпевших сыпались жалобы царю. Но воинских сил на Востоке было мало (на весь Якутский уезд 350 служилых). И правительство к таким выходкам отнеслось спокойно. Приказало: «Буде те казаки впредь объявятся и про то распросить и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску взятое без прибавки доправить на них, отдать истцам». То бишь если вернутся, пусть возвратят награбленное «без прибавки» и дальше служат...

А на Колыме в это время стало известно, что где-то восточнее лежит река «Погыча». И для ее поисков организовал плавание приказчик купцов Усовых **Федот Попов**. Начальником на Колыме был десятник **Втор Гаврилов** — и целовальником (официальным представителем властей) он назначил в экспедицию **Семена Дежнева**. Это был рядовой казак, но уже успел неоднократно отличиться. В Якутии умелой дипломатией замирил разбойничавших вождей Огеевых. В одиночку ходил на переговоры к восставшему тойону Сахаю, убившему сборщиков ясака и уничтожившему посланный против него отряд. И справился, уговорил замириться и выплатить ясак. Участвовал в походах Зыряна на Яну и Стадухина на Колыму, героически проявив себя в боях. Словом, человек был достойный, вот и

получил еще одно назначение.

Первая попытка плавания на восток, предпринятая в 1647 г., была неудачной. Корабли встретили сплошные льды и вернулись на Колыму. Здесь к отряду присоединились приказчики купца Гусельникова, ватага «воров» Анкудинова. И в июне 1648 г. 105 человек на 7 кочах отчалили из Среднеколымска. Ледовая обстановка была более благоприятной, но в Чукотском море эскадра попала в бурю. 2 судна погибли, еще 2 унесло в неизвестном направлении. До пролива, который сейчас называется Беринговым, дошли только суда Попова, Дежнева и Анкудинова. И снова попали в шторм. Корабль Анкудинова разбило волнами, но удалось снять экипаж. И 2 уцелевших коча обогнули «Большой каменный нос», который впоследствии назовут мысом Дежнева. Прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки и обнаружили «край и конец земли Сибирской».

Экспедиция открыла и исследовала острова Диомида, Ратманова, Крузенштерна. Но опять налетела буря и разъединила суда. Коч Попова погнала на юг, на Камчатку. Почти все, кто находился на нем, погибли от цынги и в боях с коряками. А корабль Дежнева в октябре выбросило на берег южнее р. Анадырь. Их было 24 человека. Во время зимовки от голода и при попытках добыть продовольствие погибла половина. Осталось 12 — из 105... По сути «робинзоны», потерпевшие крушение в суровом полярном краю. Но они думали не о том, как вернуться назад, а как выполнить задачу, ради которой прибыли сюда! Когда потеплело, и казаки оклемались от страшной зимовки, они стали исследовать Анадырь, строить острог и приводить здешний край под «государеву руку»...

Через пару лет была открыта сухопутная дорога с Колымы на Анадырь, сюда стали приходить другие отряды. Казак **Семен Мотора** с группой «охочих людей», Василий Бугор со своими разбойничками — видать, надоело грабить и бражничать. Но многие и погибали. Защищая ясачных юкагиров от нападения других племен, пал Мотора. Из двух десятков соратников Бугра осталось лишь пятеро. Дежнев покинул Анадырь лишь после того, как ему прислали смену — сотника **Курбата Иванова** с отрядом. И в Якутск Дежнев возвратился в 1662 г. Воевода Голенищев-Кутузов героя обласкал, отправил в Москву. Его принял сам царь, даже приглашал в круг своей семьи и несколько вечеров слушал рассказы о путешествиях. Дежнева произвели в атаманы, выплатили жалованье за 19 лет — 126 руб. и 20 с половиной копеек. А за добытую им личную моржовую кость он выручил 500 руб. То есть стал состоятельным человеком. В дальнейшем служил начальником на Чечуйском волоке и на Витиме. Кстати, а Василий Бугор после анадырской эпопеи раскаялся, все привезенные им личные меха и моржовые клыки пожертвовал на строительство церкви. Он наград не удостоился, но и о «воровстве» правительство вспоминать не стало.

16. НА БУЙНОМ ТЕРЕКЕ

Терское казачество в начале XVII в. умножилось, представляло собой внушительную силу. И в 1603 г. крымский хан обращался к Годунову, требуя свести казаков с Терека, а то, мол, татарам стало слишком опасно кочевать на Кубани. Настоящая причина требования была, конечно, иной. Для Бахчисарая и Стамбула казачество было костью в горле, мешая им проводить свою политику. В это время турки одержали верх в очередной войне с Ираном. Захватили все Закавказье, утвердились в Дербенте. И на их сторону переметнулся шамхал Тарковский. Присягнув султану, стал требовать срыть Койсинский острог, построенный по его же заявке. Но часть подданных шамхала предпочла остаться под властью Москвы, обратилась к царю. И было решено поддержать их. В 1604–1605 гг., когда Русь уже покатила в Смуту, на Дагестан выступило войско князя Бутурлина из 7 тыс. ратников и казаков. Заняло резиденцию шамхала Тарки, однако тот призвал турок. И вместе с ними блокировал рать в крепости. Оказавшись в окружении, без продовольствия, Бутурлин вступил в переговоры с турецким пашой и договорился сдать Тарки на условиях свободного ухода. Но воеводу обманули. Когда войско стало отступать, на него напали и перебили большинство воинов. После чего турки и верные шамхалу племена напали на российские

владения, сожгли Койсинский и Сунженский остроги. Но многочисленное Нижнетерское Войско дало отпор, Терский городок с помощью казаков отбил все атаки, и врагам пришлось уйти восвояси.

Вскоре ситуация еще больше осложнилась. В 1606 г. 4 тыс. нижнетерцев ринулись в авантюру с «царевичем Петром». Обрато почти никто не вернулся. И от Нижнетерского Войска осталось всего пару сотен человек [23]. А в ходе продолжающейся войны между турками и персами победил шах Аббас. Занял Восточное Закавказье и, пользуясь русской Смутой, решил прибрать к рукам Северный Кавказ. Тут-то дагестанцам пришлось туго. Если турки довольствовались признанием вассалитета горских племен, то шах драл с подвластных народов огромные налоги. К тому же он был шиитом, устраивал гонения на суннитов. Кавказцы оказали сопротивление. А Аббас сделав Дербент опорной базой, начал походы на Дагестан. В 1610 г. Тарковские правители Гирей и Ильяс Сурхановы обратились к терскому воеводе Головину, снова просились в подданство к царю. Но что мог сделать Головин, когда Русь лежала в хаосе? Обнадеживал князей, слал донесения неизвестно кому.

В 1614 г. терские стрельцы и казаки приняли активное участие в ликвидации мятежа Заруцкого, направили отряд в Астрахань. А персы увязали в боях за горные селения и не могли добиться подчинения. Как доносил казачий сотник **Лукин**, «кумыцкие старшины покоряться не хотели». Но шах попыток экспансии не оставил. Разослал эмиссаров, склоняя на свою сторону черкесов, Кабарду. Сумел привлечь Эндереевского князя Султан-Махмуда, кабардинского князя Мудара Алкаева. И направил в Дагестан 12 тыс. войска, чтобы построить крепости на Тереке и Койсу. В 1615 г. Аббас сам явился сюда, жестоко карая непокорных. Однако теперь уже смогла вмешаться Москва. Объявила, что дагестанцы и кабардинцы — подданные царя, и выдвижение персов к Тереку будет означать войну. Россия была крайне слаба, еще воевала со Швецией и Польшей, и на самом-то деле открывать еще один фронт не могла. Но для Ирана была очень важна торговля с ней. Персы сбывали через Россию шелк, транзитные товары из Индии. И шах на обострение конфликта не пошел, отвел войска. Это сразу подняло авторитет царя среди народов Кавказа. Ему присягнули кумыки, карачаевцы, балкарцы, часть адыгов. А Эндереевскому Султан-Махмуду пришлось отдуваться. Шамхал напал на него, мстя за свои разоренные селения, а терский воевода и казаки помогли. Султан-Махмуд бежал к чеченцам, принялся натравливать их на кумыков и русских. В ответ в 1616 и 1618 гг. были предприняты первые в истории походы в Чечню. Они были успешными, стрельцы и гребенские казаки вполне «вразумили» Султан-Махмуда. И он тоже признал подданство царю. Вслед за ним присягу принесли уцмий Кайтагский, ханы Андийский и Аварский, ряд чеченских мурз [30].

Гребенское Войско и остатки Нижнетерского по-прежнему жили отдельно и во многом отличались. Гребенцы обосновались на Тереке и Сунже раньше, очень тесно контактировали с местными народами и сами в значительной мере «окавказились». Переняли традиционную одежду, оружие горцев, некоторые обычаи, пляски, методы хозяйствования. Геологи С. Фрич и И. Герольд, посетившие в это время Кавказ, писали о «домовитости» гребенцов. Они занимались скотоводством, огородничеством, выращивали просо, освоили виноградарство и виноделие. Войско разрасталось. Если в начале XVII в. оно насчитывало около 500 боеспособных казаков, то последующие документы перечисляют уже более десятка городков — Червленый, Шадринский, Степанов, Потапов, Наурский, Казан-городок и др. (но располагались они не там, где сейчас, а на правом берегу Терека). Избирали атаманов в каждом городке и общего, войскового. Нижнетерские казаки обитали в единственном Трехстенном городке. «Окавказились» в гораздо меньшей степени, не создавали прочной хозяйственной базы, главным промыслом были рыбные ловы, подрабатывали службой.

Смешанные браки являлись обычным делом, особенно у гребенцов. Женились на черкесках, кабардинках, чеченках, дагестанках. Причем нередко умыкали невест. Этот обычай был чисто кавказским, он позволял не только избавиться от расходов на свадьбу и калым, но и почитался признаком удали. Возникали и куначеские связи. Бывало, что казак отдавал сына на воспитание кунаку-джигиту, а тот выдавал дочь за этого сына. Но невест

обязательно крестили, а казачек замуж за горцев не отдавали, это значило бы переход православной девушки в «басурманскую» веру. Как гребенцы, так и нижнетерцы пополнялись и извне. За счет отбитых русских пленников, да и представителей других народов. Межплеменные набеги на Кавказе шли постоянно. Захватывали пленных для выкупа, обращали в рабство, продавали в Дербенте, Анапе, Темрюке. Если к казакам бежал невольник или человек, спасающийся от кровной мести, и принимал крещение, его не выдавали. А со временем он становился казаком. Еще в XIX в. многие семьи терцев помнили о своем происхождении от осетин, чеченцев и т. д.

Опорой России на Кавказе считалась Кабарда, однако в XVII в. из-за ссор и междоусобиц между князьями она стала распадаться. Выделились Большая (Казиева), Малая (Шолохова), Анзорова Кабарда, княжество Сучаловичей Черкасских. И друзьями Москвы были далеко не все князья — например, в 1614 г. гребенской атаман **Яков Гусевский** доносил о нескольких русских, сбежавших из кабардинского плена. Княжескими сварами пытались воспользоваться и турки с крымцами. В условиях войн в Закавказье для них было очень важным, что кабардинцы контролировали Дарьяльское ущелье, по которому можно было наносить удары в тыл персам. Поэтому Стамбул и Бахчисарай активно лезли в здешние дела, направляли эмиссаров. Чтобы поддержать своих ставленников, присылали крупные отряды татар — в 1619, 1629, 1631, 1635, 1638 гг. Но Москва во всех случаях заявляла дипломатические протесты. Слала приказы кабардинцам не вступать в сношения с ханом и не пропускать через свою территорию чужие войска. А терские воеводы и гребенцы помогали сторонникам русских, казаки участвовали в их походах против конкурентов. И кабардинские князья, опасаясь разгневать царя, отказывались от крымской «помощи».

Но казакам доставалось. Татары, не добившись своего в Кабарде, нападали на их селения, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Совершала набеги и Малая Ногайская орда, кочевавшая по соседству. Из-за беспрестанных налетов в 1620-1630-х гг. часть казаков вообще покинула эти края. Некоторые уходили в Сибирь, поступали на службу. Так, терский атаман **Гроза Иванов** в 1624–1626 гг. совершил две экспедиции вглубь Казахстана на Ямышевское озеро, разведал месторождение соли, составил описание дороги и окрестностей. Часть гребенцов ушла и на Дон. Чему, возможно, способствовало не только положение на Тереке, но и большая добыча донцов в морских походах. Хотя, с другой стороны, тогдашние документы сообщают об отрядах донских, запорожских, яицких казаков, приходивших на Терек на короткое время. Они помогали здешним братьям против врагов, совершали рейды за добычей и возвращались домой. Некоторые и оставались [23].

Но не только турки с крымцами, персы своих проектов экспансии на Северный Кавказ тоже не забыли. В 1629 г. шах Аббас вторгся в Южный Дагестан. В походе он умер, но его преемник Сефи решил довершить дело отца. Причем готов был даже пойти на конфликт с Россией. Планировал построить крепости на Сунже, Тереке, Елецком городище. Для этого в 1630 г. в Дагестан была послана тысяча солдат, а наготове стягивалась армия в 40 тыс... Кроме того, на сторону Ирана перешел мятежный крымский царевич Шагин-Гирей. Сефи решил сделать его своим наместником на Северном Кавказе, поручил ему вовлечь в персидское подданство местных князей. Но едва возникла иранская угроза, кавказские народы тут же забыли взаимные счеты и приняли сторону России. Тарковский шамхал Ильдар людей для строительства крепостей не дал, заявив, что «земля тут государева а не шахская». Аналогично отреагировали другие правители Дагестана и Кабарды. А Эндереевский Султан-Махмуд, которого не так давно замиряли оружием, теперь прислал в Терский городок сына, чтобы договориться о совместной войне против Шагин-Гирея. Присоединился и Аварский хан. Воевода поднял стрельцов, казаков. И Шагин-Гирей, узнав, что против него собираются силы, предпочел удрать. Сефи был вынужден отменить свои планы.

Его наследник, шах Аббас II считал, что удобный момент настал в 1645 г. — в Москве умер Михаил Федорович, воцарился юный Алексей Михайлович. Плацдармом для завоеваний Аббас II решил сделать Кайтаг. Его войско погромило Дагестан, изгнало

Кайтагского уцмия Рустам-хана, верного России, и на его место посадило ставленника персов Амир-хан Султана. Началось строительство крепости в селении Башлы. Но прочие кавказские князья сразу обратились за помощью к царю. Москва отреагировала жестко — терскому воеводе был послан приказ привести войска в боевую готовность и выступить при первой необходимости. На Терек двинулись полки из Астрахани и Казани. И шаху был предъявлен ультиматум — немедленно очистить Дагестан. Аббас понял, что воцарение Алексея не вызвало ослабления в России и увел войско. А поставленный персами Амир-хан перетрусил и принялся заверять терского воеводу, что готов быть «под его царскою и шах Аббасова величества рукою в опчем холопстве», а ежели шах не будет возражать, то и в царском «неотступном холопстве» [30].

В 1649 г. большой поход на Терек предприняли ногайцы, «многих казаков побили и жен их и детей в полон поимали». Россия предпринимала меры по защите своих подданных. В 1651 г. был заново отстроен Сунженский острог, службу в нем нес отряд стрельцов, нижнетерские и гребенские казаки. Но не успели оправиться от одной напасти, нагрянула новая. Аббас II с прошлой неудачей не смирился. Однако сперва действовал исподтишка. Влезал во внутренние дрязги дагестанских и кабардинских князей, старался стравливать их между собой, чтобы поддержать ту или иную сторону и таким способом приобрести приверженцев. Подкупал подарками, деньгами. А в 1653 г., когда Россия готовилась воевать в Польшей и направила все силы на запад, шах бросил на Северный Кавказ армию Хосров-хана Шемахинского. Ему ставилась задача выбить русских с Терека и построить в Дагестане 2 крепости с гарнизонами по 6 тыс. воинов. Хосров, увеличив свое войско отрядами горских союзников, вторгся на земли Гребенского Войска и напал на Сунженский острог. Крепостные пушки, казачьи ружья и сабли охладили пыл атакующих. Взять острог Хосров-хан так и не смог, и наступать на Терский городок, который был куда более сильной крепостью, уже не пытался. Но гребенские земли персы опустошили основательно. В памяти терцев это событие запечатлелось как «кызалбашское разорение». 10 городков прекратило существование, у казаков было угнано 3 тыс. лошадей, 10 тыс. коров, 15 тыс. овец, 500 верблюдов. Воеводы доносили, что «казаки с женами, с детьми разбрелись».

Царь крепко рассердился, потребовал объяснений, угрожая ответными мерами. Иранцы, получив отпор как военный, так и дипломатический, заюлили. Стали лгать, что поход был направлен только против кабардинцев, а «русским людям ни единому человеку и носа не окржавили». На это получили ответ, что и кабардинцы — государевы подданные, и соваться к ним Москва очень даже не рекомендует. На Терек пошли дополнительные войска. Аббас еще надеялся, что пока идут переговоры, получится зацепиться крепостями в Дагестане. Потребовал от азербайджанских ханов, чтобы они занялись этим, собрали воинов. Но ханам отнюдь не улыбалось нести расходы и потери, они спускали приказы на тормозах. А дагестанские и чеченские князья, поучаствовавшие в нападении на казаков, совсем не горели желанием, чтобы у них утвердилась персидская администрация. Да и Москвы боялись, отказывались выделять землю и людей. И Аббасу пришлось похоронить проект.

Обстановка на Северном Кавказе стабилизировалась на целых семь десятилетий. Расцвел Терский городок. Он превратился в крупный военный, политический и торговый центр. Тут имелись 2 церкви, приказная изба, арсенал, стрелецкая казарма, таможня, торговые ряды, 3 гостиных двора, харчевня. Сюда стали перебираться многие кавказцы — под защитой гарнизона можно было спокойно торговать, заниматься ремеслами. В городе возникли слободы Черкасская (кабардинская), Окоцкая (чеченская), Новокрещенская, Татарская. Подсуетились и армянские купцы. Они поставляли в Россию шелк-сырец и договорились с гребенцами о его обработке. У казаков возникли довольно масштабные промыслы по переработке шелка в пряжу и ткани — отсюда и название станицы Шелковская. А у нижнетерцев в 1668 г. наводнение затопило Трехстенный городок, и они переселились к Терской крепости. Их к этому времени насчитывалось всего 220 человек, их них треть — крещенные кавказцы. *И этих казаков под названием Терского Низового Войска включили в состав гарнизона крепости*. Главной их обязанностью стало выставлять пикеты

на переправах через Терек.

17. УКРАИНА В КРОВИ

Чтобы усилить контроль над украинским казачеством, поляки затеяли «перебор» реестровых. Тех, кого подозревали в нелояльности, из реестра исключали. И заменяли такими, кто будет заведомо послушным. Изгнанные, обращаемые в «мужиков», возмущались. Тогда Сигизмунд направил на Украину на постой коронное войско. Наемники, из которых оно состояло, безобразничали, грабили. А в 1630 г. казаки избрали гетманом **Тараса Федоровича (Трясило)**. Он был настроен пророссийски, в Смуту ушел со своим отрядом от поляков и присоединился к Пожарскому. Панам такая кандидатура понравиться не могла и король не утвердил ее, назначив гетманом **Грицька Черного**. Оскорбленный Тарас Федорович отправился в Запорожье и поднял восстание. К нему со всех сторон потекли недовольные. В битве под Переяславлем на сторону мятежников перешли реестровые, и польская армия была разгромлена. Тарас направил послов в Россию с просьбой о помощи и принятии Украины в царское подданство. Но полякам удалось схватить гетмана, его сожгли заживо. Повстанцев, оставшихся без предводителя, разбили. И «замирили» неопределенными обещаниями.

Россия же преодолела последствия Смуты, усилилась. Патриарх Филарет был одним из величайших ее преобразователей. Именно при нем в стране началась промышленная революция, возникали крупные мануфактуры, металлургические заводы. Усилиями Патриарха задолго до Петра были созданы первые полки «нового строя», солдатские, драгунские, рейтарские. Их обучали и вооружали по образцу лучшей армии той эпохи, шведской, приглашали иностранных инструкторов. В Европе в это время полыхала Тридцатилетняя война, и в Германии сражалось войско шведского короля Густава II Адольфа. Филарет заключил с ним союз, договорившись, что русские ударят на Польшу с востока, а шведы с запада. Обещала помочь и союзная Турция. А в 1632 г. умер Сигизмунд, в Речи Посполитой настало «бескоролье». Казаки прислали делегатов на сейм, желая добиться обеспечения Православия и участвовать в выборах короля, но получили оскорбительный ответ: «Казаки хотя и составляют часть польского государства, но такую, как волосы или ногти на теле человека. Когда волосы и ногти слишком отрастают, их стригут». А вместо обеспечения Православия сейм принял «Статьи успокоения греческой религии», грозящие карами за непокорство. Начались бунты. Посланцы от казаков прибыли в Путивль — просить о переходе в подданство России [29, 32].

Момент казался самым подходящим. Правительство привлекло к войне и казаков. На Яик был послан полковник Борис Змиев, привел здешних казаков к присяге и устроил их первую перепись, боеспособных оказалось 3 тыс. Из них 2 тыс. остались нести службу на Яике, а из 950 Змиев сформировал отряд на войну, набрав тех, кто «воровал» на Волге и должен был «заслужить вины» [128]. На Дон с той же целью поехал Иван Пашков. Казакам объявлялось, что царь и патриарх простят их за прошлое, но за это требовалось принести присягу и провести перепись — «взять в смету сколько всех будет». Однако с донцами такая история, как с уральцами, не прошла. Они присягать категорически отказались. Заявили: «Крестного целования государям на Дону, как зачался Дон, казачьими головами не повелось». Кстати, их ответ является первой историей Войска Донского — казаки вспомнили и перечислили все войны и атаманов, которые служили царям «не за крестным целованием» со времен Казанского взятия. Отказалось Войско и от переписи. В Москву повезла ответ станица во главе с атаманами **Богданом Капнинским** и **Тимофеем Яковлевым**. И Филарет все же убедил их принести присягу. Но Дон, узнав об этом, тут же дезавуировал своих делегатов: «А креста целовати мы челобитчикам своим не писали, то они учинили, не помня старины, своими молодыми розумы без нашего войскового совету и приказу» [35]. Что ж, патриарху пришлось уступить. На Дон вновь пошло жалованье, а казаки прибыли на службу.

В июне 1632 г. Россия объявила Польше войну. Но планы сразу пошли наперекосяк. Турецкий султан в войну не вступил, увязнув в схватке с Ираном. Зато крымский хан получил щедрую плату от поляков и вместо действий в союзе с Москвой ударил на Русь. Опустошил окрестности Курска, Орла, Белгорода, Мценска, Новосиля. Русскую армию, готовившуюся выступить на Смоленск, пришлось перенацелить на юг. Время было упущено. Рать двинулась на запад лишь осенью и застряла из-за распутицы. К Смоленску подступила только в начале 1633 г., когда крепость основательно подготовилась к обороне. А весной крымцы снова напали на Русь. За эту диверсию польские послы отвезли хану 200 подвод с деньгами. И гетман Радзивилл комментировал: «Не знаю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике это вышло очень хорошо». Потому что армия Шеина под Смоленском перестала получать подкрепления и боеприпасы. И город не взяла. А в Германии погиб шведский король Густав Адольф. Регентом при его малолетней дочери остался канцлер Оксеншерна, враг России, и союз с царем расторг.

Поляки получили возможность сосредоточить все силы на востоке. И бескорольеве у них кончилось. На престол был избран Владислав. С которым Украина связывала надежды на улучшение, ведь он пытался защищать ее права. Ожидаемое восстание не состоялось. Владислав выдал казакам диплом о свободе вероисповедания, и они поддержали «своего» короля в надежде на его милости. Когда Владислав повел войско к Смоленску, к нему прибыли 15 тыс. казаков, что обеспечило ему значительный перевес [75]. Русское осадное войско само попало в окружение. А в октябре умер Филарет, державший в руках все рычаги государственного управления. После долгих и тяжелых боев остатки армии Шеина капитулировали — им позволили уйти, но с потерей всей артиллерии и обозов. Правда, и Владислав, пытаясь развить наступление, потерпел поражение под Белой. И войну Россия все же выиграла. Владислав отказался от прав на московский престол, Польша вернула России Серпейский уезд, но остальные захваченные земли сохранила.

А вот украинским казакам, поддержавшим Владислава, очень быстро пришлось кусать локти. Диплом, пожалованный им, по польским законам был ничего не значащей бумажкой. Король должен был расплатиться с магнатами за свое избрание, влез в долги на войну. И стал просто марионеткой в руках панов, которые вертели им как хотели. Владислав раздавал им еще оставшиеся «свободные» земли. Усиливалась эксплуатация украинцев и гонения на православие. Было решено прижать к ногтю и последний очаг вольностей, Запорожскую Сечь. И на Днепре рядом с ней началось строительство крепости Кодак. Запорожцы расценили это вполне правильно — как конец своей свободы. Возглавил их **Иван Михайлович Сулима** [185]. Бывший крепостной Вишневецких, бежавший в Запорожье и ставший отчаянным казаком. Он был из тех, кто сказкам о «добром короле» не поверил и в войне не участвовал. Вместо этого в 1633 г. 2 тыс. запорожцев избрали его предводителем, на 40 чайках вышли в море, взяли Аккерман, Килию, Измаил. А в 1635 г. Сулима, возвращаясь из очередного победоносного похода, внезапно напал на Кодак. Гарнизон был перебит. В крепости захватили артиллерию, склады оружия. Сулиму избрали гетманом, и он призвал казаков и крестьян подниматься на борьбу, побивать и изгонять «ляхов, унитов, жидов и турок». Но поляки сумели вбить клин между нереестровыми и реестровыми. Опять внушили надежду, что за верность королю реестровых уравниют в правах со шляхтой, и они изменили. Схватили Сулиму и выдали врагу. Гетмана четвертовали. Повстанцев разгромили. И на Украине принялись закручивать гайки с новой силой. А реестровые не получили ничего, их всего лишь похвалили. Дескать, исполнили долг, ну и ладно.

Но дальше покатила сплошная цепь восстаний, по сути, гражданская война. Запорожцы избрали гетманом **Карпа Гудзана (Павлюка)**. В 1637 г. он совершил поход против татар, а, возвращаясь, налетел вдруг на г. Черкасы, захватил там пушки и призвал народ подниматься на защиту веры и вольностей. На его сторону стали переходить и обманутые реестровые. Восстание охватило оба берега Днепра. Правительство двинуло армию под командованием Потоцкого и Конецпольского. В боях под Кумейками и Мошнами поляки потрепали слабо вооруженных и плохо организованных повстанцев, но одолеть не

смогли. Однако в сражении под Боровицей казаки были разбиты. Среди них начался разлад. Этим воспользовался Конецпольский, завязал переговоры с реестровыми, обещая им льготы и милости, и они опять изменили. Принесли повинную и выдали Павлюка и его помощника **Томиленко**. Их сторонники стали разбегаться. Обоих предводителей обезглавили, а Украину решили покарать чудовищным террором.

Потоцкий прочесывал мятежные районы и казнил всех подряд, заявляя: «Теперь я сделаю из вас восковых». А Конецпольский приказывал подчиненным: «Вы должны карать их жен и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой». За поляками оставались пепелища, вдоль дорог на деревьях болтались повешенные, корчились тысячи посаженных на кол мужчин, женщин, стариков. Но бесчинства карателей вызвали в 1638 г. новое восстание. Как сообщает летописец, «видя козаки, что ляхи умыслили их всех вырубить, паки поставили гетманом **Остряницу**». Он начал поднимать народ на Левобережье. Коронные войска и отряды магнатов двинулись на него. В сражениях под Голтвой и Лубнами казаки кое-как отбились от врагов. Но затем их осадили в лагере близ устья р. Сулы. Укрепившись окопами и шанцами, они долго отражали атаки. Однако у них иссякли припасы и начался голод, это опять вызвало внутренние раздоры. Большинство склонялось к капитуляции. Остряница с 3 тыс. сподвижников сумел прорвать кольцо блокады и ушел в Россию. А участь тех, кто не захотел идти с ним, была печальной. Они выбрали новым гетманом **Путивца**. Но тут же и выдали его полякам, надеясь такой ценой купить прощение. Потоцкий согласился на мир, а Путивца приказал расстрелять. Но и тех, кто его выдали, не помиловал. Разоружил и перебил до единого.

Казаки, не попавшие в эту мясорубку, были полностью деморализованы. Избрали гетманом **Гуню**. Он вступил в переговоры с Потоцким и соглашался уже на все продиктованные ему условия, даже принял назначенных поляков на посты казачьих полковников. Вроде, договорились... Но когда Гуня с киевским сотником **Кизимом** и большой свитой прибыл в Варшаву для принесения присяги, их схватили. Гуню, Кизима и его сына посадили на кол, сопровождающих казаков четвертовали и повесили на крючьях за ребра. Последний рецидив восстания возглавил **Полторакожух**. Он собрал отряд на р. Мерло — уже на самой границе с владениями крымского хана. Но узнав, что на них идут поляки, казаки разбежались. Хотя и польскому войску не повезло, дело было зимой, и многие сгинули в степях от морозов [109]. А сейм принял «ординацию», вводящую новый режим управления на Украине. Казачий гетман и вся старшина становились назначаемыми. На Украине размещались коронные войска, местное управление передавалось польским чиновникам. Восстанавливался Кодак, а в Сечи расположился польский гарнизон.

Многие эмигрировали на Дон, в Россию. Польские послы Стахорский и Раецкий жаловались царю, что в его владения ушло 20 тыс. человек. Предъявили претензии: «Царь де их на службу принимает, а надобно было бы, чтобы и колы те уже подгнили, на которых они бы посажены были». Но Россия заняла принципиальную позицию и выдавать беглецов отказалась. После смерти Филарета правительство возглавил двоюродный брат царя Иван Борисович Черкасский. Он тоже был прекрасным политиком, продолжил и развил начинания покойного патриарха. Однако учел и просчет Филарета — политику сближения с Турцией. Имело ли смысл союзничать с державой, чьи подданные-крымцы в критический момент вместо помощи наносят удары в спину? Напрашивался еще один вывод. Прежде чем вести новые войны на западе, следовало понадежнее укрепить южные границы. За пределами «засечных черт» здесь располагались только города-крепости. Люди селились и земля распаивалась лишь в непосредственной близости от них, чтобы при опасности можно было укрыться за стенами.

Теперь возник грандиозный план построить новые «засечные черты» на 200–400 км южнее прежних, по линии Ахтырка — Белгород — Новый Оскол — Ольшанск — Усмань — Козлов — Тамбов. На пути татарских набегов вставала еще одна сильная преграда. Появлялась возможность освоить огромные площади плодородных земель. И Россия

фактически делала большой шаг в «Дикое Поле», уже сама могла бы угрожать Крыму. С 1637 г. это строительство началось. Для прикрытия новых систем обороны использовались полки «нового строя». Они после войны были сохранены, пехотные разместили на шведской границе, кавалерийские — на южной. Условия им предоставили примерно такие же, как для служилых казаков. Солдаты и драгуны охраняли рубежи, получали за это жалованье. Им выделялись участки земли для поселения, в свободное время они могли вести хозяйство, беспошлинно торговать и заниматься ремеслами. Привлекались для защиты Белгородской черты и служилые казаки. Одни переселялись с прежней Большой черты, которая стала внутренней и теряла свое значение, других вербовали на месте.

Ну а украинских казаков-эмигрантов стали селить еще южнее, за пределами новых засечных черт. Заселялось «предполье» оборонительной системы. И готовилась почва на будущее, для дальнейшего продвижения России на юг. Таким образом возникла «Слободская Украина» — слободская, потому что ее жители освобождались от налогов. *А сами они стали слободскими казаками. Острянице и его отряду правительство выделило землю, и они основали г. Чугуев. Вслед за ним строились Харьков, Сумы, Ахтырка, Изюм, где формировались общины чугуевских, харьковских, сумских, ахтырских, изюмских казаков.*

18. АЗОВСКОЕ СИДЕНИЕ

На Дону в описываемое время насчитывалось 48 городков, боеспособное мужское население достигло 15 тыс. И зимой 1636–1637 гг. среди низовых казаков вызрела идея — взять Азов. Но не просто пограбить, а превратить его в центр Войска Донского. Азов являлся мощной крепостью. Обвод каменных стен с 11 башнями достигал 1200 м, высота их доходила до 20 м, глубина рвов — 3 м. Гарнизон состоял из 5,5 тыс., из них 4 тыс. янычар, остальные — городское ополчение. Стены охраняли 200 орудий. Но казаков такие трудности не смущали. А вот боеприпасов требовалось много. И в Москву отправили зимовую станицу атамана **Ивана Каторжного**. (Прозвище к местам заключения отношения не имеет, в XVII в. каторгами назывались галеры — атаман либо побывал в плену и греб на них, либо захватывал их в бою.)

В столице казаки о своих планах умолчали. Жаловались, что в прошлом году не было жалованья, что в порубежных городах «целовальники стали брать пошлины с казаков», что «многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войной приходиться и наши нижние городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья нет». Почему не прислали жалованья, неизвестно, а пошлины брали еще по приказу Филарета. Но станицу в Москве встретили благосклонно. Пошлины царь отменил, жалованье отпустил. Его повез дворянин Степан Чириков, который должен был встретить ехавшего из Турции посла Кантакузина. А Каторжный, оценив теплый прием, остался, надеясь выпросить еще и прибавку к жалованью.

Тем временем низовцы бросили клич по всем «верховым городкам и по всем речкам» — собраться в Монастырском городке. Но оговаривалось, что дело сугубо добровольное, и «нетчикам суда и расправы не будет». На круг прибыло лишь 4 тыс. — самые крутые и отчаянные. Однако на Украине как раз было подавлено восстание Сулимы, катились репрессии, и тысяча запорожцев решила вообще бросить родные края, уйти на службу к персидскому шаху. Когда проходили через Дон, их пригласили участвовать в предприятии, и они согласились. Круг приговорил «добывать Азов» и избрал атаманом **Михаила Татарина**. Стали делать штурмовые лестницы, готовить пушки, снимая с лодок и стен городков. Тут-то и прибыл на Дон Фома Кантакузин со свитой. Казаки опасались, что он заметил их приготовления, и арестовали. А от царя приехал Чириков с жалованьем. Стал доказывать, что с дипломатами так поступать негоже. Но ему ответили, что «Фомка не посол, а лазутчик», и отпустить отказались.

Чириков отправился обратно в Москву и доложил о замыслах донцов. Но... царь и правительство Черкасского предпочли сделать вид, будто по-прежнему пребывают в неведении. Каторжному отпустили дополнительное жалованье, «зелье ружное да пушечное и

пушечные ядра», и повез его тот же Чириков! Которому было велено остаться при казаках в качестве военного наблюдателя. Каторжному разрешили и вербовать добровольцев. Правительство просило лишь не принимать беглых, да и то не слишком настойчиво. Когда воронежский воевода намекнул, что к атаману примкнули не только вольные, но и холопы, Каторжный отрезал: «Беглых выдавать не велено!» То есть Москва негласно поддержала предприятие. Оно как нельзя лучше соответствовало планам правительства, отвлекало татар и турок, позволяя начать строительство засечных черт [207]!

А задержанный Кантакузин и впрямь разобрался, к чему готовятся казаки. Отправил несколько писем в Азов, привязывая их к чурбакам и пуская по реке. Послал слуг пробраться к татарам и ногайцам, именем султана приказывал идти на выручку Азову. Одного из гонцов перехватили на Аксае, надзор за послом ужесточили. 19 апреля казаки выступили — 4 тыс. двинулись на лодках и по берегу, два конных отряда были высланы заслонами в стороны Тамани и Крыма. Отряд на стругах вышел в устье Дона, блокируя Азов с моря. Но турки успели изготавиться к обороне, при подходе казаков янычары стояли на стенах «в стройном чине». Когда осаждающие принялись строить лагерь, азовцы насмеялись: «Сколько вам под Азовом не стоять, а его вам как ушей своих не видать». Казаки попытались штурмовать, но были встречены ружейным огнем, артиллерией, защитники лили кипяток и расплавленное олово. И атака захлебнулась. Виновными сочли Кантакузина и его толмача Асана. Обвинили в том, что они предупредили гарнизон, притащили на круг и убили, после чего отпели молебен и окропили табор святой водой. Но настроение стало неуверенным, некоторые казаки сочли, что ничего не получится, опасались подхода турецких подкреплений и предлагали отступить.

В это время Каторжный привел 1,5 тыс. подмоги, прибыл и Чириков с боеприпасами. Это подняло дух. И раз уж не удалось взять город нахрапом, донцы приступили к правильной осаде. Обкладывали крепость шанцами по всем правилам военного искусства, приближались к стенам апрошами (зигзагообразными траншеями). Шли бои в степи. Конные заставы, выставленные на «крымскую» сторону, обнаружили татарский загон, возвращавшийся из набега на Русь, разгромили его и освободили 300 пленников. А из Темрюка и Тамани послали на выручку Азову 4 тыс. конницы. Казаки узнали об этом, собрали свою кавалерию на р. Кагальник, внезапно напали на врагов и рассеяли. Более серьезных попыток помочь осажденным не было — Турция воевала с Ираном, и ее армия завязла под Багдадом. Рассчитывали, что Азов сам отобьется, казаки подступали к нему не в первый раз. Осада длилась 2 месяца. Донцы возвели батареи. У них было 90 орудий, по большей части легких. Но били метко, и несмотря на превосходство турецкой артиллерии, дуэль с ней казаки выиграли: «Башни многи и стены из пушек поразбивали. И окопались... около всего града, и подкоп подвели». Подкоп предназначался для мины, руководил ее устройством «немец Иван Арданов». Может, наемник Смоленской войны, прибывший к казакам. А может, и Москва тайком прислала специалиста.

18 июня взрыв снес часть стены, «многих басурман с камнями пометаша». Один отряд во главе с Татариновым, атаковал пролом, другой штурмовал с противоположной стороны, с лестницами и фашинами для закидывания рва. Опомнившись, турки стали оказывать ожесточенное сопротивление. Но казаки уже проникли в город, на улицах, в облаках дыма и пыли от взрыва, пошла «сеча великая». К вечеру часть уцелевших янычар заперлась во внутреннем замке и 5 башнях, часть бежала в степь. Казаки без перерыва продолжали атаковать, подтаскивали пушки, свои и трофейные. На вторые сутки пали последние очаги обороны. Пленных не брали, кроме женщин и детей. Да турки на милость и не рассчитывали, дрались до последнего. А бежавших перехватили конные заслоны у Кагальника и «всех посекали».

У казаков погибло 1100 человек. Было освобождено 2 тыс. русских рабов и рабынь. И добыча досталась огромная. Донцы направили в Москву станицу во главе с атаманом **Потапом Петровым**. Просили царя принять Азов в подданство. Но, с другой стороны, и подчинения не желали. Наоборот, просили не присылать воеводу, а оставить Азов в полном

владении казаков. То есть, лелеяли планы создания автономной «республики», которая пользовалась бы покровительством России — примерно так же, как кавказские княжества [35]. Но именно этот вариант устраивал и правительство! Он позволял избегать открытого разрыва с султаном. Михаил Федорович принял казаков, для порядка попенял за то, что Азов взят «без царского повеления», и особенно за убийство посла — «ибо того не ведется и тогда, когда государи воюют, а я с султаном состою в мире». Однако наградил щедрым жалованьем и поручил вести разведку, «что умышляет крымский хан и ногайские мурзы».

Султан Мурад IV, узнав о падении Азова, был взбешен. Направил в Москву посольство, обвиняя в нарушении мира. Но турецких дипломатов ткнули носом в татарские набеги и развели руками: дескать, крымцы — ваши подданные, а казаки — люди вольные, царю не подчиняются. Так кто же мир нарушает? Султан разослал приказы в Бахчисарай, Керчь, Тамань, Темрюк, требуя отбить Азов. Хан отреагировал по-своему и бросил татар не на Дон, а на Русь — чтобы полон набрать. Но царские рати крымцев уже ждали и крепко побили. В 1638 г. Мурад все же настоял на походе. На Азов двинулись рати из Крыма, Темрюка, Тамани, привлекли ногайцев и черкесов. Успеха они не добились. Орды действовали разрозненно и состояли из конницы, бесполезной против крепостных стен. Налетали, стараясь захватить врасплох. Но и дозоры казаков не дремали. Противник находил ворота запертыми, атаки отражались. Грабить под Азовом было нечего, и степняки уходили не солоно хлебавши. А конные отряды казаков еще и клевали их, набрали много пленных.

Зато донцы, обрета столь удобную базу, учинили массированный морской набег. Турки утверждали, будто вышла тысяча челнов. Это, конечно, преувеличение, в таком случае экипажи составили бы нереальную цифру в 50 тыс. казаков. Но отряды разошлись по всему морю, захватывали суда, погромили Трапезунд, Синоп, Ризе, появлялись у Босфора. Разгневанный султан писал, что если казаков не унять, они доберутся до его сераля. И к Керченскому проливу был выслан флот. Стаи лодок дерзко атаковали его. Но как раз дерзость вылезла им боком. Капудан-паша действовал умело, расстреливая челны артиллерией и не допуская до абордажа. Донская эскадра была разгромлена. После этого поражения казаки изменили тактику. Начали ходить в рейды небольшими группами и избегать столкновений с крупными флотилиями.

Азов быстро обживался. Донцы провозгласили его «вольным христианским городом». Был восстановлен и заново освящен старый генуэзский храм св. Иоанна Предтечи, превращенный турками в мечеть — спустя полтора века казаки помнили, что это за церковь! Помнили, что Азов был их городом. И хранили чудотворную икону св. Иоанна Крестителя, вероятно, спасенную из этого храма. Теперь ее торжественно водрузили в церкви. Построили и новый храм св. Николая Угодника, покровителя мореходов. К некоторым казакам из донских городков переселились семьи. Потянулись и купцы. Русские, персидские. Да и из Крыма, Тамани, Анапы — казаки после азовской добычи и набегов были людьми не бедными, и торговля с ними сулила большие барыши.

Но Мурад IV наконец-то взял Багдад и в 1639 г. заключил мир с Ираном. Вот теперь у султана развязались руки для удара на север. Подстрекали его и поляки, заверяли, что с запорожскими набегами они покончили, значит, осталось покончить с донскими. И турки ограничиваться Азовом не собирались. Решили покорить Дон, изгнать и истребить казаков, а дальше... открывались пути для реализации того плана, который не удалось осуществить в 1569 г. Присоединить Астрахань, Казань... Весной 1640 г. Россия стала собирать на юге армию — все силы, даже солдатские полки со шведской границы. Ожидали турецкого вторжения. Но оно не состоялось. Мурад умер, в Стамбуле пошла неразбериха. И войско собрали только в 1641 г. Командующим стал Гассан-паша, ему выделялся флот из 43 галер, сотен галеотов и мелких судов. И армию численностью до 180 тыс.: из них 20 тыс. янычар, 20 тыс. спагов (поместной конницы), 50 тыс. татар, 10 тыс. черкесов. Плюс наемные европейские специалисты по осадам крепостей, вспомогательные войска из молдаван, валахов, болгар, сербов, масса землекопов, носильщиков. Артиллерия насчитывала 129 тяжелых орудий, 32 мортиры и 674 легких пушки.

Армада кораблей причалила южнее устья Дона, в 40 км от Азова, и начала высадку. Сюда же подошли крымцы и черкесы. А в Азове на тот момент находилось 5367 казаков — из них 800 женщин. Возглавил оборону атаман **Осип Петров**. 24 июня подошла турецкая армия, заполонив все окрестности. И Гассан предложил защитникам оставить город. Указал, что помощи от царя они все равно не получат, а за согласие обещал 42 тыс. червонцев — 12 тыс. задатком, а 30 тыс. когда сдадут крепость. Казаки ответили: «Сами волею своею взяли мы Азов, сами отстаивать его будем; помощи, кроме Бога, ни от кого не ожидаем; прельщений ваших не слушаем, и хотя не орем и не сеем, но так же, как птицы небесные, сыты бываем. Жен же красных и серебро и золото емлем мы у вас за морем, что и вам ведомо. Будем и впредь так же промышлять; и не словами, а саблями готовы принять вас, незваных гостей».

На следующий день паша бросил на штурм 30 тыс. солдат. В яростной сече казаки били врага пушечным огнем, расстреливали из ружей, сбрасывали со стен и рубили лезущих янычар. И отбились — турки потеряли 6 тыс. Вынуждены были действовать осадой. Начали возводить батареи, полевые укрепления и по образцу взятия Багдада насыпать вал вокруг городской стены. Казаки совершали вылазки, мешая работам. Разгоняли землекопов и прикрывавшие их части, разрушили четыре укрепления. Захватив 28 бочек пороха, подорвали турецкий вал. Между тем и остальное казачество поднялось на войну. Стало тревожить тылы вражеской армии. В этой войне впервые ярко себя проявила донская кавалерия. Преимущество в коннице у противника было подавляющим. Но в придонских степях и зарослях отряды казаков захватили полное господство. Нарушали связи осаждающих с Крымом, с оставшейся на побережье эскадрой. Уже вскоре турки стали испытывать недостатки в снабжении. Невзирая на трудности, они все же возвели вал выше крепостных стен, установили на нем орудия и начали жесточайшую бомбардировку. Мортиры закидывали город бомбами, сотня «проломных» пушек долбила стены, постепенно снося их до самой подошвы.

Тем не менее казаки в этом аду держались. И пока противник разбивал укрепления, насыпали позади них второй вал. Артиллерия стала бить по нему. А казаки позади второго начали воздвигать третий... Видя, что боеприпасы тают, Гассан периодически останавливал бомбардировку и предпринимал штурмы. Но они оборачивались лишь новыми потерями. На валах Азова храбро дрались и казачки. Брали ружья убитых мужей и братьев, отстреливались и рубились наравне с мужчинами, под огнем рыли землю, возводя укрепления. А у татар топтание на месте без добычи, нехватка пищи и фуража вызывали ропот. Они стали требовать, чтобы их отпустили пограбить русские окраины, собрать продовольствие. Командующий, чтобы не раздражать их, разрешил хану отправить нескольких мурз на «охоту». Но донские разъезды крутились рядом и держали врага под наблюдением. Одни татарские загоны, едва отдалившись от лагеря, попали под удары казачьих отрядов и были разбиты. Других встретили царские войска, своевременно предупрежденные, потрепали и прогнали.

Гассан-паша из-за потерь и дефицита боеприпасов временно прекратил обстрел и атаки, ограничиваясь блокадой. Осажденные получили передышку, а их братья донцы сумели извне прорваться в город, привести обоз с припасами и подкрепление (численность неизвестна). Но уже близилась осень. С августа залили дожди, ночи стали холодными. В турецком лагере, началась эпидемия, сотнями косившая солдат и рабочих, скученных в палатках и шалашах. Командующий обратился в Стамбул с просьбой отложить кампанию до весны. Но султан ответил: «Возьми Азов или отдай мне голову». Кое-как смогли доставить из Турции и провезти к Азову порох и ядра, и сражение возобновилось. Артиллерия разбила третий вал, сооруженный позади двух уничтоженных. Но защитники уже построили четвертый и отбивались за ним. Были снесены все постройки. Уцелела лишь церковь св. Николая Чудотворца, расположенная за горой, в мертвой зоне обстрела. А казаки зарылись в землю, устроив жилища и укрытия от огня. Прорыли и подземные ходы под валом, по ночам делали вылазки, резали врагов.

Паша применил новую тактику. Стал каждый день посылать на штурм 10 тыс. солдат. Их отбрасывали. Тогда вступали в дело орудия и грохотали всю ночь. А наутро Гассан бросал в атаку другие 10 тыс., предоставляя отдых побитым накануне. И так продолжалось две недели подряд! Казаки держались из последних сил. Половина погибла. Остальные были переранены или больны. У них уже была выбита вся артиллерия, кончались боеприпасы и еда. Турки на стрелах посылали предложения заплатить по тысяче талеров каждому, лишь бы ушли. Они отказывались. За время осады среди казаков не нашлось ни одного изменника, ни одного перебежчика. Наконец, 26 сентября не выдержал крымский хан. Несмотря на угрозы паши снял свое воинство и повел домой. Гассан в отчаянии продолжил атаки...

Но и силы казаков иссякли. Они уже давно превзошли все человеческие возможности. Однако пришел момент, когда стало ясно — больше обороняться не получится. Даже и тогда о сдаче не заикнулся никто. Решили идти в рукопашную, или прорваться или погибнуть в бою. Наступила ночь на 1 октября, канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Казачьего праздника. Собравшись в храме св. Николая Чудотворца, защитники написали прощальное письмо царю и патриарху. Прощались и друг с другом. Долго молились и целовали крест и Евангелие на том, «чтоб при смертном часе стоять дружно и жизни не щадить». Многие дали обет — если уцелеют, постричься в монахи.

Выступили строем. Некоторым казакам было видение — что сама Богородица идет перед ними, показывает путь и защищает своим Покровом. И действительно, когда начало светать, земля оказалась укрыта густейшим туманом. Под его прикрытием казаки вышли к позициям врага и... нашли турецкий лагерь пустым. Оказалось, что в эту же ночь паша снял осаду и начал отводить армию к кораблям. Это было чудо. И оно настолько воодушевило казаков, что изможденная и израненная горстка людей, выдержавших 3 месяца осады и 24 штурма, ринулась в погоню! Настигла турок, налетела на них, расстреливая последними зарядами мушкетов, рубя саблями. Среди неприятелей возникла паника. Они смешались и побежали, давя друг друга. Набивались в лодки, переворачивая их, бросались в плывь и тонули... Для турок поход обернулся полным разгромом, по разным оценкам, их армия потеряла 60-100 тыс. человек, на родину вернулась лишь треть. Казаков в «осадном сидении» полегло 3 тыс.

Но теперь и самым отчаянным было ясно, что в режиме «вольного города» Азову существовать невозможно. Осип Петров послал в Москву станицу во главе с атаманом **Наумом Васильевым** и есаулом Федором Порошиным. Они везли подробный доклад об обороне и просьбу к царю — принять город в полное владение, прислать воеводу с войсками. Послов встретили в столице как героев, чествовали и угощали, наградили «великим жалованьем». Но вопрос о принятии Азова был не так прост. Согласиться — означало войну. А ситуация очень отличалась от русско-турецких войн XVIII в. Еще и Османская империя была намного сильнее, сохранялась угроза со стороны Польши и Швеции. И правительство поступило осторожно. Отправило комиссию Желябинского осмотреть Азов и доложить о состоянии крепости. А для решения столь важного вопроса в январе 1642 г. был созван Земский Собор. На нем мнения разделились. Делегаты от дворян и прочих служилых высказывались за принятие Азова. Делегаты от торговых и посадских людей были против. Указывали на риск, на неудачи Смоленской войны, на огромные расходы по строительству «засечных черт». Добавилось заключение комиссии Желябинского: «Город Азов разбит и разорен до основания и вскоре города поделать никоем образом нельзя, а от приходу воинских людей сидети не в чем». И Земский Собор постановил — Азов не брать, но и казаков в обиду не давать, оказать им всемерную помощь [207].

В Турции же разгром на Дону вызвал настоящую бурю. Гассан-паша попал в тюрьму. Султан Ибрагим Безумный, разъярившись, учинил массовую резню христиан. Для взятия Азова стала формироваться вторая армия, возглавил ее сам великий визирь Мухаммед-паша. В Москве об этом узнали от русской агентуры. Михаил Федорович отправил на Дон дворянина Засецкого и есаула Родионова с 15 казаками, они везли указ: «Ведомо нам

учинилось заподлинно, что Ибрагим... отправил сильную рать воевать нашу Украину, и всех христиан, находящихся в его владениях, велел побити. Нашей же рати за кратостью времени не успеть притти под Азов, принять его и вооружить... Дабы напрасно не пролить христианской крови, повелеваем вам, атаманам и казакам, и всему Великому Войску Донскому Азов оставить и возвратиться по своим куреням... «. Необъявленная война уже началась. Отряд, везший грамоту, попал у Северского Донца в засаду турок. Засецкий с несколькими казаками сумел прорваться и доставить указ по назначению. Обсудив его на кругу, казаки начали эвакуацию Азова. Вынесли иконы, вывезли церковную утварь, 80 пушек. Вырыли даже останки погибших, «да не оставит их братство в басурманской земле». В июне показался турецкий флот. При его приближении последний отряд казаков взорвал остатки крепостных сооружений и ушел вслед за товарищами.

Визирь нашел на месте города лишь груды развалин. И двигаться вглубь Дона не рискнул. Без тыловых баз, каковой мог стать только Азов, удаляться от моря было опасно. Мухаммед-паша предпочел отрапортовать, что «овладел крепостью», оставил команды для ее восстановления и вернулся в Стамбул. Казалось бы, самое крупное самостоятельное предприятие казаков завершилось впустую?... На самом деле — нет! Именно благодаря Азовскому сидению, оттянувшему на себя силы турок и татар, Россия смогла быстро и беспрепятственно построить Белгородскую засечную черту! Тысячекилометровую систему сплошных засек, рвов, валов с частоколами. Возникли 25 новых крепостей: Коротояк, Усмань, Козлов и др. А между городами через каждые 20–30 км встали острожки с гарнизонами и дозорами. Таким образом азовские герои помогли России занять и освоить всю черноземную полосу — нынешние Курскую, Белгородскую, Орловскую, Воронежскую, Липецкую, Тамбовскую области.

*С этими событиями связан и первый из дошедших до нас памятников казачьей литературы — «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», созданная есаулом **Федором Ивановичем Порошиным**. Великолепнейшее историческое и поэтическое произведение, своим стилем напоминающее древние былины. Казаки в ней сражаются, будто «впрямь на Руси богатыри святорусские». Не только за Дон, но и за все «государство Московское», которое «велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орды бусурманской аки в небе солнце». А разве может оставить читателя равнодушным эпизод, где казаки, идя в последний бой, прощаются: «Не бывать уж нам на Святой Руси: смерть наша грешная в пустынях за наши иконы чудотворные, за веру христианскую, за имя государево». И обращаются к родной природе: «Простите нас, леса темные и дубравы зеленые, простите нас, моря синие и реки быстрые...» А завершается «Повесть» словами: «Была казакам слава вечная, а туркам укоризна вечная».*

19. ВОССОЕДИНЕНИЕ ДОНА С РОССИЕЙ

Нападения на Азов султан казакам не простил. В 1643 г. на Дон обрушились крымцы и силы азовского гарнизона. Были сожжены Монастырский, Черкасский и ряд других городков. И казаки обратились в Москву. Доносили, что не в состоянии «противиться совокупной силе турецкой и татарской» [63]. Но Земский Собор в 1642 г. принял решение не только о том, чтобы не принимать Азов. Он постановил оказать покровительство казакам. Царь и Боярская Дума были того же мнения. На Дон был направлен воевода Кондырев с 3 тыс. стрельцов, тысячу «новых казаков» набрал на подмогу воевода Красников. Местом для нового центра Войска был выбран Черкасский остров, на котором под руководством атамана **Павла Федорова** в апреле 1644 г. взамен сгоревшего городка была построена крепость. Возводили ее и поселились в ней казаки шести станиц, двух Черкасских (украинских), Павловской, Средней, Прибылянской и Дурновской. Здесь разместился и гарнизон царских войск. *С этого времени Дон прочно воссоединился с Россией, и царь стал обращаться в грамотах к «нашему Донскому Войску».*

Историки-дворяне и либералы XIX в., писали о том, как государство усмирило

«вольницу», обратив ее на полезную службу. Советские авторы и эмигранты из числа казачьих сепаратистов рассуждали иначе — дескать, самодержавие ущемляло волю казаков, превращая их в «служилое сословие». Оба взгляда глубоко неверны. Уже отмечалось, что понятие «воля» весьма глубоко и многозначно. В Польше действительно власть стремилась подавить казаков и уничтожить их волю. Однако Дон, Терек, Яик не были покорены силой. *Единение с государством произошло волей самих казаков.* Они по своей воле ограничили собственную свободу, обретя за это большую силу. Кстати, Михаил Федорович отнесся к казачьим вольностям очень деликатно. Автономия и традиции Войска Донского были полностью сохранены. Во внутреннее самоуправление Москва не вмешивалась и воеводам на Дону вмешиваться запрещала, они получали права лишь военных командиров. Мало того, находились в подчинении атаманов. Им предписывалось действовать «за одно с казаками под атаманским началом», потому что «казаки люди самовольные». Не вводились российские законы, сохранялось войсковое право. Царь признал даже традицию не выдавать беглых. Только просил, чтобы во избежание недоразумений их не посылали в Москву. И чтобы им не давали «государева жалованья», поскольку оно высылается из расчета на «старых казаков» [35].

Помощь России оказалась для Дона не лишней. В июле 1645 г. 5 тыс. крымцев во главе с царевичем Девлет-Гиреем Нурадином напали на Черкасск. Гарнизон и население мгновенно сорганизовались и отбили татар, нанеся им большой урон. Царевич отступил на р. Кагальник. А атаманы Петров и Васильев с воеводой Семеном Пожарским приняли решение крепче наказать налетчиков. На крымцев отправилось объединенное войско из 1100 сабель и 6 тыс. пехоты. На стругах и берегу спустились по Дону, оставили суда, совершили бросок через степь, атаковали стан неприятеля и побили его. Нурадин стал откатываться к Азову, запросив оттуда подмогу. К нему выступил паша с 6 тыс. янычар и спагов. И теперь уже превосходящие силы навалились на нашу рать. 600 «новых казаков» и недавно набранных стрельцов ударились в панику, побежали. Достигнув стоянки стругов, захватили их, а некоторые порубили, чтобы турки не смогли устроить погоню. И удрали вверх по Дону.

Но остальное войско устояло. Нурадин понес большие потери и вышел из боя, повел татар в Крым. После чего и паше осталось лишь повернуть обратно в Азов. Атаманы и воеводы бросили свою конницу на преследование крымцев и трепали их до самого Перекопа. Докладывать об операции пришлось уже новому царю, Михаил Федорович умер, на престол взшел Алексей Михайлович. Действия он одобрил. Дезертиров было велено бить кнутом, «чтоб такое воровство другим было не в повадку». А «бившихся честно» царь похвалил особой грамотой и послал «нашему Донскому Войску, атаманам и казакам, нашего царского величества знамя». Взамен прежнего, сгоревшего в 1643 г. вместе с Монастырским городком. Знамя было малиновым, на нем был вышит св. Георгий Победоносец и российский герб — двуглавый орел.

На будущее казакам ставилась задача: «Крымцев и ногаев воевать, а с турскими людьми под Азовом жить мирно». Но и туркам дали понять, что прощать набеги Россия больше не намерена. Когда от русских послов в Стумбуле очередной раз потребовали изгнать казаков с Дона, они твердо ответили, что об этом и речи быть не может. А вот с Крымом Москва поддерживает отношения только благодаря «дружбе» с султаном, и на все выходки татар будет отвечать адекватно. Слова были подкреплены силой. В 1646 г. в Туле воевода Трубецкой стал собирать большую армию для похода на Крым, на Дону началось строительство лодок. Турки об этом узнали от пленного казака, под пыткой он сказал, что в Черкасске готовится 300 стругов и в Воронеже 500. Великий визирь взбеленился. Арестовал русских послов, кричал, что казнит их, если казаки выйдут в море. Но Турция в это время вела тяжелую войну за Крит против Венеции, и ссора с Россией была ей ни к чему. Впрочем, и царь войны не желал, подготовка была лишь внушительной демонстрацией. И своей цели она достигла. Сошлись на том, что Алексей Михайлович отменил поход, а султан признал включение Дона в состав России и приказал Крыму прекратить нападения.

Для более прочного закрепления южных рубежей Алексей Михайлович в 1646 г. издал указ, разрешавший вольным людям всех сословий уходить на Дон. При этом царь, как и его отец, не вмешивался в казачье самоуправление и подтвердил все права вплоть до закона «с Дона выдачи нет». Дьяк Котошихин писал: «А люди и крестьяне, быв на Дону хоть одну неделю или месяц... и до них впредь дела не бывает никому, потому что Доном от всех бед освобождаются» [91]. Но считать, что казачество множилось за счет беглых, неверно. Они могли селиться на Дону, и только. Их называли «бурлаками». Войско было совершенно не заинтересовано в том, чтобы разбавлять свои ряды сомнительным «набродом». Да и ежегодное жалованье было фиксированным. Принять лишних — значило делить его на большее количество людей. Однако преграда не была непреодолимой. Тех, кто хорошо зарекомендовал себя, отличился в боях, в Войско принимали. Были и массовые «вливания»: в тех случаях, когда звание казака сулило не блага, а труды и опасности (например, когда Каторжный привел для штурма Азова 1,5 тыс. добровольцев, кто уцелел — стали казаками).

Казачьи городки в ту пору представляли собой маленькие крепости, окруженные рвом и земляным валом. По гребню ставили палисад, сажали колючий кустарник. На валу ставили трофейные пушки. Население насчитывало 300–400 человек, в походы каждый городок выставлял свой отряд — станицу. *Поэтому название «станция» стало применяться и к самим городкам*. Посреди городка строилась большая станочная или станичная изба. В ней жили холостые казаки, зимой или в непогоду проводились общие сходы, посиделки. А вокруг станичной избы располагались курени семейных, оставляя свободной главную площадь — майдан. Такое устройство городков было характерно и для Дона, и для Яика, Терека. Только конструкции домов в разных местах отличались — были мазанки, рубленые избы, жилища из дикого камня, глины, хвороста. Обязательно имелись бани.

Главным хозяйственным промыслом были рыбные ловы и облавные охоты. Их правила регламентировались войсковыми законами, на лов рыбы и охоту выходили всей станицей под руководством особых, выбранных на этот случай атаманов. Но постепенно росла и роль скотоводства, огородничества. *Городку принадлежала определенная территория, она называлась юртом. А вся земля Войска считалась казачьим присудом — присужденной от Бога за службу*. У каждого городка существовали свои праздники, на год избирались станичные атаманы. *А войсковой круг (на Дону он собирался дважды в год, 1 января и 1 мая) избирал войскового атамана, войскового есаула и войскового дьяка. Лица, занимавшие руководящие посты, назывались «старшиной»*. Но к старшине относили и тех, кто занимал эти посты прежде — войсковой атаман советовался с ними, привлекал для тех или иных поручений. Сам войсковой атаман пребывал в Черкасске, а если возглавлял поход, оставлял за себя *наказного (назначенного) атамана*. Или посылал вместо себя наказного атамана. А для командования отдельными отрядами назначались *походные атаманы*.

Важнейшее место в жизни казаков играла православная вера. Когда патриарх Филарет в 1630 г. за прегрешения донцов арестовал зимовую станицу, в описи вещей атамана значились Евангелие, требник, часослов, Четьи-Минеи и Апостол, купленные в Москве для Войска. Были у казаков свои монастыри, туда делались вклады, многие уходили на старости лет или по инвалидности. У запорожцев — Киевский Межигорский монастырь, у донцов — Борщевский, Усть-Медведицкий. Церковные службы и обряды долгое время проходили в часовнях или на майданах. Но в XVII в. в Сечи была построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы. А первый храм на Дону казаки решили поставить в 1650 г. Царь одобрил их инициативу и послал 50 руб. Но донцы не без юмора отписали ему: «Пятьюдесятью рублями церковь не построишь». Алексей Михайлович устыдился и послал еще 100 руб., а также священников, богослужебные книги и утварь. И в Черкасске был построен деревянный собор Воскресения Христова. Но в обрядах сохранялись некоторые особенности. На Руси запрещалось входить в храм с оружием — а казаки в свои церкви долгое время приходили с саблями. И во время чтения Евангелий наполовину вынимали их из ножен, подтверждая готовность сражаться за Православие. Во время постов казаки отказывались только от мясо-молочных продуктов и переходили на рыбу. При дефиците хлеба, круп и овощей иные

варианты были невозможны. А уж в Сибири, особенно в экспедициях, о соблюдении постов говорить не приходилось, питались тем что есть.

В походах казаки подразделялись на сотни, каждой командовали два сотника. Сотни делились на курени во главе с куренными атаманом и есаулом. Постепенно выигрывая борьбу за степь, казаки уже могли себе позволить иметь табуны и обзавелись конницей. Но она была еще немногочисленной, большинство сражалось пешими. Да и качество казачьей кавалерии еще не достигло должного уровня. Французский инженер Боплан в 1630-х гг. писал, что казаки — прирожденные пехотинцы, «сотня их в таборе не побоится ни тысячи ляхов, ни нескольких тысяч татар», «нельзя сказать, чтобы были плохи и на море; но не таковы на конях: я сам видел, как 200 польских всадников рассеяли 2000 отборных казаков» [57]. Единой казачьей формы, конечно, еще не существовало. Одевались кто во что. Но из принципов целесообразности выработывался более-менее однотипный казачий костюм. Причем любопытно, что названия частей одежды происходят из совершенно разных эпох и от разных народов.

На Дону барашковая шапка именовалась «трухменкой» (туркменкой) — хотя с туркменами донцы, вроде, не контактировали [63]. Не исключено, что название сохранилось от древних торков, служивших киевским князьям. А в Запорожье шапка называлась «кабардинкой», и объяснить этого казаки не могли [57]. Может, термин был перенят в XVI в. при походе Вишневецкого в Кабарду? Или от запорожцев, ходивших иногда на Терек? Или от «черкас», переселившихся в XIII в. на Днепр? Фасон верхней одежды был практически одинаковым — русский кафтан (у запорожцев «каптан»). Носили и более легкую одежду, у которой полы были короче, чем у кафтанов. Она на Днепре называлась славянским словом «свита», у верхнедонских казаков русским «зипун», у нижнедонских и терских — татарским «чекмень» [284]. В холодную погоду надевались тулуп, епанча (плащ), бурка («епанча полстяная»). Нижней одеждой служила холщевая рубаха (сорочка). Казачьи штаны в Поднепровье и на Дону называли тюркизированным словом «шаровары». Но на Тереке, в Поволжье, Оренбуржье сохранялось более древнее произношение — «чамбары» [195, 201] (или «шамбары», «чембары»). Это слово даже до-сарматское и до-скифское, оно кельтское, т. е. пришло аж из киммерийской эпохи и означает «покрытие», «закрытое место» (ср. англ. «чамбер», франц. «шамбре», русск. «амбар»).

Важной деталью туалета был пояс. Ходить «распоясанным» считалось неприличным. Иногда он был кожаным, украшался бляхами и подвесками, иногда использовали турецкий кушак, которым оборачивались несколько раз. Обувались в чоботы-сапоги. Легкие башмаки в Поднепровье назывались древнерусским термином «черевики», на Дону «чирики» (видимо, вариант произношения того же слова). Но в ходу были и самоделки — лапти, «ходаки» (деревянные чувяки). Зимой — валенки (иногда без голенищ — «кенди») [219]. Терские казаки перешли на кавказскую обувь, кожаные «сапоги-чулки», натягивавшиеся на ногу в размоченном виде. И называли их «поршни» [195]. Хотя это слово древнеславянское и обозначало совсем другую обувь — постолы, кожаные лапти. Очевидно, тип обуви изменился, а название осталось старое.

Казачки на Дону носили русские сарафаны. Нарядной одеждой был кубелек, перенятый у татарок — без воротника, закрытый под шею, с расширенными книзу рукавами. Терские казачки носили чекмень, как у кабардинок и чеченок, голову и нижнюю часть лица обвязывали платком. Головным убором донских замужних женщин служили русские кички с рогами, татарские колпаки. Девушки надевали головные перевязки с медными и серебряными подвесками, зимой высокие меховые шапки. В косы вплетали ленты, шелковые нити. От татарок переняли монисто из монет, височные подвески — «чикилеки». В документах упоминаются жемчужные ожерелья и серьги местного производства — «низано по-казацки» [63].

Выходная и повседневная одежда, конечно, отличались. В летнее время для работы по хозяйству и по дому единственной одеждой казачек служила рубаха. Это отнюдь не считалось чем-то непристойным (как и у крестьянок Юга России). А казаки в походах, на

рыбных ловах, одевались похуже — в холщевые шаровары, сермяжные зипуны. Зато уж на праздниках любили щегольнуть шелковыми вышитыми рубашками, парадные чекмени и кафтаны шили из дорогих тканей, с ложными рукавами, расшивали золотом и жемчугом. Нарядной одеждой служили мужские и женские шубы, в то время их шили мехом внутрь, покрывая бархатом, заморским сукном, вышивкой, и часто надевали не для тепла, а для красоты. Женщины, как и во все времена, старались одеться помоднее. На Украине следили за польскими образцами, на Дону — за российскими. Например, щеголяли в башмачках и сапожках на очень высоком каблуке, которые в XVII в. были «последним писком» моды в Москве.

Развивалась и культура. Грамотных среди казаков было не так много, и творчество в основном было устным. Зимними вечерами, собравшись в станичной избе, люди рассказывали сказки, былины, играли песни (кстати, термин «играть песни», а не «петь», характерен для Древней Руси, но сохранился только у казаков). Рождались песни в своей же казачьей среде. Иногда — в честь каких-то событий, героев, иногда — о родной природе, бытовые. И проходили «естественный отбор». Одни забывались, а лучшие сохранялись, передавались из поколения в поколение. И старинные песни, записанные исследователями в XIX в., обнаруживают очень высокий уровень поэтического мастерства. Куда более высокий, чем профессиональная «официозная» поэзия XVII–XVIII вв. Были свои художники. Расписывали стены домов, посуду, сундуки, шкатулки. Умели красиво резать по дереву и кости. Сохранились замечательные запорожские иконы, где кроме Господа, Девы Марии и святых изображены поклоняющиеся им казаки. На станичных и войсковых праздниках устраивались пляски. Проводились и спортивные состязания, в основном военно-прикладного характера: стрельба из ружья и лука, джигитовка, фехтование, борьба, кулачные бои. А среди землепроходцев Сибири были популярны шахматы. Археологи обнаружили несколько комплектов фигур, что также свидетельствует об интеллектуальном уровне казаков [129].

20. ЗА ВЕРУ И ВОЛЮ!

Польша так затерроризировала Украину, что она целых 10 лет не смела поднять голову. Разгром казачества по сути оголил границы. Татары в 1640 г. прокатились по окрестностям Переяславля, Корсуня и Полтавы, совершенно беспрепятственно угнали массу людей и скота. Но с подобными «издержками» паны мирились. Главное — не стало очага сопротивления. А покорность давала возможность усилить гнет. Даже папский нунций Руггиери отмечал, что «в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет». А Боплан писал: «Но это еще менее важно, чем то, что их владельцы пользуются безграничной властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных... положение их бывает хуже каторжников на галерах». Разумеется, паны не сами выжимали деньги из крестьян. У них хватало других дел — балы, пиры, охоты, заседания сената и сейма. А хозяйства они стали сдавать их в аренду евреям. Которые были для православных чужаками, сговор и побряжки исключались. И образовывался взаимовыгодный симбиоз. Пан получал наличные и мог пускать их на ветер. А арендаторы добывали ему деньги, не забывая и свой «гешефт».

Под покровительством панов они чувствовали себя неуязвимыми, наглели. Сочли, что пришло их время наживаться. Там, где пристраивался один, вскоре оказывались десятки. Современник писал: «Жида все казацкие дороги заарендовали и на каждой миле понаставили по три кабака, все торговые места заарендовали и на всякий продукт наложили пошлину, все казацкие церкви заарендовали и брали поборы» [32, 109]. Ведь церкви были «недвижимостью», и по польским законам принадлежали пану, который, издеваясь над православными, передавал их арендатору. Да и сами евреи, ощущая ненависть со стороны обираемых крестьян, мстили им. Сдирали поборы за крещение, венчание, отпевание. Кочевряжились, открыть ли церковь для службы и за какую сумму? Тешили самолюбие,

заставляя прихожан унижаться перед собой. Монополизировали даже выпечку просфор, метили их и проверяли, чтобы литургия служилась на их просфорах [57]. Арендаторы пользовались и панским правом жизни и смерти, проявивших недовольство по их доносам быстро отправляли на виселицу.

Но все, что копилось 10 лет, прорвалось... Возглавил восстание **Богдан (Зиновий) Хмельницкий**. Он был сыном сотника, получил отличное образование, окончив школу Киевского братства и иезуитскую школу в Ярославле, владел пятью языками. В 1620 г. в битве под Цецорой его отец погиб, а сам Богдан попал в плен к татарам, был в неволе, пока его не выкупили. В Смоленской войне сражался на стороне короля. Но затем принял участие в антипольских восстаниях. Был амнистирован, дослужился до войскового писаря реестровых казаков. Возглавлял отряд казаков, который король по просьбе кардинала Ришелье посылал во Францию для участия в войне против испанцев. Однако в 1647 г. чигиринский подстароста Чаплинский отнял у Хмельницкого наследственный хутор, красавицу-жену, а младшего из трех сыновей от первого брака, пытавшегося протестовать, запер до смерти. Ни у чигиринского старосты Конецпольского, ни на сейме в Варшаве, ни у короля Богдан справедливости не нашел, добиться управы на магната в Польше было невозможно. Зато когда он начал изливать возмущение, его схватили и приговорили к смерти.

Хмельницкий сагитировал охранявшего его полковника **Кречовского** и бежал в Запорожье. Сечь в это время располагалась на Никитинском Рогу (Никополь) и была занята поляками. Но многие запорожцы не разошлись, обитали на окрестных реках и хуторах. Вблизи Сечи Хмельницкий собрал 300 казаков, напал на польский гарнизон и перебил его. Стали стекаться остальные запорожцы, провозгласили Богдана гетманом. Он заключил союз с крымским ханом, разослал по Украине универсалы с призывом к восстанию и весной 1648 г. выступил на поляков. Сперва у него было лишь 3 тыс. казаков, но на его сторону перешли реестровые. И брошенные на подавление коронные войска были разгромлены в битвах под Желтыми Водами и Корсунем. Вот тут-то занялось по всей Украине. Крестьяне брались за косы и вилы, составляли загоны, били помещиков, грабили усадьбы.

Паны принялись усмирять подданных испытанными методами — террором. Отряды, которые возглавил Иеремия Вишневецкий, оставляли за собой сожженные селения и груды трупов. Людей распинали, распиливали пополам, обливали кипятком и горячей смолой, сажали на кол, сдирали заживо кожу. А Вишневецкий еще и подзадоривал палачей: «Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают». Но восстание разливалось все шире. Из казаков и крестьян сформировались отряды **Кривоноса, Ганжи, Небабы, Нечая, Половьяна, Морозенко**. Брели замки, города, и шляхте пощады тоже не было. Пришла расплата и евреям. Было разгромлено более 700 иудейских общин и погибло 100 тыс. евреев — цифра, разумеется, условная, кто их там считал? Но эти цифры говорят и о другом. О том, какие масштабы приняло «арендаторство», и как крепко успели насолить пришельцы местному населению. В Варшаве спохватились, создали общее ополчение шляхты. Но Хмельницкий наголову разгромил его под Пилявцами, недалеко от г. Староконстантинова, и гнал врага 300 км, до Львова.

Еще в начале восстания гетман созвал раду, постановившую обратиться в Москву с просьбой о помощи и принятии в подданство. В России к этому отнеслись сперва осторожно — уже привыкли, что «черкасы» постоянно восстают, просят о подданстве, но в случае войны поддерживают поляков. Требовалось посмотреть, как дальше дело пойдет. Но царь начал помогать Хмельницкому оружием, деньгами, велел отпустить к нему донских казаков. Они и до царского указа, помня о казачьем братстве, поддержали украинцев. Направленный к Хмельницкому посол Унковский доносил «Козаки донские обещались выступить немедленно, и многие из них уже пришли». Под Пилявцами сражался полк донцов. Позже прибыли отряды атаманов **Сергеева** и **Медведева** [32].

Москва осторожничала еще и потому, что сам Хмельницкий не до конца определился. Не терял надежды, что с поляками получится договориться. В это время умер король

Владислав, и казаки требовали избрания его сына Яна Казимира, наобещавшего им решить все проблемы. И под давлением повстанцев сейм возвел его на престол. Но бывший иезуит Ян Казимир, которого папа римский ради короны освободил от монашеского обета, выполнять своих обещаний не думал. Решил раздавить Украину. В 1649 г. война возобновилась. Хмельницкий не дал двум частям вражеского войска соединиться, одну осадил под Збаражем, а шедшего на выручку короля разбил под Зборовом. От полного уничтожения поляков спас союзник казаков, хан Ислам-Гирей. Он не хотел крушения Польши, ему было выгоднее неустойчивое равновесие, чтобы иметь возможность вмешиваться. И был заключен Зборовский договор. Реестр казаков увеличивался до 40 тыс. Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства приобрели автономию — все руководящие посты там передавались православным, запрещалось размещение коронных войск, въезд иезуитов и евреев. Киевскому митрополиту предоставлялось право заседать в сенате, при его участии сейм должен был решить вопрос об отмене унии.

Хмельницкий провел реформы, разделив Украину на 16 полков. Это было не только военные, но и административные единицы, управлявшиеся полковниками и содержавшие войсковые части. Но договор сразу стал нарушаться. Митрополита в сенат не допустили. А реестр в 40 тыс. оказался мал для украинцев. Ведь казаками-то объявили себя все повстанцы — напомним, в Речи Посполитой это означало и свободного земледельца. По договору же получалось, что 40 тыс. обретут человеческие права, а остальные должны вернуться в «хлопское» состояние. Люди протестовали, не подчинялись. Хмельницкий лавировал. В гетманский реестр вместо 40 вписал 50 тыс. И добавил еще один, для сына **Тимоша** — 20 тыс. Придумал закон о «наймигах» (работниках) казаков, которые также причислялись к казачеству. Но поляки таких отклонений от договора не признавали. Помещики возвращались в свои владения с отрядами, наводили «порядок» порками и виселицами.

В 1651 г. стороны вновь взяли за оружие. Но в битве под Берестечком изменил крымский хан. В разгар сражения увел орду прочь. Предпочел вместо этого набрать полон по Украине, оставшейся беззащитной — боеспособные мужчины ушли на войну. А Хмельницкого, бросившегося вернуть союзников, татары задержали и увезли с собой. Войско, оставшееся без предводителя, было прижато к болоту и разгромлено. Поляки вторглись на Украину, истребляя всех на своем пути. Однако полковники организовали сопротивление, остановили врага. Из Крыма за выкуп отпустили Хмельницкого. И был заключен новый договор, Белоцерковский. Реестр сокращался до 20 тыс. А права самоуправления сохранялись не в трех воеводствах, а в одном Киевском. Этот договор и подавно не удовлетворил ни украинцев, ни поляков. Сейм его даже не утвердил. Счел, что надо добивать повстанцев. В воеводства, возвращенные под польскую власть, были брошены карательные экспедиции. Люди массами бежали в Россию. А у Хмельницкого возник новый план, создать союз малых государств который мог бы стать самостоятельной силой — из Украины, Молдавии, Валахии, Трансильвании. Из этого ничего не вышло. Борьбу за Молдавию он проиграл, при осаде Сучавы погиб его сын Тимош.

Однако Россия теперь уже уверенно взяла курс на поддержку Украины. Готовились войска, формировались новые полки — в Москве понимали, что борьба будет трудной. Царские дипломаты стали оказывать давление на поляков, придирались по разным поводам. А в 1653 г. посол Репнин-Оболенский предъявил Польше ультиматум. Дескать, царь согласен «отдать ей вины... если король и пань рады успокоят междоусобие с черкасами, возвратят православные церкви, которые были оборочены под унию, не будут впредь делать никакого притеснения православным и помирятся с ними по Зборовскому договору». Поляки ультиматум отвергли. Мало того, на сейме, собравшемся в Бресте, было принято постановление о геноциде. Дескать, раз существование казаков представляет для Речи Посполитой угрозу вечных бунтов, то остается одно: просто уничтожить их. И панские отряды принялись приводить приговор в исполнение, вырезая всех без разбора [75].

1 октября Земский Собор в Москве единогласно постановил «против польского короля войну вести» и «чтоб великий государь... изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все

Войско Запорожское з городами и з землями принять под свою государеву высокую руку». Обратите внимание на формулировку — термин «Малороссия» был введен позже, а сперва новое образование обозначили «Войском Запорожским» как раз из-за того, что все восставшие украинцы причислили себя к казакам. На Украину отправилось посольство боярина Василия Бутурлина. И в Переяславле была созвана рада с участием делегатов от всех городов и полков. 3 января прислала свое решение Запорожская Сечь, проголосовавшая за воссоединение: «Даемо нашу вийсковую вам пораду». *А 8 (18) января 1654 г. открылась рада, постановив, «чтоб есми во веки всем едино быть».* Грамотой Алексея Михайловича на Украине сохранялось самоуправление, в ее внутренние дела правительство не вмешивалось. Гетману отдавался сбор налогов, они шли на казачье войско. Утверждалась выборность всей старшины и реестр в 60 тыс. — а если без жалованья, то сколько угодно.

Но в учебниках рассказ о воссоединении Украины с Россией почему-то завершается Переяславской радой. На самом же деле этим событием только началась полоса жестоких войн, и вести их России пришлось аж 27 лет. В 1654 г. царские рати перешли в наступление по всему фронту. В их составе насчитывалось 21 тыс. казаков — из них 5 тыс. служилых, остальные донские и яицкие. Да Хмельницкий прислал Алексею Михайловичу 20 тыс. украинских казаков под командованием наказного атамана **Золотаренко**. *Большинство белорусов встречали русских как освободителей, и из них был сформирован Чаусовский казачий полк — от которого берет свое начало Белорусское казачество.* Царские войска в нескольких сражениях разгромили армии Радзивилла, Гонсевского, Потоцкого, взяли Смоленск, Белую, Витебск, Дубровну и еще десяток крепостей. В 1654–1655 гг. были почти полностью заняты Белоруссия и Литва, войско Хмельницкого и Бутурлина очистило от поляков Украину до Львова. Речь Посполитая, совершенно разбитая, уже не могла сопротивляться.

Но союзником Польши стал Крым. И внезапно вмешалась Швеция. Придя «на готовое», пользуясь плодами русских побед, король Карл X Густав вторгся в Польшу. На словах демонстрировал дружбу к Алексею Михайловичу, предлагал заключить союз. Но завел переговоры с панами, переманивая их под свое покровительство и обещая защиту от русских. Пытался соблазнить Хмельницкого выйти из-под власти царя. Свежие шведские полки стали теснить русских, захватывая литовские и белорусские города, уже присягнувшие Москве. И России пришлось перенацеливать силы против нового противника.

В 1656 г., объявив Карлу X войну, царь двинул войска в Прибалтику. Наша страна была в это время достаточно сильна, и шведов тоже отлупила. Не удалось взять только Ригу из-за отсутствия флота. Но русские полки овладели Дерптом (Тарту), Мариенбургом, Динабургом, Кокенгаузеном, заняли половину Эстонии и Латвии. Казаки в этой кампании поучаствовали не только в полевых сражениях и взятии городов. Небольшой отряд Петра Потемкина наносил вспомогательный удар у Финского залива. И по предложению патриарха Никона в него были включены несколько сотен донцов, чтобы действовали на Балтике так же, как на Черном море. Отряд на стругах спустился по Неве, с налета захватил крепость Ниеншанц (на месте Санкт-Петербурга). И казаки вышли в море. У о. Котлин встретили шведские корабли, везшие воинский отряд, напали на них, захватили и потопили. *Таким образом первая морская победа на Балтике была одержана казаками — рядом с нынешним Кронштадтом. И за полвека до Петра.* А потом казаки с солдатами Потемкина совершили рейд в Финляндию, взяли и сожгли г. Нейшлот.

В результате одержанных побед два главных противника были нейтрализованы, с поляками и шведами начались переговоры о мире. Остался Крым. И на 1657 г. был спланирован двойной удар, с Дона и Украины. Ратники Семена Пожарского и донцы подступили к Азову, побили татар, взяв много пленных. Но наступление с Украины сорвалось — в июле умер Хмельницкий. И вот тут-то начали сказываться совсем иные факторы... Дело в том, что отношение к Москве было среди украинцев далеко не однозначным. Простонародье вполне устраивали порядки, существовавшие в России, где сильная власть государя не давала своевольничать знати. Но казачья старшина, захватив

земли и замки магнатов, чувствовала себя «новой знатью», и ей куда больше импонировали польские порядки — если саму старшину уравниют в правах с панами. Имела обратную сторону и система полков, введенная Хмельницким. Полковники превратились в «удельных князей», формировали собственные части, верные лично им. Наконец, смута на Украине, как и всякая гражданская война, вынесла волну разной шпаны, противившейся любой стабилизации — абы погулять и пограбить.

Пока Хмельницкий был жив, он умел держать подчиненных в узде. Но после него пошел раздрай. Старшина протасила на пост гетмана **Ивана Выговского**. Он был польским шляхтичем, попал в плен под Желтыми Водами, понравился Хмельницкому, женился на его дочери, стал генеральным писарем. А получив гетманскую булаву, он развернул войну против предводителя пророссийской «народной партии» полтавского полковника **Мартына Пушкаря**. Сторону Пушкаря приняло Запорожье, прислало 7 тыс. казаков. Но Выговский призвал татар, взял Полтаву и убил соперника. И заключил с Яном Казимиром Гадячский договор о возвращении Украины под власть Польши. Речь Посполитая тут же прервала переговоры с Россией. Она воспользовалась передышкой, усилилась. Поддержку ей оказали Рим, Австрия, Франция — и дипломатическую, и финансовую, что позволило набрать наемников. И враги перешли в контрнаступление.

В 1659 г. на Украину выступила армия Алексея Трубецкого. Но царь не хотел начинать братоубийства с украинцами — ведь вся война велась ради их освобождения. Трубецкому предписывалось «уговаривать черкас». Чем и воспользовался Выговский. Его казаки совершили налет на русский лагерь, стоявший под Конотопом, порубили людей, угнали лошадей. В погоню пошла вся русская конница, 20 тыс. всадников под командованием Семена Пожарского. Выговский увел их подальше и заманил в засаду — на р. Сосновке ждала татарская орда. Вырваться удалось немногим, большинство погибло. Пожарский попал в плен, ему обещали жизнь за переход в ислам. Он плюнул в бороду хану и был обезглавлен. 5 тыс. пленных перерезали — Выговский заранее условился с ханом пленных не брать, чтобы положить кровь между украинцами и русскими [75].

Но просчитался. По приказу Москвы донские казаки атамана **Корнила Яковлева** напали на крымские улусы, и хан тут же увел воинство назад. На Украину двинулись русские подкрепления. И большинство казаков предателя не поддержало. Полки и города принимали сторону России, «государю добились челом и присягали, а изменников заводчиков, которые были с Ивашком Выговским, всех побили». Выговский бежал к полякам. 17 октября в Переяславле открылась рада, избравшая гетманом **Юрия Хмельницкого**. Но теперь были приняты и статьи об учреждении русских воеводств в 5 городах — Киеве, Переяславле, Чернигове, Брацлаве и Умани. Тем не менее, даже после измены Выговского царь своих обещаний о сохранении самоуправления не нарушил. Воеводы на Украине не получили ни административной власти, ни «кормлений» (судебных пошлин) и являлись лишь начальниками русских гарнизонов.

Казалось, дела выправились. На 1660 г. планировалось сломить Польшу двумя ударами, в Белоруссии и на Украине. А чтобы отвлечь Крым, предполагалось опять напасть на него из Запорожья и с Дона. Однако помощь хану вдруг оказала Турция. Причем опередила казаков. К Азову пришла эскадра из 33 кораблей и высадила 10 тыс. воинов. Сюда же подошли 40 тыс. крымцев. И армия двинулась на Черкасск. В нем находилось в это время 3 тыс. казаков и 7 тыс. царских ратников. Приступ они отбили. И вместе с подоспевшими казаками из других городков контратаковали, прогнав врага до Азова. Но лезть на крепость, куда отошло войско, было бы безумием. И казаки отошли на Дон. А турки, чтобы пресечь дальнейшие вылазки донцов, начали строить у Азова две каланчи с артиллерией и протянутыми между ними цепями.

Между тем, рать Василия Шереметева уже начала наступление на Волынь. Но хан Мехмет-Гирей привел к полякам всю крымскую орду. А Юрий Хмельницкий качествами своего отца отнюдь не обладал, был полнейшим ничтожеством. И изменил вслед за Выговским. В результате армия Шереметева под Чудновом попала в окружение и погибла. И

вот теперь Россия попала в очень тяжелое положение. Ей пришлось заключить со Швецией невыгодный Кардисский мир, отказавшись от всех завоеваний в Прибалтике. Поляки наступали, отбирая белорусские города. Хмельницкий с татарами вторгся в русские пределы, подступал к Севску, Карачеву, Путивлю.

Но эффективный метод борьбы с крымцами был уже отработан. Запорожцы во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко и донцы атамана Яковлева раз за разом наносили контрудары по ханским владениям. К этим рейдам правительство сумело привлечь и калмыков. И татары, узнав о набегах, неизменно уходили в свои улусы. От Хмельницкого отпали и казаки Левобережья Днепра, их возглавил переяславский полковник **Самко**. Пошла междоусобная резня между украинцами. Главную поддержку Хмельницкий получал извне, отряды ему присылали и поляки, и крымцы, но под Каневом армия Григория Ромодановского и казаки Самко прижали войско изменника к Днепру и разнесли вдребезги. Многие враги утонули, удирая вплавь. Сам Юрий едва спасся, спрятавшись в лесу. После этого он утратил всякий авторитет, от него стали отпадать сторонники, и он ушел в монастырь. В июне 1663 г. в Нежине собралась рада, избравшая гетманом **Ивана Брюховецкого**. Но его не признали правобережные полковники. Провозгласили гетманом **Тетерю**, подтвердившего Гадячский договор о присоединении к Польше. И Украина раскололась на две части.

Россия же после катастроф на Сосновке и в Чуднове была вынуждена по сути заново создавать армию. Это было очень тяжело. Средств не хватало. Два года подряд вводились чрезвычайные налоги, пришлось пустить в оборот медные рубли вместо серебряных, что вызвало инфляцию и привело к «медным бунтам». И все же, несмотря ни на какие трудности, страна с задачей справилась. На границах сосредотачивались свежие, прекрасно вооруженные и обученные корпуса. Осенью 1663 г. Ян Казимир предпринял решающий удар. В Белоруссии наступала армия Сапеги, а король, соединившись с Тетерей и татарами, вторгся на Левобережье. Взял 13 городов, Брюховецкий молил о помощи. Но царь отправил ему только артиллерию и небольшие отряды, не желая рисковать в украинской «каше» вновь сформированными войсками.

Русское командование выбрало другой вариант действий. На Дон послали Григория Касогова с несколькими полками драгун. К нему присоединились донцы, подошли калмыки, запорожцы. Вместе ударили на Крым, захватили и сожгли г. Перекоп. Хан сразу занервничал и увел орду. Но отряд Касогова с казаками и калмыками продолжил глубокий рейд, форсировал Днепр и взял Чигирин. И устремился на Правобережье, на Буг и Днестр. Теперь занервничали сторонники Тетери, стали отъезжать домой [212]. А Ян Казимир, оставшись без союзников, в начале 1664 г. повернул на север, на соединение с литовской армией Сапеги.

Тут-то и вступили в дело выжидавшие царские рати. Корпуса Куракина и Барятинского побили Сапегу под Брянском и отбросили. А король застрял у г. Глухова. Русский гарнизон и казаки глуховской сотни стойко оборонялись, отбили несколько приступов. Тем временем из Белгорода подошли полки Ромодановского, а с Украины — Брюховецкого. Король решил дать битву, выстроив в поле немецкую пехоту и шляхетскую конницу. Сражение длилось целый день. Под вечер поляки сломались. Отступление превратилось в бегство. Казаки и царские ратники настигли их на берегу Десны и учинили побоище. Враги, бросая оружие, стали уходить по тонкому мартовскому льду. По нему ударила наша артиллерия... От королевской армии уцелели жалкие остатки. Бежали без остановки, замерзали, оставших истребляли казаки.

После столь сокрушительного разгрома поляки согласились на переговоры. И Алексей Михайлович после понесенных потерь, затрат и измен тоже не желал продолжать войну, решил замирился на тех рубежах, которые занимали стороны. Правда, переговоры шли долго и трудно. Паны упорствовали, выдвигали требования вернуть все территории. Москве пришлось подталкивать их к миру военными демонстрациями. Но подтолкнул и крымский хан. Для поляков он стал таким же ненадежным союзником, как раньше для русских и

украинцев. Раз Левобережье было прикрыто царскими войсками, то он в 1666 г. пошел за ясырем на Польшу. Пограбил, вызвав жуткий переполох. На ослабленную Речь Посполитую стала коситься и Турция. И в январе 1667 г. было наконец-то подписано Андрусовское перемирие. Москва и Варшава заключали оборонительный союз против татар и турок, к России отошли Смоленщина, Левобережная Украина. Киев с прилегающим районом сперва уступался царю временно, на 3 года, а Запорожье объявлялось совместным владением России и Польши, которое они будут использовать «на общую их службу от наступающих басурманских сил».

21. СТЕНЬКА РАЗИН

После воссоединения Дона с Россией здешние места стали более безопасными, чем раньше. Но при этом остались «экстерриториальными», и сюда потянулись преступники, беглые всех мастей. В 1650 г. на Переволоке, между Иловлей и Качалой, возник городок Рига. Их него разбойники совершали вылазки на Волгу, грабили и уходили обратно. Царь обратился к донцам, потребовал уничтожить это гнездо и наказать бандитов «по вашему войсковому праву». Казаки приказ выполнили, Ригу разорили и доложили, что «многих казнили смертью, чтоб другим было неповадно приходить на Дон с таким воровством». Но приток «наброду» продолжался. А это давало возможность возвыситься честолюбивым казакам. Первым такой возможностью воспользовался **Василий Ус**. В 1666 г. он повздорил с войсковым начальством, но самовольно набрал удальцов, которые избрали его атаманом, независимо от войскового. И повел их наниматься на службу. Остановился у Тулы и послал гонцов в Москву. Дело уже шло к миру, новые воины царю не требовались, и Усу велели возвращаться на Дон. Но его «воинство» оставалось на месте, грабило, весело гуляло, и Ус объявлял, что принимает всех желающих. Примыкали бродяги, холопы, крестьяне. После нескольких требований удалиться правительство выслало отряд Юрия Барятинского. Драться вольница не была настроена — она же «в службу» собиралась. И ушла на Дон, уведя беглых.

Следующим «воровским атаманом» стал **Разин**. О его происхождении бытуют разные версии. В казачьих песнях есть упоминания, будто он был «тума» (ребенок от татарки), а то и «нахаленок» (незаконнорожденный) [112]. Но есть и данные, что его отец Тимофей Разя был весьма уважаемым казаком, а крестным стал войсковой атаман Корнелий Яковлев. Степан отлично проявил себя в войне 1654–1667 г., возглавлял отряды в рейдах по татарским тылам. Потом вроде бы ушел на богомолье в Соловки и где-то бродил несколько лет. А его старший брат Иван командовал отрядом донцов в составе главных русских сил и в 1665 г. был повешен по приказу командующего Юрия Долгорукова. Некоторые источники сообщают — за то, что самовольно увел отряд на Дон. Но это вряд ли. За дезертирство в русской армии полагался кнут. Значит, имел место вооруженный бунт или другие преступления.

А в 1667 г. был подписан мир. Набеги на Крым и Турцию царь донцам запретил, чтобы не спровоцировать столкновение с ними. И на войсковом кругу Разин выставил свою кандидатуру в атаманы в противовес Яковлеву, выдвигая программу — плюнуть на запрет и продолжить походы. Поддержали его самые буйные, но верх взяла умеренная линия, атаманом стал Яковлев. А Разин обозлился и с немногими сторонниками ушел на Иловлю, «о чем старые казаки гораздо тужили». Восстановил Ригу, принимая в «казаки» всяких бродяг. Собрал банду в 2 тыс. человек, построил челны. Подсустились воронежские купцы Гордеев и Хрипунов, ссудили порох и свинец под будущую добычу. И Стенька двинулся к морю. В Черкасске о его предприятии узнали, атаман Яковлев с казаками преградил путь по Дону и нарушать царский указ не позволил. Тогда Разин повернул назад и перемахнул на Волгу.

Банда обнаружила караван судов, который вез хлеб и товары, принадлежавшие царю, патриарху и купцу Шорину. Везли и преступников, сосланных в Астрахань. Разин захватил

караван, гребцов и ссыльных включил в свой отряд, а с купцами, приказчиками и охраной зверски расправился. Их пытали, вымогая деньги, а потом убивали. Стенька лично сломал руку одному из монахов, приказав затем утопить его. Побезобразничав по Волге, протоками проскочили мимо Астрахани на Каспий, погромили рыбаков и ушли на Яик. Представлять Разина «борцом за свободу» нет оснований. Напав на ногайцев, он отбил партию русских пленников. Мужчин взял в свое «войско», а женщин и детей... перепродал калмыкам.

Поднимаясь по реке, достиг Яицкого городка. Комендант Яцына, закрыл перед ним ворота. Но Разин упрямился, чтобы впустили несколько человек — помолиться в церкви. Впустили. Они захватили ворота, и в городок ворвалась вся банда. Учинили бойню — вырыли яму, и стрелец Чикмаз, согласившийся быть палачом своих товарищей, на краю обезглавил Яцыну и еще 170 человек. Остальным стрельцам Разин предоставил выбор, присоединиться к нему или уйти в Астрахань. Большинство выбрало второе. Их отпустили безоружных, в пути догнали и перерезали. Банда зимовала в Яицком городке, грабила местных казаков. Даже спустя полтора века, когда Пушкин собирал на Урале материалы о Пугачеве, Разина там вспоминали с проклятиями и омерзением [153]. А астраханский воевода не решился затевать зимний поход, пробовал воздействовать на воров угрозами кар и обещаниями амнистии.

Стенька обращения игнорировал, гонца утопил. А по весне с эскадрой из 24 стругов вышел на Каспий. К нему присоединился **Серезжа Кривой** с бандой в 700 человек. Разорили все побережье от Дербента до Баку. Неожиданно налетали с моря, грабили и уплывали. Но когда достигли Решта, там уже было собрано войско. «Воры» струхнули. Разин вступил в переговоры и сообщил, что они пришли наниматься к шаху на службу. Правитель Решта разрешил высадку, выдал «кормы» и велел ждать ответа от шаха. Вольница перепилась, стала безобразничать, отнимать у горожан имущество, насиловать баб. Тогда персы ударили по лагерю, перебили 400 человек. Разин с остальными удрал в море. И отомстил, явившись в Ферахабад. Объявил, что хочет лишь торговать. Его пустили, 5 дней банда толкалась на базаре. А когда притупила бдительность местных, Стенька подал сигнал. Город разграбили и выжгли дотла.

Потом разгромили Астрабад. Перезимовали на полуострове Миян-Кале, а весной 1669 г. решили пройти по восточным берегам моря. Но туркмены дали сильный отпор, погиб атаман Кривой. А шах снарядил флот под командованием своего родственника Мамед-хана, 50 небольших судов с экипажем из 3700 воинов. Однако воевать на море персы совершенно не умели. Струги Разина атаковали флот с разных сторон. Он сбился в кучу, корабли мешали друг другу. «Воры» расстреливали их из пушек, подожгли, пламя стало перекидываться с судна на судно, поднялась паника... Мамед-хан бежал на 3 кораблях, остальные сгорели, пошли на дно или были захвачены. Разинцы взяли огромную добычу и решили возвращаться домой.

У астраханских воевод Прозоровского и Львова было 4,5 тыс. стрельцов и 500 орудий — вполне достаточно, чтобы покончить с разбойниками. Но правительство в это время возглавлял Ордин-Нащокин. «Западник», дипломат, выдвинувшийся тем, что заключил мир с поляками. Но во главе государства он наломал дров. В делах казаков не понимал ничего, для него все они были только «ворами». После измен на Украине он безосновательно опасался — а вдруг крутые меры против разинцев приведут к восстанию на Дону? И в Астрахань пошел приказ: если покаются и пообещают впредь не «воровать», пропустить их. Львов вышел навстречу Стеньке на 36 стругах, и банда обратилась в бегство. Воевода гнался за ней 30 км, после чего, к великому удивлению воров, вступил в переговоры. Конечно, они изъявили готовность «вины принести»!

Явились в Астрахань, как триумфаторы, отдали властям половину трофейных пушек, часть пленных и устроили грандиозную гульбу, соря деньгами и драгоценностями. А в Москву отправили посольство, извиняться. И Алексей Михайлович «пожаловал вместо смерти дать всем им живот», но за это потребовал, чтобы разинцы перешли в подчинение астраханских начальников и «вины свои заслужили». Куда там! На обратном пути «послы»

ограбили сопровождающих стрельцов, отобрали коней и ускакали. А из Астрахани орду удалось выпроводить лишь через месяц, запретив ей заходить в города. Но ей на запреты было начхать. Кутили еще в Царицыне, «учиняли дурости и воровство». Потом часть разбрелась кто куда, а атаман с 1,5 тыс. громил вернулся на Дон и построил себе городок на р. Кагальник (между нынешними станицами Кагальницкой и Ведерниковской).

В советской литературе ставились в один ряд восстания Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева. В действительности эти явления были абсолютно разными. Разин, например, был обычным пиратом. На награбленные богатства он гулял всю зиму. Очень обогатились воронежские купцы, да и донцам это сперва казалось выгодным, они везли на Кагальник вино, продукты — Стенька платил щедро. Но его слава и кутежи привлекали шпану со всех сторон. Собралось 4–5 тыс. отъявленной швали, которая начала терроризировать Дон. В мае 1670 г. на войсковом кругу казаки жаловались на Разина послу Евдокимову, хотели просить у царя указаний что делать. Но Стенька явился на круг со всей бандой, Евдокимова утопил, атаману Яковлеву пришлось бежать.

Однако и у Разина возникла серьезная проблема — всю добычу уже пропили. Теперь собравшееся вокруг него «воинство» могло разойтись, и уж тогда-то Дон припомнил бы его выходки. И он решил идти Волгой на Москву «с боярами повидаться». Присоединился Васька Ус, орда достигла 7 тыс. Начали рассылать «прелестные письма». А на Волге помнили прошлогодние широкие попойки Стеньки, его добычу, швыряние деньгами. Это было заразно, царские ратники завидовали разбойникам и в Царицыне открыли ворота. Воевода и верные ему воины были перебиты. К Царицыну в это время шла тысяча стрельцов из Москвы под командованием Лопатина, а из Астрахани выступил Львов с 3 тыс. воинов. Разин сперва ударил на Лопатина, смял его массой. Потом повернул на Львова. Большинство стрельцов перешло на его сторону, выдав начальников.

Благодаря измене была взята и Астрахань. В городе находился первый русский корабль европейского типа, 22-пушечный «Орел». Это была еще одна непродуманная идея Ордина-Нащокина, создать на Волге и Каспии флот из таких кораблей. Но для здешних условий навигации тяжелое судно не годилось, застревало на мелях. И не могло маневрировать на реке, оказавшись беспомощным против казачьих стругов. «Орел» разинцы сожгли. Голландская команда бежала на шлюпках в Персию. Среди них был парусный мастер Ян Стрейс — кстати, тоже пират, разбойничавший в Индийском океане, а потом нанявшийся в Россию. А записки Стрейса — единственный источник, упоминающий историю с персидской княжной [181]. На самом же деле при разгроме иранской эскадры Разин захватил княжича Шабын-Дебея, освободив его в Астрахани. Сохранилась дипломатическая переписка по данному вопросу, но ни о какой «сестре» Шабын-Дебея в ней нет ни слова. А другие авторы того времени говорят не о княжне, а о какой-то татарке, которую Стенька утопил по пьяному делу.

Он и в Астрахани проявил крайнюю жестокость. Вакханалия длилась 3 недели. Орда пила все, что льется, насиловала все, что шевелится, а любого, кто не понравился, ждали пытки и смерть. Людей резали, топили, вешали за ноги, на крюке под ребро, рубили руки и ноги и отпускали ползать, истекая кровью. Но с Усом Разин поссорился, и они разделились. Ус остался «воеводой» в Астрахани, а Стенька повел 10 тыс. сброда вверх по Волге. Ничего оригинального он не изобрел: пытался раздуть новую смуту под флагом самозванчества. Посреди каравана судов шла барка, обитая красным бархатом — на ней якобы везли «царевича Алексея Алексеевича», недавно умершего. И вторая, обитая черным бархатом — на ней якобы везли патриарха Никона, недавно низложенного. Утверждалось, что оба они были «против бояр», но царевич не умер, а сбежал от отца.

Существует легенда, будто сам Никон благословил мятеж, но истине она не соответствует. В окружение Разина попал Лазунка Жидовин, крещеный (для видимости) еврей, который был у Никона лекарем и получил чин «патриаршего сына боярского». Видимо, после низложения патриарха он был сослан или бежал в Поволжье. Он-то и стал автором пропаганды об участии и благословении Никона. Саратов и Самара встретили

Разина хлебом-солью, что не спасло их от грабежей и кровавых оргий. Всех дворян, чиновников, богатых горожан истребляли. Кроме дочерей и молодых жен, которых Разин «венчал» со своими громилами, обводя вокруг дерева. Все документы и архивы сжигались — Стенька вообще не терпел никакого письма. А крестьян и городскую чернь он скопом верстал в «казаки» — делил на десятки и сотни, органом управления становился круг. Но Среднее Поволжье было еще слабо заселено. И лишь севернее мятеж получил широкую подпитку. Поднялись крепостные, портовая волжская рвань, соблазненные грабежами удалыцы, шайки мордвы, чувашей. Там и тут стали действовать разинские эмиссары, банды самостоятельных вожаков.

Однако 4 сентября под Симбирском Разин впервые встретил сильное сопротивление. Стрельцы и служилые казаки под командованием Ивана Милославского не изменили, не разбежались, а стойко отбивались. И вору у города застряли. А царь перебрасывал полки с Украины. И в первом же сражении под Свияжском Юрий Барятинский опрокинул и рассеял скопища Разина. Сам Стенька был дважды ранен, что подорвало славу «характерника», которую он распускал о себе — мол, ни ядра, ни пули его не берут, и он может заговаривать вражеское оружие. После этого атаман повел себя совсем не героически. Бросил толпы соблазненного им люда и сбежал с кучкой приближенных. Барятинский гнал мятежников до Симбирска, где их и добились. Другие царские воеводы постепенно очищали уезды, охваченные бунтом — банды «воров» были лихими в расправах над безоружными, но серьезной силы не представляли.

А Разин удирал на юг. Теперь его не впустили ни Самара, ни Саратов. Один раз обожглись — поумнели. Он снова собирал вокруг себя бродячие шайки, свирепствовал, приказывая сжигать пленных. Но отношения в «воровском» стане были отнюдь не братскими. В Астрахань к своему врагу Усу Стенька, оставшись без «войска», идти не рискнул. Вернулся на Кагальник. Соединился с бандой брата, **Фрола Разина**. Попытался взбунтовать казаков, появился у Черкаска, но донцы больше знать его не желали, встретили запертыми воротами и изготовленными пушками. Он бесчинствовал и на Дону, «прямых старых казаков донских, которые за церковь и крестное целование и за Московское государство стояли... побил и пограбил и позорил» [35].

Атаман Яковлев направил к царю станицу с просьбой о помощи. В присутствии казачьих послов патриарх предал Стеньку анафеме, и на Дон был отправлен полковник Касогов с тысячей солдат. 14 апреля 1671 г. казаки вместе с этим отрядом выступили на Кагальник. Разин намеревался обороняться, но все орудия на валах оказались заклепанными — его банда решила откупиться, выдав атамана. Братьев Разиных привезли в Черкасск. Их подручных казнили по «войсковому праву», а Степана и Фрола отправили в Москву на «колеснице позора». Старшего везли на телеге, прикованного к виселице, младший бежал следом с петлей на шее. Они были приговорены к четвертованию. В июне Степана Разина казнили, а Фрол оробел и крикнул «слово и дело», что по закону давало отсрочку. Он объявил, будто готов указать клады, спрятанные братом. Но лгал, ничего показать не смог и тоже был казнен. Второй самозванный атаман, Василий Ус, умер от какой-то «червивой болезни». А очаг мятежа в Астрахани был ликвидирован отрядом Ивана Милославского и Каспулатом Черкасским, приведшим с Кавказа кабардинцев и терских казаков.

Бунт Разина имел еще одно важное последствие. При разбирательстве открылось, что хотя донское казачество само пострадало и помогало подавить мятеж, но и не было целиком невиновно. Не ликвидировало опасность в зародыше. Смотрело сквозь пальцы на выходки разбойника, торгуя с ним. Да и отряды Стеньки, Фрола и Уса составлял не только пришлый сброд, к ним примкнула и часть казаков. Поэтому Алексей Михайлович повелел привести Дон к присяге. В Москве ее принесли атаманы Яковлев и Самарин, а на Дону дело было поручено Касогову. Круг шумел четыре дня, возражая, что прежде царю и «без крестного целования служили». Но, в конце концов, донцы согласились, и 28 августа 1671 г. принесли присягу. Был введен и реестр. Хотя численно он не ограничивался. Из Москвы прислали два экземпляра книги, в которые вписали имена присягнувших. Одна книга вернулась в столицу,

вторая осталась в Черкасске, чтобы туда вписывали казаков, которых Войско в дальнейшем будет принимать в свои ряды. Но все права казачьего самоуправления были при этом сохранены.

22. НАЧАЛО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ВОЙСКА

В ходе освоения Сибири уже в XVII в. правительство обращало внимание на природные богатства этого края. Приказ Рудного сыска рассылал воеводам запросы о полезных ископаемых, прилагал инструкции, как брать образцы, которые пересылались в Москву для анализа специалистов. Аптекарский приказ точно так же требовал образцы местных лекарственных растений. И когда в столице узнали, что где-то в окрестностях Байкала находят серебро, была организована экспедиция «для проводывания руды». Туда отправились енисейские казаки во главе с атаманом **Василием Колесниковым**, присоединились и якутские под руководством атамана **Ивана Галкина**. Они основали Верхнеангарский острог, но не поладили между собой и разделились. Колесников остался в Западном Прибайкалье, группа его казаков во главе с **Иваном Похабовым** перешла по льду озеро, исследовала южный берег, а потом у устья р. Иркут построила ясачное зимовье — из которого вырос Иркутск. А Галкин обогнул Байкал, в 1648 г. заложил Баргузинский острог и совершил поход на р. Шилку, открыв месторождение серебра, за что был произведен в дети боярские.

Да, первыми сибирскими геологами были казаки-землепроходцы. В XVII в. были открыты залежи слюды в Западной Сибири, Енисейске, Прибайкалье, «цветное узорочное камень» в Верхотурском, Тобольском, Якутском уездах, медь под Невьянском, железная руда на Туре, Тоболе, Исети, в Якутии, Прибайкалье, селитра на Олекме, свинец на Аргуни, нерчинское серебро. Возникали первые заводы, домницы. На некоторых месторождениях делались еще только пробные шурфы и плавки, но они уже были открыты, хотя позже заслугу себе приписали другие. Столь авторитетные исследователи Сибири как С.В. Бахрушин и С.А. Токарев однозначно установили: «Изыскания академиков XVIII века базировались на предшествующие поиски и опыт служилых людей XVII столетия».

Казаки оставались и прекрасными дипломатами, устанавливая дружеские отношения с местными племенами. И если в Западной Сибири этому во многом способствовала калмыцкая угроза, то в Забайкалье сказался другой фактор. По соседству усилились маньчжуры. Они сокрушили китайскую империю Мин, в 1644 г. взяли Пекин, и возникла могущественная и агрессивная империя Цин, которая стала разворачивать экспансию на север. Подчинила часть монголов, обложила данью приамурских дауров и дючеров. В таких условиях буряты и тунгусы предпочли переходить под власть царя.

Здесь выдвинулся **Ерофей Хабаров**. Он был устюжским крестьянином, в 1628 г. поехал в Мангазею в надежде разбогатеть на пушном промысле. Не получилось. Но Хабаров обнаружил, что в Сибири можно нажить состояние и другими способами — там очень дорого стоили хлеб, промышленные товары. И снова ушел за Урал, став «слободчиком». То есть одним из деловых людей, которые сами основывали деревни и управляли ими. Это разрешалось, требовалось только согласовать с уездным воеводой и платить налоги. Хабаров обосновался у устья Киренги, нанял работников, в 1640-х у него уже было 26 десятин пашни, собственные кузницы, мельницы, соляные варницы, он занялся торговлей, извозом, ростовщичеством. А в 1650 г. Хабаров обратился к якутскому воеводе Дмитрию Францбекову (Ференцбаху) с проектом освоения Приамурья. Сформировал отряд из 70 казаков и крестьян, поднялся по Лене, заложив г. Олекминск. Затем достиг Амура, где основал Даурский городок. И начал совершать плавания по реке, приводя в подданство местных жителей. Мужик он был крутой, силу применял без раздумий. Когда взбунтовалась и попыталась бежать группа казаков, с ними тоже расправился сурово.

В 1651 г. по следам Хабарова пошли из Якутска 27 казаков во главе с **Иваном Нагибой**. Но с хабаровцами они каким-то образом разминулись. Построили судно и прошли по всему

Амуру, причем с непрерывными боями. Вышли в море, но судно было раздавлено льдами у Шантарских островов. Экспедиции удалось спастись, и она сухим путем вернулась в Якутск, собрав большой ясак. Современники считали чудом, что отряд во всех передрыгах не потерял ни одного человека. Однако другие отряды к Хабарову добирались, его силы росли. Пекин же воспринял выдвижение землепроходцев к своим границам крайне враждебно. Император категорически запретил подданным контакты с русскими. Подчиненных ему монгольских князей направил в набеги на Забайкалье, чтобы покорить здешние племена. А на Амур в 1652 г. отправил корпус из тысячи солдат с ружьями и легкими пушками. У Хабарова к этому моменту собралось до 200 служилых и «охочих людей». Но, как писали китайцы, в лице казаков они встретили бойцов «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе». Корпус был разгромлен наголову.

В 1653 г. Хабарова сменил на Амуре отряд **Онуфрия Степанова**, а Ерофей Павлович вернулся в Якутск, составив «чертеж реке Амуру». Царь высоко оценил его успехи и пожаловал в дети боярские. А в Забайкалье предпринял поход **Петр Бекетов** — тот самый, который 20 лет назад строил Якутск. Теперь он заложил Иргенский и Нерчинский остроги. *И их основание в 1655 г. принято за отсчет старшинства Забайкальского Казачьего Войска.* Впрочем, одновременно возникла и другая казачья община, вольная. От Москвы здешние места были далеко, злоупотребления властей бывали частенько. Но и люди в Сибири подбирались отчаянные, терпеть «неправд» не привыкли. В 1655 г. случилось сразу два восстания. Взбунтовались служилые Верхнеленского острога во главе с **Максимом Сорокиным** и ушли в Приамурье. А в Илимском остроге казаки и крестьяне убили воеводу, избрали атаманом **Никифора Черниговского**, решили жить вольной казачьей «республикой» и тоже двинулись на Амур. Здесь две общины объединились и построили крепость Албазин.

Служилые закреплялись в Прибайкалье и Забайкалье — были основаны Балаганский, Телембинский, Селенгинский, Удинский остроги. Буряты и тунгусы приветствовали строительство, помогали, поскольку и для них крепости обеспечивали защиту от вылазок маньчжуров. А отряд Степанова поставил на Амуре Кумарский острог. Китайский император направил сюда еще одну армию. Но казаки вместе с подоспевшими на помощь ратниками Бекетова приняли бой. Храбро отбивались в Кумарском остроге, и неприятельское войско было разбито, покатилось прочь «к немалой чести казаков». После этой победы приамурские племена стали склоняться «под государеву руку». И тогда в Пекине было принято решение лишить русских продовольственной базы и потенциальных данников. Маньчжуры устроили массовую депортацию дауров и дючеров, переселяя их на Сунгари. А казаков стеснили военными отрядами, не прекращались бои.

В 1658 г. Степанов докладывал в Якутск: «Поне все в войске оголодали и оскудали, питаются травой и корением... а сойти с великия реки без государева указу не смеем никуда. А богодойские (т. е. китайские) воинские люди над нами стоят близко и нам против их... стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько». Просил помощи, но она опоздала. Степанов и почти все его соратники погибли. Но очистить от русских Амур китайцам так и не удалось. Албазин устоял, отбив все атаки. А на смену погибшим служилым шли другие, партию из 600 казаков и переселенцев повел из Енисейска в Приамурье атаман **Афанасий Пашков**... И результат депортации дауров и дючеров стал для Китая очень далеким от ожидаемого. Земель, пригодных для пашни, в Сибири было мало, они очень ценились, тем более что русским дозволялось селиться только «на порозжих местах». А места в Забайкалье и Приамурье освободились! Сюда пошло интенсивное переселение — и Даурия, оставшаяся без дауров, стала казачьей Даурией.

Продолжались исследовательские экспедиции и в других направлениях. В 1651 г. **Иван Баранов** с группой «охочих людей» прошел с Колымы на Гижигу, к Охотскому морю. Примерно в это же время **Василий Власьев** и **Кирилл Колкин** предприняли плавание на Чукотку, установили контакты с «чухоцкими мужиками». Сотник **Курбат Иванов**, сменивший в Анадырском крае Дежнева, тоже построил кочи и ходил морем на Чукотку.

Открыл залив Креста, бухту Провидения. Десятник **Иван Меркурьев Рубец** совершил поход на Камчатку. Потом туда же отправился енисейский казак **Иван Камчатый**. Открыл реку, названную его именем. На обратном пути Камчатый был убит юкагирами, но название реки «Камчатка» впоследствии перенеслось на весь полуостров. В 1680-х иезуит Авриль, беседуя в Москве с окольным Мусиным-Пушкиным, вытянул из него информацию об Америке и ее жителях. Стало быть, казаки уже и туда забирались...

Сибирь обживалась. Русские и коренные жители привыкали друг к другу, при городах возникали национальные слободы. Впрочем, сибирское казачество само было смешанным. Русских женщин тут было очень мало. И казаки женились на местных уроженках после их крещения. В Западной Сибири предпочитали брать в жены татарок, в Восточной — якуток или буряток. Эти народы были ближе русским по быту, и жены могли вести хозяйство казака, да еще и мужа поучить особенностям сибирского скотоводства, огородничества, земледелия. Но крещение местных жителей было обязательным только при заключении браков с русскими. Царское правительство проявляло очень высокую веротерпимость, на смене религии не настаивало. Пропаганда христианства являлась только делом Церкви. Однако, по тогдашним понятиям, переход в христианскую веру вел и к изменению статуса. «Ясачный», согласившийся принять крещение, становился «русским» и переставал платить ясак. Но и крестьянских податей вносить не мог. И воеводам предписывалось вербовать таких людей на службу, они тоже становились казаками. А в Забайкалье в связи с маньчжурской угрозой и условие крещения не соблюдалось. Здесь в службу принимали бурят-буддистов, тунгусов-язычников. И, например, к Нерчинскому острогу было приписано 800 конных тунгусов.

А казачья община в Албазине сохраняла независимость 19 лет. Царских властей не признавала, принимала беглых, объяснявала в свою пользу местных. Пахала землю, разводила скот. Торговала, покупая боеприпасы. И удары китайцев отражала. Но становилось ясно, что рано или поздно враги ее сомнут. Поэтому в 1674 г. албазинцы били челом государю, «вины свои принесли». Что ж, царь их простил. Послал в знак милости икону Знамения Пресвятой Богородицы. И принял казаков на службу. Они стали гарнизоном того же Албазина. Отношения с Китаем Москва пыталась урегулировать мирным путем. В Пекин были направлены посольства Байкова, потом Спафария. Но ничего достичь не удалось. Император Канси был настроен непримиримо. Он сумел подавить последние очаги антиманьчжурского сопротивления в Южном Китае и решил всерьез заняться северными делами.

В 1684 г. Канси нанес двойной удар. Подчиненных ему монголов во главе с Тушету-ханом бросил на Селенгинск, а маньчжурскую армию с артиллерией — на Албазин. В Забайкалье русские с бурятами и тунгусами нападение отбили. А в Албазине оборонялось всего несколько сот казаков. Но императорским войскам никак не удавалось взять его. Штурмы отбивались, осада затягивалась. Да только и силы казаков таяли. Многие погибли, уцелевшие были переранены, боеприпасы кончались. Уповали разве что на заступничество Пресвятой Богородицы, молились перед иконой, присланной из Москвы. И все же сумели дотянуть до осени. А с наступлением холодов и ненастьи китайские командиры занервничали. Знали, что при неудаче запросто лишатся голов и предложили переговоры. В результате удалось достичь компромисса — маньчжуры обещали отступить, если и русские оставят Албазин. Остатки гарнизона покинули крепость, и она была сожжена.

Но ушли казаки только для того, чтобы попросить подкреплений. На Амур двинулись новые отряды, и было образовано Албазинское воеводство. Воеводами были назначены **Алексей Толбузин** и **Афанасий Бейтон** (потомок перешедших в Православие шотландцев). Была заново отстроена крепость, в нее доставили 5 пушек, гарнизон довели до 800 человек. Однако и Канси не смирился. Приказал строить в Маньчжурии цепь укреплений и баз для войск. А в 1686 г. начал решающее наступление. Послал монголов на Забайкалье, а на Амур двинулась армия генерала Лантаня из 5 тыс. солдат при 40 пушках. По реке их везла флотилия из 150 лодок-бусов, часть сил шла берегом. Лантаню предписывалось взять

Албазин и наступать на Нерчинск, соединиться там с монголами и изгнать русских за Байкал. Для наращивания удара следом за армией шли подкрепления, гнали 3 тыс. лошадей. В июле маньчжуры появились у Албазина. Когда они стали высаживаться с бусов, Бейтон с казаками ударил на них. Встретили врага ружейным и пушечным залпом и пошли в рукопашную. Десант смяли, покололи пиками, побили прикладами мушкетов и сбросили в воду.

Но подошли главные силы, отгеснили защитников в крепость и началась осада. На пятый день боев воевода Толбузин был тяжело ранен ядром в ногу и умер. Гарнизон возглавил Бейтон. Маньчжуры возвели высокий вал вокруг крепости, отгородив ее от внешнего мира. На валу установили батареи, простреливая город. Но казаки снова и снова отбивали атаки. И сами предпринимали отчаянные вылазки, мешали неприятельским работам, ломали построенные укрепления. Прославился снайпер-пушкарь **Алеша Наседкин**, без промаха наводивший малочисленные орудия и выигрывавший дуэли с китайской артиллерией, легендой стал силач-казак **Квашнин**, прозванный «Отойди подальше». Ему любое оружие оказывалось «не по руке», и он вооружился огромной самодельной секирой. Предупреждал товарищей: «Отойди подальше», раскручивал секиру над головой и кидался в гущу врагов. И казаки говорили: «Побег Квашнин вперед! Теперь удержу не будет!» Осада длилась 5 месяцев! 5 месяцев изоляции, непрерывных боев и бомбардировки. В Албазине сгорело все, что могло гореть — дома, палисады. Оборонялись на изрытых ядрами земляных валах. А армия Лантаня усиливалась подкреплениями и достигла 10 тыс. Но так и не смогла взять крепость и ушла восвояси...

И лишь после этого поражения Канси согласился на переговоры. В Забайкалье выехала делегация во главе с Федором Головиным. Но в 1687 г., когда она прибыла в Селенгинск, Канси вместо своих дипломатов бросил на город монгольско-маньчжурское войско. Гарнизон Селенгинска выдержал осаду и отбил. Нападали еще несколько раз, пугали. Потом прислали уполномоченных — опять с большим войском и требованием к русским уйти за Байкал. Долго бодались, старались переупрямить друг друга. И только в августе 1689 г. был подписан компромиссный Нерчинский договор. Россия отстояла за собой Забайкалье, верхние притоки Амура, но Приамурье уступила. В связи с этим Албазин, снова отстроенный после осады, был оставлен гарнизоном и сдан китайцам. Причем император казачью крепость очень уважал. Приказал разобрать ее, перевезти и поставить в Западных горах близ Пекина — в качестве воинского памятника и образца фортификационного искусства.

23. ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ

Эпоха Алексея Михайловича была временем высочайшего взлета русской культуры, промышленности, торговли. Была создана могучая армия, к концу войны с Польшей в ней насчитывалось уже 75 полков «нового строя». Появились первые гвардейские части, были уже введены звания генералов, полковников, капитанов, поручиков. В ходе военных реформ изменилось и вооружение казаков. Вместо фитильных пищалей они обзавелись кремневыми мушкетами с бумажным патроном, пистолетами.

А борьба за Украину миром с поляками отнюдь не завершилась. Гетман Брюховецкий тоже оказался «не сахар». Был человеком недалеким, но крайне честолюбивым и мстительным. Едва получив булаву, казнил своих соперников Самко и Золотаренко, обвинив в «измене». Но и сам чувствовал себя непрочным и решил опереться на русских. Первым из гетманов приехал в Москву, был пожалован в бояре. Хитрил он вовсю. Уступил московским чиновникам сбор доходов (которых разоренная Украина все равно не давала), а за это попросил усилить его русскими гарнизонами. Лично для себя выклянчил крупные земельные пожалования и чтобы его женили на представительнице знатного рода. Что ж, царь не отказал, сосватал ему княжну Долгорукову. Но свадьба не состоялась — на Украине каша заваривалась все круче.

Правобережная старшина выбрала гетманом **Петра Дорошенко**. Который вдруг внес новый поворот в здешние дела — принял подданство Турции! И Украина раскололась уже на четыре части: в западных районах Польша поставила еще одного гетмана, **Хоненко**, и независимую позицию занимало Запорожье. А Брюховецкого разозлило Андрусовское перемирие — он надеялся с помощью русских получить всю Украину. Недовольны были разделом и многие украинцы. Тем более что на Правобережье паны принялись жестоко усмирять крестьян. Усугубил дело грубыми ошибками канцлер Ордин-Нащокин. Ради дружбы с Польшей он выражал готовность уступить ей Левобережье, обещал панам прислать калмыков для подавления казаков. Царь такими предложениями возмутился и вскоре отправил Ордина-Нащокина в отставку. Но ведь и поляки были недовольны утратой Левобережья и доводили секретные предложения канцлера до украинцев, чтобы поссорить их с Москвой.

Этим воспользовался Дорошенко. Раздул агитацию — «москали продали наших братьев». Созвал в Чигирине тайное совещание, на которое прибыли полковники, крымский посол, Юрий Хмельницкий, сбросивший ради такого случая монашескую рясу, поддержал и Киевский митрополит Тукальский, не желавший подчиняться Московской патриархии. И вызрел грандиозный заговор. Брюховецкого окружили, как ребенка. Митрополит и полковники заверили его, что если он поднимет восстание, то и Правобережье подчинится ему, а Дорошенко отречется от гетманства. И Брюховецкий клюнул. Направил послов в Стамбул и Бахчисарай. Принялся исподтишка готовить удар. Причем для агитации использовал свои собственные инициативы — увеличение гарнизонов, сбор налогов русскими. Теперь это выставлялось как доказательства «закабаления».

8 февраля 1668 г. по сигналу Брюховецкого «гетманские люди» внезапно начали истреблять русских. Восстание охватило 48 городов и местечек, были убиты тысячи людей, изменники захватили 14 тыс. рублей, 183 пушки, 142 тыс. четвертей хлеба (направленных правительством в помощь Украине). Брюховецкий послал грамоты и на Дон: «Москва с ляхами постановила славное Запорожское Войско и Дон разорить». Но донцы призыв отвергли, а посланцев арестовали и отправили к царю. Да и на Украине поддались агитации не все. В Киеве, Чернигове, Нежине, Переяславле русские отряды удержались при поддержке местного населения. А на границе сосредотачивалась армия Ромодановского [75].

Брюховецкий решил выступить на русских. К нему собрались правобережные полковники, якобы отпавшие от Дорошенко. Приехал и мурза Челибей, посол от Турции и Крыма. Привел татар и принял присягу на верность султану (Брюховецкий принес ее на кресте и Евангелии). Но когда гетман отправился к Диканьке, где он назначил сбор полкам, разыгрался последний акт заговора. Выяснилось, что туда же идет с войском Дорошенко. Потребовавший от Брюховецкого сдать булаву, бунчук и знамя. Тот кинулся к Челибею, чтобы посол вмешался. Однако мурза объявил, что их внутренние разборки султана не касаются. Казаки вступать в сражение «за гетманов» отказались. А полковники, давно ждавшие этого момента, схватили Брюховецкого и выдали сопернику. По приказу Дорошенко его забили насмерть дубинами.

Да только и победитель просчитался — расправа с гетманом возмутила рядовое казачество. Кричали, что Дорошенко «татарскую веру принял». Ему неделю пришлось поить войско, пока старшина не уговорила казаков признать его гетманом обеих частей Украины. Но признали не все. Запорожцы ушли, объявили Дорошенко «гетманом ханского величества». Татары, увидев такие настроения, двинулись обратно в Крым — по пути не забыв нахватать полон, что никак не способствовало популярности нового гетмана. Поход на русских сорвался. А Ромодановский действовал четко и выверено. Наносил короткие удары, деблокировал осажденные города. И выяснилось, что поддержка восстания была далеко не всенародной. Простые крестьяне и горожане устали от гетманских свар, встречали русских как избавителей. Запорожцы предложили восстановить Переяславский договор. Заколебалась и старшина. **Демьян Многогрешный**, которого Дорошенко оставил наказным атаманом на Левобережье, принес повинную и присягнул царю. И на раде, созванной в

Глухове был избран гетманом.

Международная обстановка была очень сложной. В Польше снова взяли верх антирусские настроения. Она требовала вернуть Киев, уступленный царю на 3 года. Но московское правительство, которое возглавил Артамон Матвеев, резонно указало, что поляки уже нарушили договор, не оказав помощи против Брюховецкого, Дорошенко и татар. А значит, и о выполнении договора с русской стороны толковать нечего. Ну а Дорошенко с крымцами, получая отпор на Левобережье, в 1671 г. напал на Западную Украину. Паны попрятались по замкам и своих подданных защищать не спешили. В драку вступили только казаки Хоненко.

Но неожиданно пришел на выручку запорожский кошевой **Иван Сирко**. Он родился на Харьковщине в семье слободских казаков-эмигрантов. С детства упоенно слушал рассказы о запорожцах и ушел в Сечь, где выдвинулся умом и боевыми качествами. После победы украинского восстания Богдан Хмельницкий назначил его винницким полковником, но жизнь «удельного князька» была не для Сирко, и он вернулся в свое любимое «лыцарское братство». Был сторонником запорожской вольности и строгого соблюдения традиций. Поэтому сотрудничество с гетманами, которые связались с татарами и турками, стало для него принципиально невозможным. А защита Украины от «басурман» являлась главным принципом Сечи, и кошевой помог Хоненко. Нанес удары по тылам врагов и вынудил их отступить.

Однако наскоки Дорошенко были лишь предлогом для вмешательства куда более могущественного противника, Турции. В 1672 г. султан Мухаммед IV предъявил вдруг полякам ультиматум: «не беспокоить» владения Дорошенко, вступившего в число «невольников высокого порога нашего». Король Михаил Вишневецкий стал оправдываться, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный». Этого оказалось достаточно. Турки двинули армию за Дунай. Польша пыталась обороняться, на ее сторону перекинулся и Хмельницкий в надежде получить гетманство. Но османы раскатали противников в два счета. Хмельницкий попал в плен, были взяты Каменец, Львов. И король запросил мира, уступая султану всю Правобережную Украину.

А на Левобережье совсем некстати назрела новая смута. Старшина донесла, что Многогрешный тоже сносится с султаном. Правда это была или клевета, но его арестовали и приговорили к смерти. Однако Алексей Михайлович помиловал, ограничился ссылкой в Сибирь. И закипела свара за гетманскую булаву. В ее ходе оклеветали и Сирко, он был сослан в Тобольск. Но царю интриги старшины уже поперек горла стали. Он потребовал, чтобы на этот раз собралась «черная» рада — с участием рядовых казаков и поселян. И те, кто считались главными претендентами, на выборах проиграли. Булаву получил генеральный судья **Иван Самойлович** — первый со времен Богдана Хмельницкого гетман, верный России. Быстро разобрались и с Сирко. За него горячо ходатайствовали запорожцы. И атамана вернули из Сибири. С ним беседовали царь и патриарх, убедившись, что он вовсе не враг русским, и что место такого человека на Украине. Тем более что ждали большой войны. Ведь Дорошенко объявлял себя гетманом не только Правобережья, а всей Украины. Значит, на очереди у турок была Россия.

Но их задержали поляки. Сейм не утвердил позорный мир, Вишневецкий слетел с престола и королем стал Ян Собеский, возобновивший войну. Впрочем, успехов не добился. Тем более что паны обороняли только польские области, а Украину бросили на произвол судьбы. Турки взяли 17 городов, вырезав мужчин, а женщин и детей угнав в рабство. Имя Дорошенко теперь по всей Украине вызывало проклятия, а его столица Чигирин превратилась в огромный рынок ясыря, где татары и приспешники гетмана сбывали полон. Москва же вела себя осторожно. Старалась избежать прямого столкновения с турками, если полезут — готовилась встречать их на Днепре. Но и свои союзнические обязательства выполняла. На Дон был послан генерал Касогов с 6 полками солдат и стрельцов. Вместе с казаками атамана **Фрола Минаева** они захватили каланчи возле Азова. Азов осаждать не

стали, но построили 60 стругов и в 1674 г., когда татары опять хлынули на Украину, донцы с ратниками вышли в море. К ним присоединились запорожцы, обрушились на берега Крыма и заставили хана увести орду.

И турецкое руководство пришло к выводу — чтобы обезопасить тылы, надо уничтожить Сечь. В Крым было перевезено несколько янычарских полков, и зимой, когда никто не ждал, они с татарами выступили. Нападение наметили сразу после Рождества, рассчитав, что казаки будут пьянствовать. К Сечи сумели приблизиться скрытно, по льду перешли днепровские протоки, сняли караулы. Вот только не знали они запорожских обычаев. На третий день после Рождества здесь происходила рада, съезжались женатые казаки с хуторов. И перед радой полагалось быть трезвыми. Когда среди ночи турки проникли вовнутрь Сечи, первый же заметивший их запорожец поднял тревогу. Из всех куреней открыли шквальный огонь, косивший «гостей». Янычары сбились, закупорив узкие улочки, и гибли во множестве. А потом казаки высыпали в рукопашную. Уцелевшие враги бежали. Украинский летописец сообщает, что побитых было 15 тыс. Разумеется, сильно преувеличив — но ясно, что положили их будь здоров.

Кошевой Сирко в долгу за «визит» не остался, предпринял поход на Крым. Соединился с донцами, калмыками, русские прислали полк стрельцов. Составилось войско в 20 тыс. и форсировало броды Сиваша. Операцию спланировали хитро, 4 тыс. запорожцев осталось у бродов, а остальные отряды ринулись по Крыму, устроив переполох. Хан быстро разобрался в обстановке и бросил конницу к бродам, чтобы запереть обратный путь. Но войско попало в ловушку. Его встретил Сирко, а разошедшиеся отряды имели задачу вернуться на пятый день. И навалились с тыла. Крымцев разгромили. Мухаммед IV разгневался и обратился к Сечи с личным посланием, требуя перейти к нему в подданство, а при отказе угрожая стереть казаков с лица земли. Ответом стало знаменитое письмо запорожцев к султану:

«Ти — шайтан турецький, проклятого чорта брат і товарищ, самого люципера секретар! Який ти в чорта лицар, що голою сракою іжака не вб'єшь? Чорт видкидає, а твое військо пожирає. Не будеш ти годен синів християнських під собою мати: твоего війська не боїмось, землею і водою будемо битися з тобою. Вавілонський ти кухар, македонський колесник, ерусалимський броварник, олександрійський козолуп, Великого і Малого Єгипту свинар, армянська свиня, татарський сагайдак, кам'янецький кат, подільський злодіюка, самого гаспиду внук і всього світу і подсвіту блазень, а нашого бога дурень, свиняча морда, кобиляча срака, різницька собака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт! Отак тобі козаки відказали, плюгавче! Негоден еси вірних християн під собою мати. Числа не знаємо, бо календаря не маємо, місяць у небі, год у книзі, а день такий у нас, як і в вас, поцілуй же за це ось куди нас!.. Кошовий отаман Іван Сірко зо всім Кошем Запорізьким» [224]. Текст этого послания хранится в Днепропетровском музее им. Яворницкого, но... вряд ли оно дошло до адресата. Любой пленный, с которым его отправили, не мог не понимать, что везет свой смертный приговор. Да и султанские чиновники тоже. И, конечно, не передали по назначению.

Тем временем главные русские силы стояли на Днепре. К ним стали переходить правобережные полковники, пришел и Хоненко, разочаровавшийся в поляках — у него осталось всего 2 тыс. казаков. И ратники Ромодановского с казаками Самойловича начали совершать рейды на правый берег, против Дорошенко. Били его сторонников, подступали к Чигирину. И достигли своего, от Дорошенко стали уходить подчиненные, он вступил в переговоры. А в начале 1676 г. умер Алексей Михайлович. Правобережный гетман снова было заартачился, понадеявшись на раздраз у русских и помощь турок, но на Чигирин двинулась армия Ромодановского. Горожане замитинговали и приняли решение сдаться, Дорошенко был отправлен в Москву. Новый царь Федор Алексеевич обошелся с ним великодушно. Принял на службу, но на Украину уже не пустил, дал поместья в России.

Однако турки в это время добились Польшу, вынудили заключить мир и отдать Правобережье. И теперь-то султан предъявил ультиматум царю — отступить от Украины и изгнать казаков с Дона. Получил твердый отказ. Тогда турки выпустили из тюрьмы Юрия

Хмельницкого, он охотно согласился сотрудничать и был назначен «князем Малороссии». У него собралось «войско» из 150 проходимцев [75]. А чтобы «сопровождать» его и усадить на гетманство выступила армия в 140 тыс. воинов Ибрагима Шайтан-паши и татар Селим-Гирея. Считали, что кампания будет легкой — казаки перейдут к Хмельницкому, а русским останется только уйти за Днепр. Поэтому на взятие Чигирина отводилось 3–4 дня, потом предполагалось взять Киев. Янычарам заранее объявили, что их распустят домой «ко дню Касыма» (26 октября), а обратно призовут в «день Хозыра» (23 апреля) следующего года — завоевывать Левобережье.

Гарнизон Чигирина возглавлял **Афанасий Трауернихт**, перешедший в православие немец. Западную часть, «замок», обороняли 8 тыс. солдат и стрельцов, а восточную, «нижний город» — 9 тыс. украинских и донских казаков. Орудий было 50, но из них лишь 14 тяжелых, остальные легкие. 2 августа 1677 г. полчища Ибрагим-паши обложили город. Защитникам предложили уйти, сохранив жизнь и имущество. Комендант созвал на военный совет офицеров и атаманов, и было решено: «Отвечать не иначе, как пушками». Турки установили батареи, начав бомбардировку, стали приближаться к стенам траншеями и апрошами. Солдаты и казаки совершали вылазки, ходили «в секиры и дротики» (штыков военная наука еще не знала), закидывали ручными гранатами, срывая осадные работы. Но к 17 августа турки пробили в стенах проломы, вывели из строя часть крепостных пушек, подвели мины. И начались штурмы. Взрывали вал, лезли на приступы. Защитники их вышибали контратаками, под огнем ремонтировали укрепления, рыли ямы, чтобы ослабить действие мин.

А на помощь уже шла русская армия, 50 тыс. ратников Ромодановского и 20 тыс. казаков Самойловича. Ибрагим-паша отрядил часть сил к Днепру. Они построили позиции на правом берегу у Бужинской переправы, заняли остров посреди Днепра. И сочли, что под огнем такую реку форсировать невозможно. Но Ромодановский был блестящим полководцем. Направил отряд казаков переправиться в другом месте и выйти туркам в тыл. Огнем артиллерии заставил врага покинуть остров. В ночь на 26 августа туда скрытно перевезли несколько десятков орудий и замаскировали. А следующей ночью был нанесен удар. Гвардейцы Шепелева и казачьи полки **Левенца** и **Барсука** ринулись за Днепр. А когда турки заметили лодки с десантом и открыли стрельбу, их стали долбить русские пушки, заранее, еще днем наведенные по целям. Напал и казачий отряд с тыла. И плацдарм был захвачен.

Ибрагим-паша спохватился, направил к переправе орду крымцев, янычар. Два дня продолжались яростные атаки плацдарма. Но переправившиеся полки, которые возглавил Касогов, успели укрепиться, косили врага огнем, отбивали в рукопашных. Все прибрежные луга были устланы неприятельскими телами. А русские саперы навели 3 понтонных моста, по которым переправлялись свежие части. Когда противника измотали, а на плацдарме накопилось достаточно сил, армия перешла в общую контратаку. И турки с татарами побежали. Ромодановский доносил в Москву: «Знатную одержав победу над неприятелем, многих побили, гоня их на 5 верст от Днепра». Узнав об этом, Ибрагим-паша снял осаду, поджег лагерь и ушел прочь «в большом беспорядке, оставив много бомб и осадных орудий». Казаки снарядили погоню, «убили несколько сот человек и заставили бросить много повозок, буйволов и разных вещей». Когда русское войско подошло к Чигирину, он представлял жуткое зрелище. На валах живого места не осталось. Все было изрыто, разрушено, почти все пушки подбиты, у гарнизона оставалось всего 28 бомб и 23 бочки пороха. Наша полевая армия в сражениях потеряла 2.460 человек убитыми и 5 тыс. ранеными. Из защитников Чигирина погибло 998, раненых «было очень много». Турки, как выяснилось, потеряли гораздо больше. У них погибло 25 тыс. янычар и спагов, а урон татар, молдавских и румынских вспомогательных войск никто и не считал.

Однако с поражением враг не смирился. Султан разгневался, арестовал Ибрагим-пашу. И в 1678 г. на Чигирин двинулась вторая армия под командованием великого визиря Мустафы-паши, 180 тыс. человек, 142 орудия — 4 самых тяжелых тащили по 32 пары волов.

Гарнизон отремонтированного Чигирина возглавляли **Иван Ржевский** и полковник Гордон. «Замок» держали 5,5 тыс. солдат и стрельцов, «нижний город» — 7 тыс. казаков наказного атамана **Павла Животовского**. Орудий было 86. 8 июля началась осада. На помощь опять выступила армия Ромодановского, 75 тыс. человек. К сожалению, на этот раз в действия полководцев стал вмешиваться молодой царь и его некомпетентное окружение. Слали противоречивые приказы, запретили наступать, пока не придут подкрепления Каспулата Черкасского. Он привел всего 4 тыс. калмыков, кавказцев и терских казаков, а время было упущено. Касогов с пехотными полками и донцами успел захватить плацдарм за Днпром, но и Мустафа-паша изготовился, выдвинув против плацдарма сильное войско, оседлавшее господствующие высоты. И сражения закипели на двух фронтах. Турки ожесточенно бомбардировали и штурмовали Чигирин. А полки Ромодановского и Самойловича атаковали вражеские позиции на Днпре. Лишь 3 августа удалось разгромить турок и прорвать их оборону, захватив ключевую Стрельникову гору.

Русская армия встала в 4 км от Чигирина, за р. Тясмин. Однако Мустафа-паша не ушел. Продолжал атаки крепости. А штурмовать укрепленный лагерь турок, имевших численное превосходство, было безумием. Полной блокады города больше не было, Ромодановский ввел туда до 15 тыс. подкреплений, приказал активизировать вылазки, чтобы измотать противника. Но осколком бомбы был убит комендант Ржевский. А заменивший его Гордон растерялся, прекратил вылазки, фактически выпустил из рук управление войсками. 11 августа турки, взорвав две мины, ворвались в «нижний город». В уличных боях загорелись дома, пламя перекинулось на деревянные стены. И Ромодановский пришел к выводу, что оборона пылающих развалин потеряла смысл, приказав защитникам покинуть город.

Гарнизон ушел непобежденным, со знаменами, казной, легкими пушками. И поджег пороховой погреб. При взрыве погибло 4 тыс. турок. Выведя полки из Чигирина, Ромодановский стал отходить к переправам. Но и Мустафу такая «победа» не устроила — ему досталась груда головешек. И он двинулся следом, чтобы прижать русскую армию к Днпру и уничтожить, вся Украина стала бы добычей победителя. С 14 по 19 августа произошло сражение на Бужинских лугах. Солдаты, стрельцы и казаки заняли свои старые предместные укрепления, турки навалились на них. Их отражали, переходили в контратаки. 20-го наши полки готовились продолжить битву, но... не обнаружили противника. Мустафа понес такой урон, что приказал отступить на Дунай. И развалины Чигирина бросил. В этом походе он потерял 60 тыс. воинов. Русская армия потеряла 3.287 человек убитыми, 5,5 тыс. ранеными. В гарнизоне Чигирина погибло 1300 человек. И после этого поражения турки на Россию больше не полезли. Вступили в переговоры [75].

На Правобережье попытался гетманствовать Юрий Хмельницкий, но, по сути, просто разбойничал, грабил и терроризировал селян. Однажды со своей бандой погромил свадьбу, жениха убили, невесту изнасиловали. Однако ее отец был купцом и поехал жаловаться в Стамбул. Война завершилась, никакой политической ценности Юрий больше не представлял. И по приказу султана был казнен за разбой. В результате всех войн и набегов Правобережная Украина была совершенно разорена и опустошена, уцелевшие жители переселялись на Левобережье, под защиту русских. А в Запорожье в 1680 г. умер Сирко. Он по-прежнему оставался врагом «басурман» и «ляхов», но отстаивал и традиции запорожской независимости. И лишь когда его не стало, царское правительство сумело привести Сечь к присяге. Туда был направлен посол Бердяев с жалованьем. Казаки поспорили — дескать, жалованья прислали мало, чего ж присягать? Но ведь что-то же прислали. И после дебатов присягу все же принесли. Наконец, в 1681 г. был подписан Бахчисарайский мир. Турция признала за Россией обладание Левобережьем и Киевом с прилегающим районом.

24. КАЗАКИ СИМБИРСКИЕ, ЗАКАМСКИЕ, ПЕНЗЕНСКИЕ, СЫЗРАНСКИЕ...

Даже в тех районах Сибири, Урала, Поволжья, которые были освоены уже давно, жизнь в XVII в. оставалась опасной. Калмыки и «кучумовичи» с их союзниками не прекращали нападений. Вновь и вновь гремели выстрелы, свистели стрелы. Неоднократным осадам подвергались Тюмень, Тура, Томск, Омск, Кузнецк, Красноярск, Невьянск. В Москву доносили, что степняки «по все годы в работное и летнее время хлебного жнитва и сенокосу приходят под Красноярск войною... посылают для отгону всякого скота своих людей... села и деревни жгут и всякий скот отгоняют, и людей побивают». В разные годы были взяты и сожжены Канский, Ачинский остроги, Шмарова, Мурзинская слободы, Далматов монастырь, тысячи людей угнаны в рабство. Землепашцы даже на работы отправлялись с оружием, на полях возводили временные острожки — укрыться в случае налета. Казаки отбивались и сами наносили контрудары. Так, зимой 1642 г. атаман **Тюменцев** организовал лыжный рейд из Красноярска, разгромив кызыльских, ачинских и аринских «непослушников». А летом красноярские и томские казаки под командованием **Козловского и Кольцова** предприняли совместный поход. Конница берегом, а пехота на стругах двинулись к верховьям Енисея. За р. Белый Июс обнаружили войско киргизов, укрепившихся лагерем на горе. И хотя противник имел огнестрельное оружие, ожесточенно отстреливался, киргизов разбили и взяли штурмом лагерь, вынудив заключить мир.

Часть калмыков ушла далеко на запад от своей родины и обосновалась в Волго-Уральских степях. Объединилась тут с Большой Ногайской ордой и начала набеги на Поволжье, Приуралье, прорывалась на правый берег Волги. Засечные черты уже показали свою эффективность против степняков, и царь повелел строить их, чтобы прикрыться и от ударов с востока. В 1647 г. на р. Барыш была заложена крепость Корсунь, а в 1648 г. на Волге — Симбирск. Они стали базовыми пунктами для строительства Корсунь-Симбирской засечной черты. *В Симбирске были размещены служилые казаки во главе с сыном боярским Дмитрием Куприяновым*. Вместе со стрельцами и пушкарями они несли сторожевую службу, попеременно дежурили в острожках, сооруженных вдоль оборонительных сооружений. Протяженность Корсунь-Симбирской черты составляла 165 верст, у Тамбова она смыкалась с Белгородской чертой [219]. Таким образом густонаселенные районы Центральной России опоясала полукругом единая система укреплений.

Там, где малолюдство и природные условия не позволяли строить сплошные засечные черты (и где не грозили такие массивные вторжения, как со стороны Крыма), возводились оборонительные системы другого рода — «линии». То есть цепочки крепостей. Для степной конницы даже небольшие крепости были серьезным препятствием, штурмовать их значило завязнуть в бою, потерять внезапность, а оставить в тылу — грозило ударом в спину. *И для защиты Урала стала строиться Исетская линия*. В 1649 г. сибирские казаки возвели на р. Исеть острожек Красный Бор, в 1650 г. — Исетский острог, затем Усть-Миусский и Комендантский острожки, а в 1658 г. — крепость Челябинск. Так возникло *Исетское казачество*.

А 1652–1656 гг. была построена Закамская линия от крепости Белый Яр на Волге до Мензелинска на Каме. Службу здесь несли служилые и городовые казаки. Для обороны Сибири и пограничных линий правительство верстало в казаки и местных крестьян, привыкших обращаться с оружием, жить полувоенным бытом. *Они служили без жалованья, за надел земли и освобождение от налогов — и назывались «беломестными» казаками.* Привлекали и выходцев с Украины. В 1652 г., когда Хмельницкий потерпел поражение и по Белоцерковскому договору пришлось уступить полякам два воеводства, на Русь ушел в полном составе Черниговский казачий полк во главе с **Иваном Дзиноковским**. Его поселили в Острогжской крепости. И возникло *Острогжское казачество*, которое охраняло кордоны южнее Воронежа, основав здесь ряд укрепленных слобод и на фланге сомкнувшись с Войском Донским.

Оборонительные сооружения затруднили набеги калмыков. Они предприняли поход на Терек, пограбили местных жителей и казаков, но тоже были отбиты. И рассудили, что выгоднее сотрудничать с Россией. Четверо тайшей обратились к царю с просьбой о

подданстве — чтобы им платили жалование, а они будут воевать на стороне русских. Но альянс оставался очень ненадежным. Калмыки жили отдельными родами, присяга одних не распространялась на других. Впрочем, и те, кто присягнул к царю, не упускали возможности при случае пограбить русских. Казаки отвечали вполне адекватно. Калмыки жаловались. Когда Москва стала склонять в подданство хана Аюку, он предъявил претензии, что «донские и яицкие казаки побивают его людей, а жен и детей забирают». Направлялись делегации «мирить» казаков с калмыками. Но степняки не прекращали хищничество, и все договоренности оставались лишь благими пожеланиями. А пример калмыков оказался заразительным для башкир. Зачем платить ясак, если можно не платить и грабить, как соседи? Они активно подключились к набегам. А потом восстали под предводительством вождя Сеита, принялись разорять русские и татарские селения, подступали к Уфе и Казани, вместе с калмыками и ногайцами прорывались за Волгу.

Царю приходилось усиливать оборону на востоке и юго-востоке. В 1663 г. на это направление перевели часть украинских казаков из-под Воронежа, из Троицкого острога. Они построили крепость Пензу и Черкасский острог. *Так появилось Пензенское казачество.* По росписи воеводы **Елисея Лачинова** население Пензы и слобод составило 632 взрослых мужчины, из них 576 казаков. А в Яицком Войске в 1675 г. был введен реестр в 500 казаков, им платилось жалованье по 7 руб. в год, и они по сути перешли на положение служилых. По Яику сооружалась линия острожков и постов, где они несли службу. Подобные меры давали хорошие результаты. В 1680 г. калмыцкий Аюка-хан заключил союз с крымцами, усилился отрядами татар, черкесов, башкир и напал на Пензу. Сжег посады, разорил окрестности, но крепость отбилась, и враги ушли прочь.

Военные реформы, происходившие в России, коснулись и *служилых казаков*. При Алексее Михайловиче они были оставлены в Сибири, на Урале, на пограничных линиях и в гарнизонах городов, *а в полевых армиях исчезли — их перевели в стрелецкие полки*. А при Федоре Алексеевиче вдвое сократилось количество стрельцов и *городовых казаков*. Половину перевели в солдаты и драгуны, *а за оставшимися городскими казаками были сохранены только полицейские и пожарные функции*. Но это, опять же, не касалось Сибири и опасного порубежья.

Ситуация в степях менялась, но всегда оставалась напряженной. В 1680-х гг. восточную ветвь калмыков разгромили маньчжуры. Но усилились враги калмыков, казахи, сплотившиеся вокруг хана Теуке. Теперь для них исчезла угроза с востока, и они полезли на Южную Сибирь и Урал. Фактически началась война. Отовсюду сыпались просьбы о помощи «воинскими людьми». И власти всеми мерами усиливали сибирское казачество. Формировались *татарские сотни*. В Сибирь ссылали и пленных украинских казаков, участвовавших в гетманских изменах. Но не в качестве заключенных, а тоже принимали на службу. Причем здесь они отлично проявляли себя, и из них создавались *черкасские сотни*. Отлаживалась станичная и сторожевая служба. Между слободами и острожками устанавливалась система сигналов дымами и огнями — для предупреждения об опасности, вызова соседей на подмогу. Но самым эффективным средством оказывались ответные поиски казаков. Не всегда они были удачными, порой оборачивались поражениями. Но важно было приучить степняков к мысли, что ни один их набег не останется безнаказанным [129].

В 1691 г. казахи предприняли поход на Тобольск. Осаждать сибирскую столицу не рискнули, но погромили Утяцкую и Камышевскую слободы. Часть казаков с семьями засели во дворах и отбивались. Степняки подожгли строения, и люди сгорели, 200 человек угнали в полон. В 1692 г. казахи снова прокатились по Тоболу, разоряя деревни. В погоню бросилась сотня казаков, настигла грабителей у Царева городища. Но врагов оказалось значительно больше, в бою погибли сотник и 40 воинов. В том же году случилось нападение тувинцев и киргизов. Из Красноярска совершил ответный рейд атаман **Василий Многогрешный** с 730 казаками и ясачными и на р. Кан разгромил неприятелей. В 1693 г. все повторилось. Казахи и каракалпаки напали на Ялуторскую слободу, тувинцы на Красноярский уезд. За казаками

бросился отряд из 357 воинов под командованием **Павлова** и **Шульгина**. Сошлись с противником у оз. Семикуль, но разразилась ливень и намочил порох. Отряд погиб полностью. А Многогрешный опять действовал успешно. Выступил на тувинцев, его встретили 600 воинов князья Шандычка, часть из них с ружьями. Казаки их одолели, «воров побили с 500». Многогрешный выслал конников **Тита Саламаты**, который довершил разгром и «улус повоевал». Правительство распорядилось всех наградить, каждый участник экспедиции получил по полтине, 21 раненый по рублю, семьям 6 погибших были выплачены большие компенсации.

Тувинцы с киргизами после этого присмирели. А хан Теуке после каждого нападения присылал в Тобольск посольства, рассуждал о выгодах мирной торговли, но на деле не мог, да и не хотел обуздать подданных. А агрессивность казахов, в свою очередь, подогревала воинственные настроения западных калмыков и башкир. Но они встречали все более сильное противодействие. Пензенские казаки построили на пути вторжений линию из укрепленных слобод Вазерской, Ухтинской, Пырнинской, крепостей Малая и Большая Сердоба. Мужественно отражали набеги, отбивали полон. *А в конце XVII в. стала дополнительно сооружаться Сызранская линия, в новой крепости Сызрань поселили 500 самарских и закамских казаков.*

25. ПЕРВЫЕ КАЗАКИ НА КУБАНИ

Великой трагедией для Руси стал церковный раскол. В принципе, реформы были нужны — церковные книги долгое время были рукописными, в ходе переписок накапливались разночтения. И обряды в разных местах отличались: так, на Руси крестились двумя перстами, а на Украине и Балканах — тремя (в ранней Церкви допускались оба типа перстосложения). Работу по унификации начал еще Филарет, но вел ее постепенно, без встрясок и ломок. Однако патриарх Никон решил одним махом привести церковную практику к греческим образцам. Причем даже Константинопольский патриарх Паисий и собор греческого духовенства предостерегали, что это может довести до беды. Указывали, что Церковь требует единообразия только в главном, а в мелочах расхождения вполне допустимы и терпимы. Никона это не устроило, он объявил старый обряд ересью, а тех, кто осмелился возражать, стал сажать и ссылать.

Но вскоре патриарх вообще занесся, пытался ставить свою власть выше царской, что привело к конфликту с Алексеем Михайловичем. Государь амнистировал тех, кто пострадал при гонениях, выражал готовность к уступкам и поиску компромисса. Но выявилась группа непримиримых во главе с Аввакумом, которые по своей склонности к крайним решениям вполне стоили Никона. Провели свой «собор», где объявили всю Церковь «повредившейся», а тех, кто при Никоне посещал храмы и причащался — еретиками, требуя их перекрещивать. И в 1666 г. прошли два церковных собора, принявших решение о низложении Никона, но при этом утвердивших его реформы, а непримиримые были осуждены, прокляты и сосланы.

Поначалу раскол вовсе не был всенародным. Напомню, Разин вел гольтёбу именем «обиженного» Никона. А опорой старообрядцев составляли лишь небольшая часть духовенства и оппозиционной знати — боярыня Морозова, княгиня Урусова, Хованский. И преследованиям сперва подвергалось не старообрядчество, а лишь конкретные преступления, совершенные на этой почве. Впрочем, надо различать термины «старообрядчество» и «раскольничество». Старообрядчество — форма Православия. До отдаленных углов России церковная реформа вообще не дошла, люди молились по-старому, и никому это не мешало. Раскольничество было политическим, антигосударственным движением. Призывалось «удалиться и бегати», не платить подати, исключить себя из «антихристового» государства. В молитвах не поминали царя, воздвигали на него «хулы». Духовный разброд постепенно распространялся все шире. Стали возникать разные секты вплоть до самосожженцев. Согласитесь, это не имеет никакого отношения к старому обряду, ни одна христианская конфессия не приемлет самоубийства. Причем самосожжения отнюдь

не были вызваны гонениями властей. Наоборот, сперва начались «гари», и они-то заставили правительство более серьезно взяться за раскольников.

А в 1676 г. на трон взошел Федор Алексеевич. И именно он (а не Петр) при участии сестры Софьи начал реформы по «европеизации» России. Внедрялись польские моды, обычаи, роскошь, все это ударило по крестьянам, росли налоги, усилилась их эксплуатация помещиками. Царь по примеру Запада повел борьбу с нищими, повелев их «определять в работы». Отменил указ своего отца о невыдаче беглых, записавшихся в ратную службу. Вот тогда-то раскольников приняло массовый характер. В скиты устремились нищие, дезертиры, крестьяне. Усилился их приток и на Дон. Казакам это, в общем-то, было выгодно. Бурлаки нанимались к ним в работники, с их помощью Войско начало разработку собственных соляных месторождений у Бахмута, устроило рыбосольные промыслы. Но стали приходиться и раскольники. Так, явились «поп да двое чернецов». Вскоре чернецы донесли, что «поп за великого государя Богу не молит и им молить не велит». Атаман Самарин велел доставить его на круг, после суда «по войсковому праву» он был казнен. Потом возникла пустынь на р. Чир, где обосновался поп Иов с группой из 50 чернецов и беглецов, которые «образам Божиим не преклоняются, казаков к себе приговаривают и крестят в другой раз». Федор Алексеевич самоуправление Дона признавал, и после переписки с царем Войско само разорило пустынь.

В 1682 г. Федор Алексеевич умер. И произошел стрелецкий бунт, вызванный злоупотреблениями знати. При этом глава Стрелецкого приказа Хованский попытался превратить бунт в «раскольническую революцию». Большинство стрельцов его не поддержало, но пришедшая к власти Софья Алексеевна после этого развернула жестокую борьбу со старообрядчеством. Указы требовали подвергать допросу тех, кто не ходит в церковь, по подозрению в «ереси» применять пытки. Законом от 7 апреля 1685 г. вводилась смертная казнь: «Кои будут упорствовать... жечь в срубе». За укрывательство старообрядцев полагалась конфискация имущества и ссылка [219].

Но «европейские» реформы Софья продолжила и углубила. Канцлером стал ее фаворит Василий Голицын, слепо преклонявшийся перед Западом. В России было разрешено католическое богослужение, дозволен въезд иезуитов. Духовник Софьи Сильвестр Медведев вел тайные переговоры об унии. Наконец, в угоду Западу Голицын согласился вступить в «Священную лигу» — союз Австрии, Польши, Венеции и Рима, которые вели войну против Турции. Большинство бояр и патриарх Иоаким были против нарушения выгодного мира с османами. Об этом молил и гетман Самойлович — Украина только 5 лет отдохнула от татарских набегов! Однако Голицын добился своего. Был заключен союз. Россия вступила в ненужную ей войну и выплатила 1,5 млн. злотых только за то, что поляки (далеко не сразу) согласились вместо Андрусовского перемирия заключить «вечный» мир — признали утрату Смоленщины, Киева и Левобережной Украины, которые все еще упрямо числили «своими».

В 1687 г. состоялся Крымский поход. По списку должна была собраться русская армия в 113 тыс. (из них 15 тыс. донских, яицких и терских казаков). И Самойлович выставлял 50 тыс. украинцев. Однако оказалось, что «перестройки» успели развалить армию. Из 113 собралось лишь 60 тыс. И успешно прошли только отвлекающие операции. Атаман Минаев с донцами ходил под Перекоп, побил татар под Овечьими водами, а в Запорожье был послан Касогов с солдатами, вместе с казаками потрепал врагов в низовьях Днепра. Основная же армия ползла по зною через безводные степи. А когда до Перекопа осталось 100 верст, татары подожгли степь. И пришлось повернуть назад. Без боев армия потеряла 24 тыс. погибших.

Неудачу Голицын свалил на Самойловича. Обвинил в измене и сослал в Сибирь (хапнув при этом в собственный карман украинскую войсковую казну). А гетманом без всякой рады поставил **Ивана Мазепу**. Он был поляком, мелким шляхтичем. В свое время его подвело чрезмерное женолюбие. Вельможа застукал его со своей женой, велел раздеть догола, вымазать смолой, вывалить в перьях, привязать к коню задом наперед и пустить на дорогу. После такого позора Мазепа ушел в Запорожье. Выдвинулся у Дорошенко, стал

генеральным писарем. Был послан в Стамбул. Но его перехватили казаки Сирко и выдали Москве. Там его перевербовали, Мазепа стал работать на русских. У Самойловича был генеральным есаулом и помог Голицыну, состряпав на гетмана донос. Словом, предатель был прирожденный, «со стажем».

Поборы на войну и случившаяся катастрофа вызвали ропот в народе. Вдобавок Софья, чтобы заслужить популярность, раздавала приближенным награды в сотни и тысячи крестьянских дворов. Вчерашние свободные превращались в крепостных. В результате росло число беглых и раскольников. На Дону они селились по окраинным рекам — Иловле, Кагальнику, Медведице. Главным центром стал Усть-Медведицкий скит, где верховодил Кузьма Косой. Отсюда завязывались отношения со степняками, по стране рассылались «прелестные письма»: «Аще же какой опал будет с Москвы, то тогда идите к нам. За нас многие орды и калмыки, не покинет нас и Чаган Богатур, и Ногай-мурза, как пойдем на Москву, замутим всеми...» Как видим, это был такой же контингент, как у Разина, главное — «замутить», а «неповрежденная вера» становилась лишь знаменем, отнюдь не препятствуя союзу с «басурманами» [35].

На 1688 г. правительство планировало построить Новобогородицкую крепость на притоке Днепра Самаре — задним умом Голицын понял, что для походов на Крым нужна промежуточная база. Донцам предписывалось отвлечь татар от строительства. Но они получили и приказ разорить скиты. Атаман Минаев выделил для этого часть сил, а сам совершил налет на окрестности Азова. Но казаки, отправленные на Медведицу, успеха не добились. Видать, не очень-то и стремились рисковать в междоусобице. «Воры» отбивались. Лишь когда вернулся атаман, скит был взят, раскольничьи городки разрушены. 500 человек с Косым ушли на Тамбовщину. А атаман **Мурзенко** увел партию казаков-раскольников и примкнувшего к ним сброда на Кубань. Крымский хан, которому принадлежала Кубань, их принял и выделил места для поселения.

В 1689 г. состоялся второй поход Голицына. По спискам армия достигала 118 тыс. плюс 40 тыс. казаков Мазепы (сколько собралось в действительности — неизвестно). Чтобы успеть до зноя, канцлер приказал выступить 1 февраля. Но завязли в весенней распутице, замучились с переправами через разлившиеся речки. Выдержали несколько сражений с татарами. И к Перекопу подошли 20 мая. Обнаружили, что перешеек сильно укреплен, о чем можно было узнать и раньше — если бы Голицын удосужился почитать донесения разведки. Вести осаду укреплений без воды, фуража и хлеба значило погибнуть. И 21 мая армия выступила назад. Потеряла 20 тыс. убитыми и умершими, 15 тыс. пропавшими без вести, бросила при отступлении 90 орудий.

Казаки опять наносили вспомогательные удары. 3 тыс. донцов вышли в море, вместе с запорожцами захватили несколько кораблей, разорили Тамань. Но когда атаман Минаев вернулся на Дон, его ждал приказ из Москвы — опять идти против раскольников. Община Косого на Тамбовщине снова обросла людьми. Правда, гнездилась за пределами Войска, но после провалившегося похода правительство боялось посылать регулярные части — вдруг взбунтуются. Донцы приказ выполнили. Раскольники оборонялись, но их быстро разгромили, главарей «посадили в воду». Софья потребовала выдать и ряд казаков, которые были связаны с раскольниками, среди них бывшего войскового атамана **Лаврентьева**. Ей отвечали, что «с Дона выдачи нет». Однако правительница настояла на своем. Лаврентьев и еще несколько человек были отправлены в Москву и казнены. В результате этих событий в 1689–1691 гг. еще две больших партии казаков и бурлаков ушли на Кубань. *Таким образом первыми казаками на Кубани стали донские раскольники.*

Ну а Софье вторая крымская катастрофа стоила престола. Патриотическая партия во главе с патриархом Иоакимом, группировавшаяся вокруг взрослеющего Петра Алексеевича, получила поддержку армии и населения и низложила правительницу. Были высланы иезуиты, расторгнуты кабальные торговые договоры, заключенные Голицыным. Царица-мать Наталья Кирилловна, ставшая регентшей при сыне, прекратила гонения на старообрядцев. Но вскоре она отошла в мир иной, началось самостоятельное правление

Петра. Первой проблемой, с которой довелось столкнуться юному царю, стала незавершенная война с Турцией. Татары совершали набеги, а Польша оказалась союзницей «еще той», требовала активизировать действия, угрожая заключить сепаратный мир с султаном, разорвать договор с Москвой и оставить ее с османами один на один.

И в 1695 г. состоялся Азовский поход. Задуман он был умно. Большая армия Шереметева с казаками Мазепы двигалась вдоль Днепра, как бы повторяя действия Голицына и отвлекая врага на себя. А вторая армия из 31 тыс. отборных воинов неожиданно нападет на Азов и захватит его. Но план провалился не только из-за отсутствия у России флота. Секретность не обеспечили, собутыльники царя болтали о походе на каждом углу. Турки усилили гарнизон и изготовились к обороне. Не было и единого командования, Петр поручил руководство «консилию» из Лефорта, Головина и Гордона. Осада велась бестолково. Гордон писал: «Судя по нашим действиям, иногда казалось, будто мы затеяли все это невсерьез». Успехи ограничились тем, что донские казаки взяли две каланчи, перекрывавшие течение Дона. А сняли осаду слишком поздно, в октябре, когда ударили заморозки. Вскоре выпал «великий снег». Тысячи солдат остались в степях навсегда. Шереметев действовал не в пример лучше. Взорвав миной стену, взял крепость Кызы-Кермен. После этого были брошены гарнизонами и захвачены поднепровские крепости Аслан-Кермен, Таван, Мустрит-Кермен, Мубарек-Кермен.

Петр же сделал из трагедии должные выводы. В Воронеже строился флот, 2 больших корабля, 23 галеры, 1300 стругов, 300 челнов. Во второй поход главнокомандующим был назначен опытный воин Алексей Шеин, получивший звание генералиссимуса. В мае 1696 г. царь прибыл в Черкасск. Вскоре явился походный атаман **Леонтий Поздеев**, ходивший с 250 казаками на разведку к устью Дона, и доложил, что они видели в море 2 турецких корабля, атаковали их, но не могли взять из-за высоких бортов. Петр с 9 галерами и 40 казачьими лодками отправился в низовья. Северный ветер отогнал воду и не позволил галерам выйти в море. Пересев на лодку донцов, царь осмотрел донские гирла. 18 мая обнаружили, что в море стоят 13 вражеских кораблей и для доставки в Азов перегружают вооружение и припасы на 13 плоскодонных тунбасов и 11 лодок. Петр велел казакам устроить засаду за островами. И когда грузовая флотилия двинулась к Азову, донцы на нее напали (вопреки легендам, царь в бою не участвовал). Были захвачены 10 тунбасов. Морские корабли, увидев это, стали удирать. Казаки погнались за ними, один взяли абордажем, другой был брошен экипажем и сожжен.

В июне к Азову прибыла армия, 30 солдатских полков, 13 стрелецких, 5 тыс. донских казаков под командованием Фрола Минаева, 15 тыс. украинских наказного атамана **Якова Лизогуба**, 500 яицких атамана **Андрея Голованя**, калмыки — всего 75 тыс. Шеин повел осаду грамотно. Еще до прибытия нанятых Петром иностранных инженеров приказал насыпать высокий вал, который стали придвигать к крепости. На валу установили пушки, начавшие бомбардировку. Татарская конница 6 раз нападала на осаждающих извне, ее отражали казаки и калмыки. А турецкая эскадра, пришедшая на выручку, увидела русский флот, возведенные на берегу батареи и удалась прочь. Шереметев и Мазепа в это время предприняли рейд под Очаков. А запорожцы вышли в море, захватив 19 турецких судов. Под Азовом вал постепенно дошел вплотную к стенам, так что «возможно было с неприятелями, кроме оружия, единими руками терзаться». 17 июля 2 тыс. украинских и донских казаков перебрались с вала на башню и выбили из нее янычар. Шеин не желал кровопролитных уличных боев, он действовал наверняка. Поэтому атаку не поддержал, послал лишь гренадер, чтобы прикрыть отход казаков. И оказался прав. Легкость вторжения убедила турок, что крепость обречена. На следующий день они капитулировали на условиях свободного ухода.

Война длилась еще 4 года. И хотя союзники по «Священной лиге» обманули Россию, заключив мир с Турцией без нее, боевые действия завершились полной победой. Была построена гавань в Таганроге, Троицкая крепость и форт Павловский на Азовском море, Алексеевский и Петровский форты в низовьях Дона. Крупные успехи одержали русские войска на Днепре. Заняли устье реки, усилили захваченные крепости Кызы-Кермен и Таван,

построили еще одну — Каменный Затон. Все нападения турок и крымцев на присоединенные территории были отбиты. И кубанские татары принесли присягу о переходе в царское подданство. В 1700 г. в Стамбуле был заключен мир, сохранивший за Россией все приобретения.

В эту войну случился еще один факт, отмеченный в истории казачества. В 1696 г. при осаде Азова хоперские казаки взяли предмостную крепость Лютик. *И эта дата принята для старшинства Кубанского Войска. Потому что хоперцы впоследствии влились в состав кубанцев.* Здесь мы еще раз видим, что старшинство Войск устанавливалось весьма произвольно. Например, для Семиреченского оно установлено с 1582 г., по Сибирскому, от которого Семиреченское отпочковалось в XIX в. Забайкальское Войско тоже отделилось от Сибирского, но для него принят 1655 г. Амурское выделилось в XIX в. из Забайкальского, а Уссурийское из Амурского, и для них принят тот же 1655 г., по Забайкальскому. Для Кубанского Войска можно было бы вести отчет по Запорожскому, которое служило России еще при Иване Грозном, служило и Алексею Михайловичу, Федору Алексеевичу. Однако Запорожское Войско подверглось опалам при Петре и Екатерине II, и о нем предпочли «забыть». Старшинство Кубанского Войска можно было взять и по Донскому, в него влилось потом много донцов. Да ведь и хоперцы служили царям задолго до 1696 г. — в составе Войска Донского. А в документах о взятии Азова они просто были упомянуты отдельно. И чиновники, определявшие старшинство, по собственным соображениям зацепились за эту информацию. Поэтому стоит подчеркнуть, что к датами официального старшинства следует относиться достаточно осторожно. Их допустимо использовать, например, при отмечании юбилеев, войсковых праздников. Но опираться на них в «местнических» спорах — «мы старше, а вы младше», было бы глубочайшей ошибкой.

26. ВРЕМЯ РЕФОРМ

Петр I пришел к власти усилиями патриотической партии и был, несомненно, искренним патриотом. Но к правлению он не готовился, систематического образования не получил, и «обучался» в Немецкой слободе у «дебошана» Лефорта и других иностранцев, спаивавших царевича и внушавших ему собственные взгляды на европейскую «культуру» и русскую «дикость». Добавилась и неуравновешенность Петра, его юношеские комплексы. И реформы его стали совершенно не однозначными. Он хотел блага для страны. Но видел это благо в переделке на иноземный манер. И дело было не только в переодевании в немецкое платье. Традиционные для Руси земские формы правления (уже изрядно расшатанные Федором и Софьей) Петр заменил западным абсолютизмом, взяв за образец Швецию.

Петр первым из государей посетил казачьи области. И казакам это понравилось, они оценили и его смелость в боях. В 1695 г., во время Азовского похода, он отменил старинный донской закон, под страхом смерти запрещавший землепашество. Что было вполне разумно: казачество усилилось, и опасность со стороны степняков значительно уменьшилась. Петр повелел и разводить виноградники, выписав специалистов из Франции и Венгрии (о том, что виноградарство и виноделие уже сотню лет процветало в Астрахани и на Тереке, царь не знал). Для укрепления южных границ царь упорядочил службу слободских казаков. *Были созданы Харьковский, Изюмский, Сумской, Ахтырский, Острогожский слободские полки. А к чугуевским казакам добавили отряд донских и яицких, несших в это время службу в г. Орле, и была сформирована пятисотенная Чугуевская команда.* Однако раньше Слободская Украина считалась русской территорией, здешние казаки подчинялись воеводе Белгородского разряда (округа). Петру же очень понравился Мазепа — «европейским» лоском, образованностью (он закончил иезуитскую коллегию). И царь подчинил слободские полки гетману. Вот так Харьковщина перешла в состав Украины. (Мазепе не достался только Острогожский полк, его для охраны судоверфей подчинили воронежскому воеводе).

А затем началась Северная война. События ее были сильно искажены последующими лизоблюдами, обрабатывавшими придворный заказ. Шведы отнюдь не «учили воевать»

русских.

Северных соседей прежде успешно били. Но сказались плоды огульного реформаторства. В стрелецком восстании 1698 г. участвовали лишь 4 полка, 2 тыс. человек — Петр же после бунта разогнал всех стрельцов (кроме гарнизонов в порубежных городах). Имелись в России и солдатские, драгунские части, отлично зарекомендовавшие себя. Нет, и это войско Петр считал «неправильным». Вернувшись из-за границы с квадратными глазами от новых впечатлений, он решил создать такую армию, как в Пруссии и Саксонии. Приказал боярам распустить многочисленную дворню, и из этих-то конюхов, псарей, лакеев, привыкших к сытой и нетрудной жизни, были сформированы 29 «регулярных» полков. Они и пошли под Нарву, плохо обученные, под командой наспех набранных иностранцев. Результат известен.

Учиться воевать пришлось самому царю. Только после Нарвы он вспомнил о «старых», опытных войсках, начал перебрасывать их против шведов. Вспомнил и о казаках. *В 1701 г. на Дону был сформирован первый конный полк*, до этого у донцов полковых структур не существовало. Полк насчитывал 430 казаков, возглавил его **Максим Фролов**, сын атамана Фрола Минаева. Впрочем, донские полки оставались временными, они создавались только на время походов и назывались по фамилиям командиров. Полк Фролова, а потом и другие казачьи части были направлены в Лифляндию, в армию Шереметева, состоявшую из «худших» войск: дворянской конницы, татар, калмыков. И именно «худшие», в том числе казаки, одержали первые победы в войне, разгромив корпус Шлиппенбаха при Эресфере и Гуммельсгофе [75]. Казаки успешно действовали и в других боях — а чего ж не действовать, если с детства этому учились? И робости перед шведами отродясь не испытывали.

Но не менее важные события происходили в тылу. С прежними правами и привилегиями казаков Петр абсолютно не считался. *В 1700 г. он отменил на Дону общий войсковой круг*. Отныне на него собирались только станичные атаманы и по два выборных от каждого городка. Донские и малороссийские казаки были лишены права беспошлинной торговли. Затем последовал запрет ловить рыбу «по реке Дону и до реки Донца, также и на море и по запольным речкам» — рыбные ловы, основной промысел донцов, передавались «азовским жителям». Добавились запреты на рубку леса, на сношения с соседними степными народами — все связи предписывалось вести только через азовского воеводу [152]. Один полк донцов был выделен для несения гарнизонной службы в Азове. На казаков возложили и «почтовую гоньбу» от Азова до Острогожска и Валук, к этой обязанности приписали тысячу семей. В 1703 г. Петр облагодетельствовал присягнувших ему калмыков Темир-тайши и Черкес-тайши, дал им место для кочевков под Азовом на донских землях. Это привело к столкновениям, казаки «стали обижать» пришельцев и заставили убраться за Волгу.

Но главной стала проблема беглых. Всех ссыльных, каторжников, нарушителей указов царь повелел направлять на работы в Азов, на строительство Таганрогского порта, воронежские верфи, на гиблое рытье канала между Доном и Волгой. Многие от невыносимых условий удирали на Дон. Казаки им сочувствовали, помнили закон «с Дона выдачи нет». Да и использовали. Если теперь было разрешено земледелие, то у самих казаков соответствующих навыков не было, а у пришлых были. Много беглых работало на Бахмутских соляных месторождениях. Правительство пыталось «сыскать» их. Для этого в 1703 г. на Дон прибыли стольники Кологривов и Пушкин с предписанием каждого десятого из пойманных бить кнутом и отправлять в Азов, остальных выпороть и вернуть к прежним местам жительства. Побывали в 50 городках, но «пришлых... не изъехали ни одного человека». Казаки их прятали, отбрехивались, видать и «подмазали». Прислали новых сыщиков, но и они ничего не добились.

А вокруг Бахмута возник еще один конфликт. На соляные варницы, сенокосы и рыбные ловы по Донцу, Бахмуту, Жеребцу претендовал Изюмский слободской полк. А царь покровительствовал Мазепе и по его ходатайству решил спор в пользу изюмцев. Их полковник **Шидловский** направил отряд, разгромивший Бахмутский городок донцов. Но и

Дон уступать не собирался. Атаманом в Бахмуте был **Кондратий Булавин**. Казак Трехизбянского городка, старовер (старший брат его переселился на Кубань). Он был человеком энергичным, при поддержке войскового атамана **Ильи Зерщикова** вооружил рабочих, разгромил городок, построенный изюмцами и отбил солеварни. Из Москвы прислали дьяка Горчакова навести порядок. Но Булавин его арестовал и выпроводил ни с чем. Пошла переписка, взаимные жалобы.

Положение было нестабильным не только на Дону. В 1705 г. из-за злоупотреблений царских чиновников взбунтовались башкиры. А затем полыхнуло в Астрахани. Сюда с запозданием дошла кампания по бритью бород и переходу на немецкую одежду. В Москве-то она прошла гладко — при Федоре и Софье большинство знати и администрации уже ходили бритыми. Иное дело в провинции. Когда астраханцев перестали пускать в храмы в русском платье или тут же в церкви резали полы кафтанов, они возмутились. Убили воеводу Ржевского и 300 чиновников. К ним присоединились стрельцы Красного и Черного Яра, Терский городок — в нем стрельцы и казаки прикончили полковника Некрасова.

Но Яицкое войско бунт не поддержало — оно вместе с царскими войсками еле отбивалось от башкир. Несмотря на притеснения, не поддержал и Дон. Казаки на кругу подтвердили верность Петру и выслали против астраханцев отряд Максима Фролова и Василия Поздеева. Они заняли взбунтовавшийся Царицын, казнив сто зачинщиков, вынудили сдаться мятежников в Черном Яру. Таким образом восстание было локализовано, и подошедшее войско Шереметева подавило его. Правда, в результате бунта Петр одумался, приостановил свои требования о бородах и одежде для Поволжья, Терека, Дона, Яика, Сибири. А донцов наградил очень щедро. Прислал «честные клейноды» — знамя, бунчук, серебряный атаманский пернач, 6 станичных знамен. Выдал огромное жалованье — и казаки на эти деньги заложили каменный собор в Черкасске [63]. За доблесть под Азовом и в Лифляндии никогда таких наград не было, а за рейд против астраханцев — пожалуйста!

Между тем Дону приходилось очень трудно. Его казачье население насчитывало 60 тыс. человек обоого пола (без бурлаков). Из них 10 тыс. находились в армии. А оставшимся требовалось выполнять свалившиеся на них дополнительные обязанности, как-то обеспечивать себя и ушедших на фронт. Но и враги этим не преминули воспользоваться. Осенью 1705 г., когда казаки, остававшиеся на Дону, вышли на облавные охоты, на их городки напали кубанские татары. Погромили, пожгли. И казакам со звериных ловов пришлось бросаться в погоню. Настигли врагов, отбили людей, угоняемых в полон, уведенный скот.

А в 1707 г. прикатилась новая беда. Царь прислал карательную экспедицию князя Юрия Долгорукого с тысячей драгун — все-таки «сыскать» беглых. Казаки заволновались. Указывая на это, войсковой атаман **Лукьян Максимов** сумел уговорить князя, чтобы не начинать сыск в Черкасске, спровадил на Донец, дав в провожатые старшин. Но там начался беспредел. «Беглыми» объявляли всех, кто родился не на Дону — хотя при прежних царях переселение не возбранялось. Например, в Обливленском городке, лишь 6 казаков было признано «старожилыми», а более 200 «беглыми». Вела себя экспедиция, как в завоеванной стране. Пороли, пытали, вынуждая признаться «беглыми». За попытки сопротивления казнили на месте. Грабили, жгли дома «беглых», насиловали женщин. Офицеры, привыкшие обращаться с крепостными девками, по-хозяйски требовали вести приглянувшихся казачек к себе «на постелю». Нахватили 3 тыс. пленных.

Вот и что оставалось делать донцам? Восстать? Но их родные находились в царском войске! Да и как же восставать против России, ведущей тяжелое единоборство с врагом? А с другой стороны, разве не царь прислал карателей? Разве это было своевременно? Многие данные говорят о том, что уничтожение экспедиции было организовано самим войсковым правлением [55]. Это стало необходимостью не только для наказания наглецов. Среди беглых были и дезертиры, а за их укрывательство полагалась смертная казнь. То есть в любом случае последовали бы новые репрессии. Но убить Долгорукого требовалось без особого шума — прикончил неизвестно кто, и шито-крыто. В условиях войны, глядишь,

следствие затянется, да и сумеет ли концы раскопать... Исполнителем стал Булавин. 8 октября Долгорукий с 4 офицерами и 40 драгунами прибыл в Шульгин городок, а ночью налетели казаки и перебили их. При этом черкасские старшины, сопровождавшие карателей, благополучно «сумели убежать».

Но Булавин не захотел остановиться на совершенном. Или не смог под влиянием окружавших его бурлаков. Он принялся раздувать настоящее восстание. Пошел от городка к городку, собирая чернь. Рассылал письма, требуя примыкать к нему под страхом смертной казни. Объявлял, что уже снесся с астраханцами, терцами, запорожцами, и призывал идти на Азов, освободить тамошних каторжников, а потом двигать на Москву. Тут уж пришлось принимать меры атаману Максиму. Он собрал казаков, выступил на Булавина. Встретились на Айдаре. После стычки, в которой погиб один казак, Максимов отступил к Закотному городку. А на следующий день, как доносил атаман, мятежников разгромили, наказали, ста человекам резали носы, около десяти повесили за ноги, «а иных постреляли». Что совершенно не согласуется с показаниями **Ефрема Петрова**, командовавшего авангардом. Он сообщал, что утром пошли «на то место, где воры стояли, и в том месте их, воров, не явилось, только стоит их воровской табор, телеги и лошади». То есть «ворам» просто дали разбежаться.

Сперва Петр, получив известие о гибели Долгорукого, встревожился, писал Меншикову, чтобы у донцов, находившихся в армии, отобрать лошадей. Но вскоре царь успокоился, сообщая тому же Меншикову, что «то учинилось не бунтом, но те, которых князь Юрий высылал беглых, собрався ночью тайно, напали и убили его и с ним десять человек, на которых сами казаки из Черкасского послали несколько сот» (отсюда, кстати, видно, что донское руководство заранее собиралось преподнести дело в виде «случайности»). И на этом все должно было кончиться! Царь даже «за верность и усердие» наградил Дон жалованьем в 10 тыс. руб. Но остался сам Булавин, успевший «засветиться». Известно, что появлялся переодетым в Черкасске, и войсковое руководство оказало ему тайное покровительство. Он имел возможность уйти на Кубань к брату. Но вместо этого отправился в Запорожье.

А в Сечи тем временем возник конфликт, аналогичный Бахмуту. На запорожские угодья по р. Самаре претендовал Миргородский полк. И Петр, потакая Мазепе, принял сторону миргородцев. К тому же царь начал разрабатывать на Самаре селитренные промыслы, прислал своих людей. Это привело к их столкновениям с запорожцами. То есть и здесь были причины для недовольства. И когда явился Булавин, призывая помочь в защите поруганных казачьих вольностей, он нашел у сиромы горячий отклик. Кошевого **Финенко**, отказавшего поддержать Булавина, казаки низложили, избрали более радикального **Костю Гордиенко**. Он, правда, вопрос о походе на Дон тоже спустил на тормозах, сомневаясь в успехе. Но на требования киевского воеводы Голицына и Мазепы выдать Булавина, ответил отказом — дескать, из Коша выдавать не принято. Обещал лишь выслать донцов, но и этого не сделал, позволив им набирать добровольцев.

Булавин расположился в городке Терны на Самаре. Мазепа направил против него два полка, и в марте 1708 г. мятежники ушли. Обнаружились они в Пристанском городке на Хопре. И заполыхало. Булавина поддержали верховые городки, пришло несколько тысяч запорожцев. Но основную массу составили хлынувшие к нему бурлаки, крестьяне, воронежские ссыльные. Отряды возглавили айдарский атаман **Семен Алексеев (Дранный)**, выборные вожаки **Голый, Беспалый, Некрасов, Павлов**. И на этом этапе цели восстания стали совершенно неопределенными. Для собравшейся голытьбы главной была возможность пограбить, она требовала идти «на добычу». Тут как тут оказались и расколоучители, выдвигая свои лозунги. Однако царь теперь воспринял восстание именно как казачье. Рассвирепел и направил на подавление брата убитого князя, Владимира Долгорукого, дав ему широкие полномочия и крутые инструкции «ходить по тем городкам и деревням, которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья...» Выделил 20 тыс. войск. Правда, они существовали только на бумаге,

присылаемые рекруты были ненадежны, и Долгорукий застрел в Воронеже.

А у Булавина собралось 20 тыс., в основном пришлого люда. Боевой ценности эти толпы не представляли. Но атаману сочувствовали казаки — он же за их вольности ратовал! И когда Максимов выступил против мятежников, донцы сражаться не стали. Забузили, начали переговоры. Булавин, пользуясь этим, нанес фланговый удар, и войско Максимова распалось. Часть передалась бунтовщикам, часть бежала. Булавин без сопротивления вошел в Черкасск. Созвал круг из представителей 110 городков и был избран атаманом. Максимова и четверых старшин казнил. Максим Фролов с некоторыми казаками бежал в Азов. А бывший атаман Зерщиков был с Булавиным в хороших отношениях и репрессиям не подвергся. Но очутился в сложном положении. Понимал, что авантюра добром не кончится, однако и против выступать не смел. Старался лавировать, защищать перед Кондратием интересы родового казачества.

Булавин же послал Петру отписку, что Максимова и старшин казнили «за их неправду», а «от него, великого государя, не откладываемся». Но было ли это попыткой примирения или выигрыша времени, трудно сказать. После взятия Черкасска, у Булавина вообще не было никакой определенной политики, он действовал по обстоятельствам. Имущества, конфискованного у казненных, мятежной гольтьбе не хватило. Она принялась грабить казаков, задирать и терроризировать их. И атаман быстро настроил против себя донцов. Чтобы не довести до беды, он начал рассылать свои банды в разные стороны. Они выплеснулись на Волгу, взяли Камышин. От Саратова были отбиты, но Царицын взбунтовался и перешел к мятежникам.

Хотя Булавин писал к царю, одновременно он рассылал грамоты на Кубань, Терек, к ногайцам, крымцам. Но крымский хан переслал их Петру, ему было выгоднее, чтобы русские сами погромили казаков. И постепенно Дон обкладывали с разных сторон. По Волге двинулся Хованский. Выступил на подавление калмыцкий хан Аюка. На Донец наступал Шидловский со слободскими казаками. Дранный и Голый смогли неожиданным налетом разгромить Сумской полк, но 1 июля Шидловский разбил их. Пленных не брали, 1,5 тыс. запорожцев атамана **Кардиак** засели в Бахмуте, соглашались сдаться, но были все уничтожены.

А Булавин в это же время направил 5 тыс. человек под командой запорожца **Хохлача** брать Азов. Они тоже были разгромлены. Возмущение донских казаков атаманом уже накалилось из-за бесчинств черни, а известие о двух поражениях ускорило развязку. Под предводительством Зерщикова казаки восстали, атаковали дом Булавина. Он отстреливался, убил двоих. А когда увидел, что тащат пушку и возы с сеном, застрелился. При нем была женщина, по одним источникам дочь, по другим «полюбовница», тоже покончившая с собой. Дальше отряды булавиновцев добивали уже порознь. Атаманы Некрасов и Павлов ушли на Кубань.

А Долгорукий так и простоял в Воронеже и только после гибели Булавина рискнул двинуться на Дон. Причем теперь уже и царь охлаждал его пыл. Приказывал казнить только «заводчиков», а «иных обнадеживать». Но приложил и опись городков, подлежащих уничтожению: по Хопру — от верховой до Пристанского, по Донцу — от верховой до Лугани, по Медведице — до Усть-Медведицкой, по Бузулуку, Айдару, Деркули, Калитвам — все. Долгорукий это исполнил со страшной жестокостью. Более 40 городков было разорено. Как доносил генерал Ригельман, князь «пойманных всех казнил и повешенных на плотках по Дону пушал». А «непокоряющиеся и бунтующиеся» станицы, «как то на Дону Старогригорьевскую, а при устье Хопра Пристанскую, а по Донцу, почав с Шульгинки и все окольные их места даже и до самой Луганской станицы все вырублены и до основания истреблены и сожжены». Уцелевших женщин и детей разбирали калмыки и солдаты — на продажу. Разные источники называют от 7,5 до 30 тыс. казненных [55,63]. На самом деле их, конечно, никто не считал. Вероятно, и оценивались цифры по-разному, то ли с учетом лишь донского населения, то ли с пришлыми повстанцами.

Зерщиков, избранный атаманом, принес повинную от всего Войска. К царю выехали

старшины **Василий Поздеев** , **Карп Казанкин** , **Степан Ананьин** . Они участвовали в свержении Булавина и сами напросились у азовского воеводы Толстого, чтобы заслужить прощение. Но при Петре поговорка «повинную голову меч не сечет» не действовала. Когда выяснилось, что сперва они приняли сторону мятежников, их арестовали и после пыток казнили. Зерщиков также был арестован и обезглавлен в Черкасске. А войсковым атаманом царь сам назначил **Петра Рамазанова** — «бессменно». *С этого времени войсковые атаманы на Дону стали наказными* . А территория Войска была обрезана. Земли по Донцу были вычленены в новую провинцию, по Медведице, Хопру и Бузулуку — в Воронежскую губернию, по Айдару — отданы Острогожскому полку. Появились крепости, окружающие Дон — Бахмут, Битюг, Новохоперск. А то, что осталось от Войска, было включено в состав Азовской губернии. *При Новохоперской крепости из уцелевших хоперцев была создана казачья команда* , но в Войско Донское она уже не входила.

27. ИЗГНАНИЕ ЗАПОРОЖЦЕВ

На полях Северной войны казаки дрались доблестно и умело. В 1706 г. в сражении под Калишем отличился донской полк молодого **Данилы Ефремова** . Он опрокинул шведских драгун, что предопределило разгром корпуса Марденфельда. В боях прославился и миргородский полковник **Данило Апостол** . Тем не менее, для Петра казаки оставались «третьесортными» войсками. Он их не воспринимал всерьез, о чем свидетельствует и герб, придуманный им для Дона — голый казак на винной бочке, заменивший оленя, раненного стрелой. В реляциях о казаках почти не упоминалось, а в списках состава армий указывалось скопом «казаки и калмыки». Для Петра это было примерно одно и то же. В битве при Лесной он поставил казаков и калмыков во втором эшелоне, приказав им колоть и рубить всякого, кто побежит. Своих колоть не пришлось, это были уже не нарвские новобранцы и корпус Левенгаупта был разбит. А казаки отличились в преследовании, истребляя отсутствующих шведов. Но и после этого Петр не умел правильно их использовать. Бригадир де Бразе, принятый на русскую службу, писал, что казаки пригодны «только для опустошения земли, как и татаре».

Однако были еще два деятеля, крайне ошибочно оценивавшие казаков — Мазепа и Карл XII. Гетман еще при Софье и Голицыне вел тайные переговоры с иезуитом Невилем о возвращении Украины под власть Польши. С началом войны эти планы обрели под собой реальную почву — Карл XII низложил польского короля Августа II, царского союзника, и усадил на престол Станислава Лещинского, который не признал прежних условий мира с Россией. И Мазепа рассчитал, что в сложившейся ситуации измена будет легкой и выгодной. Он поведет за собой малороссийские полки, а тут еще и Дон восстал! Ну а шведский король прикинул, что союз с казаками будет для него не лишним. И повернул армию на Украину.

Расчет не оправдался. Булавин через запорожцев получил «универсалы», рассылавшиеся Карлом. Но не ответил на них и не предпринял ни одного шага для установления связей со шведами [55]. Может, сам не захотел или казачья старшина воспротивилась. К тому же идеологической основой его бунта было радикальное старообрядчество, призывавшее побивать не только «бояр да прибыльщиков», но и «немцев». А шведы для русских были такими же «немцами». И тем более не поддались на вражеские призывы донцы, находившиеся в действующей армии. А ведь для них-то выбор был отнюдь не абстрактным. У кого-то в тылу каратели жгли родные городки, убивали близких. Но, с другой стороны, вторгся внешний враг, угрожающий самому существованию России. И победила в данном случае *воля* . Воля большинства казаков быть вместе с Россией. Несмотря ни на что, ни на какое зло, причиненное правительством. Перебежчиков среди донцов не было...

Не оправдалась и уверенность Мазепы в украинских казаках. Первыми сообщили Петру о предательстве полковники **Искра** и **Кочубей** . Но царь по-прежнему безоглядно доверял гетману и выдал ему обоих. Полковники были казнены. Мазепа получил

возможность беспрепятственно готовить измену. Он собрал казну и большие припасы для шведов в своей столице Батурине, оставив в нем гарнизон под началом верного ему наказного атамана **Чечеля** и генерального есаула **Фридрика Кенигсека** [35]. И повел украинские полки на Десну. Но когда объявил, что предстоит сражаться не против шведов, а против русских, его войско хлынуло прочь во все стороны. У гетмана осталось лишь 2 тыс. наемников-сердюков, личной гвардии. А царь, узнав об измене, послал Меншикова на Батурин. Гарнизон изготовился к обороне и на увещевания не поддавался. Попытался тянуть время, просил 3 дня на размышления. Когда Меншиков отказал, крепостные пушки открыли огонь. Но город был взят штурмом и сожжен. Всех защитников и жителей перебили, не разбирая правых и виноватых. Взятых в плен Чечеля и старшин привезли в Глухов к царю и казнили. Петр велел предать Мазепу анафеме. А гетманом был поставлен полковник **Иван Скоропадский**, но уже не единоличным, при нем была создана «коллегия» из 3 русских и 3 украинских представителей.

И вся Малороссия Мазепу не поддержала. Причем лучшим агитационным материалом против него стало оглашение писем, захваченных в Батурине — в которых гетман соглашался на подданство Польше. Вот этого украинцы ни в коем случае не желали. Казаки и крестьяне развернули против шведов партизанскую войну. Нападали на мелкие отряды, убивали фуражиров. Когда на соединение с Карлом выступил Лещинский с поляками, его разгромили при активной помощи местного населения. На сторону царя перешел и вождь правобережных казаков **Палий**, бунтовавший против польских властей... Но... к Карлу XII вдруг передалась Сечь. Получился поистине парадокс. Ведь запорожцы были «плоть от плоти» украинского народа, непримиримыми врагами «басурман» и «ляхов», конфликтовали с Мазепой. Теперь же украинский народ боролся с захватчиками, а сечевики очутились в одном лагере с «басурманами», «ляхами» и бывшим гетманом!

Это стало еще одним следствием трагедии на Дону. Как уже отмечалось, многие запорожцы пошли с Булавиным, остальные симпатизировали ему, неоднократно бузили, требуя от кошевого идти на Дон всем Войском. А после подавления восстания в Сечь бежали его участники — как доносил князь Голицын, в Запорожье прибывали «черкасы и русские люди... и везут с собой на возах много раненых воров». Рассказывали о зверских расправах, в том числе над запорожцами. А потом добавилась резня в Батурине. И сечевики выступили против Петра. В начале 1709 г. кошевой Гордиенко и старшина прибыли к Карлу в местечко Будищи, привезли 60 русских пленных, принесли присягу королю и получили награду, по 20 талеров на казака, а Мазепа назначил им жалованье по 10 талеров.

Запорожцы, пожалуй, и не успели разобраться, что их превращают в обычных наемников. Карл тоже не умел использовать казаков, не знал, что делать с ними. И предоставил действовать самостоятельно, совершать наезды на царские войска. В первом же нападении Гордиенко нарвался на крупные силы и был разгромлен. Израненный попал в плен, и ему отрубили голову. А Петр отрядил против Сечи несколько полков под командованием Яковлева. Он захватил Переволочну, занятую запорожцами. Тысячу защитников перебили. Затем донские казаки разгромили 1,5 тыс. запорожцев под Керебердой и разбили шведов, стоявших рядом в Решетилровке. А 14 мая полковник Яковлев штурмом овладел Сечью. Все ее защитники были уничтожены, пленных казнили — снова поплыли плоты с виселицами, теперь по Днепру. Сечь была сожжена, 100 пушек, добытых в разные времена в казачьих походах, вывезены.

Вскоре и шведам конец пришел. Накануне Полтавской битвы Карл XII, неосторожно выехавший на рекогносцировку, был ранен казаками. Из-за этого в сражении его таскали на носилках, что пагубно сказалось на руководстве войсками. В самой же битве сражались яицкие, хоперские, ахтырские, сумские, харьковские, острогожские, переяславские казаки. Донские полки подошли на следующий день, в составе конницы Меншикова участвовали в преследовании остатков шведской армии и их пленении у Переволочны [63, 219]. Карл сумел удрать за Буг, на турецкую территорию. У него осталось всего 350 драгун.

Но были еще и казаки! У Мазепы 2 тыс., ставленник Лещинского Потоцкий сумел

набрать 2 тыс. правобережных казаков. А после разгрома Сечи уцелело до 8 тыс. запорожцев. Они построили было новую Сечь, в Каменке, но и оттуда были прогнаны царскими войсками. И ушли в низовья Днепра, отдавшись под власть крымского хана. И была сделана еще одна попытка разыграть «казачью карту». Карл и его союзники, французы и поляки, постарались подтолкнуть к войне Турцию, за что Лещинский обещал уступить ей Подолию. И осенью 1710 г. Порта предъявила России ультиматум из 7 статей. Требовалось вернуть все, что Петр отобрал у шведов и у турок, не вмешиваться в польские дела. Пятая статья ультиматума гласила: «Казакам возвратить их прежние вольности и преимущества». Царь подобные требования, естественно, отверг. Тогда последовало вторжение татар, докатившихся до Изюма и Белой Церкви.

В ответ Петр объявил войну и в мае 1711 г. выступил в Прутский поход. С ним было 38 тыс. регулярных войск и 10 тыс. донских и украинских казаков. Они и в этой кампании воевали хорошо, заманили в венгер и разбили буджацких татар, клевавших армию. Но грамотно использовать казаков царское командование по-прежнему не научилось. Их даже не включали в основной состав армии, держали при обозе вместе с плохо вооруженными молдаванами. А на разведку высылали драгунские полки, совершенно не умеющие действовать в степях и малопригодные для такой задачи. В результате русское войско оказалось «слепым». И угодило в беду, окруженное огромной турецкой армией. Петра и его полки спасло от гибели только героическое сопротивление и подкуп визиря, согласившегося заключить мир. Условия его были очень тяжелыми. Россия опять лишалась выхода к Черному морю. Последняя, пятая статья договора касалась казаков, султану предоставлялось право защищать запорожцев и некрасовцев. Как сообщают биографы Петра, для него эта статья «казалась особенно тягостной» [152]. Но пришлось согласиться.

И все же провал Прутской кампании имел не только негативные последствия. Он стал важным уроком для Петра, поубавив его самонадеянность. Поражение сказалось и на судьбах Дона. По условиям мира требовалось вернуть туркам Азов, разрушить Таганрог, Троицкую крепость. И Войско Донское перестало быть «внутренней» областью, опять оказалось приграничной. Правда, после сдачи Азова на Дону была построена крепость «Новый ретраншемент» с гарнизоном солдат (и коменданту предписывалось присматривать за казаками), но для прикрытия границы этого оказывалось недостаточно. Как только степняки поняли, что Россия теперь будет опасаться нарушить мир с Турцией, они обнаглели. В 1713 г. крымский хан прокатился по Украине, угнал 14 тыс. полона и 90 тыс. голов скота. В 1715 г. кубанские татары под предводительством Бахты-Гирея совершили набег на Астрахань. В 1717 г. Бахты-Гирей с кубанской ордой и черкесами напал на Дон, но войсковой атаман Фролов «с малым числом превосходную силу разбил». В таких условиях снова возрастала роль казаков, царю волей-неволей приходилось считаться с ними, и безоглядно прижимать их было уже нельзя.

28. НАЧАЛО КАВКАЗСКИХ ВОЙН

Северному Кавказу во время правления Федора Алексеевича и Софьи внимания не уделялось, до него руки не доходили. А между тем постепенно усиливались чеченцы. Они жили в горах, «отгороженные» от татар и ногайцев гребенскими казаками и кабардинцами, которые принимали на себя все удары. Под этим прикрытием горцы умножились. И начали оказывать давление на казаков, «стеснять их своими поселениями и скотоводством». «Чеченцы и кумыки стали нападать на городки, отгонять скот, лошадей и полонить людей» [23]. Вытеснили с прежних мест проживания кабардинцев. А гребенцы начали перетекать на левобережье Терека.

Петр делами юго-восточных окраин заинтересовался, но со своей точки зрения. Он надумал проложить через Среднюю Азию путь в Индию. Впрочем, эти пути были хорошо известны, русские купцы и дипломаты в XVII в. регулярно посещали Бухару, Хиву, добирались до Афганистана и Индии. Но царь этого совершенно не знал, пользовался

фантастическими слухами — что Амударья впадала в Каспийское море, но хивинцы ее нарочно отвели в Аральское. И если найти плотину и разрушить, можно будет через Каспий удобно плавать в Индию по реке. Было решено организовать две экспедиции. Одна формировалась в Сибири. Капитан Бухгольц с 1400 солдатами и казаками отчалил на судах из Тобольска, поднялся по Иртышу, но был остановлен недостатком продовольствия и враждебным отношением казахов, придя к благоразумному выводу, что поход продолжать нельзя.

А экспедиция из Астрахани была поручена князю Бековичу-Черкасскому, получившему полномочия задействовать любые силы и ресурсы, которые найдет. Он заложил три крепости на берегах Каспия. И в 1717 г., набрав 1500 яицких казаков, 500 гребенских, 500 татар, 2 роты пехоты и эскадрон шведских пленных, выступил из Красноводской крепости на Хиву. Для мирной миссии это было слишком много, для военных действий мало. Хивинцы отказались пропускать отряд, его окружили 24 тыс. всадников. Но Бекович, отбивая атаки, упрямо шел вперед. И застрял под стенами Хивы, не зная, что делать дальше. А хан Ширгази пригласил Бековича на переговоры и захватил в плен. Его заставили дать приказ подчиненным сложить оружие. После чего Бекович и весь его отряд были перерезаны.

Восточные Казачьи Войска были малочисленными. В Яицком, когда столько людей сгнуло ни за грош, осталось всего 2770 боеспособных казаков. А в 1718 г. сюда еще и явились царские офицеры Темецкий и Коротков для розыска беглых! И объявили таковыми 770 человек, невзирая на то, что они состояли в Войске «по 15, а иные по 50 лет». Родился не на Яике — значит беглый. Уже и помещиков и поместий не было, откуда люди ушли. Нет, все равно увели всех «сысканных» и раздали помещикам ближайших губерний. *А в 1721 г. последовала новая реформа, Петр подчинил все Казачьи Войска Военной коллегии.* Яицкие казаки возмутились. Сожгли свой городок и намеревались уйти в казахские степи. Но их жестоко усмирила экспедиция полковника Захарова. После чего Войско было реорганизовано, руководство сменено. Захаров провел перепись казаков — в том числе для повторного сыска беглых. Для этого каждому требовалось указывать место рождения, род занятий своих отцов и дедов. И оказалось, что после прошлого сыска Войско успело увеличиться аж на треть — в нем насчитали 3164 казака. Разумеется, выросло оно не за счет естественного прироста. Но беглых на этот раз выявили мало. Казаки были уже учеными и придумывали себе правдоподобные легенды. Например, что дед был «волошанин» (румын), отца пленили татары, а сын бежал от них на Яик [128]. Попробуй придержи (и проверь).

Для Гребенского Войска последствия хивинской авантюры стали еще более тяжелыми. В нем насчитывалось 4 тыс. человек вместе с женщинами, стариками, детьми. И потеря 500 лучших бойцов чрезвычайно ослабила Войско. В результате борьба за Сунжу была проиграна. Казакам пришлось оставить ее и к 1721 г. переселиться на левый берег Терека. Здесь гребенцы обосновались более крупными общинами, чем раньше, и построили 4 городка — Червленый, Шадрин (Щедринский), Курдюков и Гладков. Через несколько лет Гладков разделился на два, Старогладковский и Новогладковский. Но с правобережьем Терека казаки были связаны еще очень долго. Там остались их виноградники, сады, огороды, и вплоть до конца XVIII в. они ездили за Терек «для убрания садов», сенокосов. Гребенские станицы составили укрепленную линию протяженностью 80 верст. В 1721 г., с подчинением Военной коллегии, был определен порядок службы. Войско выставляло не менее 1 тыс. казаков, из них половина получала жалованье, а остальные охраняли и обороняли свои городки «с воды и с травы» — бесплатно, за право пользоваться рыбными ловами и землями по Тереку.

Набеги кубанских татар и черкесов на Дон и усилившийся натиск горцев на Тереке положили начало долгим Кавказским войнам, которым суждено было продлиться полтора столетия. Но в это время обострилась и ситуация в Закавказье. Персия рухнула в полосу смут и развала, в нее вторглись афганцы, низложили шаха Гусейна, наследник Тахмасп бежал. В ходе междоусобиц в Шемахе перебили 300 русских купцов, разграбив товары. Ну а Россия в

1721 г. наконец-то заключила мир со шведами, вернув земли у Финского залива, Карелию, присоединив Эстляндию и Лифляндию. И Петр решил вмешаться в персидские распри, чтобы утвердиться в Закавказье. О помощи просили грузинский царь Вахтанг IV, армянский католикос Есаи, выражали желание перейти в подданство царя и обещали выставить войска для совместных действий с русскими.

В 1722 г. царь предпринял Персидский поход. 22 тыс. пехотинцев плыли из Астрахани морем, а берегом шла конница — татары, 9 тыс. драгун, 20 тыс. донских и малороссийских казаков. Украинцами командовал полковник Апостол, а донцами — походный атаман **Иван Матвеевич Краснощеков**. Он уже успел прославиться, в юности с отрядами охотников побывал на Кавказе, дрался с черкесами, отличился и в Северной войне. Добравшись до Терского городка, царь счел его расположение неудачным. Флотилия причалила чуть южнее, в Аграханском заливе, где был заложен Аграханский ретраншемент. Шамхал Тарковский торжественно встретил Петра, подтвердил свое подданство. Прислал делегатов и наместник Дербента, прося о покровительстве. Оба были обласканы, произведены в генеральские чины, войскам строго-настрою запретили обижать местных жителей. Но удмий Кайтага Махмуд-хан предпочел воевать. Велел изрубить посланных к нему есаула и 3 казаков, собрал 10 тыс. всадников. 18 августа возле селения Утемиш их разгромили. Русские вошли в Дербент.

Однако дальнейший поход стал невозможен — караван судов, везший продовольствие, разбило бурей. На обратном пути Петр приказал Краснощекову с тысячей донцов и калмыками разорить владения Кайтага. А на р. Аграхань распорядился строить крепость Св. Креста, поселив в ней 300 семей жителей Нижней Кабарды, вытесненных чеченцами. Старый Терский городок и Аграханский ретраншемент упразднились и подлежали сносу, гарнизоны и жители, в том числе казаки Терского Низового Войска тоже переводились в крепость Св. Креста. Кроме того, царь повелел переселить сюда 1000 семей донских казаков. Этим было положено начало использованию Войска Донского в качестве своеобразного «питомника» для «рассаживания» ростков казачества туда, где в них возникла нужда. Переселение состоялось в 1724 г. *Среди тех, кто перебрался на Кавказ, было много донецких, медведицких, хоперских казаков, чьи городки были разрушены при подавлении восстания Булавина. Они составили Аграханское Войско, стали строить Аграханскую линию, предназначенную для защиты от горских набегов.*

Во время похода царь познакомился и с гребенскими казаками. Очень крепко загрузил их службой, для обеспечения строительства крепости Св. Креста возложил на них заготовку леса, угля, сена. Им было велено конвоировать почту, давать подводы и сопровождение «грузинским и горским владельцам». Впрочем, требование обслуживать грузин и горцев вызвало такое возмущение казаков, что эту обязанность вскоре отменили. Но, общаясь с гребенцами, Петр обнаружил и то, что они старообрядцы. Причем не стали таковыми под действием расколуучителей, а выяснилось, что церковные реформы сюда просто не дошли. Жестокие законы Софьи против старообрядцев Петр отменил, но и сам их не жаловал, взимал с них двойной налог, приказывал нашивать на одежду позорные «тузы». Однако к концу своего правления он все же стал более взвешенным политиком, чем в юности. И распорядился гребенцов не трогать — указал, что «расколу в них нет», то есть против Церкви и государства не выступают, службу несут исправно, вот и пусть несут. Это решение стало очень важным не только для гребенцов, а для всех казаков, оно явилось юридическим прецедентом на будущее — в кампаниях против старообрядчества для казачества стало допускаться исключение.

Но в целом Петр не переставал регулировать казаков. Счел, например, что украинским казакам полезно заняться винокурением и издал об этом указ. А уж казачье самоуправление он продолжал неуклонно урезать. На Украине в 1722 г. умер гетман Скоропадский. И Петр вообще упразднил этот пост, учредив вместо него Малороссийскую коллегия. Украинские казаки направили к царю делегацию во главе с **Полуботком**, просить о гетманстве. Но Петр разгневался и заточил делегатов в крепость, где они и умерли. Пришла царю идея и о том,

что надо создать альтернативную силу, которая будет более послушной, чем казаки, но сможет противостоять татарским набегам. И он учредил украинскую «ландмилицию». В нее включили дворян-однодворцев, часть служилых казаков, подгребли остатки прежних, до-петровских полков, поселенных по южной границе — тех, кого еще не успели обратить в регулярные войска.

А Войско Донское было лишено особого церковного статуса. Уничтожив Московскую Патриархию, Петр лично решал церковные дела, и в 1718 г. передал донские храмы и монастыри из ведения Крутицкого митрополита в Воронежскую епархию. Казаки ходатайствовали, чтобы их подчинили непосредственно Синоду, но получили отказ. На Дону царь реорганизовал управление, вместо совета старшин при атамане учредил постоянную Войсковую канцелярию. А в 1723 г. умер атаман Максим Фролов, и войсковой круг избрал Краснощекова. Петру это тоже не понравилось. По доносу астраханского губернатора он отдал Краснощекова под суд. И хотя он был оправдан, царь назначил не его, а **Андрея Лопатина**, и повелел, чтобы впредь выборы войсковых атаманов на Дону вообще не проводились.

В военном отношении силы донских, яицких и терских казаков Петр подчинил астраханскому губернатору и перенацелил на бевые действия на Кавказе. Для этих операций был создан Низовой корпус из 18 регулярных полков и 4 тыс. казаков. Русские десанты заняли Решт, Астарту, Баку. Но такое наступление обеспокоило Турцию. Она заключила союз с Персией и тоже двинула войска в Закавказье. Мгновенно разгромила союзников царя, грузин и армян. И чуть было не началась новая русско-турецкая война. Однако Петр в этот раз совершил хитрый дипломатический маневр и предложил Стамбулу договориться. Россия признавала захваты иранских владений османами, а Порты — то, что заняли русские. Это устроило обе стороны, вместе надавили на шаха Тахмаспа, и ему осенью 1723 г. пришлось подписать мир, соглашаясь со всеми территориальными потерями. Царь торжествовал, строил проекты разработки богатств новой провинции — шелка, нефти, фруктов. Но на самом-то деле Тахмасп никакой реальной власти не имел, и договор с ним мира отнюдь не принес. Местные ханы продолжали нападать на русских, очень активно подключились кавказские горцы.

А в январе 1725 г. Петр I скончался. Последовало кратковременное правление Екатерины I, потом Петра II. Это был период жесточайших придворных интриг и борьбы за власть. Но казачество, да и вся Россия получили передышку от повального реформаторства, масштабных проектов и войн. В 1727 г. Петр II даже сделал уступку украинским казакам, удовлетворив их просьбу об избрании гетмана, которым стал Данило Апостол. Правда, правительство попыталось повторить сыск беглых на Дону, комендант Нового Ретраншемент получил приказ изъять всех, кто пришел сюда с 1695 г. Но казаки созвали круг и постановили, что они государев указ выполняют и беглых вышлют — однако лишь тех, кто поселился на Дону после 1712 г., иначе «многие городки запустеют» и для службы людей не хватит. Сенат ходатайство не удовлетворил, подтвердил прежнее распоряжение. Но когда в Новый Ретраншемент для смены гарнизона направился очередной комендант Рогов с полком солдат, его встретил войсковой атаман **Расторгуев** и посоветовал дальше не ходить — потому что казаки возмущены, а те, кто подлежит выдаче, собираются эмигрировать на Кубань. Петр II упрямством своего деда не обладал и пошел на попятную. 1695 г. был в указе исправлен на 1712 г. И, разумеется, оказалось, что все беглые обосновались на Дону «раньше».

Зато для частей на Кавказе этот период выдался очень тяжелым. Столице, занятой грызней вокруг престола, было не до них. А война здесь шла поистине странная, даже без определенных противников. С «законными» властями Ирана, вроде, был мир. Но они исподтишка нацеливали свои отряды против русских, натравливали горцев. А были еще «незаконные» претенденты на престол, ханы, просто банды. Как «законные», так и «незаконные» периодически просили помощи у царских войск, а уже назавтра объединялись против них. Турция как будто являлась союзницей. Но и укрепления позиций России в

Закавказье не желала. Тоже брала под покровительство горские племена, азербайджанские банды и настраивала их против русских. Солдаты и казаки Низового корпуса, стоявшие в Ширване, Баку, Гиляни, Дагестане постоянно выдерживали большие и малые стычки. Но куда большие потери несли не в боях. Людей косили жара, плохая вода, дизентерия, малярия, порой накатывалась и чума. Правительство возмещало урон, присылая рекрутские пополнения, а на них, только что призванных, непривычный климат и болезни действовали еще сильнее.

Кардинальное решение приняла только новая императрица, Анна Иоанновна. Она пришла к выводу, что закавказские провинции не дают никаких доходов, требуя огромных вложений, средств на содержание войск. А сами эти войска погибают — по разным оценкам, Низовой корпус за время войны потерял от 43 тыс. до 130 тыс. человек [77, 201]. Да и ситуация в Персии успела измениться. Там к власти пришел грозный Надир-шах. Круто усмирлял внутренних соперников, принялся громить соседей. Для столкновения с таким противником Низовой корпус требовалось значительно увеличивать — или избежать столкновения. В это время назревала другая большая война, с Турцией. И было решено отказаться от плацдармов в Закавказье. В 1732 г. с Персией был заключен договор о поэтапном выводе русских войск. Граница устанавливалась по Тереку.

Соответственно упразднялась Аграханская линия, расположенная южнее. Здешних казаков бедствия Низового корпуса коснулись в полной мере. Когда Петр переселял 1000 семей донцов, считалось, что они умножатся естественным образом. Но из-за боевых потерь и болезней осталось лишь 452 семьи. *Их переселили на Терек, вниз по реке от гребенских казаков, они основали три станицы, Бороздинскую, Каргалинскую и Дубовскую. И получили название Терско-Семейного Войска.* «Семейного» — потому что в этом Войске императрица велела давать жалованье не только казакам, несущим службу, но и взять на казенное содержание семьи погибших, вдов и сирот. Они тоже оказались как бы зачислены «на службу».

В 1735 г. была упразднена и крепость Св. Креста. Вместо нее на левобережье Терека был заложен г. Кизляр. *Сюда из гарнизона крепости Св. Креста были переведены казаки Терского Низового Войска, служилые кабардинцы, чеченцы, кумыки — их также зачислили в казаки, и они с остатками нижнетерцев составили Терско-Кизлярское Войско.* Атамана это Войско не имело, было подчинено назначенному командиру подполковнику **Э. Черкасскому**. Но, несмотря на добавки кавказцев, оно все равно получилось слишком малочисленным. Поэтому Войско составляло гарнизон Кизляра, а на пограничной и сторожевой службе не использовалось. Зато из него поставлялись лучшие разведчики, проводники, переводчики. Для выполнения различных поручений терско-кизлярцев направляли в Персию, Закавказье, на Кубань, в Крым, и они прекрасно справлялись даже с дипломатическими обязанностями. Все три здешних Войска — Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское, были переданы в подчинение коменданту Кизляра [23].

29. ПЕРВАЯ КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ

Как уже отмечалось, несколько партий донских раскольников переселились на Кубань при Софье. А в 1708 г. 2 тыс. булавинцев привел на Кубань **Игнат Некрасов**. Он не являлся природным казаком. По некоторым источникам, в начале 1690-х служил солдатом на южной границе, убил офицера и бежал на Дон. Стал кузнецом в городке Голубых [55]. А во время восстания чернь нескольких городков избрала его атаманом. Да и в отряде у него природных казаков было мало. В основном бурлаки, воронежские крестьяне, волжская шпана атамана Павлова. Но в ходе бунта они объявили себя казаками и приняли казачьи порядки. Беженцы обратились к крымскому хану и получили разрешение поселиться в его владениях. На Дон был направлен **Семен Селиванов** и привел еще тысячу бурлаков и казаков из Старо-Григорьевского, Есауловского, Кобылинского и Нижне-Чирского городков. Некрасов

был авторитетным лидером, хорошим организатором, ярким последователем раскола. Сумел создать крепкую общину, организованную по типу Казачьего Войска и к ней стали примыкать более ранние эмигранты.

Основными законами общины стали «Заветы Игната Некрасова», и входящие в нее казаки называли себя некрасовцами. Согласно этим «Заветам» требовалось строго хранить старую веру, язык, обычаи. Некрасовцы приняли и некоторые старые донские порядки — например, возбранявшие казакам земледелие. Главными промыслами стали рыбная ловля, скотоводство, охота. Но был и еще один завет — никогда не возвращаться в Россию. С Отечеством они порывали навсегда. Ведь по раскольническим понятиям, государство и Православная Церковь признавались уже окончательно погибшими, значит, против них не грешно было блокироваться даже с «басурманами». Впрочем, когда речь идет о некрасовцах, важно помнить и то, что последующие их поколения, создававшие великолепные этнографические «заповедники» старинной русской культуры, уже сильно отличались от того, что было изначально. А изначально на Кубань пришла буйная вольница, для которой лозунги Булавина и старообрядчества являлись лишь поводом «замутить» и идти «на добычу». Так какая разница, с кем идти?

Уже в 1709 г., когда русская армия сражалась под Полтавой, крупный отряд некрасовцев появился на Верхнем Дону, пограбил, пытаясь раздуть новый мятеж. В 1715 г. они вместе с татарами участвовали в набеге на окрестности Астрахани. И в дальнейших нападениях и войнах проявили себя активно и жестоко. Историк Г.П. Надхин писал, что они «были гвардией крымского хана; в набегам крымцев на Россию некрасовцы всегда шли вперед, указывали знакомый путь, выискивали скрывавшихся в знакомых местах жителей, были самыми злейшими нашими врагами: зеленые их знамена носились всегда в тех местах, где проливалось больше русской крови, где более было пожаров и более забиралось пленников» [57]. Из некрасовцев, как самых верных воинов, стали формироваться подразделения личной охраны ханов.

Иначе складывалась эмиграция в Поднепровье. Под власть хана ушли с Правобережной Украины участники антипольского восстания Палия. Потом добавились запорожцы и сердюки Мазепы. Турецкие и крымские власти предлагали отдать всех казаков, которых набралось до 20 тыс., под покровительство Польше, но она от подобного «подарка» отказалась. И запорожцы, объединившись с палиевцами, построили новую Сечь в Алешках. А Мазепа вскоре умер, его преемником стал **Филипп Орлик**. Он устроил свою резиденцию в Бендерах, женился на турчанке, перешел в ислам. И султан признал его украинским «гетманом в изгнании». Теоретически все казаки должны были подчиняться ему, но этого не произошло. Запорожцы от Орлика дистанцировались и от его казаков держались отдельно [261].

На чужбине сечевикам пришлось тяжело. Хан им выплачивал жалованье лишь первые пару лет, потом перестал. Правда, и налогов не брал. А для прокормления предоставил рыбные ловы на Днепре, Тилигуле, Березани, право охотиться на дичь, несколько переправ через Днепр и Буг с собиранием платы за перевоз. Но таких заработков не хватало. И запорожцы становились наемными работниками жителей Очакова, Аккермана, Бендер, Измаила. Сечь попыталась выступить и «коллективным феодалом». Принимала беглых из российской и польской Украины, Молдавии, разрешала селиться на отведенных ей землях и считала «своими» крестьянами, взимая с них налог. Объявила подданными и поселян на р. Самаре, которая по Прутскому миру снова отошла к Крыму.

Казаки нанимались на службу, несколько сотен несло ее на турецко-польской границе в Приднестровье. А по договору с ханом Кош должен был выставлять войско в походы крымцев. К набегам на Украину запорожцев не привлекали, понимая, что при виде страданий соотечественников, они могут не выдержать и повести себя совсем не лояльно. Но когда против хана восстали черкесы, сечевиков позвали на войну. Результат был печальным. Пока казаки ходили на Кавказ, против них взбунтовались их подданные, жившие на Самаре. Захватили, разграбили и сожгли Алешковскую Сечь, а тех, кто находился в ней, перебили.

Вернувшись из похода, запорожцы отомстили, разорили самарские поселения, порубив и перевешав восставших. А Сечь перенесли в Каменку.

Впрочем, и сами запорожцы оставались в ханстве на положении униженных пасынков, как они сообщали, «имели много нужд и кривд». Торговать в Крыму и турецких городах им не дозволили, чтобы не нарушать интересов собственных купцов. И те же купцы приезжали в Сечь, подешевке скупая рыбу и другую продукцию казаков. Запрещалось возводить укрепления Сечи, держать пушки. Запорожцев регулярно продолжали привлекать в походы на Кавказ и в Закавказье — без всякой платы, разве что добычу возьмут. Каждый год брали по 300 и более человек в Крым на работы по ремонту фортификационных сооружений. Тоже без платы. Ногайцы, кочевавшие по соседству, с границами запорожских владений не считались. Рубили там лес, пасли скот. При случае угоняли у казаков коней, скот, похищали людей. Когда же запорожцы совершали ответные нападения, правительство всегда принимало сторону ногайцев, заставляло компенсировать ущерб. Сечевики, конечно, и сами не были безобидными овечками, пытались ради заработка совершать набеги на польскую территорию. Но по жалобам Варшавы с них тоже взыскивали убытки. А нечем платить — отдавай людьми. Был случай, когда по такой жалобе хан содрал с Коша 24 тыс. руб., в другой раз продал 1,5 тыс. казаков на турецкие галеры.

Если из татарского плена бежал человек, то «хотя они, казаки, о том и знать не будут, однако принуждены были за него платить, понеже они аки бы стража при границах татарских имелись». Или плати за раба или замени его запорожцем. Периодически наведывались и проверяющие от султана и хана, соседние мурзы «в гости» со свитой не менее ста человек. Таких, сколько ни пробудут, требовалось кормить, содержать, подарки подносить. В казачьих песнях эмиграцию вспоминали, как каторгу: «Ой, Олешки, будемо вам знаты и той лихой день и ту лиху годыну, ох будемо довго пом'ятаты тую погану вашу личину» [57]. И сразу после смерти Петра начались тайные обращения Сечи с просьбами вернуться под власть России.

Но Екатерина I подтвердила инструкцию: «Казаков изменников запорожцев и прочих ни с товары, ни для каких дел... и ни с чем отнюдь не пропускать». Петр II склонялся было принять Сечь в подданство, но опекавшие его сановники спустили дело на тормозах. Позиция в отношении запорожцев изменилась только при Анне Иоанновне. И не только запорожцев, при ней вообще улучшилось отношение государства к казачеству. Инициатором такого поворота стал президент Военной коллегии фельдмаршал Миних. Он был хорошим администратором, талантливым полководцем. И, как ни парадоксально, если русские сановники все еще слепо копировали западные образцы, то немец, успевший послужить в нескольких европейских армиях сумел взглянуть на казаков непредвзято. Просто из практических соображений.

Было ясно, что не за горами война с Турцией. Между тем положение на южной границе было безобразным. Татары нападали на Украину, а созданный Петром корпус ландмилиции оказался против них непригодным. Он получил структуру регулярных войск, но настолько неопределенные функции, что попавшие в него дворяне и казаки по сути только занимались собственным хозяйством и потеряли боевые качества. Ну а регулярная кавалерия в результате петровских реформ почти полностью состояла из драгун, «ездящей пехоты». Они не могли эффективно противостоять легкой турецкой и татарской коннице, не были способны преследовать и догонять степняков, вести разведку, не знали особенностей действий в степях.

Хотя все это прекрасно умели делать казаки! И Военная коллегия наконец-то стала проявлять заботу о них. Для прикрытия от крымских набегов с 1731 г. начала строиться Украинская линия протяженностью 285 верст — по притоку Днепра р. Орель и до Северского Донца. Службу на ней несли Полтавский, Сумской, Миргородский, Харьковский, Ахтырский, Изюмские казачьи полки и ландмилиция. А особое внимание было уделено запорожцам, отлично знающим театр грядущей войны и давно просящимся в подданство. Генерал-губернатору Украины Вейсбаху было приказано начать с ними секретные

переговоры.

30. ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕЧИ

Россия держала союз с Австрией. А их противница Франция сколачивала антироссийский блок из Швеции, Польши и Турции. Первое столкновение произошло в 1733 г. Турки вели войну с Персией, и татарская конница двинулась в Закавказье через Кабарду. Петербург протестовал, но султан и хан переманили в свое подданство ряд горских князей и заявили, что Кабарда принадлежит им. Однако 4 тыс. солдат и казаков генерала Еропкина и принца Гессен-Гомбурга встретили 25 тыс. крымцев в верховьях Кубани и разгромили. Татары в ответ набезобразничали по Тереку, докатились до Дербента.

А в Польше умер король Август II и развернулась борьба за трон между его сыном Августом III и русофобом Станиславом Лещинским — ставленником Франции. Паны поддержали его. Зазвучали антирусские лозунги. Но Россия направила войска в поддержку Августа. В походе участвовало 16 тыс. донских и украинских казаков. В общем-то с тех пор, как Польшу разгромил Алексей Михайлович, она так и не оправилась. Выбыла из числа великих держав и стала разменной монетой в чужих играх. И серьезной боевой силы поляки не представляли. Адъютант Миниха, Х. Манштейн, писал: «Никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при всех встречах». Разнесли за несколько месяцев и Лещинского, и десантный корпус, который прислали ему французы.

Однако на его стороне вмешалась Турция. В начале 1734 г. татары совершили налет на окрестности Полтавы. А запорожцы получили приказ хана выступить в Польшу против русских. Это подтолкнуло решение их проблемы. За сечевиков ходатайствовали Миних, Вейсбах, гетман Данило Апостол. А кошевой **Иван Белецкий** в Польшу вроде бы выступил, но дошел только до Буга и остановился, ожидая вестей из России. Они были благоприятными. К запорожцам отправилась миссия генерала Тараканова, а затем в Лубнах был заключен договор — Анна Иоанновна принимала Кош под свое покровительство, даровала казакам все их прежние вольности и земли, за службу выплачивалось ежегодное жалованье в 20 тыс. руб. Для поселения выбрали урочище Красный Кут на р. Подпильной, казаки отправились туда, построили так называемую Новую Сечь и принесли присягу России. Правда, имелось одно «но». По условиям Прутского мира вся территория Запорожья считалась владениями крымского хана, и императрица могла дать ее казакам только в результате войны. Но уже никто не сомневался, что пушки скоро загремят [293, 296].

Турки и татары, узнав о присяге запорожцев, всполошились. Прислали делегацию уговорить их одуматься. Ее приняли без почестей и выдворили ни с чем. Пытался воздействовать и Орлик, но его эмиссаров сечевики выдали Миниху. Рассвирепевший хан обратился с угрозами: дескать, раз приняли подданство России, то и уходите с моих земель, но впредь не возвращайтесь, любому вернувшемуся будут рубить головы, а если не уйдете, то пеняйте на себя. Поскольку Сечь и впрямь располагалась за пределами русской границы, казаки забеспокоились, просили прислать им в помощь регулярные войска. Этого договор с запорожцами не предусматривал, но раз они сами выразили такое желание, Миних согласился. Еще не нарушая формального мира с ханом, под предлогом, будто бы для покупки коней, в Сечь прибыли 800 солдат, военные инженеры и построили рядом с ней Новосеченский Ретраншемент, где разместился постоянный гарнизон. Но вмешиваться во внутреннюю жизнь Коша русским офицерам и солдатам строго воспрещалось.

Хотя фактически мира уже не было. Татары не прекращали набегов, и чтобы наказать их, осенью 1735 г. корпус генерала Леонтьева с запорожцами двинулся на Крым. Но в октябре вдруг ударили морозы, выпал снег. И пришлось отступить, потеряв 9 тыс. солдат от холодов и болезней. В 1736 г. была официально объявлена война Турции. В апреле армия Ласси осадила Азов. 3 тыс. донских казаков под командованием Краснощекова с ходу захватили передовые укрепления, что позволило удобно расположить батареи. И 20 июня

после бомбардировки город сдался. А армия Миниха из 54 тыс. воинов (из них 6 тыс. запорожских, 5 тыс. донских, 10 тыс. украинских казаков) вышла к Перекопу. Хан вывел 80 тыс. своей конницы, но ее прогнали и пошли на штурм. Полуобвалившиеся укрепления даже не успели изготовиться к обороне, казаки первыми преодолели ров и вал. Корпус Леонтьева был отряжен против крепости Кинбурн и взял ее. А основные силы Миниха прошли по Крыму. Разорили Бахчисарай, Султансарай, Ак-Мечеть, Евпаторию. Но татары, не принимая крупных сражений, повели партизанскую войну. Жгли степи, портили колодцы, клевали наскоками. От жары, нехватки воды и фуража падали лошади, начались болезни. Из строя выбыло 15 тыс. человек. Большинство из них удалось сохранить (погибло 924), но армии пришлось отойти на Украину [77].

Тогда хан нанес ответный удар. Зимой 40 тыс. татар прорвали Украинскую линию, опустошая села и местечки. Войска были спешно подняты с зимних квартир и выгнали степняков. По тревоге подняли и казаков. Запорожцы под предводительством кошевого **Ивана Малашевича** и донцы Краснощекова напали на отходивших крымцев, отбили множество пленных и добычи. Но стало известно, что движется еще и кубанская орда с черкесами. На Егорлыке она столкнулась с дружественными России калмыками, завязался бой. Краснощеков и Ефремов с 4 тыс. донцов стремительным рейдом полетели туда. С марша смяли врага, пленив кубанского хана. А потом вместе с калмыками разорили правобережье Кубани, взяв город Копыл, захватив 10 тыс. пленных, множество коней и скота [63].

В кампании 1737 г. армия Миниха взяла штурмом Очаков. А армия Ласси опять ударила на Крым. Татары ждали ее у Перекопа, однако царские полки и казаки обошли их по Арабатской стрелке, очутились в тылу и разгромили в битве у Карасубазара. Но все повторилось. Жара, сожженная степь, болезни, и армия вынуждена была отойти на Украину. А осенью и зимой снова разыгралась страшная степная война. Крымские, ногайские, черкесские загоны силились прорваться в густонаселенные места, а казаки и кавалерийские части перехватывали их. Сталкивались в снегах и метелях, рубились насмерть... Кстати, в боевых действиях и набегах активно участвовали некрасовцы. Но и ответные рейды донцов не прошли бесследно. Некрасовцы поняли, что на Кубани они могут быть досягаемыми для России. И с 1740-х гг. начали постепенно переселяться на Дунай.

В 1738 г. Миних выступил на Днестр. Но и турки двинули армию навстречу. 2400 запорожцев во главе с кошевым Белецким шли в авангарде и вдруг у р. Савраны их атаковали 30 тыс. неприятелей. Казаки спешили, окружили себя возами и отбивали натиск врага пять часов, пока не подошли главные силы армии. Но когда русские полки достигли Днестра, оказалось, что переправы прикрывают 60 тыс. турок. А в тылы вышли 30 тыс. крымцев. Вдобавок из Молдавии распространялась эпидемия чумы... Решено было отступить. Отход был тяжелым, враги нападали, жгли степь, из-за падежа лошадей и волов приходилось уничтожать обозы [297]. В это же время на Азовском море потерпел поражение русский флот, которым неумело командовал воронежский вице-губернатор Лукин. Турки уничтожили все корабли, хорошо действовали и уцелели в боях только 100 лодок донских казаков походного атамана **Петрова** .

И неприятели, окрыленные успехами, перешли в контрнаступление. В августе черкесы Касай-мурзы вторглись на Дон, уничтожили Быстранякий и Нижне-Каргальский городки. Все защитники погибли, стариков вырезали, молодых женщин и детей угнали. Главный удар готовился на Украине. Но и русское командование предпринимало меры по усилению обороны. Одной из таких мер было предложение к запорожцам — тем, кто пожелает, переходить в Миргородский полк, где им выделяли землю для поселения. Кош, правда, протестовал, но запорожские законы не нарушались — дело было сугубо добровольное, а из Сечи мог уйти каждый. И 550 человек согласились, таким образом, пограничный Миргородский полк **Капниста** укрепился великолепными кадрами разведчиков и бойцов. В конце 1738 г. эти разведчики и запорожский отряд **Часника** выявили подготовку к массированному вторжению. К нему успели приготовиться, и лавина татар была отбита от

крепостей Украинской линии, а 20 тыс. турок отражены от Кременчуга.

Следующий год стал куда более удачным. Миргородский полк по приказу Миниха совершил глубокий рейд по вражеским тылам, посеял панику и ввел противника в заблуждение. Турки сочли, что русские идут на Бендеры, перебросили туда свои силы. А наша армия форсировала Днестр у Хотина. 90-тысячное турецкое войско было разгромлено под Ставучанами. Хотин сдался... Но наложились иные факторы. С Минихом враждовал фаворит императрицы Бирон. Заволновался, как бы победы не возвысили соперника. А в это время поражения от турок терпели союзники-австрийцы, склонялись прекратить боевые действия. И Бирон этим воспользовался. Когда русская армия побеждала на Днестре, в Белграде вдруг был заключен мир. Правда, выгодный. По его условиям Турция обязалась возвратить всех русских невольников, когда бы они ни были захвачены, наказывать татар за набеги, к России отходили Кабарда, Азов (без права укреплять его и иметь флот на Черном море) и Запорожье.

Между тем, оставался третий член антироссийской коалиции, Швеция. Она слишком долго прособиралась и не успела вмешаться в русско-турецкую схватку. Однако в 1740 г. умерла Анна Иоанновна, оставив наследником внучатого племянника младенца Иоанна VI при регентстве Бирона. Миних произвел переворот, сверг Бирона и передал правление матери Иоанна, Анне Леопольдовне. Шведы рассудили, что такая кутерьма дает им все шансы на успех, и в 1741 г. объявили России войну. Причем действовали весьма коварно. Объявили, что воюют ради «освобождения достохвальной русской нации... от тяжкого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании!» Призывали русских «соединиться со шведами», «отдаваться сами и с имуществом под высокое покровительство его величества» — шведского короля [201]. Готовился и удар в спину, через французского посла Шетарди в Петербурге был организован заговор в пользу Елизаветы Петровны — а от нее за оказанные услуги требовалось возвратить Швеции провинции, завоеванные Петром.

Но Елизавета перехитрила шведов и французов. Деньги брала, помощь принимала, но от письменных обязательств уклонялась — мол, слишком опасно. И переворот осуществила сама, без иноземных «покровителей». После чего об их требованиях больше не вспоминала, продолжив войну. Армия Ласси разгромила шведов в Вильманстранде и погнала к Гельсингфорсу. Казачьи части возглавлял И.М. Краснощеков. За турецкую войну он получил чин бригадира и стал первым казаком, достигшим генеральского ранга. Преследуя разбитых шведов, Краснощеков получил приказ совершить обход. Но он привык сам всегда быть впереди и увлекся. Всего с несколькими казаками разведывал дорогу в лесах и нарвался на большой шведский отряд майора Шаумана. Бригадир и его конь были ранены, он завяз в болоте и попал в плен. Убили его с особой жестокостью — с живого содрали кожу... Однако ни зверства, ни подлости шведов не спасли. Их били во всех схватках. И в 1743 г. они запросили мира. Отыгрались на собственных полководцах, обезглавив за поражения генералов Левенгаупта и Буденброка, а к России отошла Южная Финляндия. Тело Краснощекова фельдмаршал Ласси вытребовал у врагов, и герой Дона был торжественно похоронен в Черкасске [63].

31. ВОЛЖСКОЕ ВОЙСКО И ОРЕНБУРГСКИЙ КОРПУС

Далеко на востоке все еще продолжалось освоение новых земель. В 1697 г. **Владимир Атласов** с отрядом из 60 казаков организовал экспедицию из Анадырского острога на Камчатку. Поход был трудным, с боями. Но отряд добрался до р. Камчатки, поставил несколько острогов и объясачил местные племена. В 1704 г. пятидесятник **Василий Колесов** совершил с Камчатки плавание на Курилы, приведя их «под государеву руку». Но казаки в этом краю собрались крутые, буйные. В 1711 г. они взбунтовались и убили вернувшегося на Камчатку Атласова. Прикончили и нескольких правительственных приказчиков и зажили независимо. На кругах избирали атаманов, ясак собирали для себя, женились на местных женщинах. Но и притесняли камчадалов, обращали в «холопство». В 1731 г. те восстали.

Однако к этому времени на восточных окраинах уже стала укрепляться царская власть. Корабль с военной партией, следовавшей на Чукотку, помог казакам подавить бунт. После чего прибыла следственная комиссия. Предводителей казачьей самостоятельности, **Новгородова, Штинникова и Сапожникова**, повесили, как и 6 вождей камчадальского восстания, остальных казаков выпороли и привели к присяге.

Казачьи поселения появились и на Чукотке. При ее завоевании в 1730 г. погиб казачий атаман **Афанасий Шестаков**. А с Чукотки казаки перемахнули и на Аляску. И их остроги стали продвигаться по американскому побережью все южнее...

Но сохранялись и старые проблемы. На Южную Сибирь не прекращались набеги казахов, в верховья Енисея вторгались восточные калмыки и их союзники. И для защиты от степняков возводились новые крепости. В 1708 г. — Омская, в 1709 г. — Бийская. От Омской стала строиться Иртышская линия — крепости Ямышевская (1715), Железинская (1717), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1720). Они располагались на расстоянии в 200–250 верстах друг от друга, в промежутках, через 60–75 верст, строились аванпосты, а между ними по два «малых редута». Аванпосты и малые редуты представляли собой деревоземляные укрепления с бастионами, частоколом и рвом. А между ними устраивались караульные посты с «маяками» — это были деревянные пирамиды, изнутри набитые хворостом, а наверху находилась бочка со смолой. Если маяк загорался, по границе распространялся сигнал тревоги. Для службы на линии перевели казаков и стрельцов из внутренних районов Сибири. По штату в каждой крепости размещалось 785 казаков, а общая их численность была установлена в 8 тыс. [19] Они посменно дежурили на редутах и постах, патрулировали линию конными разъездами. Непокойно было и в Забайкалье. Тут на российскую территорию совершали вылазки отряды монголов, китайских разбойников-хунхузов. И с 1727 г. стала создаваться Забайкальская линия, связавшая крепости Селенгинск, Удинск, Читинский острог, Нерчинск [219].

Поволжье и Приуралье по-прежнему сотрясали периодические восстания башкир. А после смерти Аюки-хана пошли раздоры и междоусобицы у калмыков. Часть из них сохранила пророссийскую ориентацию, другая вошла в альянс с кубанскими татарами, некоторые князья из буддизма перешли в ислам. Осложнилась ситуация еще и тем, что Петр I, подавив восстание Булавина, уничтожил донские станицы по Иловле. Оголился участок Волго-Донского водораздела. И этим стали пользоваться крымцы и кубанцы — путь через водораздел позволял обойти южные пограничные системы России и прорываться вглубь территории.

Положение улучшилось только при Анне Иоанновне. Как уже отмечалось, при ней правительство стало уделять больше внимания казакам и взяло курс на более широкое их использование. *В марте 1732 г. вышел указ о создании нового, Волгского (Волжского) Казачьего Войска. Для этого переселялись 520 семей донских и 537 семей днепровских казаков* [219]. Которым предстояло строить и защищать Царицынскую линию, перекрывающую опасный водораздел. Начали возводиться земляные крепости Донецкая, Грачи. Центром Войска стал городок Дубовка. Гарнизоны волжских казаков несли службу в Царицыне, Камышине, Саратове. Кроме того, в обязанности Войска входила охрана волжского пути от воровских шаек и водная почтовая служба, перевозка на лодках по Волге корреспонденции и государственных чиновников. *А из астраханских служилых казаков в 1737 г. была образована Астраханская трехсотенная команда (в 1750 г. реформированная в полк).*

В азиатских степях в это время произошла очередная передвижка. Вновь усилились восточные калмыки (джунгары). И начали теснить казахов. Хан Младшего Жуза Абдул-Хаир откочевал к российской границе и попросился в подданство. При переговорах, к которым подключились представители Старшего и Среднего Жуза, был выработан договор, что и они согласны признать зависимость от императрицы, а русские у впадения р. Ор в Яик построят город с гарнизоном, который будет оказывать помощь новым подданным, а казахи смогут в городе торговать. С этими предложениями делегация отправилась в Петербург, принесла

присягу, а план при дворе встретил горячую поддержку. Причем с различных точек зрения. Поволжье прикрывало с востока Яицкое Казачье Войско. Но оно жило и несло службу по «меридиональной» части Яика, с севера на юг. А если дополнить город на р. Орь линией крепостей в «широтном» направлении, с запада на восток, то она прикрыла бы от степи разросшиеся на Урале заводы. Кроме того, эта линия охватывала бы земли башкир. С одной стороны, защищала бы их от нападений соседей. Но, с другой, и отрезала от соседей, мешала бы соединяться с калмыками и казаками для набегов против русских [155].

Проект был грандиозный, а средств у правительства всегда не хватало. Но нашлись и другие сторонники. Сильное влияние на Бирона имел придворный банкир еврей Липман, связанный с англичанами. А они вынашивали планы проложить через русские территории свой торговый путь в Среднюю Азию. Временщика с помощью Липмана охомутили, и Бирон сам вошел в компаньоны к британцам [102]. Тут уж, конечно, казенные деньги нашлись, а проект линии был не только утвержден, но и расширен — предполагалось протянуть цепочку крепостей от Самары на Волге до Ори и дальше, к Аральскому морю. Чтобы английские купцы могли безопасно возить товары по этой трассе. Края, которые предстояло освоить, назвали «Новой Россией», и была создана Оренбургская экспедиция во главе с И.К. Кирилловым.

Но в это время заволновались башкиры. В составе России они жили в общем-то весьма неплохо. Русские войска и казаки ограждали их от соседей, сами башкиры в армии не служили, разве что добровольно. Подати были установлены еще в XVII в. очень низкие. Для сравнения, если с русских крестьян брали 70–80 коп. с «души», то ясак со всех башкир вместе составлял 2 тыс. руб., да и эту подать баи перекладывали на беглых русских и татар, поселившихся среди башкир. Баи правили совершенно независимо, при случае не прочь были пограбить российские селения. Но на башкирах лежала еще одна повинность, носившая не постоянный, а чрезвычайный характер — в случае войн выделять лошадей для кавалерии. И когда стали набирать коней для войны с турками, возникло недовольство. А вдобавок дошли известия о планах строительства крепостей. Утверждение по соседству царской администрации и войск башкирских баев совсем не устраивало, и началось восстание.

Экспедиция Кириллова, выступившая через Уфу, встретила сильное сопротивление. Но с боями дошла до устья Ори и 15 августа 1735 г. заложила Оренбург. Он оказался в кольце башкир, в первую зиму гарнизон чуть не погиб от голода. А отряды солдат и казаков, двинувшиеся следом за Кирилловым, подверглись нападениям и понесли потери. Мятежники обрушились на русские деревни, угоняя или вырезая население, громили уральские заводские поселки. Причем и казахи оказались сомнительными «союзниками». Башкирские баи обратились к тому же самому Абдул-Хаиру, который только что напросился в российское подданство, призвали поддержать их и заявили, что переходят в подданство к нему. И хан ничтоже сумняшеся согласился. Однако с Анной Иоанновной и Бироном шутки были плохи. На башкир послали войска генералов Румянцева и Тевкелева, мятежники были разгромлены, «несколько сот в разных городах переказнено, также немалое число в Казань для отвода... в работу в Рогервик послано... деревни воровские все разорены».

С 1736 г. начала строиться Самарско-Оренбургская линия. Были основаны крепости Борская, Красносельская, Сорочинская, Тоцкая, Бердская и др. Для службы на линию переселили 5,5 тыс. самарских казаков с упраздненной Сызранской линии, привлекались также казаки и солдаты с упраздненной Закамской линии и уфимская казачья община. Кроме того, по указу Анны Иоанновны, сюда из Поволжья и с Рязанщины переселялись мещеряки (которые еще с XV в. несли казачью службу). В казаки приписывали и отставных солдат, добровольцев из русских, татар, башкир, калмыков, тептярей. В подчинение Кириллову были также переданы яицкие и сакмарские казаки. Еще одна линия, Верхне-Яицкая, стала строиться от Верхне-Яицкой пристани по направлению к Уральским горам. А из челябинских и исетских казаков в 1736 г. было создано Исетское Войско, его силами возводилась Исетская линия [155, 219].

В 1737 г. Кириллов умер, его преемником стал видный ученый и администратор В.Н. Татищев. Место, выбранное для Оренбурга, он забраковал — «низкое, затопляемое, бесплодное и безлесное». К тому же город был слишком удален от коммуникаций по Волге и Каме. И в 1739 г. Татищев перенес его на 200 верст ниже по течению Яика, в урочище Красная гора. А «первый Оренбург» стал называться Орской крепостью. Но беспорядки среди башкир и казахов не утихли. А Татищев был человеком весьма гуманным, свернул карательные мероприятия и попытался действовать разъяснениями, что освоение края и разработка его богатств пойдет на пользу местным народам. Это дало обратный эффект, было воспринято как слабость русских. И восстание полыхнуло с новой силой. Татищева сняли, и генерал Урусов круто подавил бунт, разорив 107 деревень, казнив 600 человек и 2000 отправив в ссылки.

Когда к власти пришла Елизавета, бироновские планы британских путей в Азию она похерила. Но строительство укрепленных линий для защиты уральских заводов было продолжено. Однако новому губернатору И.И. Неплюеву место татищевского Оренбурга тоже не понравилось. И в 1742 г. город «переехал» еще на 70 верст ниже по течению Яика, на место Бердской крепости. А «второй Оренбург» стал Красногорской крепостью. Была образована Оренбургская губерния, в которую вошли весь Яик, Самара, Уфа, Западная Сибирь. Сюда направляли переселенцев, ссыльных. Было основано 28 новых металлургических заводов. Но отношения с казахами оставались сложными. Они обращались к русским за помощью, когда это требовалось. Ханы охотно встречались с представителями властей, принимали подарки, пили водку, произносили цветистые речи. Но уже на следующий день подданные этих ханов нападали на русских. Крупные набеги были в 1745, 1746, 1747 гг. Казахи грабили, угоняли скот и открыли для себя «выгодный промысел», захватывая пленных и продавая в Хиву. Согласно челобитной одного выходца из плена, в Хиве находилось 5 тыс. русских невольников [155].

И чтобы противодействовать нападениям, строились новые линии — Нижне-Яицкая (9 крепостей и 18 форпостов), Самарская (9 крепостей и 3 редута), Сакмарская (10 крепостей и 2 редута). Для обороны соляных месторождений казачий сотник **Углицкий** на свой счет построил укрепление Илецкая Защита, и от нее пошла Илецкая линия. Всего к середине XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось 114 укрепленных пунктов. Большинство крепостей были маленькими (они хорошо описаны у Пушкина в «Капитанской дочке»). Между ними устраивались «бекеты» (пикеты). Каждый «бекет» представлял собой шалаш с вышкой для наблюдения, обнесенный двойным плетнем, засыпанным землей. Тут дежурили несколько казаков, за плетнем они могли укрыться и отстреляться от небольших нападающих отрядов... А связь между крепостями и «бекетами» поддерживали конные разъезды. *В 1748 г. различные казачьи общины, поселенные на Самарско-Оренбургской линии, были объединены с Исетским Войском и стали Оренбургским иррегулярным Войском. А в 1755 г. оно было преобразовано в Оренбургский казачий корпус* [219].

И сразу же корпусу пришлось выдержать серьезное испытание. В 1755 г. мулла Батырша Алеев взбунтовал башкир. Они погромили русские поселки, почтовые станции и объединились с казахами, набралось 50 тыс. воинов. Закипели жестокие бои, отряды мятежников штурмовали и осаждали крепости, казачьи и солдатские гарнизоны отбивались, осаживали конницу из ружей и пушек, рассеивали атаки встречными вылазками. Большую помощь оказали мещеряки и татары. Они не только приняли сторону русских в боях, но и вступили в переговоры с мятежниками и сумели расколоть их. Кончилось тем, что башкиры поссорились с казахами, и между ними началась такая резня, что те и другие бежали в разные стороны — казахи вглубь степей, а башкиры в леса и горы. После чего принесли повинную. Батырша был в 1757 г. пойман мещеряками и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Для защиты от казахских набегов усиливалась и оборона Сибири. На запад от Омска, т. е. от Иртышской линии, стала создаваться Ишимская (Горькая) линия. В 1752 г. была основана Ишимская крепость, за ней Пресновская, Петропавловская, Змеиноголовская.

Общая протяженность линии составила 548 верст, она перекрыла пространство между Тоболом и Иртышом. А на восток от Иртышской линии строились Кольвано-Кузнецкая и Бийская линии. Таким образом сибирские линии сомкнулись в единую гигантскую систему, а на фланге соединились с яицкими системами и Самарско-Оренбургской линией.

32. КАЗАКИ У СЕБЯ ДОМА

Когда на Украине и юге России строились новые оборонительные системы, старые теряли свое значение. Часть служилых казаков, оборонявших их, переселялась на новые места, *часть оставалась и переходила на положение государственных крестьян* или мелких дворян. При Елизавете *исчезла и категория городских казаков*, за которыми, напомню, со времен Федора Алексеевича оставались функции полицейской и пожарной службы. То есть сами-то они никуда не делись, но их переименовали в «городовых солдат». Позже слово «солдат» как-то само собой отпало и осталось только «городовые» — то есть полицейские.

Но казачество и пополнялось, вбирая в себя внешние добавки. Одной из них стали стрельцы и пушкари. В дальних гарнизонах петровские реформы их не коснулись, они были нужны, и их не расформировывали. Но и в «регулярство» они не попали. О них как бы вообще забыли, статус стрельца оказался совершенно неопределенным. А для казаков они были вполне «своими». Служили вместе, делили радости и невзгоды, жили сходным бытом. И они смешивались с казаками. Пушкин в XIX в. еще застал на Урале казаков, помнивших о своем стрелецком происхождении. То же самое было в Сибири, на Тереке, в Астрахани. А московских стрельцов Петр сослал в низовья Волги, в Черный Яр и Красный Яр, и их потомки вошли в Волжское Войско. В 1742 г. на Царицынской линии была построена крепость Енотаевск, *и возникла община енотаевских казаков, в которую вошли Черноярская и Красноярская команды.*

Пополнялось казачество не только русскими. Так, в Яицком Войске по данным переписи 1723 г. из 3164 казаков было 70 татар, 3 ногайца, 49 башкир, 34 калмыка. Причем, например, некоему **Даши Булатову**, владельцу 200 кибиток, так захотелось стать казаком, что он бросил свое имущество и ушел с семьей в Яицкий городок. В 1724 г. его сын **Дендюк Булатов** получил от властей грамоту, разрешающую принимать в Яицкое Войско калмыков из его владения, и их количество возросло до 684. При Елизавете правительство принялось заигрывать с калмыцким ханом Дондук-Даши и велело всех калмыков, которые пришли к казакам после 1736 г., вернуть в орду. Но Яицкое Войско заявило, что может выдать только некрещеных. И в улусы были отданы лишь 112, остальные предпочли креститься. А в 1747 г. в Яицкое Войско были зачислены 290 башкир, не пожелавших принять участие в очередном восстании и перешедших к казакам [128]. Были инородцы и в других Войсках. После эвакуации русских войск из Закавказья на Терек бежало много грузин, армян. Некоторые стали казаками, их община возникла в станице Шелковской. А когда на постоянную русскую службу решила перейти большая группа крещеных калмыков, ее поселили возле Чугуева, в 1749 г. объединили со здешней казачьей командой, и был создан *Чугуевский казачий полк*.

Структуры управления в разных Казачьих Войсках в XVIII в. заметно отличались. На Украине после смерти Данилы Апостола пост гетмана снова был упразднен, Анна Иоанновна восстановила Малороссийскую коллегию. Но однажды в Петербург привезли молодого полтавского казака **Алексея Разумовского**. Он был певчим в церкви, и его заметили из-за уникального голоса. В него влюбилась царевна Елизавета Петровна. И когда взшла на престол, Разумовский стал графом и морганатическим супругом императрицы. Предприняв поездку на Украину, она благосклонно выслушала желание казаков иметь гетмана и в 1750 г. позволила «избрать» его. Избрание, конечно, было формальным, даже заочным, гетманом стал 22-летний брат Алексея **Кирилл Разумовский**. Человек добрый, великодушный. Но казачьими делами он занимался мало, да и вообще жил в Петербурге, где заодно стал президентом Академии наук. В гетманской столице, которой в то время был г.

Глухов, неограниченно распоряжалась старшина — войсковой судья и обозный. А украинские казачьи полки стали полными «вотчинами» полковников, они даже передавали свои посты по наследству [139].

На Дону войсковые атаманы тоже фактически стали пожизненными, и появились подобия «династий». Сперва правили потомки Фрола Минаева — Максим Фролов, Иван Фролов. С 1738 г. войсковым атаманом был высочайшей грамотой назначен **Данила Ефремов**. А в 1753 г. он попросил Елизавету уволить его от атаманства по возрасту и передать этот пост сыну Степану. Императрица согласилась, но в знак особой милости повелела сыну оставаться в подчинении отца. По сути наследственными стали и старшины. Правда, казачья знать не была замкнутой кастой, в ее ряды можно было попасть благодаря личной доблести, заслугам (как выдвинулись Денисовы, Платовы, Кутейниковы, Иловайские и др.). Но когда человек попадал в старшины, его родные получали соответствующие преимущества в службе, у них было больше шансов быть замеченными, получить важное назначение.

При атамане на Дону действовала Войсковая канцелярия — войсковой писарь, войсковой дьяк, 2 войсковых есаула, 2 войсковых комиссара, словесный судья, войсковой расходник, войсковой базарный. Эти должности были выборными. А в станицах по-прежнему ежегодный круг избирал станичного атамана и двух судей: они вместе с атаманом разбирали мелкие тяжбы, проступки, могли наложить штраф, посадить на несколько дней под арест, просто выпороть. С 1740-х гг. в станицах сложился и совет из стариков (не менее 4), их называли «подписными» — они подписывались под станичными документами и при получении приказов начальства, ручаясь, что распоряжение будет выполнено [219].

Яицкое Войско, несмотря на подчинение Военной коллегии и губернаторам, сумело в своей глуши сохранить полное самоуправление. Татищев в 1738 г. писал: «Старшин у них чрезвычайно много... выборы атаманов и старшин производятся из среды не лучших, а наиболее угодных казакам... В круг их приходит множество, где и при слушании указов бесчинства, брани и крики бывают... Поступают по своевольству, не рассуждая, что им полезно или вредно: по обычаю за бездельные дела казнят смертью, а важными пренебрегают...» [102] Впрочем, тут надо учитывать, что критерии оценки «бездельного» и «важного» у Татищева и казаков были разными. Например, угнать табун у кочевников для казаков не было преступлением, поскольку и соседи поступали так же. А вот украсть рубль у товарища было отнюдь не мелочью.

Оренбургское Войско создавалось из разнородных частей и единых войсковых органов управления не имело. Подчинялось Оренбургскому губернатору, а отдельные общины — комендантам крепостей. Но каждая община проводила свои круги, выбирала атаманов. Не имели единого войскового управления и сибирские казаки. Их власти подразделяли на полки и сотни. Подавляющее большинство здешних казаков было из служилых, но и они переняли традицию природных казаков проводить в общинах крепостей круги и выбирать атаманов. Эти атаманы утверждались царской администрацией, но с 1738 г. выборы были запрещены, и атаманов в общины стали назначать, часто из армейских офицеров [19].

В Гребенском Войске, как и в Яицком, удерживалось полное самоуправление. Астраханский губернатор в 1744 г. доносил, что «онные гребенские, хотя и могут из всех казаков за лучших воинов почитаться, только от того, что атаманов погодно переменяют и старших против прочих не имеют, в великом беспорядке находятся». С инспекцией на Терек был послан бригадир Кольцов. Его ужаснуло, что «атаману никакого почтения и страха казаки не имеют». И указом Елизаветы в 1745 г. терское казачество было реформировано. Гребенское Войско сливалось с Терско-Семейным, которое уже отвыкло своевольничать и было подконтрольно властям. Им предписывалось избирать общего атамана, его утверждала Военная коллегия, и он получал очень большие полномочия «под страхом за противные поступки жестокого наказания». Но ничего не получилось. Два Войска были слишком разными по составу, происхождению, даже по вере, гребенцы — старообрядцы, а

Терско-Семейное придерживалось нового обряда. Пошло соперничество, склоки за атаманство. Кончилось тем, что правительство поставило в 1752 г. наказным атаманом гребенца **Ивана Иванова**, а в 1754 г. разделило Войска, вернув прежние порядки. Но хотя атаман у гребенцов снова стал выборным, у них тоже установилась «династия» — от Иванова к сыну, от него к внуку [23, 235].

В казачьей служебной иерархии в XVIII в. произошли изменения, появились новые звания — «войсковой старшина», «хорунжий». Но государственным военным званиям они еще не соответствовали. Армейские чины давались за какие-то заслуги и, например, казачий полковник мог быть поручиком или вообще не иметь армейского офицерства. И сами звания у казаков разных Войск имели не одинаковое значение. У запорожцев «войсковой старшина» означал члена правления всего Коша — войскового писаря, судью, есаула, обозного. И это было выше полковника — в полках существовали полковые старшины (полковой писарь, полковой есаул и т. п.) [57]. А на Дону постоянных полков не было. И полковников тоже. А войсковыми старшинами называли тех, кто раньше командовал полками или занимал другие важные руководящие посты. Когда требовалось сформировать полк, Войсковая канцелярия определяла полковника из числа войсковых старшин. Он получал соответствующий документ, знамя, полковничий пернач, сам собирал казаков по городкам. А вернувшись из похода, сдавал в канцелярию знаки своей власти и из полковника снова становился войсковым старшиной [63].

Со временем менялся и быт казаков. Если в XVII в. земледелия на Дону не было, то в первой половине XVIII в. здешние казаки стали усердными землепашцами. Причем стимул был весьма прозаическим — при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне жалованья не получали даже генералы. Денег у правительства всегда не хватало, платили лишь тем, кто находился в действующей армии, там уж никуда не денешься. Да и при Елизавете жалованье шло крайне нерегулярно. Вот и приходилось выкручиваться, пользоваться тем, что есть. В связи с развитием земледелия казаки стали жить большими семьями — отец, женатые сыновья, их дети. Это требовалось для полевых работ. Впрочем, и в других отношениях казаки привыкли полагаться не на правительство, а на себя. Отобрал Петр Бахмутские соляные месторождения — донцы нашли другие, на Манычском озере, и выжили степняков из его окрестностей.

Появились и казачьи помещики. Таких масштабных сысков беглых, как при Петре, больше не проводилось, а старшина стала наследственной, с представителями царских властей научилась ладить, и контролировать ее было некому. Те же Фроловы, Ефремовы, Краснощекоты привлекали беглых крестьян различными льготами, укрывали, организовывали на пустующих землях хутора. Богатея, стали и прикупать крепостных. Правда, по указу Елизаветы от 1746 г. право владения крепостными оставлялось только за дворянами, но казачья старшина уже имела армейские офицерские чины, что автоматически давало дворянство. Из походов казаки пригоняли трофейный скот и коней, и ширилось скотоводство, коневодство. Каждый городок имел свой станичный табун. А казачьи помещики заводили крупные конские заводы. Скупали из добычи рядовых лучших жеребцов и кобылиц разных пород, вели целенаправленную селекцию, и была выведена знаменитая донская порода. Но и старых промыслов донцы не забывали — в первую очередь рыболовство. Рыбы было много, когда по Дону шла на нерест тарань, «весло в воде стоймя стояло». Ловили в огромных количествах. Украинские чумаки, приезжая на Дон, покупали тарань не на вес, не поштучно, а возами — 10–15 копеек за воз, на глазок нагруженный сушеной рыбой.

В Яицком Войске рыболовство оставалось главным промыслом — здесь земля представляла выжженную целинную степь, обрабатывать ее было тяжело. Рыбные ловли были разные: малое и большое багренье, весенняя и осенняя плавни, рыболовство неводами, аханное, курхайский лов, лов крючками. Заботясь о сохранности природных богатств, для каждого лова были разработаны подробнейшие правила, Войсковой канцелярией определялись места и сроки, для руководства назначались особые атаманы, а нарушителей

строго штрафовали. Яицкое Войско поставляло рыбу и икру к императорскому двору. Хлеб же казаки покупали привозной на деньги, вырученные от продажи рыбы. А при создании Оренбургского Войска, чтобы не зависеть от привозных продуктов, казаков заставляли заниматься земледелием. Приказы начальства требовали в обязательном порядке вспахать и засеять хотя бы 2 десятины на семью, а если возделано больше, казаков премировали [219].

На Тереке правительство тоже пыталось сделать казаков землепашцами, однако это не удавалось. Каждому гребенцу выделялось 30 десятин, но еще и в 1772 г. из войсковых 44333 десятин обрабатывалось 2035. Потому что хорошая земля осталась на правобережье Терека, стала «чужой». А на левобережье плодородной была узкая полоса, дальше начиналась сухая степь. К тому же здешние казаки были постоянно задействованы на службе, и жалование им все же платили. А развивались в основном виноградарство, огородничество, бахчеводство. Это были более выгодные отрасли, и работы могли осуществляться силами женщин. Важную роль в хозяйстве терцев играли и рыболовство, охота. Выходили на Каспий, ловили в реке, рыбу и икру меняли у чеченцев и кумыков на хлеб. Одной из обязанностей гребенцов по указу сената от 1738 г. было пополнять «дворцовую межанерию фазанами, журавлями, оленями, штейнбоками, кабанам и козами». А при поездках в Петербург за жалованьем казаки везли на продажу лошадей, волчьи и лисьи шкуры, бочонки с рыбой. Вывоз рыбы принял такие размеры, что в 1746 г. был ограничен: на одного казака 50 спинок рыбы и 4 куля икры. Но все равно ежегодно вывозилось более 50 тыс. спинок. Продавали и контрабандой. Кизлярский командант доносил, что горцы «ходят с хлебом для меня не по настоящим дорогам, а по прибрежным, через казачьи огороды» [23].

Но в первую очередь казаки были воинами. Как это ни парадоксально, но даже свое хозяйство они развивали главным образом для того, чтобы иметь возможность служить! Они, как и раньше, осознавали себя воинами Христовыми, и пахали, сеяли, выращивали виноград, рыбачили, чтобы справить оружие, коней, одежду для службы. Казачонка в 3 года сажали на коня, в 5 доверяли ездить самостоятельно, с 7 лет учили стрелять, с 10 — владеть холодным оружием. С 14 (позже с 17) лет юноша считался «малолетком», то есть почти уже полноценным казаком, но младшего возраста, выполнял поручения станичного атамана, служебные обязанности внутри Войска. Женились рано, лет в 17, чтобы успеть произвести потомство, пока муж не уйдет на службу. И в полной мере действовало казачье братство. Бедным подготовить «справу» для службы помогала община — в складчину или за счет станичных сумм. А сирот, чьи отцы погибли в походах, называли «атаманскими детьми», о них забитилась и воспитывала вся станица.

33. КАЗАКИ В СРАЖЕНИЯХ

В 1738 г. последний раз упоминается об эскадре донских казаков — по условиям Белградского мира мореплавание на Черном и Азовском морях России было запрещено. И донцы стали исключительно кавалерией, чему способствовали традиции взаимопомощи: бедные казаки не оставались безлошадными. Еще одним новшеством у донцов стало вооружение пиками. Раньше казаки применяли короткие дротики (у запорожцев — «списы»), с ними ходили в рукопашную. А длинные пики использовались в русской и европейской пехоте — мушкетеры вели огонь, а пикинеры, выставив оружие, защищали их от конницы. Но в 1705 г. был изобретен штык-багинет, а пики Петр I отдал «иррегулярным» ополченцам. Казаки не преминули ими разжиться. Усовершенствовали, подогнав по руке. И соединили качества легкой конницы с возможностями тяжелой — таранного сметающего удара. Кроме пики и сабли, каждый имел ружье, 2–4 пистолета. Но в данный период на вооружение вернулся и лук. Потому что огнестрельное оружие было однозарядным. Одно дело — в лодке или в укреплении, когда часть стреляет, часть заряжает. А в конной схватке попробуй-ка заряди [63].

Словом, казаки, еще не регулируемые никакими наставлениями «сверху», сами вырабатывали эффективное снаряжение. И тактику тоже. Главными боевыми приемами

были «лава» и «вентерь». Лава — это не вид строя, это способ ведения боя, доступный только прирожденным воинам и наездникам, постигающим это искусство с детства. Писали, что казаки воюют «кучами». Но каждый в «куче» мгновенно ориентировался, повинуюсь команде, жестам, свисту командиров, лава могла из редкой, разомкнутой, в считанные минуты сомкнуться, изменить направление, разделиться на отряды. Ну а вентерь применялся издревле — заманивание врага в ловушку. Были и другие приемы, например, «помаячить» в разведке. Разъезд движется к предполагаемой засаде, вдруг останавливается, вглядывается и скачет назад. Противник считает, что его заметили, стреляет вслед — и выдает себя.

Запорожцы же по старинке разделялись на конницу и пехоту. В отличие от Дона, обычая помогать друг другу снаряжением здесь не было. Не имеет казак коня или потерял его — переходит в пехоту. Разжился конем — переходит в конницу. Причем табуны имелись, запорожские лошади славились, их покупали для ремонта русской кавалерии. Но они принадлежали Кошу или старшине. И деньги за продажу шли в общую казну или частные карманы [297]. Терские казаки издревле были конными, а воевали по обычаям горцев — шашкой, винтовкой, кинжалом. Уральцы и оренбургцы перенимали обычаи донцов.

В 1756 г. грянула Семилетняя война против прусского короля Фридриха II Великого, считавшегося лучшим полководцем в Европе и имевшим лучшую армию. Главной его ударной силой была конница. Его тяжелые кирасиры, прославившиеся «черные гусары» всюду громили австрийскую и французскую кавалерию, страшными атаками в сомкнутом строю сминали линии пехоты. Общее руководство казачьими частями было возложено на походного атамана Данилу Евремова. Немецкий пастор Теге описал их вступление в Пруссию: «Несколько тысяч казаков и калмыков с длинными бородами и суровым взглядом, с невиданным вооружением — луками, стрелами и пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе с тем величествен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревням, где были им отведены квартиры...»

И оказалось вдруг, что с «непобедимой» конницей Фридриха казаки вполне справляются. В первом крупном сражении, у Гросс-Егерсдорфа, донской полк **Сидора Себрякова** атаковал немецких драгун, изобразил отступление и вдруг рассеялся в стороны, подведя неприятелей под залпы пехоты и батареи. После чего казаки ударили с флангов и довершили разгром. Из черных прусских орлов, нашитых на чепраки, потом сделали покров на аналой Черкасского собора. В 1758 г., в кровопролитной битве у Цорндорфа, полк бригадира **Федора Краснощекова** (сына героя и мученика Ивана Матвеевича) предпринял рейд во вражеский тыл, захватив обозы. А после сражения, в арьергардных боях, заманил в вентерь, под русские пушки, лучшую германскую конницу Зейдлица. В 1759 г. еще одна отборная часть Фридриха, «бессмертные» черные гусары Циттена, под Гранау и Гуре потерпели поражение от донского полка **Амвросия Луковкина**. А в победоносной битве при Кунерсдорфе храбро сражались полки Краснощекова, Луковкина, **Андрея Дячкина**, **Афанасия Попова**, 500 чугуевцев [63, 219].

Немецкие всадники столкновений с казаками не выдерживали. Пики поражали их прежде, чем они могли достать донцов своими палашами, рушился строй — а потом уже в дело вступали казачьи сабли. (И по опыту этой войны в европейских армиях также стали создаваться легкоконные части, вооруженные пиками — уланы, пикинеры). В сентябре 1760 г. в составе отрядов Чернышева и Тотлебена казаки Краснощекова, Дячкина и **Туроверова** участвовали в первом взятии русской армией Берлина. Да, еще не было песни «едут-едут по Берлину наши казаки» — а они уже ехали. Захватили в качестве трофеев мундир и ордена самого Фридриха. И, кстати, отметились еще одним важным делом — выпороли берлинских газетчиков, которые в своей прессе поливали Россию беспардонной грязью и клеветой. (Может, как раз с этого момента казаков так не любят средства массовой информации?)

В 1761 г. полки П.А. Румянцева осадили Кольберг в Померании. Два корпуса, направленных Фридрихом на выручку крепости, были разбиты казаками и русской

регулярной кавалерией, командир одного из корпусов, генерал Вернер, попал в плен к донцам Краснощекова. Кольберг пал. Однако война оборвалась внезапно. Умерла Елизавета, и корону получил Петр III (Карл-Петр-Ульрих Голштейн-Готторпский), ярый поклонник Фридриха. Немедленно вернул своему кумиру все завоевания и в мае 1762 г. заключил с ним не только мир, но и союз против прежних союзников австрийцев. Такое пренебрежение к пролитой русской крови и плодам одержанных побед стоило Петру III трона и жизни. 28 июня 1762 г. гвардия свергла его, возведя на престол нелюбимую супругу Петра Екатерину II (Софью-Фредерику-Августу Ангальт-Цербст-Бернбургскую). В Петербурге в этот момент находилась донская легкая станица во главе с войсковым атаманом **Степаном Ефремовым** и приняла активное участие в перевороте. За это Ефремову была пожалована именная сабля, а войсковой старшина **Поздеев**, войсковой дьяк **Янов**, есаулы **Сулин** и **Ребриков** были награждены медалями.

Что ж, после бироновщины, бестолкового правления Елизаветы и уж тем более Петра III, Россия получила действительно умную и деятельную императрицу. Даже будучи чистокровной немкой, она направила политику в национальное русло. Проявляла весьма широкую веротерпимость, но вместе с тем всячески подчеркивала ценности Православия. Стала первой правительницей, запретившей в России масонские организации. Обратила внимание и на казаков. В 1767 г., когда развернулась работа по выработке нового законодательного Уложения, Екатерина велела избрать депутатов и от Казачьих Войск, выработать казачьи указы. Впрочем, кампания не дала практических результатов — указы от разных сословий и групп населения слишком противоречили друг другу. А потом стало вообще не до того.

На границах снова сгущались тучи. И толчком к очередной полосе жестоких войн стали события в Польше. На ее престол усилиями Петербурга был возведен Станислав Понятовский. И Екатерина, добившись этого успеха, в 1768 г. потребовала от поляков прекратить преследования Православной Церкви, издевательства над православным населением и уравнивать его в правах с католиками. Сейм отказал. Тогда русский посол в Варшаве Репнин, недолго думая, арестовал четверых главных оппозиционеров и выслал в Россию. Перепуганный сейм согласился на все требования. Но радикально настроенные паны собрались в г. Бар и создали конфедерацию, объявив короля и сейм низложенными. Екатерина двинула против них войска. Поляков активно поддержал папа римский, Франция слала им деньги, оружие, направила своих генералов и волонтеров. И подстрекала к войне Турцию.

Отношения между Петербургом и Стамбулом оставались не лучшими. Россия готовилась продолжить борьбу за выход к Черному морю. И для этого, поскольку Азов считался демилитаризованным, в 1761 г. была заложена крепость Св. Дмитрия Ростовского (ныне Ростов) — как опорный пункт и перевалочная база для войск. Готовилась к схватке и Турция. Теперь она сочла момент подходящим, получила от Франции 3 млн. ливров субсидий. И когда русский отряд Вейсмана, преследуя разбитых поляков, укрывшихся в турецкой части г. Балты, ворвался туда, для султана это стало предлогом объявить войну. Но Россия оказалась достаточно сильной, чтобы сражаться с несколькими противниками.

Барская конфедерация была чисто панской, на ее стороне дрались отряды шляхты и французских наемников. Народной поддержки, а уж тем более со стороны белорусов и украинцев, она не получила. Мало того, на Правобережье началось восстание казаков и крестьян против помещиков, возглавили его **Максим Железняк** и **Гонта**. Но король Станислав был как бы русским союзником. Взмолился к императрице, и ее войска помогли полякам, разгромив повстанцев под Уманью. Однако судьбы разных частей мятежников оказались очень различными. Железняк и 167 его соратников остались в русском плену, они были сосланы в Сибирь и приняты на службу в Забайкальское Войско. А 400 человек, выданных полякам, были казнены, с Гонты заживо содрали кожу.

Война же против конфедератов носила «партизанский» характер. Небольшие отряды гонялись по лесам за скопищами шляхты и достаточно легко громили их. Но возникали

другие скопища, и их тоже приходилось перехватывать. Казаки (а сюда было направлено 9 тыс. донцов) оказались для такой войны как нельзя кстати. Особенно отличился в этих схватках отряд бригадира **Александра Васильевича Суворова**. Он познакомился с казаками еще в прусскую войну в боях под Кольбергом, вполне оценил их боевые качества. Именно с казаками он впервые прославился как решительный и талантливый командир. И не кто иной, как Суворов стал первым военачальником, сумевшим грамотно использовать особенности казаков и их приемы. Родились-то эти приемы сами по себе, и казачьи командиры их применяли сами по себе. Но Суворов сделал казачью тактику частью общевойсковой, включил во взаимодействие с другими войсками. Так, в битве у Ландскроны 4 тыс. поляков и французов генерала Дюмурье заняли очень выгодную позицию на гребне холма, прикрытые пушками крепости. Суворов, имея 3,5 тыс. пехоты и конницы, принял неожиданное решение атаковать казачьей лавой. Когда редкая цепочка из двух сотен казаков с пиками поскакала вперед, Дюмурье глазам своим не поверил. И боялся лишь одного, как бы Суворов не отменил атаку. Даже запретил стрелять и объявил панам, что победа у них в руках: едва казаки появятся на гребне, их сметут прежде, чем они перестроятся. Но они перестроились во мгновение ока, вынеслись на холм уже сомкнутым кулаком и врезались в правый фланг врага, сломав его строй. А тем временем подоспела русская тяжелая конница, ударив по левому... Разгром был полный [123].

Не менее доблестно дрались казаки на турецком фронте. В январе 1769 г. крымский хан с 70 тыс. конницы вторгся на Украину. Погромил окрестности Елисаветполя, Запорожья, Бахмута, но был отбит регулярными частями и казаками. И это было последнее из крымских нападений, допекавших Россию более 200 лет... Возникали и новые казачьи формирования. В составе турецких войск был полк, сформированный из некрасовцев, валахов, сербов, болгар. Когда его направили против русских, он не стал сражаться и перешел на нашу сторону. А в российской армии существовал «Нововербованный» полк из правобережных (польских) украинских казаков. *Эти два полка были объединены и составили Бугское Казачье Войско* [228]. С началом войны, отменившей условия прежних договоров, Екатерина велела укреплять Азов, заново строить Таганрог. *В качестве гарнизонов были сформированы Азовский и Таганрогский казачьи полки*. Они создавались на базе Войска Донского, но в Азов и Таганрог переселяли бежавших на Дон крестьян и провинившихся, штрафованных казаков. Они выбывали из Войска, полками командовали русские офицеры [219].

Прекрасно воевало Запорожское Войско, выставившее 7,5 тыс. конницы. Отряды, возглавляемые кошевым **Петром Калнышевским**, войсковым судьей **Павлом Головатым**, полковниками **Чепигой**, **Ковпаком**, **Носом** фактически выиграли борьбу за степь, совершали поиски под Гаджибей, Очаков, Кинбурн, Перекоп, разгромив татарские орды и заставив их прятаться по крепостям [294]. Но особенно прославилась запорожская флотилия. Она состояла всего из 38 «дубов» (или «байдаков»), на каждом — 1 легкая пушечка-фальконет. А команды насчитывали 2 тыс. казаков. В первые годы войны другого флота на юге у России еще не было, его только начали строить. И запорожцы творили чудеса. В мае 1769 г. турецкая эскадра Хасана-Кызыл-Исарли из 20 больших кораблей с десантом из 12 тыс. воинов двинулась вверх по Днепру. Запорожские лодки под командой **Филиппа Стягайло** устроили засаду в плавнях. Подпустив врага в упор, первым же выстрелом отбили руль у флагманского корабля, и он сел на мель. В ходе сражения турки потеряли еще 3 судна и повернули назад [295].

В кампанию 1770 г. запорожская флотилия под руководством **Данилы Третьяка** выиграла морской бой у Кинбурна против эскадры из 11 кораблей. А донские казаки в составе армии Румянцева 7 июля 1770 г. громили крымского хана при Ларге. Вскоре подошла 150-тысячная турецкая армия Халил-паши. С русскими она встретилась на р. Кагул. В это время с Дона прибыл полк **Дмитрия Иловайского**, укомплектованный молодежью. И когда Халил с большой свитой выехал на рекогносцировку, полк Иловайского, стоявший на передовых постах, напал на него. Рассеяли конвой, один из казаков даже ухватил за бороду

самого пашу, но он вырвался и ускакал. При возвращении полка в лагерь вся армия по приказу Румянцева встретила его музыкой, барабанным боем и криками «ура». В битве 18 июля турок разбили вдребезги. Иловайский геройски проявил себя и под Бендерами. Когда войска штурмовали крепость, турки скрытно вывели 2 тыс. воинов и предприняли опасную вылазку с целью ударить по обозу, внести панику и заставить атакующих отступить. Казаки в штурме не участвовали, их оставили на наблюдательных постах. И Иловайский, быстро собрав их, обогнал врагов, настиг возле самого обоза и отбросил.

После таких поражений в подданство России запросились перейти ногайские орды. В Бахчисарае тоже возникла партия, предлагавшая последовать их примеру. И чтобы подтолкнуть подобные настроения, в 1771 г. на Крым двинулась армия В.М. Долгорукова, в составе которой был отряд запорожцев и 7 тыс. донцов. Штурмом взяли Перекоп, разгромили выдвинувшуюся сюда ханскую армию и в одну кампанию овладели городами и крепостями полуострова. Тут отличился донской есаул **Василий Андронов**. В начале войны он попал в плен, перенес пытки, издевательства. Сумел бежать, вернулся в строй и при штурме крепости Еникале проявил чудеса храбрости, рассчитавшись с врагами сполна.

А запорожцам императрица приказала перебазировать половину флотилии на Дунай. Плаванию придавалась огромное значение. Екатерина назначила особые награды — 1 тыс. руб. тем, кто пойдет на первой лодке, 500 руб. экипажу второй, по 300 на остальные. На каждую лодку требовалось взять по одному писарю, чтобы составить описание берегов, глубин, селений. На 19 челнах отправились 988 казаков во главе с полковником **Яковом Седловским**. По дороге у о. Березань захватили вражеский корабль, а у устья Дуная победили и взяли на абордаж 8 галер с 26 пушками. Отряд стал ядром формирующейся Дунайской флотилии капитана I ранга И.И. Нагаткина. Турки чувствовали себя на Дунае хозяевами, плавали спокойно. Теперь этому пришел конец. Запорожцы захватывали и топили их суда. 11 июля 300 казаков на 6 лодках под командованием секунд-майора **Белича**, сделав засаду в камышах, разгромили у горы Буджак целую эскадру из 4 галер и многих мелких судов. Не потеряли ни одного человека, уничтожив свыше тысячи врагов. Такие операции перерезали речные коммуникации турок, их крепости были изолированы друг от друга. И отряд генерала Вейсмана одним рейдом взял Тульчу, Исакчу, Бабадаг, Мачин, запорожский десант овладел городом Гирсово. Отважный командир сечевиков Седловский в этих боях был ранен и вскоре скончался.

В 1772 г. завершилась война с поляками. Россия договорилась с Австрией и Пруссией, они тоже ввели войска в Речь Посполитую, сопротивление было окончательно подавлено и состоялся первый раздел Польши. К России отошли православная Белоруссия, Подолье, Волынь. Да и Турция была совершенно измочалена, согласилась на переговоры. Однако в Стамбуле породило новые надежды восстание Пугачева, османы стали упорствовать, отвергать русские требования. И пришлось их склонять к миру новыми ударами.

С войсками, переброшенными из Польши, прибыл и Суворов. Он и на Дунае умело использовал казаков. Например, посылал их выманить венгером турок с укрепленных позиций. Но однажды донцы его подвели. Впрочем, и выручили. На день св. Георгия-Победоносца они крепко выпили, и утром 400 спагов ворвались вдруг в русский лагерь, 30 из них поскакали к палатке Суворова. Но рядом на копне сена спал есаул **Захарий Сенюткин**, бросился с несколькими казаками на помощь генералу и отбил турок [123]. Суворов потом обнял Сенюткина перед строем: «Спасибо, чудо-богатырь! Ты спас меня от верной гибели!» А во время рейда на Туртукай выручать Суворова довелось запорожцам. Когда он переправился за Дунай, турки прислали флотилию, блокировавшую его с тыла. Но своевременно подоспели 20 лодок полковника **Ивана Дуплича** и заставили неприятельские суда убраться. Через две недели Дуплич погиб в бою под Силистрией.

В этой войне ярко возшла звезда **Федора Петровича Денисова**. Он был простым казаком, вырос на службе до есаула. Отличился в битве при Ларге, лично изрубив 7 татар, вскоре получил под команду полк. За одержанные победы был пожалован чином армейского подполковника, а турки его прозвали «Денис-паша». Одно его имя наводило ужас на

неприятелей, в ходе войны его полк захватил 68 пушек, 108 знамен, 3 тыс. пленных, а уж скольких врагов положили в степях, вряд ли можно было сосчитать [201]. Сражения завершились в 1774 г. подписанием Кучук-Кайнарджийского мира, по которому Россия получала земли между Днепром и Бугом, Кинбурн, ряд крепостей в Крыму, право черноморского плавания. Турция признала независимость Крыма и Грузии.

34. «ПУГАЧЕВЩИНА»

Еще Петр I ужесточил крепостное право, а Елизавета Петровна, хоть ее и воспели как «патриотку», узаконила торговлю крепостными. К тому же императрица любила повеселиться, сплошной чередой катились балы, празднества, внедрялись моды на роскошь, требующие от дворян больших затрат. Вот и выжимали из крепостных или продавали их. Но особенно тяжелым было положение заводских крестьян, которых со времен Петра приписывали к заводам целыми деревнями, отдавая в полную власть промышленников. На уральских заводах копились и беглые, каторжники: хозяева имели возможность и укрыть их, и дать взятки сыщикам.

Что же касается Казачьих Войск, то почти во всех — в Донском, Яицком, Малороссийском, Запорожском развилась одна и та же болезнь. С одной стороны, они были подчинены правительству. А с другой, правительство пустило их дела на самотек. С властями общалась только старшина, которая внутри Войск распоряжалась бесконтрольно, что и вело к злоупотреблениям. Так, на Дону «династия» атаманов Ефремовых захватывала войсковые и станичные земли, тратила на свои нужды войсковые средства, устанавливала поборы. Обогащалась и старшина, которой покровительствовал атаман. Рядовых казаков разоряли, принуждали батрачить на себя. Степан Ефремов вел себя, как царек. Завел отряд подручных, громивший и избивавший тех, кто выразил недовольство или непокорство. Зато когда атаман решил жениться на казачке **Меланье Карповне**, весь Черкасск гулял целую неделю и все равно не мог выпить и съесть того, что было наготовлено на «Маланьину свадьбу» [63].

Страшные злоупотребления царили и в Яицком Войске. Несмотря на то, что здесь сохранилось самоуправление, власть сосредоточилась в руках группы богатых старшин, имевших возможность манипулировать голосами круга. Войсковая канцелярия стала по сути несменяемой. Вошедшие в нее лица удерживали в свою пользу жалованье, стали вводить налоги на ловлю и продажу рыбы. Чиновники, посылаемые по жалобам казаков, общались с теми же старшинами, получали взятки, и все кончалось ничем. В результате возникли «атаманская» и «народная» партии, вспыхнули бунты. Для усмирения в 1766 г. был послан генерал Потапов, а в 1767 г. Черепов. Подавляли оружием, 120 человек казнили — вешали, сажали на кол, четвертовали [153].

Но правительство попыталось ликвидировать и причины бунтов. В Яицком городке была учреждена следственная комиссия. Отставила войскового атамана **Бородина**, на его место был избран **Тамбовцев**, членов канцелярии обязали выплатить удержанное казачье жалованье и внести пеню в войсковую казну. Однако у них нашлись высокие покровители, и приговор спустился на тормозах. Тогда казаки тайно послали делегатов к императрице — но президент Военной коллегии Чернышев арестовал их, объявил бунтовщиками, велел бить кнутом и заключить в тюрьму. А в это время в Войско пришел приказ отправить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Старшина этим воспользовалась, стала записывать своих противников. Пошел слух, что их будут обращать в регулярные войска, вызвавший новые волнения.

Добавился и еще один повод. Как ранее упоминалось, калмыки разделились на восточную и западную ветви. Китай, постоянно воевавший с восточной ветвью, в 1757 г. учинил геноцид, вырезав 1,5 млн. калмыков. Западную ветвь, находившуюся в русском подданстве, возглавлял легкомысленный хан Убуша. Получая известия от уцелевших восточных соплеменников, он счел, что сможет занять опустевшие земли, возродить

могущественную державу в Джунгарии, в 1771 г. снялся с 30 тыс. кибиток и двинулся к границам Китая. Яицкое Войско получило приказ выступить в погоню и вернуть беглецов. Но после случившегося выполнить повеление отказалось. В ответ последовали аресты и кары. И прорвало. 13 января 1772 г. казаки в Яицком городке взяли иконы и пошли к дому, где остановились генерал Траубенберг и капитан Дурнов из следственной комиссии. Требовали выдачи жалованья, отстранения Войсковой канцелярии. Траубенберг вывел воинскую команду с пушками. Казаки, увидев это, бросились в атаку и одолели. Траубенберг был убит, атамана Тамбовцева повесили. Выборные поехали в Петербург, чтобы объяснить случившееся, но на Яицкий городок был послан отряд генерала Фреймана. Разбил повстанцев, зачинщиков наказали кнутом, 140 человек сослали в Сибирь, несколько сот отдали в солдаты. Прежнее казачье самоуправление упразднили, Войско было подчинено коменданту Яицкого городка.

Кстати, то же самое чуть не случилось на Дону. После событий на Яике императрица спохватилась, обратила внимание на жалобы казаков, долго остававшиеся без ответа. Атамана Ефремова вызвали в Петербург. Он не ехал, тянул время. И стал распространять слух, что казаков будут писать в «регулярство», решив припугнуть правительство возможностью бунта. Для ареста атамана был послан генерал Черепов — но верные Ефремову казаки его избили. Лишь со второй попытки Ефремов был арестован. Под личным контролем императрицы и Потемкина на Дон была направлена комиссия для расследования жалоб. Земли, захваченные Ефремовым, конфисковали. Его судили и приговорили к смертной казни, но Екатерина, помня его участие в дворцовом перевороте, смягчила приговор и заменила ссылкой в Пернов (Эстония) [35].

Однако гасить бунт на Яике, в отличие от Дона, оказалось уже поздно. Казаки, получая вместо справедливости кары, обозлились. Но и старшины обозлились из-за уничтожения подконтрольного им самоуправления. Тут-то и объявился **Емельян Пугачев**. Донской казак Зимовейской станицы, был женат, участвовал в Семилетней и польской войнах. Был отличным бойцом, дослужился до хорунжего. Но отличался и авантюризмом, склонностью к бродяжничеству. В Польше жило много беглых старообрядцев, по указу Екатерины им дали места для поселения в Поволжье. Пугачев участвовал в сопровождении их обозов, наслушался расколуучителей. На Турецкой войне заболел «чирьями», был отпущен на излечение домой. И отправился в Таганрог, в гости к сестре. Ее муж, казак Прусов, жаловался на «регулярные» порядки в Таганрогском полку, не хотел служить. Пугачев подбил его и помог бежать на Кубань. Но вскоре Прусов одумался, вернулся и покаялся. И за содействие побегу Емельяна арестовали.

Он удрал. Скитался по белу свету. Был в раскольничьих скитах, на Тереке, Куме. Несколько раз его арестовывали, но получалось бежать. А на Яике он сперва задумал авантюру — увести желающих казаков на службу к туркам наподобие некрасовцев. Врал, что где-то его ждет караван с огромными суммами и товарами для оплаты. Но его заприметила группа богатых старшин, которым бросать свое хозяйство было незачем, а вот мятеж раздуть хотелось. И Пугачев превратился в «Петра III Федоровича». На самом-то деле Петр III был врагом всего русского, в том числе Православной Церкви. И в пику ей разрешил старообрядчество, освободил монастырских крестьян, переведя в разряд государственных. Но быстро сошел со сцены, и родилась легенда, будто он хотел освободить всех крестьян, а за это был убит дворянами. И Пугачев был не первым самозванцем. Но его предшественников без особых проблем арестовывали, а он попал в горячую среду. Заговорщики хотели дождаться осенней рыбной ловли, где собиралось все Войско. Однако в Яицком городке при неосторожной агитации арестовали одного из них, **Кожевникова**, и выступление началось раньше.

18 сентября 1773 г. Пугачев с отрядом из 300 человек появился у Яицкого городка. Часть казаков передалась ему. Других комендант Симонов послать против мятежников опасался, чтобы не случилось то же самое. Но и Пугачев не мог взять городок. И двинулся по укрепленной линии. Гарнизоны мелких крепостей состояли из инвалидов солдат и казаков,

переходивших к мятежникам. И по цепочке пали Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернореченская, Сакмарский городок... Всех, кто не хотел присягать «Петру Федоровичу», казнили. Солдат и крестьян верстали в «казаки». Тут же привычно взбунтовались башкиры. И войско, достигшее 7 тыс. в октябре осадило Оренбург.

Пугачев изображал «царя», закатывал пиры, устраивал штурмы. Но в действительности был лишь марионеткой своего окружения из яицких старшин — **Зарубина, Шигаева, Падурова, Овчинникова, Чумакова, Лысова, Перфильева**. Они управляли действиями самозванца, строго следили, чтобы никто, кроме них, не приобрел влияния на него — утопили сержанта Кармицкого, взятого Пугачевым в писари, убили офицерскую вдову Харлову, которую он сделал своей наложницей [153]. Этой группировкой предусматривалось несколько вариантов действий — либо раздуть новую Смуту, либо просто «погулять», потряхнуть государство, чтобы пошло на уступки Войску. А Пугачевым, как считалось, можно будет пожертвовать, чтобы заслужить прощение. Успехи восстания облегчались растерянностью и бездействием местных властей и отсутствием хороших войск, сражавшихся с Турцией. А слабые гарнизонные полки и рекруты, направленные на подавление, разбивались или изменяли. Ряды мятежников множились. Пугачев отлучился из-под Оренбурга под Яицкий городок, организовав его осаду. А заодно сыграл свадьбу с полюбившейся ему казачкой **Устиньей Кузнецовой**.

Положение изменилось, когда усмирение было поручено опытному генералу А.И. Бибикову. С фронта перебрасывались надежные части. Пугачев выступил навстречу с 10 тыс. мятежников, но 22 марта 1774 г. был разгромлен под Татищевой, потерял 1,5 тыс. убитыми, 36 пушек. Старшины во главе с Шигаевым поняли, что все пропало, послали к оренбургскому губернатору Рейнсдорпу предложение выдать самозванца, но из-за неувязок дело не сладилось, он бежал. Генерал Голицын деблокировал Оренбург. Пугачев, собрав по крепостям своих сторонников, пытался еще раз напасть и снова был разбит. Многие попались в плен, в том числе Шигаев, Почиталин, Падуров, Зарубин. В апреле отряд Мансурова разогнал мятежников, осаждавших Яицкий городок, где уже царил голод, и люди ели глину.

Так закончилась «казачья» часть восстания. Пугачев лишился «помощников», управлявших им, но лишился и своего воинства. Спасла его распутица, задержавшая преследователей. К тому же умер Бибиков, царские войска на время потеряли общее руководство. И самозванец с небольшим отрядом метнулся на уральские заводы. Здесь занялось пуще прежнего. Восставали рабочие, приписные крестьяне, убивали хозяев и приказчиков. Вскоре у Пугачева опять было 5-10 тыс человек. Теперь это была толпа, не представлявшая серьезной военной силы. Двинувшийся следом отряд Михельсона бил бунтовщиков в каждом столкновении. Но Пугачев на одном месте не задерживался. Шел от завода к заводу, обрастая новыми толпами. В июне появился на Каме, захватил Осу, Ижевск, Воткинск и очутился вдруг под Казанью. Войск тут почти не было, все ушли под Оренбург. Пугачевцы ворвались в город, грабили, резали, жгли. Но тут их настиг Михельсон и разгромил подчистую.

Пугачев бежал с отрядом в 500 человек и переправился за Волгу. А здесь бунт подхватили крепостные. Горели усадьбы, крестьяне шли к «царю» или составляли самостоятельные банды. На Москву самозванец идти не рискнул, повернул на юг — поднять Дон или уйти на Кубань. Один за другим громились поволжские города: Курмыш, Алатырь, Саранск, Пенза, Саратов. Екатерина назначила главнокомандующим против «вора» Н.И. Панина, после заключения мира с турками направляла дополнительные силы, был послан на Пугачева и Суворов. Донское казачество самозванца не поддержало. Выставило против него полки Иловайского, Луковкина, Грекова, Карпова, Кирсанова, Платова, Кутейникова, Денисова.

И Пугачев, достигнув Войска Донского, понял, что помощи от него не получит. Разорил станицы Березовскую, Заполянскую, Орловскую, Малодельскую, Етеревскую, Раздорскую на Медведице — и повернул к Царицыну. В боях под Царицыном раненный

полковник Кутейников попал в плен, подвергся пыткам с требованием признать самозванца «царем». Отказался, был приговорен к смерти, но повесить в степи оказалось не на чем, а при расстреле только ранили, и он спасся [63]. А Пугачев от Царицына был отражен. И под Черным Яром его снова догнал Михельсон, учинив последний разгром. Самозванец бежал за Волгу с 30 казаками, хотел пробраться в казахские степи. Но сопровождающим это ничуть не улыбалось, в старообрядческих скитах на Узени они схватили предводителя и выдали властям.

Пугачев и Перфильев были приговорены к четвертованию (императрица тайно повелела сократить мучения и сперва рубить головы, а уж у мертвых руки и ноги), Зарубин к отсечению головы, Шигаев, Падуров и Торнов к виселице, 18 человек к кнуту и каторге. 10 января 1775 г. приговор был приведен в исполнение. Еще в ходе мятежа по распоряжению Екатерины даже дом Пугачева, который брошенная им обнищавшая семья уже продала, был выкуплен и сожжен рукой палача, а само место, где он стоял, распахали и объявили проклятым. Станица Зимовейская была переименована в Потемкинскую. А в конце 1775 г. Екатерина обнародовала общее прощение уцелевшим участникам бунта и распорядилась предать его вечному забвению. *Для чего река Яик переименовывалась в Урал, Яицкий городок — в Уральск, а Яицкое Войско в Уральское.* При этом управление Войска реформировалось по образцу Донского, общие круги отменялись, войсковые атаманы стали назначаемыми.

35. СУДЬБА МАЛОРОССИЙСКИХ КАЗАКОВ

Новая Сечь во многом отличалась от старой. Она стала не только военным, но и сложным хозяйственным и политическим организмом. И отношения ее с государством получились неоднозначными. Обязательства, взятые при возвращении запорожцев, правительство нарушило почти сразу. При Анне Иоанновне с деньгами всегда были проблемы, и уже с 1738 г. вместо положенных 20 тыс. руб. жалованья стали выдавать 4–7 тыс. Остальное предписывалось выплачивать за счет армейской казны, но она тоже была пуста. Власти пытались выйти из положения, приказав ответственным офицерам выдавать «публично» 4 тыс., а остальное тайно старшине и куренным атаманам, чтобы они «удерживали себя во всякой верности» — и казаков тоже. Но правительство не учло запорожских обычаев. В 1739 г., узнав про тайные раздачи, сиромы скинула с атаманства кошевого **Тукала** и старшин, разграбила их имущество и жестоко избивала. Кошевой, «лежавши несколько дней больным, помер» [296].

Однако казакам были даны обещанные земли для поселения и полное самоуправление — и именно они, а не жалованье, стали главным источником доходов Коша. Появились новые структуры — «паланки». Как бы «провинции» Сечи на Самаре, Миусе, Буге, Ингульце и т. д. Каждая управлялась полковником, есаулом и судьей, подчинявшимися Кошу. На этих землях позволяли селиться всем желающим, и сюда со всех сторон устремлялись крестьяне: никакой розыск на запорожских территориях не допускался. Раньше, в окрестностях старой Сечи, тоже селились на хуторах «зимовчаки», женатые казаки. Теперь под «зимовчаками» стали понимать крестьян. Они были не казаками, а только подданными Сечи, поставляли ей продовольствие и платили по 1 руб. в год [57].

Запорожцы на своих землях были хозяевами пастбищ, рыбных ловов, речных перевозов, установив высокие пошлины: по 1,5 руб. с пустого воза и 2,5 руб. с полного. Пошлины в пользу старшины шли со всех товаров, ввозимых в Сечь, со множества угнездившихся там торговцев. Отдельные курени также владели лавками, мастерскими, угольями, используя их или сдавая в аренду. Зарабатывали и контрабандой, ведь охрану границы несли сами запорожцы. Жили сугубо по собственным законам, по мелким делам судились в паланках, высшая инстанция — у кошевого. Преступника могли выдать российским властям, но чаще карали по своим обычаям вплоть до смертной казни. Кош богател. В короткое время паланки покрылись деревнями, хуторами, возделанными нивами. В Сечи была построена красивая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, куда приглашали

служить иеромонахов Киевского Межигорского монастыря. Возникла школа певчих из мальчиков, тоже пользовавшихся самоуправлением и выбиравших своего атамана.

Но стали накапливаться и противоречия. Богатела-то старшина. Так, кошевой Калнышевский однажды продал 14 тыс. лошадей из собственных табунов, у полковника Ковпака татары как-то угнали 7 тыс. голов скота. А рядовая сирома оставалась голытьба-голытьбой. Старшина разве что поила все Войско по праздникам да на выборах. И казаки трудились на ту же старшину, ради пропитания рыбачили. Развилось и «гайдамацтво» — то есть просто разбой, его стали называть «козацким хлибом». В низовьях Буга сходились российские, турецкие и польские границы, что открывало отличные перспективы: пограбил в одном государстве — удрал в другое. В 1750-60-х гг. гайдамачество стало сущим бедствием, через Побужье люди боялись ездить. Сыпались жалобы от турок и поляков, что гайдамаки нападают и грабят их селения, поместья. В 1757 г. Польша прислала в российский сенат список выловленных гайдамаков, из них 474 значились запорожцами с указанием, кто из какого куреня.

Приказы Кошу принять меры против разбойников спускались на тормозах. Потому что многие старшины и власти паланок тоже были в доле или сами же посылали подчиненных на грабеж, имея с этого огромную прибыль. В 1760 г. под давлением властей запорожцы во главе с кошевым Белецким все же предприняли рейд, но поймали лишь 40 человек. Кошевой хотел выдать их правительству, однако куренные атаманы воспротивились, разобрали их по куреням и после покаяния отпустили [250]. Бывало и иначе — когда поднялся сильный шум об угоне у татар 3 тыс. лошадей, старшина спрятала концы в воду, повесив 13 непосредственных исполнителей, а лошадей разобрала по своим табунам [257]. Российское командование установило патрулирование границы регулярной кавалерией и слободскими казаками — но это приводило к стычкам, были убитые и раненые с обеих сторон.

Возникла и другая причина конфликтов. На момент возвращения под власть России Сечь была выдвинута далеко на юг. И осваивала соседние пустующие земли. Но когда там стали возникать российские селения, начались трения. Тогда-то и родилась фальшивка, «копия с грамоты Стефана Батория», где король якобы даровал запорожцам огромные владения — г. Чигирин (являвшийся столицей не запорожского, а реестрового казачества), земли по Самаре и Бугу (принадлежавшие в XVI в. не Баторию, а крымскому хану), Левобережье до Северского Донца (которое сам Баторий в письмах называл «московскими владениями» [238, 239]). А поскольку русские цари, начиная с Алексея Михайловича, подтверждали «прежние запорожские вольности», то и слово «вольности» стало трактоваться территориально. Мол, эти земли и есть «Запорожские Вольности» (данную версию на полном серьезе приняли современные украинские историки).

Отстаивая свои «законные» земли, запорожцы перед силой не останавливались. В 1762 г. выжгли две слободы в Елисаветпольской губернии, разогнав селян. На требование императрицы расследовать и наказать виновных Кош ответил, что «искать не на ком», поскольку это «сделал весь Кош». В другой раз кошевой приказал полковнику **Деркачу** «вымести незваную погань» — и он «вымел» поселян с Самары [57]. Был разорен еще ряд селений — крестьянам предлагали быть подданными Сечи, а при отказе грабили и выгоняли. А делегации запорожцев, наезжая в Петербург урегулировать конфликты, ставили вопрос: «Нужны мы вам или нет?» Дескать, мы-то, старшина, вам верны, а вот сирома в случае чего уйдет к татарам. В общем запорожцы попросту наглели. При Елизавете и гетмане Разумовском это сходило с рук, правительство шло на уступки.

Но Екатерина всерьез занялась делами разболтавшейся Украины. В 1763 г. гетман Разумовский закинул было удочки, чтобы сделать свой пост наследственным. Но вместо этого ему «намекнули» — и он подал в отставку «по собственному желанию». Была восстановлена Малороссийская коллегия. Назначенный ее президентом генерал П.А. Румянцев застал на Украине катастрофическую картину. Здесь засилье старшины дошло до беспредела. Войсковая верхушка, правившая от имени Разумовского, превратилась во всемогущих вельмож. Не только полковники, но и сотники жили «князьками» в своих

владениях, даже воевали между собой — вооружив казаков и крестьян, отбивали у соседей спорные уголья. Нещадно эксплуатировали подчиненных, впрягали в работы, обирали.

Казаки разорялись, нищали, не могли купить снаряжение, коней и нести службу. Впрочем, о службе давно забыли. Справные казаки занимались личным хозяйством, бедные превращались в батраков. За некоторыми сотнями числились обязанности по несению караулов в городах, за это платилось жалованье. Его прикарманивала старшина, но и казаков на службу не посылала. Крайне пагубные последствия имел указ Петра от 1721 г., поощрявший казачье винокурение. На это переключались целенаправленно, на дрова сводились украинские леса, люди спивались. Бывало, что казаки подешевке продавали свой участок земли или отдавали за кружку водки — потому что тогда они переставали быть казаками и освобождались от всех обязанностей. По сути Малороссийское Войско развалилось, его силами Румянцев не сумел организовать даже почту — бедные казаки служить не могли, богатые не хотели [139].

И в 1764 г. началось реформирование казачьих частей в регулярные. Из украинских казаков было создано 5 гусарских полков — Черный, Желтый, Голубой, Сербский и Угорский. На базе Новослободского, Бахмутского, части Миргородского и Полтавского полков формировались четыре пикинерских: Елисаветградский, Днепровский, Донецкий и Луганский. В 1765 г. реформировали в гусарские Сумской, Ахтырский, Острогожский, Харьковский и Изюмский казачьи полки. Вскоре и ландмилицию реформировали в пехотные части.

Было обращено внимание и на запорожске «государства в государстве». Такое положение, конечно, являлось недопустимым. Оно вредило и самим казакам. Например, в 1762 г. во время эпидемии чумы они не позволили установить в своих владениях карантины, не пустили лекарей, и в Сечи вымерло 9 тыс. человек. Не было больше и «лыцарского братства», его иллюзию удерживала лишь инерция традиций. И старшина, с одной стороны, не прочь была закрепить за собой достигнутое положение. Но, с другой, была обязана этим положением только особому статусу Запорожья и оказывалась заложницей сиромы. Еще в 1754 г. войсковой писарь **Чернявский** послал в Военную коллегию предложения отменить раду и сделать старшину назначаемой. Но просил не упоминать его имени в документах, опасаясь расправы рядовых казаков. В 1764 г. эта мера осуществилась. Кош был подчинен Малороссийской коллегии, предписывалось выборов больше не проводить, а старшине во главе с кошевым **Григорием Федоровым** оставаться на своих постах «до указа».

Запорожцы возмутились, наперекон указу тут же провели выборы, и новый кошевой **Калнышевский** самовольно отправился с делегацией в Петербург — требовать переподчинить Сечь Иностранной коллегии и снова отстаивать земли. Румянцев обращался к императрице, что за столь демонстративный вызов делегатов надо арестовать. Начальник Украинской линии генерал Штофельн представил и проект «реформирования» Сечи: убрать нынешнее руководство, военной силой заставить переменить порядки [254]. Екатерина этих мер не исполнила, поскольку надвигалась война с Турцией. Изобразила «милость». И делегаты, вернувшись в Сечь, громогласно хвастались, как, мол, они пуганули правительство. Императрице об этом донесли.

А в январе 1767 г. последовал донос Румянцеву полкового старшины **Савицкого**. Он писал, что прошлой осенью, вернувшись очередной поездки в Петербург, Калнышевский говорил писарю **Ивану Глобе** «как видно, нечего надеяться на них», на правительство. Тайно совещались, что если власти не выполнят требований, надо направить делегатов для переговоров с султаном. Войсковой есаул две недели объезжал паланки, обсуждая это со старшиной, вез секретный приказ готовиться воевать с русскими, а туркам и татарам чтобы обид «под смертною казнию не чинили» [226]. Екатерина оставила донос без последствий. Пока. Участь Коша была в общем-то предreshена. Императрица лишь отложила дело до конца войны. Впрочем, судьба Сечи определилась не только поведением запорожцев и их прегрешениями, добавился еще один важный фактор. Планируя провести реформы в докатившейся до упадка Украине, императрица решила упразднить ее особый статус и

уравнять с российскими провинциями. В том числе ввести крепостное право. Чему Сечь наверняка стала бы крупной помехой. Кроме того, при Елизавете и Екатерине выдвинулось много талантливых деятелей, но они и щедро награждались. Землями, деревнями, крестьянами. А где их взять? На еще «бесхозных», осваиваемых окраинах. А этому Сечь со своими территориальными претензиями также мешала. Ну а в личном плане Екатерину, даму весьма любвеобильную, раздражало и безбрачие запорожцев.

А руководство Коша само усугубило свое положение. В Турции знали о трениях между запорожцами и правительством. И с приближением войны к казакам пошли письма из Стамбула и Крыма, соблазняли перейти к ним на службу, обещали жалование втрое больше российского. Сечь посетил французский эmissар Тотлебен — от имени султана. А Калнышевский вел себя двойственно. Туркам отказал, но и переписку с ними не прервал. Тотлебена выслушал, позволил выступить перед казаками и отказался выдать его представителям Румянцева, отправив «гостя» обратно в Крым. Действительно ли кошевой замышлял измену? Все говорит о том, что если у него и были колебания, то он их преодолел. Трезво оценил, что войну выиграет Россия. А сношениями с противником, видимо, хотел взять Петербург на пушку, вынудить к уступкам. И в этом отношении Калнышевский просчитался.

Зато в казачьей массе пошел разброд. Родилась легенда о прежнем прекрасном житье под властью хана. Тем более что и состав запорожцев за 30 лет мирной жизни разбавился гультиями всех сортов, гайдамаками, разорившимися казаками с «гетманской» Украины, беглыми крепостными с польского Правобережья. В декабре 1768 г., когда пришло повеление о войне с Турцией, сиромы вместо этого потребовала поддержать восстание Железняка и Гонты. Старшина воспротивилась, тогда беднота взбунтовалась против старшины. Калнышевскому пришлось подавлять мятеж не только верными казаками, но и призвать русских солдат из соседнего Новосеченского Ретраншементы. Тем не менее, волнения продолжались несколько месяцев, казаки бросили кордоны в степи. И не подали своевременного сигнала, татары в январе 1769 г. прорвались на Украину. Это также приплюсовалось в вину Кошу.

В войне 1768–1774 гг. запорожцы выставили 10 тыс. казаков, около 4 тыс. оставалось на территории Сечи и неизвестное количество «зимовчаков» продолжали трудиться по паланкам. Екатерина, кстати, для участников боевых действий установила высокое жалованье, 1 руб. в месяц. И в сражениях, как уже отмечалось, запорожцы проявили себя отлично. Многие были награждены, Калнышевский удостоился золотой медали «с алмазами».

Но после заключения мира, в мае 1775 г., корпус генерала Текели был двинут в Запорожье. Узнав о приближении войск, сечевики сперва намеревались драться. Однако старшина поняла, что это бессмысленно, вместе со священниками утихомирили сирому. Начались переговоры. Руководство Коша было вызвано в Петербург и арестовано. И Екатерина обнародовала указ, согласно коему Сечь, «как богопротивная и противоестественная община, не пригодная для продления рода человеческого», упразднена. Но на рядовых казаков никаких репрессий не было. В указе говорилось: «Всем частным членам бывших запорожских казаков все милостивейше велено, не желающих оставаться на постоянном проживании в своих местах, отпустить их на родину, а желающих тут поселиться — дать землю для вечного проживания».

Не было и разгрома Сечи. Войска Текели встали поблизости лагерем. Казаки, оставшись без предводителей, не знали что делать. Потом собралась партия, обратилась к генералу с просьбой отпустить на рыбную ловлю. Он разрешил. Узнав об этом, стали уходить другие. Что и требовалось правительству — ликвидировать общину без крови и столкновений. Единовременного ухода за рубеж не было. Группы казаков бродили в низовьях Днепра и Буга. Кто возвращался на Украину, кто перетекал за кордон. Что опять же соответствовало планам Екатерины, оставить лучших, а бродяги пусть идут куда хотят. Позже эмигрировала часть «зимовчаков», когда земли Сечи получили новых хозяев и пошло

закрепощение крестьян. Однако многие остались на Украине, осели по селам и городам. Из запорожцев составились речники и перевозчики на Днепре. Запорожские командиры, хорошо зарекомендовавшие себя, получили российские офицерские чины: войсковые старшины **Сидор Белый, Логвин Мощенский**, полковники **Иван Белый, Иван Высочин, Апанас Ковпак, Захарий Чепига**, полковые старшины **Павел Тимковский, Антон Головатый** и др.

Но троим — Калнышевскому, войсковому судье Павлу Головатому и писарю Глобе, Екатерина не простила прежних выходов. Они были осуждены по обвинению в измене и разосланы в заточение по монастырям. Головатый — в Тобольский, Глоба — то ли в Туруханский, то ли в Белозерский, Калнышевский — в Соловецкий. Сохранились предания, что его содержали строго, в цепях, не позволяя ни с кем общаться. Павел I ослабил режим заключения, а Александр I амнистировал узника. Но Калнышевский отказался покинуть Соловки, постригся в монахи и умер в 1803 г. в возрасте 112 лет [57].

36. АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО И АЗОВО-МОЗДОКСКАЯ ЛИНИЯ

Как ранее отмечалось, русские войска в 1735 г. оставили Закавказье и правый берег Терека. Предполагалось, что эти меры сделают границу мирной. Не тут-то было. Отступление русских горцы восприняли, как признак слабости. И нападения шли непрерывно. Причем регулярных войск на Кавказе почти не осталось. А три терских Казачьих Войска, по данным переписи 1740-х гг., насчитывали 6 тыс. человек. Отбивались с большим трудом, с потерями. В 1741 г. кизлярские казаки обращались к астраханскому епископу: «В прошлом, государь, 1740 году, напали на нас, холопей и сирот великого государя, бусурмане татары, сожгли святую церковь, увели у нас, холопей и сирот великого государя, попа Лавра, и великое разорение причинили. Великий господин, преосвященный Илларион астраханский и терский, пожалуй нас... вели церковь новую во имя Николая Чудотворца построить и пришли нам, холопям и сиротам великого государя, другого попа за Лавра...» [23]

Возникали и более серьезные угрозы. В 1742 г. кровавый владыка Ирана Надир-шах вторгся в Закавказье. Учинил резню армян и грузин, они во множестве эмигрировали к русским. Астраханский губернатор В.Н. Татищев направил на Терек все свои наличные силы, 3 тыс. солдат и казаков под командой генерала Тараканова. Ждали, что шах нападет на русские владения и остановить его на терском рубеже в общем-то не надеялись. Но он на север не пошел, опасаясь турецких ударов в тыл. Зато его подданные, горские племена, под могущественным покровительством еще больше обнаглели.

Непрестанная война шла и в Западном Предкавказье. Мирный договор с Турцией, заключенный в 1739 г., содержал пункт, сыгравший роковую роль для Крыма — о возврате России всех пленных. А ведь угон «ясыря» давно уже был специальностью татар. С этого времени крымская конница стала хиреть, татары переключались на мирное хозяйствование, знать искала иные источники дохода, усилив эксплуатацию крымских христиан: греков, армян. Но подскочили и цены на рабов. Этим стали промышленять кубанские татары, черкесы. Но на их пути стояло Войско Донское. И если на Тереке, дабы не раздражать персов, борьба шла сугубо оборонительная, то донцы повели более эффективную, наступательную. Выдвигали на левый берег Дона форпосты, отряды, отгоняли неприятелей от своих границ. Как раз в ходе этих столкновений казаки заняли сальские степи, земли до Маныча и Еи.

Оборона на Кавказе стала усиливаться при Екатерине. В 1762 г. кабардинцам князя **Андрея Кончонкина** разрешили поселиться в урочище Мездогу. И была заложена крепость Моздок. Первоначально ее население составили грузины, армяне, греки, кабардинцы, осетины. И из крещеных осетин и кабардинцев была сформирована казачья сотня во главе с тем же Кончонкиным. *В 1770 г. 100 казачьих семей, переселенных с Дона, образовали станицу Луковскую на окраине Моздока (эта станица стала особой, ее казаки обслуживали терскую артиллерию). А в 1770 -1771 на Кавказ переселили 517 семей*

волжских казаков, они построили станицы *Галюгаевскую, Ищерскую, Наурскую, Мекенскую, Калиновскую*. Эти казаки составили *Моздокский полк*. Выборного атаманства в нем не было, командовать назначили бывшего волжского атамана **И.Д. Савельева**, получившего чин полковника. Переселенцам довелось несладко. На Волге степняки наведывались уже редко, а тут казаки сразу попали под удары горцев, сжегших первые постройки селений, похищавших жен, детей, имущество. Но правительство наращивало оборону, направило в каждую из 6 станиц Моздокского полка еще по 50 семей донцов. А для проповеднической деятельности на Кавказе была создана Осетинская духовная комиссия. И из тех, кого она окрестила, сформировалась осетинская казачья сотня. А все вместе станицы от Моздока до устья Терека составили Моздокскую линию.

На Кубани нападения татар и черкесов в период войны усилились. Причем турки привлекли на свою сторону и часть кабардинцев. Тут русские части и донские казаки тоже стали строить укрепленные посты. А поскольку в подданство России перешли ногайцы, прежде кочевавшие в Северной Таврии, было решено поселить их на Кубани, чтобы они прикрыли границу. В здешних сражениях стяжал громкую славу герой Дона **Матвей Иванович Платов**. Сын войскового старшины, он выделялся не только доблестью, но и умением руководить, в 19 лет стал команлиром сотни. В звании есаула отличился при штурме Перекопа и получил под команду полк. В 1773 г. на Кубань пошел огромный обоз и партия ногайцев-переселенцев. Конвой возглавлял подполковник Бухвостов, в авангарде шли полки Платова и **Ларионова**, тысяча казаков при 2 пушках. Но в это же время брат крымского хана Девлет-Гирей решил бросить в набег на Россию всю кубанскую орду и горцев, собрав 20 тыс. всадников.

2 апреля при ночевке на р. Калалах старые казаки по крику птиц определили, что близко вражеское скопище. Разведка подтвердила это. Ларионов был старше, но растерялся, и Платов принял на себя общее командование, приказал окружить лагерь возами и окопаться. Послал двух гонцов к Бухвостову. И утром на казаков обрушилась вся орда. Донцы дрались героически, отразили восемь атак. Но силы были на исходе, и Ларионов предлагал сдаться. Платов ответил: «Никогда! Лучше умрем, нежели покроем стыдом и позором честь нашей земли!» Между тем один из гонцов был убит татарами, но второй доскакал до своих. У Бухвостова сил было тоже немного, казачий и гусарский полки, но он, не раздумывая, ринулся на выручку. Первым подоспел казачий полк **Уварова**. А Платов вывел казаков из укрепления и контратаковал. Не выдержав удара с двух сторон, враг побежал, подошедшие гусары Бухвостова довершили разгром. Имя Платова стало известно всей армии и при дворе [105].

В 1774–1776 гг. в связи с пугачевским бунтом и окончанием турецкой войны в Казачьих Войсках произошли серьезные реформы. Надо сказать, Екатерина, несмотря на разгон Сечи, противницей казачества отнюдь не была. Наоборот, будучи человеком практичным, она высоко оценила боевую силу казаков. Но, разумеется, считала необходимым, чтобы эта сила была подконтрольной и более эффективно служила государству. Проводником реформ стал фаворит императрицы **Григорий Александрович Потемкин**. Он был назначен Новороссийским, Азовским и Астраханским генерал-губернатором и главнокомандующим всеми иррегулярными войсками Юга. В 1775 г. Екатерина утвердила представленное им положение об управлении Войска Донского. Учреждалось гражданское правительство Дона из 4 выборных и 2 назначаемых членов. И впервые казачьи звания соотносились с армейскими. Указывалось: тем, кто командовал полками в походах «объявить штаб-офицерский чин», но считать их «младшими перед армейскими секунд-майорами». «Есаулов же и сотников признавать и обращаться с ними, как с обер-офицерами» [35].

Войсковым атаманом был назначен **Алексей Иванович Иловайский**. После «пугачевщины» и ареста Ефремова Екатерина решила показать, что отнюдь не гневается на казачество в целом и доверяет ему. И повелела прислать 65 донцов для своей личной охраны — они составили *Лейб-гвардии казачий эскадрон*. Это, кстати, была первая казачья часть,

получившая единую форму. Кроме того, при вторжении Пугачева на Дон выявилось слабое место Войска — войсковой атаман не имел под рукой частей для быстрого реагирования и не сразу смог собрать их. *Поэтому из тысячи отборных казаков разных станиц был создан полк постоянной службы — Атаманский.*

Реформы коснулись и других Войск. Для прикрытия земель, отошедших к России по Кучук-Кайнарджийскому миру, стала строиться Днепровская (Новая Украинская) линия. По рекам Берда и Конские Воды от Азовского моря до Днепра через каждые 30 верст возводились укрепленные селения Алексеевское, Григорьевское, Никитинское и др. В них поселили украинских казаков. Но прежняя Украинская линия, потерявшая значение, упразднялась. И утратившее былую боеспособность Малороссийское Войско было окончательно упразднено. На его базе во второй половине 1770-х гг. Потемкин создал еще 9 гусарских и 6 пикинерских полков. Но Чугуевский казачий полк, хорошо проявивший себя в войне, был сохранен.

На Кавказе же было решено создать единую Азово-Моздокскую линию, от моря до моря. А мелкие казачьи структуры в Восточном Предкавказье Потемкин задумал объединить. В 1776 г. было создано Астраханское Войско, которое вобрало в себя Волжское, Терско-Кизлярское, Терско-Семейное, Гребенское Войска и Моздокский полк. Кстати, тут мы опять сталкиваемся с условностью исчисления старшинства. Астраханские казаки известны со времени взятия Астрахани в 1556 г., и, как уже отмечалось, в 1737 г. из них сформировали команду. Но для старшинства Астраханского Войска был принят 1750 г., когда эту команду преобразовали в полк. По планам Потемкина этот полк оставлялся для прикрытия Нижнего Поволжья и обслуживания Войскового правления. А из прочих казаков Волжского Войска, оставшихся после переселения в Моздок, был создан Волгский полк и также перебазирован на Кавказ. В 1776 г. и Хоперскую казачью команду преобразовали в Хоперский полк. Его тоже включили в Астраханское Войско и в 1777 г. переселили на Азово-Моздокскую линию. Разместили его так, чтобы сомкнуть цепочки терских поселений и тех постов, которые строились на Кубани, и впоследствии он вошел не в Терское, а в Кубанское Войско [219].

В ходе этих реформ на Тереке были выявлены значительные злоупотребления. Но если в других местах они были связаны с засильем старшин, то в небольших терских Войсках этого не наблюдалось, тут старшины делили с рядовыми казаками постоянные опасности и лишения. Зато в «глухом углу» всю разошлась царская администрация. На казаков возлагали всевозможные работы, не связанные со службой. Вопреки указу Елизаветы от 1759 г., подтверждавшей право казаков свободно ловить рыбу по Тереку и Каспию, местные власти передавали рыбные ловы откупщикам, выставляли кордоны, чтобы казаки не нарушали монополию этих откупщиков. Важной статьей дохода терцев было и виноделие, но администрация ввела правила, запрещавшие свободную продажу чихиря, его требовалось сдавать в Астрахань по принудительным низким ценам. Да и казачьи земли местные власти стали сдавать откупщикам «с платежом в год незначущей суммы». В результате в короткое время земли вокруг станиц оказались в руках кизлярских армян и грузин. Все это привело многих казаков на грань разорения, вызывало волнения. Екатерина и Потемкин принялись наводить порядок. Терским казакам, живущим на переднем крае, были установлены высокие оклады (12 руб. на рядового казака). В 1777 г. императрица издала указ, чтобы казаки и члены их семей «ни в какие работы отнюдь употребляемы не были». Восстанавливались права рыболовства и виноделия, было проведено отмежевание земли (хотя для того, чтобы терцы смогли вернуть свои земли, занятые «гостями из солнечного Закавказья», впоследствии понадобилось еще и вмешательство Павла I) [23].

А международное положение на юге оставалось очень сложным. Крымского хана Сагиб-Гирея, согласившегося на покровительство России, при поддержке турок сверг его брат Девлет-Гирей. В марте 1777 г. русские войска изгнали его и возвели на престол еще одного брата, Шагин-Гирея. Но он, во-первых, проявил крайнюю жестокость, истребляя оппозицию, во-вторых начал «европейские» реформы — в том числе формирование

регулярной армии, что в Петербурге вызвало справедливые опасения. Правда, создание армии и европейская роскошь требовала денег, и хан взвинтил налоги. Уже в октябре вспыхнуло восстание во главе с четвертым братом, Селим-Гиреем. Шагин бежал к русским, мятежники разграбили его дворец, перенасиловали гарем, учинили по Крыму резню христиан. И снова пришлось вводить войска, в решающем сражении воинство Селима разгромили.

В 1778 г. командующим Кубанским и Крымским корпусами был назначен А.В. Суворов. Как раз ему была поставлена задача строительства Кубанской укрепленной линии. Работу он провел в кратчайшие сроки и писал в канцелярию Потемкина: «Я рыл Кубань от Черного моря в смежность Каспийского, под небесною кровлею, преуспел в один великий пост утвердить сеть множественных крепостей, подобных моздокским, не с худшим вкусом». А 19 марта докладывал: «Крепости и фельдшанцы на Кубани построились... с неожиданным успехом. Они столько неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становятся им совершенною уздою». На Кубани Суворов опять близко контактировал с донскими казаками, обобщал и закреплял их опыт в военной науке. В приказе по корпусу писал: «Казаков обучать сильному употреблению дротика, по донскому его размеру, в атаке, сшибке и погоне... Казакам непременно быть всегда дротиком вооруженным, яко наисильнейшим их оружием для поражения всякого противника» [123].

Александр Васильевич вступил в контакты и с некрасовцами. Основная их часть переселилась на Дунай, но «мужеска полу не менее 3 тысяч» оставалось на Кубани, при продвижении русских бросило жилища и скрывалось в горах. Суворов докладывал: «Они между прочим оказали желание к спокойствию и возвращению на нашу сторону». Были проведены переговоры, и часть некрасовцев вернулась в Россию. А летом 1778 г. по приказу Потемкина была проведена операция по переселению крымских греков и армян в Азовскую губернию. Таким образом их ограждали от возможных рецидивов резни, а хан лишался главного источника доходов на формирование своей армии и попадал в еще большую зависимость от России. Переселилась 31 тыс. человек, греков разместили между реками Берда и Миус, где возникли Мариуполь и Мелитополь, армяне осели у крепости Св. Дмитрия Ростовского в Нахичевани.

Но если одни проблемы решались, то возникали другие. Часть на Кубанской линии правительство предписало строго пассивную оборону, которая против горцев совершенно не годилась. Уже осенью 1778 г. Суворов возмущенно писал генералу Райзеру: «Войска, пришед в расслабление, расхищаемы стали — стыд сказать — от варваров, об устройстве военном ниже понятия имеющих!» Да, солдаты несли постовую службу, а их, стоило зазеваться, «расхищали» черкесы. Наложилась и высокая политика. После восстаний Девлет-Гирея и Селим-Гирея Турция снова предъявляла претензии на Крым. В 1779 г. русской дипломатии удалось добиться, чтобы Стамбул подтвердил прежние условия мира и признал Шагин-Гирея законным и независимым ханом, но за это от России требовалось вывести войска из Крыма и скрыть Кубанскую линию. Все, что понастроили, пришлось своими руками разрушать. А особенно добавили головной боли переселенные на Кубань ногайцы. У них была не одна, а три орды — едиганская, едичкульская и джамбулацкая со своими правителями, далеко не дружными между собой. Шли свары. К тому же раньше ногайцы сами были отчаянными охотниками за ясырем и угонщиками скота — но обороняться они не умели, и их стали грабить черкесы. Тут же мутили воду турки, склоняя ногайцев на свою сторону и обещая в этом случае обуздать черкесов.

А в 1782 г. в Крыму Шагин-Гирей повесил муфтия, выступавшего против европейских реформ. Это вызвало новое восстание. Причем к взбунтовавшимся крымцам присоединились и ногайцы. Шагин опять бежал к русским. Ногайцы двинулись было на Дон, но атаман Иловайский с полками **Себрякова**, **Ильи Денисова** и **Петра Попова** остановил и отбросил их. Екатерине эта волынка с постоянными бегствами и сажаниями на трон Шагин-Гирея надоела. Поэтому с ним были проведены переговоры, и он, очутившись в безвыходном положении, согласился полностью отдать Крым России. очередной раз наши

солдаты и казаки штурмом взяли Перекоп. Разгромили противников Шагина и вернули его в Бахчисарай. Но с выполнением обещаний он тянул, вместо этого обрушил жесточайшие репрессии на побежденную оппозицию, и возобновились волнения. Екатерина потребовала «объявить хану в самых сильных выражениях», чтобы он прекратил кровопролитие, и только тогда он сделал заявление, что не желает быть ханом «такого коварного народа». 8 апреля 1783 г. последовал манифест императрицы — «ввиду беспокойных действий татар» провозглашалось присоединение к России Крыма, Тамани и Кубанского края.

На Кубани Суворов добился покорности ногайцев. Их орды собрались у Ейского укрепления, торжественно принесли присягу, старшинам были присвоены офицерские чины. Состоялся праздник с музыкой, плясками, казаки и ногайцы состязались в джигитовке, для пира приготовили 100 быков, 800 баранов и 500 ведер водки — гуляли так, что среди кочевников были объевшиеся и упившиеся до смерти. Но чтобы оградить ногайцев от турецкого влияния и черкесских набегов, было решено переселить их в волго-уральские степи, освободившиеся после ухода калмыков. И большинство предводителей, вроде, согласилось. Однако как раз переселением не преминули воспользоваться турецкие эмиссары, подогревая антирусские настроения. Да и Шагин-Гирей уже жалел об отречении, обосновался на Тамани и «сеял многие плевелы в ордах». В июле 1783 г., едва караваны ногайцев повели на север, они взбунтовались. Перебили сопровождающие команды, уничтожили своих соплеменников, верных России, обрушились на военные посты. Присоединились черкесы, и многотысячное воинство осадило Ейское укрепление, где находился Суворов с семьей. Три дня маленький гарнизон отражал атаки и вынудил противника уйти.

Суворов ответил на вероломство быстро и круто, осенью выступил за Кубань с 16 ротами пехоты, 16 эскадронами конницы и 15 пушками. Подошло и Войско Донское — 16 полков. 1 октября у урочища Керменчик был нанесен удар. Ногайские скопища разнесли, аулы пожгли, 2 тыс. неприятелей положили на месте. Пройдя по Лабее, корпус нанес ногайцам и черкесам второй удар у урочища Сарачигер. Суворов в этом походе впервые видел боевую работу такого количества казачьей конницы и был восхищен слаженностью, стремительностью и неудержимостью атак. Расхваливал донцов в реляции Потемкину, отдал им 4 тыс. пленных, тысячи захваченных лошадей, быков, овец. Некоторые ногайские мурзы после полученной взбучки выразили покорность, но большинство в ужасе бежало в горы [63]. Русский отряд был введен в Тамань, и Шагин-Гирейю пришлось согласиться на выезд в Россию.

В 1783 г. был подписан и Георгиевский трактат с Картли-Кахетинским царством (Восточная Грузия). Обретя независимость от турок, оно оказалось совсем беспомощным. И отдалось под покровительство России, сохранив при этом самостоятельность. А на Северном Кавказе в 1785 г. было учреждено Кавказское наместничество, вобравшее в себя Астраханскую губернию и новую, Кавказскую. В качестве ее центра стал строиться г. Ставрополь.

37. КАЗАЧЬИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Отношение государственной власти к казакам не всегда было одинаковым. И периодически в «верхах» возникала идея: а нельзя ли кем-нибудь заменить казаков? Чтобы так же хорошо службу несли, но при этом не претендовали на особый статус, специфические традиции. Или, наконец, нельзя ли просто дополнить Казачьи Войска искусственными формированиями? Первый такой эксперимент задумал Петр I, когда разгромил Сечь, урезал права малороссийских казаков, да и над другими Войсками висела угроза упразднения. Но в это же время правительство укрепляло связи с балканскими славянами. *И родился проект использовать «сербских граничар».* Сербы (точнее, хорваты) жившие в приграничных районах Австрийской империи, были отличными воинами, имели оружие, пользовались различными льготами, получали плату от казны, а за это несли охрану рубежей. Вот и

решили — пригласить их к нам, создать из них гусарские полки, поселить по границам, и пусть охраняют. Возглавил предприятие Иван Албанез, успевший послужить и в русской, и в австрийской армиях [255].

В 1723 г. он выехал на Балканы вербовать граничар, вез с собой указ и полномочия набрать несколько тысяч. Но сагитировал лишь 177 сербов, валахов, болгар, венгров. Пришлось ограничиться одним Сербским полком, да и до того не дотягивало. Поселили его в местечке Тор под Бахмутом, иностранцев назначили офицерами и унтер-офицерами, а 200 рядовых добавили из слободских казаков. Они не хотели служить в такой части, разбежались. И до 1730 г. полк все еще формировался. Потом его пополнили еще 200 слободскими казаками, доведя численность до 459 гусар, и послали в Закавказье в Низовой корпус. До первого сборного пункта дезертировало 179 человек. На Каспии многие умерли от болезней, в 1732 г. полк вернулся в Тор в составе 180 бойцов. Добавили еще 200 малороссийских казаков...

Словом, эксперимент провалился. Но мертворожденная идея всплывала еще не раз. В 1751 г. в Россию явилась группа сербов во главе с Иваном Хорватом-от-Куртичем. Он тоже взялся сформировать несколько гусарских полков, получил для поселения область на Правобережье Днепра, ее назвали Новосербией. А другая группа эмигрантов во главе с Иваном Шевичем и Райко Депрерадовичем получила район на Левобережье, названный Славяносербией. Результат был таким же. При Екатерине Новосербию и Славяносербию переименовали в Новороссию, а пограничные гусарские полки, как уже отмечалось, переформировали в регулярную кавалерию за счет малороссийских и слободских казаков [57].

Другим экспериментом стало Албанское (оно же Греческое) Казачье Войско. В войну 1768–1774 гг. русская эскадра действовала в Адриатическом и Эгейском морях. Ее поддержали греческие повстанцы, волонтеры, моряки. А после войны, опасаясь репрессий турок, многие перебрались в Россию. И при дворе сочли: греки и албанцы тоже ведь прекрасные воины, вон как за свою свободу дрались! Да еще и мореходы! Вот и пусть прикрывают морскую границу. Казачье Войско из них было создано в 1775 г. Оно насчитывало 1263 человека. Им предоставили казачьи права, выделили земли вокруг Таганрога, часть поместили в Керчи и Еникале. Назначили жалованье, освободили от налогов, от торговых пошлин, выделили средства для обзаведения хозяйством, строительства домов, учреждений, больниц. Войско должно было выставять 10 рот. Но... в 1778 г. из списочного состава 1003 человека налицо оказалось 500, а 503 «в отсутствии». Дальше пошло по ниспадающей, генералу Борзову для экспедиции в крымские горы было велено взять 800 греков — он собрал лишь 200.

Когда стали разбираться, выяснилось, что Албанское Войско уже расплозлось кто куда. Те, кто действительно желал служить, поступили на Черноморский флот. Те, кого сперва направили в Крым, не захотели перебираться в Таганрог, обосновались в Балаклаве, Алуште, успешно перехватив промыслы греков, выселенных в Приазовье. А чтобы их не вернули в Войско, называли себя «ханскими подданными». Ну а те, кто остался в Войске, ударились в торговлю, используя дарованное им освобождение от пошлин. Причем при проверках 1784–1785 гг. в составе Войска обнаружилось уже и украинцы, армяне, татары, грузины, даже итальянцы, желающие пользоваться теми же льготами. Служба по сути ограничилась несением караулов в Таганроге. А при путешествии Екатерины в Тавриду в 1787 г. Албанское Войско выставило «Амазонскую роту» из дочерей служащих под командованием О. Сирандаки (Шидлянской) — девицы погарцевали на лошадях в почетном карауле. В 1797 г. Войско расформировали. На его базе был создан Греческий пехотный батальон, переведенный под Одессу [289].

Еще один «эксперимент» осуществлялся после присоединения Крыма — Крымско-татарское Казачье Войско. По указу 1784 г. для охраны Крыма и Таврии из татар создавалось 5 конных дивизионов общей численностью 1035 «казаков». Но сформировали только 3 дивизиона, в 1787 г., они торжественно встречали императрицу у Перекопа и

Бахчисарая. А с началом следующей турецкой войны обнаружилось, что крымцы тайно собирают вооруженные отряды и ждут высадки вражеского десанта. В связи с этим было проведено разоружение татар, отселение из прибрежной зоны. И один дивизион «казаков» распустили. Два оставшихся распределили отдельными командами по крупным русским группировкам. Использовали на тыловой службе — для доставки эстафет, сопровождения почты, охраны соляных промыслов, поручили им вылавливать дезертиров и разбойников. Весной 1790 г. сформировали еще 4 дивизиона. И все 6 под командованием полковника Мехмедша-бея отправили на польскую границу [291]. То есть и к службе привлекли, и от турок подальше. По окончании войны 4 «новых» дивизиона расформировали. А в 1796 г. ликвидировали и 2 «старых». Попытку реанимации Крымского Войска предпринял Александр I, издав в 1806 г. указ о формировании из татар 4 казачьих полков. Но из-за низкой боеспособности и ненадежности они просуществовали недолго.

Был и эксперимент с Ногайским Казачьим Войском. В 1783 г. во время бунта ногайцев мурза Баязет-бей с 900 семьями сохранил верность России. Потемкин выделил им земли в Таврии на р. Молочной. Сюда начали приглашать и других ногайцев из-за рубежа. Турки этому не препятствовали. Для них ногайские свары принесли столько хлопот, что анапский паша писал: он не только не возражает против их переселения в Россию, но и сам бы не против их выселить. На Молочной собралось до 10 тыс. человек, поставили ряд аулов, кочевали, некоторые начали заниматься земледелием. Но при Павле I власть спохватилась — а на каком положении они живут? Присвоила им статус государственных поселян, обложив податью 2 руб. 33 коп. с души. Вводились волостные правления, а Баязета обязали платить за крепостных. Ему такое дело не понравилось, он стал доказывать, что Екатерина поставила его «начальником ногайских орд». Ездил в Петербург «для испрошения милостей и привилегий» ногайцам (точнее, себе), каждый раз собирая для этого с подчиненных крупные суммы. И выдвинул предложение — создать Казачье Войско во главе с ним самим, и вместо податей ногайцы будут выставять тысячу всадников — два полка, вооруженных по типу донских казаков. При Павле проект не прошел, но Александр I в 1801 г. согласился.

Однако Баязет вооружил лишь 200 всадников, личную дружину. И принялся выколачивать из ногайцев деньги якобы на коней и оружие «для Войска». Посыпались жалобы, ногайцы стали разбегаться. Царь распорядился вызвать Баязета в Херсон «под благовидным предлогом» и без него учинить проверку. Она выявила, что «атаман» попросту обирал народ. Для маскировки заключил контракт с оружейником Вешниковым на 3 тыс. руб., но вместо оружия поставлялся дешевый ржавый лом. Собрано же было не 3 тыс. руб., а в 5–6 раз больше. Многих соплеменников Баязет закрепостил, дома завел гарем из крепостных русских девок и одной дворянки, обратив их в ислам. Когда комиссия по повелению Александра опросила ногайцев, желают ли они дальше оставаться «казаками» или вернуться в сословие казенных поселян, все единогласно в ужасе возопили — ни в коем случае не казаками! В 1804 г. Ногайское Войско прекратило существование [236].

Как видим, «эксперименты» провалились все, да еще и с треском. Что касается сербов и греков, то власть не учла: одно дело — доблестно сражаться за свою родину, другое — за чужую. Эмигрируют часто далеко не лучшие. Ну а относительно татар и ногайцев историк А. Скальковский писал: «Воинское звание», к которому их предназначили, «вовсе не было свойственно этим ордам, умевшим действовать дикими толпами в наездах и грабежах, а не в трудной и постоянной казачьей службе». Впрочем, требуется и уточнение. Ведь уже отмечалось, что многие Казачьи Войска создавались искусственно, но проявляли себя прекрасно. Да и подпитка казачества извне отнюдь не прекратилась. Например, в 1747 г., когда зашла речь об усилении Гребенского Войска, казаки сообщили, что при необходимости могут включить в свой состав 2 тыс. пришлых «гулебщиков». Этого не разрешили, но многие добивались своего, «оказывались». А Яицкому Войску официально было запрещено принимать пришлых только в 1751 г. Ранее приводились примеры, что в ряды казаков вливались не только русские, но и калмыки, башкиры, татары, буряты, осетины, грузины, кабардинцы и т. д. Так почему же в одних случаях люди становились

казаками, а в других нет?

Здесь стоит обратить внимание, что «искусственные» Войска становились полноценными, когда они создавались либо из добровольцев, как Сибирское, Бугское, либо из казаков других Войск — как было на Тереке, в Оренбуржье. Во всех случаях они имели больший или меньший процент природных казаков, перенимали исконные казачьи традиции. Да и приток извне имел совсем не случайный характер. Ведь далеко не каждый беглый устремлялся на казачьи окраины. В России можно было пристроиться куда спокойнее и безопаснее. И из тех, кто попадал к казакам, не каждый стремился стать таковым. И не каждый этого удостоивался, многие оставались просто крестьянами. Точно так же было и с «инородцами». Разве можно сопоставить фигуры Баязет-бея и, допустим, калмыка Даши Булатова, бросившего 200 кибиток и стада только из-за того, что ему захотелось стать яицким казаком? И далеко не любой грузин и армянин, бежавший из Закавказья, поступал на Тереке на службу — в тех же краях можно было заняться иными, более выгодными делами. То есть приток шел за счет людей, внутренне близких казачеству, чувствующих к этому душевное призвание. А попытки скопом превратить в казаков произвольно назначенную массу заведомо оказывались нежизнеспособными.

38. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ ВОЙСКО И ЧЕРНОМОРСКИЙ КОШ

По причинам, указанным в предыдущих главах, казачьи структуры на Украине были порушены. Но Потемкин хорошо осознал и их ценные качества, со многими функциями казаков регулярные войска не справлялись. И еще в 1783 г., когда случилось восстание в Крыму светлейший князь начал создавать команды из бывших запорожцев. Однако они не понадобились, и процесс затормозился. Потемкин обратил внимание и на Бугское Войско. Основой его, напомню, были правобережные казаки, перебежчики-некрасовцы, добровольческие «арнаутские» команды из молдаван, румын, болгар, сербов, греков. Добавились русские старообрядцы, переселившиеся из Польши. Войску были выделены земли в междуречье Ингула, Еланца и Мертвовода, войсковое правление разместилось в селе Соколы. Потемкин переселил сюда более 3 тыс. крестьян, покупая их у помещиков — по его расчетам содержание 1 боевого казака должны были обеспечивать 4 крестьянина. И в 1785 г. был сформирован Бугский полк — большой, 1500 казаков. В дальнейшем его то разделяли на два, то сводили в один. А в 1787 г. при путешествии Екатерины на юг делегация запорожцев (конечно, с благословения фаворита) ходатайствовала о создании «Войска Верных Казаков» и получила согласие.

Между тем надвигалась новая полоса войн. Турция с территориальными потерями не смирилась. Ее подзуживали Англия и Пруссия. Их усилиями очередной раз сколачивался все тот же антироссийский блок: турки, поляки, шведы... И в 1787 г. началось. 1 октября османский флот подошел к Кинбурну. Оборону возглавлял Суворов, у него было 1700 штыков и сабель: 3 пехотных полка, 3 гусарских эскадрона и казачьи полки **Орлова**, **Исаева** и **Иловайского** (все некомплектные). В качестве отвлекающего маневра враг высадил в Днепровском лимане десант из запорожцев-эмигрантов, их быстро сбросили в море. Но основные силы, 5,5 тыс. янычар, высадились на Кинбурнской косе. Битва длилась 9 часов. Атаки сменялись контратаками. Когда Суворов был ранен, неизменный его ординарец казак **Иван** (фамилия неизвестна), есаул **Дмитрий Кутейников** и гренадер **Огнев** вынесли его из боя, промыли рану морской водой и перевязали. В пехотном батальоне выбило всех офицеров — штыковую возглавил есаул **Краснов** [63]. Уже в темноте состоялась последняя атака, пехота в центре, казаки и гусары на флангах скакали по воде. И турок сломили, из десанта спаслось лишь 700 человек.

Война подтолкнула формирование новых Войск, задуманных Потемкиным. В 1787 г. было создано *Екатеринославское Казачье Войско* — оно же *Новодонское*. Потому что за образец бралось Донское [290]. В Войске объединялись Бугский, Чугуевский полки. Из добровольцев и рекрутов районов, приписанных к Войску формировались Малороссийский,

Екатеринославский, Конвойный его светлости князя Потемкина-Таврического полки, арнаутские команды, а в качестве ядра привлекались 4 донских полка. Из донцов набирался и командный состав, наказным атаманом стал полковник М.И. Платов. Кстати, из самого замысла Екатеринославского Войска виден грандиозный проект Потемкина — прикрыть юг России системой крупных Казачьих Войск: восточнее Дона — Астраханское (вобравшее терцев), западнее — Екатеринославское.

В 1787 г. было учреждено и Войско (Кош) Верных Казаков из бывших запорожцев . Изначально в нем было 600 человек. Но набирали сечевиков, рассеявшихся по Украине. Возвращались некоторые эмигранты, не желая воевать против соотечественников. К 1788 г. состав вырос до 2 тыс. Структура сохранялась запорожская, те же 38 куреней, но выборное начало было упразднено. Кошевым был назначен **Сидор Иванович Белый** (имевший чин секунд-майора). Он же возглавил пешую команду, конную — **Захарий Чепига** (в нек. источниках Чепега), флотилию — войсковой судья **Антон Головатый** . Потемкин же стал «верховным гетманом» Казачьих Войск Юга Украины. Стоит отметить небезынтересный факт, что по запорожским законам их предводители сами должны были быть казаками, то есть принадлежать к какому-то куреню. И Потемкина приняли в Куцевский курень — разумеется, символически.

Конная команда была маленькая, около 200 казаков. Ее передали в подчинение М.И. Кутузову. А вот пехота и флотилия (по сути они были едины) сразу показали себя на высоте. Черноморский флот возглавлял адмирал Войнович и действовал отвратительно. Избегала боев и гребная флотилия под командованием Мордвинова. Турки господствовали на море. Но вскоре командующим флотилией стал отчаянный принц Нассау-Зиген. Вербовались волонтеры со всех морей — авантюристы, пираты, искатели приключений и наград. И запорожцы в этой среде оказались вполне «впору». 7 июня 1788 г. турецкий флот Гассан-паши подошел к Очакову, намеревался прорваться к Херсону, но был отогнан. 17 июня он повторил попытку. Но к сражению подготовились и Нассау-Зиген, и Суворов в Кинбурне, выставивший на береговой косе тяжелую батарею. Гребные суда атаковали турков, подожгли линейный корабль. Остальной флот повернул назад. Однако флотилия надела на него и захватила отставший флагманский корабль. Едва спасшийся Гассан решил ночью вернуться в Очаков. И попал под огонь суворовской батареи — на фоне полной луны били, как по мишеням, раздолбав 7 судов. Они заметались, садились на мели. Подоспела гребная флотилия и довершила разгром. Турки потеряли 6 тыс. погибшими и 1763 пленными [292].

Но в этих боях был смертельно ранен кошевой Сидор Белый. Что стало причиной конфликта. Запорожцы флотилии созвали раду и избрали кошевым **Ивана Сухину** — в прошлом полковника Бугогардовской паланки, ушедшего в эмиграцию, а в 1788 г. вернувшегося. Однако Потемкина не удовлетворила ни эта кандидатура, ни попытка реанимировать выборность. И он своей волей назначил секунд-майора Чепигу. Его, служившего в коннице, многие из пешей сиромы плохо знали, забушевали, даже приплыли к ставке Потемкина качать права, но с ними вступили в переговоры, крепко поили и кое-как уломали подчиниться. В 1788 г. главные русские силы осадили Очаков. А флотилия запорожцев предприняла ряд десантных операций. Атаман Чепига быстро завоевал популярность сиромы, возглавив десант под Гаджибей, где удалось разгромить турецкие магазины (склады) боеприпасов и продовольствия. А отряд Головатого 7 ноября с жестоким боем захватил сильно укрепленный остров Березань. Он и стал первой базой Коша Верных Казаков. То есть запорожцы в прямом смысле завоевали себе землю, завоевали, несмотря ни на что, свое право на существование. *А когда обосновались на острове, у их Войска появилось еще одно название — Черноморский Кош .* В декабре 1788 г. после тяжелейшей пятимесячной осады и кровопролитного штурма Очаков пал. В этих операциях покрыли себя славой донцы Федора Петровича Денисова — «Денис-паши», екатеринославские казаки Платова, он был пожалован чином бригадира.

Но у противников России имелась «козырная карта» — когда ее войска оттянулись на

юг, удар в спину нанесла Швеция, внезапно вступила в войну и бросила в Финляндию 36 тыс. солдат. В Петербурге оставались лишь несколько полков гвардии, и императрица проявила чудеса изобретательности, лично создавая «из ничего» группировку для обороны столицы. Так, были сформированы 2 батальона из причетников, тысячный *Ямской казачий полк — из ямщиков*. После падения Очакова в Петербург был прислан с трофейными знаменами генерал-майор Денисов, и Екатерина тут же отправила его против шведов. Он возглавил отдельный отряд, и под его началом даже ямщики становились настоящими казаками. Денисов разбил шведов в нескольких боях, у кирхи Вилькенной победил корпус самого короля Густава, был четырежды ранен [63, 201]. Тем временем подтягивались войска с юга, в том числе донские казаки. В 1790 г. Швеция запросила мира.

Благополучно развивались операции и на юге. Корпус Суворова вместе с союзниками-австрийцами блестяще разгромил турок под Фокшанами и на р. Рымник. Были взяты Гаджибей, Бендеры. Черноморский Кош так хорошо зарекомендовал себя, что Потемкин разрешил принимать в него всех желающих, кроме крепостных и дезертиров. Но уже и молва разнеслась, что вновь возродились запорожцы, и добровольцы хлынули так же, как прежде в Сечь. Количество казаков достигло 12 тыс. Конная команда составила 2700 казаков, остальные сражались в пехоте и на флотилии, строились новые «дубы», канонерские лодки. Командующим гребной флотилией вместо Нассау-Зигена, переведенного на Балтику, стал граф де Рибас (тот самый, чье имя носит в Одессе Дерibasовская). Флотилия перебазировалась на Дунай, взяла Тульчу и Исакчу. А командование Черноморским флотом принял св. Федор Ушаков, одерживая победу за победой.

Но менялась и международная обстановка. Во Франции полыхнул первый в мире масонский путч известный под именем «Великой Французской революции», отсюда зараза поползла во все стороны. Союзница России Австрия занервничала и заключила с турками сепаратный мир. Причем устроила подлянку, взяв под опеку Валахию (Румынию). И русские операции теперь могли вестись только в узкой полосе у моря. Запирал ее неприступный Измаил. Его укрепления с прошлой войны усилили под руководством французских инженеров, в городе сосредоточилась целая армия из 40 тыс. воинов при 200 орудиях. Чтобы вынудить Порту к миру, требовалось взять эту твердыню. Осаждающих было 30 тыс. Из них 13 тыс. казаков.

Но положение осложнилось далеко не умным распоряжением Потемкина. У него не ладилось с формированием гусарских полков, не хватало оружия и коней, и всемогущий светлейший князь, привыкший решать проблемы сплеча, велел взять недостающее у донцов. В итоге гусары сформироваться не успели, а треть армии осталась полубезоружной, с одними пиками и саблями. Месячная осада не дала результата, военачальники были склонны снять ее. И Потемкин вызвал Суворова. Александр Васильевич прискакал с ординарцем Иваном, опередив свою дивизию. Остановил войска, которые уже отводились. И когда на предложение капитуляции сераскир ответил отказом, был созван военный совет. Первым, по требованиям устава, высказался младший по чину, бригадир Платов: «Штурмовать!» Поддержали и остальные генералы. 11 декабря 1790 г. состоялся штурм. Казаки атаковали в пятой колонне под командованием Платова, в шестой — донского походного атамана **Орлова**. В четвертой колонне шли бугские казаки полковника **Скаржинского**. Запорожские десанты вместе с гренадерами атаковали со стороны реки.

Битва была ужасной. Суворов писал: «Не было крепче крепости, обороны — отчаянней, чем Измаил, только раз в жизни можно пускаться на такое». Лезущих на стены турки отбрасывали, перерубали ятаганами казачьи пики. Когда атака захлебнулась, Платов сам подхватил лестницу и с криком: «С нами Бог и Екатерина! Товарищи, за мной!» — повел казаков на стены. А колонне Орлова, преодолевавшей ров и вал, турки, высыпавшие из ворот, нанесли удар во фланг. Казаки оказались в критическом положении. Суворов бросил им на подмогу Полоцкий полк, но его командир был убит. Вперед выбежал священник **о. Трофим (Кущинский)** и поднял над головой святой крест: «Стой, ребята! Вот вам командир!» Священник был ранен, крест дважды пробит пулями, но воодушевленные

солдаты и казаки смели турок [146]. Осажденные предприняли вылазку и со стороны реки, сбили запорожцев и уничтожил бы, если бы их не выручили гренадеры. И все же к восьми утра армия овладела укреплениями, пошла уличная сеча. Из гарнизона было взято в плен 9 тыс., остальные перебиты. Наши войска потеряли 4 тыс. погибших и 6 тыс. раненых. Турция все еще упорствовала. Но после побед — Кутузова у Бабадага и Репнина, разгромившего 80-тысячную армию визиря при Мачине, — Стамбул согласился на переговоры. Потемкин до их конца не дожид, умер в Яссах. А в январе 1792 г. был подписан Ясский мир: Турция признавала присоединение к России Крыма, отдавала земли между Бугом и Днестром и правобережье Кубани.

Однако и в этой полосе войн один из противников «запоздал» — Польша. Теперь здесь занял враждебную России позицию король Станислав Понятовский, поддерживаемый Францией. Он добился принятия конституции, укреплявшей королевскую власть, формировалась постоянная армия, генералы и магнаты открыто объявляли себя врагами русских. Но наступление короля на «шляхетские свободы» вызвало взрыв анархии, образовалась Тарговицкая конфедерация, обратившаяся за помощью к Екатерине. Которая при таком раскладе, конечно, приняла сторону конфедерации. Весной 1792 г. в Польшу были двинуты войска. К России присоединилась и Пруссия. Сопrotивление, казалось, быстро подавили. И продиктовали сейму условия «второго раздела» Польши — к России отошли остатки Белоруссии и часть Украины. Польская армия сокращалась с 50 до 15 тыс., в крупных центрах до успокоения оставались русские гарнизоны.

Но приказ о роспуске войск поляки саботировали. Из Америки был приглашен масон Костюшко, провозглашенный диктатором. Восстание было тщательно спланировано и подготовлено. 17 марта 1794 г., на Пасху, в Варшаве мятежники с криками: «Кто в Бога верует, бей москаля!», набросились на русских. Было вырезано 2265 человек. Убивали и тех, на кого указывали, что он «москальского духа» [77]. Через день такая же бойня произошла в Вильно. И мгновенно вакханалия распространилась по всей стране, везде инсургенты обрушились на русские гарнизоны, гражданских лиц. Теперь уже и король стал заложником повстанцев, лишь подписывая их указы. Костюшко провозгласил свободу крестьян, создавая из них полки «косиньеров». Это уже пахло возникновением очага революции под боком у России.

Екатерина направила несколько корпусов, они одерживали победы, но на этот раз восстание было массовым, стоило царским войскам уйти, занималось снова. Бои грозили затянуться и обернуться морями крови. В августе при номинальном главкомандовании П.А. Румянцева в Польшу был назначен Суворов. Он из Немирова предпринял стремительный марш, по дороге собирая войска. В авангарде шли два донских полка Исаева, сшибая мелкие отряды врага, а крупные армии Суворов разгромил под Кобрином и Крупчицами. Он решил избежать жуткой затяжной войны — а для этого следовало прорваться прямо к Варшаве и взять ее. С дороги Суворов отдал приказ корпусам Ферзена и Дерфельдена идти на соединение к нему.

Костюшко тоже осознал опасность. Собрал все свои силы, но на Суворова идти не рискнул, выступил навстречу Ферзену. Однако и здесь он столкнулся с умелыми воинами. Авангард Ферзена, 5 донских полков, 10 эскадронов драгун и 4 батальона пехоты, вел «Денис-паша». Во главе отряда двигался полк его племянника, **Адриана Карповича Денисова**. Встретившись вдруг под Мацеевичами со всей польской армией, он не растерялся и принял бой. И, отступая, заманил врага в вентерь, под удар всех полков. Но поляки разобрались, что их намного больше, опять атаковали. Части Денисова дрались, пока не подошли главные силы Ферзена. И неприятельскую армию разгромили. За ее командирами разослали погоню по нескольким дорогам. Костюшко настигли казаки **Лосев и Топилин**. Порубили и покололи сопровождающих его конников, а раненый диктатор попал в плен [63].

В Польше началась паника. Главкомандующим стал генерал Вавржецкий, он стянул к Варшаве все, что у него оставалось, 20 тыс. воинов. Суворов, соединившись с другими

корпусами, имел 22 тыс. И подступил к крепости Прага — предместью Варшавы на правом берегу Вислы. 24 октября последовал штурм. Схватка была жесточайшая. Но русские солдаты и казаки преодолели мощные укрепления. Участвовали в приступе и два полка черноморских казаков под командованием кошевого Чепиги — они воевали в корпусе Дерфельдена. В ходе сражения они наступали с фланга, перешли вброд речной залив, отсекали неприятельскую конницу и загнали ее на косу между Вислой и ее притоком. Кроме того, отряд черноморцев перекрыл мост через Вислу, отрезав пути отхода противнику. Из состава гарнизона было перебито 8 тыс., еще 2 тыс. утонуло, спасаясь вплавь. Русских погибло 2 тыс. Ночью на лодках прибыла делегация — левобережная Варшава капитулировала.

Уцелевшие предводители восстания во главе с Вавржецким бежали, за ними отправилась погоня. У с. Опочня отряд «Денис-паши» настиг польского главнокомандующего. Узнав о его местонахождении, генерал Денисов оставил свои полки, всего лишь с одним казаком въехал в местечко, явился к Вавржецкому и потребовал сдачи. Ошарашенный поляк согласился [201]. Война завершилась «третьим разделом» — Польша прекратила существование. В состав России вошла Литва, остальное поделили между Пруссией и Австрией.

За заслуги в турецкой, шведской и польской войнах, многие казаки получили высокие награды. Платов и Чепига стали генерал-майорами, кавалерами орденов Св. Георгия IV и III степеней. Возвысился и Федор Петрович Денисов, пленивший двух польских главнокомандующих. В 1798 г. он первым из казаков удостоился чина генерала от кавалерии, а в 1799 г. графского титула. Но сыновей у него не было. А дочь вышла замуж за другого героя-казака, Василия Петровича Орлова, и у них родился сын Василий. По ходатайству Федора Петровича внуку был передан графский титул с прибавлением фамилии, и возник род графов Орловых-Денисовых...

Екатеринославское Войско в баталиях с поляками не участвовало. После заключения мира с турками на новой границе стала строиться Днестровская линия — крепости Тирасполь, Овидиополь, Григориополь. К этой линии были отнесены и крепости Одесса, Очаков. Сперва строительством руководил Суворов, а после его отъезда в Польшу работы возглавил новый фаворит императрицы Платон Зубов. *И Екатеринославское Войско было определено на пограничную службу, положив начало Приднестровскому казачеству.* Войско достигло 14,5 тыс. казаков и 40–50 тыс. поселян. Но сплошной собственной области не имело, земли перемежались помещичьими, казенными, городскими. Платов составлял проекты улучшения жизненного уровня екатеринославцев, просил оставить в Войске 500 донцов и 130 кибиток калмыков как костяк для дальнейшего обучения казаков. Но главного инициатора создания «второго Дона», Потемкина, не было в живых. И в правительстве эта идея дальнейшего развития не получила. Наоборот, многие вельможи, получившие земельные пожалования на юге, поглядывали на территории, выделенные Войску. Платова откомандировали, а среди екатеринославцев устроили опрос, желают ли остаться казаками или вернуться к «первоначальному состоянию».

И произошло расслоение. Те, кто и раньше имел отношение к казачеству, выбирали первое. А рекруты и волонтеры из крестьян — второе. Ссылались на то, что во время службы их хозяйства разоряются. Местные власти вели и целенаправленную работу, агитируя за «возвращение в первоначальное существование». В результате в 1796 г. Екатеринославское Войско было расформировано [290]. Часть демобилизовавшихся казаков смекнула записаться мещанами — они остались свободными. Те же, кто записался государственными крестьянами, быстро были закрепощены. А из разнородных частей, составлявших Екатеринославское Войско, сохранилось Бугское Войско — его покровителем и «гетманом» стал Зубов. *Центр Войска был перенесен в г. Вознесенск, и его переименовали в Вознесенское.* Сохранился и Чугуевский полк. *Команду чугуевцев было велено выделить для службы при дворе, и две команды, донская и чугуевская, составили Лейб-гвардии Казачий полк.*

39. ЧЕРНОМОРЦЫ И ДОНЦЫ НА КУБАНИ

Служба казаков даже и в мирное время была нелегкой, тем более на Кавказе. Несмотря на то, что была принята оборонительная тактика, уже в 1777 г. в государственном бюджете появилась особая статья: 2 тыс. руб. серебром на выкуп у горцев христианских пленников [175]. Хищники ненадолго присмирели после рейда Суворова за Кубань. А с началом войны положение еще более обострилось. Главной турецкой базой на Кавказе стала Анапа. Через нее в горы шло оружие, деньги. В Кабарде появился первый предшественник Шамиля — Шейх-Мансур, возбуждая черкесов, кабардинцев, лезгин, чеченцев на борьбу с «неверными». По сути открылся «второй фронт». Русских войск здесь было мало: части небольшого Кубанского корпуса, казаки Азово-Моздокской линии и 6 донских полков — они несли на Кубани дежурство, поочередно сменяясь.

В начале 1790 г. под командованием генерал-поручика Бибикова состоялся поход на Анапу. Он был плохо подготовлен, ослабевший в трудном переходе отряд был отражен от крепости и с трудом вернулся на Ставрополье. А турки ответили, высадив в сентябре под Анапой сильный десант Батал-паши с 30 орудиями. Он двинулся в долину Лабы, усиливаясь местными племенами, и собрал из них войско в 50 тыс. На р. Тохтамыш врагов встретил корпус И.И. Германа фон Ферзена, 3600 солдат и казаков. Несмотря на огромное неравенство сил было приказано атаковать. И пленных не брать — из-за того же неравенства. Противника разгромили наголову, захватили всю артиллерию, лагерь и самого Батал-пашу. На месте этой битвы впоследствии возникла станица, по каким-то причинам названная именем побежденного, Баталпашинская (ныне Черкесск).

В 1791 г. новый поход на Анапу возглавил генерал-аншеф И.В. Гудович. Противник успел подготовиться, в крепости собралось 25 тыс. турок и горцев, при 95 орудиях. У Гудовича было 12 тыс. — в том числе донские казаки, 350 гребенских с атаманом **Сехиным**, 150 терско-семейных, 3 сотни Волжского и 2 сотни Хоперского полков. 22 июня после короткой блокады последовал штурм. Некоторые командиры были недовольны тем, что Гудович оставил в резерве свыше трети войск. Но мера оказалась оправданной. В разгар битвы удар по тылам нанесли 8 тыс. черкесов, и их удалось отразить. Штурм Анапы по своей жесточенности сравнивали с Измаилом. Чудеса храбрости проявили сотник **Борисов**, хорунжие **Усков**, **Корсунов**, **Семенкин**, **Яров**. Геройски погиб, возглавив атаку, хоперский сотник **Найденов** [219]. Всего же пало 940 человек, 1995 получили ранения. Но врагов положили 11 тыс., 13,5 тыс., капитулировали. В Анапе попался и Шейх-Мансур, он был сослан на Соловки.

Обстановка на Кавказе стабилизировалась. Но правительство понимало, что это временно, распорядилось строить на Кубани новые крепости и переселить 3 тыс. семей донских казаков. И в 1792 г. было решено 6 полков, несущих дежурство на Кавказе, оставить тут насовсем — пусть заберут семьи с Дона и селятся. В полках это известие вызвало возмущение, возглавил бунт **Никита Белогорохов**. Казаки направили делегатов в Черкасск — выяснить, действительно ли есть такой приказ. За ними самовольно оставили службу и отправились на Дон несколько сот казаков. Их принялись вылавливать, что вызвало в станицах массовые волнения. Грамоту о переселении принимать категорически отказывались. В бунтующие городки были введены войска, несколько тысяч человек перепороли. Но масштабы переселения сократили, на Кубань отправили не 3 тыс., а 1 тыс. семей — тех, кто участвовал в мятеже. *Из них составился Кубанский полк.*

А между тем оставалась неясной судьба Черноморского Коша. Потемкин выделил ему земли в Приднестровье, центром запорожцев стало село Слободзея [288]. Тут возвели укрепление наподобие Сечи, разместили управление Коша. Сюда казаки перевезли своих родственников, стали заводить хозяйство, основали 25 селений вперемежку с молдавскими. В реляциях о боевых действиях Войску давался эпитет «бесценное», светлейший благоволил к нему. Обещал дать еще земли между Бугом и Днестром, под Кинбурном, Еникальский округ в Крыму, подарил собственные рыбные ловы на Тамани. Но... все это оставалось

вилами на воде писано. Когда в 1791 г. кошевой Чепига и войсковой судья Головатый отправились к Потемкину просить более определенно оформить владения, застали его в дурном настроении — лодка с 25 запорожцами была захвачена турками. И светлейший князь делегатов прогнал: дескать, позже поговорим.

А позже его не стало. И война кончилась. Земли, выделенные Кошу, оказались не сплошными, вклинивались делянками между угодий, дарованных вельможам и военачальникам. И уже посыпались жалобы, что закрепощаемые крестьяне бегут к казакам... Очевидно, черноморцев ждала судьба екатеринославцев. Два человека сумели предотвратить это и стали основоположниками казачьей Кубани. **Захарий Алексеевич Чепига** и **Антон Андреевич Головатый** [266,267]. Они были совершенно разными. Чепига — простой неграмотный казак из беглых крепостных. В Запорожье поступил в Кислякивский курень, участвовал в войнах, выдвинулся до полковника Протовчанской паланки. После ликвидации Сечи служил при штабе Потемкина. Головатый был из семьи украинской казачьей старшины. Учился в Киевской академии, но, не закончив ее, удрал в Запорожье. Стал казаком Кушевского куреня. Был лихим казаком, поэтом, слагал песни, прекрасно играл на бандуре. Но в Сечи оценили и его ум, хитрость, образование. С 1768 г. стали посылать в Петербург с делегациями. В 1771 г. он стал писарем Самарской паланки. Потом находился при войсковом судье и кошевом атамане, хотя и нарушил традицию — женился. После упразднения Сечи получил должность капитана-исправника в Новомосковске.

Оба вместе с С. Белым стояли у истоков Коша Верных Казаков. Похоже, что какое-то время были соперниками. Но затем кошевой атаман и войсковой судья (начальник штаба) составили дополняющий друг друга великолепный тандем. Один — настоящий «батько». Прямой, грозный в бою, способный вздуть казака для протрезвления, но и простой, добродушный, доступный для каждого. Второй — тоже доблестный воин, но и прекрасный дипломат, организатор, администратор. Между прочим оба были богатыми людьми, Потемкин приближенных жаловал щедро. Чепиге принадлежали деревня на Херсонщине, дача на Громоклее, Головатому селение под Новомосковском, хутора, мельницы, стада. Они вполне могли бы после войны оставить Войско и зажить состоятельными помещиками. Но были в первую очередь казаками. Душой, а не по названию.

Зимой 1791–1792 гг. Чепига и Головатый пришли к выводу — на Днестре Кошу оставаться нельзя. Сожрут. И в феврале делегация во главе с Головатым выехала в Петербург. «Выбивать» Кубань. Под предлогом того, что «за многолюдством» разместить Войско на Днестре и Буге нельзя. Трудные переговоры шли 4 месяца. Императрица все еще не до конца доверяла запорожцам — а тут они выражали желание обособиться. Но в пользу Коша сыграли волнения донцов, не желающих переселяться. А черноморцы предлагали решение проблемы, их было 12,5 тыс. боевого состава, 10 тыс. членов семей! Головатый умело привлекал в союзники и тех, кто уже раскатал губы на приднестровские земли. Помогал и имидж простоватого, бесхитростного казачуры, который создавал себе Головатый — мог и выпить, и «спивать» под бандуру, и сплясать, вызывая к себе симпатии [201]. 30 июня 1792 г. была подписана Высочайшая грамота, жалующая Черноморскому Войску «в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всею землей, лежащей на правой стороне реки Кубань от устья Еи к Усть-Лабинскому редуту».

Еще в ходе переговоров «для осмотра» земли на Кубань поехал войсковой есаул **Мокий Гулик**, представив Кошу подробный отчет [278]. При этом он на Тамани записал в казаки 114 «разных бурлак». Кстати, случай не единичный. Некоторые казаки не захотели уходить с насиженных мест, зато к черноморцам пристало изрядное число сдружившихся с ними молдаван, украинских беглых. Переселение началось сразу же — чтобы продемонстрировать четкое исполнение приказа императрицы (и пока она не передумала). В августе 1792 г. в море вышла флотилия под командованием капитана Пустошкина — флагманская бригантна «Благовещение», 50 лодок и яхта черноморцев, 11 транспортных судов, сопровождающие крейсера. Они благополучно доставили на Тамань около 3200 казаков [279]. Остальные двинулись посуху — со стадами, обозами. Переселение было

тщательно спланировано. Шли несколькими эшелонами, разными маршрутами, чтобы в пути обеспечивать себя фуражом и питанием. Колонна Чепиги зазимовала на Ейской косе, по весне отправилась к Усть-Лабинской крепости. Здесь кошевой установил взаимодействие с генералом Гудовичем, а потом выбрал в урочище Карасунский кут место для «войскового града». Будущего Екатеринодара.

Последние колонны подтянулись летом 1793 г. Еще раньше, когда казаки испрашивали земли на Кубани, они обратились к императрице за указаниями о желаемом внутреннем порядке Войска. Екатерина повелела, чтобы устройство было сообразно с «учреждениями об управлении губерний». Кроме того, ей не нравилось буквальное следование запорожским традициям, и к 38 куреням она велела добавить еще 2 — Екатерининский и Березанский. На основе этих указаний к январю 1794 г. руководством Коша был разработан и обнародован первый законодательный документ черноморцев, «Порядок общей пользы», в котором авторы попытались соединить казачий традиционный уклад с общегосударственным. Учреждались должности городничих, полиция. Но подчинялись они Войсковому правительству из кошевого атамана, войскового судьи, войсковых писаря и есаула [280].

И Екатеринодар сперва строился по образцу Сечи — земляные валы с пушками, войсковая церковь Св. Троицы, правление Коша, 40 куреней-казарм для «бездомовных» и несущих службу — при Войсковом правительстве «на непредвиденный случай» состояла тысяча казаков. Как и в Сечи, были учреждены паланки, но это слово было неясно русским чиновникам и быстро заменилось на «округа». А основная масса казаков, получив места поселения, основывала слободы, будущие станицы, получившие название запорожских куреней — Пластуновская, Брюховецкая, Кушевская, Кисляковская, Ивановская, Крыловская, Щербиновская, Титаровская, Нижнестеблиевская, Стеблиевская, Минская, Переяславская, Каневская, Шкуринская, Березанская и др. Некоторые названия исказились, и от Куреновского куреня пошла Кореновская, от Тимошевского — Тимашевская, от Жералевского — Журавская...

А времени на мирное устройство почти и не было. Требовалось границу охранять, а в апреле 1794 г. императрица велела послать 2 полка под начальством кошевого атамана в Польшу. Но полки в Черноморском Коше были временными. Знамена, перначи полковникам и есаулам выдавались на время походов, а потом сдавались и хранились в войсковой церкви. Чепиге по дороге в Польшу пришлось сделать крюк — в Петербург. Екатерина пожелала лично познакомиться с ним, и, видимо, только тогда в ней растаяло последнее недоверие. Кошевой ей понравился, был приглашен к ее столу, императрица сама угощала его вином, виноградом и персиками, а на прощание пожаловала саблю, сказав: «Бей, сынок, врагов Отечества!»

Ну а пока кошевой бил их, на Кубани управлял Головатый. Руководил строительством «столицы». При этом, правда, возводил и второй центр, как бы свой «персональный» — в Тамани. Был вообще очень хозяйственным человеком, собирал мастеровых, кузнецов, иконописцев. На свой кошт построил Покровскую церковь в Тамани, соединил «греблей» (каналом) Большой и Малый Карасуны, лично следил за обустройством куренных слобод и кордонов. В Кизилташском лимане оборудовал гавань для флотилии. Было проведено размежевание территорий с Кавказским наместничеством — Черноморское Войско ему не подчинялось, и это оказалось очень важным. Наместничество всю регулировало жизнь терцев и линейцев, несмотря ни на какие прежние указы возлагало на них всякие работы и повинности, вводило свои подати: со всех казаков, кроме служащих, брали на содержание почты, судов, местных управленческих аппаратов около 2 руб. в год. Черноморцы же по инерции остались в подчинении генерал-губернатора Таврии, который сидел далеко и в их дела не лез, что позволило Войску сохранить внутреннюю самостоятельность.

Но не успела отгреметь одна война — надвинулась следующая. Поражением Турции решила воспользоваться ее соперница, Персия. Теперь уже она подстрекала горцев против русских. А в сентябре 1795 г. иранская армия напала на Грузию и взяла Тифлис, устроив страшную резню. Екатерина по условиям Георгиевского трактата вмешалась. Отряд

Гудовича в 8 тыс. человек совершил труднейший переход через Кавказ, отбросив персов и защитив единоверцев. А весной 1796 г. на Тереке стала сосредотачиваться 35-тысячная армия Валериана Зубова, брата фаворита — для наступления на Азербайджан. Под его командование черноморцам было велено выставить тысячу казаков. На Головатого в это время обрушилась полоса несчастий. Трагически погибла дочь, при родах умерла жена. Отряд в Персию возглавил он — возможно, напросился сам, чтобы на войне преодолеть душевные травмы.

Поход начался успешно. Русские войска взяли штурмом Дербент, без боя заняли Кубу, Баку, Шемаху, Гянджу. Черноморцы рейдировали по Каспию, высадились в Зензелинском заливе и отбили у неприятеля большую партию армян, насильно угоняемых в Персию. Однако завершилась война впустую. Умерла Екатерина Великая, на трон взошел Павел I. Который первым делом начал ломать начинания своей матери. И отменил поход, приказав возвращаться в Россию. Головатый даже на войне не забывал об устройстве новой родины, Кубани. 31 декабря 1796 г., уже планируя возвращение, писал Чепиге: «Слова ваши, говоренные противу Карасунской гребли под дубом, стоящим близ вашего двора, я не забув, а исполнил прошлого года: рыбы напустыв с Кубани, а раков — привезенных с Темрюка на почтовых чрез сутки три воза; но дабы оные могли для настоящего удовольствия всем гражданам расплодиться, да еще оных и по речкам, где ставы есть, развесть, прикажите чрез городничего всем ловящим в ставу рыбу, попадающихся раков возвращать в воду и через два года не истреблять».

Чепига этого письма не получил. Правитель огромной области, он до последнего дня сохранял старые привычки, ходил в простой казачьей одежде, жил холостяком в хате-мазанке. И в этой же хате, заболев, скончался 14 января 1797 г. Лишь для похорон его одели в генеральский мундир, вынесли все ордена и регалии. Кошевым был назначен Головатый. Но и он об этом не узнал. В эвакуирующихся войсках вспыхнула эпидемия малярии. И начала косить личный состав флотилии, вывозящей солдат и имущество. Умерли контр-адмирал Федоров, бригадир Апраксин. Головатый стал командующим Каспийской флотилии. В суматохе дел переносил болезнь на ногах, и 28 января 1797 г. его не стало. На Кубань вернулась лишь половина ушедших казаков. А кошевым атаманом царь назначил войскового писаря **Котляревского** .

40. О СЛАВНЫХ КАЗАЧКАХ

В экстремальных условиях приграничной жизни выковался не только характер воина-казака, но и совершенно особый тип женщины — казачки. Когда мы говорим, что казаки освоили и возделали огромные пространства Дона, Кубани, Терека, Приуралья, надо помнить, что в значительной мере это было сделано женскими руками [63]. Мужчины-то постоянно были в походах, на кордонах. А дома оставались старики, дети — и казачки. Они и возделывали поля, огороды, бахчи, виноградники, ходили за скотиной, они вырастили пышные сады, в которых утопали станицы. Они собирали урожай, пекли хлеб, делали заготовки на зиму, стряпали, обшивали всю семью, растили детей, ткали, вязали, могли и хворобы лечить, и хату подправить. Казачка была не только неутомимой труженицей, но и организатором. Номинально руководил большим семейным коллективом старик-дед, но далеко не все казаки доживали до седин. Дед мог быть уже и недееспособным, инвалидом. И работу по хозяйству организовывали бабки, матери, жены казаков. Распределяли домашних, кому чем заниматься, если нужно, нанимали работников и руководили ими. Казачки умели и торговать, чтобы часть продукции обратить в деньги и приобрести необходимое. Подобной инициативы и самостоятельности русские крестьянки не знали. У них-то всегда муж был рядом.

Но казачка умела не только это. При нападении врагов она снимала со стены мужнину саблю и ружье и дралась насмерть, защищая детей или давая им возможность убежать. Как уже отмечалось, 800 казачек участвовали в обороне Азова в 1641 г. А сколько в

XVI–XVIII вв. встречается упоминаний о нападениях степняков на донские, терские, кубанские, волжские, уральские, сибирские городки? Если мужчины были дома, казачки укрывали детей и скот, выступали «вспомогательной силой», заряжая ружья, помогая ремонтировать укрепления, тушить огонь, перевязывая раненых. А коли главный защитник семьи отсутствует или уже пал, сама казачка становилась защитницей. Рынки Крыма и Тамани были переполнены русскими и украинскими пленниками, но из казачьих городков хищники угоняли только детей и совсем юных девушек. Казачки в плен не сдавались, сражались до конца.

И мужей ждать умели как никто другой. В походы казаки уходили на годы, часто с одной войны на другую, вернутся ли — неизвестно. А казачки ждали. В Сибири бывало и того круче. Семен Дежнев отсутствовал дома 19 лет! Пока странствовал, сын вырос. Кто его на ноги поднял? Жена. Сама так и не дождалась мужа, умерла, а ребенка вырастила, воспитала, и он казаком стал, как отец [45]. А на Дону, например, когда муж из похода возвращался, казачка, встречая его, первым делом кланялась в ноги коню. Благодарила, что не подвел в боях ее супруга, целым и невредимым доставил домой.

Был и случай, правда, единственный, когда женщина стала войсковым атаманом. В XVIII в. выходец из ханского калмыцкого рода Петр Тайшин принял крещение со своим улусом. А потом калмыцкая орда распалась, начались свары. Князь умер, но его вдова княгиня **Тайшина** с 2400 подданными в 1739 г. попросила выделить ей землю для оседлого поселения и принять на службу. Подходящее место нашли на Волге, где была построена крепость Ставрополь (ныне Тольятти). *Эти калмыки составили Ставропольское Казачье Войско.* А княгине были даны полномочия войскового атамана, положено жалованье в 500 руб. [102]. Остальным старшинам также было назначено жалованье — по уровню офицеров Войска Донского. А рядовые казаки несли службу с земельных наделов. К Войску приписали тысячу отставных солдат и 2,5 тыс. крестьян. Солдаты должны были обучить калмыков гарнизонной и сторожевой службе, крестьяне — земледелию. Постепенно они смешивались, главной обязанностью ставропольцев являлась охрана Самарско-Уфимской линии — ответвления Самарско-Оренбургской. По призыву царя Войско выставляло 1 полк на войну. А княгиня Тайшина руководила ставропольцами до конца жизни.

Известны и случаи, когда казачки прославились в качестве воинов. Ранее говорилось, что в 1770–1771 гг. на Кавказ были переведены 517 семей из Волжского Войска, основав 5 станиц, по 100 семей на каждую. Драки тут шли постоянно, а вдобавок началась война с турками, которые подбили горцев к массированным нападениям. В июне 1774 г. 9-тысячное войско татар и чеченцев обрушилось на Наурскую. Станица еще и не была отстроена, из оборонительных сооружений был насыпан земляной вал с несколькими пушками. А все строевые казаки ушли в поход — разведка у горцев работала хорошо, и они рассчитывали на легкую добычу. Но за оружие взялись казачки! И отметим, это были не гребенские казачки, привычные к здешнему военному быту, а приехавшие с относительно спокойной Волги. Но полторы-две сотни женщин со стариками и малолетками храбро встретили полчище врага. Били из ружей, рубили и кололи лезущих на валы, перетаскивали с места на место тяжелые пушки, встречая атаки картечью. Осада длилась 2 дня, и противник, оставив сотни трупов, ушел ни с чем. В память этой победы 10–11 июня в Наурской отмечался «бабий праздник».

Задолго до девицы-улана Дуровой прославилась и донская казачка **Прасковья Куркина**. По преданиям, зафиксированным в дореволюционных источниках, она была молодой симпатичной вдовушкой из станицы Нагавской и вела не очень строгий образ жизни. Однажды, в 1792 г., учинила пожар, за что, по казачьим законам, следовало крепко вздуть. Но Прасковья скрылась. Переделалась в мужскую одежду, взяла оружие — вероятно, оставшееся от супруга, оседлала лошадь и направилась на польскую войну. Выдала себя за мужчину и вступила в казачий полк **Балабина**. Участвовала в боях, была ранена, за неоднократные отличия получила чин урядника. Хотя остается сомнительным, как же казаки ее не раскусили. В отличие от офицерши Дуровой, казачка крепостных денщиков не имела, и при первом же купании коней правда должна была открыться. Скорее, все же знали, да

помалкивали. И, наверное, не случайно полковник Балабин взял «казака Куркина» к себе ординарцем. Но воевала Прасковья храбро, была произведена в хорунжие, а потом и в сотники. После войны в 1794 г. вернулась в станицу, и о прежних прегрешениях больше не вспоминали, весь Дон признал ее героиней [6]. Однако дальнейшие похождения Куркиной — например, как казаки посылали ее с ходатайством к императрице, очевидно, относятся к области легенд, и оставляю этот вопрос тем, кто сумеет исследовать его более детально.

Кстати, жизнь казачек в XVII–XVIII вв. (а отчасти и в XIX) вообще исследована очень слабо. Конечно, их быт во многом отличался от картин «Тихого Дона», от того, что нам известно по предреволюционным воспоминаниям. Точно так же, как и казаки Первой Мировой во многом отличались от своих предков времен Суворова. Так, примеры с обороной Наурской и Куркиной показывают, что казачки хорошо умели стрелять (в том числе из пушек), владели холодным оружием. Когда они этому учились? Где? Допускали ли их в юности к тренировкам наряду с казачатами? Или учили матери, отцы, мужья — на всякий случай? Ответа мне ни в одном источнике найти не удалось. Но известно, допустим, что на Тереке казачки еще и в XX в. были отличными наездницами, умели стрелять. Вообще либеральные авторы склонны были описывать жизнь казачек в самых черных тонах. Дескать, несчастные женщины — вся жизнь только до свадьбы, а дальше «домострой», забитое «закрепощенное» существование. Вот уж нет! Тут все зависит от точки зрения. Ведь с либеральных позиций и судьба казаков выглядела ох какой безрадостной — надо ж, обязательная служебная лямка, и на всю жизнь! Но казакам такая жизнь нравилась, и другой они не желали. Так же и казачки гордились своей участью.

Внешне отношение казака к женщине и впрямь могло показаться грубоватым, с демонстрацией собственного превосходства, но на самом деле оно было рыцарским. Атаман Платов в 1816 г. в приказе по Войску Донскому писал о казачках: «Пускай верность и усердие их, а наша за то к ним признательность, взаимное уважение и любовь, послужат в позднейшем потомстве правилом для поведения жен донских». По обычаям, казачка пользовалась таким уважением и почтением, что в наделении ее дополнительно еще и мужскими правами не нуждалась. И наоборот, казак и даже станичный атаман не имел права вмешиваться в женские дела. Казачка не участвовала в кругах, не имела голоса на сходах, ее интересы представляли отец, муж, брат. Но одинокая женщина могла выбрать себе любого ходатая из числа станичников. А вдова или сирота находилась под личной защитой атамана и совета стариков, а если этого недостаточно, могла и сама обратиться к сходу. Разговаривая с женщиной на кругу или сходе, казак обязан был встать, а если она пожилых лет — снять шапку.

На станичных праздниках казачка, пусть и замужняя, могла плясать с любым казаком. С любым могла чесать языки на улице, невинно пококетничать. И чтобы опровергнуть мифы о «домострое», достаточно открыть повесть Л.Н. Толстого «Казаки». Описывается не какая-нибудь станица, а старообрядческая. Но поведение казачек очень даже свободное (уж по крайней мере по сравнению с Центральной Россией). Девушки, вводя в немалый соблазн офицеров, крутятся по двору в одних рубашках на голое тело. И от вина не отказываются, вечеринки устраивают с мужчинами и поцелуями. Словом, ведут себя «на грани». Но вот чтобы перейти эту грань — тут уж ни-ни! Тут вступало в силу понятие чести. А свою честь казачки ставили очень высоко.

Какими-либо комплексами в сфере взаимоотношения полов казачки не страдали, никаких «секретов» для них эта сфера не представляла. Да и как иначе, если занимались скотоводством, с детских лет видели, что как происходит? Во многих местностях и в баню ходили целыми семьями. В Сибири и Забайкалье баня часто вообще строилась одна на станицу, совместное мытье мужчин и женщин считалось делом вполне естественным. Но это, опять же, совершенно не подразумевало чего-то большего. Одно дело — знать. А другое — понимать, что допустимо, а что нет. Степень того, что может себе позволить казачка, зависела от ее семейного положения. Вольность в общении с мужчинами, откровенность разговоров, шуток, допустимый флирт были разными для девиц, замужних, вдов. Но и для

казака было позором преступить дозволенное. И чтобы не ошибиться, существовала система «опознания» по женским кольцам. Серебряное на левой руке — девушка на выданье, на правой — уже просватана. Кольцо с бирюзой — жених служит. Золотое на правой руке — замужняя. На левой — разведенная или вдова.

Впрочем, при общей высокой нравственности казачек допускались и некоторые отклонения. Так, если вдова строго соблюдала себя, это ценилось. Но и в тех случаях, если она, особенно бездетная, привечала мужчин, это общественной моралью не осуждалось. И когда в станице жили одна-две «веселых вдовушки», на такое смотрели сквозь пальцы (примеры можно также найти у Толстого). А Пушкин записал разговор казаков, возвращавшихся с кавказской службы — стало известно, что у одного из них женушка погуливала, и обсуждалось, как лучше поступить, проучить ее или простить? И казаки пришли к выводу: лучше простить [154]. И часто прощали, даже прижитых «нахалят» своими признавали — тут уж речь шла о сохранении чести семьи, благополучии хозяйства. Но у казаков существовал и развод, даже когда его юридически в России не было. Для этого, например, старообрядцы переходили в официальное православие или наоборот — и брак, заключенный в «другой вере» считался недействительным [23]. Тем не менее, к разводу казачья мораль относилась весьма отрицательно.

Казачками становились не только от рождения. Когда казак женился на крестьянке, отбитой полонянке, захваченной черкеске или турчанке, она автоматически приобретала статус полноправной казачки. Станичники, как правило, относились к такой женщине доброжелательно (если она сама не вела себя вызывающе). Ей прощали незнание обычаев, не характерные для казачки поступки. Женская община негласно брала ее под свое покровительство и учила, «вживала» в свою среду. Ну а если еще раз вернуться к утверждениям о «закрепощении» казачек, то не лишне задаться вопросом, а кто же их «закрепощал»? Мужчины? Но как же они могли «закрепостить», если годами отсутствовали? И их собственное благосостояние зависело от жены? Нет, быт и труды казачки определяло осознание ею самой своего особого долга. Точно так же, как казак считал своим долгом службу, так и казачка видела высший долг в том, чтобы обеспечить службу мужа, братьев, сыновей. Кстати, а ведь деятельность армейских органов тыла и снабжения тоже всегда считалась воинской службой, пусть и не боевой. Поэтому, если уж разобраться, то и труды казачек являлись некой разновидностью казачьей службы. Не строевой, не полковой, но в понимании службы воинов Христовых.

41. ТО В ИТАЛИЮ, ТО В ИНДИЮ...

Павел I был личностью весьма сумбурной. Искренне желал навести в стране порядок и справедливость. Но вряд ли представлял, что это такое, обладал деспотизмом Петра I и к тому же был склонен метаться от одной крайности к другой. Принялся перестраивать Россию на прусский манер, в армию возвращались уродливые мундиры, парики, косы, каторжная муштра. Катились отставки, опалы, ссылки. А для казачества перемены стали неоднозначными. Одним махом было сметено все внедренное Потемкиным и Зубовым. В 1797 г. Павел упразднил Бугское Войско — 6 тыс. казаков превратились в государственных крестьян. Было разрушено и единое Астраханское Войско — *терцы, гребенцы, Моздокский, Волгский, Хоперский, Кубанский полки из него исключались и получили название «казаков, поселенных на Кавказской линии» — или «линейцев».*

Но были и полезные нововведения. В 1797 г. царь учредил казачью войсковую артиллерию, что было очень важно. В современной войне для усиления конницы пушки были нужны, и они, в общем-то, у казаков имелись. Но артиллерия существовала неофициально, явочным порядком. Павел ее узаконил. *В 1798 г. он учредил новое, Башкирско-мещерякское Казачье Войско* [155]. И вот что любопытно — с этого момента раз и навсегда кончились бесконечные бунты башкир! Возможность стать казаками — вот что им требовалось! Не отдавать лошадей в качестве налога, а сражаться на них, совершать

подвиги, привозить добычу. Павел обласкал и уральских казаков, проштрафившихся при Екатерине — *Лейб-Гвардии Казачий полк был дополнен уральской сотней. А по указу от 22 сентября 1798 г. казачьи чины наконец-то четко уравнились с армейскими: казачий полковник и войсковой старшина стали соответствовать майору, есаул — ротмистру (капитану), сотник — поручику, хорунжий — корнету* [35, 63].

Павел пресек самодетельность в земельном вопросе, установив единые нормы — 300 десятин для атаманов, 60 — для старшин, 30 — для рядовых казаков. И провел реформы по унификации управления Войсками. На Дону царь упразднил гражданское правительство, введенное его матерью, восстановил единовластие Войсковой канцелярии. Но она получала двойное подчинение, по военным вопросам — Военной коллегии, а по гражданским — Сенату. В Черноморском Войске царь похерил существовавшее Войсковое правительство и тоже учредил Войсковую канцелярию по образцу донской. Была восстановлена Войсковая канцелярия и на Урале. А для наблюдения за законностью во все Казачьи Войска были направлены прокуроры с правами губернских.

Как уже отмечалось, император отменил закавказский поход. Отменил и готовившуюся экспедицию на Запад для борьбы в союзе с Австрией и Англией против революционной Франции. Заявил, что для России важнее мир. Но французы-то миролюбия отнюдь не проявляли. Под их знаменами формировались польские части, заведомо настроенные драться с русскими. А австрийцы и англичане перехитрили царя очень просто: после захвата Наполеоном Мальты под покровительство Павла отдался Мальтийский орден, провозгласив его гроссмейстером. И государь ради защиты прав ордена вступил в антифранцузскую коалицию. По настоянию австрийцев объединенные силы в Италии возглавил Суворов, ради такого случая возвращенный из ссылки. В составе выделенных ему войск было 8 донских полков под общим руководством походного атамана Адриана Карповича Денисова и 2 уральских полка **Лицинова** и **Бородина**. И в этой войне, под командованием полководца, хорошо умеющего использовать казаков, они проявили себя в полной мере.

В Северной Италии австрийская армия Меласа бесцельно маневрировала, не решаясь задевать французов. Суворов придавал войне иной характер. Сразу по прибытии в Италию, потребовал «два полчка пехоты и два полчка казаков». Отряд возглавил Багратион, получив инструкцию: «Голова хвоста не ждет; внезапно, как снег на голову!» 9 апреля 1799 г. части Багратиона стремительным броском овладели г. Брешиа. 12 апреля казачьи полки Денисова и **Грекова**, вырвавшись вперед, с ходу взяли г. Бергамо. И захватили переправы на р. Адде. Французы растянули войска в линию, и, пользуясь этим, Багратион с полком егерей, батальоном grenадер и тремя казачьими полками 15 апреля прорвал фронт у Лекко. Противник бросил сюда подкрепления, стал окружать отряд. Но подоспел с подмогой Милорадович и врага разгромили, части французской конницы «были сколоты до последнего человека». Пользуясь тем, что противник оттянул силы на фланг, к Лекко, Суворов начал главную переправу через Адду в центре, у Треццо. Перебросил сюда казачьи полки, они совершили глубокий обходной маневр, добрались до вражеской ставки, и французский командующий Моро едва не попал в плен. Битва при Адде была выиграна. В донесении Суворов отмечал: «Казачьи кололи везде с свойственной россиянам храбростью, побуждаемы будучи мудрым и мужественным воином их походным атаманом Денисовым, как и его сотоварищем полковником Грековым».

Русско-австрийская армия подошла к Милану. И здесь первыми оказались казаки. Внезапно вышли к городу, выломали ворота и разметали защитников. Наступала Пасха, и Суворов остановился возле Милана. Всенощная была общей — в крестном ходе участвовали сам фельдмаршал, офицеры, солдаты, казаки, из австрийского лагеря пришли сербы, словаки, валахи. А в Светлое Воскресенье войска вступили в Милан. Итальянцы после французских насилий и грабежей устроили пышную встречу. Бородатые казаки в просторных одеждах, не похожих на европейскую форму, вызвали особое любопытство, их почему-то сочли военизированными священниками и называли «русскими капуцинами». Поражало итальянцев и то, что пришельцы то и дело целуются друг с другом. Впрочем, по

случаю Пасхи казаки и местных учили христосоваться, особенно хорошеньких дамочек, «и те исполняли этот обряд с немим удивлением» [123].

Казачьи отряды расчищали от неприятеля окрестности, занимали города. Адриан Денисов пользовался особым уважением Суворова, который ласково называл его «Карпыч». Он кстати, был единственным, кто мог и осмеливался силой удерживать старого фельдмаршала, когда тот стремился попасть в опасные места. И специально приставил для этого к Суворову урядника **Селезнева**. А французское командование на помощь Моро двинуло из Южной Италии свежую армию Макдональда. Она атаковала австрийцев на р. Требии. Моро выступил навстречу. Вот-вот неприятели должны были соединиться, и казалось, помешать этому невозможно. Но для Суворова невозможного не было. Он совершил молниеносный марш на юг. По страшной жаре, без привалов. 6 июня, на заключительном этапе пути, фельдмаршал взял казачьи полки Грекова, **Молчанова**, **Поздеева** и **Семерникова** и сам полетел с ними вперед. Австрийцы уже терпели поражение, отступили на р. Тидоне, потеряв пушки. Макдональд готовился добить их, когда последовал казачий удар. Опрокинули польских легионеров, внесли замешательство. Вскоре французы разобрались, что русских пришло мало, перегруппировались для новых атак. Но время было выиграно. Уже подтягивались основные силы Суворова. В трехдневном сражении на Тидоне и Требии Макдональд был разгромлен.

А 4 августа в кровопролитной битве у Нови покончили и с армией Моро. Суворов предлагал вторжение во Францию. Но... вмешалась «большая политика». Павел был единственным из союзников, воевавшим «за идею». Англия рассчитывала с помощью русских подмять Голландию, Австрия — утвердиться в Италии и Германии. А раз Италию очистили, следовало удалить из нее русских. И Павлу сумели навязать неуклюжий план: англо-русский десант высаживался в Голландии. Корпус Римского-Корсакова был направлен в помощь австрийскому эрцгерцогу Карлу в Швейцарию. Туда же требовалось переместиться Суворову, а армия эрцгерцога уйдет на Рейн.

В Голландию царь послал 17-тысячный корпус Германа, в него был включен Лейб-гвардии Казачий полк. В Плимут он прибыл в июле, однако 3 месяца просидел на кораблях. Англичане, взявшие на себя снабжение, продукты поставляли с перебоями, обещанных лошадей не дали вообще. А тем временем французы изготавились к обороне. 19 сентября десант под командованием герцога Йоркского высадился, начал наступление на Берген. В жестоком бою русские овладели городом. Совершали чудеса храбрости. Поручик лейб-казаков **Давыдов** с горстью донцов, сражаясь пешими, отбили знамя пехотной части, захваченное французами. Но англичане атаку не поддержали. Корпус был выбит из Бергена, потеряв 4 тыс. человек, попал в плен и генерал Герман. Второе и третье наступление тоже обернулись только потерями. Два месяца части сидели на побережье под дождями. После чего англичане заключили с французами сепаратное перемирие и эвакуировали плацдарм. Остатки русского корпуса вывезли на о. Джерси, где они терпели всяческие лишения, мерзли без теплой одежды и голодали [77].

А Суворов в августе начал переход через Альпы. Австрийцы обязались выделить вьючных мулов, проводников. Ничего этого не дали. Мало того, австрийская армия ушла из Швейцарии, не дожидаясь Суворова. И когда его части пробивались через Сен-Готард, Урзерн-Лох и Чертов мост, вчетверо превосходящие силы французов генерала Массена навалились на брошенный союзниками корпус Римского-Корсакова. Русские солдаты и казачьи полки **Астахова** и **Кумшацкова** отбили 5 атак. Оставшись без пороха, дрались холодным оружием. Но корпус был разгромлен и отступил. А армия Суворова оказалась заперта в Альпах. Спас ее лишь беспримерный героизм и мудрое руководство фельдмаршала. Отбились от Массены, нанеся ему ряд поражений. И двинулись через неприступный Паникс, через снега и вьюги обледелыми козьими тропами. По распоряжению Денисова, больного Суворова и его лошадь вели два дюжих казака, а когда он хотел вырваться, удерживали, хладнокровно повторяя «Сиди!»

В октябре армия спустилась в долину Дуная. Вся Европа была потрясена таким

подвигом. Император возвел Суворова в чин генералиссимуса, готовил невиданные почести. Однако даже и любовь неуравновешенного Павла была опасной. При нем многие офицеры быстро взлетали в чинах, а потом за пустяковую оплошность при маршировке отправлялись в Сибирь. И среди знати созрел заговор по свержению царя. Его участники сочли, что возвысившийся Суворов будет препятствием их планам. И постарались настроить Павла против него. Пока полководец доехал до столицы, он уже снова очутился в опале. Силы Александра Васильевича были подорваны тяжелым походом, а душевная травма от незаслуженной и необъяснимой немилости усугубила состояние. 6 марта 1800 г. Суворова не стало.

Загрел в опалу и М.И. Платов. Сперва, как выдвигенец Потемкина, был сослан в Кострому. А когда написал прошение отпустить его на Дон, дело представили так, будто он хочет взбунтовать казаков. «Доброжелатели» постарались навесить на него всех собак, и его заточили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Но куда печальнее была судьба офицеров Лейб-гвардии Казачьего полка **Евграфа** и **Петра Грузиновых**. Полковник Евграф Грузинов стал любимцем Павла, его персональным телохранителем. И заговорщики во главе с Паленом, готовя переворот, решили, что его необходимо устранить. Пошли доносы о «якобинских» настроениях. Царя уговорили выслать братьев на Дон — дескать, проверить, как отреагируют. А потом представили обвинение, что Грузинов «поносил государя бранными словами» и грозился пойти по стопам Разина и Пугачева. Павел приказал арестовать братьев. В Черкасске над ними был состряпан суд. Войсковой прокурор опротестовал смертный приговор, отправил апелляцию императору. Но 5 октября 1800 г. братьев Грузиновых на площади забили кнутом, они и умерли в страшных мучениях. Их дядю Афанасия и нескольких казаков Луганской станицы за недоношение о «браных словах» обезглавили [35].

Во внешней политике Павел проявил такие же шатания, как в отношениях с подданными. Из Закавказья он войска вывел. Но Грузию раздирали междоусобицы. На нее набросились чеченцы, лезгины, аварцы. Грабили, резали, угоняли полон. Готовили вторжение персы. И царь Картли и Кахетии Георгий XI запросился к России а полное подданство. В Грузию были направлены войска, уже не для разовой экспедиции, а для постоянной дислокации. А для связи с Грузией была основана крепость Владикавказ и стала строиться Военно-Грузинская дорога. Георгий XI принес присягу за все области своего царства «на вечные времена», и в 1800 г. был оглашен манифест о присоединении Восточной Грузии к России.

А после того, как Австрия и Англия по-хамски обошлись с русскими союзниками, Павел рассорился с ними. И метнулся к французам, заключив с ними не только мир, но и союз против Англии. Наполеон предложил ему план совместного удара на Индию. Дескать, армия Моро пойдет к Черному морю, соединится с русскими и выступит с ними в грандиозный поход. Проект был чисто провокационный. Бонапарт бывал на Востоке, хорошо знал, как тяжело воевать в условиях зноя, пустынь, недостатка воды. Вот и хотел перенацелить туда русских, а присылку своих войск под разными предлогами спускал на тормозах. Своей цели он достиг вполне — недалекий Павел загорелся идеей. Дескать, ну и ладно, мы и сами, без французов справимся! На завоевание Индии он решил послать Донское, Уральское и Оренбургское Войска.

Представления царя о географии и вообще о реальной действительности были, мягко говоря, смутными. Он писал донскому атаману **В.П. Орлову**: «От нас ходу до Индии: от Оренбурга — месяца три, да от нас туда месяц, а всего четыре месяца... Все богатства Индии будут наградой за вашу экспедицию». Войску Донскому предписывалось за Волгой соединиться с уральцами и оренбургцами и маршировать на юг, а «попутно» завоевать Бухару и Хиву. В Черкасск был направлен указ — немедленно, в 6 дней всем наличным казакам выступить «о двух конях с полуторамесячным провиантом». Исключения не делалось ни для кого. Ни для тех, кто только что вернулся из походов, ни для единственных кормильцев в семье. «Посадить на коня всех, кто только сидеть сможет». Выгребли писарей

из правлений, пономарей из церквей, престарелых, увечных. Насчитали в Войске 800 больных, но и им поблажки не досталось. Оспаривать решения Павла было слишком опасно [63].

Ради похода выпустили из тюрьмы и Платова. Вдруг помыли, побрили, накормили, нарядили в генеральский мундир с другого арестованного и представили Павлу. Который возложил на него орден св. Иоанна Иерусалимского и развернул карту: «Пойдешь с казаками по этой дороге в Индию, Матвей Иванович?» Ну а что оставалось отвечать ошеломленному казаку? На Дону собрался 41 полк, 22507 казаков. 27–28 февраля 1801 г. выступили четырьмя эшелонами. А в начале марта грянула оттепель, все развезло, шли по колено в грязи и талом снегу. Когда достигли Волги, лед уже вздулся и начал вскрываться. Лошади и люди проваливались, тонули, их вытаскивали. 18 марта завершили переправу и двинулись дальше. Грязь распутицы чередовалась с заморозками, дожди с метелями. Заготовить в столь сжатые сроки склады фуража и провианта на такое количество людей и лошадей местные власти, конечно, не сумели. Стали падать кони. Люди выбивались из сил, болели. А впереди лежали Оренбургские степи, пустыни Средней Азии, горы Афганистана... Шли фактически в никуда. Выхода не было, вот и шли, уповая только на Господню волю.

И Он не дал казакам сгинуть ни за грош. 23 марта, когда первый эшелон добрался до верховий р. Иргиз, казаков догнал гонец из Петербурга. С сообщением, что скончался Павел I. Точнее, он был убит заговорщиками. И новый император Александр I отменил поход. Был как раз канун Светлого Воскресенья. Построив донцов в селе Мечетном, атаман Орлов сказал: «Жалует вас, ребята, Бог и государь, родительскими домами!». В конце апреля полки вернулись на Дон. Орлов доложил, что выбыло из строя 886 лошадей, «потерь в людях не было». Конечно, эта «красивая» реляция к истине отношения не имеет. Но сколько безымянных казачьих могил прибавилось в волго-донских степях, история умалчивает. Да и у самого Орлов тяготы похода подорвали здоровье. Вскоре он умер, донским атаманом Александр назначил Платова.

42. КОГДА КАЗАКИ СТАЛИ ПОГРАНИЧНИКАМИ?

Ответить на этот вопрос трудно. Взять в качестве точки отсчета «Приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.? Но и до него казаки жили по границам, охраняя их. А дальше пошло строительство засечных черт и линий, прикрывавших рубежи государства, и службу на них несли казаки. Шли века, а эти линии по-прежнему играли важнейшую роль. Удавалось преодолеть одни угрозы — нарастали другие. Как уже отмечалось, в 1771 г. хан Убуша увел 170 тыс. калмыков на восток, в Джунгарию. Его решение обернулось для подданных бедой. 100 тыс. погибло в пустынях от голода, жажды, в схватках с врагами. Оставшихся встретили китайские войска, измученным калмыкам пришлось принять китайское подданство, и их расселили небольшими партиями в разных местах. А исчезновение многочисленного и могущественного народа сразу нарушило баланс сил в степях. Усилились казахи, каракалпаки, совершили налеты на русские окраины. Возникла и новая опасность. Если раньше Россия была для Хивы и Бухары важным торговым партнером, и ханы заключали договоры с московскими царями об охране караванных путей, то теперь Средняя Азия пришла в упадок. И Хива превратилась в гнездо хищников, охотников за невольниками — после падения Крыма это оказывалось очень выгодно. Как сообщают хроники, со стороны степняков «воровство и дерзости встречались на каждом шагу» [155], от набегов с похищениями людей особенно страдала дистанция от Оренбурга до Верхнеуральска.

Россия принимала ответные меры, укрепляя границы. *В 1775 г. Оренбургский казачий корпус был преобразован в Оренбургское Войско.* Дотраивалась Самарско-Оренбургская линия, протянувшаяся на 1780 верст. В 1784 г. в Оренбурге была учреждена пограничная экспедиция (с 1799 г. — пограничная комиссия). Совершенствовалась и Сибирская линия. Для ее прикрытия людей не хватало, и сюда направили донских казаков, башкир, мещеряков.

В 1780 г., когда окончился срок их дежурства, многие подали прошение, желая остаться в Сибири навсегда. Их зачислили казаками крепостей, предоставив право проводить круги и выбирать атаманов. *А 19 сентября 1783 г. здешние казачьи общины были объединены в Сибирскую линию казаков* [19]. Для дополнительного усиления сибирского казачества по указу Павла I к казакам на правах малолеток были приписаны 2 тыс. сыновей отставных солдат Тобольской губернии. Появлялись новые формирования, *в 1790 г. был создан пятисотенный Иркутский казачий полк*. Продолжали строиться новые оборонительные системы. В 1791 г. на р. Бухтарме заложили Бухтарминскую крепость, к ней протянулась цепь постов и укреплений — которая стала частью Сибирской линии.

А для прикрытия от казахов Поволжья был образован Заволжский кордон. От г. Гурьева до Малой и Большой Узени устанавливалась цепь казачьих постов. Дополнялся кордон Саратовской линией протяженностью 428 верст. В 1796 г. был оборудован и поперечный кордон через степь до р. Ахтубы. Часть постов обслуживалась уральскими казаками. А для службы на Саратовской и Ахтубинской частях кордона привлекалось Астраханское Войско. Когда Потемкин расформировал и переселял на Кавказ Волжское Войско, на прежних местах остались казачьи гарнизоны в Саратове, Камышине, Царицыне, остались и енотаевские казаки, которые обеспечивали речные почтовые перевозки и переправы. *И при реформах Павла, отделившего от Астраханского Войска кавказских линейцев, новое Астраханское Войско составилось из этих команд и Астраханского полка* [219].

В подданстве России еще оставались кочевые калмыки, Дербетовская орда, но прежней силой они не обладали — их было 10 тыс. «душ мужского пола». Они терпели немало неприятностей от казахских нападений. И в 1798 г. правительство предложило им перейти на казачью службу. Их направили на Дон, но порядки, принятые у казачества, калмыкам не понравились. И в составе Войска Донского остались только 2262 «души мужского пола», они были приписаны к казакам, составив особый юрт. А остальные откочевали обратно в астраханские степи. Однако здесь сохранялась прежняя опасность. Волей-неволей требовалось налаживать взаимодействие с гарнизонами, с казаками. Да и для Астраханского Войска помощь в обороне границ была не лишней. Быстро пошло сближение. И большинство калмыков постепенно влилось в состав астраханского казачества.

Пограничной по своей сути была и служба терских, линейных, черноморских казаков, донских полков, посменно высылаемых на Кавказ. В грамоте Екатерины о даровании Черноморскому Войску земель на Кубани указывалось главная обязанность — что ему «принадлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». И кошевой Чепига, прибыв в новые края, первым делом, еще до основания Екатеринодара, до размещения и обустройства черноморцев, предписал полковнику **Кузьме Белому** расставить по Кубани пограничные кордоны.

Сами же принципы и приемы пограничной службы вырабатывались в течение веков, на основе опыта — оборудование между крепостями более мелких опорных пунктов, патрулирование, «залог» (секреты). Казаки издревле учились вести разведку на сопредельной территории, собирать и анализировать информацию — что-то слышали от людей, что-то заметили неординарное. Знали, прозеваешь — пропадешь. Издревле устраивали наблюдательные посты на возвышенных местах: на курганах, деревьях. С незапамятных времен известны и казачьи системы сигнализации — запорожские «фигуры» (они же сибирские «маяки») из бочек, подготовленных к быстрому зажиганию. А на Кубани черноморцы и линейцы стали строить искусственные наблюдательные вышки — «голубятни». И если прежние системы оповещения предназначались для предупреждения о набегах крупных степных отрядов, то на Кавказе шайки горцев лезли беспрерывно, тут «фигур» не настроишься. Поэтому устанавливались просто высокие шесты с пучками просмоленной соломы. Черноморцы стали и первыми в России морскими пограничниками, в 1799 г. указом Павла I в Войске была учреждена береговая флотилия.

Как же случилось, что казаки стали служить и на границах, далеких от казачьих

областей? Сперва это сложилось самопроизвольно. Ведь казаки в армии играли роль авангардов, разведки, обеспечивали сторожевое охранение войск. При расположении армии в лагерях выставлялась аванпостная цепь. Она состояла из «бекетов» по 6 казаков — 2 несли дозорную службу, 4 отдыхали. В версте позади «бекетов» располагались заставы по 8 — 15 человек. Когда Россия присоединяла ту или иную область, это происходило в ходе войн. На новые земли вводились воинские части, размещаясь гарнизонами. А казачье охранение армии, соответственно, превращалось в пограничное.

Упорядочилась данная система при Павле I, а непосредственно этим занимался **Михаил Илларионович Кутузов** [54]. В 1798 г. царь поручил ему «раз навсегда» составить расписание казачьих постов на финской границе. 11 мая Кутузов представил проекты расписаний на летнее и зимнее время, предусматривалось держать на постах 378–414 донских казаков с 12 офицерами. Павел утвердил проекты без замечаний. А в 1799 г. Кутузов был назначен Литовским генерал-губернатором, получив при этом инструкцию о налаживании пограничной службы — поскольку через границу шла контрабанда, между русскими и прусскими подданными возникали недоразумения по поводу покосов, пастбищ, распашки земель, рубки леса. Кутузов составил «расписание кордонным постам» из донских полков, расположив их от Паланги до Влодавы. Командирам полков было приказано занять «без изъятия все означенные в расписании селения», а если между ними найдутся пропущенные важные пункты, занять и их «по собственному рассмотрению».

Правда, в декабре 1800 г. казаков на западной границе заменили егерскими и гусарскими полками — поскольку от донцов требовалось идти в Индию. Но вскоре на престоле оказался Александр I. И охране русских рубежей он также придавал важное значение. При нем началась разработка положений о Казачьих Войсках, в которых четко отражалась эта задача. В 1802 г. были приняты Положения о Донском и Черноморском Войсках. В 1803 г. — об Оренбургском и Уральском. В 1803 г. была проведена реорганизация Заволжского кордона. Строились новые посты, на которых жили казаки. Четыре раза в сутки их разъезды должны были проверять промежутки между постами.

При воцарении Александра к нему обратились и казаки расформированных Войск, Бугского и Екатеринославского. Бугцы получили статус государственных поселян, что в общем-то давало возможность безбедно вести хозяйство. Но среди них было много природных казаков, добровольцев-арнаутов из балканских народов, и такое положение их не устраивало, просили восстановить их в казачьем звании. Среди екатеринославцев природных казаков было меньше, но тоже хватало таких, кто предпочитал служить. По этим ходатайствам Бугское Войско в 1803 г. было восстановлено. К нему приписали 27 станиц и хуторов с центром в г. Вознесенске. Общее их население составляло 12 тыс. человек. Войско формировало 3 полка, которые несли пограничную службу на Днестровской линии. А вот земли Екатеринославского Войска оказались уже «внутренними». И уже перешли в собственность к помещикам и вельможам. Поэтому было решено Войско не возрождать, а желающих вернуться в казачье состояние переселить на Кавказ. Хочешь снова стать казаком — бросай родные края и езжай драться с горцами. Но даже при таком выборе набралось 3227 человек! *В 1803 г. они были переведены на Кубань и составили Кавказский полк, вошедший в число линейцев и занявший участок границы между Кубанским полком и Черноморским Войском* [51].

В 1808 г. было принято положение о Сибирском линейном Войске. Этот документ впервые придал сибирским казакам единую войсковую организацию. В военное время Войско выставляло 10 полков, а в мирное на него возлагалась кордонная служба, содержание и ремонт укрепленных линий. Кроме того, на Востоке процветала контрабанда — китайские, монгольские, среднеазиатские торговцы проторили дороги в Сибирь, чтобы подешевке скупать пушнину. И на казаков была возложена обязанность таможенной стражи. Расстояния тут были огромные, и граница была поделена на дистанции. Два раза в месяц казаки соседних дистанций встречались на стыке участков, чтобы поддерживать взаимодействие и делиться информацией. А для контроля, что встреча действительно произошла,

обменивались особыми ярлыками.

Ну а на западных границах контрабанда превратилась в сущее бедствие. На главных дорогах имелись таможи, но их слишком легко было объехать. Контрабанда стала главным промыслом жителей еврейских местечек — по другую сторону границы были такие же местечки, где обитали родственники и знакомые. Трудно ли перевезти свои или чужие товары, если знаешь все дорожки, тропинки, речные броды? Гусары и егеря с задачей прикрытия границы не справлялись. В те времена в армии попросту не учили быть наблюдательными, уметь присматриваться, прислушиваться, замечать следы, изучать местность, находить нужные контакты с местным населением. А казаки премудростям следопытов и разведчиков учились с детства. И в 1811 г., в перерыве между наполеоновскими войнами, Александр I решил вернуться к первоначальной идее своего отца и организовать охрану границы с Пруссией и Австрией с помощью казаков. Протяженность кордонов составляла 1500 верст, для несения службы выделялось 10 полков донцов, по 150 верст на полк. Развертывалась цепь постов. Между соседними участками патрулировали конные разъезды, которые должны были два раза в день передавать от поста к посту сведения о «благополучии на границе» [219]. В короткое время на пути контрабанды встал довольно прочный заслон. А вот представители «народа избранного» стали с той поры относиться к казакам особенно неприязненно.

43. КАЗАКИ НАДЕВАЮТ ФОРМУ

До начала XIX в. единую форму носил только Лейб-гвардии казачий полк — алые куртки, узкие брюки и высокие шапки, стилизованные под казачьи. Подобие формы существовало и у других казаков — жалованье от казны выдавалось не только деньгами, но и сукном. И выработался порядок, чтобы оно было одного цвета и казаки выглядели однообразно. Например, на Дону во времена Екатерины носили голубые кафтаны. Они дополнялись бараньей папахой с алым верхом и широкими шароварами, которые носились с напуском на сапоги. Но покрой кафтанов отличался — их шили жены, станичные портные, уж как кто умеет. К тому же их приберегали для торжественных случаев, а в поход надевали что похуже. У Александра I форма была страстью. Он лично рассматривал эскизы, регламентировал каждую мелочь. И в начале его правления была изменена форма для всей армии, наконец-то канули в небытие косы, букли, штиблеты. В ходе этой кампании было обращено внимание и на казаков. *И донской атаман Платов 18 августа 1801 г. получил указ о форме и ее образцы*. Она состояла из темно-синих куртки, чекменя, шаровар с алыми лампасами и кивера [63].

Казакам она очень не понравилась. Куртки и шаровары были узкими, по типу армейских, от чекменя осталось лишь название — это был просто мундир. Высоченные кивера прозвали «ведрами». С царем, конечно, спорить не приходилось, но окончательно эта форма так и не прижилась. В отличие от солдат, казаки должны были шить ее сами, на свой счет. Вот и проявляли «самодеятельность». Одни шили пошире, чем требовалось, поудобнее. Другие ссылались на дороговизну и ограничивались отдельными предметами обмундирования. Кивера возили с собой для смотров и парадов, предпочитая папахи. А начальство было свое, казачье, вполне понимало подчиненных и на такие вольности смотрело сквозь пальцы. В итоге прочно внедрились лишь лампасы (отличавшие казаков от неказачьих) и погоны. Они, кстати, впервые вводились во всей русской армии. Тогда же было установлено отдавание чести (но изначально козыряли левой рукой). А вторым Войском получившим форму, стало Бугское — ему царь задал образцы одновременно с указом о возрождении Войска: серые куртки и штаны с белым лампасом и смушковые шапки, стилизованные под украинские.

Внешним видом войск реформы Александра не ограничились. Коллегии были в 1802 г. преобразованы в министерства — и Казачьи Войска стали подчиняться Военному министерству. В управлении самих Казачьих Войск сохранился разнобой. И был отмечен

крупный юридический беспорядок. Формирование частей оставалось произвольным. Войсковая канцелярия и назначенные ею полковники сами комплектовали полки, определяли командный состав и давали ему соответствующие звания. Но ведь казачьи чины приравнивались к армейским! Получалось, что казачьи начальники по собственному усмотрению производят подчиненных в офицерские чины! Которые, по российским законам, автоматически давали дворянство — в зависимости от ранга личное или потомственное. Да и сам принцип произвольного комплектования давал почву для жалоб, злоупотреблений. Полки формировались без определенной очередности, кто-то только вернулся со службы, и снова попал.

Для выработки общего эталона были взяты два не похожих друг на друга Войска — Донское и Черноморское. В 1802 г. царь утвердил положения об обоих Войсках. Для управления сохранялись Войсковые канцелярии, действующие под председательством наказных атаманов. Но уточнялся их состав — в канцелярию входило 2 «непременных члена» и 4 «ассессора». Выбирать их сроком на 3 года должно было «дворянство». То есть казачьи офицеры и чиновники. В канцелярии учреждались экспедиции — военная, гражданская, экономическая, полицейская. Вводились должности войскового землемера и войскового архитектора. Они назначались от соответствующих министерств, как и войсковые прокуроры. В Черноморском Войске еще при его основании были введены полиция и градоначальства, теперь они появились и на Дону.

Территория Войск делилась на «сыскные начальства». Некоторые исследователи соотносят их с полицией, но на самом деле их функции были гораздо шире и соответствовали волостным управам — они осуществляли суд по мелким делам, розыск преступников, сбор статистических сведений о населении, состоянии хозяйства и т. д. На Дону было учреждено 7 сыскных начальств, на Кубани — 4 [63,269]. В ходе реформ унифицировалась и терминология. Раньше для казачьих населенных пунктов употреблялись слова «городок», «станция», «слобода», «селение» — из них был оставлен один термин, «станция». А из казачьих деревень и хуторов оставлен термин «хутор». В Черномории был ликвидирован и последний рудимент Сечи. Изначально здесь, как в Запорожье, куренные атаманы должны были все время пребывать в войсковом центре, Екатеринодаре, при построенных в городе 40 куренях. А на местах, в куренных селениях, руководили подчиненные им сельские атаманы и смотрители. Но ситуация-то отличалась. В Запорожье основное ядро сиромы жило в Сечи, а на Кубани казаки женились, заводили хозяйства по селениям. И 40 куренных атаманов по сути без дела околачивались при Войсковой канцелярии, будучи лишь передаточным звеном между ней и селениями. В 1802 г. их отправили по станицам.

Упорядочивалась и служба. Производить казаков в офицеры самостоятельно, по Войску, отныне запрещалось. Прохождение офицерских чинов устанавливалось на общих основаниях с армейскими. Войсковые атаманы и командиры полков могли присваивать лишь звания урядников. Правда, в Казачьих Войсках нередко возникала потребность назначить человека на офицерский пост, а офицеров для этого не хватало. *Но выработался порядок присвоения приказом по Войску временных чинов, в этом случае добавлялась приставка «зауряд» — «зауряд-хорунжий», «зауряд-сотник».* Такое звание присваивалось только на время нахождения в должности, обеспечивало лишь ограниченные офицерские права — по отношению к прямым подчиненным, и дворянства не давало.

А что касается казачьих частей, то *вместо временных было велено сформировать постоянный «комплект полков» утвержденного штата — в каждом 501 казак, из них 1 полковник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих.* Для Дона требовалось создать комплект из 60 конных полков, для Черномории — 10 конных и 10 пеших. С этого времени казачьи полки стали именоваться не только по командирам, но и по номерам. Получала более правильное устройство артиллерия. На Дону формировались 3 конных роты по 12 орудий. На Кубани для обслуживания войсковой артиллерии (20 разнокалиберных пушек) выделялся один из пеших полков. Еще один нес службу на береговой флотилии из 10 канонерских лодок.

Общий срок службы казакам устанавливался в 30 лет, из них 25 лет — «внешней», и 5 — «внутренней», на территории Войска. Донцов посылали на западные границы на 3 года, на Кавказ — на 2 года. Потом они сменялись и на 2 года отпускались на льготу (т. е. домой для ведения хозяйства). В Черноморском Войске установился другой порядок — 1 год на границе, 2 на льготе. Но тут сама льгота была понятием условным, поскольку требовалось охранять и защищать от набегов собственные станицы. *Позже, в 1811 г. царь уравнил черноморцев с донцами и в придворной службе, повелел сформировать Лейб-гвардию Черноморскую сотню (от которой берут начало Кубанские сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя).*

Положение о Войске Донском император приказал считать образцом, по нему стали разрабатываться положения для других Войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского. Реформы проводились не только по инициативе царя и правительства. Активным преобразователем казачества стал и донской атаман М.И. Платов. Впрочем, он и раньше проявлял не только воинские, но и административные таланты, учился этому при Потемкине. И Платов был первым, кто занялся унификацией вооружения. Ружья, сабли, пики, пистолеты казаки приобретали самостоятельно. У кого деньги водились — старались купить получше, бедные — подешевле. Пользовались и трофейным или дедовским снаряжением. Платов испросил разрешения у императора централизованно закупить одинаковые ружья на тульских заводах. Их выдавали казакам, вычитая стоимость из жалованья в рассрочку.

Платов очень заботился о благосостоянии родного края, развитии образования, здравоохранения, промыслов. Дон в ту пору достиг расцвета. Некоторые казаки разбогатели, вели крупные дела. И отрываться от хозяйства для службы им становилось слишком накладно, нанимали вместо себя других. Это допускалось во всех Казачьих Войсках, но наемничество имело различную степень распространения. В Уральском и Черноморском оно использовалось весьма широко, даже князь Потемкин, формально числясь казаком Кущевского куреня, следовал обычаю и для участия в боях выставлял вместо себя наемника. На Дону наемка применялась гораздо реже. И результаты она давала негативные — запутывалась очередность, снижался престиж службы, да и каждый, конечно, стремился найти наемника подешевле. А дешево нанимались пьяницы, гульяти. Платов решил вообще избавиться от такого явления, но учесть и интересы богатых хозяев. *В 1804 г. он добился у царя выделения категории «торговых казаков»*. Их было 300 человек, от военной службы они освобождались, а за каждый год, когда находились на службе их сверстники, платили в войсковую казну по 100 руб. Что было выгодно и им, и Войску.

Главным же преобразованием Платова стал перенос столицы Войска Донского. Место расположения Черкаска было удобным для рыбной ловли, плаваний по Дону, держания перевозов. Но оно каждый год затоплялось. Наводнения в густонаселенном городе создавали антисанитарные условия, вызывали болезни. Нельзя было и расширить город — вокруг лежали заливные луга. И в 1804 г. Платов испросил разрешения царя на строительство новой столицы. Вместе с инженерами и 12 делегатами от Войска атаман объехал разные места. Лучшим было признано расположение станицы Аксайской. Но по каким-то причинам (которые у разных авторов отличаются) выбрали другое место — у слияния речушек Тузлова и Аксяя.

18 мая 1805 г. здесь был торжественно заложен Новочеркасск. Многие жители Черкаска были недовольны, не хотели менять место жительства. Платов употребил власть, воздействовал суровыми приказами. И 9 мая 1806 г. состоялся массовый переезд. От Черкаска отчалила флотилия судов и лодок с войсковыми регалиями, учреждениями, духовенством, переселяющимися казаками и казачками. На новоселье атаман устроил великий праздник, куда велел прислать от каждой станицы по 3 старика и 3 выростка от 13 до 16 лет — чтобы запомнили торжество и передали память потомкам. Но развернуть задуманное строительство Платову удалось лишь значительно позже. После нескольких жестоких войн.

44. НА ФРОНТАХ ОТ ПЕРСИИ ДО ШВЕЦИИ

В начале XIX в. на Россию обрушились такие испытания, перед которыми блекли все битвы предыдущего столетия. Причем войн разразилось сразу несколько. С утверждением русских в Закавказье не смирилась Персия. Начала натравливать горцев, азербайджанских вассальных ханов, а в 1804 г. шах Фетх-Али объявил войну, поклявшись «выгнать из Грузии, вырезать и истребить русских до последнего человека». В 1805 г. загромыхали войны против Наполеона в союзе сперва с Австрией, а потом с Пруссией. А Наполеон, в свою очередь, в 1806 г. втянул в войну против русских Турцию.

Казачьи полки покрыли себя славой на всех фронтах. Главный был на западе. Прикрывая маленькую армию Кутузова, которая отступала перед французами, разгромившими австрийцев, 4 ноября 1805 г. у деревни Шенграбен насмерть встал 5-тысячный отряд Багратиона, в том числе донские полки № 2 **Василия Сысоева** и № 3 **Василия Ханжонкова**. На отряд навалились 30 тыс. французов Мюрата. Битва длилась 8 часов, русские части были окружены, но отбивали все атаки. А ночью при свете пожаров Багратион пошел на прорыв — в авангарде поставил донские полки, за ними устремились в штыки пехотинцы. И вырвались, хотя отряд считали обреченным... *За Шенграбен царь учредил новую коллективную награду — Георгиевские знамена.* Среди частей, первыми получившими их, были оба казачьих полка.

Но еще тяжелее пришлось русским под Аустерлицем. Отвергнув разумные предложения Кутузова и доверившись австрийским советникам, Александр I привел армию к разгрому. Когда разбитые войска побежали, перемешиваясь между собой, на них навалилась наполеоновская конница и принялась истреблять. На выручку был вызван резерв, лейб-гвардия. Она располагалась поодаль, к месту сражения подходила по частям. Почти полностью погиб в атаке кавалергардский полк, тяжелые потери понесли лейб-гусары. Но за ними подоспели лейб-казаки полковника **Чернозубова**. Получив приказ, они скакали 9 верст, с ходу ударили в пики и смогли отбросить французов. После чего вместе с остатками других частей прикрыли отход...

Война передвинулась в Пруссию, к российским границам. И по всей Европе заговорили о Платове, который привел с Дона 13 полков, став походным атаманом казачьих частей в Германии. 26 января 1807 г. русская и французская армии сошлись у Прейсиш-Эйлау. Два дня ревели артиллерия, полки сходились в рукопашной. Началась метель, снежная буря. В этой круговерти вместе с пехотинцами и регулярной кавалерией рубились с неприятелем полки **Иловайского 9-го**, **Андропова**, **Малахова**, **Грекова 18-го**, **Ефремова 3-го**, **Киселева 2-го**, **Папузина** (для командиров, носящих одинаковые фамилии, при Александре было введено обозначение не по именам, а по номерам, по очередности поступления на службу). Конница Мюрата вклинилась между нашими корпусами и прорвалась к расположению резервов, но положение спасли казаки, нанесли фланговый контрудар, опрокинули и перекололи французов. Эта битва стала первой, когда Наполеон не смог победить противостоящую ему армию.

29 мая в сражении у Гейльсберга отличился суворовский сподвижник Адриан Карпович Денисов, с 8 полками оборонявший правый фланг главных сил. Атаки французской кавалерии сменялись казачьими контратаками, лавина конницы каталась по полю то в одну, то в другую сторону. Наполеон, сляясь обойти фланг, направлял сюда все новые части. Бросил и тяжелых кирасир в стальных латах. Кто-то из казаков догадался, крикнул: «Колпаки долой!» Донцы поняли, стали направлять пики в лицо, под каску. И кирасир тоже опрокинули. Казаки провели ночь без сна, без еды, не расседывая коней. Под утро Платов приказал Денисову перейти на левый фланг с тремя полками. И тут они вдруг столкнулись с выдвигающимися крупными силами французской пехоты и конницы с артиллерией. Поняв, что его неминуемо раздавят, Денисов использовал единственный шанс — упредить врага. Бросил казаков в атаку, и противника обратили в бегство. Позже Денисов писал: «Видя сие, не постигал я, каким образом остаюсь победителем. Ясно видел я, что сие

произошло от единой благодати Всевышнего Творца к нам». И тут же, на поле боя, слез с коня, встал на колени и начал молиться [63].

2 июня русская армия потерпела поражение под Фридландом. Прикрыли ее отступление за Неман и не позволили Наполеону развить успех казаки Платова. 4 июля при поддержке донской артиллерии они надолго задержали французов на Таплакенской плотине. 5 июля оборонялись 4 часа, построив засеку в Кучелакском лесу... Но последствия неудач были тяжелыми. Александру пришлось заключить с Наполеоном Тильзитский мир. Россия отказывалась от вмешательства в прусские дела, а два монарха становились «друзьями».

В ходе торжеств Платов, как и другие генералы, был представлен Наполеону. Атаман слыл «физиономистом» (а среди казаков, конечно же — характерником) и пришел к выводу относительно Бонапарта: «Хотя быстрый взгляд и черты лица его показывают великую силу ума, но в то же время являют и необыкновенную жестокость. Этот человек не на благо, а на пагубу человечеству рожден» [105]. Однако Наполеон аналогичной пронизательности не проявил, в Платове его заинтересовала лишь «экзотика» — он был изумлен умением атамана стрелять из лука, даже подарил за это драгоценную табакерку. Но когда Бонапарт наградил ряд русских военачальников орденами Почетного Легиона, Платов принять его отказался. Правда, и Александр высоко оценил участие казаков в войне. Теперь все Войско Донское было удостоено Георгиевского знамени, а атаман — ордена св. Георгия II степени. Многие казаки получили только что учрежденный для нижних чинов «Знак отличия ордена св. Георгия» — в просторечии Георгиевский крест (сперва имевший одну степень). Ну и, наконец, только после этой войны Александр I подтвердил «все права и преимущества» Дона, дарованные прежними монархами, и «неприкосновенность всей окружности его владений».

Но из Пруссии казаки отправились отнюдь не домой. Часть их Платов повел на юг, на турецкий фронт, а часть выступила на север. По условиям Тильзитского мира Наполеон признал право России получить «компенсации» за счет Швеции и Турции, обещал поддержать. Это было в общем-то кстати. Позиция Швеции оставалась весьма недружественной, и сохранялась угроза, что в любой грядущей войне она может ударить в спину, прямо на Петербург, как уже пыталась сделать. И царь, воспользовавшись ситуацией, в 1808 г. объявил ей войну. Но «дружба» Наполеона искренностью не отличалась. Как и в случае с «походом в Индию», в его планы входило лишь максимально ослабить Россию. Взяв на себя посредничество в переговорах с турками, французы тайно подыгрывали османам, настраивали их продолжать борьбу. Поддерживали и персов, заключив с ними секретный договор. А относительно Финляндии Бонапарт рассчитывал, что русская армия там завяжет прочно и надолго.

И именно так чуть было не случилось. Шведы отводили войска, не принимая крупных боев. Русские части втягивались в бездорожье, глухомань лесов и болот. Финны развернули партизанскую войну. Но в Петербурге было принято смелое решение навязать противнику другой сценарий и зимой нанести удар через море, по самой Швеции. Первым на лед Ботнического залива в марте 1809 г. вступил казачий полк Киселева. Разведывая путь, донцы шли по ледяной пустыне, сквозь метели, пробивались через сугробы и торосы, обходили взломанные штормами полыньи. На шведском берегу их никто не ждал, дорога на Стокгольм была открыта, появление казаков вызвало жуткую панику. А следом подходили другие войска. После неудачных шведских попыток выправить положение начались переговоры и был заключен Фридрихсгамский мир, к России отошли Финляндия и Аландские острова.

Увы, завершить так же быстро войны с персами и турками не удавалось. В Закавказье сперва было всего 3 русских пехотных полка и 3 сотни донцов. Предполагалось, что казаки будут нести посыльную и охранную службу, а кавалерия сформируется на месте из грузинской милиции. Но на деле эта милиция никуда не годилась, и казаки оказывались единственной надежной конницей. Уже во время боевых действий шли подкрепления, в том числе донские и астраханские казачьи полки, и Действующий корпус был доведен до 10 тыс. Однако Иран раз за разом направлял 30–40 тысячные армии. А одновременно приходилось

драться и с турками, и с горцами, да и обстановка в самом Закавказье представляла клубок противоречий. Первый командующий И.П. Лазарев, спасший Грузию от персидского нашествия, был зарезан из-за мелочной обиды грузинской царицей Тамарой. Второго командующего Д.П. Цицианова убил фанатик в ходе мирных переговоров в Баку. Грузинские царевицы Александр и Теймураз то и дело поднимали мятежи, объединяясь с лезгинами, чеченцами, хевсурами [201].

Закавказскому корпусу приходилось сражаться в буквальном смысле слова на все стороны. Но он творил чудеса. Врагов не ждали, шли навстречу. Небольшие отряды П.М. Карягина, Д.Т. Лисаневича, П.С. Котляревского форсировали горные хребты, оказываясь там, где их никто не ждал. В рукопашную бросались первыми, разгоня двадцатикратно превосходящие полчища. В каждый такой отряд входили 2–3 батальона пехоты и сотня-другая казаков. Они в Закавказье были «на вес золота». Выполняли и задачи регулярной конницы, и связь обеспечивали, и кордонную службу. Однажды на пост, где дежурили донцы **Чукарин, Ушаков, Терехов** и милиционер-азербайджанец напали несколько сотен персов. Засев в землянке, четыре бойца «отбили несколько штурмов, выдержали последовавшую осаду», а потом сами бросились в атаку, и иранские конники бежали. Казаки стали георгиевскими кавалерами, милиционер получил медаль. Разбросанные по всему Закавказью, казаки только в одной операции участвовали «крупными» силами, 2 полками. Вместе с 4 батальонами егерей генерала П.Д. Несветаева совершили поход по турецким тылам, погромили форштадт крепости Карс. Получив приказ главнокомандующего Гудовича возвращаться, отряд на р. Арпачай столкнулся с 25-тысячной турецкой армией Юсуфа-паши — и выиграл битву! 9 часов отражал атаки, совершенно измотал врага и обратил в бегство.

Но исход войны с Турцией решался не на Кавказе, а на Дунае. Здесь сражались 7 донских, 1 черноморский и 2 оренбургских полка. Но в целом сил тут было недостаточно, а система турецких крепостей по Дунаю наращивалась несколько столетий. Все те же Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил. Армия несла потери в осадах и штурмах, не заставили себя ждать эпидемии, уносившие и главнокомандующих — Михельсона, Прозоровского. Только после примирения с французами стали прибывать подкрепления, Платов привел еще 7 полков донцов. Главнокомандующим был назначен Багратион. В августе 1809 г. Платов силами одних лишь казаков осадил и взял Гирсово, за что был пожалован в генералы от кавалерии. А в сентябре у селения Рассеват наши войска обнаружили корпус Хозрева Мехмед-паши. Турки заняли отличную позицию в укрепленном лагере, но Багратион направил две партии казаков выманить их. Поддавшись на уловку, османы вышли из лагеря, были разгромлены и побежали к Дунаю. Казаки гнали и добивали их. Особенно отличились донцы Атаманского полка во главе с сотником **Яновским** — они на конях бросились в реку, преследуя отчалившие лодки. Переплыли Дунай, многих покололи. Захватив лодки и баржи, погрузили коней и вернулись назад. При осаде Силистрии, отражая вылазки турок, геройски проявили себя полки **Власова 3-го** и **Кутейникова 2-го**, при осаде Журжи — пеший полк черноморцев.

Однако крепостей у турок было много, и война затягивалась. Эпидемии косили воинов, умер еще один главнокомандующий, Каменский 2-й, по болезни выбыл из строя и Платов — еле выкарабкался. А тем временем снова начали обостряться отношения с Наполеоном. Он стал уже полным хозяином в Европе, сделав монархов своими вассалами и назначая королями родственников. На пути к мировому господству стояла только Россия. Было ясно, что надвигается решающая схватка, и войска с турецкого фронта стали перебрасывать на Запад. Армию, в которой осталось всего 15 тыс. человек, принял Кутузов. И вот он-то прекрасно понял, что главное — немедленно принудить неприятеля к миру. А для этого нужны не взятые крепости, а впечатляющий разгром живой силы. Ну а турки «подыграли». Узнав о малочисленности русских, великий визирь Ахмед-паша выступил с 60-тысячным войском. Под Русуком его атаки были блестяще отбиты, но после этого Кутузов вдруг запретил преследовать откатившегося противника. Мало того, оставил Русук и отступил за

Дунай. Турки торжествовали «победу». Казалось, русских остается только добить.

Ахмед-паша начал переправу на левый берег и попался в ловушку. Плацдарм, куда перебралось 40 тыс. османов, Кутузов окружил позициями и батареями. А на правый берег скрытно выслал корпус Е.И. Маркова. На главный турецкий лагерь, где оставались все тылы и склады, обрушился внезапный удар. Первым ворвался в него донской полк **Василия Дмитриевича Иловайского 12-го** — который уже успел прославиться в боях с французами, удостоившись ордена св. Георгия IV степени и шутики великого князя Константина: «Он по номеру 12-й, но недюжинный». Лагерь был взят, казаки с подоспевшими солдатами развернули трофейные пушки и открыли огонь через реку. И переправившаяся группировка турок очутилась в окружении. Батареи, расставленные Кутузовым тоже принялись громить плацдарм. Великий визирь бежал. Его подчиненные гибли от бомбардировок, поели лошадей и начали умирать от голода. 5 декабря 1811 г., когда из 40 тыс. осталось 12 тыс., они капитулировали. Благодаря этой победе был подписан Бухарестский мир — к России отходили Бессарабия и Западная Грузия (за исключением черноморского побережья). И высвобождались войска для отпора французам.

45. ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Любопытно отметить, что Наполеон был вторым после Карла XII завоевателем, пытавшимся разыграть «казачью карту». Он слышал о восстаниях Разина, Пугачева, Булавина и верил, будто казаки мечтают отделиться от России, даже пытался засылать на Дон своих агентов. Впрочем, этому не придавалось особенного значения. Куда больше Наполеон верил в собственный гений и силу оружия, собрав 600-тысячную Великую армию. На Россию шли «дванадесать языков» — французы, пруссаки, поляки, баварцы, саксонцы, австрийцы, итальянцы, венгры. Могли ли противостоять всей Европе русские войска, к тому же разделенные на несколько армий? В 1-й у Барклая де Толли было 127 тыс., во 2-й у Багратиона — 39, на Волыни у Тормасова — 45. Плюс 4 дивизии на Дунае, 3 в Финляндии, 2 на Кавказе... Казаков же Наполеон, несмотря на прошлые бои с ними, оценивал крайне низко. Говорил, что это не войска, а «позор рода человеческого». Но когда 12 (24) июня 1812 г. его полчища без объявления войны начали переправу через пограничный Неман, первыми их встретили казаки. Пикеты Лейб-гвардии казачьего полка послали первые пули в захватчиков. А командовавший постами штаб-ротмистр **А.Н. Рубашкин** немедленно доложил командиру полка **В.В. Орлову-Денисову**, который послал к царю, находившемуся в Вильно, донесение с урядником **Иваном Крючковым**.

Всего на начало войны в армии находились 50 донских казачьих полков, 10 уральских, 6 оренбургских, 2 бугских, 2 чугуевских, 1 ставропольский, 4 башкирских, но они тоже были разбросаны по разным группировкам [54, 187]. На главном направлении группу из 14 полков с ротой артиллерии возглавил Платов. Наполеон направил крупные силы против слабой армии, Багратиона, надеясь легко раздавить ее и сбросить со счетов. Но Платов прикрыл ее отход, задержал врага — и одержал первые в этой войне победы. 26 июня Атаманский полк у деревни Кореличи заманил в вентерь бригаду Турно, она была разгромлена. Командующий французским авангардом Латур-Мобур бросил сюда дополнительные части, дивизию Рожнецкого. Но и к Платову подошло подкрепление. И 28 июня у местечка Мир враг снова был разбит. Платов доносил: «Сильное сражение продолжалось часа четыре, грудь на грудь... из шести полков неприятельских едва ли останется одна душа, или, может, несколько спасется... У нас урон невелик». А 12 июля Платов получил приказ совершить набег по тылам врага. Провели его мастерски. Разбившись на небольшие отряды, казаки вдруг объявились повсюду — под Могилевом, Оршей, Шкловом. Жгли, громили, били небольшие партии неприятеля, а стоило поднять тревогу — уже исчезали. Это было началом того кошмара, которому предстояло сопровождать французов всю кампанию.

Разумеется, доблесть проявляли не только казаки, но и пехота, регулярная кавалерия, артиллерия. Общими героическими усилиями план Наполеона удалось сорвать. Под

Смоленском армии Багратиона и Баркляя де-Толли соединились. Но французы по-прежнему обладали подавляющим превосходством, и приходилось отступать. В сражении за Смоленск особенно ярко проявил себя донской полк Власова 3-го, долго держал переправу через Днепр, позволяя уходить войскам и мирному населению. Казаки покинули пылающий Смоленск последними. И вывезли на орудийном лафете чудотворную Смоленскую икону Пресвятой Богородицы. Вскоре по единодушным настояниям всего русского общества царь, скрепя сердце, назначил главнокомандующим нелюбимого им Кутузова.

Позиция для генерального сражения была выбрана у села Бородино. А чтобы оборудовать ее и задержать врага, был дан арьергардный бой у Шевардино и Колоцкого монастыря. 24 августа на 12 тыс. наших воинов навалилась вся французская армия. Казачьими полками здесь командовал генерал **Иван Кузьмич Краснов**. Ядром ему измочалило ногу, но он продолжал руководить боем. Лишь отразив очередную атаку, передал руководство **Иловайскому 5-му** и позволил отвезти себя на перевязку, где и скончался. В 23 часа по приказу Кутузова остатки защитников отошли. Французы же были поражены, как при подобном неравенстве сил вообще можно было сопротивляться так долго? Немало был удивлен и Наполеон, когда на вопрос о количестве пленных ему ответили — «ни одного, они не сдаются».

А 26 августа 130 тыс. французов и 120 тыс. русских сошлись в Бородинской битве. Вопреки утверждениям некоторых авторов, доверившихся французским источникам, будто Платов не участвовал в баталии [63], это не так. Он действительно был снят с поста запоздалым приказом Баркляя де Толли за то, что во время отступления выполнял не его приказы, а Багратиона. К тому же Барклай поставил в вину атаману злоупотребление спиртным (Платов это дело и впрямь любил, но умел при любом количестве выпитого не терять ясного ума и боеспособности). До французов дошли искаженные сведения, будто его выслали на Дон. А Наполеон под влиянием своих собственных иллюзий даже возомнил, что отослали всех донцов, опасаясь их измены. Но очень скоро неприятелю пришлось убедиться в обратном.

Под Бородином Платов был уже восстановлен в должности и командовал 9 казачьими полками на правом фланге [54]. На левом располагалась группировка из 8 казачьих полков **А.А. Карпова 2-го**. В резерве — 4 полка Власова 3-го. К сожалению, стратегический замысел Кутузова был сорван его бездарным начальником штаба Беннигсенем. На левый фланг, где ожидался главный натиск, главнокомандующий скрытно выдвинул корпус Тучкова, поставив его перпендикулярно основным силам. Наполеона при атаке ожидал фланговый контрудар, для которого предназначались и полки Карпова. Но Беннигсен, объезжая позиции перед боем, самовольно переместил корпус и развернул в одну линию с остальными. И битва вылилась в жесточайшие лобовые схватки. Через несколько часов огненного ада и рукопашных, французам удалось овладеть Багратионовыми флешами и батареей Раевского. Наполеон подтянул к этому участку 35 тыс. войск, 300 орудий и готовил решающую атаку. Собирался ввести главный резерв, Старую гвардию. Но в это время Кутузов бросил в обходной рейд казаков Платова и 1-й кавалерийский корпус Уварова. В его составе, кстати, тоже были казаки — Лейб-гвардейский полк и черноморская сотня. Хорунжий этой сотни **А.Д. Бескровный** с двумя взводами врубился на вражескую батарею, покروшив прислугу.

Конечно, рейд Уварова и Платова не мог вызвать решающего перелома в битве — Наполеон был слишком хорошим полководцем, чтобы запаниковать от появления конницы в тылу и на фланге. И все же ему самому пришлось поехать на угрожаемый участок, направлять туда подкрепления. Казаков и кавалеристов отбили. Но и бросать в сражение Старую гвардию Бонапарт передумал. А главное, наши войска получили 2 часа передышки, смогли провести перегруппировку и выдержать новые атаки. Поле боя осталось за русскими. Французы потеряли около 50 тыс. человек. Но и армия Кутузова потеряла 58 тыс. Обещанные ему подкрепления не подходили или существовали только на бумаге, в то время как к врагу подтягивались отставшие части. И пришлось снова отступить, на совете в Филях

было принято решение оставить Москву.

Однако тем самым Кутузов готовил французам полную гибель. Хорошо известны его слова: «Будут они у меня жрать конину, как турки!» Начался знаменитый фланговый марш. Армия 2 (14) сентября выступила из Москвы по Рязанской дороге. Но уже через 30 верст вдруг свернула на запад, к Подольску. А 2 казачьих полка играли роль приманки, пылили, оставляли следы и увели преследующую конницу Мюрата аж за Бронницы. На целых две недели Наполеон вообще потерял русскую армию! Не знал, где она находится. Лишь 10 сентября Мюрат понял, что его обманули и повернул обратно. А русская армия в это время уже перешла на Калужскую дорогу у Красной Пахры и двинулась на юг, остановившись на отличной позиции у Тарутина.

И неприятелю в пустой, сожженной Москве быстро стало припекать. Против него разворачивалась партизанская война. Первый отряд был создан еще накануне Бородине по инициативе подполковника **Дениса Давыдова**. Казаков он знал отлично, вместе с ними воевал в Пруссии, под началом Платова сражался под Миром. И обратился к Багратиону с рапортом выделить ему эскадрон гусар и 2 полка казаков для действий на коммуникациях. Кутузов в качестве эксперимента дал 50 гусар и 80 донцов. Но действия Давыдова оказались весьма эффективными, вскоре его отряд был усилен 2 полками бугских казаков. А во время флангового марша Кутузов стал создавать целую сеть партизанских формирований, основу которых составляли казаки. Окружая Москву, и перекрывая все дороги из нее, рассыпались отряды **Дорохова, Сеславина, Фигнера, Кудашева, Ефремова, Чернозубова, Бенкендорфа**. Брался за оружие и простой народ, крестьяне побивали фуражиров, нападали на мелкие отряды.

28 сентября совершил подвиг отряд **Н.Д. Кудашева**, состоявший из сотни егерей, двух эскадронов гусар и донских полков **Ивана Ивановича Жирова** и **Константина Ивановича Харитонова**. Узнав, что по Серпуховской дороге движутся французы, Кудашев послал на них три сотни казаков. Но у врага оказались крупные силы, 2500 солдат генерала Бове. Тем не менее казаки напали на них между деревнями Никольское и Абица, и атака была столь дружной и стремительной, что французов разгромили и обратили в бегство. Понесли потери и казаки. Их захоронение возле усадьбы Знаменское (ныне в черте Москвы, Сев. Бутово) было в 1991 г. обнаружено художниками объединения «Москворечье», на могиле установили крест. Усилиями художника **Б. Карякина**, войскового старшины **Ю.А. Ефимова** и других энтузиастов удалось выяснить, кто здесь похоронен [52]...

Пока же французы мародерствовали и разлагались в Москве, в Тарутине усиливалась и формировалась русская армия. По призыву Платова оставшийся на Дону наказной атаман Адриан Карпович Денисов провел поголовную мобилизацию. Платов распорядился не брать только 17-18-летних, которые бессмысленно погибнут. В невероятно сжатые сроки было создано 26 полков, форсированным маршем выступивших к армии. Платов, кстати, еще и объявил, что выдаст свою дочь Марию за того казака или пусть рядового солдата, который сумеет пленить Наполеона. Была даже выпущена гравюра с портретом молодой казачки и подписью «Из любви к отцу отдам руку, из любви к Отечеству — сердце!»

Но поднимался не только Дон. Оренбургский губернатор сформировал 5 полков оренбургских казаков, 5 уральских, 19 башкирских, 2 мещеряжских. 10 казачьих полков создавались в Сибири. Но и из крестьян южных районов многие вспомнили, что их предки были казаками на стародавних рубежах и засеках! Части из таких добровольцев формировались в Кашире, два казачьих полка по 1200 всадников были созданы в Тульской губернии. Царь решил привлечь к борьбе и упраздненное малороссийское казачество. И его указом было учреждено Украинское Войско «из людей к казачьей службе способных и издавна навыком к ней и охотой к ней известных». И желающих хватало. В Киевской и Подольской губерниях под руководством наказного атамана **Де Витта** в два месяца было сформировано 4 конных полка общей численностью 4700 казаков [228]. Они вошли в 3-ю армию Торماسова (которого вскоре сменил адмирал Чичагов), в боях останавливали австрийцев Щварценберга и саксонцев Ренье, наступавших на Украину.

Ну а когда Кутузов накопил достаточные силы, он сам перешел к активным действиям. В 6 верстах от тарутинских позиций стоял корпус Мюрата. Его специально не беспокоили раньше времени, французы расслабились, караульную службу несли плохо. В ночь на 6 октября русские войска начали обходить врага с нескольких сторон. Но пехотные колонны Остермана-Толстого и Багговута в ночном лесу сбились с дороги, задержались. В назначенное время вышли на исходные позиции только привычные к таким маршам казаки — 10 полков В.В. Орлова-Денисова. Светало, их вот-вот должны были обнаружить, и они атаковали одни, вызвав переполох. С запозданием показались из леса другие отряды, французы встретили их картечью, был убит генерал Багговут. Беннигсен, руководивший боем, прекратил атаку, просил у Кутузова подкреплений. Но казаки уже и сами справились, громили французский лагерь, и войска Мюрата покатались прочь. Полки Орлова-Денисова преследовали их до Спас-Купли, положили 2,5 тыс. французов, взяли тысячу пленных, 38 орудий, обоз, знамя.

Результат был именно таким, на который рассчитывал Кутузов. Наполеон воспринял случившееся как личный вызов и выступил из Москвы. И Михаил Илларионович, узнав об этом, опустился на колени и начал молиться: «Слава Тебе, Господи! Спасена Москва, спасена Россия!» В Москве Наполеон оставил арьергард Мортье с задачей взорвать Кремль, дворцы, святыни соборов. Сделать это не позволили безвестные русские патриоты, потушившие фитили многих мин. А потом подоспели казаки — первым в Москву ворвался полк «недюжинного» В.Д. Иловайского 12-го, истребивший и выгнавший оставшихся в городе врагов. После этого Василий Дмитриевич приобрел огромную популярность в народе, его изображали на лубочных картинках с подписью: «Там же на правой стороне Иловайский на коне, казачий хлопчик французов топчет» [201].

Наполеон же на тарутинскую позицию не полез, решил обойти ее и прорваться на Калугу через Малоярославец. На помощь стоявшему там корпусу Дохтурова Кутузов немедленно бросил Платова «со всеми казачьими полками и ротою конной артиллерии» [63]. В разыгравшемся сражении они остановили французов и задержали до подхода главных сил. Несмотря на многократные атаки, Наполеон через Малоярославец не прошел. А 13 октября кто-то из казаков чуть-чуть не стал зятем Платова. Бонапарт со свитой выехал на рекогносцировку, как вдруг показался отряд донцов и бросился на них. Император поскакал прочь, свита и конвой попытались прикрыть его бегство. Но спасло Наполеона другое — казаки не поняли, кто перед ними, а в стороне увидели артиллерийский парк и повернули туда, захватив 11 пушек.

С этого момента Бонапарт всегда носил при себе ампулу с ядом. И как раз после этого случая он дал приказ поворачивать на Старую Смоленскую дорогу. В преследование были направлены авангард Милорадовича с 2 пехотными, 2 кавалерийскими корпусами и 5 казачьими полками, отряд Платова из 20 казачьих полков, отряды Орлова-Денисова, Кайсарова, Кудашева, Ефремова и др. В западной литературе бытует версия, пущенная самим Наполеоном, будто его армию уничтожил «русский мороз». Это ложь. Все дневники и воспоминания современников свидетельствуют, что стояла очень теплая солнечная осень. «От Малого Ярославца до Вязьмы время было очень теплое». «От Вязьмы до Смоленска были приморозки, около Ельни выпал первый снег, но очень малый». «От Смоленска до Борисова холод был сильнее, но сносный, мы ночевали на поле без крыш» [54]. Да ведь и Березина еще не замерзла.

И только после Березины ударили сильные морозы. Но к этому времени французской армии уже не существовало. Она была разгромлена. И огромную роль ее уничтожении сыграли казаки. Они вцепились в отступающих врагов намертво и буквально повисли на них. Французский генерал Моран писал: «Какое великолепное зрелище представляла наша кавалерия, когда, блистая при лучах июньского солнца золотом и сталью, пылая отвагою, она гордо развертывала свои стройные линии на берегах Немана! Какие грустные размышления возбуждали эти перестроения, утомлявшие только лошадей и людей и оказавшиеся совершенно бесполезными в делах с теми самыми казаками, которые до сих пор

были презираемы всеми, но которые так много сделали для славы России... Одна из лучших и храбрейших кавалерий, какую только когда-либо видели, приходила в расстройство в делах с теми людьми, которых она постоянно считала недостойными себя, но которые, тем не менее, были истинными освободителями своего отечества».

19 октября Платов побил вражеские арьергарды у Колоцкого монастыря. Через 3 дня корпуса Даву, Богарне и Понятовского потерпели тяжелое поражение под Вязьмой. Потом им добавили под Дорогобужем. 28 октября — 1 ноября Платов наголову разнес корпус Мюрата на р. Вопь и под Смоленском, за что был пожалован титулом графа. В трехдневном сражении под Красным были разбиты войска под командованием самого Наполеона и полностью разгромлен корпус Нея — при этом один только корпус Платова взял 115 пушек и пленил 15 генералов... Но тут требуется уточнение. Нередко в литературе о войне 1812 г. все казаки автоматически подразумеваются донскими. Это не так. В преследовании Наполеона приняли участие и уральцы, оренбургцы, чугуевцы, бугцы, башкиры, ставропольцы, хотя чаще всего они сражались под командованием донских генералов. Например, Платов очень высоко оценил боевые качества башкир и даже сформировал из них свой «личный» отряд. В составе армии Чичагова, выдвинутой на Березину для перехвата Наполеона, были донские и украинские казаки. К сожалению, адмирал Чичагов оказался весьма неумелым сухопутным полководцем и Бонапарта упустил. Но все равно успех был впечатляющим: до Березины у французов оставалось под ружьем 40 тыс. человек — вырвалось лишь 9 тыс.

Из Сморгони Бонапарт уехал во Францию, передав командование Мюрату. И как раз в это время ударил 20-градусный мороз, повалил снег. Остатки французов вымерзали в белорусских лесах. Кстати, Наполеон не преминул растрюбить о своей «победе» на Березине! И польско-литовские националисты в Вильно пышно отпраздновали ее! Но 27 ноября в Вильно появились толпы голодных, обмороженных солдат, бросились грабить склады, трактиры, частные дома. Здесь, собрав местные гарнизоны, Мюрат пытался организовать оборону. Платов, шутя, смял ее и взял Вильно.

Трофеи казакам доставались огромные. Пушек уже не считали, оставляли на месте. У пленных отбирали оружие и отдавали конвоировать крестьянам. В России французы награбили огромные богатства, многое из этого досталось казакам. Но к отобранному у неприятеля окладам икон, церковным сосудам, крестам, ризам отношение было особым. Офицер Щеглов описывает случай, как в лагерь гвардии приехал донец, продавал трофейные часы, пистолеты, табакерки, сабли. Когда же его спросили, нет ли чего интересного во втором большом мешке, он ответил, что это церковное серебро: «Я обещал пожертвовать его в какую-нибудь церковь. Боже сохрани, чтобы я пользовался хоть одним золотником». Ему предложили: «Отдай тогда в нашу церковь». «Это ладно. Бери!» — он запросто отдал тяжеленный мешок и ускакал, даже не назвав своего имени. 40 пудов серебра донские казаки пожертвовали Казанскому собору в Санкт-Петербурге, из него была сделана решетка вдоль амвона. 10 пудов серебра и 20 тыс. руб. Платов передал разграбленному врагом Свято-Донскому монастырю в Москве. И между прочим, подчиненные ему мусульмане-башкиры попросили у атамана, чтобы и им позволили сделать вклад. Сражались-то вместе, и обидно будет, если у них не примут.

Последние выстрелы Отечественной войны прозвучали в Ковно. Здесь командующий арьергардом Ней собрал несколько тысяч солдат и 2 декабря встретил казаков картечью. Не желая лишних потерь, Платов обошел его с двух сторон по льду Немана. И из арьергарда спаслись двое — генерал Жерар и Ней, раненный, бродивший по лесам и дошедший к своим, где объявил: «Я — арьергард Великой армии, маршал Ней!» Всего же из 600-тысячной армии уцелело 30 тыс. (в основном из фланговых и тыловых группировок). И Кутузов, въехав в Вильно, объявил в приказе: «Война закончена за полным истреблением неприятеля». Ну а Наполеон свое отношение к казакам очень даже изменил. Говорил: «Надо отдать справедливость казакам: именно им обязаны русские своими успехами в этой кампании. Это бесспорно лучшие легкие войска, какие только существуют». «Дайте мне

одних лишь казаков — и я покорю весь мир». Но нет, казаков у него не было. И не только из-за географических особенностей России. У чудовища, залившего всю Европу кровью, у человека, которого считали предтечей антихриста, не было и не могло быть *воинов Христовых*.

46. ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА РОДИНЕ

В январе 1813 г. русские войска пересекли границы, чтобы уничтожить очаг европейской агрессии. В антифранцузскую коалицию вошли Англия, Швеция, перекинулись вчерашние вассалы Наполеона, Пруссия и Австрия. В составе «летучего отряда» генерал-адъютанта **А.И. Чернышева** донские полки Киселева 2-го и Власова 3-го в феврале 1813 г. ворвались в Берлин, разгромив 6-тысячную группировку Ожеро. Затем этот отряд, в значительной мере состоявший из казаков, овладел Люнебургом, разбил дивизию Морана, пленив весь штаб, совершил дерзкий рейд в Вестфалию — в результате чего и Вестфалия вышла из числа наполеоновских вассалов. Бонапарт все же сумел оправиться от катастрофы, отоблагоденствовать новые армии. А наши войска понесли тяжелую утрату — умер Кутузов. В тяжелых и неудачных для русских сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене покрыли себя славой лейб-казаки, полки **Иловайского 9-го**, **Гривцова**, уральские полки № 5 и № 6.

А в октябре 1813 г. грянула «битва народов» под Лейпцигом. В разгар схватки Наполеон собрал кулак из 100 эскадронов лучшей кавалерии и бросил на центр русских позиций. 8 тыс. кирасир и улан Мюрата проломил линии 2-го пехотного корпуса и прорвались к ставке Александра I. Спас положение и изменил ход битвы Лейб-казачий полк. Его командира, отважного Орлова-Денисова, император послал за подмогой, а казаков повел в контратаку полковник **И.Е. Ефремов**. Дружный удар в пики отбросил неприятеля, особенно отличился вахмистр **Тимофей Перциков**, сразивший нескольких латников и французского генерала. Подоспели и другие части гвардейской конницы, приведенные Орловым-Денисовым. И неприятель покотился назад. Лейб-казаки гнали его до расположения французских войск, причем отступающая вражеская кавалерия не попала в промежутки своей пехоты и смяла ее. Лишь спешно выдвинутая французская батарея остановила лейб-казаков залпами картечи. Несмотря на понесенные потери и раны они возвращались гордым победным строем и мимо царя прошли с песней. На других участках сражения, продолжавшегося три дня, великолепно дралась группа из 6 донских полков генерал-майора **Петра Матвеевича Грекова**, уральские полки № 3 и № 4, оренбургский полк № 3, черноморцы, полки украинских казаков. Общее руководство казаками разных Войск осуществлял Платов, удостоенный за «битву народов» высшего российского ордена Андрея Первозванного [63, 219].

А когда неприятеля сломали, и войска Наполеона стали откатываться назад, Платов организовал общее преследование лавиной казачьих частей. Армии антинаполеоновской коалиции вступили во Францию. Враг еще жестоко отбивался, выскребал резервы, но дни владычества Бонапарта были сочтены. 17 января кто-то из казаков опять упустил шанс стать зятем Платова, Наполеон вспоминал: «Под Бриенном я шпагой отбивался от казаков». Вот это сомнительно. Шпажонкой-то от пики не отобьешься. Скорее, конвой прикрыл. Казаки доблестно дрались при Ларотьере, Краоне, Лаоне, совершили глубокий рейд под Фонтенбло, наведя панику на Париж. 4 февраля отряд Платова из нескольких донских и черноморских полков подступил к сильной крепости Намюр. Сдаться она отказалась, но Платов осадил город, начал бомбардировку из орудий своей единственной конной батареи, а ночью устроил штурм. Казаки, поднимая побольше шума, полезли на стены, подожгли ворота. И гарнизон капитулировал. Когда обезоруженные французы узнали, что атаковала их лишь горсть казаков, они были весьма раздосадованы.

Отряд А.Х. Бенкендорфа в это время освобождал Голландию и Бельгию. Будущий шеф жандармов являлся тогда отважным кавалерийским командиром и писал: «Безграничное

самолюбие есть одно из отличительных свойств казаков, и я этим пользовался. В виду регулярных войск, из одного соревнования с ними, они готовы на все, и трудно себе представить такую лихую, молодецкую атаку, как под Жюилье, когда казачий полк Жирова шел в атаку справа, полк Сысоева слева, а два эскадрона новгородских гусар в середине...» [201]. Донцы отряда Бенкендорфа первыми ворвались в Амстердам. А главные союзные силы шли на Париж. В штурме Монмартра 18 марта 1814 г. участвовали лейб-казаки и полк **И.Д. Иловайского**. На следующий день Париж покорился победителям.

За героизм в войне 1812–1814 гг. многие казачьи части получили коллективные награды — Георгиевские штандарты, серебряные трубы, золотые и серебряные петлицы. Казаки на 2 месяца расположились биваком на Елисейских полях. Чувствовали они себя во Франции вполне комфортно, без комплексов. Как известно, именно от них произошло французское слово «быстро» — когда казакам требовалось взять винца, они понукали хозяев кафе: «Ну-ка быстро, быстро!» К лагерю на Елисейских полях стекались любопытные парижане и особенно парижанки. И казаки не отказывали дамочкам во внимании. Надо думать, довольно многие французы последующих поколений имели в жилах частичку «казачьей крови».

Имя казаков в ту пору вообще гремело по Европе. Знаменитый прусский маршал Блюхер во время войны составил из них личный конвой. Казаков изображали на чашках, платках, гобеленах. В высшем свете появились одежда «казакин», а на балах — танец «казачок», впрочем, имеющие мало общего с казачьими нарядами и настоящим «казачком». После взятия Гамбурга 60-летний донец **Александр Землянухин** из полка **Сулина 9-го** был послан с донесением в Англию и стал там сенсацией. Его пика, сразившая 39 французов, попала в Британский музей. В честь Землянухина новый английский корабль получил название «Казак».

А по окончании войны Британию посетили с визитом царь и Платов. Который, по сути, затмил своего монарха. Англичане не давали атаману проезда, с криками «ура» подхватывали и несли на руках. Дом, где он остановился, осаждали тысячные толпы. В его честь изготавливались медали и медальоны, слагались стихи, писались портреты не только Платова, но и его коня. А из хвоста этого коня британские леди старались вырвать волосок. Наперебой приглашали в гости, на банкеты, в театры. И атаман, чтобы никого не обидеть, объезжал театры по очереди — при его появлении и публика, и актеры устраивали овации. Оксфордский университет присвоил ему звание почетного доктора права. Однако чрезвычайная популярность не вскружила голову Платову. Он даже и в Петербурге бывать не любил. Говорил: «Здесь все прекрасно, но на Дону лучше, там есть все, кроме роскоши, которая нам не нужна. Человек, подходящий ближе к природе, сильнее привязан к своему Отечеству. Человек роскошный, не имеющий подобных чувствований, обыкновенно бывает космополит. А россияне должны чуждаться космополитизма, и тогда мы всегда будем первым народом в свете, страшным врагам».

По итогам войны к России отошла Польша. Но, увы, русский народ, освободивший Европу, кроме громкой славы, ничего хорошего не получил. Потому что как раз космополитизмом заразился сам царь. Уже на заключительном этапе войны он раздал русские войска по трем армиям под командование иностранных полководцев. В дальнейшем увлечение иноземщиной только усиливалось. И именно тогда Ермолов на предложение просить себе награду сострил: «Государь, произведите меня в немцы». Национальная государственная политика исчезла — Александр стал проводить политику «паневропейскую», создав Священный Союз. В Россию хлынули иностранные советники, учителя, гувернеры. Стали бурно плодиться организации масонов, иезуитов, спиритов. А на победоносные русские войска вдруг обрушились... гонения! Полагая, что главное предназначение армии — красиво маршировать, Александр пришел к выводу, что она в походах «разболталась». В частях началась такая муштра, по сравнению с которой вахт-парады Павла выглядели безделицей. Широко внедрялись телесные наказания — розги, фухтели, прогоны сквозь строй.

Развернулся и еще один «казачий эксперимент» — военные поселения. Ведь казаки, прекрасно проявившие себя в войне, не стоили государству почти ничего! И царь решил все войска перестроить подобным образом. Несмотря на то, что даже Аракчеев на коленях умолял его не делать этого, Александр остался непреклонен. Заявил: «Поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова». Для военных поселений были выделены районы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях. Крестьяне этих мест приписывались к полкам. Рота занимала 60 домов, построенных в линию по единому образцу. На первом этаже жили 4 семьи, которые вели общее хозяйство. На втором — холостые, помогавшие семейным. Вся жизнь была расписана до мелочей и шла под командой офицеров. Часть времени поселенцы занимались военным обучением — то бишь маршировкой и ружейными приемами, остальное время уделялось сельскому хозяйству и работам по строительству дорог, мостов, осушению болот. Мальчики 7-12 лет отбирались в батальоны кантонистов, с 12 до 18 лет отпускались домой, в 18 становились в строй, в 45 поселенцев переводили в категорию «инвалидов» [77].

В связи с созданием военных поселений царь в 1817 г. упразднил три Казачьих Войска — Бугское, Чугуевское и Украинское. Каждое из них превращалось в уланскую дивизию и переводилось на поселения. Были волнения, бунты. Чугуевцев усмиряли оружием, 275 человек прогнали сквозь строй, из них 25 умерли. Были и крестьянские бунты, и, кроме Чугуевской, произошла «Ясенеvская бойня» на Новгородчине. Для вбивания «воинского духа» изводились целые возы шпигрутенов, но идея царя воплощалась. А для управления новыми структурами в Военном министерстве возник Департамент военных поселений. И ему же были подчинены все Казачьи Войска. То есть и казаки стали считаться как бы военными поселенцами.

Но наряду с новыми реформами продолжались и старые. Те, что были прерваны войной. В 1817 г. было утверждено положение об Астраханском Войске. Прошла реорганизация на восточных границах. Со времени основания Оренбурга здешнему генерал-губернатору подчинялись как Самарско-Оренбургская, так и западная часть Сибирской линии. Их обслуживали казаки разных Войск. *И в 1822 г. Западную Сибирь отделили от Оренбургского края. Но и из Сибирского Войска выделили Иркутский и Якутский полки, как самостоятельные части, выделили и новое Казачье Войско — Забайкальское.* Забайкальских казаков разделили на городских, станичных и пограничных. Из них формировалось 6 полков. Как уже отмечалось, в здешних краях с XVII в. привлекались на службу коренные племена, поэтому Забайкальское Войско получилось многонациональным — 3 полка были русскими, 2 бурятскими и 1 тунгусский.

Но эксперимент с военными поселениями завершился полнейшим провалом. В отличие от казачества, которое не мыслило себя вне воинской службы, крестьяне военизироваться не желали. Воспринимали это как худшее наказание и писали царю: «Прибавь нам подати, требуй от каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь, мы и там примемся работать, но... не делай нас всех солдатами». Да ведь и мелочная регламентация и муштра не имели ничего общего с вольным казачьим духом и традициями. Казачьи станицы цвели, благоденствовали, и государство получало из них прекрасных бойцов, а искусственное соединение отличных солдат и отличных крестьян привело к противоположному результату! Военные поселенцы стали плохими крестьянами и никудышними солдатами. Их хозяйства пришли в упадок и поддерживались только огромными дотациями. И население не росло, а уменьшалось. Дезертирство и смертность от болезней, тяжелых работ, превысили рождаемость.

Единственными прибыльными военными поселениями стали как раз те, которые создавались на базе упраздненных Казачьих Войск под руководством бывшего атамана Украинского Войска И.О. Де Витта. Здесь имелись навыки совмещать службу с хозяйством. От столицы эти поселения были далеко, шагистикой не занимались. Стало развиваться племенное скотоводство, конские заводы, дававшие значительный доход казне. Да и уровень

жизни поселенцев был не в пример лучше, чем на Новгородчине и Могилевщине. Но тут пошло воровство, взяточничество. Начальство поставляло государству худших лошадей и скот, а лучшими барышничало в свой карман. За мзду давало поблажки подчиненным. Тем не менее, Александр упрямо держался за свою затею. Положение изменилось лишь после того, как его сменил на троне Николай I. В 1831–1836 гг. военные поселения поэтапно были ликвидированы. Землепашцев отделили от полков и дали статус «пахотных солдат» — они приравнялись к казенным крестьянам, могли жить и хозяйствовать по своему усмотрению, но должны были 3 дня в неделю работать на армию, заготавливая для нее хлеб и фураж.

47. СМИРСЬ, КАВКАЗ: ИДЕТ ЕРМОЛОВ!

Когда мы читаем о сражениях с Наполеоном, надо помнить, что в это же время не утихала еще одна война. О ней еще не шумела мировая пресса, ее не обсуждали в великосветских салонах. Но бои шли ничуть не менее жестокие, подвиги совершались не менее

героические, раны были не менее болезненными, а погибших оплакивали в станицах не менее горько. Эта война гремела в камышовых зарослях Кубани, на перекатах Терека, в горных теснинах и непроходимых лесах.

Огромный массив Кавказа населяло множество племен и народов. В западной части жили шапсуги, бжедуги, натухаевцы, хатукаевцы, абадзехи, убыхи, темиргоевцы, егерукаевцы, махошевцы, бесленеевцы, абадзины (эти племена обобщенно называли «черкесами»). В центральной части хребта обитали карачаевцы, кабардинцы, балкарцы, осетины. В восточной — карабулахи, чеченцы, ингуши, кумыки, даргинцы, лакцы, аварцы, табасаранцы, лезгины. Далеко не все были врагами России. Ее сторону держали осетины, из-за чего противники так и не смогли сомкнуться единым фронтом, и выделились два участка линии — Западный и Восточный. Впрочем, и остальные народы жили раздробленно, одни оставались «мирными», другие «немирными» (но вчерашние «мирные» очень легко переходили в «немирные»). В Дагестане русским союзником выступал шамхал Тарковский, а враждебные силы группировались вокруг казикумухского Сурхай-хана. В других местах появлялись свои лидеры, в Чечне — Бейбулат, в Кабарде — Джембулат, на Кубани — Казбич. И положение становилось все хуже. В 1802 г. царь в своем рескрипте отмечал: «К большому моему неудовольствию вижу я, что весьма усиливаются на линии хищничества горских народов и противу прежних времен несравненно их более случается». Было восстановлено Кавказское наместничество. Наместник являлся и главнокомандующим Отдельного Кавказского корпуса. Вторым лицом в здешней иерархии был командующий войсками Кавказской линии. И генерал Кнорринг докладывал государю: «Со времени служения моего инспектором Кавказской линии всего наиболее озабочен я был хищными грабленями, злодейскими разбоями и похищениями людей...» [175]

В 1804 г., когда началась война с персами, горцы активизировались. Шли серьезные бои с чеченцами и кабардинцами на реках Чегем, Малка, Баксан. Лишь невероятными усилиями казаков и солдат удалось расчистить Военно-грузинскую дорогу, чтобы провести в Закавказье подкрепления. В 1806 г. в ответ на набеги командующий Кавказской линией Г.И. Глазенап предпринял поход в Дагестан, разбил и изгнал Сурхая, был взят штурмом Дербент. В 1807 г. полки генералов Булгакова и Лихачева с терскими казаками совершили рейд в Чечню. Но нападения не прекращались. И донесения сохранили для нас скупые строки о тогдашних трагедиях. В селе Богоявленском вырезано более 30 мирных жителей... из станицы Воровсколесской угнано в горы 200 человек... уничтожено Каменнобродское, 100 человек чеченцы зарезали в церкви, 350 угнали в рабство [201]... А на Кубани бесчинствовали черкесы. Переселившиеся сюда черноморцы жили чрезвычайно бедно, но все равно каждую зиму по льду горцы переходили Кубань, грабили последнее, убивали, уводили в плен. Спасала только взаимовыручка. По первому же сигналу опасности, выстрелу, крику прискакавшего гонца все боеспособные казаки бросали дела, хватили

оружие и мчались туда, где худо.

18 января 1810 г. казаки на Ольгинском кордоне обнаружили крупные силы черкесов. На кордоне находилось 150 черноморцев во главе с командиром 4-го конного полка **Львом Лукьяновичем Тиховским**. Он приказал поджечь сигнальную «фигуру» и выслал к переправе через Кубань сотню зауряд-хорунжего **Григория Жировского**. Она столкнулась с 8 тыс. горцев. Пешие черкесы вступили в бой, а конная лавина обошла казаков и устремилась на север. Банды разграбили хутора, блокировали Ольгинский и Славянский кордоны, напали на Стеблиевскую и Ивановскую. По сигналу тревоги на помощь Тиховскому из Новоекатериновского кордона выступил с полусотней казаков есаул **Гаджанов**, прорвался к осажденным. И Тиховский вместе с подмогой двинулся к переправе, где вела бой сотня Жировского. Здесь их окружили черкесы. Дрались 4 часа, осаживая врагов из ружей и единственной пушки, ждали подмоги. Но первыми подошли горцы, отбитые от Стеблиевской и Ивановской. Когда у черноморцев кончились заряды, дважды раненый Тиховский скомандовал: «Хлопцы! В ратица! Коли!» И повел казаков в рукопашную. Пробились только Гаджанов и 17 казаков — все раненные, большинство вскоре умерло. Опоздавшая подмога насчитала на месте боя 500 черкесских трупов. В братскую могилу у Ольгинского кордона опустили 148 казаков. (На этой могиле до революции ежегодно во второе воскресенье после Пасхи проводились Тиховские поминовения. С 1991 г. по решению Кубанской Рады церемония восстановлена).

Расплачиваясь за зимние набеги, черноморцы каждое лето сами ходили за Кубань под командой войскового атамана **Федора Яковлевича Бурсака**. Он был сыном священника, бежал из киевской бурсы на Сечь, воевал с турками, брал Очаков и Измаил. Выдвинулся в Черноморском Войске, в 1799 г. был назначен атаманом. Бурсак правил во время павловских и александровских реформ, но не был ни реформатором, ни администратором. Он оставался «батькой» и воином-запорожцем. И походы всегда возглавлял сам. (В 1816 г., когда Бурсак почувствовал, что больше не может лично водить в бой казаков, он добровольно оставил свой пост). За Кубанью поднимались по одному из притоков — Афипису, Пшишу, Псекупсу, Супу, разоряли аулы, угоняли скот, если встречали сопротивление — пощады не было.

Особенно трудно пришлось на Кавказе в 1812 г. Снимались войска, переводились в главную армию многие лучшие офицеры и генералы, ушли и несколько полков черноморских казаков. Пользуясь этим, снова перешли в наступление персы. В Грузии поднял очередной мятеж царевич Александр, подтолкнув к войне лезгин, хевсуров, чеченцев. Лишь напряжением всех сил и массовым героизмом нашим войскам удалось отбиться. Генерал П.С. Котляревский, имея всего 2200 штыков и сабель, отчаянными рукопашными атаками наголову разгромил 30-тысячную иранскую армию Аббаса-Мирзы на Араксе. Штурмом взял Ленкорань. А разгром Наполеона лишил персов надежды на его помощь. В 1813 г. с ними был заключен Гюлистанский мир, по которому к России отошли Карабах и территория нынешнего Азербайджана. В этом же году казаки и регулярные части разбили большие контингенты черкесов и ногайцев в сражении у Невинномысской и в двухдневной битве на р. Лабе.

После победы над французами стало полегче. На Кавказ пошли дополнительные силы. К 1816 г. здесь было 2 пехотных дивизии и 1 бригада, 3 гренадерских и 1 кавалерийский полка, 10 полков донских и 3 полка астраханских казаков. Плюс черноморцы, линейцы, терцы. А главнокомандующим стал **Алексей Петрович Ермолов**. Ученик Суворова, участник почти всех главных сражений в войнах с Наполеоном, в 1812 г. начальник штаба Кутузова. Будучи талантливым полководцем, организатором и государственным деятелем, он сразу же верно оценил обстановку: «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведем же осаду». Установки его были самые жесткие: «Я терпеть не могу беспорядков, а паче я не люблю, что и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя». Он установил два главных принципа. Первый — неизбежность возмездия за любую враждебную акцию. Второй — не делать нового шага

вперед, не подготовив его, не закрепившись на предшествующем рубеже. А закрепляться следовало крепостями, прокладкой дорог.

Самым опасным очагом напряженности Ермолов выделил Чечню, которую называл «гнездом всех разбойников». В 1817 г. началось возведение Сунженской линии южнее Терека, чтобы прикрыть терские поселения и отгеснить чеченцев из долин в горы. В верховьях Сунжи было построено укрепление Преградный Стан, в 1818 г. войска Ермолова предприняли поход в урочище Ханкала, заложив крепость Грозная. За ней появились Внезапная и на берегу Каспия — Бурная. Крепости контролировали сопредельные районы Чечни и Дагестана, между ними прорубались просеки в лесах, ставились форпосты. Горцы сопротивлялись, нападали на рабочие команды, обозы. Нередко стычки перерастали в большие бои. Однако с этим справлялись. Причем русские потери были небольшими — войск на Кавказе было немного, но это были отборные, профессиональные бойцы.

В ермоловском корпусе сложились совершенно особые традиции. Без телесных наказаний, вместо шагистики учили стрельбе, рукопашной. Поощрялась и развивалась инициатива каждого солдата. Он был мастером на все руки — топор строителя и дровосека, лопата, кирка тоже были здесь оружием. Даже форма была особой. Еще в 1804 г. генерал Лихачев ввел для своих «зеленых егерей» одежду по подобию казачьей: папахи вместо киверов, просторные куртки и шаровары, холщевые сумки вместо ранцев. Ермолов распространил этот опыт на весь корпус. А вот местных казаков он сперва недооценил. По прежним войнам генерал знал только донцов, а тут встретил каких-то оборванцев, не имеющих понятия об армейских порядках. Но прошло немного времени, и генерал был потрясен боевыми качествами казаков Кавказской линии, писал, что им нет равных [201].

Кстати, в 1816 г. и для Черноморского Войска были придуманы мундиры: кивера, тесные куртки и шаровары из синего сукна со всевозможными декоративными «наворотами» вроде ложных рукавов [281]. Из Петербурга прислали образцы. В Екатеринодар были вызваны портные от полков, атаман **Г.К. Матвеев** приказал казакам обмундироваться к августу 1817 г. Но на Кубани эта форма не прижилась вообще. Ее пошив стоил дорого, около 100 руб. (цена 2–3 лошадей), рядовым и даже офицерам это оказывалось не по карману. В Войсковую канцелярию пересылались отговорки. Срок перенесли на январь 1818 г. Потом снова перенесли. Приказы «сильнейше понуждать казаков» к пошиву формы шли куренным атаманам, командирам полков, полиции. Требовалось даже «продавцам питья отпускать не более как на 5 руб.», чтобы казаки сэкономили на форму. Централизованно закупалось сукно. Но нет, ничего не помогало. По донесениям, в полках обмундировалось по 30–50 человек, да и те не полностью, кто куртку пошил, кто шаровары. И образцов не соблюдали. Делали так, чтоб было удобнее. В результате еще и в 1830 г. для встречи знатных особ собирали по 20 казаков в форме от каждого полка, а если в целом полку не наберется 20 обмундированных, то хотя бы прилично одетых.

А вот линейцы и терцы привыкли носить черкески. И с 1824 г. было официально разрешено надевать их на службу. У линейцев Ермолов отменил пики, бесполезные в горной войне и ввел такое же вооружение, которое носили горцы — длинные винтовки вместо карабинов, легкие шашки вместо кавалерийских сабель. Эту одежду и оружие стали перенимать и черноморцы. Да и на Дону в то время многие казаки предпочитали носить черкески. Кавказское происхождение имеет и казачья фуражка. В тогдашней армии фуражки разрешалось носить только вне строя. Но в Кавказском корпусе их носили и в строю. И казакам фуражки понравились, их, в отличие от киверов, шили охотно. Ермолов провел и некоторые реформы казачьей организации. Последним Казачьим Войском в России, сохранявшим полное внутреннее самоуправление, было Гребенское. В 1819 г. Ермолов указал на низкий авторитет выборных властей, на ссоры и непорядки на кругах. Упразднил выборные должности войскового атамана, есаула, знаменщика и дьяка, отменил и сами войсковые круги и придал гребенцам полковое устройство — такое же, как Моздокский, Хоперский и прочие полки линии. Первым командиром Гребенского полка был назначен ротмистр **Е.П. Ефимович** [235].

Предшественники Ермолова пытались играть в «дипломатию» — уговорами склоняли горских князей и старшин к покорности. Они приносили присягу, получали офицерские и генеральские чины, большое жалованье. Но при удобном случае грабили и резали русских, а потом снова присягали, и им снова давали чины и жалованье. Ермолов эту пагубную практику пресек. Нарушивших присягу стал «возвышать» иным образом — вешать. Селения, откуда шли нападения, навлекали на себя карательные рейды «в наставления прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание». Действовали круто и эффективно. Когда селение оказывало сопротивление, подводились на 50 шагов пушки и открывали огонь: попробуй посопровствуйся. После чего дома сжигались, скот забирался — все равно большая его часть была угнана у русских. Если же «немирное» селение соглашалось замирился, на слово уже не верили, брали аманатов. И в случае возобновления нападений немедленно отправляли их в Сибирь или казнили. Ну а из «мирных» горцев Ермолов формировал отряды чеченской, дагестанской, кабардинской милиции. Если ты подданный России, так и воюй на ее стороне.

Земли по новым линиям и укреплениям Ермолов стал заселять казаками, а для этого усиливал и умножал их. В казачье состояние разрешено было записывать всех желающих. Многие старые солдаты выражали желание поселиться на Кавказе. Куда им было деваться после 25 лет службы? Возвращаться в деревню, где их забыли? Снова в крепостные? Ермолов поощрял стремление остаться, выписал из России несколько тысяч вдов с детьми и девушек для женитьбы воинам. Они заводили хозяйства и «оказачивались».

Ермолов привлек на Кавказ и отличных военачальников. Ближайшими его помощниками стали И.А. Вельяминов 1-й и его брат, начальник штаба корпуса А.А. Вельяминов 3-й. Именно они спланировали расчленить укрепленными линиями на части «крепость» Кавказа и ее «гарнизон». Кроме Сунженской линии, стало строиться ответвление Кубанской — от Невинномысской до Баталпашинской. Генерал В.Г. Мадатов, которого называли «хитрейшим из храбрых», с частями казаков, регулярных войск и ополчением шамхала Тарковского в 1818–1820 гг. смирил в Дагестане табасаранцев, лезгин, кайтагцев, совершив стремительный переход через горы, окончательно разгромил казикумухского Сурхай-хана. Через Дагестан стала прокладываться новая дорога в Закавказье. Войска первого коменданта крепости Грозной Н.В. Грекова и донского генерала Сысоева нанесли чувствительные удары чеченцам. После штурма было стерто с лица земли селение Дадан-Юрт. Ермолов приказал уничтожить и базы налетчиков Исти-Су, Ноен-Берды, Аллаяр-аул.

А начальником Черноморской линии стал **Максим Григорьевич Власов 3-й**. Он был из простых донских казаков, воспитанник Киево-Печерской лавры. В 1794 г. в Польше, впервые попав на войну, за год прошел все чины от рядового до есаула. В Отечественную дрался под командованием Платова, партизанил, Заграничный поход проделал в отряде Чернышева, завершив войну генерал-майором, кавалером орденов св. Георгия IV и III степеней. На Кубани реорганизовал службу в зависимости от опасности на том или ином участке, защитив тем самым мирное население. А в 1821 г., когда крупные скопища черкесов вторглись на правый берег, Власов сумел обойти, окружить их и учинил страшный разгром — прижал к Калаусскому лиману и загнал в топь, расстреливая из пушек. Горцы взяли, тонули в болоте, гибли под казачьими пулями, под залпами картечи.

К середине 1820-х обстановка на Кавказе, казалось, стабилизировалась. Но замирение было непрочным. У горцев возникло новое явление — «мюридизм». Появился проповедник Кази-Мухаммед, призывавший к газавату, «священной войне». И если раньше «немирные» роды и селения были разобщенными, что облегчало победы над ними, теперь возник общий центр организации. Полыхнуло по всей Чечне, перекинулось в Кабарду. Вновь активизировались черкесы. В отчаянных схватках гибли гарнизоны постов и хуторов. Ответные удары не заставили себя ждать. Вельяминов 3-й предпринял в 1825 г. походы по Лабе и Белой. Истребил аулы мятежников и заложил передовое укрепление Майкоп.

В Чечне руководил сам Ермолов, были взяты и разрушены базы налетчиков в Атаги,

Чахкери, Шали, Гехи, Дауд-Мартане, Урус-Мартане, Рошни-Чу. Мятежники согласились на переговоры. Но 16 июля 1825 г., когда в Герзель-ауле съехались командующий войсками линии Лисаневич, комендант Грозной Греков и 318 горских старейшин, в ходе встречи фанатик бросился с кинжалом и убил обоих генералов. Увидев это, солдаты разъярились, бросились в штыки и перекололи старейшин, хотя многие из них были сторонниками мира. И мятеж полыхнул с новой силой. Только зимой и весной 1826 г. Ермолову удалось подавить его, разгромив Кази-Мухаммеда под Чахкери и уничтожив ряд сел.

Но... уже и в те времена «передовая общественность» принимала сторону врагов своего народа. Космополитизированные столичные дамы и господа читали в английских и французских газетах о «зверствах русских на Кавказе». Этим дамам и господам никогда не грозил черкесский или чеченский набег, не их детей угоняли в рабство, не их родителям перерезали глотки. И «общественное мнение» поднимало возмущенный вой. Когда Пушкин воспел Ермолова, П.А. Вяземский писал ему: «Ермолов! Что тут хорошего? Что он, как черная зараза, губил, ничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы, что воспеть. Поэзия — не союзница палачей...» Подобное «общество» влияло и на царя. Против Ермолова сыграло и восстание декабристов, которые почему-то рассчитывали на сочувствие генерала (чего и в помине не было). А когда он публично повесил одного из предводителей чеченского мятежа, получил строгий выговор из Петербурга и вскоре был заменен генералом И.Ф. Паскевичем. Были отозваны с Кавказа братья Вельяминовы, Мадатов, а Власов 3-й за «излишнюю жестокость» в походах против черкесов отдан под суд. Новая администрация получила инструкции «просвещать» горцев и вернуться к мягким мерам.

48. ЗАДУНАЙСКАЯ СЕЧЬ

Некрасовцев турки называли «игнат-казаки» — по имени основателя общины, «кара-игнат» — поскольку они всегда носили черные кафтаны, или «ин`ат-казаки» — «упрямые казаки». Покинув в 1740–1770 гг. Кубань, часть из них ушла в Малую Азию, но большинство переселилось в низовья Дуная и на Днестр [228, 259]. Здесь, в турецких владениях, сложилась и другая община старообрядцев, бежавших из России — липоване. Некрасовцы поселились с ними, но не смешивались, презрительно называли их «дунаки, мужики». Сами же, будучи казаками, традиционно не занимались земледелием, а достойными занятиями считали только военное дело, рыболовство и охоту. Фирманом султана некрасовцам были выделены земли. Центром Войска стало село Верхний Дунаец на р. Дунаец. Высшим органом был общий круг, выбиравший атамана. В селах выбирались станичные атаманы. Появился даже свой епископ Анфим. Но вскоре выяснилось, что он самозванец, и некрасовцы утопили его в Днестре. В военном отношении «игнат-казаки» были подчинены сераскиру Бабадага, охраняли границу, несли службу в подунайских крепостях. Из них состоял и особый отряд личной гвардии султана, которому было разрешено построить в Стамбуле свою церковь.

А после разрушения Сечи в 1775 г. в османские владения хлынули запорожцы. Они группами кочевали под Очаковом, на Тилигуле, в Молдавии. Пополнялись крестьянами, бежавшими с закрепощаемой Украины. По донесению очаковского паши, их количество достигло 12 тыс. И в 1778 г. султан принял запорожцев в подданство. Для поселения им выделили с. Кучурганы в низовьях Днестра, они принесли присягу. Легенда гласит, что казаки схитрили: во время присяги высыпали в сапоги родную землю, которую носили в ладанках, и клялись: «На чьей земле стоим, тому и присягаем». Но это, конечно, только легенда.

В то время сечевики и сами еще не определились насчет дальнейшей судьбы. У некоторых возникла идея перейти в подданство Австрии. Запорожцы слышали о сербских границах, вот и представлялось, пусть их тоже возьмут на службу и поселят для охраны границ. Повели переговоры с австрийцами, выставляли свои условия о самоуправлении,

сохранении запорожских традиций, обещали привести 8 тыс. казаков. Однако австрийцы за такое предложение хвататься не спешили. Торг шел долго, требования казаков отводились. Лишь в 1785 г. последовало согласие. Но за сторонниками этого плана последовали отнюдь не все запорожцы. А среди тех, кто решился совершить очередной поворот, австрийские власти устроили жесткий отсев. Брали только молодых, крепких, остальных отсылали назад.

Принятых оказалось 1–1,5 тыс. Идея служить по-казачьи, со своим оружием и снаряжением, отпала сразу, у большинства не было не то что вооружения, а и приличной одежды. Выдали австрийские ружья и мундиры и послали на турецкую границу, в Банат и Бачку. «Самоуправление» ограничилось тем, что нескольким старшинам присвоили младшие офицерские звания, отдав в подчинение хорватским и немецким начальникам. И ни о какой новой Сечи речи не было — распределили по 150–160 человек по разным местам: Нови Сад, Титель, Ковель, Панчево. Да и представления казаков о жизни на границе не оправдались, еще в 1735–1748 гг. князь Гильдбурхаузен провел на австрийском Войсковом Кордоне реформы, лишившие граничар всякой автономии. Их служба приближалась к армейской, насаждалось католичество. И в первой же австро-турецкой войне 1788–1791 гг. часть здешних запорожцев погибла, а остальные, испытав такие разочарования, сбежали обратно к туркам [251].

Ну а сечевики, оставшиеся в Османской империи, в войне против русских в 1787–1791 гг, участвовали в боях в составе иррегулярного корпуса Селима и Бехты-Гиреев — как и некрасовцы. Но война вызвала расслоение. Как уже отмечалось, часть запорожцев вернулась в Россию, вступила в Черноморский Кош. Разделились и некрасовцы. И в «румянцевской», и в «потемкинской» войнах с турками русские войска прорывались на Дунай, селения «игнат-казаков» попадали в зону боевых действий и серьезно пострадали. А в 1791 г. и граница передвинулась на Днестр. И часть некрасовцев стала перебираться вглубь Турции — в Анатолию, на о. Майнос и Эйдос. Однако многие приднестровские некрасовцы эвакуироваться отказались (тем более что при Екатерине старообрядчество было разрешено). Они приняли российское подданство, некоторые вступали в Бугское, Екатеринославское Войска. Впоследствии общины некрасовцев наряду с обычными старообрядцами отмечались в приднестровских селах Слободзея, Собручи, Гура-Роже, Маяки, где они получили статус государственных крестьян. Но... для тех, кто сохранил верность Турции, они перестали быть «некрасовцами». Поскольку нарушили один из «заветов Игната» — не возвращаться в Россию.

А запорожцы-эмигранты, когда граница переместилась, потеряли выделенные им земли. И султан отвел им новые места поселения — в дельте Дуная, разрешил построить Сечь в с. Катерлез на р. Дунаец. И рядом друг с другом очутились две казачьих общины. Одну составили некрасовцы и липоване. Вторая, запорожская, тоже состояла не только из казаков. В Турцию по-прежнему притекали беглые крестьяне, дезертиры, преступники. И большинство их было не старообрядцами, а ортодоксальными православными. Поэтому они примыкали не к некрасовцам, а к запорожцам. Но и сечевиками становились не все, многие просто заводили крестьянское хозяйство. Для таких запорожцы переняли турецкое слово «райя». Тут надо пояснить, что официально в Османской империи было всего два сословия, воинское и податное — «райя» («тягло»). Одно служит, другое его содержит. Таким образом общины некрасовцев и запорожцев на своих территориях стали чем-то вроде «коллективных феодалов». А крестьяне — их подданными. Но отметим и то, что к концу XVIII–XIX в. слово «райя» в Турции стало относиться только к христианам и приобрело оскорбительный смысл: «скот», «быдло». Да и само положение христиан весьма ухудшилось. Их притесняли и обирали местные власти, турецкие воины, они подвергались насилиям и беззакониям. А в дела некрасовцев и запорожцев турки не вмешивались. Они становились защитниками для своей «райи» — которая, по свидетельству современников, жила гораздо более вольно и благополучно «по сравнению с другими «райями».

Но отношения между двумя общинами сразу стали враждебными [240, 259]. Некрасовцев возмутило, что часть земли, прежде дарованной им, отдали запорожцев. А

главным промыслом обеих общин была рыба, началась борьба за места ловов, переросшая в кровавые драки. Они подогревались межэтническими, религиозными лозунгами, но турецкие начальники быстро разобрались в истинной причине и доносили, что «казаки в войне между собой за рыбные ловы». В 1794 г., выбрав удобный момент, некрасовцы захватили и уничтожили Катерлез. Только после этого власти вмешались и перевели запорожцев выше по течению Дуная, в Сеймены, под начальство браиловского назира. Для рыболовства и земледелия новое место было куда хуже прежнего. Поражение и переселение вызвали разочарование, ссоры, кошевой **Помело** с 500 казаками ушел в Россию. Однако распада Задунайской Сечи все же не произошло — оставшиеся запорожцы просто выбрали нового кошевого.

В это время в самой Османской империи стали нарастать внутренние противоречия. Власть слабела, шаталась. Поднял мятеж аристократ Пазванд-оглу. Некрасовцам он пообещал отдать все земли на Нижнем Дунае, и они приняли его сторону. Против них власти использовали запорожцев. В ходе турецких междоусобиц обе стороны понесли большие потери. В благодарность за услуги при подавлении восстания браиловский назир добился в 1803 г. возвращения Сечи в Катерлез. Но не тут-то было. У некрасовцев тоже нашелся покровитель, комендант Измаила Пехлеван-оглу. В 1805 г. они нанесли удар, уничтожив Сечь и вырезав значительное число запорожской «райи». Уцелевшие сечевики бежали в Браилов.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. вызвала новое расслоение. Кошевой Задунайской Сечи **Трофим Гайдабура** и **Иван Губа** с двумя отрядами запорожцев перешли на сторону России. На их базе указом Александра I от 20 января 1807 г. стало формироваться *Усть-Дунайское Буджацкое Войско*. Оно планировалось по типу Черноморского, но просуществовало лишь 5 месяцев. Узнав, что возникла «новая Сечь», в Килию и Галац, где она базировалась, устремились украинские крепостные. Посыпались жалобы помещиков, что казаки принимают беглых. И 20 июня 1807 г. Войско было расформировано. В нем к этому моменту насчитывалось 1387 человек. Из них изъяли беглых, дезертиров. Некоторые разошлись по Молдавии, а около 500 казаков были отправлены на Кубань [245]. Часть задунайцев готова была последовать примеру кошевого и тоже перейти к русским, но после ликвидации Усть-Дунайского Войска передумала.

У некрасовцев каша заварилась еще круче. Сторону русских приняло большинство липован. Встречали хлебом-солью, оказывали помощь войскам. И «игнат-казаки» обрушились на «бунтовщиков», сурово карая их. В 1807 г. стерли с лица земли с. Караорман, мужчин перебили, женщин и детей увели. Неоднократные карательные рейды совершались на Вилково, Старую Килию и другие селения. Впрочем, и у самих некрасовцев единство нарушилось. В 1811 г. генерал С.А. Тучков доносил Кутузову о возможности перетянуть некоторых из них на свою сторону. Переговоры прошли успешно, желающим перейти в подданство России Кутузов от имени царя выдал грамоту, где даровалось «вечное прощение в прежних их винах против государя и Отечества», освобождение от налогов на 3 года, земля, а тем, кто захочет вступить в казачество — освобождение от рекрутской повинности. По Бухарестскому миру левый берег Нижнего Дуная отошел к России, и многие некрасовцы туда благополучно переселились.

Но ослаблением «игнат-казаков» и их конфликтом с липованами не преминули воспользоваться запорожцы. Развернули наступление и в начале 1813 г. отбили Катерлез. Причем этим не ограничились, продвигаясь дальше. Разгорелась война настолько жестокая, что удивляла даже турок. Историк Ф. Кондратович писал, что чуть ли не с каждым «бугром в болотах и плавнях дельты связаны тайны стычек запорожцев с некрасовцами, полного уничтожения целых отрядов с той или другой стороны». В 1814 г. запорожцы овладели «столицей» противника, селом Верхний Дунавец, где и устроили свою последнюю Сечь.

Некрасовцы были вытеснены из дунайских гирл. Одни ушли к своим сородичам на Майнос и Эйдос. Другим турки выделили места для поселения на речках Магалица и Мандрозе, в Бандроме и окрестностях Бабадага. Часть липованско-некрасовского населения

осталась на прежних местах, признав главенство запорожцев. Больше конфликтов между ними не возникало. Они стали постепенно сживаться между собой, сглаживалась даже межконфессиональная рознь. Некоторые сыновья липован и некрасовцев приходили в Сечь — а при этом приходилось принимать «новый» обряд православия. Нередко заключались смешанные браки.

Однако мирная жизнь была недолгой. В 1821 г. походом греков-этерийцев Ипсиланти, которые из России двинулись на Балканы, началось восстание в Греции. Для подавления освободительного движения турки использовали и казаков. Отряд запорожцев под командованием кошевого **Никифора Белуги** был брошен в Валахию, помогал разбить Ипсиланти. Потом 5 тыс. сечевиков во главе с кошевым **Семеном Морозом** отправили в Грецию. Воевали в Морее, в 1824 г. участвовали в кровопролитнейшем штурме Миссолунги. Многие сложили там головы, а сам Мороз погиб в морском сражении у Хиоса. В Греции сражались также майносские и эйдосские «игнат-казаки». Но подунайские некрасовцы от этого уклонялись. Потеряв господствующее (и обособленное) положение, рассеявшись вперемежку с молдаванами и румынами, они стали смотреть на местные проблемы несколько иными глазами. Сочувствовали балканским христианам. И в 1821–1824 гг. группами стали перебегать в Россию. Турки ответили репрессиями, ввели круговую поруку — за каждого отвечает все селение.

А Задунайская Сечь, казалось, достигла расцвета. Вместе с «райей» ее население составляло 10–15 тыс. Кошу принадлежали 6 сел, а фактически он контролировал все дунайские гирла. В Верхнем Дунавце сосредоточились 38 куреней под прежними традиционными названиями. Однако Сечь уже значительно отличалась от поднепровской [260]. Структура упростилась. Не было войсковых старшин, полковых управлений, паланок. Казаками считались только холостые, а женатые переходили в «мужики» и селились с «райей». Полковники назначались кошевым временно, из куренных атаманов. Не было уже ни конницы, ни флота, только пехота на лодках. И вообще боевые качества значительно снизились. Пополнялся-то Кош извне — перебежчиками, дезертирами, превращаясь в скопище случайного сброда. Не было прежней бессменной запорожской службы, боевой выучки.

А главное, сама идея «лыцарского братства» изжила себя. Кому служить-то? Вере православной — под турецкими знаменами? Защите христиан от «басурман» — вырезая греков? Абстрактному «братству»? Но и его больше не было. Произошло имущественное разделение. С одной стороны — богачи из казаков и «райи», их называли «дуки», «серебряники». Им принадлежали рыбные заводы, сельские угодья, торговля. С другой — казачья беднота и батраки: «бесштанники», «голоколеночники». Причем за Дунаем эта градация не совпадала с казачьей иерархией Сечи! Ведь чтобы вести прибыльное хозяйство (и жениться, передать дело по наследству) нужно было выйти из казаков. А Сечь для богачей становилась всего лишь «крышей», защитой от турецкого произвола и рынком рабочей силы.

Пока дрались с некрасовцами — вроде бились «для себя». А походы в Грецию и огромные потери открыли глаза на истинное положение воинов в чужом отечестве. О кризисе говорит беспрецедентный факт, в 1825 г. кошевой **Литвин** «кудись утик». Удрал неведомо куда, не желая возглавлять следующую экспедицию. И вдобавок греческие события обострили отношения Турции с Россией, надвигалась новая война. Среди задунайцев возникли протурецкая и пророссийская партии. К первой относились богатые хозяева, но и отъявленная шпана, жившая одним днем — главное погулять и выпить. А если для этого нужно пограбить и погромить христиан, то какая разница? Ко второй партии склонялась «золотая середина», считавшая за благо вернуться на родину, если получит прощение. Узнав об этом, градоначальник Измаила С.А. Тучков в 1827 г. вступил в тайные переговоры с кошевым **Василием Незмаевским**. Речь теперь шла не о переходе очередного отряда, а о том, чтобы перевести в Россию Кош как таковой. Лишить Турцию «марки» Сечи, пропагандистского козыря, центра притяжения перебежчиков. Незмаевский и сам был сторонником русских, но ответственность на себя брать не хотел. Отговаривался:

«Нехай хто заводив на Сич, той и выводит, а я не буду». И пояснял: «Багато народу запропастьмо — турок выриже».

Согласие дал другой человек — **Осип Михайлович Гладкий** [242]. Продувной авантюрист, хитрый, энергичный. Кстати, его биография показывает, как попадали за Дунай. Он родился в богатой крестьянской семье на Полтавщине, женился, имел четверых детей. Но после смерти отца и раздела хозяйства между братьями разорился. В 1820 г., оставив семью в родном селе, ушел на заработки. Но к упорному труду у него и навыков не было, и душа не лежала. Нанялся вести чумацкий воз в Крым — загулял и лишился доверенного ему имущества. Удрал. Подрядился строить мельницу — ее смыло водой. Сбежал в Одессу, занялся ремеслом бондаря. И вздумал жениться на служанке своего работодателя. Но священник послал запрос на родину жениха, и открылось, что он женат. Дело было подсудным, и Гладкий скрылся за границей. Явился в Сечь, объявил себя холостым и был принят в Платнировский курень. Участвовал в походе на Миссолунги, после чего его избрали куренным атаманом. С ним тоже вступил в контакт генерал Тучков. И на Покров 1827 г. Гладкий при поддержке «пророссийской партии» (очевидно, и русской разведки) был избран кошевым. Между прочим, сам факт, что казак, всего 5 лет назад пришедший в Кош, возглавил его, говорит не только о талантах Гладкого, а еще и о степени распада. О том, насколько упал в Сечи престиж руководящих постов.

49. ДУНАЙСКОЕ И АЗОВСКОЕ ВОЙСКА

С помощью «Священного Союза» Россия пыталась обеспечить коллективную безопасность в Европе, чтобы не повторились ужасы Наполеоновских войн. Но вместо благодарности западные державы ослабили нашу страну «европейским жандармом» и сплотились против нее, поддерживая любые антироссийские силы. Англичане взяли под опеку Персию, помогли реорганизовать ее армию, вооружили новейшими пушками и ружьями. И в 1826 г. армия Аббаса-Мирзы вторглась в Закавказье. Главные русские силы находились на Северном Кавказе. Пограничные казачьи посты героически погибали, смятые массой врагов. Жители Гянджи взбунтовались и вырезали русский гарнизон. Но Ермолов спешно сформировал Действующий корпус, остановивший врага. Как раз в это время произошла смена командования. Прибывшего на Кавказ Паскевича, привыкшего видеть на плацах блестящие шпалеры гвардии, вид здешних войск шокировал — солдаты в мохнатых шапках и домотканых куртках, казаки в драных черкесках. Но уже вскоре главнокомандующий смог в полной мере оценить боевые качества кавказцев, когда в сражении под Гянджой 10 тыс. русских сокрушили 40-тысячное вражеское войско. И Паскевич сам перешел в наступление на Армению.

В составе корпуса были донские, черноморские, линейные, терские казачьи части, возглавил их герой 1812 года «недюжинный» генерал-лейтенант В.Д. Иловайский 12-й. Вместе с регулярной кавалерией К.Х. Бенкендорфа они шли в авангарде. Аббас-Мирза силился задержать их, бросил навстречу массы курдской конницы, занявшей позиции у крепости Сардар-Абад на притоке Аракса р. Занге. 20 мая 1827 г. казаки с ходу форсировали ее вброд и атаковали. Курды отступили за бурную речку Абарань. Но казаки не отставали, переплыли ее под пулями и в яростной рубке разгромили врага. Гнали и сбросили в Аракс, где многие курды потонули. Тем временем Аббас-Мирза изготавился обороняться за Араксом у Джеван-Булаха. Но 17 июля казаки Иловайского и драгуны Бенкендорфа форсировали вплавь и эту реку, да еще и перевезли на плотиках конную артиллерию. Захватили плацдарм, дав возможность главным силам навести мосты и переправиться. Иранцы опять были разбиты.

Тогда, чтобы отвлечь русских от вторжения в Персию, Аббас-Мирза предпринял хитрый маневр — вышел в тыл Паскевичу и подступил к главной армянской святыне монастырю Эчмиадзин. Гарнизону из солдат и казаков под командованием генерала Линдерфельдена сулили всяческие блага за сдачу крепости. Ответ гласил: «Русские собой не

торгуют». Атаки врага были отбиты. А на выручку осажденным была направлена 20-я пехотная дивизия. Ей пришлось пробиваться сквозь всю персидскую армию, из 4 тыс. полегло 1150 человек. Уже возле самого монастыря персы отрезали арьергард с начальником дивизии Красовским. Спасли его 50 донских казаков — бросились на тысячную толпу неприятелей, разорвали кольцо и вывели генерала с горстью солдат. Вскоре подошел и корпус Паскевича. Рассеял неприятельское войско, 13 октября штурмом взял Эривань и устремился на Иран. После падения Тебриза персы взмолились о мире. По Туркманчайскому договору к России отошли территория нынешней Армении и Нахичеванское ханство. И больше желания воевать с русскими у Ирана не возникало никогда [77, 201].

Но в это же время, в декабре 1827 г., турецкий султан, подстрекаемый западными «друзьями», объявил России не просто войну, а даже «джихад». Для Кавказского корпуса перерыва по сути не было — только одолел персов и сразу повернул против турок. А на Дунае сосредотачивалась армия Витгенштейна, куда прибыл и сам царь. Тогда-то и осуществилась операция по ликвидации Задунайской Сечи. Кошевой Осип Гладкий готовил ее в глубокой тайне, сколачивая круг единомышленников. Просочилась информация, турки не помиловали бы, да и изрядная часть сброда-перебежчиков, скопившихся в Сечи, растерзала бы за «измену» (хотя и непонятно — кому). Поскольку русские продвигались к Дунаю, турки приказали эвакуировать Сечь в Адрианополь, а казакам прибыть в Силистрию в армию великого визиря. Гладкий привел туда 2 тыс. задунайцев, тех, кого подозревал в протурецких настроениях. И отпросился у визиря организовать эвакуацию. Но, вернувшись в Сечь, созвал раду, принявшую решение о переходе на сторону России. Правда, хотя за это высказалось большинство, идти с Гладким решились немногие. Кто-то предпочел выждать, как оно дальше пойдет, кому-то не хотелось оставлять имущества. А те, кто решился, сразу же после рады поспешно отчалили, пока турки не узнали. 10 мая 218 казаков (в том числе войсковые писарь, есаул и 23 куренных атамана) и 578 человек «райи» прибыли на лодках к русской армии, привезли войсковую казну, походную церковь и были представлены Николаю I, положив к его ногам полученные от османов клейноды Коша — булаву, бунчуки, знамена, фирманы, ярлыки [242].

Царь сказал запорожцам: «Бог вас простит, Отчизна прощает и я прощаю. Я знаю, что вы за люди». 27 мая начался штурм крепости Исакча. Во время сражения император продемонстрировал особое доверие к прибывшим казакам, переехал через Дунай на лодке, которой правил Гладкий, а на веслах сидели куренные атаманы. Задунайцы проявили себя и в атаке крепости, шли на стены в первых рядах, 10 человек были награждены Георгиевскими крестами, а бывший кошевой получил чин полковника. Тем же, кто не последовал с Гладким или промедлил со сборами, пришлось об этом пожалеть. Турки, проведав о случившемся, расsvирепели. На Сечь были брошены янычары, вырезая всех подряд невзирая на пол и возраст. Спаслись лишь те, кто попрятался по липованским селам или схоронился в плавнях. Потом переходили к русским поодиночке и группами. 2000 запорожцев, находившихся в Силистрии и 600 в гарнизонах крепостей, турки разоружили и угнали вглубь страны на каторжные работы. Задунайская Сечь прекратила существование.

А из вернувшихся задунайцев царь велел сформировать Отдельное Запорожское Войско, Гладкий стал наказным атаманом. Войско было небольшим, один пятисотенный пеший полк, поступивший в распоряжение Дунайской флотилии. Кроме того, запорожцев использовали как разведчиков, специалистов по переправам, Гладкий был причислен к Главному штабу в должности советника по оценке турецких дорог. Воссоединился и со своей семьей. Потеряв кормильца, 9 лет назад ушедшего на заработки и исчезнувшего, она бедствовала, батрачила, Осипа считали погибшим. А тут вдруг он объявился — полковником, дворянином, знакомым самого царя! Это было похоже на сказку. В 1828 г. Николай I распорядился создать еще одно Казачье Войско — Дунайское. В него предполагалось набирать запорожцев и некрасовцев, перешедших в Россию раньше, добровольцев из числа балканских славян. Из них формировались два полка. К Войску были приписаны села Аккерманского повета, где жили казаки и волонтеры прошлых войн —

Акмангит, Староказачье, Волонтеровка [230].

В боях на Дунае отличились и другие потомки запорожцев, черноморский Полтавский полк. Он действовал на лодках и под Браиловом разгромил турецкую флотилию. А на другом берегу Черного моря эскадра адмирала Грейга высадила морской десант под Анапой. В состав десантников входили Ейский полк черноморцев и батальон пластунов. Их название, кстати, произошло вовсе не от «пластания» по земле, как порой полагают, а от Пластуновской станицы (которая была названа по запорожскому Пластунивському куреню). На Кубани эта станица была самой бедной, чаще других подвергалась набегам. Большинство казаков были неспособны купить лошадь и воевали пешими. Но они и служили больше других — сделали это своим заработком, нанимаясь на кордоны вместо богатых казаков. И стали профессионалами высочайшего класса. К ним примыкала беднота из других станиц, и возник особый казачий «спецназ». По одежде пластуны не отличались от черкесов, носили бороды — обязательно крашенные, как у горцев, знали местные языки. Они стали лучшими разведчиками, диверсантами. От них пошло переползание «по-пластунски», выработались особые системы условных знаков и сигналов, приемы рукопашного боя. А в стрельбе их не мог превзойти никто. Хваля особенно меткий выстрел, пластуны говорили: «Ото добре ружжо!» — поскольку само снайперское мастерство человека считалось у них естественным. Одним из приказов по Черноморскому Войску пластунам было даже запрещено ночью или в лесу «стрелять на хруст», поскольку «бывали случаи, когда пластуны, при невероятной способности этих стрелков попадать в предмет невидимый глазу» случайно поражали своих [201].

На исключительные качества пластунов обратил внимание Ермолов, сформировав из них в 1824 г. первый батальон. Под Анапой этот батальон и ейцев вел в бой черноморский наказной атаман **Алексей Данилович Безкровный**. С 15-летнего возраста он рядовым казаком воевал с горцами, в составе Лейб-гвардии черноморской сотни отличился при Бородине, Кульме, Лейпциге. Потом снова служил на Кавказе. Его называли «командир без ошибок». Но в боях он столько раз был ранен и находился на волосок от смерти, что царь велел казакам называть его не Безкровным, а Бессмертным. 10 июля Анапа была взята штурмом, захвачено 4 тыс. пленных и 70 орудий. Ейский полк и 1-й пластунский батальон заслужили Георгиевские штандарты. А Безкровный, награжденный орденом св. Георгия IV степени, отличился еще и после взятия Анапы — во время шторма спас тонущих моряков, подплыв к их баркасу на коне.

Корпус Паскевича в это время вступил в турецкие владения, штурмом овладел Карсом — здесь особую доблесть проявил Хоперский полк. Не давая врагу опомниться, русские двинулись к крепости Ахалкалаки и захватили ее, а затем подступили к Ахалциху. В ходе атаки в город ворвались егеря и взвод 4-й донской батареи. Сориентировавшись, казаки втащили пушки на крышу дома и стали бить по турецким скоплениям на улицах. Их начали обстреливать со всех сторон, но они продолжали вести огонь. Казаков осталось 8, когда крыша, не выдержав тяжести, провалилась, пушки осели вниз. Турки бросились в атаку. Донцы соскочили на улицу, сели на своих лошадей и встретили врага саблями. Османы сочли, что подошла свежая казачья часть, и бежали. А артиллеристы с помощью подоспевших егерей вытащили из пролома пушки и продолжили стрельбу. Ахалцих пал.

В 1829 г. войска Паскевича совершили еще более глубокий прорыв, взяли Эрзерум. А отряд князя Чавчавадзе был отправлен на восток, заняв крепостью Баязет. Чтобы отбить ее, турки бросили 19-тысячную армию. Входивший в отряд донской полк № 12 полковника **Шамшева** первым обнаружил врага, выиграв бой с авангардами. Но следом подтянулись все неприятельские силы, окружив Баязет. 20 июня пошли на штурм. Атаки следовали непрерывно 38 часов подряд. Небольшой гарнизон из казаков, пехотинцев и местных армян отбивался, сбрасывая турок, лезущих на стены. Многие выбыли из строя, был тяжело ранен Шамшев, но штурм отразили. И турки перешли к осаде. Без еды, почти без воды, защитники держались 13 дней, пока не подошла подмога, вынудив врага отступить.

В боях участвовали и казаки других Войск. Под Варной отличился 9-й оренбургский

полк, под Шумлой — уральский. Но затяжная «война крепостей» вела к большим потерям, и вновь назначенный на Дунай главнокомандующий, И.И. фон Дибич, решительно прекратил ее. Разбив полевую османскую армию под Кулевчей, он оставил у турецких твердынь заслоны и совершил стремительный марш на юг. Форсировал Балканские горы и захватил Адрианополь, очутившись на подступах к Стамбулу. Перепуганные турки тут же согласились на мир. К России отошли дельта Дуная, Южная Грузия, черноморское побережье с портами Анапой и Поты. Турция признала автономию Румынии, Сербии и Греции.

Увы, мирная передышка снова была короткой. Когда Россия после войн с Францией присоединила Польшу, Александр I принялся заигрывать с ней, создав Царство Польское. Корону этого царства носил русский император, но в остальном сохранялась полная автономия. Польше была дарована конституция, она имела свой сейм, сенат, денежную систему, армию. Однако поляки с их спесью и гонором таких уступок не оценили. Высшие посты в армии занимали бывшие наполеоновские офицеры и воспитывали подчиненных на ненависти к русским. А в 1830 г. по всей Европе покати́лась волна революций — и в Варшаве заговорщики подняли восстание. Несколько польских генералов, сохранивших верность царю, были убиты. Наместник, великий князь Константин Павлович, чудом сумел сбежать. И повел себя нерешительно. Счел, что «всякая капля крови только испортит дело», распустил польские части, оставшиеся на русской стороне, сдал крепости. Мятежников это только подхлестнуло. Они объявили династию Романовых низложенной и провозгласили республику, получив поддержку Франции и Англии. Призвали ополченцев, увеличив армию до 150 тыс.

Причем это были не толпы шляхты и крестьян, а профессиональная армия, вооруженная и обученная за русский счет. Наши войска, перебрасываемые по частям, терпели поражения. Пришлось сосредотачивать крупные контингенты и вести войну с полным напряжением сил. В этих боях опять прославился донской генерал М.Г. Власов 3-й. Он 4 года находился под следствием по обвинению в «жестокости» против черкесов. Но обстановка на Кавказе показала полную его правоту, и военный суд оправдал его. И Николай I полностью признал свою ошибку, назначил Максима Григорьевича походным атаманом казаков в Польше. В феврале 1839 г. в упорнейшем сражении при Грохове, когда никак не удавалось одолеть поляков, 64-летний генерал лично возглавил атаку и первым врубился в ряды вражеской конницы. Получил 8 сабельных ран, его сбили с седла и дважды ударили пиками. Но донцы, увидев атамана в беде, налетели на польских улан и перекололи всех.

Победа под Грохово принесла перелом в войне. Однако бои продолжались жестокие. Вдобавок войска косила холера, унесшая и главнокомандующего Дибича. Сменил его Паскевич. А Власов после полученных ран 3 месяца пролежал в госпитале, но вернулся в строй. В июле разгромил поляков при Неборове, в августе при Мацевевичах. Окончательно сломить повстанцев удалось тяжелым 36-часовым штурмом Варшавы, при котором покрыл себя славой Атаманский полк. После подавления мятежа Николай I отобрал у поляков конституцию, преобразовал Царство Польское в генерал-губернаторство, ликвидировал сейм и национальную армию.

Между прочим, к этим войнам имел касательство **А.С. Пушкин**. В русско-турецкую он вместе с войсками Паскевича проделал поход на Эрзерум, участвовал в казачьей атаке у Саган-Лу, описав это в своем «Путешествии в Арзрум». А в польскую принял участие не в самих баталиях, но в информационной войне, написав знаменитые стихотворения «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» — за что подвергся ожесточенной травле со стороны «передовой общественности», которая уже в то время считала «прогрессивным» оплевывать собственное Отечество, поддерживая поляков и прочих врагов.

Два новых Казачьих Войска в польской кампании не участвовали. С бывшими задунайцами возникла проблема. Первоначально планировалось перевести их на Кубань, к сородичам. Атаман Гладкий ездил туда, осматривал земли. Но на Кавказе шла война. А

задунайцы не обладали такими навыками, как черноморцы, переселение обернулось бы для них бедой. Впрочем, имелся и еще один фактор — на Кубани сам Гладкий потерял бы положение лидера. И он обратился к царю, описав все трудности. Просил временно, пока обстановка на Кавказе не улучшится, оставить задунайцев в Новороссии. Николай в общем-то не возражал — при условии, что получится найти незаселенный участок земли, а на юге это было уже очень непросто. Но тут Гладкий постарался, изъездил все здешние края и отыскал «бесхозный» участок на Бердянской пустоши. Задунайцев переселили сюда, и в мае 1832 г. Отдельное Запорожское Войско было преобразовано в Азовское. Оно стало единственным морским Казачьим Войском — в его задачу входило морское патрулирование у берегов Кавказа и Крыма. Но задунайцев было мало, на момент переезда в Приазовье их насчитывалось 2336 человек (в том числе 687 женщин). И к Войску приписали крестьян села Новоспасовка, мещан Петровского посада, переселили добровольцев из Черниговской губернии. В 1839 г. в Азовское Войско было принято и 217 некрасовцев из числа оставшихся на турецком берегу Дуная и с невероятными трудностями вырвавшихся в Россию [243]. И о былой вражде уже помину не было, азовцы жалели их, оказали всяческую помощь в устройстве.

А Дунайскому Войску было поручено охранять границу в Бессарабии и Херсонской губернии, содержать заставы в Одессе, Измаиле, Аккермане — в этом городе разместилось правление Войска. В отошедшей к России дельте Дуная проживало и много некрасовцев. К ним царь также отнесся весьма благосклонно. Им было высочайше разрешено построить в Измаиле свою каменную церковь и даже «со звонами» — случай уникальный в правление Николая I, нетерпимо относившегося к старообрядчеству [259]. Были и надежды привлечь некрасовцев к казачьей службе, но они не оправдались. Те из них, кто остался на Дунае и в Приднестровье, уже «навоевались», предпочитали мирный труд рыбаков, перевозчиков. В казаки вступили немногие, и Дунайское Войско, как и Азовское, получилось малочисленным. Его пополнили переселенцами из Курской губернии, принимали отставных солдат, молдаван. А в 1839 г. перед правительством встал «цыганский вопрос». Цыгане кочевали по Бессарабии, Румынии, Венгрии, не желая знать никаких границ, податей, повинностей. Мошенничали, занимались конокрадством. И возникла идея решить проблему, зачислив цыган в казаки. Разумеется, это не удалось, большинство сразу ушло куда глаза глядят. Но многим понравилось, и цыгане составили почти четверть Дунайского Войска [230].

50. КАЗАЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ

Укрепление позиций государства на казачьих окраинах во многом способствовало и укреплению Церкви. Если в XVII в. храмы имелись только в центрах казачьих областей (в Сибири — в городах и крупных селах), то при Петре I всюду развернулось строительство станичных храмов. Кстати, только тогда, вместе с постройкой церкви, Петр запретил казакам жениться без священников, на майдане. Возникали новые монастыри. Например, на Дону мужские — Черниев, Кременской, женские — Старочеркасский, Ефремовский. Бекреневский и Усть-Медведицкий сперва были мужскими, потом их преобразовали в женские. Но казачье православие по-прежнему сохраняло некоторую специфику, соединяя христианство и воинские традиции. Основой для такого сочетания служили слова Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Иоанн. 15,13). Поэтому в хате на одной стене висели иконы и оружие. Казачьи монастыри, как и раньше, служили пристанищем увечных воинов. А в женские монастыри уходили вдовы, чьи мужья не вернулись из походов. Кстати, весьма красноречивая деталь — в отличие от Центральной России, казачьи монастыри никогда не пользовались трудом крепостных [219].

Особым было и положение священников. Они являлись важными фигурами казачьей общины, обязательно присутствовали на станичных кругах, могли даже прервать их, хотя сами права голоса не имели. Следили за нравственностью прихожан, вели учет родившихся,

женившихся, умерших. Выполняли и функции медиков, санитарного контроля. Но священниками, присылаемыми извне и не знающими казачьей среды, возникали трудности. И их старались готовить из своих. Кандидаты обучались при монастырях и посылались для рукоположения в епархию. А в 1757 г. атаман Ефремов добился учреждения в Черкасские семинарии. Однако и человек, рукоположенный в священники, не мог сразу получить приход. Его оценивало начальство и выбирали на станичном кругу. Об избрании составлялась «поручная записка», с которой кандидат отправлялся к архиерею, чтобы получить соответствующее место.

Лишь во второй половине XVIII в. подобное положение было сочтено ненормальным, в 1762 г. Воронежский епископ жаловался, что донские старшины, считая себя «во всем от прочих отменными», «не только в причет церковный аттестуют, но по своему рассмотрению и в причетники сами определяют и прямо в церковные дела вступают и грамоты причетские от себя дают за своими печатями». Но, несмотря на вмешательство Синода, влияние казачьих властей на местную церковь оставалось очень сильным. А как же иначе, если храмы строились и содержались на казачьи средства? Позже была выделена самостоятельная Донская епархия, и противоречия сгладились: епископ контактировал с войсковым атаманом, и таким образом оба могли воздействовать на подчиненных друг друга.

Но значительная часть казаков оставалась старообрядцами — все уральцы, гребенцы, много их было среди оренбуржцев, сибирцев, на Верхнем Дону. Впрочем, делить на старообрядцев и «православных», как делается в некоторых источниках, пожалуй, некорректно. А разве старообрядцы не православные? Правильнее говорить о сторонниках старорусского и грекорусского обрядов. К тому же и само старообрядчество разделилось на ряд направлений — беглопоповцы (принимавшие для служения беглых грекорусских священников), беспоповцы (обходившиеся без священников) и т. д. У казаков и здесь имела своя специфика. В данном случае характерен пример с гребенцами.

При Анне Иоанновне, когда в России опять взялись за старообрядцев, астраханский епископ послал в Кизляр своего «закащика» Федора Иванова, рьяно принявшегося «искоренять раскол». В 1738 г. гребенцы во главе с атаманом **Данилом Аукой** обратились к епископу Иллариону, сославшись на разрешение Петра I креститься двумя перстами. И он, вроде, согласился. Поскольку у казаков церкви были только в Кизляре и Курдюковской, а в остальных станицах молитвенные дома (без алтарей), Илларион распорядился построить алтари и совершать литургии. Казаки ответили, что все выполняют, кроме троеперстия. Но последовали новые доносы, что «они состоят в немалом расколе». Синод велел навести порядок. И Илларион указал, что если казаки «в своем двоеперстии в упрямстве будут, то не токмо духовным, но и гражданским наказанием наказаны будут». Ответ гласил: «В нашем Гребенском Войске расколу не имеетца, ибо как отцы наши, деды, прадеды издревле состояли в православной вере христианской и крестились двоеперстным крестом, так же и мы... не убавливаем и не прибавливаем». Указывали, что всем прежним царям присягали двумя перстами, что у них крестились многие выходцы из горцев, а если менять обряд, на них это плохо подействует. Поэтому казаки дали подписку о верности Церкви, но с сохранением двоеперстия — даже если придется «пострадати и умерети» или покинуть Терек.

И Илларион согласился, «понеже у них, кроме креста, иного расколу никакого нет». Но Синод настоял на своем, начались гонения. Составляли списки тех, кто не был на исповеди, взымали штрафы, отбирали иконы старого письма, снимали и отдавали под следствие священников, отправлявших службу по старому обряду. Это вызвало конфликты, побег казаков. Тут уж подняли голос светские власти, оказавшись уступчивее духовных. Кизлярский комендант заявлял, что насильно искоренять раскол невозможно, лучше прислать ученых проповедников. А если таковых нет, то не надо направлять угрожающие консисторские указы, «чтоб тем наиболее не привести казаков в развращение». Сенат, учитывая важность охраны границ, распорядился не принуждать гребенцов в вопросах веры [234].

В 1763 г. Петр III дозволил старообрядчество, и Екатерина подтвердила его решение. Однако послабления запоздали. Гребенцы отшатнулись от официальной Церкви. Наложился еще один фактор. Церковных кадров на здешней окраине крайне не хватало, а из Закавказья эмигрировали православные грузины. И было решено задействовать грузинское духовенство. Оно служило в храмах Кизляра, основало Крестовоздвиженский монастырь, посылалось в станицы. Некоторые священники и служили по-грузински, сопровождали праздники грузинскими песнопениями. Для многонационального Терско-Кизлярского Войска и переселенцев из Терско-Семейного такая церковь подходила, другой-то нет. Но для старожилов-гребенцов выглядела «чужой», не русской.

Когда началось формирование Азово-Моздокской линии, с Дона и Волги на Кавказ переселяли тоже в первую очередь старообрядцев. Поехали сюда и расколоучителя с Иргиза, из-за границы. Но они были различных толков и течений, пошел разброд. Современники писали, что терские казаки «все разных расколов». Впрочем, у казаков и раскольников трансформировалось. Отпала антигосударственная составляющая. И они оставались верными слугами Бога, царя и Отечества. Только Богу служили по-своему — как привыкли. Поэтому светская власть в обиду их не давала. Всесильный Потемкин добился у Синода разрешения для казаков-старообрядцев строить церкви. Возникали скиты — у Калиновской, Червленной, Новогладковской и др. Однако здешние скиты не стали местами, где укрывались и вели раскольничью пропаганду беглые. Они превратились в подобие традиционных казачьих монастырей. В них поселялись инвалиды, убогие, вдовы. Подрабатывали шитьем, возделывали свои сады и виноградники, помогали и станичники — продукты приносили дети и называли имя того, за кого надо помолиться. И местные власти этих скитов «не замечали».

В 1800 г. по инициативе Павла I было принято положение о единоверческой церкви — подчиняющейся Синоду, но осуществляющей богослужение по старопечатным книгам и старым обрядам. В принципе, это было именно то, чего добивались раньше гребенцы. И единоверчество широко распространилось в Уральском Войске, в него перешло более половины казаков. Но на Дону единоверческий храм возник только в одной станице, Верхне-Каргальской. А на Тереке сказался конфликт с официальной Церковью и ее «грузинский» характер, и нововедение не утвердилось. Лишь под влиянием миссионерской деятельности о. Назария (Пузина) возникла так называемая «назаровская церковь», хотя ее прихожане считали сами себя не единоверцами, а теми же старообрядцами, только «с настоящим попом, а не с самоставленником».

В 1846 г. на территории Австро-Венгрии была создана Белокриницкая старообрядческая церковь. Единство структуры, возможность поставления священников позволили ей привлечь в России многих сторонников. Но среди казаков белокриницких староверов (их называли «австрийцами») было немного. В основном религиозная жизнь общин проходила под руководством своих выборных уставщиков. А для таинств крещения, венчания, полного чина отпевания пользовались услугами либо беглых попов, либо раз-два в год представители общины ехали в Россию и за плату привозили священника оттуда. Возникали у казаков и толки, неизвестные у других старообрядцев — никуданцы, неокружники, дырники. В целом же можно согласиться с выводом историка Н.И. Великой, что «казачье старообрядчество невозможно отнести к основным течениям (поповцы, беспоповцы) или толкам (поморцы, нетовцы, федосеевцы)». Потому что оно «имело дораскольнический характер». «При отсутствии священников сложились особые формы религиозной деятельности, осуществлявшиеся под руководством наиболее нравственных и уважаемых казаков» [23].

Проникали в среду казачества и ереси, секты. В 1818 г. на Дону в Верхне-Курмоярской есаул **Евламий Кательников** создал секту «духоносцев», его последователи устраивали изнурительные посты и бдения, доходя до экстаза «богоодержимости». Секта была запрещена, Кательникова сослали на Соловки. Распространяли свои учения и баптисты («штунда»), молокане, хлысты, скопцы, адвентисты, представители «Старого Израиля» и

«Нового Израиля». Но сама направленность этих сект не соответствовала духу казачества, и они находили очень мало приверженцев.

На Кавказе же удельный вес старообрядчества постепенно снижался. В Черноморском Войске господствовало грекорусское Православие. И когда пошла массовая подпитка казаков отставными солдатами, русскими и украинскими крестьянами, они также были «нововерами». Кстати, и грузинское духовенство после присоединения Грузии схлынуло туда, а на линию стали присылать русских священников. В 1829 г. Северный Кавказ был передан в ведение Донской епархии, а в 1843 г. образована Кавказская, и казачьи станицы были подчинены обер-священнику Кавказского корпуса Лаврентию Михайловскому.

Особенности здесь наблюдались такие же, как на Дону. У черноморцев возникли свои монастыри, Мариинская женская пустынь, мужская Екатерино-Лебяженская пустынь — которая стала и школой для желающих поступить в духовное звание. Казачьи власти постоянно вмешивались в церковные дела. Так, в 1849 г. атаман Черноморского Войска Заводовский велел всем священникам три воскресенья подряд читать в церквях приказ наместника (о запрете казакам обращаться к властям через головы непосредственных начальников). Все выполнили безоговорочно, отказался лишь о. Герасим (Сперанский). Заводовский направил на него рапорт обер-священнику, но неожиданно получил резкий отлуп. Л. Михайловский указал, что «объявление в православной церкви прилично только в делах Церкви или ее догматах или... в происшествиях, касающихся дел государственных или Августейшего Императорского Дома». В прочие же вопросы «духовенство вмешивать вовсе не следует». Только после этого военные и гражданские указания стали зачитывать на сходах или возле церквей.

А отношения между представителями грекорусского и старорусского обрядов в казачестве сложились куда более терпимые, чем в неказачьей среде. Казаки одного исповедания старались жить и держаться вместе, но и антагонизма с другими течениями у них не возникало. Например, в 1801 г., когда донцов на Иргизе догнало известие о смерти Павла и отмене похода в Индию, все Войско встречало Пасху в здешних старообрядческих скитах. Вместе — атаман, офицеры, казаки. И никого это не смущало. Что ж делать, если других храмов и священников поблизости нет?

Николай I развернул новые гонения на старообрядчество, но для казаков и он делал исключение, указом от 1836 г. им разрешалось отправлять богослужение по своим обрядам. И духовенство писало, что на Тереке «раскольники открыто строили молитвенные дома, открыто держали беглых попов, заводили секты, а начальниками станиц назначались явные раскольники, даже между командирами Гребенского и других полков встречались раскольники». Без конфликтов, правда, не обходилось. В 1844 г. казак донского полка, проходившего через Червленную, узнал в станичном уставщике беглого. Епископ Иеремия настоял на аресте. Станичники, связанные воинской дисциплиной, противиться не могли. Но за уставщика вступились казачки. Вооружились мужниными винтовками, палками. Дабы их утратить, выпалили из пушек холостыми. Но женщины не испугались и бросились на солдат. С трудом «бабий бунт» все же уладили. Однако светские власти опять приняли сторону казаков. Наместник Воронцов докладывал в Петербург, что трения по вопросам веры мешают им нести службу. И в 1850 г. царь распорядился именовать раскольниками только «вредные секты» — духоборцев, иконоборцев, жидовствующих и т. д., а остальных называть староверами и не преследовать.

Религиозное отчуждение в казачьей среде порой проявлялось, но чаще в тех случаях, когда это относилось к пришлым. И объяснялось оно различиями не столько исповеданий, сколько обычаев, образа поведения, мышления. Но никакого отчуждения не наблюдалось, допустим, между знаменитым командиром полка «нововером» Н.П. Слепцовым и его подчиненными, гребенцами-староверами, сроднившимся с ним в боях. А когда в 1840-х гг. для усиления Гребенского полка в 5 станиц направили переселенцев из Харьковской губернии, принять их отказались только в Червленной, и украинцы, которых хотели в ней поселить, основали новую станицу, Николаевскую. В остальных жили вместе. В разных

концах станиц, разных слободах, молились отдельно. Но служили-то и воевали вместе. И постепенно сживались. Бывало, что и меняли исповедание. Иногда девушки из старообрядческих семей старались выйти замуж за казаков грекорусского обряда, поскольку у них отношения в семьях были свободнее. А бывало, что члены одной семьи относились к различным исповеданиям [23]. Но им нечего было делить. Они были казаками, а значит, высшие ценности являлись у них одинаковыми.

Да и что уж говорить об отношениях между разными ветвями Православия, если казаки всегда умели ладить даже с иноверцами и инородцами? На Кавказе в самый разгар войны куначились с горцами. Нередко и принимали инородцев в свою среду. На Урале в XVIII в. если казаками желали стать пленные, они обязаны были креститься, но если татары, башкиры, калмыки переходили к казакам добровольно, они могли оставаться в своей вере. В Забайкальское Войско, как уже отмечалось, вошли целыми полками язычники-эвенки и буддисты-буряты. Были даже ламы-казаки — установился порядок, что на время сборов их отпускали из дацанов, а потом они возвращались к монашеской жизни. На Тереке в Бороздинской были поселены казанские татары и тавлинцы, сохранившие мусульманскую веру. Мусульмане-башкиры вошли в Оренбургское и Уральское Войска, буддисты-калмыки — в Астраханское, Донское, Уральское.

И казаки-христиане воспринимали их как своих братьев. В чем, кстати, тоже проявлялась психология «воинов Христовых». Не дело воина обсуждать то, что решено Свыше. Если Господь по своим неисповедимым путям допускает, что кто-то верит иначе, то нужно ли и можно ли спорить с таким положением? Однако при этом не возникало и ничего похожего на экуменизм. Никогда казаки не вели дискуссий о «точках соприкосновения» религий, о возможностях их «сближения». Уважали чужие традиции, но и свои блюли. У них — свое, у нас — свое, а государство-то общее, поэтому и общей службе разница верований не мешает.

Православие было не просто верой, а фундаментом всей казачьей жизни. Как и у каждого на Руси, у казака с Церковью было связано и рождение, и крещение, и венчание, и погребение. И весь хозяйственный год был связан с церковным — после Троицы косить сено, после Рождества Богородицы убирать виноград и т. п. Но были и свои, казачьи традиции, свои почитаемые чудотворные иконы — Аксайской Божьей Матери, избавившей Дон от холеры, Урюпинской Божьей Матери, Ахтырской Божьей Матери, Табынской Божьей Матери и др. Были свои специфические обычаи. Например, церковный обряд проводов на службу. И благодарственный молебен по возвращении со службы. *Сохранился и обычай войсковых кругов. На них уже не выбирали атаманов, не принимали никаких решений, а круги стали просто общими праздниками всего Войска*. Выносились все регалии, знамена, наказной атаман и члены правления шествовали к войсковому собору, где служилась торжественная служба. Устраивался парад, угощение...

Существовали праздники, считавшиеся своими, казачьими. Покров Пресвятой Богородицы (в память взятия Казани), день Казанской Божьей Матери — защитницы России (в память освобождения Москвы от поляков), праздновался и День казачки или День матери (он приходился на Введение Богородицы во храм). Были особые дни поминовения предков. Например, на Дону — Войсковая панихида, которая служилась в субботу, предшествующую дню Покрова Пресвятой Богородицы, и сопровождалась выступлениями певческих хоров, воинскими состязаниями, трапезой. А престольный праздник станичной церкви был и праздником станицы. На майдане накрывали столы, прездновали и в домах. Это тоже сопровождалось песнями, плясками, джигитовками. И гуляли по три дня!

Правда, с некоторыми обычаями Церковь пыталась бороться (так же, как и войсковое начальство) — скажем, с кулачными боями, а на Кубани и Тереке — с пальбой в воздух на свадьбах и праздниках, «вследствие чего не проходит года, чтобы не ранили или даже не убили человека». Но такая борьба особых результатов не приносила, своих традиций казаки держались строго. Повсеместно сохранялись и те же кулачные бои, на Масленицу — взятие снежных крепостей, особенно пышно оно разыгрывалось в Оренбуржье, с маскарадными

ряжеными, специальными «воеводами». А у гребенских староверов сохранялись и вообще архаичные обряды. Скажем, на Троицу — «пускание кораблей». Такие «корабли» делались сообща, украшались цветами, лентами, на них сажали стилизованные куклы «казака» и «казачки», торжественно, всей станицей несли к Тереку и пускали на воду. После чего «корабль» требовалось потопить выстрелами, и начиналось всеобщее гулянье с плясками, песнями. У гребенцов сохранилась из неведомых глубин времени и особая форма казачьего «причастия» — прикусить кончик собственной бороды. И современники-офицеры с удивлением отмечали, что в любой момент, взяв в рот бороду и считая себя причастившимися, гребенские казаки «на явную смерть идут без размышления» [23].

51. КАВКАЗСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ВОЙСКО

Остановка ермоловского наступления на Кавказ, отвлечение войск против Персии и Турции имели катастрофические последствия. Мюридизм получил передышку, набрал силу. И снова посыпались трагические донесения. Кабардинцы уничтожили казачий хутор, 20 защитников во главе с зауряд-хорунжим **Федотовым** пали в бою, 6 мирных жителей зарезаны, 17 угнаны в рабство... чеченский набег на казачьи станицы... уничтожен пост у Червленной... банда Джембулата прорвалась к Баталпашинской, сожгла Незлобную, погибло 370 жителей [201]... Приходилось возобновлять активные действия. Черноморский атаман Безкровный одержал ряд побед за Кубанью, построил укрепление Шебш, но получил тяжелую рану в рукопашной и оставил службу. Удалось замирить карачаевцев. В 1829 г. состоялась даже первая научная экспедиция на Эльбрус. Прикрывали ее 600 солдат и 400 казаков, а на восхождение пошли 6 ученых, 20 казаков и проводник-кабардинец Киляр. Так что и первыми русскими альпинистами стали казаки.

Однако Кази-Мухаммед взбунтовал всю Чечню. В ноябре 1831 г. чеченцы ворвались в Кизляр и разграбили его, угнав горожан в горы. Затем атаковали Бурную и Внезапную. Были отбиты, но разорили окрестности. Это переполнило чашу терпения, против имама были брошены крупные силы. Несколько раз били его отряды, загнали в аул Гимры и в августе 1832 г. взяли его штурмом. В рубке погибли Кази-Мухаммед и все его мюриды. Спасся только один — прикинувшийся мертвым раненый Шамиль. В восточной части Кавказа настало затишье, но оно было кажущимся. У Кази-Мухаммеда нашелся преемник Гамзат-бек. Который, не трогая пока русских, принялся покорять горские народы, сохранявшие лояльность к России. Коварно умертвил аварских князей, и в отместку за это был убит сам. Его место занял Шамиль — не только фанатичный имам, но и талантливый организатор. Разослал своих наместников-наибов по всему Кавказу, наладил связи. С середины 1830-х закипело повсюду — на Кубани, в Кабарде, Чечне, Дагестане.

Россия наращивала силы на Кавказе. Для централизации и лучшего руководства в 1832 г. все казаки Кавказской линии, кроме черноморских, были объединены в Кавказское линейное Войско, в которое вошли полки — Кавказский, Кубанский, Хоперский, Волгский, Моздокский, Гребенской, Кизлярский (вобравший в себя Терско-Семейное и Терско-Кизлярское Войска). Первым наказным атаманом Войска стал генерал-майор **П.С. Верзилин**. Позже полки были преобразованы в бригады, выставлявшие по несколько полков — например, 1-й Хоперский, 2-й Хоперский и т. д. Кавказский корпус развертывался в армию, в него переводились новые дивизии. Но это вело только к большим потерям. Солдаты и офицеры свежих частей не имели нужной выучки, посты вырезались и похищались. А в густые войсковые колонны горские пули летели без промаха. И не хватало того, чем выигрывал Ермолов — планомерности и систематичности. Операции предпринимались разрозненно, в ответ на действия противника, и решающего успеха не приносили.

В оружии и деньгах горцы недостатка не испытывали, их щедро обеспечивала Турция и ее покровители, Англия и Франция. Чтобы перекрыть этот поток, на Кавказ был возвращен помощник Ермолова А.А. Вельяминов, под его руководством стала строиться Черноморская

береговая линия от Анапы до Сухуми. Первый десант высадился в 1830 г. у Гагр, второй в Геленджикской бухте. Были основаны укрепления Новороссийское, Новотроицкое, Михайловское, Вельяминовское (Туапсе), Лазаревское, Головинское, Навагинское (Сочи), Св. Духа. Но этот край был тогда отнюдь не курортным. Маленькие укрепления простреливались с гор, с внешним миром были связаны только по морю. Побережье было болотистым, свирепствовала малярия. Бывало, что гарнизоны вымирали за год. Но солдаты вырубали лес, брали берега под контроль. В десантных операциях, строительстве, связи с постами, пресечении провоза оружия участвовали Черноморский флот и Азовское Казачье Войско. В нем было сформировано 10 команд по 20 казаков (позже число команд дошло до 26), они патрулировали на специально построенных баркасах, которые базировались на Сухумской и Константиновской станциях [117]. Наши моряки, солдаты и казаки неоднократно захватывали суда со смертоносной контрабандой. В марте 1835 г. две шхуны и целый склад оружия были с боем уничтожены у Новороссийска, в 1836 г. там же конфисковали английское судно «Виксен» с грузом винтовок.

Чтобы прикрыть Закавказье от нападений чеченцев и лезгин стала строиться Лезгинская линия — от Кодор до Нухи. В самой Чечне и Дагестане шли тяжелые бои — под Могохом, Гоцатлем, Гимрами, Хунзахом, Ашальты, Ахульго. 17 июня 1837 г. Шамиля все же удалось блокировать в ауле Тилитль. И... он сдался. Принес генералу Фези присягу, пообещал покорность, согласился отправить в Россию сына. И был отпущен на все четыре стороны! В результате этой гуманности плоды всех усилий оказались перечеркнуты. Сын Шамиля, кстати, встретил в Петербурге отличный прием, был определен в офицерское училище. Но его отец опять использовал передышку, чтобы собрать силы, и нападения возобновились. Кстати, имам отнюдь не был бескорыстным «борцом за свободу», от всех горцев ему шла пятая часть добычи, и он стал одним из богатейших людей своего времени. Турецкий султан произвел его в «генералиссимусы Кавказа», при нем действовали английские инструкторы, 3 тыс. польских повстанцев, неосмотрительно сосланных в этот край, появилась своя артиллерия.

В ответ следовали очередные экспедиции, кровопролитные штурмы аулов. Возможно, читателю известна байка о кантонистах — дескать, ездили при Николае I по Волыни армейские повозки, хватали еврейских детей и обращали в кантонистов. Это беспардонная ложь, пущенная сионистами и подхваченная нашими либеральными писателями. Школы (батальоны) кантонистов были учреждены для сыновей семейных солдат. Но огромный приток в них дал Кавказ. Государство брало на попечение, принимая в кантонисты, казачьих детей, чьих родителей вырезали или угнали горцы. И подобранных в развалинах селений осиротевших детей горцев. На предложения русского командования выпустить из осажденных аулов мирное население мюриды всегда отвечали отказом — ведь если при обстрелах и штурме убьют непричастных жителей, их родственники захотят мстить, а западная пропаганда получит повод вопить о «зверствах русских». Зато сам Шамиль из всех осад неизменно ускользал.

В 1839 г. успеха добились кубанские казаки, в бою с ними погиб лидер черкесов Казбич. Но этим воспользовался Шамиль, послал на Западный Кавказ своего наиба Магомет-Амина, объединившего местные племена. В 1840 г. массы черкесов хлынули на приморские посты. Погибли гарнизоны фортов Лазаревского, Головинского, Вельяминовского, Николаевского. В Михайловском укреплении, когда пали почти все 500 защитников во главе со штабс-капитаном Лико, рядовой **Архип Осипов** взорвал пороховой погреб. Он стал первым русским солдатом, навечно зачисленным в списки части. А Шамиль, найдя общий язык с дагестанским лидером Хаджи-Муратом, перешел в наступление и на восточном фланге. Русские гарнизоны погибли или оказались осаждены. С большим трудом их удалось деблокировать и вывести. И Дагестан попал под контроль Шамиля.

И все же положение на правом фланге Кавказской линии стало меняться к лучшему. Способствовал этому генерал **Григорий Христофорович Засс**. Он начал службу гусаром, отличился под Лейпцигом, командовал Моздокским казачьим полком, потом самым

беспокойным Баталпашинским участком на Кубани. И был назначен начальником правого фланга Кавказской линии. Он вернулся к планам Ермолова. Громил банды черкесов стремительными рейдами, но вместе с тем начал продвигаться укреплениями. С 1840 г. стала строиться Лабинская линия и был основан Лабинский казачий полк, заселявший ее. Одна из станиц и сейчас носит имя Засса. Он организовал агентурную разведку, применял разные военные хитрости и даже мистификации — Засс обладал искусством иллюзиониста, и горцы стали считать его колдуном, пугали им детей.

Кавказская армия была вообще богата яркими личностями. В 1842 г. Засса сменил **Сергей Дмитриевич Безобразов**, блестящий придворный аристократ, получивший известность тем, что приревновал жену к самому царю и дал ему по физиономии, за что и отправился на Кавказ. За особый шик и отчаянную храбрость его прозвали «казачьим Мюратом». Но и организатором он оказался отличным, успешно продолжив оборудование новых рубежей.

На левом фланге было хуже. Мюриды выработали весьма эффективную тактику: когда в горы выступала русская экспедиция, она встречала на пути завалы из деревьев. Пробивалась через них под пулями из лесной чащи. Жители успевали уйти в горы и угнать скот. Отряд, добравшись до места, рушил пустые сакли. А на обратном пути уже собирались горцы со всех окрестностей, снова перекрывали дорогу завалами, и экспедиция двигалась под непрерывным огнем, неся большие потери. Особенно трагичной стала «сахарная экспедиция» в 1845 г. Дойдя до аула Дарго и разорив его, войска были отрезаны и лишены продовольствия. Пришлось пробиваться назад к обозу, потом выводить части из ловушки. Урон составил 3 тыс. человек, погибли 3 генерала. После этого новый главнокомандующий М.С. Воронцов вернулся к ермоловскому плану «осады». С Кавказа были выведены 2 лишних корпуса. А оставленные войска повели сплошную вырубку лесов, прокладку дорог. Опираясь на строящиеся базы, наносились удары по горным районам. Освободившиеся земли заселялись казаками.

Их роль в Кавказской войне была огромной. По-прежнему творили чудеса пластуны. И в дополнение к первому батальону было создано еще пять. Но на Кавказе сражались не только кубанцы и терцы. На морском побережье азовцы помогали восстанавливать разрушенные форты. Сменяясь через 4 года, в Грозном несли службу 2 сотни Дунайского Войска, посменно находились на боевом дежурстве 10 донских и 3 астраханских полка. Прославились своими подвигами донец **Степан Полунин**, в одиночку принявший бой с 20 чеченцами и выигравший его, хорунжий **Погожин**, выстоявший под Нефтянкой с 40 казаками против 400 чеченцев. Но в целом донцы на этом театре уступали кавказским Войскам. Они учились сражаться в чистом поле, и горцы не считали их серьезным противником, за бесполезные пики презрительно называли «жамыш». К тому же донские полки, приходя на Кавказ, растаскивались по сотням для сопровождения почты, курьеров и других нужд [63].

Изменил это положение «донской богатырь» **Яков Петрович Бакланов**. Уроженец станицы Гугнинской (которая впоследствии в его честь будет переименована в Баклановскую), за доблесть в турецкой войне он был произведен в офицерский чин. В 1834 г. сотником попал на Кавказ, отважно дрался на Кубани под началом Засса и признавал — «спасибо Зассу и горцам, они многому меня научили». Потом служил в Новочеркасском учебном полку, а в 1845 г. был направлен в Чечню командиром полка № 20. И свою часть, размещенную в Куринском укреплении, он сделал образцовой. Первым делом велел убрать для парадов мундиры, а одежду добывать самим — передевались в трофейные черкески и бешметы. И переворужились трофейными шашками, кинжалами, длинноствольными винтовками. Из отбитых табунов выбирали лучших коней. В каждой сотне один взвод обучался саперному делу. Бакланов завел в полку учебную сотню, пластунскую команду из лучших стрелков и разведчиков. И впервые — ракетную батарею. Яков Петрович очень тщательно изучал местность, создал среди горцев сеть агентуры. Вскоре его имя загремело по всему Кавказу. Его никто не мог застать врасплох, наоборот, он сам неожиданно сваливался

на голову врага. Громил мюридов, разорял их базы, угонял скот. Наводил ужас на всю Чечню, и горцы стали считать, что он «даджал» — черт.

Бакланов не разуверял в этом врагов. Напротив, переняв приемы Засса, поддерживал такие убеждения. Однажды группа чеченцев попросила у казаков взглянуть на Бакланова. Он сразу согласился. Будучи и без того огромного роста и устрашающей внешности, сунул руку в печь и вымазал сажей лицо. И поднялся навстречу, свирепо вращая глазами. Делегаты в ужасе вылетели вон, разнося весть, что он и впрямь чудовище. Пугая врагов и порождая легенды о своей неуязвимости, Бакланов всегда шел в бой в видной издалека ярко-алой рубашке. Впрочем, был случай, когда он в страшную жару спал, раздевшись догола — и произошло нападение чеченцев. Накинув только бурку и шашку, он в таком виде возглавил атаку, что тоже вызвало у горцев переполох. А потом от неизвестного адресата ему пришла посылка, черное знамя с черепом и костями и надписью «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Очень может быть, что посылку инициировал сам Бакланов. Во всяком случае он поднял знамя над полком. Казаки сперва были смущены столь мрачной символикой, но увидев, какую панику наводит знамя на горцев, полюбили его.

Не в силах одолеть Бакланова в бою, Шамиль нанял лучшего стрелка, хваставшего, что промахнулся лишь раз в жизни, ребенком. Он поклялся на Коране убить казачьего героя. Когда рубилась очередная просека, лазутчик сообщил Бакланову, что стрелок завтра будет сидеть в засаде на кургане. Полковник отправился туда вдвоем с ординарцем, а потом оставил и его. В этом было не только рыцарство, но и ювелирный психологический расчет. Убийца готовился стрелять исподтишка. А увидев, что сам Бакланов едет прямо к нему, один, заволновался и промазал второй раз в жизни. Полковник же спокойно слез с седла, приложился к винтовке и стал ждать. Горец нервничал, заряжал торопливо, выпалил, толком не прицелившись, а едва высунулся, пуля Бакланова угодила ему между глаз. Восхищались не только казаки. Чеченцы, издали наблюдавшие за поединком, кричали: «Якши Боклю!»

Слава Бакланова, как человека совершенно необыкновенного, быстро распространилась за пределы Кавказа. В 1847 г., когда на Дону разразилась эпидемия холеры, люди лечились «баклановской настойкой» — ядренейшей, на спирту, но верили, раз «баклановская», то должна помочь. А в 1850 г., когда полк № 20 сменился с боевого дежурства, Бакланов по высочайшему указу был оставлен на Кавказе, принял полк № 17 и его тоже сделал образцовым.

Но казаками здесь становились не только от рождения. Во время посещения Кавказа в 1837 г. Николай I распорядился о создании на линии военных поселений. В них определяли семейных солдат, давали участки земли. Это были последние в нашей истории военные поселения — и единственные жизнеспособные. Потому что устраивались без муштры и мелочной регламентации, по образцу казачьих станиц. И поселенцы со временем слились с казаками. В казаки были поверстаны нижние чины Куринского полка, ставропольские крестьяне, в 1840-х гг. в станицы направлялись переселенцы с Украины и Центральной России. Таких казаков называли «приписными». Но не надо путать с приписными крестьянами. Это разные категории. Например, ранее отмечалось, что Потемкин покупал крестьян и поселил в Екатеринославском Войске — однако они при этом остались крестьянами. Были приписные крестьяне и в других Войсках, где больше, где меньше. Они не имели казачьих прав, не привлекались к службе, только платили подати и исполняли повинности не в пользу государства или помещика, а в пользу Войска. Приписка же крестьян и горожан в казаки тоже практиковалась давно (скажем, при образовании Оренбургского, Азовского Войск). Но сам термин «приписные казаки» родился в Кавказскую войну. Они получали все казачьи права и обязанности, а особенности быта и службы перенимали у потомственных казаков.

Часто и офицеры к казакам назначались «со стороны». Разумеется, «оказачивались» не все. Откроем, например, повесть Л.Н. Толстого «Казаки», созданную в это время и описывающую гребенскую станицу Старогладковскую. Очевидно, в образе Оленина автор отразил себя в пору армейской молодости. Мы видим человека, зараженного типичным

либерализмом «культурного общества», сокрушающегося, как же это плохо — война, какое это зло — походы против чеченцев. Внутренний мир его совершенно искусственный, надуманный, загруженный нелепыми наворотами литературных и светских стереотипов. Но наряду с этим Толстой сумел объективно показать и мир казаков — цельный, яркий, живой. Оленина невольно тянет к ним, он даже размышляет, «не записаться ли» ему в казаки, однако это только очередная мысленная игра. Ему по душе другая роль, «белого человека», попавшего к «дикарям». И сам он абсолютно чужд казакам.

Но были и офицеры, которые не примеривались «записаться» в казаки, а становились ими. По своему внутреннему складу, по натуре. Скажем, **Феликс Антонович Круковский**. Поляк, шляхтич из Гродно. Служил в кавалерии, на Кавказе возглавил сперва Терско-линейный, потом Хоперский казачьи полки. Прославился в боях с чеченцами, дагестанцами, кабардинцами, в 1843 г. отстоял Пятигорск от огромной банды горцев, получив орден св. Георгия IV степени. И был назначен наказным атаманом Кавказского линейного Войска. Стал для казаков поистине «своим», его любили и гордились им. Он и был казаком, и в трудных походах, и в быту. Даже регулярно ходил в православную церковь, хотя сам был католиком.

Еще более яркий пример — **Николай Павлович Слепцов**. Так же, как Л.Н. Толстой (и его персонаж Оленин), из очень богатой аристократической семьи, пензенский дворянин. Так же, как они, ушел юнкером на Кавказ. И если Платов, Бакланов являются «легендами Дона», то Слепцов стал «легендой Терека». Его отвага поражала даже старых кавказцев, которых трудно было этим удивить. Быстро прошел все офицерские чины, был назначен командиром Сунженского полка. В 1845–1850 гг. руководил заселением Сунжи казаками с Терека и Кубани. Место было очень опасное, горцы старались уничтожить новоселов. Каждую минуту требовалось быть готовыми бросать все и отражать врага или нестись на помощь соседям. Налаживанием мирной жизни и непрерывными боями умело руководил Слепцов.

Историк И. Лукаш писал: «Слепцов — это цвет молодой имперской нации, один из тех, кто был на самых верхах ее, барин до кончика ногтей, изящный и тонкий человек, стал на Сунже истовым казачьим атаманом... Он всегда и во всем был красив прежде всего. Красивы и его курчавые черные волосы в серебре ранней седины, и его говор — скорый и звонкий, слепцовский, и его порывистые соколиные движения, и его светло сверкающий взгляд. В нем всегда движется стремительная, слепцовская красота, и в шумных пирах с кунаками и приятелями, хотя бы с тем же Сергеем Мезенцевым, тоже барином, ставшим гребенским казаком, и в том, как он, вспыхивая желтой черкесской, проносился перед казаками со звонкой командой: «На конь, за мной, Сунжа!»

В 1850 г. Слепцов наголову разгромил крупные силы чеченцев у Цоки-Юрта и Датыха, был произведен в генерал-майоры. Но носил генеральские эполеты недолго. Гнездом разбойников был аул Гехи. Горцы укрепились мощными завалами, даже пушками. В 1851 г. Слепцов возглавил поход туда и при штурме был ранен. Его вынесли на бурке, успели доложить, что завалы взяты. Он сказал: «Ну и то слава Богу!», перекрестился и умер. Современник писал: «Чтобы понять, как любили Слепцова на Сунже, достаточно было видеть, что там происходило, когда везли его тело. Все население высыпало навстречу, и все от мала до велика рыдали. Слепых подводили к гробу, матери клали на его крышку грудных детей».

Да, мюридов начали одолевать, но потери были не менее горькими. Шамиля все дальше загоняли в горы, лишили плодородных равнин. Когда была прорублена очередная просека на р. Мичик, он решил дать большое сражение. Экспедицию Барятинского встретили у Гудермеса главные силы мюридов. Их отразили. Но между Гонсалем и Мичиком Шамиль собрал огромную массу кавалерии, обрушившуюся на русских. К эпицентру сечи стремительно подоспел Бакланов. С ходу развернул ракетную батарею, сам наводил установки, и 18 ракет врезались в скопища врагов. А затем казаки и драгуны во главе с Баклановым ринулись в атаку, опрокинули войско Шамиля, гнали и рубили. Победа была

полной. Бакланов был произведен в генерал-майоры и награжден орденом св. Георгия IV степени. Но в этой же экспедиции при штурме аула Дуба был убит наказной атаман Линейного Войска Ф.А. Круковский...

Кстати, Кавказская война оставила еще один след в казачьих традициях. Николай I всегда лично регламентировал воинскую форму вплоть до деталей. Как-то ему довелось увидеть кавказского служаку, сдвинувшего шапку на бок, но царю это вдруг понравилось. И в 1848 г. он издал указ, что чинам Кавказского корпуса «ради лихости» предписывается носить шапки «немного на затылок, с наклоном на правую бровь, так, чтобы левая сторона чела наискосок была открыта» [201]. *Отсюда и пошел казачий обычай носить головные уборы набекрень.*

52. СОСЛОВИЕ?

Николай I, царь-воин, казаков любил. Уважал их особенности. Впрочем, и эти особенности старался использовать с пользой для государства и династии. И в 1827 г. провозгласил своего 9-летнего наследника Августейшим атаманом Казачьих Войск. Великий князь **Александр Николаевич** (будущий Александр II), стал первым единым атаманом для всех Казачьих Войск России. При этом донской Атаманский полк был переименован в Лейб-гвардии Наследника Цесаревича Атаманский полк. Всего же в истории казачества было 5 Августейших атаманов: после Александра Николаевича ими становились наследники **Николай Александрович** (умерший до вступления на престол), **Александр Александрович** (Александр III), **Николай Александрович** (Николай II) и **Алексей Николаевич**. А жены наследников получали титул «атаманши». Это, кстати, единственный случай, когда термин «атаманша» употреблялся вполне официально.

При Николае I была разработана и принята «вторая волна» положений о Казачьих Войсках. История их весьма своеобразна. Первые положения носили самый общий характер. После смерти Платова в 1818 г. наказным атаманом Дона стал Адриан Карпович Денисов. И нашел войсковые дела в страшно запутанном состоянии. Платов не считал нужным заниматься бумажной мелочевкой, поступал так, как считал необходимым, а на приходившие из столицы требования отчетности ему было глубоко начхать. Но то, что прощалось Платову, не прощалось другим. И Денисов, человек обстоятельный, предложил составить новое положение о Войске Донском — такое, чтобы четко регламентировало все стороны жизни. Александр I инициативу одобрил, велел собрать все юридические акты по Войску Донскому и создать комиссию. Однако эти акты противоречили друг другу, как и интересы различных групп казачества. Вокруг положения развернулись такие интриги, что полетел со своего поста Денисов, а потом еще несколько атаманов. Выработать положение удалось лишь в 1825 г. — но умер Александр I, а новому царю доложили, что документ никуда не годится. Возня благополучно продолжилась, и положение было принято лишь в 1835 г.

Оно уточняло порядок управления. Вторым лицом в Войске становился начальник штаба. По гражданской части учреждалось Войсковое правление. Территория Войска делилась на округа, во главе их стояли окружные генералы. В Войске и округах вводились приказы общественного призрения, врачебные управы, почтовые конторы, дворянские собрания. Управление в станицах осуществляли станичный атаман, 2 судьи и 2 писаря. Общий срок службы казаков определялся в 30 лет, 25 полевой и 5 внутренней. Полевая — в строевых частях, внутренняя — в качестве посыльных, сторожей, писарей, в полиции. Начинать ее казак в 17 лет, прибывал на смотр и зачислялся «малолетком». До 19 лет отбывал «сиденочную повинность» — обучался и нес внутреннюю службу, потом шел в полк на 3 года, а на Кавказ — на 4. Потом отпускался на 2 года домой на льготу, и снова шел на службу. И так до 4 раз.

Как и прежде, положение о Войске Донском стало образцом, по нему стали перерабатываться положения о других Войсках. Войска были разделены на «кавказские» — Черноморское и Кавказское Линейное, и «степовые» — все остальные. Были и другие

изменения. В 1828 г. Николай I утвердил перечень казачьих чинов: казак, урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник, полковник. Увеличивалась боевая сила полков, они стали не пяти-, а шестисотенными, каждая сотня состояла из 144 казаков. Для упорядочения формирования полков были учреждены «отделы» — каждый отдел выставлял полк. Совершенствовалось вооружение. В 1832 г. было принято казачье ружье «азиатского типа». А в 1838 г. сабли кавалерийского образца официально заменила казачья шапка. Для кавказских Войск были оставлены и кинжалы. В 1840 г. изменилась форма одежды. Для степовых Войск обмундирование осталось по типу донского, но стало более просторным и удобным. А для Черноморского и Кавказского Линейного официально утверждалась черкеска.

Историки механически переписывают друг у друга вывод, что в XIX в. казачество, мол, окончательно превратилось в «служилое сословие». Что ж, в России действительно существовало деление на сословия, и казаков выделяли как одно из них. Но при этом почему-то никто не задумывается: а какие же еще были в нашей стране служилые сословия? Дворянство? Оно имело возможность служить не только по военной, но и по «статской» линии. К тому же при Петре оно массами уклонялось от службы, уже при Анне Иоанновне получило поблажку — освобождение для одного из сыновей, а при Петре III — указ о «вольности дворянской», делавший службу вообще не обязательной. Солдаты сословием не являлись, они набирались из крестьян. И попасть в рекруты почиталось величайшим бедствием.

У казаков — совсем иное. Тут было позором не служить. Того, кто по каким-то причинам уклонился от похода, остался дома, презрительно дразнили «осташкой». И положения о Казачьих Войсках отнюдь не вводили чего-то принципиально нового. Они лишь фиксировали, старались упорядочить и приспособить к нуждам государства те принципы, которые выработались у казаков сами собой, «снизу». Казаки по-прежнему считали себя «воинами Христовыми», хотя в новых условиях это понятие обрело несколько иное содержание. Они становились воинами не по рекрутской разнарядке, а по рождению. То есть призывались самим Господом. И служили, если уж на то пошло, не 30 лет, а всю жизнь. Играет казачонок, скачет на палочке верхом — уже готовится к будущим походам. Потом в строю служит. Состарится (если доживет) — учит казачат, передает им свой опыт, традиции. Получается, тоже служит. А отставку ему дает только Господь, когда к Себе призовет отчет о службе дать...

Причем юридические обязанности государства по отношению к казачеству не выполнялись никогда. На пай полагалось 30 десятин, но земли на Дону не хватало. Умножилось казачье дворянство, создавшее крупные хозяйства с крепостными. Станичные юрты стеснялись помещичьими владениями. Однако и количество казаков росло... Правительство обращало на это внимание при Екатерине, Павле, Александре, Николае. Проводились размежевания, помещикам выделялись в компенсацию другие земли на р. Миус. Но некоторые уклонялись от переселения. А в это же время производились новые офицеры, назначались войсковые чиновники, им полагался больший пай в зависимости от чинов. После ухода в отставку пай за ними сохранялся вместо пенсии. И реальный пай рядового казака составлял 7-10 десятин.

На Урале землю и на пай не делили, она была неплодородной. В низовьях земледелие было невозможно, здесь паем было право участвовать в рыбных ловах и равная доля в уловах. А в верховьях землю обрабатывали вместе, всей общиной, иначе поднять ее было нельзя. На Тереке земли теоретически хватало, но плодородной было мало. Да и на Кубани вроде бы хватало, но попробуй возделай ее под постоянными ударами горцев. Так где уж тут привилегии «служилого сословия»? Нет, действовал иной фактор, не материальный, а психологический — в службе православному Отечеству казаки видели высший смысл своей жизни.

Уже отмечалось, что казачество по-прежнему широко пополнялось извне. Но такие, как Н.П. Слепцов, становились казаками не из-за того, что их назначили в казачью часть, а по

своему душевному призванию. А душевное призвание — стало быть, все равно Господь призвал. Все равно войны Христовы. Солдаты, 25 лет прослужившие на Кавказе, сумевшие при этом выжить, а потом, несмотря ни на что, желающие остаться здесь, уже были почти казаками. Как и «оказываемые» крестьяне Кавказской губернии, выросшие с оружием, в условиях постоянной опасности. Ну а те, кого переселяли на Кавказскую Линию с Украины и Центральной России, хорошо знали, что тут идет война, что надо будет самому отбивать для себя землю и защищать ее. И ехали отнюдь не все. Обычно это были добровольцы. Нередко дополнительным стимулом перебраться на Кавказ была память о своем происхождении от малороссийских, слободских, служилых казаков. Но даже те, кого направляли сюда в приказном порядке, по жребию, не все становились казаками — они имели возможности откупиться, уклониться, сбежать. Ну а на месте добавлялся «естественный отбор». Одни погибали, другие удирали, третьи и в самом деле «оказывались».

Конечно, в первом поколении сохранялись различия. «Старолинейцы» свысока смотрели на «новолинейцев», поселившихся на Кавказе позже. А те и другие свысока смотрели на приписных. Но в суровом горниле войны новые компоненты быстро переплавлялись и «приваривались» к каркасу старой основы. И дети, внуки приписных ощущали себя уже потомственными, уже сами скептически косились на новых приписных. То есть, как и в более ранние времена, казачество пополнялось не случайным образом, а вбирало в себя людей определенного склада и энергетики. И если они становились казаками не по рождению, а вытянув переселенческий жребий, вызвавшись добровольцем, попав служить солдатом в кавказский полк, то в целом-то получалось, волею судьбы. Значит, тоже Господь призвал.

Нет, казачество — это было явно нечто большее, чем сословие. Казаки становились чиновниками, священнослужителями, генералы и офицеры получали дворянство, были и торговые казаки. Стало быть, они переходили уже в другие сословия? Но они все равно оставались казаками! Получается, несколько сословий внутри одного сословия? Да и казачьи начальники, каких бы чинов и почестей не достигали, в первую очередь считали себя казаками. Взять хотя бы героя Отечественной, Кавказской и Польской войн Максима Григорьевича Власова 3-го. В 1836 г. царь лично пригласил его к себе, и даже не приказал, а просил послужить еще, невзирая на возраст и раны, назначил войсковым атаманом Дона. Впрочем, доверие не помешало Николаю I на следующий год круто взгреть Власова. Возвращаясь с Кавказа, император устроил в Новочеркасске строевой смотр, и, будучи завзятым «фрунтовином», был возмущен: «Я ожидал увидеть 22 полка казаков, а увидел 22 полка мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!»

Что ж, атаман критику учел. Для улучшения лошадей было издано положение о войсковых табунах и устроен войсковой племенной завод. *А в 1838 г. под руководством Власова были изданы «Правила для состава и построения казачьих полков» — первый казачий строевой устав*, где сочетались и традиционные приемы «лавы», и перестроения шеренг и колонн полка, сотен, взводов, правила пешего строя, церемониального марша, выноса и относа знамени. «Регулярство»? Нет, перехода к «регулярству» не произошло. Сохранилось своеобразие, но еще и соединилось со строевой подтянутостью и молодцеватостью, чем казаки тоже стали гордиться. Кстати, при введении этих правил подкорректировались и казачьи звания. Для тех же перестроений сотен, полусотен, взводов существующего младшего комсостава оказалось недостаточно, *и было введено звание приказного (соответствующее ефрейтору), а чин урядника разделился на два — старшего и младшего урядника.*

Власов всего себя отдавал служению не только Отечеству, но и казачеству. Мог, например, на свадьбе наследника престола в присутствии всего иностранного дипломатического корпуса встать перед царем на колени, испрашивая повысить жалованье подчиненным. Император был этим очень недоволен, шептал: «Встань! Ты меня позоришь!»

А атаман потом пояснял генералу Чернышеву: «Да черт бы побрал всех иностранных послов наших, что мне они! Да перед кем стал я на колени, ведь перед самым царем! Да и зачем я стал перед ним на колени! Себе, что ли, милость выпрашивал какую — нет, я просил за его же царских верных слуг, которым есть нечего». В 1848 г., когда на Дону началась эпидемия холеры, 81-летний атаман лично возглавил борьбу с ней, объезжал станицы. И умер, заразившись при посещении больного казака.

А на Кубани таким «батькой» был **Николай Степанович Заводовский**. Начал службу в 12 лет в боях с горцами, участвовал в Отечественной и турецких войнах. В 1828–1829 гг. во главе казачьих полков брал Карс и Ардаган. Стал не только наказным атаманом Черноморского Войска, но, сохраняя этот пост, был назначен начальником войск всей Кавказской линии, получил чин генерала от кавалерии. Тем не менее продолжал лично водить казаков в походы. А верным помощником, замещавшим Заводовского в Екатеринодаре, был начальник штаба Войска генерал-лейтенант **Григорий Антонович Рашпиль**. Тоже храбрый воин, организовывавший ежегодные походы на черкесов. Но и весьма талантливый хозяйственник и администратор. Именно при нем (но и благодаря успехам в борьбе с горцами) начался расцвет Кубани, ее хозяйственный подъем. С нерадивостью и нарушениями дисциплины Рашпиль боролся очень просто, нагайкой. Будучи самоучкой, поощрял просвещение. Наряду с военными действиями первым принялся налаживать сосуществование с черкесами, обращал их к мирной деятельности, допустил на ярмарки в Екатеринодар. Увы, в 1852 г. Рашпиль был снят с должности за пристрастие к горячительным напиткам — хотя при этом передал дела преемнику в образцовом порядке. А Заводовский умер в 1853 г. — в возрасте 75 лет, но в боевом походе, за Кубанью.

И все же подобный «казачий патриотизм» государственному руководству не нравился. Поэтому Власов стал последним на Дону, а Заводовский — последним на Кубани дореволюционным атаманом из родовых казаков. После Власова был назначен генерал **Михаил Григорьевич Хомутов**, после Заводовского — блестящий генштабист **Григорий Иванович Филипсон**. Никаких эксцессов и конфликтов это не вызвало, казаки их прекрасно знали, и сами они знали казаков. Хомутов перед этим 10 лет являлся начальником штаба Войска Донского, а Филипсон был старым кавказцем, начальником штаба Кавказской линии. И официальных запретов на назначение войсковыми атаманами потомственных казаков не вводилось. Но негласно это превратилось в правило. Казачьих генералов стали назначать на неказачьи военные и административные посты, а во главе Казачьих Войск ставить армейских генералов.

53. ПРОТИВ ВСЕЙ ЕВРОПЫ

В 1848 г. покатился вал революций — во Франции, Италии, Германии. В Австрийской империи восстали венгры. Громили немцев, славян, румын. И император Франц-Иосиф обратился с мольбой о помощи к России. Очаг напряженности у русских границ был слишком опасен, видное место в рядах мятежников занимали польские офицеры, не скрывавшие планов перенести пожар в Польшу. Было разумно погасить его в зародыше, да и Австрия в хаосе, охватившем Европу, представлялась естественной союзницей. В 1849 г. Николай I двинул армию Паскевича через Карпаты. В ее составе были 8 донских полков, части кавказских линейцев. Венгерская армия Гергея стала отступать в Трансильванию, на соединение с корпусом Бема. Прикрывалась арьергардами. В битве у Дебрецена корпус Надь Шандора попытался задержать русских. Отличился Кубанский дивизион, разметавший венгерских гусар. Дружными атаками неприятель был разгромлен.

А против Бема в Трансильванию выступил из Молдавии русский корпус Лидерса. Мадьяры атаковали его, но были разбиты при Сигишоаре. Казаки 1-го Донского полка полковника **Михайлова** захватили 2 знамени, 8 пушек, в рубке с ними погиб национальный поэт Венгрии Шандор Петефи. В другом бою, под Мюленбахом, оказалось достаточно одной лишь лихой атаки того же 1-го Донского полка, и отряд Бема из 8 тыс. бойцов был

опрокинут, полегло 500 мадьяр, 1800 попали в плен при потерях с нашей стороны 5 убитых казаков и 34 раненных [77]. Корпус, на соединение с которым шел Гергей, перестал существовать. Повстанцев зажали с нескольких сторон, и им осталось только капитулировать. Гергей оговорил лишь, что сдается русским, а не австрийцам, которых венгры презирали.

Вся кампания продлилась 1,5 месяца и не только замирила Австро-Венгрию, но и позволила дипломатическими мерами стабилизировать положение в Германии — немецкие революционеры перепугались, что и к ним нагрянут «казаки», и король смог взять ситуацию под контроль. Австрийцы, восстановив порядок у себя, подавили итальянскую революцию. Скатывание Европы в катастрофу было предотвращено. Но для России политические последствия стали горькими. Массонские правящие круги Англии и Франции очередной раз убедились, что Россия является главным препятствием их разрушительным планам. И начали сколачивать против нее общеевропейский фронт.

Чтобы спровоцировать конфликт, использовали Турцию. Чувствуя за собой силу западных держав, она стала вести себя вызывающе. Ключи от храма Гроба Господня в Иерусалиме, находившегося под покровительством царя, султан демонстративно передал французам. Покатились притеснения православных. А в октябре 1853 г. без объявления войны турецкий десант напал на форт Св. Николая на Черном море и уничтожил 400 человек гарнизона. Османы вторглись и в Закавказье, разоряя окрестности Александрополя. Считая это лишь провокацией, сюда был направлен 7-тысячный отряд князя Орбелиани — и обнаружил вдруг, что против него под Баяндуром стоит 40-тысячная армия Ахмет-паши. Враг атаковал, находившееся в наших войсках татарское ополчение кинулось наутек, и удар конницы в несколько тысяч сабель обрушился на единственную сотню донцов. Спасла ее казачья батарея есаула **Кульгачева**, влетевшая в самую сечу и в упор полившая врага картечью. Русские отбивали атаки, пока не подошло подкрепление — небольшое, 3 батальона, 6 эскадронов и 9 казачьих сотен генерала Бебутова. Но турки не рискнули продолжать бой и отступили.

Лишь через несколько дней была официально объявлена война. И Бебутов, хотя у него было всего 8,5 тыс. бойцов, 19 ноября решил атаковать неприятеля, занявшего сильную позицию у Баш-Кадыклара. Увидев наступающие колонны, Ахмет-паша воскликнул: «Русские с ума сошли либо упились своей поганой водкой!» Но наша пехота устремилась в атаку. И опять совершила подвиг батарея Кульгачева. Вместе с нижегородскими драгунами она вырвалась на открытый фланг турок и открыли огонь. А потом по оврагу дерзко выскочили к контратакующей османской пехоте, ударив картечью с 25 шагов. Битва кончилась полной победой.

На Дунае боевые действия развернулись «традиционно» — взятием Тульчи, Исаки, Мачина. Здесь прославилась ракетная батарея дунайских казаков. Прикрывала переправы, осаживала попытки турок прорваться в гирла Дуная. А турецкий флот был уничтожен Нахимовым в Синопе. Но тут-то и вступили в войну Англия и Франция. Планы строились грандиозные: разгромив Россию, отдать туркам Закавказье, Крым. А Кавказ, Кубань, Ставрополье, Терек должны были войти в новое государство Шамиля — подобие Крымского ханства, чтобы доставало Россию набегами. Предусматривалось восстановление Польши с возвращением ей Украины, Белоруссии, Литвы. К коалиции примкнуло итальянское Сардинское королевство. Австрия отплатила за недавнее спасение черной неблагодарностью — в войну не вступила, но вдруг двинула войска к русским границам.

Англо-французский флот вошел в Черное море, в апреле 1854 г. напал на Одессу. Город отстояли батарея прапорщика Щеголева и казаки 2-го дунайского полка **В. Тихановского**. Их конная батарея обстреляла и повредила севший на мель английский паровой фрегат «Тигр», а потом казаки на лодках захватили его, пленив команду. Азовскому Войску в это время была поручена эвакуация фортов на кавказском берегу, которые при ударах с моря были бы обречены. Теперь казаки и солдаты сами разрушали построенные с таким трудом укрепления [246].

На Кавказе Шамиль пытался использовать ситуацию, прорваться на равнины. Но сумел только совершить вылазку в Грузию, захватив в заложники женщин и детей. Его заперли в горах и стеснили еще больше, вырубив леса у Шали и разорив аулы по Аргуну. А в Закавказье наши войска перешли в наступление. На западном участке, от Ахалциха, двинулись 10 тыс. воинов генерала И.М. Андронникова и столкнулись с турецким корпусом у Чолока. 11-й донской полк **Харитонов** стремительным броском захватил неприятельскую батарею. После этого ударил в пики на атакующую турецкую конницу. Харитонов был убит, командование принял подполковник **Евстигнеев**. Под его руководством казаки отбросили башибузуков и загнали на турецкую пехоту, смяв ее ряды. 34-тысячный корпус был разгромлен, потеряв все орудия.

На восточном участке, от Эривани, наступал 5-тысячный отряд генерала Врангеля. Втрое превосходящие силы турок ждали его на Чингильском перевале. Когда закипел бой, донцы 23-го полка **Хрещатицкого** зашли во фланг, ворвались на батареи, вместе с пехотой овладели ими, а потом гнали и кололи врага 6 верст, пока не встали утомленные лошади. С ходу был взят Баязет. А на центральном участке наступал Бебутов с корпусом в 18 тыс. Турецкий командующий Куршид-паша (француз Гюйон) сосредоточил здесь 60 тыс. воинов и приготовил ловушку. Распустил слухи, что турки отступают, но на самом деле скрытно двинулся навстречу, и под Кюрюк-Дара наши войска попали в окружение. Страшная сеча длилась 8 часов. Снова отличилась батарея Кульгачева, покрыли себя славой и 7-я донская батарея полковника **Долотина**, 20-й (баклановский) донской полк **Скобелева**, сводный полк линейских казаков. Но в этой битве, самой крупной за войну, героями были все. И выстояли. Анатолийская армия врага была разгромлена и рассеяна в горах.

Однако в Болгарию тем временем прибывали англичане и французы. Русским частям пришлось отойти. Правда, и неприятельские планы наступать на север оказались нереальными. В разоренном краю трудно было снабжать войска, а передовой отряд, выступивший к дельте Дуная, был отбит. И британский главнокомандующий Раглан предложил перенести боевые действия в Крым. В сентябре вражеские армии высадились у Евпатории, пользуясь двойным превосходством, одержали победу при Альме. Началась беспримерная 11-месячная осада Севастополя. Полной блокады не было. Полевая армия Меншикова поддерживала связь с гарнизоном, несколько раз атаковала осаждавших. Увы, они тоже успели укрепиться, оцетиниться батареями, и кровопролитные сражения не дали результатов.

События этой войны часто преподносятся некорректно. Дескать, проиграли из-за «отсталости» царской России, ее армии. Это неверно. Техническое оснащение и вооружение наших войск было не хуже французского. Уступало английскому, но как раз англичан-то успешно били. Просто реализовался очень выгодный для противников сценарий войны. Если бы они, как предполагалось, вторглись вглубь страны, их похоронили бы, как армию Наполеона. Но под Севастополь, пользуясь господством на море, враги могли беспрепятственно подвозить любое количество войск, орудий, боеприпасов. Нашей же армии все это приходилось доставлять с большим трудом, гужевым транспортом, через бездорожье Украины и Крыма. К тому же англичане пытались напасть на Кронштадт, Архангельск, Соловки. Были отражены, но русскому командованию пришлось держать крупные силы на Балтике, Севере, в беспокойной Польше, на австрийской границе.

Народ воспринял вторжение так же, как в 1812 г. Снова формировались ополчения. Войско Донское провело поголовную мобилизацию, выставив 87 полков и 14 батарей. В Крым пошли также уральцы, оренбургцы. Особую славу стяжали два батальона черноморских пластунов. Об их кавказских подвигах мало кто знал, и в Крыму сперва не обратили внимания на оборванцев с черкесскими винтовками и кинжалами. Но вскоре о них заговорили все. В сражении под Балаклавой они захватили 4 редута. А войдя в состав гарнизона, начали регулярные вылазки. Поутру французы обнаруживали передовое охранение перерезанным или исчезнувшим. Снайперские пули казаков поражали любую цель в пределах дальности выстрела. Нашумел случай, когда пластуны из-за бомбардировки

остались без обеда и утащили у французов прямо из-под носа два огромных котла с горячим супом. Из 1600 пластунов 220 навсегда остались лежать в Севастополе. Оба батальона были награждены Георгиевскими знаменами, а весь личный состав — крестами и медалями.

А вместе с легендарным матросом Кошкой ходил на вылазки 55-летний донской казак Перекопской станицы **Осип Иванович Зубов**. Отпросившись на 3-й бастион, он выкопал в земле каморку, зажигал ночью лампаду у иконы и молился, будто инок. Был спокоен при самых жутких обстрелах и атаках. И, выбираясь по ночам к англичанам, совершал невероятное. Дрался один против толпы, притаскивал пленных офицеров. Зубова и Кошку стали назначать начальниками партий, передовых цепей.

Не в силах сломить героическую оборону, англичане и французы предприняли поход в Азовское море с целью захватить порты и склады, овладеть крымскими перешейками и лишить русскую армию снабжения. Огромный флот захватил Керчь, Анапу. Как пишет историк А.А. Керсновский, «войска «просвещенных европейцев» вели себя хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей» [77]. Азовское побережье прикрывали посты из казаков старших возрастов и малолетки. 22 мая армада из 68 кораблей подошла к Таганрогу. Обороняли его горстка гарнизонных солдат и донской учебный полк из 17-летних юнцов и стариков-наставников. Но на предложение сдаться ответили отказом. Бомбардировка длилась 6 часов. Потом англичане высадили десант, но его контратакой сбросили с крутой горы.

Эскадра проследовала к Мариуполу. Опять предложение сдачи, бомбардировка, десант. К месту высадки подоспел полковник **Кострюков** с двумя сотнями 66-го полка и причалить не дал. Последовали нападения на область Азовского Войска — Бердянск, Кривую Косу. У Петровской станицы после обстрела враг спустил на воду 100 лодок десанта. Но и азовские казаки отбили их, не допустив до высадки. В июне и июле неприятельские корабли приходили снова, повторяя бомбардировки. Во время шторма пароход «Джаспер» сел на мель. С постов прискакали донцы 70-го полка, вошли по грудь в воду, чтобы было поближе, стали стрелять из ружей. Англичане сперва отвечали огнем, но нервы не выдержали, сели на шлюпки и отчалили к своим, а казаки бросились вплавь, захватили пароход, 2 пушки, флаги. Зацепиться в Приазовье врагу так и не удалось... Однако защищать Севастополь становилось все труднее. Он был превращен в груды развалин, погибали лучшие командиры, матросы, солдаты. 8 августа французы смогли овладеть Малаховым курганом. Дальнейшая оборона потеряла смысл. И по приказу командования наши войска оставили Южную сторону бухты, отошли на Северную. Ушли непобежденными. А неприятель понес такой урон, что уже не мог развить свой успех.

Но операции в Закавказье еще продолжались. Новый главнокомандующий Николай Николаевич Муравьев подступил к сильнейшей крепости Карс. У него было 27 тыс. войск, в гарнизоне Карса — 30 тыс. Для полной блокады сил не хватало. И огромную роль сыграл Бакланов, возглавивший все казачьи части. Под его руководством донцы, линейцы, черноморцы перекрыли пикетами и заслонами все дороги и тропинки, разведали укрепления. Но положение было сложным. Чтобы деблокировать крепость, у Эрзерума сосредоточился корпус Вели-паши, в Батум перебрасывался из Крыма освободившийся корпус Омер-паши.

Желая упредить их, Муравьев, вопреки мнению Бакланова, назначил на 17 сентября штурм. Он был отбит, наша армия потеряла погибшими и ранеными 6,5 тыс. Многие считали нужным снять осаду. Бакланов высказался против. Указывал, что осенью предпринимать активные операции в горах туркам будет затруднительно. И Муравьев на этот раз согласился с ним. Осада продолжилась. И казаки свое дело сделали. Отбили несколько обозов продовольствия, в крепости начался голод. Баклановские заставы установили такой контроль над окрестностями, что мышь не проскочит. Гарнизон не мог передать информацию о бедственном положении, не получал никаких вестей извне. И, отчаявшись дожидаться помощи, 12 ноября капитулировал. За время осады половина гарнизона погибла, было взято 16,5 тыс. пленных и 136 орудий.

В целом войну Россия не проиграла. Но она очутилась в международной изоляции, и

Александр II, сменившему на престоле умершего Николая, пришлось принять тяжелые условия мира. Впрочем, и о прежних прожектах расчленения нашей страны речи больше не было. Россия отказывалась от протектората над Сербией, Валахией, Молдавией. Уступала в состав Молдавии Южную Бессарабию. Русским (но и туркам) запрещалось иметь военный флот и базы на Черном море. России возвращался Севастополь, а Турции — Карс и Баязет. За героизм, проявленный в этой войне, Георгиевские знамена получили Донское, Черноморское, Азовское Войска, многие полки и батареи. Удостоились Георгиевских штандартов и оба полка Дунайского Войска. Но в связи с утратой Южной Бессарабии это Войско потеряло часть своих земель. Взамен было выделено село Байрамча, переименованное в станицу Николаевку-Новороссийскую. *Сюда было перенесено управление Дунайским Войском, а само оно стало называться Новороссийским.*

54. АМУРСКОЕ И УССУРИЙСКОЕ ВОЙСКА

В Забайкалье жизнь давно уже стала спокойной. Китайская империя пришла в упадок и опасности не представляла. Забайкальским казакам оставалось только охранять границу от мелких контрабандистов, спиртоносов, пытающихся скупать меха у русских подданных. Чтобы не потерять боевой выучки, казаков периодически привлекали на сборы в Читу, Шилкинский завод, Цурухайтуй, Нерчинск и другие полковые центры. Но количество казаков умножалось естественным приростом, оказывалось «избыточным», и многих вообще на службу не призывали, они до конца жизни числились «малолетками». А в песнях забайкальцев сохранялась память о подвигах предков, о делах Хабарова, Степанова, обороне Албазина...

Положение изменилось в середине XIX в. В Китай полезли англичане и французы, развернув «опиумную войну» — их эскадры бомбардировали порты, пока власти не разрешили ввоз наркотиков. И европейцы получили двойную выгоду: гребли бешеные прибыли, поставляя из Индии опиум, а по Китаю распространялась наркомания, откачивая финансы, разрушая хозяйство и подрывая силы народа. Англия и Франция угнездились в портах Южного Китая, подминая торговлю и промышленность. При таком соседстве России пришлось обратить внимание на дальневосточные рубежи. В 1850 г. адмирал Невельской основал в устье Амура Николаевский пост — вскоре ставший Николаевском-на-Амуре. Но было ясно, что при подавляющем господстве англичан на море эти края легко могут быть захвачены.

Работу по их скорейшему освоению возглавил генерал-губернатор Восточной Сибири **Николай Николаевич Муравьев** (не путать с Н.Н. Муравьевым-Карским). Он успел повоевать на Кавказе, был талантливым руководителем. Полномочия получил огромнейшие, стал полновластным распорядителем огромного края. Но всегда сам был на трудных участках. Лично проделал путь к Охотскому морю — через Якутск, Алдан, хребет Джугджур и убедился, что для прочной связи с приморскими районами эта долгая и тяжелая дорога не годится. Был и прямой путь — по Амуру. Но он принадлежал Китаю, и с XVII в. Приамурье так и лежало в запустении — местных жителей маньчжуры тогда выселили, русские отсюда ушли, а китайцам по их законам запрещалось оседлое проживание севернее Великой Китайской стены (чтобы не убежали). Они приезжали в приграничные районы для заработков, торговли, службы, но не могли заводить тут или привозить семьи. В результате на Амуре существовал единственный городишко Айгунь и кочевали мелкие общины гольдов, гиляков, манегров.

Быстро заселить и одновременно защитить огромную территорию можно было только казаками. А Китаю было направлено предложение пересмотреть прежние договоры и провести новую границу по естественным рубежам, Амуру и Уссури. Разумеется, Пекину не хотелось терять земли. Но, с другой стороны, они все равно лежали бесхозными. А выход русских в Приморье создавал противовес англичанам, которые в ином случае влезли бы и в Северный Китай. И Пекин не ответил на предложение, но пропустить по Амуру русские

войска согласился.

Подтолкнула к действиям Крымская война. Весной 1854 г. состоялся первый «сплав». В станице Усть-Стрелочной у слияния Шилки и Аргуни, где было всего 25 домов и не видели начальства выше сотника, собралось вдруг совершенно невероятное для здешних мест скопище народа — Муравьев со всем своим штабом, солдаты Сибирских линейных батальонов, баржи, плоты, первый в Забайкалье пароход «Аргунь». В этой и других станицах стали строиться арсеналы, склады для дальнейших походов. А часть солдат, сводная сотня забайкальцев зауряд-сотника **Скобелицына** и 33 казака Якутского полка отправились во главе с генерал-губернатором вниз по Амуру. Приказано было собираться на 2 года. Двигались трудно и медленно. Разведывали незнакомую реку, садились на мели.

Экспедиция была организована вовремя. Англичане и впрямь покусились на Дальний Восток. В августе 1854 г. их эскадра напала на Петропавловск-Камчатский. Здесь находился отряд контр-адмирала Завойко — фрегат «Аврора» и 2 шхуны. Моряки, горстка солдат-линейцев, камчатских казаков и охотников-иттельменов разгромили высаженный десантный полк, захватив его знамя. Сунулись англичане и к Амуру, где в Николаевске было всего 30 солдат при 2 пушках. Но подоспел Завойко со своей флотилией и в заливе Кастри разбил вчетверо сильнейшую английскую эскадру, ее командующий адмирал Принс застрелился. Англичане писали: «Всех вод Тихого океана недостаточно, чтобы смыть позор британского флага» [77]. И подоспели, преодолев 5 тыс. верст, баржи Муравьева, доставившие орудия, боеприпасы, пополнения. Был заложен г. Мариинск, где разместился штаб амурских войск, 15-й линейный батальон, а рядом встала казачья станица Кизи.

Дальше сплавы пошли каждый год [127]. С ответом на русские предложения китайцы все еще тянули, но противодействовать они все равно были не в состоянии, и решительный генерал-губернатор начал устанавливать границу «явочным порядком». По левому берегу Амура строились казачьи посты: Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский, Буреинский, Сунгарийский. Завозились вниз по реке грузы для будущих жителей. Врагов и боев здесь не было. Но была дикая тайга, тяжелейшая борьба с природой. Все сплавы проходили с крайним напряжением. На мелях застревали купленные в Америке пароходы, тяжелые баржи, построенные по проектам армейских инженеров — казаки называли их «чушками». Приходилось разгружать, мокнуть в воде, стаскивая суда. При походах вниз по реке требовалось проскочить верховья по полой воде, поднимаясь вверх — тащить лодки бечевой. А Амур — река капризная, меняет течение, мели вдруг оказывались там, где их не было.

И оставались могилы надорвавшихся, унесенных болезнями, погибших при несчастных случаях. Трагическим был сплав 1856 г. Отряд из 400 солдат-линейцев и сотни казаков добирался до Мариинска слишком долго, отстал от других частей. В обратный путь выступил в конце июля. А баржи с продовольствием не дошли, засели на мелях. Голодный отряд в пути застигла осень, а потом и снега. Половина погибла, остальные добрели больными. На казачьих постах, мимо которых шел отряд, завезенные запасы были ограниченными, только-только на личный состав. Но казаки, видя страдания людей, делились всем, что имели. Многим это подарило жизнь. Однако после этого и спасителей ждала голодная зимовка, и, например, на Усть-Зейском посту есаула **Травина** из 50 казаков умерло 29...

Но в 1857 г. состоялся четвертый, уже массовый сплав — началось заселение Амура казаками. В станицы была дана разнарядка, вызывались добровольцы, а если их не хватало, определяли по жребию. Переселенцам от казны строились дома, давалось по 15 руб. на каждого члена семьи, льгота от службы на 2 года. Бедняки нередко записывались добровольно. Богатые, чтобы не бросать хозяйство, если на них падал жребий, договаривались с беднотой. За согласие поменялись давали коней, коров, приплачивали деньгами. Но в целом переселение одобряли. Говорили: «Пошла Россия на дедовские земли. Старики-то бают, полтора века этого ждали, и вот дождались». Казаки и впрямь помнили, где в старину стояла Игнашина станица, где Албазин, Кумарский острог.

Муравьев на катере шел в авангарде. В свой штаб он включил нескольких казаков,

осматривавших и выбиравших места, удобные для поселения, один из них, урядник **Роман Богданов**, впоследствии описал это, опубликовав любопытнейшие «Воспоминания амурского казака о прошлом». И вставляли по берегу столбы с названиями будущих станиц. Многим давались исторические имена — Игнашина, Албазин, Кумарская, в честь героев XVII в. — Толбузина, Бейтонова, Пояркова и др. Следом двигались 13-й и 14-й линейные батальоны, им давалось по несколько станиц на роту, солдаты высаживались и сразу принимались расчищать места, рубить избы. А дальше на плотах и баржах плыли переселенцы со своим скарбом, скотом.

Операция была спланирована четко и грамотно. Генерал-губернатор был человеком крутым. С нерадивых офицеров запросто слетали погоны. Устраивал разносы, когда в честь его прибытия командиры отрывали людей от дела, готовили торжественную встречу. Однажды, прогуливаясь по берегу, увидел плачущую казачку. Распросил, в чем дело. Он был в шинели без погон, женщина не узнала его. Сказала: «Как не плакать, батюшка! На старом месте хоть жили плохо, да у богатых людей зарабатывали, а тут, чтоб им ни дна ни покрышки, Муравьеву и Хильковскому, вона куда загнали...» Выяснилось, что войсковой старшина Хильковский за взятку от богатого казака отправил ее мужа без жребия. Хильковскому, назначенному в это время строить другие станицы, Муравьев тут же послал приказ: «По окончании постройки домов в Иннокентьевской и Пашковой предписываю вашему высокоблагородию возвратиться в Забайкалье к месту своего жительства и подать в отставку, не показываясь мне на глаза, иначе будете преданы суду... Лично мне известно, что вы брали взятки». Но тех, кто проявил себя достойно, Муравьев выдвигал. Бывали случаи, когда рядовой казак за год становился есаулом. Генерал-губернатор придумал и особую награду, называл станицы в честь офицеров, отличившихся при освоении Амура. Китайцы, увидев, что проволочки ничего не дают, наконец-то прислали в Айгунь дипломатов. И Муравьев, остановившись в строящейся Усть-Зейской, провел первый этап переговоров.

За лето было построено 15 станиц. Описывались характерные картины. Например, вдруг среди домов совершенно спокойно появляется тигр. Берет козленка и уносит. И казаки, похватав ружья, бросаются за хищником. А в другой станице сооружена баня. Первой важно шествует мыться семья сотника. И казаки умиляются: «Ну, слава те, Господи! Все как дома!» Начинается проливной дождь. И обратно распаренный сотник шлепает босиком, засучив шаровары с лампасами, перебросив новые сапоги через плечо и прикрывшись шайкой. Не узнав в таком виде сотника и не поприветствовав его, пронесится малолеток и получает от начальства окрик и затрещину. И казаки улыбаются: «Точно как дома!» Были и курьезы — в первую зиму на новоселов случилось нашествие мышей. Наглели, грызли все. И спохватились, что никто не догадался взять кошек. Узнав об этом, наладили бизнес китайские купцы. Стали привозить кошек по бешеной цене, по рублю. Причем хитрили, везли только самок: «Киска-мамка есть, киска-казак нет, все продал».

В 1858 г. строительство станиц продолжилось. С Муравьевым на Амур прибыл только что назначенный Синодом архиепископ Камчатский, Курильский и Амурский Иннокентий. А 9 мая в Усть-Зейскую пришло известие, что китайцы согласны на русские условия. В честь этой «благой вести» генерал-губернатор велел заложить храм Благовещенья, а станицу Усть-Зейскую переименовал в город Благовещенск. Вскоре был подписан Айгуньский трактат о новой границе. 13-й Сибирский линейный батальон капитана **Дьяченко** был послан вниз по реке и 19 мая заложил селение Хабаровку — нынешний Хабаровск. Одна из рот этого батальона тем же летом заложила г. Софийск. Другая, поручика **Козловского**, построила первые станицы по Уссури — Казакевичеву, Корсакову, Невельскую и Дьяченкову. И на русский берег началось повальное переселение местных племен рыболовов и охотников: китайские чиновники и солдаты обирали их подчистую, новые соседи оказывались куда предпочтительнее.

Александр II за заключение Айгуньского трактата пожаловал Муравьеву графский титул, он стал Муравьевым-Амурским. Была образована новая область, а переселенных

казаков выделили из Забайкальского в новое, Амурское Войско с центром в Благовещенске. Задача ему ставилась — «заселение и охранение юго-восточной границы России». Губернатором и наказным атаманом стал генерал-майор **Буссе**. Дальше пошло продвижение на юг, по Уссури появились станицы Кукелева, Шереметьева, Васильева, Венюкова, Козловская. В 1860 г. были заложены посты Владивосток и Новгородский в бухте Посыет, а казаков новых станиц объединили в Уссурийский пеший батальон Амурского Войска. Россия быстро и прочно встала на своих дальневосточных рубежах.

Были сформированы команды для водного патрулирования, им придавались катера и несколько пароходов, в 1869 г. была создана и Уссурийская конная сотня. Конечно, освоить огромный край только забайкальцами было невозможно. Здесь оседали многие отставные солдаты-линейцы, женились на казачьих вдовах. Помог решить проблему с женщинами и Муравьев. Выписал в Мариинск молодых каторжанок и прямо на плацу архиепископ перевенчал желающих освободиться женщин с желающими поселиться на Дальнем Востоке солдатами. Зазывались переселенцы из России и Украины, появились крестьянские деревни. На Амур и Уссури было направлено несколько партий казаков с Дона, Кубани, Урала. А в 1889 г. от Амурского было отделено самостоятельное Уссурийское Войско [219].

55. КУБАНСКОЕ И ТЕРСКОЕ ВОЙСКА

Война на Кавказе не утихала. В ноябре 1856 г. банда Каплана Эсизова прорвалась на Ставрополье, вырезала все взрослое население сел Константиновское и Кугульты, а детей увела в рабство [201]. И все-таки уже наметился перелом. Шамиль терпел поражение за поражением, и в его стане начался разброд. Горцам надоела бесконечная война и жестокая диктатура имама. А русское командование умело дополняло военные меры дипломатическими и привлекало горцев на свою сторону, противопоставляя внедренному Шамилем шариатскому праву обычное право дагестанцев и чеченцев. От него отпал почти весь Дагестан. Перекинулся к русским даже «воджь номер два» Хаджи-Мурат, незаслуженно романтизированный Толстым кровавый бандит, решивший, что пахнет жареным. Заложил всех «авторитетов», базы, склады оружия, места хранения финансов. Хотя вскоре погиб при странных обстоятельствах. Приговором для мюридов стало и окончание Крымской войны. Они были нужны англичанам и французам до тех пор, пока те вынашивали планы расчленения России. И хотя война в учебниках истории считается проигранной, но эти планы были сорваны. Огромные потери и издержки отрезвили Запад, отбили охоту лезть в русские дела. Шамиль теперь представлял для Европы только пропагандистскую ценность, поддержка ему сократилась. А тем, кого он поднял на войну, становилось ясно, что в ближайшем будущем от западных и турецких союзников ждать нечего.

Операциями против Шамиля руководил **Александр Иванович Барятинский**, аристократ, личный друг Александра II, но и старый кавказец, начавший воевать здесь с 1835 г., командуя черноморской казачьей сотней. В 1856 г. он стал главнокомандующим. Ну а непосредственно обеспечил победу **Николай Иванович Евдокимов**. Сын солдата и казачки, он родился в Наурской, был отдан в школу кантонистов. Рядовым солдатом совершил серьезный проступок, удрал из расположения полка. В лесу обнаружил собиравшихся для нападения горцев, вернулся в часть и провел отряд к этому месту, после боя был не только прощен, но и произведен в прапорщики. В сражении у Бурной остался единственным офицером в роте, получил рану в лицо, за что горцы прозвали его «Уч-гезы» — «Трехглазый». В 1843 г. прославился походом своего маленького отряда на аул Унцукль. Разгромив войско Хаджи-Мурата, попытался по-хорошему поговорить с местными. Но на него бросился фанатик, ранив кинжалом. Евдокимов выхватил пашку и развалил его надвое — и вот это подействовало, горцы его зауважали. Потом был командиром Волгского казачьего полка, возглавлял экспедиции, дослужился до генерал-лейтенанта. И стал начальником левого фланга.

Барятинский и Евдокимов методично оттесняли Шамиля в высокогорье. Начали

выражать лояльность и чеченские общины. Их переселяли на равнину, отрывая от мюридов. Имам злился, нападал на изменившие ему дагестанские и чеченские аулы. Но это ему только вредило, он приобретал кровных врагов, а русские, помогавшие горцам защититься от мюридов, становились союзниками. В 1856–1858 гг. удалось замирить большую часть Чечни. Были вырублены самые дикие места, Маюртупский орешник, леса по р. Аргун, просека дошла почти до Ведено. В 1858 г. Евдокимов взял штурмом Шатой. Шамиль укрылся в Ведено. Но и сюда пришел отряд Евдокимова. В апреле 1859 г. Ведено было захвачено и сожжено. Имам ушел в Аварию. Там его настигла экспедиция генерала Врангеля. Войско Шамиля начало разбегаться, сам он с небольшим отрядом ушел в Гуниб, где и был осажден. Сюда прибыли Барятинский и Евдокимов. Предложили сдаться на условиях свободного выезда в Мекку. Шамиль отказался, готовился к обороне, заставил носить камни на укрепления даже своих жен и невесток. Тогда русские пошли на штурм и взяли первую линию обороны. Имам заперся в замке, окруженный со всех сторон. И после переговоров все же капитулировал. 8 сентября Барятинский отдал приказ: «Шамиль взят, поздравляю Кавказскую армию!»

Восточный Кавказ был усмирен. Барятинский за это получил орден св. Георгия II степени, Евдокимову царь пожаловал графский титул и чин генерала от инфантерии, Бакланову, занимавшему должность походного атамана донских казаков на Кавказе — генерал-лейтенанта. Оставался Западный Кавказ. Это обстоятельство привело к реорганизации казаков. В 1860 г. «для большего единства управления, сообразно с новым положением Северного Кавказа и общему системой администрации» Кавказское Линейное Войско было разделено надвое. Шесть правофланговых бригад объединялись с Черноморским Войском и составили Кубанское Войско. Центром его стал Екатеринодар. А четыре левофланговые бригады составили Терское Войско с центром во Владикавказе. Таким образом достигалась централизация командования теми казачьими частями, которые прикрывали еще не замиренную часть Кавказа. И вдобавок получалось деление казаков, близкое к традиционному — по рекам.

Покорение Западного Кавказа возглавил Евдокимов. Здесь были сосредоточены лучшие силы и развернулось систематическое наступление, так же, как на Шамиля. В 1860 г. было подавлено сопротивление черкесов по рекам Илю, Убину, Шебшу, Афипсу. И рубежи были вынесены вперед, началось строительство Белореченской линии по р. Белой. Вместе с линией по Кубани и Черноморской береговой линией получалось почти замкнутое кольцо, зажавшее область «немирных» горцев. В 1861 г. в урочище Чхафизапс на Белой было разгромлено местное ополчение, пытавшееся помешать строительству. В 1862 г. отряды солдат и казаков продвинулись вверх по Белой, Курждипсу и Пшехе. Мирных черкесов Евдокимов отселял на равнину — живи, хозяйствуй, торгуй с русскими. Ну а на тех, кто продолжал враждебные действия, обрушивалась суровая расплата.

Сказался еще один фактор. Турция задумала создать собственное подобие казачества, башибузуков, и поселить среди подвластных христианских народов, чтобы держать их в повиновении. А после Крымской войны, когда исчезла надежда прорваться к Кавказу, в Стамбуле вызрел проект привлечь в башибузуки черкесов. К ним засылались эмиссары, вербуя переселяться в Турцию. Считалось, что они действуют тайно. Но Евдокимов через свою агентуру прекрасно об этом знал. Однако не препятствовал, а наоборот, поощрял. Уходили-то самые энергичные, воинственные, непримиримые — ну и скатертью дорога! Русские посты закрывали глаза, когда караваны двигались к турецким границам или грузились на суда, войска отводились в стороны с пути их следования.

А освободившиеся земли Евдокимов заселял казаками. Говорил: «Первая филантропия — своим; горцам же я считаю себя вправе предоставить лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов» [201]. По его указанию каждый пехотный и кавалерийский полк обязан был основать поселение для колонизации края. И появлялись на Кубани станицы с названиями полков — Апшеронская, Ахтырская, Северская, Тульская, Тифлисская, Черниговская, Тенгинская, Саратовская и др. В 1863 г. на

посту главнокомандующего Барятинского сменил брат царя великий князь Михаил Николаевич. Не только пожать лавры. Он и полководцем был хорошим. Но его назначение стало и психологическим ходом. Горцам давали понять, что теперь-то им не устроить. А покориться брату царя было куда более почетно, чем «простым» генералам.

Войска Евдокимова все выше поднимались в горы. В январе 1864 г. подавили сопротивление абадзехов в верховьях Белой и Лабы, овладели Гойтхским перевалом. В феврале покорились шапсуги на южном склоне Кавказа. А 2 июня великий князь Михаил Николаевич принял присягу абхазов во взятом накануне урочище Кбаада (Красная поляна). И торжественным смотром войск, салютом завершилась Кавказская война. Великий князь и Евдокимов получили ордена св. Георгия II степени, десятки частей удостоились коллективных наград — Георгиевских знамен, труб, надписей на знамена, знаков на шапки, в их числе несколько донских, почти все кубанские и терские полки, 5 кубанских и 1 терская батареи.

Но надо сказать, что российская «прогрессивная общественность» по-прежнему презирала покорителей Кавказа. А при Александре II наступила эпоха либеральных реформ, пресса, интеллигенция и высший свет, дорвавшись до «свобод», снова пыжились подстраиваться под англичан и французов. Героев охаивали. Про Бакланова «высококультурные» соотечественники писали, что «его десять раз стоило повесить» [175]. А Евдокимову, прибывшему в Петербург для получения награды, столичный бомонд устроил обструкцию. Его не приглашали в гости, уходили с раутов, где он появлялся. Однако генерала это не смущало, он говорил, что не их родных резали горские разбойники. Зато когда Евдокимов приехал на Ставрополье, где царь подарил ему поместье, жители организовали ему триумфальную встречу, стекались от мала до велика, забрасывали цветами. И их вполне можно было понять. Дамоклов меч опасности, висевшей над всем краем, исчез. Юг страны наконец-то получил возможность для мирного развития...

Одновременно с Кавказом был окончательно замирен и другой гнойник, давно беспокоивший Россию — Польша. В ходе своих реформ Александр II амнистировал участников прошлых восстаний, и они тут же принялись опять сколачивать заговоры, создали комитет «Ржонд Народовы». А на место прежней администрации царь назначил либералов, взявшихся заигрывать с поляками. Которые восприняли это как «слабость» и все больше нагнали. Во время католических праздников выставлялись караулы солдат и казаков — проходящие мимо фанатики, особенно женщины, норовили плюнуть в «пшеклентых москалей». Развернулся массовый терроризм, за 1859–1863 гг. погибло свыше 5 тыс. человек [77]. А в январе 1863 г. было поднято восстание. Руководил им «диктатор» Мерославский, сидевший в Париже. Русских войск в Польше было 90 тыс., но местные власти растерялись, не могли ими распорядиться. Пограничные казачьи посты, принявшие неравный бой, были смяты, из-за рубежа хлынули грузы бельгийских винтовок. Создавались партизанские отряды. Причем с русскими пленными расправлялись с дикой жестокостью, замучивали чудовищными пытками. А бороться с мятежом либеральное русское правительство попыталось тем, что... 31 мая объявило общую амнистию. Мятежникам вернули пленных, арестованных! Они уверились в своей силе и безнаказанности, и восстание ширилось, захлестнув всю Польшу и Литву.

Но Александр II умел признавать и исправлять свои ошибки. На запад направлялись дополнительные войска, администрация была сменена. Виленским генерал-губернатором стал энергичный М.Н. Муравьев, варшавским — граф Берг. А губернатором Августовской губернии был неожиданно назначен Я.П. Бакланов. Поляки были в ужасе, ожидая «зверств». Но Бакланов проявил себя вдруг гуманным по отношению к населению и весьма толковым правителем. Казаки, кстати, вообще действовали в Польше мягко. Вешали только тех, кто упорно не желал сдаваться, или тех, кого уличили в расправах над пленными. Да и мятеж был менее опасным, чем предыдущие. Не было толковых руководителей, банды в 3–5 тыс. поляков громились отрядами из 3–4 рот пехоты и пары казачьих сотен. Крестьяне, только что освобожденные Александром II, восстание не поддержало, мятежники грабили и

разоряли их самих. Дрались фанатичные националисты, эмигранты, революционная интеллигенция, всякая шпана. Главный расчет был — спровоцировать вмешательство извне. И действительно, поляков поддержали Франция и Англия, ультимативно требовали от России уступок Польше, угрожая новой войной, втягивали в антироссийский блок Австрию и Пруссию. Герцен вопил в «Колоколе»: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!», призывая иностранцев к походу на свою родину.

Однако наша дипломатия заняла твердую позицию. Канцлер Горчаков заявил, что единственная причина продолжающегося бунта — поддержка Запада и рекомендовал Европе, чтобы посоветовала своим «подзащитным» безоговорочную капитуляцию. А всерьез Англия и Франция воевать не собирались, еще не забыли Севастополь. В Пруссии же умный Бисмарк вместо следования в фарватере Франции заключил с Россией союз по усмирению поляков. Поняв, что вождельной интервенции не предвидится, главари бунтовщиков стали удирать за границу, а их подчиненные расходиться по домам. Если в 1863 г. было отмечено 547 боев и стычек, то в 1864 г. всего 84. А 29 марта удалось захватить весь «Ржонд Нарондовы», чем мятеж и кончился. Повстанцев перебили свыше 30 тыс., русские потери составили 826 убитых, 2169 раненых, 348 пропавших без вести [77]. И желания поднимать восстания больше у поляков не возникало никогда. Бисмарк за помощь в трудную минуту был вознагражден — через несколько лет Петербург занял благожелательный нейтралитет, позволив Пруссии разгромить Австрию и Францию. И сама Россия не прогадала, разорвав после этого Парижский трактат о запрете иметь Черноморский флот.

Яков Петрович Бакланов служил потом в Польше и Литве, скончался в Петербурге в 1873 г. Несмотря на высокие посты и чины, на огромную добычу, которую захватывали его казаки на Кавказе, умер он очень бедным человеком. На памятник ему, установленный сперва в столице, а потом, после перезахоронения, в Новочеркасске, собирал деньги весь Дон. Сделали памятник в виде простой гранитной глыбы, на которую как бы брошены бурка и папаха. Изображено и знаменитое черное знамя, с которым Бакланов не расставался до конца жизни — «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

56. ЛИБЕРАЛЫ И «РАСКАЗАЧИВАНИЕ»

Вступив на престол в ходе неудачной войны, Александр II сразу же после нее начал интенсивные преобразования армии и всего государства. Разросшиеся вооруженные силы сокращались, срок службы уменьшался. У казаков он был определен в 15 лет полевой и 7 лет внутренней службы. В 1857 г. царь упразднил последний пережиток военных поселений, округа «пахотных солдат», переведя их на положение государственных крестьян. *А Департамент военных поселений, в ведении которого теперь остались только казаки, был преобразован в Управление иррегулярных войск (позже — Главное управление иррегулярных войск, а потом — Главное управление казачьих войск).* В 1861 г. были освобождены крепостные крестьяне. Затем последовали судебная реформа, введение демократических земских самоуправлений. Ослаблялась цензура, провозглашалась «устность и гласность». Пошло бурное развитие промышленности, торговли, строительство железных дорог. Началось перевооружение армии скорострельными (но еще однозарядными) винтовками Карле, Крнка, а потом Бердана. Была разработана и специальная казачья винтовка. А казачьи офицеры, артиллеристы, трубачи вооружались револьверами Смит-и-Вессона.

Но реформы были далеко не безболезненными. Промышленный бум выплеснул массу хищников, рвачей, жулья. Катилась вакханалия махинаций, «приватизаций». На волне преобразований наверх вылезли и масоны. Три их иерарха попали в ближайшее окружение царя — Д.А. Милютин (военный министр), А.А. Абаза (министр финансов), М.Т. Лорис-Меликов. Они стали и главными реформаторами. Распространялись западные идеи, взгляды, оценки. Европа объявлялась идеалом для подражания с отвержением всего национального, русского. В системе просвещения делался упор на западные труды, подрывалась роль Православия. Не лишне обратить внимание и на продажу Аляски и

американского побережья вплоть до Калифорнии — это была самый первый случай «добровольного» отчленения российских территорий. Все последующие реформаторы будут делать то же самое... *И исчезла община аляскинских казаков*. Кто-то из них перебрался в Россию, кто-то остался, и их потомки смешались с американцами.

В Казачьих Войсках плоды реформ стали неоднозначными. Освобождению крестьян казаки сочувствовали. Но крепостных имели и казачьи дворяне, только на Дону их насчитывалось 300 тыс. А государство-то освободило их без земли. С одной стороны, крестьяне были не виноваты, что их предки очутились на территории Войска. Но ведь и казаки в этом не были виноваты. Войсковая земля составляла «казачий присуд», она обеспечивала тех, кто несет службу, и ее всегда не хватало. А крестьяне казаками не были, да и не испытывали склонности становиться таковыми. Поэтому полных прав им не предоставили. Называли «иногородними», и землю все же выделили, но лишь по 4 десятины.

На Кубани и Тереке крепостных почти не было, только дворовые у офицеров. Но здесь возникли другие проблемы. Так, черноморцы восприняли объединение с линейцами весьма тяжело. Сочли (вероятно, не без оснований), что подобным образом власти стремятся лишиться их самобытности и особого статуса, требовали восстановить прежнее положение Черномории. В это время как раз реализовывался проект Евдокимова о колонизации Западного Кавказа, туда планировалось переселить 17 тыс. казачьих семей, в том числе 12400 кубанских, 1200 донских, 2000 крестьянских и 600 солдатских, которых тоже приписывали в казаки. Черноморцы переселяться отказывались — говорили, что потеряют земли, дарованные им Екатериной, а за Кубанью неизвестно, какие права получают. Доходило до арестов протестующих черноморских офицеров, до решения перенести центр Войска из оппозиционного Екатеринодара в устье Лабы (но на это не нашлось средств). Кстати, в 1860-х гг. шло и определение старшинства Казачьих Войск. И черноморская буза стала одной из причин, по которым старшинство Кубанского Войска приняли по Хоперскому полку, а не по запорожцам.

Тогда же произошла ликвидация Азовского Войска [244]. В общем-то казаки-азовцы этого ждали, с самого начала их поселение под Бердянском считалось «временным», вопрос о переводе на Кубань поднимался в 1837, 1843, 1856 гг. Предполагалось разместить их в районе Геленджика в качестве «береговых казаков», чтобы охраняли и осваивали берег. Но каждый раз проект наткнулся на прежнее препятствия — к кавказской войне азовцы были не приспособлены, выделенные им места находились под ударами горцев, и переселение стоило бы многих жертв. Войско было маленьким, 10 тыс. человек обоего пола, однако стало очень богатым и благоустроенным. За 30 лет казаки освоили приазовские земли, завели интенсивное земледелие и скотоводство, рыбные промыслы, выгодно торговали.

Но в 1862 г. царь принял окончательное решение о переселении. По проектам Евдокимова, следовало перевести на Западный Кавказ 8 офицерских и 800 казачьих семей азовцев. Обещалась денежная компенсация, земля, бесплатный перевоз имущества. Тем не менее, власти понимали, что оставление насиженных мест принесет людям большие убытки. Поэтому предполагалось провести жеребьевку. От нее освобождались семьи казаков старше 45 лет, не имеющих взрослых сыновей, несовершеннолетние сироты и еще ряд категорий. А те, кто оставался в Приазовье, переводились в сословие государственных крестьян, офицеры — в дворяне. Могли заниматься своим хозяйством уже без службы, Азовское Войско упразднялось.

И что самое любопытное — жеребьевка не потребовалась. Казаки Никольской и Покровской станиц, потомки запорожцев, единогласно высказались за переселение. Согласились ехать и казаки Стародубской станицы, потомки переселенных черниговских крестьян, помнивших о своем казачьем происхождении. А жители Новоспасской и Петровской станиц, потомки местных крестьян и мещан, желали остаться. Со времени образования Азовского Войска сменилось поколение, разнородные составляющие 30 лет служили вместе, но теперь четко расслоились! Одни предпочли сохранить звание казака, хотя для этого требовалось бросить хозяйство, ехать в неосвоенные края, на еще не

замиранный Кавказ. Для других оказалось важнее материальное благополучие. *Всего переселилось 1093 семьи, 5224 человека — половина Войска. Они были размещены в станицах Абинского и Адагумского полков.*

А в 1864 г. кончилась Кавказская война. И... это вызвало сильнейший кризис казачества. Среди гребенских староверов даже возникли слухи о скором «конце света». Доходило до того, что люди бросали хозяйства, пусть владеет, кто хочет. Нет, кризис, конечно, был вызван не особой воинственностью и «кровожадностью» казаков. От войны-то в первую очередь страдали они сами. Но вспомним, что и после Великой Отечественной солдатам было очень нелегко адаптироваться к мирной жизни — все помыслы, все чаяния были связаны с победой. И вдруг она достигнута... А ведь с войной на Кавказе жизнь казаков была связана не несколько лет, а полтора века! И вот победили. А... дальше? Терек и Кубань оказались уже не передним краем, а внутренними территориями. Даже и в семейной жизни все изменилось! Раньше казак был защитником родных. И кормильцем — ему шло жалованье, провиант, он приносил добычу. Жена, дети, старики, которые вели хозяйство, только помогали ему выполнять главную задачу. Теперь кормильцами становились они, а казак оказывался в роли чуть ли не нахлебника [23].

Мало того, стали носиться слухи о «расказачивании». И не без оснований. Масоны-реформаторы взяли именно такой курс. Гнули линию, что казачество не вписывается в структуры «современного» государства, в образцы «современных» (т. е. западных) армий, что казачья «патриархальность» (т. е. духовно-патриотические традиции) не соответствует либеральным реформам. Поддержала их набирающая вес буржуазия, раскатывая губы на богатства казачьих земель. Лорис-Меликов высказывался, что «роль и задача казачества уже окончена». А Милютин благополучно похоронил проект Евдокимова заселить Северный Кавказ казаками и сделать его единым казачьим краем, а самого Евдокимова спровадил в отставку. Вместо прежнего плана началось переселение крестьян. Еще в 1861 г. люди из центральных губерний, освобожденные без земли, писали в Казачьи Войска, просили принять их — мол, сами себе землю отвоюем, служить за это готовы. Теперь их зазывали на Кавказ! И ни служить, ни воевать не надо! Крестьяне хлынули потоком.

Милютин распорядился и о том, что в связи с общими реформами надо переработать законы о казачестве — дабы повысить его благосостояние и «гражданственность» [118]. В Войсках были созданы комитеты, вырабатывались проекты, как же повысить эту «гражданственность» без утраты традиций и боевых качеств. Спорили, ломали копья. Но все это оказалось никому не нужно. В 1865 г. в Петербурге был создан Особый комитет по пересмотру казачьих законоположений, и предложения из Войск он даже не рассматривал. А Милютин на первом заседании расставил точки над «i» — дескать, при противоречиях между вопросами военных традиций и «гражданственности», надо отдавать приоритет «гражданственности». Вовсю подключилась пресса. Так, либеральная газета «Голос» напрямую «голосила» — мол, нужно ли ставить вопрос о благосуде Казачьих Войск и расходах на это, если спорным является вопрос «о необходимости самого существования этих Войск», как «силы, боевые качества которой не могут быть совершенны». Нашлись и защитники казачества — одним из самых активных стал начальник штаба Войска Донского А.М. Дондуков-Корсаков.

И идти на общее «расказачивание» реформаторы не рискнули. Понимали, что без крупных потрясений оно не обойдется. Да и царь этого не поддержал бы. Решили действовать исподтишка и разрушить казачество иными способами. В 1868 г. вышли законы, позволяющие иногородним селиться на казачьих землях, приобретать собственность. А казакам предоставлялся свободный выход из казачьего состояния, разрешалось заниматься любой торговой и промышленной деятельностью [247]. В 1869 г. было принято «Положение о поземельном устройстве в Казачьих Войсках», в 1870 г. «Положение об общественном управлении в Казачьих Войсках» — станичная община признавалась всеобщей, иногородним давалось право участия и голоса в станичных сходах. Правда, только в

вопросах, которые их касаются, но это означало все вопросы хозяйственной жизни. А наделы офицеров и чиновников, которые раньше давались вместо окладов и пенсий, превращались в частную собственность, их разрешалось продавать кому угодно. И их стали скупать пришлые. На Казачьи Войска были распространены общегражданские суды. Несмотря на протесты казаков, учреждались земства. На казаков возлагалась земская поземельная подать, что вызвало бурю возмущения, и данный пункт пришлось отменить. Но остались другие земские подати и повинности.

Реформировалась и администрация. Посты войсковых атаманов были совмещены с должностями начальников областей. То есть чиновник в первую очередь оставался гражданским начальником, а во вторую ему доведывали титул атамана. При этом Милютин ловко (и единолично) подправил терминологию. В своих циркулярах разъяснял, что неправильно называть «войсковой землей» всю территорию Войск. Ее надо называть землей Кубанской, Терской и т. п. областей, а «войсковой землей» — только ту, что непосредственно занята казаками. Районы же, заселенные крестьянами или горцами, надо выделять в гражданское управление. В итоге территориальную целостность сохранили всего два Войска — Донское (здесь войсковой атаман еще до реформ получил права губернатора) и Уральское (из-за неплодородных земель иногородние сюда не ехали). А территория остальных Войск была раздроблена, казачьи юрты перемежались гражданскими волостями [118, 249].

Кое-кого под шумок «расказачили» и напрямую. В 1865 г. от Оренбургского края были отделены Самарская и Уфимская губернии. *И те оренбургские казаки, которые очутились в этих губерниях — на приволжской части Самарско-Оренбургской линии (крепости Красносамарская и др.), в районе Уфы, были переведены на положение крестьян*. В 1868 г. были упразднены *Дунайское и Башкирско-мещерякское Казачьи Войска*. Дунайское Войско после Крымской войны несло только внутреннюю службу — на таможенных кордонах, выполняло полицейские обязанности в Одессе, Аккермане. Оно было небольшим, природных казаков в нем было мало, и ликвидация прошла почти безболезненно — бывшие казаки устроились на тех же таможнях, в полиции. *А многие из башкир были недовольны, протестовали. И добились их включения в Оренбургское Войско*.

Очень крепко обкорнали и Кубанское Войско. Сперва от него оторвали Черноморский Край от Новороссийска до Адлера — вместо казаков его стали заселять армянами. А в связи с наплывом иногородних *в 1869 г. от Кубани отчленили Ставропольскую бригаду, 12 станиц, и 1 станицу от Терского Войска, перевели в «гражданское управление», станицы переименовали в села, а казаков обратили в крестьян* [51]. И единая Кавказская линия была разорвана, посреди образовалась «гражданская» область. Позже таким же образом, когда накопилось достаточно иногородних, был отделен от Кубанского Войска и «расказачен» *Адагумский полковой отдел*.

А основной массе казачества предстояло развалиться самой. Ее устои подрывались не только по линии административных, но и военных реформ. Суть-то этих реформ была нужной и правильной, заменить рекрутскую систему воинской повинностью, чтобы при относительно небольшой армии мирного времени иметь обученный запас резервистов. Но казачьи полки в 1869 г. были распределены по армейским кавалерийским дивизиям — в каждую входили 4 полка, уланский, драгунский, гусарский и казачий. Что обидело казаков, они получили «четвертые», последние номера. А в 1875 г. на казаков был распространен Устав о всеобщей воинской повинности. Что само по себе тоже было обидным, ведь казаки всегда рассматривали службу отнюдь не в качестве «повинности», а долга, главного своего предназначения. Но в этом Уставе казачьи войска перечислялись даже после запаса, перед частями из инородцев. Их вообще не относили к основному составу кавалерии, а к «вспомогательным войскам»!

Порядок службы был значительно изменен, общий ее срок определялся в 20 лет. С возраста 18 до 21 года казак находился в «приготовительном разряде», с 21 до 33 лет — «в строевом разряде», но на действительной службе был лишь 4 года, а потом на льготе, однако

обязан был исправно содержать коня и снаряжение. С 33 до 38 лет он числился в запасе, а потом увольнялся в отставку. Но вдобавок ко всему и общее количество кавалерийских дивизий в российской армии Милютин значительно сократил, их осталось всего 16. Плюс единственная казачья, 1-я Донская. Таким образом, в армии мирного времени сохранилось лишь 20 казачьих полков. Казаки оказывались в «избытке», и даже на 4 года в полк попадали не все. Требовалось отбирать по жребью, а те, на кого он не выпал, платили вместо службы особый налог.

По мысли реформаторов, служба в общекавалерийских дивизиях, да еще и недолгая, и не для каждого, должна была стереть особенности казачества. И оно растворится в наплыве иногородних. Логически (по логике либералов) так и должно было случиться! Быть казаком стало невыгодно с материальной точки зрения! Зачем тратиться на коней, форму, оружие (хотя, может, и не призовут в строй), отвлекаться на сборы, войсковые обязанности, если можно запросто выйти из Войска и заниматься собственным хозяйством? А если все же призовут в армию (но и крестьян призывали не каждого, а по жребью), то отслужить без хлопот, на полном государственном обеспечении. Но... у господ масонов ничего не получилось. У казаков-то действовала другая логика. И они, несмотря ни на что, оставались казаками! Случаи выхода из казачества были единичными. Даже переселялись из «расказаченных» селений в казачьи, абы остаться казаками.

Любопытно отметить, что в то же самое время, когда кампания «расказачивания» разворачивалась в России, за границей завершилась боевая история некрасовцев. Их дунайские общины потеряли воинский дух, меняли род занятий и постепенно растворялись в липованском населении — последний атаман дунайских некрасовцев занимал этот пост чисто номинально и был купцом. Ну а в Турции тоже шли либеральные и военные реформы, «казачьи» функции перелагались на кавказцев-башибузуков, и в 1864 г. некрасовцы были лишены своего статуса. Их общины на Мраморном море и в Анатолии превратились в старообрядческие и этнографические «изоляты», живущие замкнутой жизнью, сохраняя обычаи XVIII в.

57. СЕМИРЕЧЕНСКОЕ ВОЙСКО

В Средней Азии существовали три государства, Хива, Бухара и Коканд, под властью которых группировались кочевые племена. Большинство казахов считалось подданными России. Но часть казахов и киргизы (в XIX в. их считали одним народом и именовали киргизами или киргиз-кайсаками) подчинялись Хивинскому и Кокандскому ханствам. Нападали на русские владения, похищали людей, угоняли скот. Хивинцы чувствовали себя неуязвимыми за безводными пустынями и терроризировали Урал и Оренбуржье, многие казаки и крестьяне попадали на азиатские рынки, женщины пополняли гаремы, мальчиков скопили, превращая в евнухов. Захватывали и подвластных царю казахов, но и разлагали их, инициировали бунты, и порой шайки российских казахов тоже подключались к набегам.

Чтобы эффективно противостоять им и взять кочевников под контроль, в 1820-1830-х гг. посты Оренбургской и Сибирской линий стали выноситься вперед, в степи. В 1834 г. оренбургский генерал-губернатор **Василий Алексеевич Перовский** основал на Каспийском море Ново-Александровский форт, затем Ново-Петровский на Мангышлаке. С 1835 г. начала строиться Новая линия между Орской и Троицкой — «старая» шла по правому, европейскому берегу Урала, Новая — по левому. Но «разбои» не прекращались. Документы того времени переполнены известиями о них: разгромлен казачий пост в 15 верстах от Оренбурга... ограблен купеческий караван... угнано 25 тыс. овец... пленена команда военного бота во главе с лейтенантом Гусевым... на Иргизе захвачен караван, похищены сопровождающие... На берегу Каспия похищено 200 рыбаков [155]...

В 1837 г. Перовский выслал в степь 550 уральских казаков, в наказание за набеги они захватили скот, пленных, которых обменяли на русских. Было издано постановление о предании военному суду кочевников, уличенных в убийстве, измене, грабежах,

неповиновении властям. К Хиве было предъявлено требование вернуть русских невольников. Но она его проигнорировала. И по приказу Николая I был организован поход на нее. Летом 1839 г. оренбуржцы построили промежуточные базы, укрепления Эмбинское и Ак-Булак на Аральском море. А в ноябре Перовский с 5 тыс. казаков и солдат, 2 тыс. казахов (250 вооруженных) выступил в степь. Но начались сильные метели, ударили 40-градусные морозы. С невероятными трудностями и лишениями отряд добрался до Ак-Булака. Люди замерзали, обмораживались, их начал косить тиф. От холодов и бескормицы пали все верблюды. За неимением топлива жгли ящики, канаты, пожгли деревянные детали укрепления. И 1 февраля Перовский приказал повернуть назад. Отряд потерял 11 офицеров, 3 тыс. нижних чинов и 1 тыс. казахов. Но и хивинский хан оценил угрозу, вернул до тысячи пленных.

К середине XIX в. положение стало осложняться вмешательством англичан. Создав огромную колониальную империю, они считали себя хозяевами мира. Утвердились в Индии, Иране, и их агенты появились в Средней Азии. Соблазняли местных монархов покровительством, настраивали против русских, обещая помощь. Однако и Россия сделала должные выводы из катастрофического похода — и перешла к планомерному наступлению на степь. С 1845 г. далеко впереди Оренбургской линии стала строиться еще одна — по рекам Ирзиз и Тургай — крепости Оренбургская (Тургай), Уральская (Иргиз), Карабутах. В 1847 г. на берегу Аральского моря возникло Раимское укрепление (Аральск) Службу тут несли оренбургские, уральские казаки и солдаты Оренбургских линейных батальонов. В связи с этим продвижением места в Поволжье наконец-то стали безопасным тылом, Самарско-Уфимская линия утратила свое значение, и *Ставропольское Казачье Войско, которое ее обслуживало, в 1842 г. было упразднено, казаков переселили на новые рубежи, и они вошли в Оренбургское Войско.*

Преобразования происходили и в Сибирском Войске. В 1846 г. оно было реорганизовано по типу Донского, получило своего наказного атамана, было учреждено Войсковое правление, размещенное в Омске. В 1848 г. было принято новое положение о Сибирском Войске, оно выставляло 9 конных полков и 3 батареи. *Была создана гвардейская сибирская команда.* Для усиления Войска к нему причислили 10 тыс. государственных крестьян. Но большинство из них в казачество не вошло, осталось приписными крестьянами. Да и казаки здесь подразделялись на строевых и резервных. Сибирское Войско привыкло обеспечивать себя само, имело суконную фабрику, кирпичный, кожевенный заводы. И резервные казаки (9 команд) охраняли эти предприятия, заготавливали и сплавляли лес, содержали почту. Строевые же казаки обслуживали Сибирскую линию. И одновременно с Оренбургской линией она тоже двинулась вперед. На юг от Иртыша сибирскими казаками и солдатами Сибирских линейных батальонов была построена крепость Аягуз, а в 1847 г., еще южнее, Копал [201]. Новые крепости позволяли замирать и контролировать окрестных киргиз-кайсаков. Впрочем, и сами они, принося присягу, получали защиту от набегов хивинцев и кокандцев.

В 1851 г. генерал-губернатором Оренбурга и наказным атаманом Уральского Войска вторично был назначен Перовский. Он теперь был более опытным, получил огромные полномочия и значительные средства. Укрепил оборону на линиях, создал флотилию на Аральском море. А в июне 1853 г., тщательно подготовившись, предпринял поход на кокандскую крепость Ак-Мечеть, запиравшую пути в Среднюю Азию и считавшуюся неприступной. Корпус из 5 тыс. человек с 36 орудиями за 24 дня преодолел по жаре 900 верст и пошел на штурм. Бой длился 5 суток, защитники сопротивлялись до последнего и пали почти все. Русские потеряли 175 человек и Ак-Мечеть взяли. Она была переименована в форт Перовский. Дважды кокандский хан посылал войска, чтобы вернуть крепость, но оба раза русский гарнизон крепко побил их, и хану пришлось смириться с потерей. И от форта Перовский стала строиться Сырдарьинская линия. На запад от Аральского моря протянулась цепь казачьих кордонов до нижнего течения Урала.

А на восточном фланге Средней Азии сибирские казаки, сделали еще шаг на юг, в

1853 г. основали крепость Верную (Алма-Ата). Чтобы закрепиться в Семиречье, весной 1854 г. сюда по жребию переселились казаки с Кольвано-Кузнецкой и Бикатунской линий (9-й и 10-й полковые округа), к ним добавили 500 крестьянских семей, также включенных в казачье сословие [219]. Появились станицы Алматинская, Надеждинская, Лепсинская и др. Кокандскому хану это очень не понравилось и в 1860 г. его армия и ополчение киргизов вторглись в Семиречье. Навстречу выступил комендант Верной подполковник **Герасим Алексеевич Колпаковский**. Собрал 2 тыс. казаков и солдат с 8 пушками, он совершил стремительный марш до р. Узун-Агач, и в трехдневных боях разгромил 20-тысячное вражеское войско. После этого силы Колпаковского соединились с отрядом полковника Циммермана и взяли штурмами кокандские крепости Токмак, Пишпек (Бишкек) и Мерке.

Но между крайними укреплениями Сырдарьинской линии и Семиречьем оставался разрыв в 900 верст. Враждебные племена, опираясь на крепости Азрек, Аулие-Ата, Чимкент, Туркестан, проникали в русские тылы. И было решено эти «ворота» закрыть. Войск в Средней Азии было очень мало — 11 оренбургских и 12 сибирских линейных батальонов, казаки трех Войск, весьма немногочисленных. И все эти силы были разбросаны на огромном пространстве в 3500 верст. Но народ был боевой. В мае 1864 г. навстречу друг другу выступили два отряда. От Перовска — полковник **Николай Александрович Веревкин** с 1200 солдат и уральских казаков при 10 пушках, от Верного — генерал **Михаил Григорьевич Черняев** с 1500 солдат и сибирских казаков при 4 пушках. Веревкин взял крепость Туркестан. Черняев — Аулие-Ата (Джамбул) и соединился с Веревкиным, приняв общее командование. После оставления гарнизонов в крепостях и потерь общие силы составляли 1 тыс. человек и 9 орудий, но они храбро атаковали Чимкент, где насчитывалось 10 тыс. защитников и 47 пушек. И победили, потеряв при штурме 47 бойцов. Была образована новая область, центром ее стал г. Туркестан.

Кокандский хан решил нанести удар, пока русские не усилились и не укрепились. Собрал 14 тыс. отборной конницы и поставил задачу скрытно, изгоном выйти к Туркестану, внезапно напасть и уничтожить пришельцев. Но неожиданности не получилось... Вероятно, читатели слышали казачью песню:

«В степи широкой под Иканом нас окружил коканец злой,
Три дня, три ночи с басурманом мы там вели неравный бой...»

Она посвящена как раз этому событию. Но в песне есть неточность — «мы шли, полки у нас редели, отважно умирал казак». Там не было полков. У селения Икан 4 декабря 1864 г. неприятельское войско встретила одна сотня 2-го Уральского полка, 110 казаков с 1 легкой пушкой, а командовал ими есаул **Серов**. Больше чем сто на одного... Подробностей боя потом не помнил никто. Вокруг неслась круговерть вражеских всадников, нападала то с одной стороны, то с другой. А сотня отбивалась — не за укреплениями, а в голой степи. Отстреливалась, отражая атаки. И сама кидалась в шашки, раскидывая неприятелей и упрямо продвигаясь к своим. Это длилось трое суток, без перерывов, днем и ночью. 6 декабря в крепости услышали выстрелы. И выслали несколько рот пехоты узнать, что творится. Но оказалось, что казаки так измотали и потрепали коканцев, что те боя не приняли. И увидев, что подходят еще русские, повернули прочь. Из 110 героев погибли 52. Не ранеными остались 11. Все казаки были награждены Георгиевскими крестами [201].

В следующем году Черняев с отрядом из 1800 человек выступил на Ташкент. Разбил коканцев в полевом сражении у стен города, ночью отряд казаков вскарабкался на стены, снял часовых и открыл ворота. Уличный бой продолжался два дня. После чего горожане прислали делегацию объявить о сдаче. Черняев всего с 5 казаками проехал через весь Ташкент к базарной площади и принял капитуляцию — тронуть их уже никто не посмел. Но еще перед приходом русских город обратился к эмиру Бухарскому, отдаваясь под его защиту. Это обстоятельство и происки англичан привели к вступлению в войну Бухары. Но и ее 40-тысячная армия была разгромлена при Ирджаре, в 1866 г. русские взяли Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак.

В 1867 г. на завоеванных землях было образовано Туркестанское

генерал-губернаторство из двух областей, Сырдарьинской и Семиреченской. *И возникло новое, Семиреченское Казачье Войско — сибирские полки № 9 и № 10 были преобразованы в семиреченские полки № 1 и № 2.* Наказным атаманом и начальником области царь назначил отстоявшего Семиречье от кокандцев Колпаковского, произведенного в генерал-майоры. Кстати, у казаков, обосновавшихся в Семиречье, возникла проблема с женщинами. Ведь перебиралась в новые места большей частью молодежь. А семейные, если на них падал жребий, старались откупиться, нанимая за себя холостяков. И указом Сената от 11.02.1865 г. здешним казакам было разрешено покупать и выменивать девочек у кочевников. Их крестили, размещали в русских семьях, до 15-летнего возраста на них выделялось хлебное и денежное жалованье. А женихов они выбирали по своей воле, но только из казаков.

Туркестанский корпус, как раньше Кавказский, представлял собой «особый мир», здесь была введена и особая форма одежды. Белые рубахи, которые в русской армии предназначались для занятий гимнастикой (отсюда и слово «гимнастерка») стали строевыми. Солдат переодели в казачьи штаны-«чембары», а к армейским кепи приделывались белые чехлы с назатыльниками, предохраняющие от солнца. Позже такая форма была распространена и на Оренбургский военный округ. А боевые качества противника были очень низкими. Бухарский эмир и кокандский хан стремились собрать массовые ополчения, но получались толпы, растворявшие в себе хороших наемников-профессионалов. Они были плохо вооружены, необучены, имели низкий боевой дух. В сражениях все решали стойкость и напор, а этого Туркестанскому корпусу было не занимать. Нормальным считалось соотношение рота на тысячу. В 1868 г. генерал-губернатор Кауфман выступил на Самарканд с отрядом в 4 тыс. Их ждало 60-тысячное бухарское войско. Казаки и солдаты вброд ринулись через р. Зеравшан. Перейдя ее, становились на руки, чтобы не тратить времени на переобувание и вылить воду из сапог. Ударили в штыки и опрокинули противника. Но бухарцы сочли, что раскусили магический секрет русских. Через месяц, при Зарабулаке, наши воины вдруг увидели, как враги становятся на голову, а соратники трясут их за ноги. И понеслись в атаку. Их даже не допустили до рукопашной, положили 10 тыс. человек из скорострельных винтовок Карле. Бухара запросила мира.

В 1869 г. англичане инспирировали и вооружили восстание в китайском Кашгаре, банды оттуда принялись нападать на Семиречье. И атаман Колпаковский ввел казаков и отряды солдат в Китай, занял г. Кульджу. Впрочем, вернул эти районы Пекину, когда китайское правительство справилось с мятежом. В 1860-х гг. русские продолжили и освоение восточного берега Каспия. Была построена крепость Красноводск, возникла Закаспийская область. Она поддерживала связь с Россией через море, поэтому была подчинена Кавказскому генерал-губернаторству, и служили здесь кубанские и терские казаки.

А в 1873 г. наши войска четырьмя отрядами двинулись на гнездо разбойников, Хиву. Отряд, шедший из Красноводска, не выдержал тяжелейшего пути через пустыни и повернул назад. Отряды, выступившие с Эмбы и Мангышлака, вместе 6,5 тыс. человек и 16 пушек, встретились у Мангыта и под общим командованием наказного атамана Уральского Войска генерала Н.А. Веревкина отбили нападения хивинцев. В этих боях отличился полковник **Михаил Дмитриевич Скобелев**. Он командовал авангардом из казаков 1-го Кизлярско-Гребенского и 1-го Сунженско-Владикавказского полков, в схватках получил 7 ран. Четвертый отряд, Кауфмана, в 6 тыс. при 18 орудиях шел из Туркестана, едва не погиб в песках — спаслись чудом, случайно обнаружив колодцы. Соединились у Хивы с Веревкиным и 28 мая пошли на штурм. Противник встретил жестоким огнем батарей новеньких английских орудий, контратаками. Кауфман приказал: «Ракетами — по коннице, артиллерия — по воротам». Первым в пролом ворвался 29 мая Скобелев с терцами. Хива пала.

Хан сперва сбежал, но вернулся, при встрече с Кауфманом подполз к нему на животе, просил вернуть ему владения, обещая принести присягу. Было освобождено 10 тыс. русских и казахских невольников. Происходили душераздирающие сцены — многие русские,

похищенные в детстве, успели состариться в рабстве. Кидались на шею нашим воинам, рыдали, пытались распрашивать о родных местах. Но еще больше хивинцы «щипали» Иран, не имевший таких систем обороны. В плену оказалось 40 тыс. персов. Когда их отправляли домой, они плакали от счастья, падали на колени перед казаками: «Дозвольте, и мы облизем пыль с ваших божественных сапог». В результате этих побед Хива, Бухара и Коканд сохранили свою государственность, но их монархи признали себя вассалами царя, запретили работоторговлю, уступили часть территорий. Граница прошла по Амударье, где был построен форт Петропавловск, устроена линия казачьих кордонов. Службу тут несли уральцы, некоторые поселялись насовсем. Здесь возникли и поселения беглых сектантов-молокан, часть их тоже «оказачилась». *Так возникло Амударьинское казачество.* Генерал-губернатор Кауфман развивал торговлю, налаживал гражданскую жизнь, открыв в крае 60 школ и первую библиотеку.

Но многие местные феодалы не смирились с ограничениями своего произвола. В 1875 г. кокандского хана Худояра сверг и изгнал восставший бек Пулат. Был провозглашен ханом — с принесением человеческой жертвы, зарезали юношу, окропив кровью кошму, на которой подняли Путата, и он объявил «газават» русским. Англичане прислали деньги, оружие, отряды сипаев. Пошла резня тех, кого сочли сторонниками России. Кокандцы напали на Ходжент, но были отбиты. И Кауфман с 4 тыс. бойцов сам перешел в наступление. Конницей отряда (а она в Средней Азии состояла только из казаков) командовал Скобелев. Под Махрамом 24 августа встретили 60-тысячную армию Пулата. Пехота атаковала в лоб, Скобелев со 2-м Уральским полком и семиреченцами зашел в тыл. Перебили 3 тыс. врагов, остальных рассеяли. Наши потери составили 5 погибших и 8 раненых.

Но едва наши войска, посадив на престол законного хана, ушли, вернулся Пулат, и Коканд опять восстал. На усмирение отправился отряд генерала Троцкого. 1 октября взял Андижан, разгромив 70 тыс. повстанцев. Скобелев снова отличился, был произведен в генерал-майоры. И придумал для себя особую форму — белую. И коня всегда выбирал белого, отчего и получил прозвище «Ак-паша» — «белый генерал». Вскоре ему довелось возглавить первую самостоятельную операцию. В декабре, как только русские, замилив Коканд, покинули его, Пулат поднял третий за полгода мятеж. Скобелев выступил немедленно, однако вынужден был вернуться, в тылу у него восстан Наманган. «Белый генерал» миндальничать не стал, сжег город, пресекая бунт в зародыше. Потом продолжил экспедицию, 31 декабря разгромил 20 тыс. кокандцев на Балыкчанских завалах, 4 января вторично взял Андижан. Пулат был пойман и за свои зверства без долгих разговоров повешен. А поскольку стало ясно, что ханы Коканда не могут держать подданных под контролем, это государство было ликвидировано и преобразовано в Ферганскую область. Ее начальником стал Скобелев. В июле 1876 г. он совершил трудный поход по горной Киргизии, замилив местные племена и приведя в подданство России. Границы нашей страны продвинулись до Памира [77].

58. ЗА СВОБОДУ ЕДИНОВЕРЦЕВ!

Во второй половине XIX в. Турция начала «демократические» реформы, что резко ухудшило положение христиан — все подати и повинности перекладывались на них. Сказалось и размещение на Балканах башибузуков с Кавказа. Они грабили христиан, похищали женщин, а управу в турецких судах было найти невозможно. В 1875 г. восстали Босния, Герцеговина, Болгария. В поддержку выступили Сербия и Черногория. Но были разбиты, а в мятежных областях башибузуки учинили чудовищную резню, людей сжигали, распинали, беременным женщинам вспарывали животы. Только теперь европейская пресса зашумела о зверствах тех же самых разбойников, которых героизировала, пока они резали русских. Но когда Александр II предложил коллективное вмешательство, западная дипломатия быстро спустила дело на тормозах. Россия в 1877 г. объявила мобилизацию одна, заключив союз с Румынией. Султанское правительство было испугалось, но

понадеялось что западные державы снова его поддержат. Султан провозгласил «газават». Грянула одиннадцатая (!) русско-турецкая война.

И представляется весьма характерным, что те же самые масонские деятели, которые выступали апологетами «рассказывания», Милютин и Лорис-Меликов, стали и «злыми гениями» русской армии, едва не приведя ее к катастрофе. Силы турок Милютин в докладах царю преуменьшил втрое. А их боеспособность объявил нулевой. Убедил, что война будет легкой прогулкой. По планам, разработанным им же, на главных направлениях сосредотачивались совершенно недостаточные силы. Вдобавок Милютин передал контракт на все довольствие армии еврейскому товариществу «Коган, Грегор, Горвиц и К^о» — и по п.3 контракта главное командование обязалось за неделю извещать поставщиков о перемещениях частей и соединений [77]! Если назвать это не изменой, то... как же еще назвать?

Между тем османские части были прекрасно обучены и вооружены лучше русских. И в то же самое время, когда Милютин чрезмерно сократил кавалерию, да еще и расплыл ее, раздав полки по пехотным дивизиям, турки сформировали многочисленную конницу из башибузуков, прекрасно экипировав ее, вооружив по последнему слову техники магазинными «винчестерами». А в короткий срок усилить русскую кавалерию призывом из запаса было невозможно, для этого нужна особая выучка, выездные лошади. Но подготовленным резервом стали казаки! По призыву царя они выставили 125 тыс. воинов — составляя всего 2,2 % населения страны, казачество дало 7,4 % ее вооруженных сил [106]. 29 донских полков и 14 батарей направлялись на Дунай. Туда же выступили 2 оренбургских и 1 уральский полки. А большая часть кубанских, терских частей и 2 астраханских полка были включены в состав Кавказского корпуса. Было решено повторить план Дибича 1829 г. — блокировать вражеские крепости и прорваться за Балканы. А на Кавказе корпус Лорис-Меликова наносил вспомогательный удар.

Первый подвиг совершили донцы 21-го полка **Струкова**. Проскакав за сутки 90 верст, они внезапно захватили стратегически важный Барбошский мост через Серет — турки не успели занять или уничтожить его. В июне 1877 г. Руцукский отряд из двух корпусов форсировал Дунай у Галаца и блокировал главную турецкую армию, 100 тыс. бойцов, в «четырёхугольнике крепостей» Руцук, Шумла, Варна, Силистрия. Командовал отрядом Августейший атаман Казачьих Войск наследник престола Александр Александрович, будущий Александр III. И отличился в боях его «личный», Атаманский полк, за что был уравнен в правах со старой гвардией — преображенцами, семеновцами, измайловцами. А главные силы переправились через Дунай выше по реке, и на юг был брошен Передовой отряд И.В. Гурко: стрелковая бригада, 6 дружин болгар, 3 драгунских, 5 донских полков, 2 сотни кубанцев, сотня уральцев и 5 батарей. Казаки шли в авангарде. Атаками в пики опрокидывали скопища башибузуков, разгоняли гарнизоны. Заняв древнюю столицу Болгарии Тырново, отряд устремился на Балканы. Совершив по жаре 120-верстный марш, атаковал укрепления врага на Шипкинском перевале. Турки отчаянно оборонялись, но, обойденные с двух сторон по горным тропам, бросили позицию и все пушки. Первой проникла за Балканы казачья полусотня хорунжего **Дукмасова**.

Но тут-то и сказалась недооценка неприятельских сил. Выявились две «неучтенных» армии. Одна, Османа-паши, двинулась из Сербии и Западной Болгарии, заняла Плевну на правом фланге русских, и дальнейшее продвижение стало невозможным. Другая армия атаковала Передовой отряд в лоб. Он был слишком малочисленным, болгарское ополчение было разбито у Эски-Загоры. Пришлось отступить за Балканы. В августе 40 тыс. турок навалились на 4 тыс. защитников Шипки. Этот пункт стал ключевым — падение Шипки позволило бы трем османским армиям соединиться. Но защитники встали насмерть. Среди них были две сотни кубанцев 7-го пластунского батальона. Вместе с солдатами и болгарскими ополченцами отражали штурмы. Но на третьи сутки непрерывных атак положение казалось безнадежным. Турки ворвались на позиции. Кончились патроны, снаряды. Наши бойцы отбивались штыками, прикладами, камнями. И вдруг с тыла

показалась странного вида колонна — скакал 23-й донской полк **Николая Яковлевича Бакланова**, сына кавказского героя. А на крупах лошадей казаки везли батальон 4-й стрелковой бригады. Стрелки и казаки мгновенно бросились в контратаку, выправив положение. Это дало возможность подтянуть свежие части корпуса Радецкого и отстоять Шипку [63].

На Кавказе корпус Лорис-Меликова выступил от Александрополя на Карс. Два отряда оперировали на флангах, прикрывая его. На правом, от Ахалциха, наступал генерал Девель и взял штурмом Ардаган. Здесь отличился представитель высшей аристократии (из Рюриковичей!), связавший свою судьбу с казачеством — **Сергей Александрович Шереметев**. Попал на Кавказ поручиком в свите наместника, но стремился к личному участию в боях и в 1861 г. официально был зачислен в Кубанское Войско. Потом командовал Собственным Его Величества Конвоем (кубанским), а в этой войне получил под начало Сводную Кавказскую кавалерийскую дивизию. На левом же фланге отряд Тергукасова из 8 тыс. штыков и сабель наступал от Эривани. Блестящей атакой кубанского 1-го Уманского полка сбил противника с Зорского перевала, занял Баязет. Оставил гарнизон и двинулся дальше.

Лорис-Меликов соединился с Девелем, и, имея 37 тыс. бойцов, осадил Карс. Но действовал вяло, пассивно. Это позволило турецкому командующему Мухтару-паше собрать в Эрзеруме армию в 35 тыс. Ванский паша Фаик также сформировал корпус в 11 тыс. И турки перешли в наступление. Лорис-Меликов выслал им навстречу отряд, его отбили. И командующий... приказал снять осаду и отступить. Эриванский отряд Тергукасова, рейдировавший восточнее главных сил, очутился в тяжелейшем положении. Против него повернула вся армия Мухтара, а в тыл вышел Фаик-паша и подступил к Баязету.

Гарнизон крепости составлял 1330 человек — батальон Ставропольского полка, казаки 1-го Уманского полка и взвод 19-й артиллерийской бригады [201]. А севернее лежала Эриванская губерния, которую охраняли всего 2 роты! И только героическая оборона Баязета связала турок и предотвратила их вторжение в российское Закавказье. Солдаты и казаки отбивали атаку за атакой, в цитадели не было воды, смельчаки жертвовали жизнью, принося ее из источника, находившегося под прицельным обстрелом. Через неделю комендант подполковник Пацевич пал духом и решил сдаваться. Но офицеры его застрелили и выбрали командиром майора Штоквича, постановив стоять до конца. В июльский раскаленный зной раненым выдавали по кружке воды, здоровым по полкружки через день.

Изменить катастрофическую ситуацию сумел Тергукасов. Попав со своим отрядом в окружение, он действовал весьма умело. Мухтар-паша атаковал его под Даяром, но был отбит. Драгуны и терцы 2-го Сунженско-Владикавказского полка погнали турок фланговыми контратаками, враг потерял 2 тыс. человек и отступил. А Тергукасов, пользуясь этим, проскочил между группировками Мухтара и Фаика и вырвался к российской границе, прикрыв Эривань. Узнав о критическом положении Баязета, Тергукасов, едва дав своему отряду передохнуть и пополнив боеприпасы, выступил на выручку. 10 июля части Фаик-паши опрокинули и прогнали. Осада длилась 24 дня, в гарнизоне погибло 317 человек.

Наступая на Закавказье, турки постарались раздуть новое восстание в Чечне и Дагестане. Но разгореться ему не дали, и главную роль в этом сыграли казаки. Подавили быстро и решительно, хотя и с жестокими боями. Достаточно сказать, что за эти сражения, не вошедшие в исторические анналы войны, были удостоены коллективных наград — георгиевских труб, знаков на шапки, 2 кубанских, 4 терских полка и 2-я Терская батарея. Причем 1-й Хоперский полк совершил из Закавказья тяжелейший, но быстрый бросок через Кавказский хребет, обрушившись на мятежников с тыла, откуда не ждали.

Неудачи Лорис-Меликова встревожили кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. И он лично принял командование. Перегруппировал войска, затребовал резервы. В октябре главные силы русских и Мухтара-паши сошлись на Аладжинских высотах. Три дня сражения не принесли успеха ни одной стороне. Но турки не выдержали первыми, стали отводить части. Уловив этот момент, Михаил Николаевич

предпринял новую атаку, и врага смяли. Тут-то и поработали казачьи шашки. Турки потеряли 22 тыс. воинов из 40 тыс., 35 орудий из 39. После этого великий князь вернулся к обязанностям наместника, но приставил к бездарному Лорис-Меликову своего начальника штаба Обручева. Часть русских войск осадила Карс, а часть преследовала Мухтар-пашу, сумевшего собрать на хребте Деве-Бойну еще 20 тыс. войск. 5 ноября генерал Гейман продемонстрировал атаку на левом фланге, а Тергукасов с 2 пехотными дивизиями, 1 кубанским и 4 терскими казачьими полками нанес удар на правом. Турецкая полевая армия перестала существовать. А 18 ноября отряд генерала Лазарева штурмовал Карс. Вместе с пехотой на стены взойшли кубанцы 1-го Ейского полка, терцы 2-го Волгского, 1-го и 2-го Сунженско-Владикавказских полков. Из 25-тысячного гарнизона 3 тыс. погибло, было взято 22 тыс. пленных, 303 орудия.

А на Балканах в конце лета и осенью продолжались неудачи. Три кровопролитных штурма Плевны, где укрепился Осман-паша, обернулись огромными потерями. Выправилось дело лишь в октябре, когда командование было поручено герою Севастополя Тотлебену, решившему брать врага блокадой. Другие турецкие армии пытались помочь Осману, нанести удары русским, пока они связаны у Плевны. Вессель-паша опять штурмовал Шипку, Сулейман-паша из Добруджи решил прорваться в русские тылы. В сражении у Мечки на острие вражеских атак прославилась 21-я донская батарея, косившая неприятеля картечью и гранатами. Турок отразили и сбросили в р. Лом. А блокада Плевны делала свое дело. Войска Османа стали голодать и 10 декабря пошли на прорыв. Теперь уже русские встретили их на подготовленных позициях, побили и загнали назад в город. Армия Османа капитулировала. В сражениях за Плевну отважно дрались и казаки — после ее взятия только из Донского Войска было награждено 44 тыс. человек [63].

Прусский фельдмаршал Мольтке, считавшийся величайшим стратегом своего времени, узнав о падении Плевны, убрал военную карту в сейф, сказав: «До весны». Переход через Балканы зимой он считал невозможным. Но русские гарнизоны на перевалах вымирали от морозов и болезней. И, кстати, это тоже во многом было на совести военного министра — приятели Милютин «Коган, Грегор, Горвиц и К^о» обворовали наших бойцов, не поставив тулупы и полушубки. А если оставить перевалы, отдать их туркам, то весной снова пришлось бы брать их штурмами, еще и похлеще Плевны. И русские войска двинулись в горы четырьмя колоннами, в центре — Скобелева и Святополк-Мирского, на флангах — Гурко и Карцова. Во всех отрядах были казаки — 1-й, 23-й, 26-й, 30-й Донские полки, 19-я донская батарея, Кавказская бригада. Пробивались через снега по поясу, а то и в человеческий рост, карабкались по обледенелым тропкам над ущельями. В отряде Скобелева отличился уже упоминавшийся хорунжий Дукмасов. «Белый генерал» обратил на него внимание в период отступления, когда полусотня Дукмасова ночью, буквально перед носом у турок подобрала на поле боя 450 раненых. И Скобелев взял хорунжего к себе в адъютанты. Под Плевной Дукмасов с его приказами носился в самое пекло. А при переходе Балкан с 20 казаками вскарабкался на отвесную кручу и сбил сотню турок, расстреливавших с вершины нашу пехоту.

Выйдя на равнину, колонны Скобелева и Святополк-Мирского зажали с двух сторон армию Весселя-паши, осаждавшую Шипку, разгромили и вынудили к сдаче. А колонна Гурко взяла Софию и устремилась к Стамбулу. Чтобы защитить столицу, турки перебрасывали войска из Добруджи, собирали резервы. Последняя турецкая армия Сулеймана-паши сосредотачивалась у Филиппополя. Казаки и пехотинцы Гурко атаковали ее, на морозе перейдя по грудь в воде р. Марицу. Разбили, а за отступающими остатками бросился отряд Д.И. Скобелева — отца «белого генерала». 30-й донской полк **Митрофана Грекова** с 19-й батареей и драгунами настиг врага у Караджилара и добил, захватив 53 орудия.

А отряд Скобелева-сына двигался параллельно отцу. Вперед он выслал авангард А.П. Струкова из 1-го Донского, драгунского и уланского полков. Они промчались по тылам турок, громя железнодорожные станции, обозы, склады и ворвались в Адрианополь, в панике

брошенный 22-тысячным гарнизоном. Подошедший Скобелев приказал им двигаться дальше, и 24 февраля был занят пригород Стамбула Сан-Стефано. Здесь и продиктовали туркам условия мира.

Но тут же вмешался Запад! Англия прислала военный флот, объявила мобилизацию Австро-Венгрия. Их сторону приняли Франция и даже «союзница» Румыния. Все решала позиция Германии, и Бисмарк прикинулся «другом» России, предложив посредничество. Но на Берлинском конгрессе вдруг переметнулся на сторону ее противников. Оставшись в изоляции, русские вынуждены были пойти на уступки. К России отошли Аджария, Карс, Ардаган. Вернулась и оторгнутая Бессарабия — взамен румынам дали Добруджу. Но от части претензий пришлось отказаться, и границы освобожденных балканских государств были перекроены по усмотрению западных держав. Для казаков же эта война имела еще один, особый результат. Проявленная ими высочайшая мобилизационная способность и чудеса доблести заткнули рты сторонникам «расказачивания» и пресекли дальнейшие потуги в этом направлении.

59. ЗАЩИЩАЯ ИМПЕРИЮ И ИМПЕРАТОРА

Одним из следствий либеральных реформ Александра II стал, увы, и всплеск революционного движения. Питательной средой для его развития стали дворянство, разночинская интеллигенция, студенты. Добавилась и буржуазия — которая, как и в Голландии, Англии, Франции набрала вес при абсолютизме, после чего возникало желание самой дорваться до власти. Реформа гласности открыла широкую дорогу масонской пропаганде, внедрявшей моду на «свободолюбие». Антипатриотическое, антигосударственное стало приравняться к «прогрессивному». А когда Александр II попытался ограничить этот разгул некими приемлемыми рамками, «общественность» завопила о «реакции», о «возврате всех ужасов николаевщины». Революционеры «пошли в народ» — «будить» Русь и поднимать против «самодержавия». Разумеется, ничего из этого не вышло. Потому что на самом-то деле большинство тогдашнего российского дворянства и интеллигенции космополитизировались, оторвались от своего народа и жили в надуманном мире собственных иллюзий. Они чувствовали себя вполне «дома» в Париже и Лондоне, а среди русских крестьян оказались чужими.

Но особое внимание революционеры обратили на казачество. Идеализируя Разина и Пугачева, сочли, что станичников легче всего поднять за «свободу». Однако тут господа разрушители просчитались. Казаки действительно имели причины для недовольства решениями правительства. Но отнюдь не такие причины, чтобы выступать против царя и России. А изменников-агитаторов без долгих разговоров вязали и представляли начальству. Тогда-то горячая «любовь» революционеров к казакам сменилась жгучей ненавистью, им прилепили ярлык «псов самодержавия». Да ведь и «прогрессивная» западная пресса клеймила казаков за Кавказ, Польшу. Что ж, казаки и впрямь верно служили царю. И охраняли его — а это тоже стало опасной службой. Обжегшись с «хождением в народ», революционеры перешли к терроризму. Покушения на Александра II следовали в 1866, 1867, дважды в 1879, в 1880 гг.

Казаки продолжали защищать и границы империи. Покорение Средней Азии еще не завершилось, оставалась Туркмения. Сообщение между Красноводском и Ташкентом шло кружным путем, через Астрахань и Оренбург. А текинцы (туркмены) были самыми сильными и воинственными племенами Средней Азии. От них доставалось бухарцам, персам, именно от них в Хиву поступала львиная доля невольников. А теперь русские приблизились к ним, и они нападали на русских. У текинцев насчитывалось до 50 тыс. воинов, половина имела английские винтовки, остальные трофейные русские или кремневые, все мастерски владели холодным оружием. И достать их в оазисах среди пустынь было крайне сложно.

В 1877 г. генерал Ломакин предпринял из Красноводска поход на ближайший оазис,

Кизил-Арват. Дошел, но кончилось продовольствие, и пришлось вернуться назад. В 1878 г. Ломакин получил нелепый приказ Милютина произвести «усиленную рекогносцировку» главного, Ахал-Текинского оазиса. Сумел добраться туда с невероятными трудами и возвратился с отрядом в Красноводск — в результате таких действий текинцы сочли, что русские испугались их и бежали. Загордились, обнаглели, и уже ни о каком мирном урегулировании речи быть не могло. Тогда в 1879 г. была предпринята крупная экспедиция, в нее выделили 10 тыс. солдат и казаков под началом генерала Лазарева. Но опять выяснилось, что обеспечить их продовольствием на всю дорогу не получится. Лазарев выступил с половиной отряда. В пути он умер, части возглавил Ломакин. А текинцы решили полевых сражений не давать, ждали русских в мощной крепости Геок-Тепе, которая представляла собой огромный квадрат глинобитных стен, каждая длиной в версту и толщиной в три сажени — снаряды полевой артиллерии их не пробивали. Ломакин, дойдя до Геок-Тепе и не имея продуктов, спешил. Бросил измученных солдат на штурм, был отбит, потеряв 445 человек, и отступил.

Текинцы совсем занеслись, хвастались, что они — победители русских! Бухарский эмир слал царю советы, что на туркмен надо идти не иначе как со 100-тысячным войском. А хивинский хан и иранцы предостерегали, что лучше их вообще не трогать, «так как храбрее и сильнее текинцев нет никого на свете» [77]. Но в 1880 г. в Закаспийскую область был назначен генерал-лейтенант М.Д. Скобелев. И еще из Петербурга послал приказ из одного слова: «Подтянуться!» Впрочем, дело было не только в «подтягивании». Он провел быструю, но тщательнейшую подготовку. Брал все самое лучшее. Затребовал все технические новинки — скорострельные картечники Гатлинга (прообраз пулеметов), аэростаты, холодильники, опреснители, паровозы. Лучший моряк, капитан II ранга Макаров, будущий адмирал, обеспечивал морские перевозки. Лучший инженер Анненков начал строительство в пустыне железной дороги. Начальником штаба Скобелев взял отличного хозяйственника Гродекова, занявшегося устройством продовольственных баз. И войска «белый генерал» отбирал лучшие: части кавказских 19-й и 21-й дивизий, три полка кубанских казаков — 1-й Таманский, 1-й Полтавский и 1-й Лабинский (всего 8 тыс. бойцов при 64 орудиях).

Операция была рассчитана четко. Выступили 4 июня, а 12-го, отмахав 400 верст, достигли оазиса Кизил-Арват. Там как раз созрел урожай пшеницы, что облегчило снабжение. Но идти оставшиеся 100 верст до Геок-Тепе и воевать по летнему зною Скобелев не стал. Велел располагаться лагерем, отдыхать, развести огороды, выращивая овощи. В июле он только произвел разведку. С отрядом из 700 казаков и солдат с 2 картечницами и 8 пушками сам отправился к Геок-Тепе. Но взял и военный оркестр. Отразил огнем наскоки текинской конницы, с музыкой объехал вокруг крепости и возвратился. Это произвело сильное впечатление, уже не говорили, что русские удрали.

И только в декабре к Геок-Тепе двинулись войска. А с востока, из Туркестана, на соединение со Скобелевым подошел полковник А.Н. Куропаткин с отрядом из 700 солдат и казаков 1-го Оренбургского полка — таким образом туркменам показали, что их оазисы досягаемы и оттуда. Крепость стали обкладывать траншеями, подходить к стенам апрошами. Текинцы жестоко сопротивлялись, четырежды предпринимали вылазки, в рубках погибло более 400 русских, было захвачено знамя Апшеронского полка, 2 пушки. В плен попал артиллерист Никитин, туркмены требовали, чтобы он научил их обращаться с орудиями. Он умер под жуткими пытками, но не исполнил этого. А сами текинцы так и не поняли секрета снарядной трубки, и снаряды не взрывались. Приблизившись к стенам, наши войска стали рыть мины. 24 января страшный взрыв разнес часть стены, и полки ринулись в проломы. В жаркой схватке сломали защитников, а казаки довершили разгром, преследуя бегущих. Погибло 8 тыс. текинцев, наших воинов погибло 398. Уцелевшие старейшины присягнули царю [201]. Скобелев двинулся дальше на восток и без боя занял Ашхабад. В Средней Азии установилась окончательная граница с Ираном и Афганистаном и был положен предел британской экспансии в этом регионе.

Туркмения стала последним крупным приобретением Российской империи. Последней

победой Скобелева. И последним успехом царствования Александра II. Встревоженный ростом революционного движения, он вновь пошел на поводу у либеральных реформаторов, назначив Лорис-Меликова министром внутренних дел и председателем Верховной комиссии по борьбе с терроризмом. Но «борьбу» он развернул весьма странно — упразднил Третье охранное отделение (тайную полицию), амнистировал политзаключенных, вернул в университеты исключенных неблагонадежных студентов... Результаты не заставили себя ждать.

1 марта 1881 г. в карету государя на Екатерининском канале была брошена бомба. Скакавший рядом с экипажем казак **Александр Матвеевич Малеичев** подался вперед, к летящей бомбе и метальщику. И принял на себя взрывную волну и осколки. Пострадали и прохожие. Александра II взрыв не задел. Он был смелым и благородным человеком — кучер убеждал, что экипаж лишь слегка поврежден, предлагал мчаться во дворец, но царь вышел из кареты. Спросил схваченного людьми террориста: «Ты бросил бомбу? Кто такой?» Затем озаботился пострадавшими, осмотрел умирающего мальчика. И склонился над казаком. В этот момент еще один убийца, Гриневицкий, бросил вторую бомбу... Вся Россия оделась в траур. На фоне пышных церемоний погребения императора похороны Малеичева на Громовском кладбище Санкт-Петербурга прошли скромно и незаметно. Проводить его в последний путь пришли только 70 казаков Собственного Его Величества Конвоя [186].

60. РОДИТЬСЯ, СТАТЬ, БЫТЬ...

Александр III резко вывернул руль накренившегося государственного корабля. Манифест о либеральной конституции, подписанный перед смертью его отцом, царь похерил. Министры-масоны покатались в отставку. Государственными делами Александр взялся заниматься лично, а главным его советником стал обер-прокурор Синода Победоносцев. Революционеры были раздавлены, права распоясавшейся «общественности» урезаны, что на четверть века отсрочило катастрофу страны. Царь вообще пересмотрел государственную политику. Отверг ориентацию на Запад, поставив во главу угла национальные ценности, выдвинул лозунг «Россия — для русских». Менялись даже моды и форма одежды армии — вводились фасоны, близкие народным. И доходило до того, что офицеры подавали в отставку, не желая носить «мужицкое платье». Но казакам новая форма понравилась. Практичная, удобная. Как раз при Александре III она приобрела привычный нам облик: короткие сапоги, шаровары с лампасами (у донцов и сибирцев — алые, у оренбургцев синие, у уральцев и семиреченцев малиновые, у астраханцев, забайкальцев, амурцев, уссурийцев желтые), чекмень, белые рубахи с погонами — их распространили на всю армию и на казаков из Туркестанского корпуса, головной убор — фуражки или папахи. Кавказским войскам была сохранена их традиционная форма: черкеска, кубанка.

При Александре III окончательно оформилась и система казачьих чинов. В армии в 1883 г. было упразднено звание майора и введено новое, подпрапорщика. А в 1884 г. царь упорядочил казачью иерархию. Чины рядовых казаков остались прежние, *казак и приказной*. В унтер-офицерских чинах к званиям *младшего и старшего урядника* добавились еще два — *вахмистр* (соответствовал фельдфебелю) и *подхорунжий* (соответствовал подпрапорщику). Самым младшим офицерским чином был *прапорщик*. Но это звание, как и в армии, оставлялось только для офицеров военного времени (для ускоренных выпусков училищ, для выслужившихся из нижних чинов, и реально казачьи прапорщики появились лишь в 1914 г.). Среди других офицерских чинов царь, желая сохранить казачью специфику, упразднил не звание войскового старшины, которое соответствовало майору, а звание подполковника. И войсковой старшина стал соответствовать подполковнику. Добавился и чин *подъесаула*, соответствующий штабс-капитану. И в целом офицерские чины стали выглядеть так: обер-офицеры — *хорунжий, сотник, подъесаул, есаул*, штаб-офицеры — *войсковой старшина, полковник* [61, 63].

Нововведения Александра III стали не только «декоративными». Еще при его отце по

урокам русско-турецкой войны был сделан вывод о наращивании конницы, стали создаваться новые казачьи соединения. Александр III эту линию продолжил, и о том, чтобы казакам служить не всем, а по жребию, речь больше не шла. Однако либералы-реформаторы натворили дел и в других сферах. Так, во всей России поощрялось развитие промышленности, а в это же время казачьи войсковые предприятия были закрыты. Например, Сибирское Войско раньше приписные крестьяне обеспечивали продуктами, денежными податями в войсковую казну, а сукно, кожа и т. п. поступали со своих войсковых фабрик. А в ходе реформ 1860-х гг. институт приписных крестьян упразднили. И фабрики ликвидировали. Войско лишилось источника финансирования, а те же самые сукно для формы, кожу для сапог, седел, амуниции должно было закупать втридорога у внешних поставщиков.

Особенно плачевное положение сложилось на Кавказе. Если в 1864 г., на момент окончания Кавказской войны, число иногородних на Кубани и Тереке составляло 1–2%, то в 1878 г. — 18 %, а в 1880 г. — 44 %. В 1882 г. главноначальствующим Кавказа был назначен генерал от кавалерии князь **Александр Михайлович Дондуков-Корсаков**. Боевой командир, участник Кавказской и двух турецких войн, в период «расказачивания» он был одним из главных противников Милютина. Он вскрыл вопиющие факты. Гражданские власти, в ведение коих попали казаки, всячески притесняли их. На них перелагали земские повинности и подати. Все земельные и прочие споры решались в пользу крестьян — у казаков отбирали то, что они завоевали своей кровью [118]! Дондуков-Корсаков энергично взялся наводить порядок. Представил царю доклад о необходимости введения поста наказного атамана обоих кавказских Казачьих Войск и был назначен на эту должность.

Дондуков-Корсаков разработал «контрреформы», которые были распространены и на другие Войска. Казачьи отделы выводились из подчинения гражданских областных начальников, управлялись своими отдельскими атаманами и стали подконтрольны только войсковым властям. Пресекалось дальнейшее переселение иногородних на казачьи земли. А для тех, кто уже осел в станичных юртах, увеличивалась «посаженная плата». Станичная община становилась не всесословной, а только казачьей, иногородние лишались права участия в сходах. Казачьи офицеры и чиновники, получившие землю в частную собственность, отныне могли продавать ее только внутри Войска. А земли, проданные посторонним лицам раньше, начали выкупать. Срок аренды казачьей и юртовой земли ограничивался 1 годом [114]. Восстанавливалось и поощрялось войсковое предпринимательство.

Казаки, кстати, высоко оценили заступничество Дондукова-Корсакова. В знак признательности присвоили ему на своем сходе звание «почетного старика станицы Баталпашинской» — и князь гордился этим титулом не меньше, чем званием доктора права Петербургского университета [201]. Да и царь благоволил казакам. Увеличил Войско Донское, передал ему для лучшего ведения хозяйства Сальский округ, Ростов и Таганрог с уездами. Кубанскому Войску была возвращена прибрежная Черноморская область от Новороссийска до Сочи. Дондуков-Корсаков хотел вернуться к планам Евдокимова о заселении ее казаками. Но сделать этого не удалось, лучшие земли здесь были уже заняты.

Да и прочие плоды «реформаторства» выправить до конца не получалось. Не будешь же выселять массы иногородних. И куда? При выкупании казачьих земель далеко не все собственники соглашались продавать их. А если иногородних лишили права голоса в станичных общинах, то они пользовались «неофициальными» методами. Ведь станицы разрослись, сходы были весьма многочисленными собраниями. И крестьяне, предприниматели, купцы подпайвали казаков, чтобы принимались выгодные для них решения. Богатые иногородние взятками, подарками, влияли на станичные власти, на выборах проталкивали в станичные атаманы и правления своих ставленников. Тесное общение с иногородними вызывало и снижение казачьей дисциплины — смотрели, как ведут себя соседи, заражались.

Чтобы преодолеть такие явления, тоже предпринимались меры. В 1891 г. было введено «Положение об общественном управлении станиц Казачьих Войск». Отныне в станичных

сходах участвовали только выборные, по 1 человеку от 10 дворов. Избранные должностные лица — станичные атаманы, члены станичного правления и суда теперь получали плату за свой труд. Но повышался и контроль. Вводилась строгая отчетность, станичное правление должно было вести книги приговоров станичного сбора, денежных доходов и расходов, сделок и договоров, приказаний станичного атамана, ведомости поземельных угодий и др. Все это периодически подлежало ревизиям. А окружные, отдельские, войсковые атаманы получали право отстранять от должности станичное руководство, отменять решения станичных сходов и властей. Для повышения дисциплины и ответственности была введена особая практика поощрения казаков, находящихся в запасе или отставке — войсковые атаманы могли производить их в унтер-офицерские чины, представлять к повышению в офицерских званиях. Но за нарушения их могли и снижать в званиях или лишать чинов [63].

Александр III изменил не только внутреннюю, но и внешнюю политику. Втягивать себя в альянсы ради чужих интересов не давал. Когда освобожденные сербы и болгары вздумали возмущаться, что русские недостаточно помогают им, царь вообще от них отвернулся. Заявил: «За все Балканы не дам жизни одного русского солдата!» Но при этом интересы своей страны отстаивал твердо. Афганцы, подстрекаемые Англией, стали совершать нападения, и генерал Комаров с отрядом из 1800 солдат, кубанских и терских казаков при 4 орудиях 18 марта 1885 г. на Кушке дал им урок. Войско из 5 тыс. афганцев с 8 пушками было разгромлено, тысячу положили на месте, отобрали всю артиллерию, потеряв 9 убитых и 45 раненых [77]. Англия подняла шум, грозила войной. Но Александр III все ее домогательства попросту отгнул, показав, что не боится. И подействовало! Россию зауважали, начали заискивать перед ней. Кушка стала единственным военным конфликтом за все правление Александра III, в истории его стали звать Миротворцем.

Но казаки несли нелегкую службу и в мирное время. Был установлен такой порядок, что каждый отдел формировал три полка. На действительной службе находились первоочередные — например, 1-й Таманский, 1-й Читинский, на Дону полки №№ 1-17 и т. д. Каждый год они обновлялись на 25 % за счет призыва молодежи и ухода отслуживших на льготу. В случае войны формировались полки второй очереди, из отправленных на льготу. А при общей мобилизации — полки третьей очереди, из находящихся в запасе. Казаки охраняли государственные границы. Служили и за рубежом, при русских посольствах и консульствах в Персии, Китае, Турции, даже в Абиссинии. В Астраханском, Уральском и Уссурийском Войсках несли и морское патрулирование, охраняли рыбные ловы, пресекали браконьерство. Казаки принимали участие в трудных и опасных научных экспедициях Н.М. Пржевальского, И.Н. Семенова Тянь-Шанского, П.К. Козлова, в экспедиции Артамонова по Нилу и др.

Но все же 4 года — это были не прежние времена, когда служили по 30 лет, уходя в дальние края с периодическими возвращениями на год-другой. Появилась возможность заняться своим хозяйством. И не только возможность, но и необходимость. Жалованье платилось лишь на действительной службе и должностным лицам, а расходы были значительными. Снаряжение казака обходилось около 200 руб. Плюс лошадь 35–55 руб. [118]. А если нужно снарядить на службу нескольких сыновей? И казак в этот период стал тружеником. На Тереке еще в середине XIX в. казаки говорили: «Не мужики мы сиволапые, чтобы в земле ковыряться». А уже через несколько десятилетий Терек сам обеспечивал себя хлебом. В Оренбуржье когда-то казаков заставляли заниматься хлебопашеством, а к концу XIX в. этот край стал богатейшей житницей, отсюда хлеб шел в Поволжье на оптовые ярмарки.

Но трудовое начало у казаков вполне органично совместились с воинским. И именно в последней трети XIX в. родилась формула: «Казакom надо родиться, казакom надо стать, казакom надо быть». Родиться — потому что кончилась эпоха пограничных войн, когда казачеству требовалось подпитка извне, и приписные «оказывались» в ходе боевых действий. Но завершилось и освоение кавказских, сибирских, семиреченских, дальневосточных территорий. Земельные угодья в Войсках стали фиксированными. И только

тот, кто родился в казачьей семье, получал казачий пай. Впрочем, приток извне все равно был — в казачье сословие переходили иногородние женщины, вышедшие замуж за казаков. Принимали и лиц «могущих принести пользу казачьему обществу» — но только в качестве исключения, в индивидуальном порядке.

Казаку полагался пай с 17-летнего возраста, обер-офицерам по 2 пая, штаб-офицерам по 4, генералам по 6. Вдовам давалось полпая, а если имелись дети — полный. Периодически проходили переделы, сроки их в разных Войсках и местностях отличались, и составляли от 1 до 8 лет. В станичной общине считали общее число паев и перераспределяли по жребью пай пахотной земли, под огороды, сенокосы. Размер в 30 десятин не выдерживался никогда, давали по 5-15 десятин, и не в одном месте, а делянками (улешами), разбросанными в разных местах. Потому что была удобная земля, а была неудобная, их требовалось разделить по справедливости. Например, на Кубани, в горах, бывало так, что казак дальние участки сдавал в аренду, а сам арендовал поближе. Не подлежали переделам так называемые «родные» земли — окультуренные, занятые садами, виноградниками. Законы о паевом довольствии нередко дополнялись обычаями. Так, на Тереке пай давали не с 17 лет, а сразу после рождения мальчика. Иногда община выделяла дополнительный пай семьям, имеющим многих дочерей. Получив таким образом несколько делянок, казак сам или по опыту стариков распределял, как их использовать, где сеять пшеницу, овес, рожь, гречиху. Отдыхающее от посева поле (птолока) использовалось под пастбище. Скотоводство всегда дополняло труд земледельца. На Дону усадьба казака включала в себя бычий баз, коровий баз, конский баз. На Урале и в Астраханском Войске разводили и верблюдов, а в Забайкалье скотоводство преобладало над земледелием [219].

Казачьи семьи были большими, иметь 7–8 детей считалось вполне нормально. И рождение сына праздновалось как рождение воина. Его никогда не называли «мальчиком», а только казаком, казачонком. Но дальше родившемуся предстояло «стать» казаком. И в разных казачьих регионах были свои традиционные этапы, когда сына учили стрелять, фехтовать, джигитовать. Дарили и жеребенка, чтобы он сам вырастил его — и нередко он с этим конем шел на службу. Сторонние наблюдатели отмечали отношение казаков к своим детям как весьма «гуманное» — по сравнению с крестьянскими, мещанскими, даже дворянскими семьями, где лучшим методом воспитания считалась порка. Казаки ребят наказывали крайне редко. Разве уж натворят что-то совсем непотребное. И вырабатывалось чувство собственного достоинства. Лихость и удаль были главным критерием в играх казачат, их проказах. Они стремились отличиться в станичных состязаниях, скачках, кулачных боях, плясках. Поощрялась самостоятельность. Казачата без взрослых пасли лошадей и скот. Подростки организовывали ватаги для рыбалки и охоты, сами запасали для этого все необходимое, уходили в степь, в горы, тайгу — таким образом закреплялось чувство казачьего братства с теми самыми сверстниками, с которыми через несколько лет пойдут в полк [23].

Рождение девочки не было таким торжеством, как рождение сына. Это событие было тихой домашней радостью. Но и девочка училась «стать» настоящей казачкой. У нее тоже вырабатывалось особое достоинство, гордость, хозяйственность. Она тоже проходила своеобразные обряды посвящения — например, на Тереке родители ставили ее в 12 лет на лавку, и она прыгивала во «взрослую» одежду: юбку, сарафан или круг, сделанный из пояса. С малолетства дети получали трудовые навыки. Для разных возрастов существовала своя специализация, в каких работах участвуют ребята 6–8 лет, в каких — 10–12 летние. Девочки учились стряпать, печь хлеб, шить, стирать, нянчить младших братьев и сестер.

А после того, как «стал» казаком или казачкой, требовалось ими «быть». Жить по казачьим принципам, не изменять им. Для мужчины «быть» начиналось в 17 лет. Когда он прибывал на смотр для определения годности к службе, получал пай. Для женщины — с выхода замуж. Возможность «быть» казаком определялась не только им самим, но и его семьей. Как будет служить казак, зависело и от того, как казачка «мужнину честь блюдет» и хозяйство ведет. Не зря же говорилось, «хорошей хозяйкой дом держится». «Быть» казаками

значило и родить новых казачат. И помочь им стать казаками. Воспитать, поставить на ноги. Вот и трудись, казак с казачкой, чтобы со своих разбросанных делянок поднять 3–4 воинов.

Совершенно особым было и отношение к старикам. У крестьян причисление к старикам было обидным. Это значило — уже нахлебник. А у казаков старик — это всегда было почетно. Это носитель традиций, памяти, ветеран. Неуважение к нему являлось страшным прегрешением. При старших считалось неприличным сидеть (если они не позволяют), курить, появляться не вполне одетыми. Промчится молодой казак, не поздоровавшись, старик его остановит: «Чей будешь? Пойди и скажи дома, что стариков не уважаешь, а я к вам вечером зайду». Молодой обязательно доложит. И внушение получит. А старик придет, побеседует о жизни, не вспоминая проступка. Но провинившийся будет жаться в сторонке и от стыда сгорать. И молодой офицер дома, в станице, первым здоровался со стариком-рядовым. А если, допустим, станичный атаман получил от императора полковничьи или генеральские погоны, то старики, урядники или рядовые, запросто могли с него погоны сорвать. Если сочтут, что он сделал нечто недостойное. И наказания не понесут, потому что сам атаман об этом ни за что наверх не доложит, постарается миром замять.

Специфическим было и отношение к форме. С ней сроднились, полюбили ее, и постепенно она стала национальной одеждой казаков. Появиться в станице в «сиповках» — гражданских сюртуках, выглядеть «пиджачниками» было позором, на смех поднимут! Каждый предмет формы, казачьего снаряжения имел свой смысл. Фуражка считалась знаком полноправия казака. Нестроевые носили ее без кокарды. А в доме вдовы фуражка висела под иконой, означая, что семья находится под защитой Бога и общины. Нагайка выполняла не только прямое назначение, подстегивать коня, но считалась как бы «мини-перначом», знаком хозяйской власти. В некоторых станицах ее носили только женатые. Свой смысл имели и серьги. Серьга в правом ухе казака значила, что он единственный сын у матери, серьги в обоих ушах — единственный ребенок в семье. И командир видел, кого надо в бою поберечь.

Одежда казачек тоже, конечно, изменилась с прошлых веков. У них были свои вкусы, моды. Любили платки, шали. Носили кофты с юбкой, с оборками и кружевами, их называли «матаня». Праздничная кофта в талию называлась «баска», нарядные платья — «принцесса» (со множеством оборок), «распашон» (с пелериной). Обувались «на выход» в нарядные кожаные «гусарики» на пуговицах, гетры со шнуровкой. Свадебным платьем на Дону нередко был старинный кубелек. А на Тереке свадебный наряд был не белого, а красного цвета.

Особенным почетом не только у казака, но и у всей его семьи пользовалась шашка. Это был символ воинской чести. Ее любили, лелеяли, в доме она висела на видном месте. Казак старался обзавестись шашкой самого лучшего качества. Особенно ценились шашки кавказского производства — «гурда», «волчок». Но превзошли их шашки Златоустовского завода, изготовленные из «русского булата», изобретенного Павлом Амосовым. Очень хорошими считались и «таннеровки» — в 1850-х гг. генерал Евдокимов заказал большую партию оружия в Германии на заводах Таннера, эти шашки изготавливались из золингенской стали и были очень хорошо сбалансированы, говорили, что «таннеровка» при рубке «сама идет». Шашки передавались по наследству, были дедовскими. Не отцовскими, а именно дедовскими — когда сын подрастал, отец еще находился в запасе, должен был иметь все снаряжение. А дед выходил в отставку. Шашка вручалась казаку в 17 лет. А в 21 год, отправляясь в полк, он получал темляк к шашке, погоны и кокарду. Если казак умирал, не имея наследников, шашка ломалась и укладывалась в гроб. А за серьезный проступок человек по решению круга мог быть лишен права ношения шашки на какой-то срок. Это было одним из самых серьезных наказаний, последним предупреждением перед изгнанием из станичной общины.

В общем казачество осталось весьма своеобразным «миром». И в психологическом, и в бытовом плане. Иногда традиции, казалось бы, входили в противоречие с эффективностью хозяйства: при постоянных переделах земли не было возможностей для ее улучшения, мелиорации, урожайность и доходность были ниже, чем в частных хозяйствах. Но жили-то

не бедно. На Кубани «средним» считалось хозяйство, имеющее 14–30 коров, 5–113 лошадей, 41–190 овец, 4–8 свиней [118]. А в Забайкалье хозяйство, имеющее 15 голов крупного скота и 30 овец считалось бедняцким. Богатые же казаки владели тысячными стадами и десятитысячными отарами [166].

Жизнь вокруг менялась, в России бурно развивалась промышленность, предпринимательство. Но и к этому казачество прекрасно сумело приспособиться! Как только ему перестали мешать, оно в короткий срок добилось чрезвычайного экономического подъема. По новым российским законам войсковая земля считалась принадлежащей казне, *но данной в вечную аренду казакам за службу*. Из нее выделялся войсковой юрт — который находился в распоряжении Войска в целом. Он составлял примерно 30 % земли, а остальное делилось на станичные юрты. Войсковой юрт предназначался для конских заводов и для резерва — чтобы с ростом количества казаков пополнять станичные юрты. Но резерв не лежал впусе, его Войско сдавало в аренду, а средства шли в войсковую казну на культурные нужды, на помощь малоимущим казакам. Точно так же и в станичных юртах выделялись участки общего пользования — для выгона скота, табунов, и резерв, сдававшийся в аренду.

К войсковому юрту относились и месторождения полезных ископаемых, и их также сдавались арендаторам. Например, Терское Войско со своих нефтяных месторождений получало до 2 млн. руб. в год. На Кубани сдавались нефтяные участки, были построены нефтеперегонные заводы. Войско Донское имело огромные прибыли от разработок угля в Донецком округе, Оренбургское Войско — от соляных месторождений. Рыболовные промыслы и рыбоперерабатывающие предприятия действовали в Донском, Кубанском, Терском, Уральском, Астраханском Войсках. Казачьи Войска юга давали 40 % зернового экспорта России. Процветало виноделие. На Дону изготовлялось знаменитое «Цимлянское», на Тереке — популярная «кизлярка». Кубань давала в год 700 тыс. пудов фруктов, 200 тыс. пудов ягод, 200 тыс. ведер вина. Сибирское Войско занималось пушным промыслом, поставкой ценных сортов древесины, кедрового ореха. Да и свои промышленные предприятия росли, как грибы. На территории одного лишь Кубанского Войска возникло 8 тыс. фабрик и заводов. И Казачьи Войска не требовали вложений, они стали вдобавок ко всему еще и прибыльными. Та же Кубань ежегодно вносила в государственную казку свыше 100 млн. руб. [106].

61. КАЗАКИ БЕРУТ ПЕКИН

Николай II, вступивший на престол в 1896 г., не обладал твердостью и решительностью отца. Старался действовать помягче, без конфликтов. И... пошел на поводу «общественности». Снова осмелела либеральная пресса, из всех щелей полезли наверх масоны. Нет, сам царь либералом не был, но под нажимом окружения шел им на уступки. Частные, вроде по мелочам. И характерно, что уже в 1896 г. был восстановлен милютинский закон, разрешавший иногородним селиться в Казачьих Войсках. И снова хлынули. Нанимались батраками к помещикам, богатым казакам, устраивались ремесленниками в городах и станицах, рабочими на шахтах, заводах. Арендовали войсковые и станичные земли. Да и среди казачьих офицеров большинство были бедны, получали значительные паи или наделы в частную собственность, а поднять эту землю не могли, поэтому сдавали в аренду.

И если, например, в Кубанском Войске с 1880 по 1890 г. в связи с «контрреформами» Дондукова-Корсакова доля иногородних снизилась с 43,8 до 38,7 %, то к 1900 г. она подскочила до 56,8 % [118]. Число иногородних превысило количество казаков. Результаты были негативными. С одной стороны, поток извне ухудшал положение казаков. Снижалось паевое довольствие. Уже не хватало земли для выпаса станичных табунов. А цены росли, и с 1900 г. для казаков, призываемых на службу, царь был вынужден ввести пособия в 100 руб. на покупку коня. Но, с другой стороны, и положение иногородних было тяжелым, они завидовали казакам, относились к ним неприязненно. Таким образом в Войсках возникли

«мины замедленного действия».

А либеральная и масонская агитация, заражая умы, закладывала другие «мины» по всей стране. Но этому пока не придавалось должного значения. Россия выглядела несокрушимой. Она находилась на пике могущества. Покрывалась сетью заводов, фабрик, железных дорог. Занимала первое место в мире по производству хлеба, но вошла и в число ведущих промышленных держав. Строила мощный флот, перевооружала армию. В частности, казаки получили лучшие в мире на то время трехлинейные винтовки Мосина, револьверы Нагана, появились первые пулеметы Максима. Казачья артиллерия переходила на скорострельные орудия. И вооружаться было действительно не лишне. Заносчиво вела себя Англия. Все более откровенно бряцала оружием Германия — и удержать ее от войны временно удалось лишь заключением союза России и Франции. Николай II попытался решить проблему более основательно. Именно он был первым, кто предложил создать систему коллективной безопасности, механизмы мирного урегулирования конфликтов. По его инициативе в Гааге были созваны мирные конференции, учрежден международный арбитражный суд. Но... тогдашний Запад подобные шаги саботировал. Счел признаком слабости России. Над царем смеялись.

С Востока угроз, вроде бы, не предвиделось. У сибирского казачества после присоединения Средней Азии служба стала вообще спокойной. Отбивать наскоки кочевников уже не приходилось. А везти сибиряков служить в другие края считалось далеко и дорого. Да и не требовалась в армии дополнительная конница. И сибирских казаков использовали для гарнизонной, полицейской службы, в качестве сельской стражи, для этапирования ссыльных, охраны приисков, мест заключения. Но в Забайкалье и на Дальнем Востоке обстановка была иной. Внедрение западных держав и распространение наркотиков в Китайской империи привели ее в упадок. Государственная власть ослабела, в провинциях верховодили преступные группировки. Местная администрация сладить с ними не могла, а чаще контролировалась ими. Расплодились шайки хунхузов, которые стали совершать нападения и на русскую территорию. Да и контрабандисты теперь примыкали к мафиям, были отлично организованными, вооруженными. И у казаков-забайкальцев, амурцев, уссурийцев, солдат пограничной стражи (они вооружались и организовывались по образцу казаков) служба была действительно боевой. С постоянными стычками, перестрелками, погонями, выслеживаниями.

В 1895 г., пользуясь слабостью Китая, на него напала Япония. Разгромила армию, захватывала территории. Но вступились Россия и Франция. Под их давлением японцам пришлось вывести войска. А Россия за покровительство получила от китайцев в долгосрочную аренду Ляодунский полуостров, где начала строить Порт-Артур. Получила и разрешение на строительство через Маньчжурию экстерриториальной Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), значительно сокращавшей путь между Забайкальем и Приморьем. Однако эти приобретения вызвали и пагубные последствия. Япония затаила камень за пазухой. А для китайцев русские стали такими же «белыми» врагами, как англичане и французы.

В 1899 г. тайная организация «Большой кулак» подняла восстание ихэтуаней. Европейцы называли их «боксерами», поскольку ядро повстанцев составили школы боевых искусств. Выдвигался лозунг: «Уничтожим иностранцев!» Правительство императрицы Цы Си даже не пыталось бороться с мятежом, а неофициально поддержало его. Примкнули отряды хунхузов. Восстание быстро охватило страну, в июне 1900 г. ихэтуани вступили в Пекин и осадили международный квартал, где сосредоточились иностранные посольства. Вот тут-то западные державы предпочли «забыть» все противоречия и обратились за помощью к русским. А интересы России и без того были задеты. Китайцы напали на строящуюся КВЖД, зверски убивали служащих. Охрану дороги несли сотни стражников, сформированные из донских казаков. Они приняли бой, прикрывая русское население и позволяя ему уйти. И сами, неся потери, отступили в Харбин, который очутился в осаде. На Амуре хунхузы нападали на казачьи станицы. Большие силы китайцев собрались в Айгуне,

бомбардировали из пушек Благовещенск. И царь дал согласие на участие в международной интервенции для наведения порядка.

Операцию предполагалось провести быстро, поэтому привлекались только войска, уже имеющиеся в Забайкалье и Приморье. В приказах частям писалось, что они направлены «для умирения мятежников» в помощь «законному китайскому правительству». Но... императрица Цы Си в ответ на вмешательство иностранных держав объявила им войну. И против наших войск оказалась вся китайская регулярная армия, плохо обученная, но многочисленная и отлично вооруженная немецкими орудиями и винтовками. Тем не менее, с ней успешно справлялись. Отряд полковника **Орлова** из 5 тыс. забайкальских казаков вступил в Западную Маньчжурию, занял Хайлар. Харбин был деблокирован стрелками, прорвавшимися на пароходах по Сунгари. А начальник штаба Забайкальского Войска полковник **Павел Карлович Ренненкампф** двинулся на судах с казаками из Сретенска, по дороге усиливал отряд, собирая амурских станичников, прибыл в Благовещенск, соединился с его защитниками и 2 августа разгромил 9-тысячное китайское войско под Айгунем. И никакие боевые искусства не помогли. Ренненкампф с отрядом в 600 шашек пустился в преследование и велел так гнать противника, чтобы казаки «летели одновременно с вестью об Айгунском побоище». И гнали до гор Хингана.

У англичан аналогичная попытка наступления кончилась плачевно. Командующий объединенной эскадрой Сеймур высадил 2 тыс. десантников, но они попали в окружение китайцев. Спас союзников присланный из Порт-Артура русский полк, прорвал кольцо и позволил отступить в Тяньцзинь, где русские и британцы были осаждены вместе. Но перебрасывались дополнительные силы, в том числе 1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский казачьи полки. Заставили неприятеля снять осаду. Общее командование принял адмирал Алексеев. Когда у него собралось 8 тыс. бойцов, он перешел в наступление и наголову разбил 30-тысячную китайскую армию, она потеряла 3 тыс. человек и 46 орудий. Урон союзников составил 600 убитых и раненых, из них 168 русских.

На отвоеванный плацдарм стали высаживаться англичане, французы, американцы, японцы, итальянцы, немцы, австрийцы. Международная армия составила 35 тыс., главнокомандующим был определен германский фельдмаршал Вальдерзее. Но до его прибытия командование принял генерал-лейтенант Н.П. Линевиц. И ждать немца не стал. 7 августа корпусом в 15 тыс. (из них 7 тыс. русских) выступил на Пекин. Еще раз разгромил китайскую армию на р. Пейхо. И 13 августа с ходу пошел на штурм китайской столицы. Одними из первых ворвались в Пекин казаки Верхнеудинского и Читинского полков. Город был взят, посольский квартал освобожден из осады. Потери при штурме составили 128 человек.

Но бои в Маньчжурии продолжались. Ренненкампф с 1-м Нерчинским, Амурским казачьими полками и пешими казачьими батальонами прорвал китайские укрепления на перевалах Хингана и устремился вглубь страны. С боями прошел 400 верст. Все решала быстрота. В одной из деревень китайская рота расположилась на обед, и вдруг во двор влетел разъезд казаков и отсек солдат от их винтовок, приставленных к стене. А в Цицикаре сотня забайкальцев захватила в плен 2 тыс. солдат. Русских служащих КВЖД и членов их семей, захваченных во время восстания, китайцы подвергали пыткам и умерщвляли. Но многим молниеносный рейд спас жизнь. Так, под Цицикаром китайский офицер привез 14 рабочих-строителей. «Один из них, Иванов, великан по росту, которому медленное движение арбы показалось недостаточным, выбежал при виде отряда вперед, бросил соломенную шляпу и начал передовых казаков целовать». Оказалось, что из этой партии несколько дней назад казнили троих, а накануне еще троих повели на казнь, но получили письмо Ренненкампфа с угрозой, что за все злодеяния последует расплата.

Другой казачий отряд, Орлова, шел с запада, форсировал Большой Хинган и в Цицикаре соединился с Ренненкампфом. КВЖД была очищена. Китайцы стягивали силы к Гирину. И адмирал Алексеев предписал всем русским отрядам в Маньчжурии (15 тыс. шашек и штыков с 64 орудиями) объединиться под началом генерала Каульбарса и наступать

на Гирин. Но Ренненкампф выполнил это сам с 1 тыс. казаков и 6 пушками. 5 сентября выступил из Цицикара, а через 17 дней ворвался в Гирин, взяв 2 тыс. китайцев в плен и разогнав остальных. Навстречу ему из Южной Маньчжурии двигался с 9 тыс. солдат и уссурийских казаков генерал Субботич. Противостояли ему 22 тыс. китайцев. Наступая по страшной жаре, наши войска выбили врага с сильно укрепленных позиций у Айсянцзяна. Потом одним артиллерийским огнем заставили оставить Ляоян. А 29 сентября заняли Мукден, завершив усмирение Маньчжурии. По итогам войны Китай подтвердил права России и других стран на арендованные территории. Впервые были удостоены коллективных наград, георгиевских труб и знаков на шапки, дальневосточные казаки — 5 забайкальских и 1 амурский полки, 2 пеших забайкальских батальона и 1 забайкальская батарея [77, 201].

62. ПРОТИВ ВРАГА ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО

Западные державы, чьи интересы в Китае Россия помогла защитить, не только не проявили благодарности, а наоборот, озаботились ее усилением на Востоке. В 1902 г. Англия заключила союз с Японией, способствуя ее вооружению. И в феврале 1904 г. без объявления войны японцы нанесли удар по русским кораблям в Порт-Артуре и Чемульпо, начали высадку на материк. Силы и ресурсы России были гораздо больше, но на Дальнем Востоке дело обстояло наоборот. Япония могла быстро перебрасывать войска и снабжение морем, русским же их требовалось везти через всю Сибирь. И нападение было спланировано в тот момент, когда Транссибирская магистраль еще имела разрыв у Байкала. Расчет строился на том, чтобы разгромить наши войска до того, как начнут прибывать соединения из Европейской России. Причем опять наша страна очутилась в международной изоляции. На сторону японцев склонились Англия, США, Франция, Турция [210].

Из казаков первыми вступили в бой Уссурийская и Амурская бригады, 2 дивизии забайкальцев. Прикрывали фланги армии, вели разведку, совершали налеты на ближние тылы противника. Однако у забайкальцев выявилась огромная нехватка офицеров. Подразделениями командовали зауряд-хорунжие, зауряд-сотники, не имеющие никакой подготовки и лишь исполняющие обязанности хорунжих и сотников. Но многие офицеры из других частей стремились на войну добровольцами, и к забайкальцам были назначены кавалеристы из лейб-гвардии — барон **Врангель**, **Унгерн фон Штернберг**, князь **Долгорукий**, **Скоропадский** (будущий гетман), испанский принц **Хайме Бурбон** и др.

Следующей в действующую армию прибыла Сибирская казачья дивизия **Самсонова**. Но вот у сибирских казаков обнаружилось явное снижение боевых качеств. Сказалось то, что они долгое время несли охранную и полицейскую службу. «В отличие от забайкальцев с их крепенькими мохнатыми лошадами, сибирские казаки сидели на беспородных, разношерстных, плохо кормленных конях, как будто вчера выпряженных из сохи. Да и ездоки отличались от мирных крестьян только, пожалуй, надетыми набекрень фуражками с красным околышем. Небрежная и самая разнообразная седловка с торчащими из-под подушек тряпками» [62]. Атаковать в шашки и пики сибиряки не учились, у них были навыки таежных охотников, и они превратились в «ездящую пехоту» — при встрече с противником сразу спешивались и брались за винтовки.

А следом прибывали все более западные части — Оренбургская дивизия, Уральская бригада, 4-я Донская дивизия, Кубанская бригада. Но командование использовало их очень неумело. 25 тыс. казаков и пограничников были отвлечены на охрану железной дороги от мелких шаек хунзузов. В январе 1905 г. состоялся рейд отряда **Мищенко** в тылы противника, участвовали 8 тыс. шашек при 22 орудиях — донцы, забайкальцы, кубанцы. Организовывали поход и руководили им не казачьи и даже не кавалерийские начальники. Казаки погромили японские склады, железнодорожные пути. Но отряд был отягощен огромным обозом, двигался медленно, противник успел эвакуировать тылы. Пройдя 100 верст, части достигли станции Инкоу. Получили приказ спешиться и атаковать ее, что для кавалерийских рейдов не свойственно и не нужно. Японский гарнизон, хорошо укрепившись,

отбил несколько атак. А тем временем командование противника стягивало силы, чтобы отрезать и уничтожить отряд. И ему пришлось с боями прорываться обратно к своим.

Донцы и сибирцы в отряде Мищенко, уральцы и забайкальцы в отряде **Павлова** храбро наступали в битве при Сандепу, захватив ряд укрепленных деревень. А в разведках отличился сотник 26-го донского полка **Филипп Козьмич Миронов**. С группой охотников брал языков, захватил обоз с продовольствием, был награжден двумя орденами. Но затем в результате непроверенных слухов, будто японцы готовят массы хунхузов для разгрома русских тылов, командование сочло, что охраняющих коммуникации 25 тыс. шашек недостаточно, и отправило в тылы дополнительные силы, в том числе донскую дивизию. Те казаки, что остались на фронте, зарекомендовали себя с лучшей стороны. В неудачном для русских сражении при Мукдене Забайкальская дивизия Ренненкампа с приданными ей пехотными частями сдержала натиск целой японской армии Кавамуры и отступила в порядке, огрызаясь контратаками [77].

А после Мукдена настало затишье. Только на флангах шли непрерывные бои и стычки. Левый фланг наших войск прикрывали забайкальцы Ренненкампа, правый — сводная Уральско-Забайкальская дивизия Мищенко. Сюда отпрашивались многие офицеры из бездействующих частей центрального участка фронта, среди них впервые познакомился с казаками и воевал в их рядах полковник **Антон Иванович Деникин**. В этот период совершались вполне грамотные и удачные налеты на противника. И в схватках казаки неизменно одерживали верх. Так, однажды сотня из 80 бородачей-уральцев неожиданно столкнулась с двумя японскими эскадронами, имевшими 400 сабель. Но командир, есаул **Железнов**, без раздумий скомандовал: «Шашки к бою! Марш-марш — ура!» В хвосте колонны не знали, в чем дело, но видели, как переходят в карьер передние и устремились за ними. Получилась растянутая беспорядочная ватага, несущаяся на врага. Удивленные японцы ждали в безупречном сомкнутом строю, потом вынули мечи и с криком «банзай» ринулись навстречу. Сшиблись — и через несколько секунд все было кончено, часть японцев порубили, остальные удирали. У уральцев было лишь 11 легко раненных [201].

Ренненкампа провел блестящий набег по тылам Кавамуры, Мищенко — успешный рейд по тылам армии Ноги. Отряд из 4 тыс. шашек с 6 орудиями и 8 пулеметами погромил большую часть армейских тыловых учреждений, захватил сотни пленных. Нет, война не была проиграна. Русские войска отступили, отдав значительную территорию, пал после героической обороны Порт-Артур, погибла при Цусиме эскадра Рожественского. В ходе боев полегло 37 тыс. наших офицеров, солдат, казаков, матросов. Но продолжали прибывать свежие части, в Маньчжурии сосредоточились 3 наших армии, 38 дивизий. Японцы же в ходе своих наступлений понесли урон втрое больший. Они выдохлись, исчерпали резервы, пополнения выскребались уже необученные и слабые. Итог предстоящего решающего сражения было предсказать нетрудно...

Но... Россия получила удар в спину. Грянула революция. Организована она была кругами международного масонства, которые, кстати, этого не скрывали. Глава иудейской ложи «Бнайт Брит» американский банкир Якоб Шифф за свои заслуги даже получил орден от японского микадо [211]. Мировая печать развернула антироссийскую истерию. Русские революционеры, получая щедрые вливания из-за рубежа, устраивали провокации вроде «кровавого воскресенья», митинги, забастовки. Либеральная печать оплевывала армию, дальневосточные поражения многократно преувеличивались. Страну охватили беспорядки, перекрывшие Транссибирскую магистраль. И правительство предпочло замирииться с Японией. В Токио прекрасно понимали, чему они обязаны, и что ситуация может перемениться. Поэтому условия мира были очень умеренными. Россия признала зоной японских интересов Корею и Южную Маньчжурию, уступила арендованный Ляодун, а из своих территорий отдала лишь Южный Сахалин.

А чтобы достичь внутреннего умиротворения, царь по совету масона премьера Витте подписал Манифест от 17 октября, даровав стране широкие политические свободы, учредив выборную Думу. Не тут-то было! Теперь смутьяны смогли действовать легально.

Заполыхали вооруженные восстания в Москве, Прибалтике, Польше, Сибири, Закавказье, бунты на флоте. Кадровые части остались верными правительству, но революционеры заражали только что набранных запасных. И царь призвал для подавления смуты самых надежных своих воинов, казаков. На Дону мобилизовывались 13 полков 2-й очереди, 30 отдельных сотен, 3 полка 3-й очереди — старших возрастов, отцы семейств. Призывались и кубанцы, терцы, оренбуржцы, астраханцы, уральцы. Вооруженные мятежи удалось ликвидировать быстро, но волнения продолжались, и революционеры перешли на к террору.

И казаки, распределенные по городам и весям, несли службу два с лишним года. Ох и нелегкая это была служба! Попробуй-ка разгони многотысячную сходку — не огнем, не шашками, а одними нагайками, в то время как в казаков, возвышающихся на своих конях, летят камни, а глядишь и выстрелят из толпы. В.Г. Орлов описывает обстановку в Польше: «Бомбы находили в лукошках с земляникой, в почтовых бандеролях, в карманах пальто, на митингах и даже на церковном алтаре! У террористов всюду были свои тайные мастерские по производству бомб, они все взрывали на своем пути: винные лавки, памятники, церкви, убивали полицейских, всех и вся». Ведут важных свидетелей в полицейский участок под охраной уральских казаков — из окна вылетает бомба, 2 полицейских и 3 казака убиты, 8 тяжело ранены [133].

В Прибалтике сепаратисты стреляли по казачьим патрулям на лесных дорогах, на ночных улицах городов. В Закавказье казакам, посланным разнимать резню армян и азербайджанцев, даставалось от тех и других. На Урале обширная организация боевиков под руководством Свердлова, вела систематическую охоту на полицейских и казаков. П.Н. Краснов писал: «Не один казак пал жертвой людской злобы, не один вернулся домой калеккой на всю жизнь» [63]. Погибали при терактах, охраняя начальников. Погибали при «эксах», охраняя банки и денежные конвои. В 1906–1907 гг. от рук террористов пало 768 только высокопоставленных должностных лиц. А простых граждан, солдат, рядовых полицейских, казаков — тысячи...

По сути, шла война. И не только тяжелая, но еще и неблагодарная. На казаков обрушивалась вся мировая и российская «общественность», клеймила «палачами», «опричниками», «нагаечниками». Но и власть, которую защищали казаки, не защищала их! Правда Николай II прислал на Дон очередную Высокомиловитивую грамоту, где указывал, что казаки своей службой «явили пример всем верным сынам Отечества» и подтверждал «неприкосновенность всех угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков и утвержденных за Войском монаршими грамотами». Но этим все и ограничилось. Убийц покрывали пресса, адвокатура, им рукоплескали, их героизировали молодежь и интеллигенция. А казаков не поддерживал никто. Правительство не отмечало их подвигов, не оказывало покровительства, а как бы стыдливо сторонилось их — опасаясь раздражать ту же «общественность». Именно поэтому мы до сих пор не знаем полной картины этой внутренней войны, не знаем и точного количества погибших — либеральные авторы по понятным причинам обходили этот вопрос стороной, а правительство замалчивало.

Впрочем, и в самом казачестве уже появились первые «трещинки». Через иногородних стали прониками революционные идеи. Казачья фракция Думы заражалась либерализмом кадетов. Но в общем-то выражала и настроения большинства казаков, требуя прекратить их использование для усмирений. Ну кому интересно головы под пули и бомбы подставлять, да при этом еще и вызывать на себя общую ненависть, слыть «псами» и «душителями»? Оппозиционными выступлениями выдвинулся герой японской войны Миронов. Был арестован, хотя и ненадолго, но исключен со строевой службы и назначен инспектором рыбнадзора на Нижнем Дону, что оскорбило и озлобило его. Выход из кризиса наметился только в 1907 г., когда Столыпин разогнал очередную Думу и ввел закон о военно-полевых судах, без разговоров отправлявших террористов на виселицу. Они действовали лишь 8 месяцев, и казнено было 1100 человек. Но революционеры сразу прижали хвосты, и беспредел пошел на убыль. Однако военно-полевые суды приговаривали только лиц, захваченных на месте преступления, при наличии явных улик, с оружием и бомбами.

Поэтому под гребенку попала мелкая сошка, непосредственные исполнители, а руководство уцелело.

И все же наконец-то воцарился мир. Страна получила возможности для дальнейшего развития. Казачество, как и все Вооруженные Силы, переучивалось и реорганизовывалось с учетом опыта японской войны. В 1909 г. было упразднено Главное управление казачьих войск при Военном министерстве и создан казачий отдел в Генштабе (впрочем, бездельный). А вопросы внутреннего управления и хозяйственной деятельности перераспределялись в ведение наказных атаманов и местной администрации. В 1907 и 1912 г. изменилась форма одежды — в походную форму были введены гимнастерки защитного цвета.

Ну а либералы... снова попытались протолкнуть идею «расказачивания»! Так, в связи с военной реформой вышла книга Новицкого «На пути к усовершенствованию государственной обороны», где доказывалось, что для такого «усовершенствования» Казачьи Войска надо ликвидировать. Еще одна атака началась в связи со столыпинскими реформами, когда крестьянам было разрешено выходить из сельских общин, получая землю в частную собственность. Была возбуждена дискуссия, что казачье хозяйство отсталое, непродуктивное, «хищнически истощает землю». И Дума поставила вопрос о распространении аграрных реформ на Казачьи Войска. Но Военное министерство передало дело для проработки наказным атаманам, был проведен общий опрос в станицах, и казаки выступили резко против разрушения своих общин и передачи земель в частное владение. Указывали, что это приведет к скупке земли богатыми иногородними и инородцами, увеличится число бедноты, возникнут затруднения при сборе на службу малоимущих — которым помогает община. За частную собственность, например, на Кубани, высказалось не более 10 казаков в каждом отделе. И вопрос был снят [114].

Но ведь и общинное землевладение отнюдь не мешало казакам жить вполне прилично. Конечно, не у всех благосостояние было одинаковым. 20–35 % относились к богатым, пользовались наймом рабочей силы, 9–12 % к бедным, сами подрабатывали батрачеством, остальные были «средняками». Однако в целом казачество процветало и оставалось вполне жизнеспособным организмом. Об этом свидетельствует красноречивый факт. За последние 30 лет существования Российской империи численность казаков увеличилась (за счет естественного прироста!) почти вдвое. В 1887 г. она составляла 2 млн. 726 тыс., а к 1916 г. достигла 4 млн. 424 тыс. В Войске Донском было 1495.000 казаков и казачек, в Кубанском — 1367.000, в Оренбургском — 633000, в Забайкальском — 265000, в Терском — 255000, в Сибирском — 177000, в Уральском — 166000, в Амурском — 49000, в Семиреченском — 45000, в Астраханском — 40000, в Уссурийском — 34000, в Красноярском и Иркутском полках — 10000, в Якутском полку — 3000 [106].

В 1910 г. казакам пришлось участвовать и в необъявленной «локальной» войне. В Иране углублялся распад, власть шаха, настроенного пророссийски, совсем ослабла. И эмиссары Турции, которой покровительствовали немцы, взбунтовали Северную Персию. Беснующиеся толпы осаждали русские представительства, восстали племена шахсевен, нарушали границу, угоняли скот. Царь решил ввести в Северный Иран войска. Главную роль сыграли казаки. В городах волнения уладили быстро, порой оказывалось достаточно, чтобы сотня казаков разогнала толпу и выпорола зачинщиков. А вот с шахсевенами пришлось драться. Но казаки во главе с генералом **Фидаровым** справились, и в 1912 г. вынудили мятежников принести присягу никогда впредь не поднимать оружия против России и не вторгаться в ее пределы. Для службы в Иране было оставлено 24 сотни кубанцев и терцев [51].

63. О КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЕ

Нередко утверждается, будто казаки были ретроgrадами, отсталой «темнотой». Это, разумеется, не так. Просто они сумели сохранить принцип, характерный для допетровской России — принимать лучшее чужое, но при этом не забывать и не перечеркивать лучшее

свое. Причем свое должно оставаться основой. А просвещение и культурное развитие отнюдь не противоречили фундаменту казачьих традиций и шли на том же уровне, что в остальной России. Так, еще в 1722 г. донской атаман Максим Фролов послал в Москву сына и племянника «ради изучения в школе книг латинского и немецкого писания и других политических наук» — примерно в это же время и российские дворяне стяли посылать детей на учебу. И если в начале XVIII в. порой еще попадались неграмотные атаманы, то это явление наблюдалось и среди дворян, даже высшей знати (князь Меншиков). Но постепенно оно было изжито.

Украинская старшина еще в XVII в. старалась дать своим детям хорошее образование, эта традиция сохранилась и в XVIII в. Казаки определяли сыновей в Киевскую академию, старшина нередко посылала за границу [139]. На Дону со строительством станичных церквей возникли частные школы, которые открывали приходские священники. Детей отдавали на обучение в Мигулинский, Кременской, Усть-Медведицкий монастыри. А казачьи дворяне (как и российские) получали домашнее образование. Известно, например, что Адриан Карпович Денисов во время походов в Польшу и Италию свободно объяснялся по-французски и по-немецки [63]. Частные и монастырские школы были и в Оренбуржье, Сибири. Характеристика на сибирского сотника Иртышской линии **Анцифорова** в 1760 г. сообщает: «Грамоте читать и писать достаточно умеет» [19]. Существовали школы в запорожских паланках. От них традиция перешла к черноморцам. Черноморское Войско только-только возникло, базировалось еще в Приднестровье, но при нем уже действовала школа. И после переезда на Кубань там тоже стали создаваться учебные заведения.

Государственная программа просвещения в России была принята при Екатерине II. В 1786 г. она повелела создавать Малые и Главные народные училища. В Черкасске Малое училище открылось в 1791 г., Главное, дающее более полное образование по самым различным дисциплинам — в 1793 г. Главные училища были созданы и в центрах других Войск — Екатеринодаре, Оренбурге, Астрахани. А Малые стали организовываться в крупных станицах [219].

В 1803 г. Александр I издал указ «О заведении училищ», где учебные заведения подразделялись на 4 типа — приходские, уездные, губернские и университеты. Приходские были общедоступными, они существовали при всех церквях. Содержались они за счет казачьей общины, обучали детей 7-12 лет, были одноклассными (3 года учебы) и двухклассными (5 лет). Преподавали священники, дьяконы, причетники. Изучались Закон Божий, чтение, письмо, арифметика. Во второй половине XIX в. дополнительно к приходским училищам и церковно-приходским школам по ведомству Синода стали создаваться школы грамотности — в них вели уроки не только служители церкви, но и профессиональные учителя. К уездным училищам в Казачьих Войсках приравнивали окружные. В них с 1805 г. были преобразованы Малые народные училища в окружных станицах. Они были трехклассными, и у казаков назывались также «начальственными» — поскольку давали образовательный ценз, необходимый для первого офицерского чина хорунжего. А в губернские училища, гимназии, были преобразованы Главные народные училища.

Огромный вклад в казачью культуру внес **Алексей Григорьевич Попов**. Уроженец Дона, он окончил Московский университет, в 1782 г. вернулся в Черкасск и был назначен войсковым землемером. Во время боевых действий на Кавказе выполнял и обязанности инженера, проектировал мосты, переправы, командовал артиллерией. В 1801 г. стал начальником учебных заведений в Войске Донском, а в 1805 г. директором Черкасской гимназии. Его называли «почтенным сеятелем просвещения на Дону». Первые исторические сочинения о казаках создавались в XVIII в. людьми посторонними. Историю Уральского Войска написал П.И. Рычков — секретарь Оренбургской экспедиции Кириллова, историю запорожцев — С.И. Мышецкий, военный инженер, посланный Минихом для укрепления Сечи. Историей казаков заинтересовался и Ригельман, строивший крепость Св. Дмитрия Ростовского. Они пользовались устными сведениями, преданиями, но собирали их

случайным образом и, не будучи казаками, не могли в полной мере оценить и систематизировать своих данных. А.Г. Попов стал первым исследователем-казак, в 1814–1816 гг. вышли в свет две части его «Истории о Войске Донском».

Для многих молодых казаков гимназического образования оказывалось недостаточно, ехали поступать в университеты — Московский, Петербургский, Харьковский, Воронежский. Казачьи Войска предоставляли студентам льготу от воинской службы. Обращалось внимание на талантливых юношей из бедняков, выплачивались войсковые стипендии. И таким образом Войско готовило для себя кадры чиновников, учителей, врачей. Яркий пример — 1836 г., вовсю идет тяжелейшая Кавказская война, а Черноморское Войско направляет в Петербург в Академию художеств выпускников уездного училища **Елисея Черника** и **Павла Шамрая** (Шамрай, казак из бедной семьи, состоял в уездном училище на общественный счет). Войсковая канцелярия и атаман не забывали о своих воспитанниках, регулярно интересовались, как они живут, чему обучаются. Опекать их и присматривать поручалось офицерам-черноморцам столичной лейб-гвардии, они помогали ученикам и отписывали в Екатеринодар об их успехах, бытовых условиях. Выплачивались очень солидные стипендии, сперва по 750 руб. в год, потом по 1270. По окончании Академии обоим был присвоен чин хорунжего. Черник стал замечательным архитектором, а Шамрай — прекрасным художником, и их искусство послужило на благо родной Кубани [268].

Казалось бы, распространение образования должно было обойти стороной консервативные старообрядческие общины... Ничуть нет! Выясняется, что среди казаков-старообрядцев была всеобщая грамотность! Учителями выступали родители, уставщики, дети обучались в скитах. Да и войсковых учебных заведений казаки-старообрядцы отнюдь не чурались. Если помните, в повести Л.Н. Толстого «Казачьи хорунжий из старообрядческой станицы служит преподавателем в гимназии».

Впрочем, еще раз подчеркнем, что казачью культуру совершенно не правомочно ограничивать внешней, привнесенной. По-прежнему жила ее внутренняя, народная основа. Если мы, допустим, восхищаемся стихотворением Лермонтова «Спи, младенец мой прекрасный...», то не мешает вспомнить, что записал он «Казачью колыбельную» в станице Червленной, услышав от местной красавицы **Дуни Догадихи**. И, по воспоминаниям очевидцев, еще долго гребенские казачки пели эту колыбельную [23]. А разве мало других казачьих песен представляют собой настоящие поэтические шедевры? И ведь создавались эти шедевры не одним, а многими безымянными авторами на протяжении всей истории казачества. Это нетрудно проследить по самому содержанию: есть песни, отразившие реалии XVI, XVII, XVIII вв. А, например, «Скакал казак через долину, через Маньчжурские края» могла появиться только в начале XX в.

Но, сохраняя внутреннюю живую основу, казачья культура и от «внешней» не отставала. Первая типография на Дону была устроена в 1817 г. А с 1839 г. стала выходить газета «Донские войсковые ведомости». В период реформ Александра II по расширению «устности и гласности» казачья пресса вышла на новый уровень. На одном только Дону выходили «Донской вестник», «Донская газета», «Донские областные ведомости», «Донская речь», «Приазовский край», «Таганрогские ведомости», журнал «Дон», сборник «Часовой». Свои газеты были и в других Казачьих Войсках. Например, в Оренбуржье с 1839 г. издавались «Оренбургские губернские ведомости», потом добавились «Оренбургские епархиальные ведомости», «Оренбургские известия», «Оренбургский листок», «Тургайские областные ведомости», «Оренбургский край», «Тургайская газета», «Оренбургская газета», «Наш край», «Степь», «Голос Оренбурга», «Вечерняя почта», юмористические журналы «Кобылка», «Саранча», «Скворец» [155].

В 1850-х гг. в Казачьих Войсках появились публичные библиотеки. Они организовывались по военному ведомству и считались «полковыми». Но в армии такие библиотеки создавались в основном для офицеров, которым в захолустных гарнизонах было нечем занять досуг. В казачьих областях они возникли в окружных и отдельных станицах и стали важными центрами просвещения. На комплектование библиотек вычитался 1 %

офицерского жалованья. Рядовые казаки могли пользоваться книгами бесплатно, жители невоинского звания за небольшую плату. Библиотеки формировались по разделам: богословие, учебники, языковедение, история, география и путешествия, правоведение и политические сочинения, технология и сельское хозяйство, математика и механика, медицина, естествознание, смесь, словесность. И дошедшие до нас списки показывают весьма широкий ассортимент литературы от военных наставлений и уставов до приключенческих романов и столичных литературных журналов. С 1866 г. при храмах были учреждены церковные библиотеки. А в 1872 г. возникла первая в Казачьих Войсках частная публичная библиотека — ее организовала в Екатеринодаре дочь полковника **Мария Белая** [264].

Совершенствовалась и система образования. Гимназии из четырехклассных стали восьмиклассными, уездные (окружные) училища — шестиклассными. С 1839 г. при учебных заведениях были открыты реальные классы, делавшие упор «на приобретение технических знаний», в 1864 г. появились реальные училища. Церковно-приходские школы либералы-реформаторы прижали, в царствование Александра II их число сократилось в 5 раз. Лишь Александр III выправил положение, увеличилось государственное финансирование, и к 1900 г. количество церковных школ сравнялось со светскими. Часто казаки отдавали детей сперва в церковно-приходскую школу, чтобы они получили устои православного воспитания, а потом переводили в светскую. Внедрялось и ремесленное образование, организовывались сельскохозяйственные, лесные, военно-ремесленные школы, технические, железнодорожные училища.

Особое внимание обращалось на военное образование. В 1839 г. в Новочеркасске был создан учебный полк — фактически школа младшего командного состава. В Войсках организовывались кадетские корпуса: в 1825 г. Оренбургский, в 1826 г. Сибирский, в 1858 г. 2-й Оренбургский и 2-й Сибирский, в 1883 г. Донской, в 1900 г. Владикавказский, Екатеринодарский, Хабаровский, в 1913 г. Иркутский. В 1868 г. было учреждено Оренбургское казачье юнкерское училище, в 1869 г. — Новочеркасское, за ним Ставропольское, в 1877 г. — Новочеркасский класс казачьих артиллеристов, в 1890 г. в столичном Николаевском кавалерийском училище была создана казачья сотня юнкеров. Действовали и морские классы: на Дону в Аксайской, на Урале в Гурьеве, в Астрахани [265]. Казаки поступали не только в специализированные казачьи, а в общеармейские училища, Академию Генштаба.

Что касается женских учебных заведений, то при Екатерине II Малые и Главные народные училища были общими, для мальчиков и девочек. При Александре I окружные училища и гимназии стали чисто мужскими. Но потом женские казачьи учреждения стали создаваться по... военному ведомству. Так, в Оренбурге в 1832 г. открылось Отделение Неплюевского военного училища (кадетского корпуса) для воспитания девиц. Только в 1855 г. оно было передано на попечение гражданских властей и преобразовано в Оренбургский Николаевский институт. В 1861 г. правительство приняло положение о женских училищах. Они создавались нескольких типов — гимназии и прогимназии, Мариинские институты, епархиальные училища и начальные училища трех разрядов. С 1862 г. в большинстве станиц стали возникать женские училища низшего, 3-го разряда. Обучались в них 1–2 года, преподавали русский язык, арифметику, рукоделие, женские ремесла. Казачки, желающие и имеющие возможность продолжать образование поступали в епархиальные училища, институты, гимназии.

Вторая половина XIX в. характеризовалась и взлетом казачьей архитектуры. Служить стали меньше, жить богаче. Храмы стали возводиться не только в станицах, но и в больших хуторах. Это поощрялось, на строительство каждой церкви из войсковых сумм отпускалось 10 тыс. руб. Лишь с 1869 г. усилиями либералов это было запрещено, строительство пошло только на средства прихожан и сбор пожертвований. На Кубани и Тереке возведение церквей развернулось с окончанием Кавказской войны — прежде они слишком часто разрушались, и их делали деревянными, на время. Теперь пошло строительство каменных. В Екатеринодаре

в 1872 г. был закончен и освящен великолепный войсковой собор св. Александра Невского. В Оренбурге в 1895 г. — прекрасный Казанско-Богородский кафедральный собор. А вот Дону в данном отношении не везло. В Новочеркасске войсковой собор был заложен еще Платовым в 1805 г. Но в 1846 г., когда начали сводить главный купол, он рухнул. Постройку возобновили, однако в 1863 г. история повторилась. И лишь в 1905 г. огромный и красивый Новочеркасский собор был построен.

Во второй половине XIX — начале XX вв. очень возрос интерес к казачьей истории. Способствовали этому несколько факторов. И развитие просвещения, и ответная реакция на идеи «расказачивания», а позже, наоборот — возвращение России к народным традициям. Появляется целая плеяда замечательных казачьих историков, выходят работы «кубанского летописца» **Ивана Диомидовича Попко** «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», «Терские казаки со стародавних времен», «дида кубанской истории» профессора **Федора Андреевича Щербины** — «История Кубанского Казачьего Войска», **Василия Дмитриевича Сухорукова** — «Историческое описание Земли Войска Донского». Издаются книги **М.Х. Сениюткина** «Донцы», **В.А. Потто** «Два века терского казачества», **И.И. Железнова** «Уральцы», **Н.В. Леденева** «История Семиреченского Казачьего Войска», **П.П. Короленко** «Черноморцы», «Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска», «Предки черноморцев на Днепре и Днестре» и др.

Исследованиями истории Запорожской Сечи занялся **И.Д. Яворницкий**, написавший целый ряд работ на эту тему и создавший в Екатеринославе краеведческий музей. А строителем музея донского казачества стал археолог и этнограф **Х.И. Попов**. Историко-археологический музей возник и в Оренбурге. Интерес казаков к своей истории, гордость ею поддерживались и государством. В 1901–1904 гг. ряду полков были присвоены имена «вечных шефов». В Донском Войске — Суворова, Платова, Бакланова и др., в Кубанском — Екатерины Великой, Потемкина, Чепиги, Головатого, Бескровного, Засса и др., в Терском — Ермолова и т. д.

Среди казаков появились не только историки, но и видные ученые других специальностей — геолог **И.В. Мушкетов**, географ **А.Н. Краснов**, металлург **Н.П. Асеев**, медик **В.В. Пашутин**, профессора **Г.Н. Потапин**, **Н.А. Бородин**. Сибирский казак **Лавр Георгиевич Корнилов** сперва прославился не в качестве военачальника, а ученого-путешественника. Выходец из очень бедной семьи, он с отличием закончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Академию Генштаба и был направлен в Туркестан. Совершил научные экспедиции в Синцзян, Персию, Индию, Монголию. Опубликовал ряд статей, книгу «Кашгария или Восточный Туркестан».

Казачество внесло огромный вклад в российскую культуру. Оно дало стране выдающихся богословов свт. **Дмитрия Ростовского**, свт. **Иоасафа Белгородского**, великого философа **А.Ф. Лосева**, паремиолога (исследователя пословиц и поговорок) с мировым именем **С.Д. Мастепанова**, писателей **А.А. Карасева**, **Ф.Д. Крюкова**, **Р.П. Кумова**, **Н.И.** и **П.Н. Красновых**, **В.А. Гиляровского**, **И.А. Родионова**, **А.С. Серафимовича (Попова)**, **И.С. Лукаша**, **Ф.И. Елисеева**, поэтов **А.А. Леонова**, **Н.Н. Туроверова**, художников **И.Е. Репина**, **В.И. Сурикова**, **Н.Н. Дубовского**, **И.И. Крылова**, **В.Г. Лазарева**, **С.Г. Королькова**, композитора и фольклориста **Г.М. Концевича**, композитора **С. Таилина** и многих, многих других.

Если же оценить в целом образовательный и культурный уровень, то в казачьих областях он был очень высоким. В одном лишь Кубанском Войске перед революцией действовали политехнический и учительский институты, духовная и учительская семинарии, 2 консерватории, около 200 гимназий, 200 реальных и городских средних училищ, 2200 низших народных школ. Или взять, скажем одну терскую станицу Наурскую — казалось бы, в казказском «захолустье». Но на начало XX в. в ней было 200 подписчиков газет и журналов, 300 детей посещали станичное училище, действовали библиотека, драматический кружок, были скрипичный ансамбль и духовой оркестр [23]...

И все же процессы культурного развития при всей их благотворности и объективности

имели и обратную сторону. Сформировавшаяся казачья интеллигенция перенимала в качестве «прогрессивных» либеральные и революционные идеи. Преподаватель гимназии или училища оказывался более знающим, более эрудированным, чем отец и дед. И расшатывался авторитет старших. А эти преподаватели тоже в большинстве своем ориентировались на «прогрессивные» теории. Правда патриотическое и православное начало в казачестве было крепче, чем в других слоях населения, и последствия еще не сказывались. До поры до времени...

64. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Глобальная война вызревала 40 лет. Германия нацеливалась ни больше, ни меньше, как на мировое господство, а для этого требовалось в первую очередь сокрушить Россию. Союзниками немцев стали Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Предполагалось лишить Россию выходов к морям, отчлнить Финляндию, Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Украину. А Османская империя при покровительстве кайзера вынашивала идею создания «великого Турана», включая Крым, Закавказье, Северный Кавказ, Поволжье, Среднюю Азию. Для удара был заведомо определен 1914 г., пока Россия и Франция не завершат военные программы. И выстрелы в Сараево стали лишь удобным предлогом. В нашей стране народ прекрасно понимал, что для России война носит справедливый характер, встретил ее общим патриотическим подъемом. Люди шли на призывные пункты, не дожидаясь повесток. Поднялось и казачество. В годы войны оно выставило на фронт 162 конных полка, 171 отдельную сотню и 24 пластуных батальона — 450 тыс. воинов. Как пишет протоиерей о. Георгий (Поляков), «являясь исключительно православным воинством, случаев дезертирства казачество не знало» [146].

В рамках этой работы невозможно описать весь ход боевых действий, данной теме я посвятил отдельную книгу [210]. Невозможно упомянуть и все подвиги казаков — их совершалось множество. В первой зафиксированной стычке 12 августа у литовского местечка Торжок пост из 5 казаков 3-го Донского им. Ермака Тимофеевича полка схватился с разездом из 27 немецких драгун. Особенно отличился приказной **Кузьма Крючков**. Отстреливался, рубился, а когда враги надели и выбили шашку, желая взять в плен, выхватил у немца пику и стал отмахиваться, как оглоблей. Сразил 11 неприятелей, получив 16 ран. Уцелевшие неприятели удрали. Крючков первым в этой войне был награжден Георгиевским крестом.

В Галиции, в Гродекском сражении, крупные силы австрийцев прорвали фронт 8-й армии. Генерал Брусилев направил к прорыву последний резерв, дивизию донского казака **Алексея Максимовича Каледина**. Приказ гласил: «12-й кавалерийской дивизии — умереть. Но умирать не сразу, а до вечера». Каледин еле держался. Понимая, что массы неприятеля его раздавят, решил на отчаянный шаг — собрал все, что у него осталось, и, несмотря на жестокий огонь, бросил в лоб на наступающего врага конную лаву, лично возглавив атаку. Австрийцы не выдержали и в панике покатались назад...

В ходе Ивангородско-Варшавской операции хорунжий 1-го Нерчинского полка **Григорий Семенов**, возвращаясь с 10 казаками из разведки, узнал вдруг, что на наши тылы напала германская кавалерийская бригада, захватила обозы, артиллерийский парк, знамя полка, и уходит, увозя пленных. 11 всадников налетели на арьергардную заставу врага, порубили и обратили в бегство. Паника покатила, нарастая, от хвоста к голове колонны, и неприятель обратился прочь, бросив добычу. Было освобождено 400 пленных, отбито знамя и все трофеи...

На Кавказском фронте казаки составляли основную часть войск. И с первых сражений покрыли себя славой пластуны. Казалось бы, они не воевали полстолетия, их прежние боевые качества давно должны были забыться. Но нет, они оставались совершенно особыми бойцами. Проявляли исключительную выносливость. Размеренным шагом, без дорог и почти без привалов проходили огромные расстояния, обгоняя на маршах конницу. Отличались

меткостью в стрельбе, но предпочитали действовать холодным оружием. Причем молча, без криков, с ледяным спокойствием, что производило на врага ошеломляющее впечатление. Из-за маршей и переползаний имели вид крайне оборванный, но это было их привилегией, пластуническим шиком. Все важные вопросы решались на кругу, а командиры были настоящими «бабками». Когда начались бои, командир 2-й пластунической бригады **Гулыга** расцеловал первого раненого и поздравил «с Георгием». За такими шли в огонь и в воду. Как пишет современник, «в спину пластунов никогда не видали». И Гулыга поучал врачей: «Раненого пластуна не переворачивайте без толку, отыскивая входную и выходную рану. Входных ран в спину у пластунов не может быть!» [51]

Во время Кеприкейского сражения 1-я пластуническая бригада **Пржевальского** совершила беспримерный марш-бросок через горы, с ходу контратаковала и отбросила турецкую дивизию. А ночью пошла в рейд за Аракс. Генерал подал пример, первым вступив в ноябрьскую ледяную воду, за ним казаки, держась за руки, чтобы не снесло течением. И в тылу у турок возникли вдруг из тьмы мокрые пластуны, молча ударив в штыки и кинжалы. Наступление неприятеля было сорвано. Когда на фронт приехал царь и на кругу решали, кого послать для награждения, вопрос встал не о героизме — героями были все. А о том, кому можно предстать перед монархом. Называли одного — «Так вин же босый!», предлагали другого — «У нього штанив чорт ма!» В итоге кандидатов снаряжали всем кругом, кто бешмет даст, кто шапку.

В декабре 1914 г. турки задумали уничтожить Кавказскую армию, 2 корпуса обошли наши главные силы и двинулись, перерезая коммуникации, на Сарыкамыш. А отборный 1-й Стамбульский корпус вышел в еще более глубокий тыл, взяв Ардаган. В Сарыкамыше русских войск не было. Но проездом в городе очутился начальник штаба 2-й пластунической бригады **Букретов**. Сколотил отряд из 100 мальчишек-подпоручиков, ехавших из училища, из нескольких охранных взводов, и держался. На помощь подоспел 1-й Запорожский полк **Кравченко**. Он погиб почти весь вместе с командиром. Выиграл время, подтянулись другие части. Но и турки лезли, ворвались в город. Возглавивший его оборону Пржевальский вызвал полковника **Термена** и сказал: «У меня остался последний резерв, две сотни. Возьми их, иди туда и действуй по обстоятельствам, теперь твоя очередь спасти Сарыкамыш. Больше ни на какие подкрепления рассчитывать нельзя». Полковник с двумя сотнями пластунов пошел в ночную штыковую. И выгнал врага из города...

Героическая оборона Сарыкамыша сделала возможным смелый маневр Юденича, который с другими казачьими соединениями и туркестанскими стрелками «подрезал» горловину прорыва, и сами турки очутились в ловушке. Из 90 тыс., пошедших в наступление, назад выбралось лишь 12 тыс. А для ликвидации прорыва под Ардаганом была направлена только что прибывшая на фронт 1-я Сибирская казачья бригада **Калитина**. После японской войны сибиряков очень серьезно переучивали, и результаты сказались. Они с марша нанесли удар, на конях по обледеневшим горным склонам. Очевидец писал: «Бригада, словно возникнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером, так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели защититься. Это было что-то особенное и даже страшное... Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел от них».

В кампании 1914 г. Россия сорвала немцам наступление на Париж, нанесла тяжелые поражения австрийцам и туркам. А весной 1915 г. в Османской империи развернулась чудовищная кампания геноцида христиан. И русские войска выступили им на помощь. В Ванской операции Закаспийская (кубанская и терская) бригада **Николаева**, 2-я Забайкальская бригада **Трухина** и 2-я Кавказская казачья дивизия **Абацьева** своим прорывом спасли от резни сотни тысяч армян и айсоров. Летом турки сосредоточили против них крупные силы и перешли в наступление. 4-я пластуническая бригада **Мудрого** прикрывала отход своих частей и массы беженцев. В ней осталась пятая часть казаков, остальные погибли (пленных турки не брали, а раненых добивали). Но врага удалось остановить. Мощный и искусно выполненный фланговый контрудар нанесла 1-я Кавказская казачья

дивизия **Баратова** с приданными ей частями. И битва под Алашкертотом завершилась еще одним разгромом 3 турецких корпусов.

Но в 1915 г. против России перебросили львиную долю своих войск Германия и Австро-Венгрия, решив сломить и вывести русских из войны, а уж потом заняться Францией и Англией. Такой же эффективной помощи, какая была оказана французам в прошлом году, наши армии от союзников не дождались. Мало того, военное министерство России разместило в Британии заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, патроны и т. д. Он был принят с отгрузкой в марте, но не выполнен вообще [210]. Разразился кризис боеприпасов и вооружения. Нашим частям пришлось отступить. Отходили с боями, отбивались жестокими контратаками. Так, в сражении под Таржимехи отчаянно дрался 3-й Хоперский полк. Начальник пулеметной команды сотник **Шкуро** под обстрелом вылетел на двуколках со своими «максимами» впереди казаков, развернулся на фланге немецких цепей и стал поливать их очередями. Был ранен в живот — спас его лишь кинжал, отклонивший пулю.

В Прибалтике сдерживала врага рейдами по его тылам Уссурийская дивизия **Крымова**. В июне она прорвала фронт на р. Виндава, уничтожила вражеские обозы. Встретив выдвигающиеся колонны 6-й германской кавдивизии, налетела и разгромила ее. Прошлась по коммуникациям, взрывая мосты, станции, линии связи. Против казаков стали стягивать крупные силы. Но 8-ю германскую кавдивизию тоже разбили, а 23-я кавбригада и пехотные части предпочли с уссурийцами не связываться. Пассивно наблюдали, как они уходят к своим. И немецкий офицер записал о казаках: «Должен признаться, я ясно понял, сколь многому могла бы еще поучиться наша кавалерия у этих сынов степей» [35]. Наши части оставили Польшу, Литву, Западную Украину, Западную Белоруссию и юг Латвии. Но сумели отойти, сохранив целостность фронта, и на новых рубежах остановили выдохшегося неприятеля.

В ходе тяжелой войны правительство вспомнило и о тех, кто был «расказачен» в реформах 1860-х гг. Но их потомки продолжали считать себя казаками! *И в 1915 г. из них были сформированы Ставропольский и Адагумо-Азовский казачьи полки* [51]. Они вошли в состав 3-й Кубанской дивизии и сражались на Кавказском фронте. *При Ставке был учрежден пост походного атамана всех Казачьих Войск. Им стал великий князь Борис Владимирович*. На штаб походного атамана возлагалось развертывание партизанского движения, как в 1812 г. В широком масштабе сделать этого не удалось — австро-германцы заняли лишь небольшую часть российской территории, и она была прифронтовой полосой, насыщенной войсками. Но некоторые отряды действовали успешно. Капитан **Ларионов** с оренбургскими казаками в одной операции погромил 2 вражеских полка, в другой уничтожил штаб дивизии. Несколько удачных рейдов провели кубанский партизанский отряд есаула Шкуро, донской подьесаула **Быкадорова**, уральский подьесаула **Абрамова** [219].

Казаки воевали не только в составе своих частей. Казачьи офицеры и генералы командовали пехотой, артиллерией. Стяжал громкую славу Л.Г. Корнилов, с горстью храбрецов прикрывавший отступление 48-й дивизии, захваченный в плен и совершивший дерзкий побег, пройдя пешком несколько государств. А.М. Каледин стал командующим армией. А в авиации яркий след оставили кубанцы. «Казачьим соколом» называли **Вячеслава Матвеевича Ткачева**. Он начинал службу в артиллерии, был воспитателем кадетского корпуса, а потом увлекся авиацией. В 1913 г. совершил знаменитый по тем временам перелет Киев — Екатеринодар. А в войну возглавил 20-й авиаотряд и за смелую разведку первым из российских летчиков был награжден орденом св. Георгия IV степени. Еще одним асом-кубанцем был **Евграф Николаевич Крутень**. Командовал авиаотрядом, начал совершать групповые, ночные операции — например, налет на вражеский аэродром в отместку за бомбежку госпиталей.

Ткачев и Крутень стали «отцами» российской истребительной авиации, выступили инициаторами создания специальных истребительных отрядов весной 1916 г. Ткачев возглавил 1-й отряд, написал первый отечественный учебник по тактике воздушного боя.

Затем был назначен инспектором авиации Юго-Западного фронта, а потом начальником полевого управления авиации при Ставке Верховного Главнокомандующего. Крутень возглавил 2-й отряд. Тоже был видным теоретиком, разработал 20 способов воздушной атаки, стал автором 9 работ по авиационным вопросам. Первым пришел к выводу, что истребители должны действовать парами, а молодых пилотов учил маневру, борьбе за высоту и «мертвый конус» (захождению в хвост неприятеля). В качестве истребителя он провоевал меньше года (погиб весной 17-го), но успел сбить 17 вражеских самолетов.

В 1916 г. положение с боеприпасами и вооружением выправилось — и уже не за счет иностранных заказов, а путем мобилизации отечественных ресурсов. И наши войска перешли в наступление. Начал зимой Кавказский фронт. При штурме неприступного Эрзерума отличились донские пластуны **Волошина-Петриченко**. Пробились через нагорье Карга-Базар, через снега выше человеческого роста, потеряли 500 человек замерзшими и обмороженными. Очевидец описывал, как измученные казаки даже не съезжали, а «сползали на заднем месте» с ледяных круч. Но, спустившись, тут же атаковали и захватили одну из ключевых позиций, форт Тафта. А после овладения Эрзерумом русские войска блестяще провели Трапезундскую операцию. В морской десант пошли кубанские пластуны. Бригада **Краснопевцева** сочла, что шлюпки с транспортов спускать слишком долго, а враг опомнится, соберет силы. И бросилась вплавь (в апреле). Трапезунд был взят. Преодолев сопротивление турок, русская армия в Закавказье продвинулась на 250–300 км. Казаки поили коней из Тигра и Евфрата. Летом перешел в наступление и Юго-Западный фронт. В Брусиловском прорыве прекрасно дрался 3-й кавалерийский корпус **Келлера** из 1-й Донской и Дикой дивизий. Он действовал на крайнем левом фланге и проник на запад дальше всех, до г. Кимполунга...

1917 г. должен был стать победным. Противники России уже на ладан дышали, у них начался голод, в армию призывали 17- и 45-летних. Наша же страна отнюдь не «надорвалась», как это нередко утверждается. Учет боевых потерь в то время велся весьма скрупулезно, и согласно последней предреволюционной сводке, «Докладной записке по особому делопроизводству» № 4(292) от 13(26) февраля 1917 г., общее число убитых и умерших от ран по всем фронтам составило 598764 офицеров и нижних чинов [9]. Для сравнения — в германской армии на тот же период погибло 1 млн. 50 тыс., во французской — 850 тыс. Количество пленных, захваченных русскими, и русских пленных у неприятеля было примерно одинаково, как и выбывших по ранениям.

В годы войны Россия совершила гигантский промышленный рывок, валовый объем продукции в 1916 г. составил 121,5 % по сравнению с 1913 г.! По подсчетам академика Струмилина, производственный потенциал России с 1914 до начала 1917 г. вырос на 40 %. Возникло 3 тыс. новых заводов и фабрик. По выпуску орудий в 1916 г. наша страна обогнала Англию и Францию, он увеличился в 10 раз, выпуск снарядов — в 20 раз, винтовок в 11 раз. Никакой разрухой и не пахло. Наоборот, все современники отмечают, что сельская местность, несмотря на уход части мужчин, разбогатела. Армейские поставщики, снабженцы промышленных предприятий скупали по высоким ценам все — кожу, сало, масло, зерно, скот, шерсть. И хорунжий Елисеев, ездивший на побывку, описывал, что казачьи станицы стали жить намного богаче, в хатах появилось много дорогих вещей — часы, швейные машинки, зеркала, казачки покупали нарядные «городские» платья.

Но... уже с 1915 г. шла раскачка тыла. Причем по двум направлениям. С одной стороны ее вели либералы, решившие, что победа должна стать «победой не царя, а демократии». И их вовсю поддерживали западные союзники. Но вели раскачку и российские противники — через большевиков, сепаратистов. Хотя любопытно, что за обоими течениями стояли одни и те же масонские банкирские круги — Ротшильды, Варбурги, Кун, Лоеб, Шифф. Облегчало эту деятельность обычное расслоение — патриоты стремились на фронт, а в тылу оседали шкурники. Облегчало и то, что кадровая армия была повыбита, а запасников, призванных «от сохи», уже в тыловых казармах обрабатывали агитаторы. Облегчала и крайняя слабость, мягкотелость царской власти. Россия была единственной воюющей

страной, сохранившей вполне мирный тыл и ничем не ограничившей «демократические свободы». Дума имела возможность выплескивать грязь с трибун, газеты — печатать все, что оплатят заказчики, рабочие — бастовать сколько вздумается. Опасаясь раздражать Запад, царь воздерживался от жестких мер, шел на уступки «общественности». Заговорщики были известны, но против них ничего не предпринималось. Можно ли было победить в таких условиях? Несмотря на все жертвы, подвиги, героизм? И когда Россия сосредотачивалась для последнего решающего наступления, ей вонзили нож в спину.

65. НА РУИНАХ ИМПЕРИИ

Почему казаки не защитили царя? Да ведь, пожалуй, защитили бы. Но... как? Помните — «всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон, и послушно отозвался на призыв монарха он...» Однако призыва-то не было. Было отречение. И сам Николай II повелел подданным повиноваться, подписав подsunутый ему список правительства. Все это стало результатом хитрого и дерзкого заговора. Новые правители не представляли даже оппозиционную Государственную Думу, а только узкую группировку масонов, умело воспользовавшихся ситуацией бунта в столице [211]. А «законность» Временного правительства обеспечило мгновенное его признание со стороны Англии, Франции, США. Да, первый переворот разыграли отнюдь не немцы, а наши «союзнички».

Чтобы удержаться у руля государства, Временное правительство первым делом смело всю прежнюю «вертикаль власти» — администрацию, полицию и т. д. Но само состояло из демагогов, не способных наладить нормальную жизнь. Страна покатила в неуправляемый хаос. И вот тут-то получили благоприятные возможности другие силы, финансируемые и поддерживаемые Германией. До февраля 1917 г. антиправительственная агитация оказывалась эффективной только тогда, когда велась под патриотическими лозунгами — дескать, надо искоренить во власти измену, чтобы довести войну до победного конца. Теперь, в общем развале, и война пошла бестолковая. И все более популярными становился лозунг «штык в землю».

Казаки оказались в сложном положении. Запутанные, сбитые с толку, как и весь народ. Казачьи части были в числе немногих, сохранивших боеспособность и дисциплину. Но тоже стали создавать полковые, дивизионные комитеты. Чтобы не отстать, не прослыть «контрреволюционными». Впрочем, и для того, чтобы уберечь своих офицеров от чисток Временного правительства и солдатских самосудов. Однако в комитетах, как это бывает, нередко стали выдвигаться далеко не лучшие, а честолюбивые и горлопанистые. Кроме того, казачьи части, как самые надежные, стали растаскивать для «затыкания дыр» на фронте, для отлова дезертиров, для охраны тыловых районов от распоясавшейся солдатни. И вот такая служба казакам очень не нравилась. Нет, России они не изменяли. Они просто не понимали, что же творится с самой Россией. Ведь правительство, вроде бы, выступало под патриотическими лозунгами. И в его поддержку в апреле в Петрограде собрался 1-й съезд казаков разных Войск, создавший «Союз Казачьих Войск», его председателем был избран **Александр Ильич Дутов**. Но уже через несколько дней большевики и прочие радикальные группировки внесли в казачью среду раскол — провели альтернативный съезд и создали Центральный Совет казаков, председателем стал кубанец **Костенецкий**.

Однако и правительство поддерживать казаков, несмотря на их верность и лояльность, отнюдь не намеревалось. Считало «реакционной» силой, боялось их. Мало того, чтобы обрести поддержку крестьян, оно выдвинуло проект передела земель. И открыто заявляло, что казакам «придется потесниться». А там временем власть правительственных комиссаров в губерниях углубляла разброд и анархию, стали «самоопределяться» окраины. Что ж, тогда и казаки начали самоорганизовываться — чтобы уберечь свои области от этого хаоса, а землю от переделов. Если уж демократия, то своя, казачья. Во всех казачьих областях стали собираться Войсковые Круги. *При этом казаки Красноярского и Иркутского полков объединились в новое, Енисейской Войско.* Выдвигались требования автономного

самоуправления, создавались войсковые правительства, впервые с XVIII в. выдвигали выборных атаманов, самым авторитетным из них стал донской атаман Каледин. *Но в 1917 г. Войсковые Круги (на Кубани — Рада) были не просто собранием казаков, они стали постоянными областными парламентами, состоящими из выборных депутатов.* Круги принялись выработать свои войсковые законы — что вызвало резкое противостояние с иногородними. Которые как раз и рассчитывали, что Временное правительство наделит их казачьими землями.

Но «углубление революции» продолжалось. И летом 1917 г. надежды патриотов связались с Л.Г. Корниловым. В обстановке катастрофы на фронте и большевистского мятежа в тылу он был назначен Верховным Главнокомандующим, начал жесткими мерами наводить порядок в войсках, предлагал меры по прекращению развала страны. Казачество поддержало его. В августе в Москве было созвано Государственное совещание. Перед ним прошел Общеказачий съезд, от лица которого на Государственном совещании выступил Каледин. Заявил, что казачество стоит на общенациональной и государственной позиции. Что Россия должна быть единой. Требовал прекратить политические дразги, пресечь сепаратистские тенденции и выразил полную поддержку Корнилову.

И вскоре после совещания Корнилов попытался реализовать свой план спасения России. Он был согласован с правительством, в Петроград двинулся 3-й конный корпус и другие части. Предполагалось разогнать большевиков и Советы, разоружить разложившийся гарнизон и установить диктатуру, но не персональную, а коллективную диктатуру правительства. Но председатель правительства масон Керенский вдруг изменил. Перекинулся на сторону Советов, объявив Корнилова «мятежником». Растянувшиеся по дороге эшелоны останавливались железнодорожниками, к казакам хлынули агитаторы — и они вообще уже ничего не понимали. Ехали-то защищать от большевиков правительство, а оно вдруг объявило своих спасителей «изменниками!» Поход сорвался. Корнилов и его ближайшие сподвижники были арестованы.

Керенский намеревался арестовать и Каледина, но донцы вздыбились: «Атамана не выдадим!» Их поддержали другие Войска, грозясь отозвать свои полки с фронта. И Керенский пошел на попятную. Заискивал перед казачьими делегатами — дескать, ошибка вышла. Но при этом стал исподтишка готовить карательную экспедицию на Дон, мобилизовывались части Московского и Казанского округов. Этот конфликт и усугубляющиеся процессы разрушения России вызвали дальнейшее обособление казаков от центральной власти. Войсковые Круги принимали уже не только законы, а даже свои «конституции». Был выдвинут проект создания Юго-Восточный союз из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского Войск, калмыков и кавказских горцев (впрочем, этот союз остался только на бумаге).

Однако и дни Временного правительства были уже сочтены. Дорвавшаяся до власти кучка заговорщиков, за полгода развалившая Россию, вызывала всеобщую ненависть. А возглавили взбаламученные массы другие заговорщики, куда более решительные и дееспособные — большевики. Когда в октябре они небольшими, но организованными силами стали захватывать Петроград, защищать Временное правительство оказалось некому. Для обороны Зимнего дворца собрались несколько рот юнкеров, рота женского батальона, без толку суетились правительственные чиновники. Пришли и две сотни уральских казаков. С благоговением осмотрели личные покои царя и царевича, поглядели на окружающий бардак. Сказали: «Мы думали, что тут серьезно, а оказалось — дети, бабы да жида». И ушли прочь [168].

А удравший Керенский встретил во Пскове **Петра Николаевича Краснова**, командира 3-го конного корпуса. Назначил командующим армией, пообещал еще 4 дивизии и приказал идти на Петроград. Но никаких дивизий не подошло, да и 3-й корпус уже растащили полками и сотнями по всему Северному фронту. И в «армии» было 700 казаков при 16 пушках — против 200 тыс. солдат, матросов и красногвардейцев. Естественно, ничего путного не вышло. Побеждали, пока удавалось демонстративными атаками разгонять

многотысячные гарнизоны. А за Царским Селом встретили матросов, которые не побежали. Казаки потеряли 3 убитых и 28 раненых, расстреляли все снаряды, а потом осталось только заключить перемирие. Причем рядовые казаки вырабатывали с матросами собственные условия: «Мы вам Керенского, а вы нам — Ленина. И замиримся». И на полном серьезе пришли к Краснову доложить, что скоро им для обмена привезут Ленина, которого они тут же повесят. А Керенского, мол, не грех и выдать, «потому что он сам — большевик». Выдавать министра-председателя генерал счел неэтичным и позволил ему бежать. Но и казакам большевистское правительство после переговоров разрешило уехать с оружием и имуществом — их боялись и опасались раздражать [98].

Да и было чего опасаться. Казачьи Войска очередных узурпаторов не признали. И стали самыми значительными центрами сопротивления. На Дон, Кубань, в Оренбуржье потекли патриоты-офицеры, началось формирование Белой Гвардии. Терпеть такое положение большевики не намеревались. И на казачьи окраины были направлены войска. Эти отряды были малочисленными, полуанархическими и серьезной опасности не представляли бы. Если бы... казаки были едины. Увы, этого уже и в помине не было. Еще когда Каледина избирали на пост атамана, он сперва отказывался, говорил: «Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет — это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитеттики. Пользы быть не может!» Так и получилось. В Войсковых Кругах верховодила интеллигенция — все те же бывшие думцы, «общественники», кадеты, эсеры. И в Казачьих Войсках повторялось в меньших масштабах то же самое, что погубило Россию. Круги утопали в межпартийной грызне, а власть атаманов всячески урезали во избежание «диктатуры». На Дону казачья «демократия» искала компромиссы с крестьянской, создала «паритетное правительство» — 7 человек от казаков и 7 от иногородних. И пошел полный разброд. На Кубани обострилась рознь между черноморцами и линейцами. Узнав, что украинская Центральная Рада возрождает казачество, Кубанская Рада вознамерилась послать ей военную подмогу. Линейцы воспротивились, Войско чуть не раскололось.

Возникли такие специфические явления, как казачий сепаратизм и казачий большевизм. Теории сепаратизма внедрялись в ходе войны противниками России, но успеха не имели. И только теперь они вдруг обрели благоприятную почву. Православное государство, без службы которому не мыслили себя казаки, рухнуло. Превратилось в свою противоположность, царство хаоса и зла. Откуда напрашивалась мысль — отделиться. Русские сами по себе, мы сами по себе. Казачий большевизм, наоборот, стремился сохранить единство с изменившейся Россией. Но Советскую власть представлял по-своему, как возрождение прежних казачьих вольностей и равноправия. Долой начальство, каждому одинаковый пай — рядовому казаку и генералу, а внешнюю службу в полках заменить станичными сборами. Появились красные казачьи лидеры. На Дону — **Подтелков, Кривошлыков, Миронов, Голубов**, на Кубани **Автономов, Сорокин, Кочубей**. В Забайкалье Лазо формировал «фронт» из 2 полков — один из уголовников, второй из казаков. Во всех Войсках в противовес атаманским властям создавались казачьи ревкомы.

Войсковые правительства надеялись на могучую силу фронтовых полков. И действительно, они возвращались организованно, с оружием, артиллерией. Прорывались с боями через заслоны большевиков и самостийников, пытающихся их разоружить. Но едва ступали на родную землю, весь порядок кончался. Фронтовые части тоже оказались заражены большевизмом и анархией. И уж тем более не желали вступать в братоубийство со своими, расходились по станицам. Противостояли красным партизанские отряды в несколько сотен, а то и десятков человек. На Дону — полковника **Чернецова**, войскового старшины **Семилетова**, сотника **Грекова**, на Кубани — капитана **Покровского**. Даже при ничтожной численности одерживали победы.

Но силы были слишком неравны. На терские станицы полезли грабить чеченцы и ингуши. Из Закавказья двинулись принявшие сторону большевиков части Кавказской армии. В портах высаживались красные моряки. Большевиков активно поддержали иногородние. В

январе 1918 г. пали Астрахань, Оренбург — атаман Дутов с небольшим отрядом ушел в Тургайские степи. В Забайкалье **Семенов** отступил в Маньчжурию под защиту японцев и китайцев. Герой Дона Чернецов попал в плен и был изрублен шашками вместе с другими офицерами. Область Войска Донского наводнила германо-большевистская агентура. Миссия майора фон Больке в Ростове создавала красные отряды из немецких пленных. Действовал и план устранения лидеров. На Тереке был убит атаман **Караулов**. А в Новочеркасске — Каледин, с инсценировкой самоубийства [95]. Ну а избранный на его место **Назаров** продержался недолго. 12 февраля красные казаки подступили к Новочеркаску. Им предложили начать переговоры, но Голубов ворвался на заседание Круга, объявил себя «красным атаманом», а Назаров был расстрелян. Вместо Войска Донского провозглашалась Донская республика.

Генерал **Попов** увел 1600 белых донцов в Сальские степи. А Корнилов с Добровольческой армией в 4 тыс. бойцов двинулся на Кубань. Но и тут было неладно. Пока Кубанская Рада вырабатывала «самую демократическую в мире конституцию», Сорокин разбил ее отряды и Екатеринодар пал. 3 тыс. белых кубанцев во главе с Покровским после скитаний по горам соединились с Добровольческой армией. Попытались штурмовать Екатеринодар, но атаки захлебнулись, а шальной снаряд сразил Корнилова. Остатки белых сил возглавил Деникин [208].

66. В ПЕКЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ

Казакам, сохранившим нейтралитет и даже многим из тех, кто поддержал красных, очень скоро пришлось пожалеть об этом. Казачьи Войска были объявлены упраздненными. Развернулся террор и бесчинства комиссаров и красногвардейцев. Расстреливали офицеров, семьи белых, часто просто богатых казаков, чтобы прибрать к рукам их имущество. Убивали священников. Например, на Кубани священослужителей истребили в 22 станицах, о. Ионнну Пригоровскому в Пасхальную ночь прямо в церкви выкололи глаза, отрезали уши и нос, размозжили голову. Обращали алтари в отхожие места, упражнялись на стенах и иконах в хамском остроумии. У казаков отнимали землю, катились «реквизиции». В ответ вспыхнули восстания в Ейском отделе, под Армавиром, Кавказской. Но казаки перед этим сами послушно сдали оружие, и каратели с пушками и пулеметами топили мятежи в крови. Станицы разоряли дотла, за экспедициями тащились обозы иногородних, которые грабили любое добро, зверски замучивали раненых, казачек, детей. На Дону большевистская власть расправами и грабежами настроила против себя не только казаков, но и иногородних. Пришлые комиссары не считались и с местными «казачьими большевиками». Возмущенный «красный атаман» Голубов выпустил арестованного помощника Каледина **Митрофана Богаевского**, стал возить его по митингам, чтобы он говорил «всю правду». Но об этом узнало красное начальство, послало отряд. Богаевского расстреляли, а Голубов бежал и был убит казаками.

И стала разгораться партизанская война. В Сибири **Б.М. Анненков** дерзким налетом на Омск захватил знамя Ермака и под ним стал формировать белые отряды. Активизировался Дутов. В апреле войсковой старшина **Лукин** с 500 казаками овладел Оренбургом, разгромив 5-тысячный гарнизон. Но вскоре Лукин был предательски выдан красным и расстрелян. Отбивалось от большевиков Уральское Войско во главе с атаманом **Толстовым** — единственное, где не произошло раскола. Здесь не было иногородних, не стоял земельный вопрос, а уральские казаки-староверы восприняли советскую власть однозначно: как приход антихриста. На Кубани, в горах Баталпашинского отдела, собрал Волчью сотню Шкуро.

А после заключения Брестского мира немцы двинулись на Украину. И бегущие от них части красногвардейцев советское правительство начало отводить отнюдь не на север для прикрытия Москвы. Нет, Германии большевистские лидеры не опасались — а отступающие части направили на восток, в казачьи области. И когда на Дон хлынула эта саранча,

пожирающая все на своем пути, грабящая и насильничающая, казаки взорвались. Восстание покатилося, охватывая станицу за станицей. Красных стали бить и изгонять. Только сейчас большевики снова вспомнили о красных казачьих деятелях. Но Подтелков и Кривошлыков, направленные с большой суммой денег агитировать казаков «за революцию», были пойманы и повешены. В освобожденном Новочеркасске собрался Круг спасения Дона и избрал атаманом П.Н. Краснова, дав ему неограниченные полномочия — которых так не хватало Каледину. Было решено принимать в казаки всех иногородних, которые сражаются против большевиков. *Но Круг провозгласил и создание суверенного государства «Всевеликое Войско Донское».*

Еще один взрыв произошел на Востоке. На Транссибирской магистрали взбунтовались эшелоны Чехословацкого корпуса, который большевики попытались разоружить. Это стало детонатором цепи восстаний от Самары до Владивостока. Создавались белые отряды, примкнули и казаки — уральцы, оренбургцы, сибирцы. Из Маньчжурии двинулся в Забайкалье Семенов. Его поддержали амурцы и уссурийцы во главе с атаманом **Калмыковым**. От большевиков быстро очистили Сибирь и Урал. А Добровольческая армия Деникина после того, как помогла донцам, развернула наступление на Кубань. Теперь-то станичники встречали ее с распростертыми объятиями, красные армии громились, был освобожден Екатеринодар.

К сожалению, успехи оказались непрочными. Ведь «российскую карту» по-прежнему разыгрывали все кому не лень, иностранные державы, всевозможная политическая сволочь. И на Востоке в правительствах возобладали «учредивцы» — эсеры, меньшевики. В то время как красные укрепляли армию, призывали профессионалов-военспецов, расстрельными методами насаждали дисциплину, «учредивцы» восстановили практику Керенского. Принялись разваливать собственные войска «демократией», урезали права начальников, не доверяли офицерам. А с казаками вообще не желали взаимодействовать, как с «контрреволюционной» силой. И быстрые победы столь же быстро сменились поражениями. Кончилось тем, что офицерские организации и сибирские казаки атамана **Иванова-Ринова** произвели в Омске переворот. Свергли демократическую Директорию и передали власть адмиралу Колчаку, получившему титул Верховного Правителя России.

На Украине немцы восстановили пост гетмана, им стал генерал **Павел Петрович Скоропадский**. Но армию ему создавать не позволили, реальная власть осталась у оккупантов. Точно так же в Крыму было создано марионеточное татарское правительство Сулькевича. А Дон в течение месяца очистил свою территорию. Краснов провел мобилизацию 25 возрастов, переформировал стихийные отряды в дивизии и корпуса. Он был и превосходным хозяйственником. Налаживалась гражданская жизнь, открывались учебные заведения, заработали войсковые заводы и фабрики, был создан даже свой флот. Однако все это было достигнуто ценой альянса с Германией. Из чисто практических соображений он выглядел вполне разумным, воевать одновременно с немцами и большевиками Дон не мог. Впрочем, эти силы выглядели несопоставимыми. Германские части вели себя с казаками корректно, дружелюбно, жители Каменской и Усть-Белокалитвенской даже сами пригласили их, чтобы избавиться от красных. Немцы, захватив и включив в границы Украины никогда не принадлежавший ей Донбасс, на остальные казачьи земли не претендовали. И с ними было заключено соглашение, установился взаимовыгодный торг: германцы поставляли оружие и боеприпасы (русские, трофейные). А Дон расплачивался столь необходимыми для немцев хлебом, салом, мясом.

Но ведь все это подразумевало признание гибели России! Следовательно, ничего другого и не остается, кроме как поудобнее устроиться на ее обломках. И фигура Краснова в данном отношении немцев удовлетворяла. Выходец из знаменитого рода донских генералов, блестящий лейб-гвардеец, талантливый литератор. В 1909 г., создавая по распоряжению наказного атамана Самсонова «Картины былого Тихого Дона», он расписывал, как же это здорово, что Петр прижал казачью вольницу, как хорошо, что в результате тех или иных реформ «постепенно, шаг за шагом, казаки плотно сливались с русским населением всей

империи» [63]. Теперь же объявлял: России больше нет, а значит, Дон должен быть самостоятельным государством. Поэтому казакам нужно только изгнать большевиков, твердо встать на границах своих территорий и не пускать к себе эту заразу. В перспективе следует помочь спасти Москву от воров и насильников, но потом не вмешиваться в русские дела и зажечь вольной житухой — «Здравствуй Царь в кременной Москве, и мы, казаки, на Тихом Дону!» [97]

Германия сепаратизм всячески поощряла. Ведь расчленение России как раз соответствовало ее стратегическим планам в ходе Мировой войны. При посредничестве немцев Краснов налаживал контакты со Скоропадским, снова вел переговоры о Юго-Восточном союзе с кубанскими самостийниками, астраханским атаманом **Тундутовым**. На поприще дипломатии Краснова совсем занесло. Он обратился к германскому императору с просьбой признать суверенитет не только Дона, но и Кубанского, Терского, Астраханского Войск, Северного Кавказа. Просил у Вильгельма содействия, чтобы Украина вернула Дону Таганрог, а Россия отдала «по стратегическим соображениям» Воронеж, Камышин и Царицын, при этом приложил карту на высочайшее Вильгельмово утверждение. Просил оказать давление на советское правительство, чтобы установить между ним и Доном мирные отношения. Взамен обещал «не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы», экономические льготы. А фельдмаршалу Эйхгорну писал: «Если бы Вы помогли Донскому Войску окрепнуть в полной мере», то оно могло бы стать союзником и против Антанты. Стараниями генерала **Африкана Богаевского** письма увидели свет, вызвав бурю возмущения. Кубань официально отреклась от контактов с Красновым [43].

Таким образом антибольшевистские силы оказались расколоты. Колчак — и все восточные Казачьи Войска, как и Деникин с кубанцами и терцами стояли за единую и неделимую Россию, провозглашали верность прежнему союзу с Антантой. А Дон, Астрахань, Украина, Крым выступали сепаратистами, союзниками Германии и ее сателлитов. Правда, сотрудничество все же поддерживалось, без этого было нельзя — Дону и Добровольческой армии Деникина приходилось сражаться «спина к спине». Краснов передавал добровольцам часть оружия, полученного от немцев, выделял денежные займы. Но о дружбе говорить не приходилось, отношения оставались прохладными. И если Германия, цыкнув на большевиков, вынудила их признать неприкосновенность Украины, то относительно Дона Берлин пальцем о палец не ударил. Немцам было выгодно, что красные и казаки увязли в борьбе друг с другом. И на границах Войска Донского война не прекращалась.

А осенью ситуация резко изменилась. Германия потерпела поражение в войне и рухнула в хаос собственной революции. На Украине народное восстание смело правительство Скоропадского. Возглавила его Директория — по своему составу социалистическая, но вдобавок крайне националистическая. Под ее эгидой стало активно возрождаться украинское казачество. Батальоны в петлюровской армии именовались «куреньями», солдаты — «сичевыми стрельцами». В разных городах возникали свои «коши», батьки-атаманы. В этот период появилось даже «еврейское казачество». Распевало песню: «Тому мы голову снесем, кто нападет на наш родной Бердичев!» И храбро рубилось со всяческими «интернационалистами», защищая свой город и заслужив полное уважение со стороны самых что ни на есть «щирых» украинцев.

Однако к осени 1918 г. красные успели отмобилизовать полуторамиллионные вооруженные силы, и, окрылившись теперь идеей «мировой революции», на всех фронтах перешли в наступление. Разлад в стане противников использовался в полной мере. Так, среди оренбургских казаков значительную долю составляли башкиры — и красное руководство переманило башкирского сепаратиста Валидова, наобещав ему «автономию». Его части перешли на советскую сторону. И пали Оренбург, Уфа, Уральск. А украинские «козаки», нарядившись в широкие шаровары и шапки со шлыками, очень весело пили, плясали, спивали, палили в воздух. И в атаки лихо бросались. Но, по сути, оставались

сборным ополчением, регулярные части легко громили их. К тому же национализм и сепаратизм среди тогдашних украинцев корней не имели. И многие повстанцы переходили к красным. Просто из желания быть с Россией.

Худо пришлось и Дону. В течение 1918 г. советские войска несколько раз предпринимали на него наступления. Их отражали, но большевики имели возможность создавать и бросать на Дон все новые дивизии. А казаки стояли на фронте одни и те же. Сменить их было некому... Зима 1918/19 гг. выдалась морозная. Метели засыпали неглубокие окопы. Боевые действия шли уже не из соображений тактики, а за жилье. Отступающие сжигали что могли. Части жались к населенным пунктам, набивались в обгорелые дома, затыкали окна мешками и согревались животным теплом. От красных на Дон пришел тиф и косил казаков похлеще всяких пуль и снарядов. Они держались из последних сил. Ведь большинство из них воевало с 1914 г., они очень устали. А уход немцев с Украины открыл Дон с запада, линия фронта сразу увеличилась на 600 км. И Войско Донское стали обтекать с трех сторон 10-я, 9-я, 8-я и 13-я красные армии общей численностью 124 тыс. штыков и сабель. У казаков было в строю всего 38 тысяч. Вынужденных теперь растягивать фронт, затыкать дыры.

Правда, в Черное море вошли корабли Антанты. И Краснов обратился за помощью к англичанам и французам. Надо сказать, прогерманскую ориентацию ему в вину не поставили, отнеслись с пониманием. Но... дело в том, что и Запад спасти Россию отнюдь не собирался! Ллойд-Джордж открыто заявлял в парламенте: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании». Поддержать белую Россию значило допустить ее в круг держав-победительниц, а красную можно было пустить в передел вместе с государствами, проигравшими войну.

Идею расчленения нашей страны масонские правительства Антанты восприняли с энтузиазмом. От Краснова, впрочем, потребовали объединиться с Добровольческой армией, но при посредничестве англичан Донская армия перешла в подчинение Деникину только в оперативном отношении, а автономия Войска была сохранена. Антанта установила теплые контакты с националистическими правительствами Закавказья, Прибалтики, северокавказскими сепаратистами, на Украине поддержала петлюровцев. А 5 союзных дивизий, высаженных в Одессе, не двинулись дальше прибрежной зоны — они предназначались для прикрытия Бессарабии, которую Запад подарил Румынии. Казаки же были не румынами и не эстонцами, им поддержки не полагалось. Британский генерал Пуль, пообещавший помощь и отдавший приказ о переброске на Дон английской бригады, был за это тут же снят с должности.

Деникин прислал на Дон отряды добровольцев, но крупных сил он выделить не мог, поскольку на Ставрополье началось сражение с 11-й красной армией. И Краснов уговаривал казаков продержаться еще немного. Шел на хитрости. Когда в Таганрог приехала группа французских и английских младших офицеров, атаман пригласил их быть гостями, возил по станицам, демонстрируя: вот, мол, союзники, они уже здесь! Иностранцы лейтенанты гудели на банкетах в свою честь, в тостах щедро рассыпали обещания. Но вместо подмоги на Дон приехал французский капитан Фукэ с чрезвычайными полномочиями от главнокомандующего Франше д'Эспре. И предъявил вдруг требования, чтобы Войско признало над собой «высшую власть» Франции «в военном, политическом, административном и внутреннем отношении». Чтобы атаман отныне распоряжался и действовал только «с ведома капитана Фукэ» [97]. Чтобы Дон оплатил все убытки французских фирм и граждан, имевших собственность на его территории...

А безоглядное лавирование Краснова и иллюзии, которыми он увлекал Дон, дали только отрицательный результат. То он призывал казаков освободить свои земли и замирились на границах, то манил надеждами на покровительство немцев, то скорой помощью французов и англичан — а ее не было. И атаману больше не верили. Ползли слухи

— обман... измена... Казаки мерзли, вшивели и погибали на позициях. И надломились. Боевые действия замерли. Начались стихийные, а потом и целенаправленные контакты с красными. Большевистские агитаторы внушали: «Вы что же, против всей России надеетесь устоять? Вас мало, а Россия велика». «Мы вашего не трогаем, и вы нас не трогайте. Идите по домам. Вы сами по себе, мы сами по себе». Разъясняли: «Раньше на Дону безобразничала Красная гвардия, а сейчас все уже по-другому, сейчас Красная Армия, в ней дисциплина». «Ваш атаман продался немцам за 4 миллиона».

И под Рождество Христово 1919 г. 28-й Верхне-Донской, Казанский и Мигулинский полки бросили фронт. Пошли домой встречать праздник. А на сам праздник в станицах появились агенты Троцкого с пачками денег. Ведро выставляли водку, только в Вешенской на угощение станичников было пущено 15 тыс. руб. И казаки на своих сходах признали Советскую власть. Вслед за этим и в соседнем, Хоперском округе, полки начали оставлять позиции. Тем более что здесь со стороны красных действовал корпус казака Миронова. Многие с оружием переходили к нему. Сперва поодиночке, потом сразу 4 полка. Во фронте образовалась огромная брешь, куда стали вливаться советские дивизии. Казаки встречали их хлебом-солью...

67. КАЗАЧИЙ ГЕНОЦИД

Чтобы правильно понять процессы гражданской войны, деления на «хороших» или «плохих» белых и красных оказывается отнюдь не достаточно. Несостоятельными оказываются и теория «русского бунта», классовая теория — царя-то свергли отнюдь не «пролетарии», а «буржуи»! Важно осознать, что сатанинские внешние силы целенаправленно заморочили и раскололи россиян. И стравили друг с другом. Это происходило не сразу, а постепенно, под разными лозунгами — либерализма, социал-демократии, коммунизма. Но направляло и регулировало процесс мировое масонство, поставившее целью разрушение России. И политики, считавшие себя выдающимися лидерами, на самом-то деле были лишь пешками. Отыграл свою роль масон Львов, ему на смену подталкивали Керенского. Затем сделали ставку на большевиков.

Уж какой там «русский бунт», если в высшем эшелоне власти кроме Бухарина не было ни одного русского? А главной опорой советских правителей стали уголовники и «интернационалисты». В Красной Армии насчитывалось 300 тыс. человек из немецких и венгерских пленных, отряды из китайцев, в карательных органах преобладали латыши и евреи. Главными эмиссарами мировых «сил неведомых» в большевистском руководстве являлись Янкель Мовшович Свердлов и Лев Давидович Троцкий (Бронштейн). Каббалист Свердлов был «вождем номер два». Ему, как председателю ВЦИК, были подконтрольны Советы — через которые осуществлялись решения правительства, он возглавлял и Секретариат (Оргбюро) ЦК, через который реализовывались решения партии, ее финансирование, расстановка кадров. Троцкий возглавлял армию.

Тот и другой активно участвовали в разгроме Церкви. А в ночь на 17 июля 1918 г. произошло ритуальное каббалистическое убийство императора Николая II и его семьи — руководил Свердлов, получая через американскую миссию указания от сиониста Якоба Шиффа [211]. В ходе жуткого ритуала вместе со своими близкими был убит и последний Августейший атаман Казачьих Войск цесаревич **Алексей**. (Кстати, невинный отрок-атаман, принявший мученический венец, может считаться одним из святых покровителей нынешнего казачества).

В сентябре Свердлов развернул кампанию красного террора — кровь-то уже лилась, и Ленин это поддерживал, но Свердлов запустил «мясорубку» на постоянной основе. Уничтожалось духовенство, дворяне, офицеры, интеллигенция. Это требовалось, чтобы похоронить русскую культуру и изменить само сознание народа. Ну и, конечно же, для кардинальной «переделки» России препятствием было казачество. Воинство Христово. Патологическая ненависть к казакам насаждалась давно и в нашей стране, и за рубежом. В

1914 г. в прусском Омуплеффефене немка вдруг упала на землю перед оренбуржцами и стала биться в истерике. Те не могли понять в чем дело. И лишь с помощью переводчика-офицера выяснилось, что германская пропаганда внушила, будто казаки жрут детей, и дама просит не кушать ее чадо, а если уж очень хочется человечинки, пусть едят ее. В 1915 г. германская шпионка Александра Коллонтай, посланная в США агитировать рабочих против своей родины, в публичных лекциях обвиняла страны Антанты, напустившие на «цивилизованную» Европу «дикарей и варваров»: «Тут и русские казаки, нагайки которых не раз гуляли по спинам нашим, тут и дикари всех видов: и индусы, и алжирцы, и им же нет числа».

Темные силы, захватившие Россию, не устраивал даже «казачий большевизм». И подготовка к удару велась заблаговременно. Изначально ВЦИК назывался Всероссийским Центральным Исполнительным комитетом Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Но слово «казачьих» вывели из употребления. Во ВЦИК сохранялся казачий отдел, но о нем как-то «забыли», и он завис в непонятном положении. В октябре Троцкий стал создавать Революционные Военные Трибуналы, подчиненные лично ему, имевшие особые вооруженные отряды. Их заранее сосредотачивали в казачьих областях. Убирали способных помешать лидеров. На Северном Кавказе допекли Сорокина, спровоцировали на мятеж и уничтожили. Миронова перевели на Западный фронт. А донские полки, перешедшие на сторону красных, загнали в эшелоны и отправили на Восточный фронт.

В январе 1919 г. в Москве под председательством Свердлова состоялось совещание начальников политоделов фронтов, на котором были согласованы детали предстоящей акции. А 24 января вышла циркулярная директива Оргбюро ЦК за подписью Свердлова: «Последние события на различных фронтах и в казачьих районах, наши продвижения в глубь казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления».

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам...»

Предписывалось также «провести... в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли». «Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания...» Эта директива дала старт казачьему геноциду, унесшему по оценкам специалистов 1 млн. 250 тыс. жизней [106, 196]. Подхватили ее сразу на всех уровнях. Троцкий писал о казаках: «Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море...» Он же ввел в обиход термин — «устроить карфаген» казачеству. Член РВС Южфронта Колегаев рассылал инструкцию об «изъятии офицеров, попов, атаманов, жандармов, просто богатых казаков, всех, кто активно боролся с Советской властью». Член РВС 8-й армии Якир писал в приказе: «Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией наших завоеваний». Член Донревкома Рейнгольд указывал: «Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически».

Запрещалось само слово «казак», ношение формы, лампасов. Станицы переименовывались в волости, хутора — в села (Цимлянская была переименована в Свердловск, Константиновская — в город Розы Люксембург). Во главе станиц ставили комиссаров из немцев, евреев, латышей. Казаков облагали денежной контрибуцией. За неуплату — расстрел. В трехдневный срок объявлялась сдача оружия, в том числе шашек, кинжалов. За несдачу — расстрел. Рыскали карательные отряды, отбирая подчистую продовольствие и скот, по сути обрекая людей на голодную смерть. Тут же покатились и расправы.

Террор к казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью? А кто не принимал, если на Дону была всеобщая мобилизация от 19 до 52 лет? «Изъять» жандармов? Хватали стариков, служивших в 1905 г. По хуторам разъезжали трибуналы, производя «выездные заседания» с расстрелами. Кое-где начали освобождать землю для крестьян-переселенцев. Казаков выгоняли в зимнюю степь. На смерть. Семьи тех, кто остался у белых, объявлялись заложниками. Инструкция предписывала в случае ухода одного из членов такой семьи казнить всю семью, а в случае ухода одной семьи расстреливать «все семьи, состоящие на учете данного Совета». О том, что творилось на Дону, рассказал в своем бессмертном романе Шолохов, хотя по понятным причинам вынужден был смягчить тона. В 1931 г. он писал Горькому: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию, причем сознательно упустил факты, служившие непосредственной причиной восстания, например, бессудный расстрел в Мигулинской 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных в течение 6 дней достигло 400 с лишним человек».

Сохранилось множество других свидетельств (советских!). «Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса...» В Урюпинской «в день расстреливали по 60–80 человек. Руководящим принципом было: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону». Председатель Донбюро Сырцов доносил: «Расстрелянных в Вешенском районе около 600 человек». В Константиновской «было расстреляно свыше 800 человек. Большинство расстрелянных старики. Не щадились и женщины». В Морозовской комиссар Богуславский творил расправу лично. В его дворе впоследствии нашли 50 зарытых трупов не только застреленных, но и зарезанных казаков, казачек, детей, а за станицей еще 150 трупов. В Хоперском округе «смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные: старики, старухи, дети, девушки. Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем и криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать».

В бесчинствах принимали участие и видные большевики. Якир содержал собственный карательный отряд из 530 китайцев, уничтоживший более 8 тыс. человек. Розалия Землячка (Залкинд) любила лично присутствовать при казнях. Член РВС Сокольников (Гирш Бриллиант) требовал направлять казаков на каторжные работы и предписывал «немедленно приступить к постройке и оборудованию концентрационных лагерей». А Сырцов телеграфировал в Вешенскую: «Приготовьте этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно... За каждого сбежавшего расстреливать пятерых».

Шло демонстративное надругательство над самими устоями казачьей жизни. Казаки были верующими — большевики устроили в Вешенском соборе публичное венчание 80-летнего священника с кобылой. Казаки почитали стариков — в той же Вешенской старику, уличившему комиссара во лжи, вырезали язык, прибили к подбородку и водили по станице, пока он не умер. Казачки отличались высокой нравственностью — теперь их хватало «на забаву». Свидетель сообщал «много было насилия над женщинами... Были

насилия над 14-летними девочками, причем говорили, что нужно влить им крови коммунистов». Унижали казачек и перед расстрелом, заставляя обнажаться, хотя, казалось бы, кому нужны их заношенные рубахи?

Но если геноцид на Дону более-менее известен, то надо помнить, что самом деле проводился он во всех казачьих областях, оказавшихся под властью красных. На Тереке он начался еще раньше, чем на Дону, в 1918 г. Здесь Орджоникидзе натравил на казаков ингушей. Жители станиц Тарской, Сунженской, Ахкиюртовской были выселены. Многих казаков вырезали вместе с женами и детьми. Геноцид обрушился и на астраханское, оренбургское казачество. И даже на казачьи части, сражавшиеся на стороне красных! Когда Деникин разгромил 11-ю советскую армию, единственным соединением, отступившим в порядке, была кубанская бригада Кочубея. В Астрахани ее разоружили и расформировали, многих арестовали. Кочубея хотели расстрелять, он бежал в степи и погиб.

На Урале зверствовали подручные Свердлова Г.И. Петровский и Шая Голошекин. Петровский писал: «С казачеством нужно покончить... Советская власть должна поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и, как подсобного ему, красного террора». Разрабатывал планы массовых депортаций. И — уже тогда, расчленения Уральской области, часть соседним губерниям, часть в состав «киргизской степи». Уже позже уполномоченный Ружейников, прибывший из Москвы в Уральск для исправления «перегибов», выпустил из тюрем 2 тыс. казаков как невинно арестованных. А скольких не выпустил? И сколько уже лежало в земле? Князь С.Е. Трубецкой в своих мемуарах описывал, как в тюрьме с ним сидел комиссар, осужденный за злоупотребления. И рассказывал о своих «подвигах» над уральскими казаками: «Мы эту гидру выжигали каленым железом», — то есть казнили всех подряд... «Девки и молодки подвернулись как на подбор красавицы, — говорил комиссар. — В самом соку, значит. Прямо жаль расстреливать. Ну, думаю, им все равно умирать, зачем же им перед концом ребят не утешить... одну и самому себе выбрал. Вас, говорю, от этого не убудет. Ну а они и слышать не хотят, кричат, ругаются, ну прямо несознательные. Ничего не поделаешь, согласия не дают, чего, думаю, на них, контрреволюционерок, смотреть... мы уж без согласия». «Что же, потом вы их расстреляли?» «А то как же, — ответил комиссар. — Все как полагается, мы свое дело знаем, ни одна не ушла».

Но такая политика не пошла на пользу большевикам. На Дону белые казаки теперь стояли насмерть. С Северного Кавказа перебрасывались высвободившиеся деникинцы, и красных остановили на рубеже Северского Донца. А оккупированные станицы сперва пребывали в шоке — то, что творилось, выглядело непонятно, иррационально. Ведь они сами пустили большевиков на свои земли! Слани гонцов в Москву, считая все чудовищной ошибкой. Но вскоре осознали, что их попросту изводят под корень. И в марте занялось сразу в нескольких местах. В Еланской, когда 20 коммунистов захватили очередную партию жертв, поднялся Красноярский хутор. Казак **Атланов** собрал 15 человек с двумя винтовками — пошли шашками и нагайками отбивать арестованных. В Казанской, когда на один из хуторов приехали 25 трибунальцев с пулеметом проводить «карфаген», тоже восстали. Пошла цепная реакция.

Красное командование сперва не придавало этому большого значения, ведь аналогичные бунты крестьян легко подавлялись. Но казаки-то были воинами! Привычными к спайке и самоорганизации. Сами формировали сотни и полки, выбирали командиров. Председателем исполкома стал военный чиновник **Данилов**, командующим — полный Георгиевский кавалер хорунжий **Павел Кудинов**. В качестве агитационных материалов повстанцы распространяли найденные у комиссаров свердловскую директиву и инструкцию Коллегаева. Мятеж охватил территорию в 190 км: Казанскую, Еланскую, Вешенскую, Мигулинскую, Шумилинскую, Мешковскую, Усть-Хоперскую, Каргинскую, Боковскую. Был выдвинут лозунг: «За советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». У повстанцев не было оружия, боеприпасов. Но доставали припрятанные шашки, ковали пики и дрались холодным оружием. Отливали картечь из оловянной посуды. На складах в Вешенской нашли

5 млн. учебных холостых патронов, их переделывали вручную, переплавляя на пули свинцовые решета веялок. Для имитации пулеметной стрельбы делали специальные трещотки. И громили палачей.

Точно так же и в это же время восстало уральское и оренбургское казачество. Разумеется, не сговариваясь с донским. Но действовали одни и те же закономерности и вели к одному результату. 16 марта, в день смерти Свердлова, ЦК большевиков отменил директиву о геноциде. Но он продолжался! Теперь под предлогом подавления мятежа. Якир приказывал: «...Полное уничтожение поднявших восстание, расстрел на месте всех, имеющих оружие, 50-процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно». Впрочем, и Ленин не собирался давать казакам реальных послаблений. Вот его телеграммы. Сокольникову от 20.04.1919 г.: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». Ему же 24.04.1919 г.: «Если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить? Посылаем еще двое командных курсов». 25.04.1919 г. Склянскому: «Надо сговориться с Дзержинским о том, чтобы он дал самых энергичных людей, и не послать ли еще военные силы? Еще надо, если там плохо, пойти на хитрость». 06.05.1919 г. в РВС Южфронта «Происшествие с подавлением восстания прямо-таки возмутительно. Необходимо принять самые энергичные и решительные меры и вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» 15.05.1919 г. Луначарскому: «Двиньте энергичное массовое переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов. Курсантов тоже пошлем» [107].

Рано или поздно Вешенская «республика» должна была погибнуть. И повстанцы, расставшись с иллюзией «советов без коммунистов», направили гонцов к донскому атаману Богаевскому, сменившему на этом посту Краснова — с просьбой о помощи. Они продолжали отчаянно отбиваться. Изрубили несколько большевистских частей. А Сердобский красный полк и часть Федосеевского перешли на сторону казаков. Но против них собирались все более крупные силы, 40 тыс. штыков и сабель с огромным количеством артиллерии и пулеметов. 22 мая началось отступление повстанцев. Операцию взял под личный контроль Троцкий. В приказе № 100 от 25.05.1919 г. он писал: «Солдаты, командиры и комиссары карательных войск!..Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады к станицам, которые будут оказывать сопротивление... Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!..» Каратели оставляли за собой пустыню. Специальные отряды факельщиков жгли хутора и станицы, население истреблялось.

Казачи уходили за Дон, где заняли последнюю линию обороны. На 8 орудий оставалось 5 снарядов. Из каждой сотни выделялось 1–2 стрелка, которых снабжали патронами. Стрелять разрешалось только при попытках врага форсировать Дон. А красные, заняв правый берег, засыпали повстанческие лагеря снарядами и пулями. Но положение уже менялось. Воспользовавшись отвлечением советских сил против вешенцев, деникинцы разгромили в Сальских степях 10-ю красную армию, в Донбассе 13-ю. Фронт затрещал. И только тогда Ленин спохватился, заговорил вдруг о мелких уступках! 03.06.1919 г. он писал в РВС Южфронта: «Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей (речь идет о лампахах, словах «станция», «казак» — прим. авт.), совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажку в привычных населению архаических пережитках». Но при этом снова телеграфировал Сокольникову: «Всеми силами ускоряйте ликвидацию восстания...».

Поздно. На флангах деникинцы наступали на Харьков и Царицын. А в центре Донская армия **Быкадорова** прорвала фронт на Северском Донце. Отряд генерала **Секретева** устремился в прорыв и 13 июня соединился с повстанцами. Он был маленьким, 3 тыс. казаков при 6 пушках и 18 пулеметах. Но конец трехмесячной блокады вызвал моральный перелом. Повстанцы воспрянули духом и погнали красных. В результате этого прорыва

части советских 8-й и 13-й армий очутились в полукольце, а 9-я попала в окружение. Но и отступление большевиков вылилось в новую волну геноцида. Уходя, они, уничтожали арестованных и заложников, просто кто под руку подвернулся. Тысячу женщин и девушек согнали на рытье окопов, а при подходе казаков перенасиливали и расстреляли. Нет, зверства не спасали. Отступление превратилось в бегство. Силясь выправить положение, Троцкий вернул с Западного фронта Миронова, поставив ему задачу провести в Усть-Медведицком и Хоперском округах поголовную мобилизацию, чтобы «не дать казаков Деникину». Не тут-то было. После всего, что произошло, даже к Миронову донцы не шли. Южный фронт рухнул...

Аналогичные явления происходили не только на Дону. Сравните первые и последние главы романа Фурманова «Чапаев». Там и тут бои идут в одних местах — Сломихинская, Лбищенск. Но вы увидите колоссальную разницу. В начале книги — «обычная» война. И отношения с местным населением сносные, даже изнасилованная казачка прощает обидчика, чтоб его не расстреляли. В конце — совсем другое. Наступление идет уже после геноцида и носит карательный характер, чего не скрывает и Фурманов: «Казачьи войска не гнать надо, не ждать надо, когда произойдет у них разложение, не станицы у них отнимать одна за другою», главная задача — «уничтожение живой неприятельской силы». Но и ответная борьба идет с крайним ожесточением: горящая степь, вырезанные обозы, блуждающие в степи зловещие огни мстителей, казачки сыпят яд в пищу красноармейцев, погибая при этом сами. Измотав большевиков степной войной, уральцы погнали их прочь, а отряд из 300 казаков налетел ночью на Лбищенск, уничтожив Чапаева с его штабом...

Любопытно, что в наши дни, даже признав факт целенаправленного истребления казаков, «демократическая» пресса и телевидение очень уж тщательно избегают слова «геноцид», подменяя его термином либеральных кампаний XIX в., «расказачивание». А ведь сами-то наверное обиделись бы, если бы кто-нибудь назвал холокост «разъевреиванием»?

68. ИСХОД НА ЧУЖБИНУ

Казачий геноцид поставил большевиков на грань гибели и был свернут. Но их отношение к казакам оставалось враждебным. Ф.К. Миронову было поручено создавать в Саранске Донской корпус, однако он не получал ни оружия, ни пополнений, и корпус завис в стадии формирования. Кончилось тем, что Миронов поднял мятеж, выдвинув лозунг наподобие махновского, воевать как против белых, так и против «жидокоммунистической власти». Двинулся к фронту, но его малочисленные полубезоружные части были окружены буденновцами и вынуждены сдать. Состоялся судебный процесс, Миронова и его ближайших сподвижников приговорили к расстрелу, однако помиловали решением ВЦИК — популярный казак был еще нужен большевикам. А вот белых казаков измученные Советской властью люди встречали как освободителей. Во время рейда **Мамонтова**, погромившего красные тылы и разнесшего ряд красных соединений, с ним ушли к деникинцам многие тысячи крестьян.

Но белые силы были слишком небольшими. И по-прежнему разобщенными. В распоряжении Колчака вроде бы оказались все восточные Казачьи Войска. Однако Семенов в Забайкалье и Калмыков в Хабаровске пользовались поддержкой японцев — которые были себе на уме, вынашивая планы господства на Дальнем Востоке. И, оказывая атаманам помощь, старались подогреть их амбиции, подталкивали Семенова стать самостоятельным правителем. Приказы Колчака не выполнялись. Чуть не дошло до вооруженного конфликта, но Япония взяла Семенова под защиту, выставив заслоны из своих войск. Впрочем, силы забайкальцев, амурцев и уссурийцев оказались связаны борьбой с партизанами — но и на стороне партизан воевало много казаков. А прояпонская ориентация атаманов облегчала красным агитацию против них. Семиреченское казачество во главе с атаманом **Щербаковым** находилось далеко в стороне от главных театров военных действий. И также было занято на «собственном» фронте, сражаясь с отрядами местных крестьянских Советов. *Колчак своим указом создал и новое, Амударьинское Казачье Войско* [22]. Но в Средней

Азии шла резня с басмачами, и при таком раскладе амударьинские казаки приняли сторону русских — то бишь красных.

В белые правительства вошли те же масоны, либералы и демократы, которые уже раньше развалили Россию. А другие демократы, меньшевики и эсеры, встали в оппозицию «реакционным генералам» и вместе с большевиками раздували партизанское движение. На подавление направляли сибирских, енисейских казаков. После чего эти казаки отказывались ехать на фронт — если оставишь без защиты станицы, партизаны отомстят. В Омске заседала Казачья Конференция, объединенный орган всех восточных Войск — которая вместо организации казаков на борьбу принялась качать права и принимать резолюции об «автономии».

А с другой стороны, и колчаковское командование оказалось не на высоте и найти общий язык с казаками даже не пыталось. Сам адмирал не был сухопутным стратегом, всеми военными делами заправлял его начальник штаба, скороспелый генерал из капитанов Лебедев. Казачьей специфики он не знал и просто сбросил «обузу» с плеч, пустив действия казаков на самотек. Весной 1919 г. в решающее наступление по волго-уральским степям, идеальным для действий кавалерии, двинулась белая пехота. А казачью группу генерала **Белова** оставили на фланге с задачей прикрывать никому не нужную Актюбинскую дорогу. Ну а массам оренбургских и уральских казаков вообще предоставили действовать самим по себе. И они занялись совершенно не свойственным коннице делом, осадой Оренбурга и Уральска. Большевики это учли. Оборудовали прочную инженерную оборону городов, и казаки завязли. А тем временем главные силы Колчака были разгромлены. Красные войска прорвались на Уфу и Челябинск, и в результате Уральское и Оренбургское Войска были отсечены от Сибири. Дальше белые группировки погибали по отдельности.

Сибирское казачество ужасов красных нашествий еще не знало. Уклонялось от призывов из-за уборки урожая, некоторые станицы выносили постановления не пускать казаков на фронт — а то придут большевики и трудно будет с ними договориться. Только когда фронт стал приближаться, атаман Иванов-Ринов принялся формировать корпус, но вместо планируемых 20 тыс. набрал лишь 7,5 тыс. Поехали на фронт, как на праздник, многие взяли жен, запасы водки. И ударили под Петропавловском лихо, опрокинув армию Тухачевского. Но успеха не развили. Вместо наступления на Курган увлеклись преследованием разбитых частей противника и захватом трофейных обозов. А советское командование оправилось, подтянуло резервы, взяло белых в клещи и разгромило. 14 ноября пал Омск. Напоследок удар в спину нанесли англичане и французы — при их поддержке в Иркутске поднял восстание «демократический» Политцентр из эсеров и учредилцев. Колчак был выдан чехами «демократам» и расстрелян.

Остатки его войск, в том числе часть сибирских и оренбургских казаков, в неимоверно трудных условиях отступали к Семенову, которого Колчак, отрекаясь от власти, назначил Верховным Правителем Восточной окраины. Железную дорогу захватили чехи и не пускали на нее белых, стремясь эвакуироваться сами и вывезти эшелоны награбленного в России барахла. Части двигались пешком и на санях по Старому Сибирскому тракту. Свирепствовал тиф, нападали партизаны. Но в зимние морозы, теряя товарищей замерзшими, умершими от болезней, белые казаки и солдаты сумели пройти всю Сибирь. Атаковали Иркутск, слясь спасти Колчака. А когда это не удалось, пробившись в Забайкалье.

Против Южной группы **Белова** и Дутова, отрезанной от основных сил колчаковцев, в августе 1919 г. был создан Туркестанский фронт во главе с Фрунзе из 3 армий. Казаки под их ударами отступали на Орск и Актюбинск. Когда попали в области с мусульманским населением, Фрунзе пустил в рейд татарскую бригаду, и местные жители стали принимать сторону красных. Большевикам опять удалось оторвать от белых и переманить на свою сторону башкирские части. А остатки Южной группы, оттеснили в пустыни между Эмбой и Аральском. У станции Челкар они были зажаты с двух сторон 1-й красной армией и частями, выдвинутыми из Туркестана. Дутову и Белову с несколькими сотнями удалось вырваться из окружения. Судьба генерала Белова неизвестна, до своих он не добрался. Дутов ушел в

Семиречье.

После этого Фрунзе перегруппировал силы против уральцев. Пресекая их связь с Деникиным через Каспий, Гурьев блокировала Астраханская флотилия. Но казаки В.С. Толстова отчаянно сопротивлялись до зимы. Чтобы сломить их, Фрунзе разработал целый комплекс мер.

Лично ездил в Москву к Ленину, выхлопотал амнистию для сдающихся. И применил новую тактику, отрезая казаков конными отрядами и пулеметными заставами от станиц и хуторов, оттесняя в голую зимнюю степь. А когда такими способами ослабил уральцев, начал общее наступление. Казаков прижали к Каспийскому морю. Северная часть его замерзла, и даже эвакуация морем стала невозможной. В январе 1920 г. начался трагический исход 17 тыс. уральцев через промерзлые солончаки и пустыни. На страшном пути остались тысячи умерших от голода, болезней, морозов. И только когда добрались до Форт-Александровска на Мангышлаке, там ждали русские и английские пароходы. Уцелевших казаков вывезли в Красноводск и Иран. Но и на Красноводск уже шло наступление от Ташкента, и 6 февраля он пал. Часть защитников погибла, часть попала в плен, кто сумел — бежали в Персию.

Атаман Анненков со своими казаками и отрядами казахской националистической партии Алаш-орда отбивался в Семипалатинской области. После разгрома Колчака на них повернули красные дивизии из Сибири. И Анненков отступил в Семиречье. Какое-то время большевиков удавалось сдерживать, крепость Копал отразила несколько штурмов. Но в марте 1920 г. красные стали одолевать. Причем и здесь Фрунзе сочетал силовые меры с мягкими. Войскам указывалось: «Все зависит от вас, или поможете прикончить фронт, или подтолкнете казаков на новую войну». Когда заняли станицу Арасанскую, не было ни расстрелов, ни грабежей. Казаки не верили своим глазам и согласились послать делегацию в Копал, извещая, что «красные войну против нас прекратили». Крепость капитулировала.

Щербаков, Анненков и Дутов с частью казаков ушли в Китай. При этом Анненков откровенно объявил, что ничего хорошего на чужбине их не ждет, и кто хочет, может возвращаться домой. Плакали, прощались, обещали по первому призыву атамана вновь встать в строй. Но те, кто повернул назад, погибли. Убивали их не красные, а «союзники», алаш-ордынцы. Они успели войти в переговоры с большевиками, получили всяческие гарантии. А чтобы выслужить прощение (ну и пограбить), алаш-ордынские отряды встречали анненковцев в глухих горных ущельях, разоружали и истребляли до единого. Красные же семиреченцев не тронули. Фрунзе понимал, что эмигранты не так уж далеко ушли от родных станиц, и подобное соседство опасно. Поэтому с пленными обращались хорошо, уговорили составить письма соратникам, находящимся в Китае, и многие казаки оттуда стали возвращаться.

На Южном фронте деникинцам противостояли не только красные. Враждебную позицию занимали Петлюра, Грузия, в разгар наступления на Москву Махно своим рейдом разрушил белые тылы. В Чечне и Дагестане имам Узун-Хаджи поднял на «священную войну» 70 тыс. воинов — и был поддержан грузинами, англичанами и... большевиками. Ему слали деньги, оружие, в его «шариатском» войске воевали 10 тыс. красноармейцев, отступивших от белых в горы. Против Узун-Хаджи оказались отвлечены основные силы Терского Войска (хотя часть горцев поддержала Деникина, воевала в его армиях) [208].

Донские казаки после перенесенных ужасов сражались стойко, на большевистскую агитацию больше не реагировали. Но Дон уже надорвался, выскребал последние пополнения. И в это же время пошел вдруг разброд среди кубанцев! Причем инициировался он не «снизу», а «сверху». Когда Екатеринодар стал глубоким тылом, Кубанская Рада, состоявшая из социалистов и самостийников, заняла враждебную позицию по отношению к Деникину. Принимались декларации о «суверенитете», Кубань окружила себя таможенными барьерами и отказалась продавать хлеб даже Дону. Деникинцев клеймили как «монархистов», «виновников гражданской войны», врагов «демократии и свободы». Велась переписка с «родственным» Петлюрой, грузинами, «зелеными». И союзнички-англичане опять же тайно

подыгрывали такой «демократии». Да и Троцкий установил с сепаратистами весьма плодотворные контакты. А чего ж не установить, если среди лидеров Рады были такие же масоны, как он сам?

Дошло до того, что в пропагандистских витринах Рады вывешивались номера советских «Известий» и «Красноармейца». Но и кубанская печать поливала деникинцев не хуже красной. Страсти накалялись. Председатель Рады **Рябовол** был убит неизвестными лицами. Но она избрала его «бессменным председателем». А заместителем — **Макаренко**, который ездил по станицам и провозглашал: «Идет батька Махно и несет нам свободу!» Рада стала разлагать Кубанскую армию, требуя отозвать ее с фронтов и поставить гарнизонами «на родине» — а с большевиками, мол, договоримся. Началось повальное дезертирство. Казаки, уезжая на побывку или лечение, на передовую не возвращались. Оседали в станицах при покровительстве властей, в запасных частях, из которых Рада сколачивала «свою» армию, уходили в отряды «зеленых». В кубанских полках осталось по 60–80 человек. Это стало одной из причин поражений и отступления деникинцев.

Но по мере неудач все больше нагнела и Рада. Войсковой атаман **Филимонов** согласно кубанской «конституции» не имел почти никаких полномочий, ничего не мог поделаться. А Деникин и командующий Кавказской армией Врангель колебались, не желая обострять ситуацию. Но стало известно, что в Париже кубанская делегация в составе **Быча**, **Савицкого**, **Намитоква** и **Калабухова** подписала договор о дружбе и военном союзе с «Меджлисом горских народов Кавказа». Это переполнило чашу терпения, Деникин объявил такой шаг изменой. Рада возмутилась, выпустила воззвание «Отечество в опасности», обратилась за помощью к Дону и Тереку. Но поддержки не получила, общее настроение было против нее. А генерал Покровский, получив приказ принять жесткие меры, арестовал Калабухова (единственного члена парижской делегации, вернувшегося в Россию) и 12 лидеров самостийников. Калабухов был предан суду и повешен, остальных выслали в Константинополь. Рада присмирела, приняла резолюцию о единении с Деникиным [43].

Но положения это уже не улучшило. Красные наступали. И ведь главный вклад в их победы тоже внесли казаки! Как раз из них в основном состояли лучшие советские войска, конармия **Буденного** и кавкорпус **Думенко**. Поэтому белые донцы без колебаний сражались с пехотой, но от схваток с конницей по возможности старались уклоняться — чтоб не рубиться с братьями. В январе 1920 г. пали Новочеркасск и Ростов. Но теперь мирное донское население оставаться под Советами не желали. Дороги заполнили огромные таборы казачьих беженцев. Тиф косил их во множестве, по обочинам оставались тысячи безымянных могил.

Большевиков все же смогли остановить на рубеже Нижнего Дона и Сала, однако они подтянули свежие силы и в феврале 1920 г. навалились на самое слабое звено — Кубанскую армию. Фронт стал разваливаться. А в Екатеринодаре собрался Верховный Круг из депутатов Дона, Терека и Кубани и снова мутил воду. Делегации переругались. Терцы и большинство донцов стояли за продолжение борьбы единым фронтом, кубанцы и примкнувшие к ним левые донцы — за самостийность, передачу власти совету атаманов или кому-то из казачьих генералов. На последнем заседании, 16 марта, когда основная часть депутатов разъехалась, оппозиция приняла постановление о выходе из подчинения Деникину. А 17 марта Екатеринодар пал.

Добровольческая армия, донцы и принявшая их сторону кубанская дивизия отходили на Новороссийск. Кубанское правительство и Рада повели свои войска в другую сторону, на юг, на соединение с Грузией и сочинскими «зелеными». Еще совершались подвиги. Полностью погиб Атаманский полк, вступив в бой против 2 дивизий. Но большинство просто механически шло куда ведут и куда глаза глядят. Из Новороссийска часть войск удалось вывезти в Крым. Однако эвакуировать смогли не всех. А многие уже и не хотели никуда ехать. Отступали, пока было куда, а когда дошли до моря, остановились. Располагались таборами, тащили из складов вино, спирт, пили. И обреченно ждали своей участи.

Своими путями уходили другие осколки деникинских армий. Астраханский отряд **Драценко** и ряд терских частей отступили в Петровск (Махачкала) и с Каспийской флотилией эвакуировались в Персию, где были интернированы. Еще 7 тыс. терцев и 5 тыс. гражданских беженцев по Военно-Грузинской дороге ушли в Грузию. Были разоружены и загнаны в лагерь в малярийных болотах возле Поти. А лавина кубанских казаков и беженцев и примкнувший к ней 4-й донской корпус, 60 тыс. человек с обозами, стадами, через горные перевалы хлынули на Туапсе и дальше на Сочи, заполонив побережье. Но Грузия кубанцев не пустила и в помощи им отказала. А местные «зеленые» приняли в штыки. Вывезли все имущество и продовольствие в горные деревни и ощетились пулеметами. Еды и фуража в прибрежной полосе не было. Начался голод, падеж скота, холера. Кубанцы перессорились между собой, обращались кто к англичанам, кто в Крым, кто к большевикам. В апреле красные двинулись следом за казаками. 12 тыс. удалось забрать в Крым, остальные сдались.

Но репрессий на этот раз не было — тех, кого захватили в Новороссийске и Сочи, спасло наступление поляков. Троцкий мгновенно переориентировался, кричал о защите Отечества от общего внешнего врага. И действовало, многие офицеры шли в Красную Армию добровольно, а пленных казаков и не спрашивали, вливали в советские части. Война с Польшей подарила отсрочку и Крыму. Врангель, приняв командование, перестроил войска. Под нажимом англичан и французов грузины отпустили интернированных. Были созданы 3 донских, 2 кубанских дивизии, терско-астраханская бригада. В июне белые перешли в наступление — и спасли Польшу, оттянув на себя 21 советскую дивизию. Дрались героически. Когда красные нанесли контрудар кавалерийским корпусом Жлобы, великолепно проявила себя авиация под командованием «кубанского сокола» генерала В.М. Ткачева — 20 стареньких инвалидных машин совершали невероятное, разметав и рассеяв по степям красную конницу.

Да ведь и Польша оказалась союзницей «еще той»! Избежав гибели благодаря удару Врангеля, предпочла заключить с большевиками мир. Без всякого учета интересов белогвардейцев. После этого падение Крыма стало только вопросом времени. Решающую роль в победе над Врангелем снова сыграли казаки: 2-я конармия Миронова, 1-я конармия Буденного. Подтягивались и другие соединения: 3-й кавкорпус Каширина (в который были мобилизованы оренбургские казаки), дивизия Блюхера (в которую включили сибирских казаков). Перемолов белые части в Таврии, советское командование сосредоточило десятикратно превосходящие силы, и 8-12 ноября 1920 г. оборона Крыма была прорвана.

Огромная флотилия кораблей повезла 140 тыс. русских воинов и беженцев на чужбину. Поехали не все. Красное командование распространяло обещания амнистии, многие казаки, офицеры, солдаты, гражданские беженцы поверили. Но инициативу Фрунзе, который, как и на Урале и в Семирежье, хотел завершить войну сочетанием побед и амнистии, Ленин пресек. Потребовал «расправиться беспощадно». Власть в Крыму была передана особой «тройке» — Бела Кун, Розалия Залкинд и Михельсон. И покатила бойня. Оставшиеся белогвардейцы, казаки, их семьи, гражданские «буржуи» арестовывались, во всех городах Крыма тюрьмы и импровизированные лагеря были переполнены. А по ночам толпы людей, раздетых донага, гнали на ветру и морозе в степь, под пулеметы. 200 тыс. человек было уничтожено.

Но на востоке гражданская война еще продолжалась. Атаман Семенов перестроил свою армию, забайкальские казаки составили 1-й корпус, отступившие каппелевцы, оренбургские и сибирские казаки — 2-й и 3-й корпуса. Однако большевики применили хитрость. Опасаясь столкновения с Японией, они провозгласили создание Дальневосточной республики (ДВР) — якобы «демократической», многопартийной. И эта республика заключила с японцами мирный договор. Была развернута кампания по выборам в Учредительное Собрание. Но ключевые посты в ДВР сохранили коммунисты, в Народно-революционную армию ДВР были переименованы части Красной Армии. И когда Забайкалье увлеклось подготовкой к выборам, был нанесен внезапный удар по семеновцам. В ноябре 1920 г. они были разбиты и отступили в Маньчжурию. Тотчас начался террор,

позволивший получить нужные результаты выборов. Обрушились репрессии и на казаков. Убивали станичных атаманов, богатых хозяев, бывших белогвардейцев. И забайкальцы устремились в Китай. Это было легко, граница не охранялась, а многие казаки даже и в мирное время за небольшую мзду китайским чиновникам пасли скот и держали зимовники на маньчжурской территории. В конце 1920 — начале 1921 гг. 15 % забайкальских казаков перебралось в Китай [166].

А барон Унгерн с «дивизией» из 800 казаков при 6 пушках после поражения Семенова отступил в Монголию. Она была оккупирована китайцами, и Унгерн решил освободить ее, чтобы создать новую великую «Желтую империю». С сотней казаков выкрал содержавшегося под арестом Богдо-Гэгэна, главу ламаистской церкви, и объявил войну китайцам. Сумел разгромить их 12-тысячную армию, занял монгольскую столицу Ургу. Но большевики, прикрывшись для «декорума» отрядами Сухэ-Батора, двинули в Монголию экспедиционный корпус. Унгерн был разбит, выдан монгольскими князьями красным и расстрелян.

Оставалось еще Приморье. Увидев, что произошло в Забайкалье, оно ДВР не признало. И Япония приостановила вывод войск, надеясь сохранить этот край за собой. Сюда перебралась и часть семеновских казаков, найдя пристанище у амурских и уссурийских братьев. Возникла Белоповстанческая армия М.К. Дитерихса, а общее командование всеми казаками принял генерал-лейтенант **Ф.Л. Глебов**. Но на Токио давили американцы, тоже раскатавшие губы на Дальний Восток — они рассчитывали захватить здесь не военное, а экономическое господство. По решениям Вашингтонской конференции западные державы настояли на уходе японцев. И они поэтапно отводили части. А красные поэтапно продвигались. 10 октября 1922 г. был прорван последний рубеж белой обороны под Спасском. Казаки Глебова с женами, детьми (6–7 тыс. человек) отступили во Владивосток и погрузились на суда Сибирской эскадры. После скитаний от порта к порту и переговоров большинство казаков высадили в корейском Гензане (Вонсане), некоторые вместе с флотилией добрались до Шанхая [208].

69. ИЗГНАННИКИ

Чужбина встретила эмигрантов неласково. Армию Врангеля французы и англичане, оккупировавшие Турцию, разместили в лагерях: Добровольческий корпус — в Галлиполи, Донской корпус **Абрамова** (8 тыс.) — в селениях Чатаджи, Чилингир, Кабакжда, Кубанский корпус **Фостикова** (3 тыс.) — на о. Лемнос. Потом на Лемнос перевели и донцов. Жили под зимними ветрами и дождями в палатках, без топлива, на мизерных пайках. Вшивели, болели. Французы всю вербовали казаков в Иностранный легион для войны в Алжире, и многие записывались. Вербовались и в Бразилию на плантации, матросами на пароходы. Армия жила надеждами на восстания в России, на возобновление борьбы. Но восстания гасли, французы требовали роспуска формирований.

В 1921 г. Врангелю удалось договориться со славянскими странами, белогвардейцев стали перевозить на Балканы. В Югославии их приняли тепло и сердечно. Часть казаков зачислили в пограничную стражу, другую направили на строительство дорог. Работали, сохраняя воинские части — все еще надеясь на изменение обстановки. Приняла белых и Болгария, но тут казакам пришлось труднее. Распределяли на тяжелые и вредные работы на солеварнях, каменоломнях. Против предоставления приюта белогвардейцам выступали левые. А в 1922 г. на Генуэзской конференции советская делегация добилась решения о роспуске белых формирований. Югославии и Болгарии осталось подчиниться. И Врангель перешел к новой форме организации — создал Русский общевоинский союз (РОВС), в котором воинские чины состояли на учете, как бы в запасе. Но фактически армия распалась. Да и жизнь диктовала свое. Большими группами труднее было найти работу. Эмигранты стали распространяться по тем же Балканам. Многие перебрались во Францию и Бельгию — эти страны понесли большие потери в войне, нуждались в рабочих и зывали эмигрантов,

поскольку им можно меньше платить. Некоторые казаки осели в Германии, Чехословакии.

Большие колонии казаков возникли и в Иране. В Китае дутовцы обосновались в г. Суйдун, семиреченцы в Кульдже, анненковцы в Ланьчжоу. Многие поселились в Харбине — он до революции был по сути «русским» городом. Казаки, эвакуированные из Владивостока, 3 года прожили в Вонсане на содержании японцев — в Токио лелеяли надежды удержать за собой не только Южный Сахалин, но и Северный, захваченный под шумок. И существовал план направить туда казаков, чтобы провозгласить «государство» под эгидой Японии. Но в 1925 г. японцам пришлось отдать Северный Сахалин Советскому Союзу, помощь казакам в Вонсане прекратилась, и они рассеялись по всему Тихоокеанскому региону. Несколько сот казаков генерала Глебова осели в Шанхае.

Везде казаки старались держаться друг друга, организовывались в станицы, хутора — подобие землячеств с выборными атаманами, кассами взаимопомощи. Поддерживали связь с войсковыми атаманами. Но зарабатывали на жизнь по отдельности, кто как может: рабочими, шахтерами, строителями. Большим успехом пользовались самодельные казачьи хоры, их приглашали выступать в ресторанах, лучшие коллективы подхватывались западными продюсерами, становились профессиональными. Возникали и цирковые казачьи труппы, поражали публику искусством джигитовки. Но это было труднее, требовалось приобрести и содержать хороших лошадей. Для некоторых казаков пристанищем стал Голливуд. Там как раз начинали снимать «вестерны», и именно казаки стали первыми исполнителями конных трюков, изображая ковбоев и индейцев, обучали своему искусству американцев. Те, кто смог хорошо устроиться, даже посылали деньги родственникам в СССР, при нэпе это было еще можно. Не имеющие семей или потерявшие их, женились — на русских беженках, на местных женщинах.

Настоящие станицы возникли только в Маньчжурии. После образования ДВР сюда ушли тысячи забайкальцев, многие сумели перегнать стада скота. И устроились довольно неплохо. Китайские чиновники разрешили селиться, налог брали маленький (а то и не брали за взятки). Никакой казачьей службы тут, конечно, не было, просто жили, вели хозяйство, богатели. Но в 1929 г. во время конфликта на КВЖД отряды ОГПУ совершили ряд нападений на станицы, сотни казаков были убиты, 600 человек угнали в СССР. А в 1931 г. Маньчжурия была оккупирована Японией, и процветание кончилось. У казаков, как и у китайцев, переписали все имущество, стали драть огромные налоги, принудительные поставки, оставляя хозяевам лишь необходимое для пропитания [166].

Некоторые казаки нашли применение своим воинским талантам. Иранский аристократ Реза-хан Пехлеви в Мировую войну служил в пластунской бригаде, начав с унтер-офицерского чина, полюбил казаков, и они его уважали. Из казаков-эмигрантов, очутившихся в Персии, он сформировал свою бригаду. Разгромил с ней созданную большевиками в Северном Иране «Гилянскую советскую республику». Потом, опираясь на казаков, произвел государственный переворот и стал шахом Ирана, а казаки стали его личной гвардией. В Китае во время гражданской войны 1925–1927 гг. 4 тыс. казаков сражались на стороне Чжан Цзолина — считая это продолжением собственной гражданской, тем более что войска гоминьдана и китайских коммунистов подпитывались из Москвы, руководили ими большевистские советники во главе с Блюхером. Но китайцы воспринимали белогвардейцев, как обычных наемников. И не щадили, посылая в пекло. Отряд потерял четверть личного состава.

Часть эмиграции пыталась вести борьбу против СССР. Кроме РОВС возникло множество других организаций — Братство русской правды (БРП) во главе с П.Н. Красновым, Высший Монархический Совет, Республиканско-демократическое объединение и т. п. Но и советские спецслужбы эмигрантов в покое не оставляли. В 1921 г. в г. Суйдун был уничтожен атаман Дутов. Группа чекистов пробралась в его штаб, оглушила, желая выкрасть. Но казак-часовой заметил неладное, поднял тревогу, и атамана застрелили. В 1926 г. осуществилась операция против Анненкова. Он много претерпел на чужбине, ни за что отсидел в китайской тюрьме, отошел от политики и занимался коневодством. В ходе

китайской гражданской войны его вызвали в г. Калган на переговоры к маршалу Фэн Юйсяну, где советник маршала «товарищ Ли» (В.М. Примаков) арестовал атамана и его начальника штаба Денисова. От имени Анненкова было выпущено воззвание к эмиграции, якобы он добровольно решил вернуться в СССР. Но не подействовало, казаки сразу усомнились в подлинности. Над Анненковым и Денисовым в Семипалатинске был разыгран «показательный» суд, обоих расстреляли. Ну а РОВС, БРП и прочие организации очень быстро оказались наспигованы чекистской агентурой — конспираторами белые были никудышними [209].

Попытки организовать борьбу против советского государства были обречены на провал не только из-за противодействия чекистов, но и из-за разобщенности самой эмиграции. За рубежом она мгновенно рассыпалась на весь спектр политических течений от монархистов до эсеров и меньшевиков. А у казаков добавилась специфическая идеология — сепаратизм. Именно в эмиграции расцвели в полной мере теории отдельной «казачьей нации». По сути они стали идейным знаменем казачьей «демократической» интеллигенции, которая перевернула на собственный лад все те же идеи Февральской революции. В этих теориях российская власть рассматривалась сугубо отрицательно — как подавлявшая исконную казачью «демократию». Очевидные факты, вроде массовой приписки в казачество в XIX в., напрочь игнорировались, и сепаратисты производили себя напрямую от древней «Казаккии» или Хазарского каганата. Провозглашая, что казачий «вольный народ» был поработен царизмом.

И любопытно, что первый отлуп сепаратисты получили от... некрасовцев. Которые на обращения к ним назвали эти теории «болтовней» и ответили, что мы-то, мол, русские. «И вот уже свыше двухсот лет мы находим приют в Турции и, живя здесь, сохранив все искания наши, обычаи и веру, продолжаем быть верными сынами Церкви Христовой и возносить до небес молитвы о Русском Царе, моля всевышнего о скорейшей кончине междуцарствия» [104]. Да и большинство казаков-эмигрантов сепаратистских идей не разделяло. А.Г. Шкуро писал: «Я прочитываю каждый номер «Вольного казачества». Когда я читаю стихи, я плачу; когда читаю «преданья старины глубокой», я восторгаюсь, но когда говорят, что череп донца и кубанца отличается от русского, мне становится страшно...» Однако «мнение» во все времена формируется не большинством, а небольшой прослойкой. И от лица казачьего «общественного мнения» выступали все те же левые деятели, которые мутили воду на кругах и радах: **Харламов, Верховенский, Парамонов, Скачков, Горчуков, Мельников, Быч, Макаренко** .

Распространению идей сепаратизма способствовали два фактора. Во-первых, в это время в эмиграции шли свары о причинах поражения в гражданской войне. Левые обвиняли, что это произошло из-за недостаточной «демократичности» генералов, те отвечали, что Россия погибла как раз из-за излишней «демократии». И казачьи сепаратисты влились в этот хай. Мол, если бы не пошли за «реакционерами» Россию спасать, сидели бы в своих областях при своих свободах, то и было бы все хорошо. На что следовали обвинения в разрушении фронта и тыла самими сепаратистами. Озлобление дошло до такой степени, что, например, историк А.А. Керсновский, создавая четырехтомную «Историю русской армии», вообще постарался обойти участие казаков в войнах, победы у него одерживают исключительно регулярные войска [77]. А такое, естественно, было обидно казакам, и они поддерживали «своих» в противовес «великодержавникам». Однако не менее важным был и другой, теневой фактор. Западные правительства и масонские круги были врагами не только и не столько Советской власти, они оставались врагами России как таковой. Поэтому для зарубежных политиков, деловых кругов и спецслужб «демократические» и сепаратистские эмигрантские группировки оказывались куда более предпочтительными, и такие группировки находили поддержку и финансирование куда легче (и щедрее), чем монархисты и сторонники «единой и неделимой».

70. ПОБЕЖДЕННЫЕ И РАЗДАВЛЕННЫЕ

Полномасштабный геноцид казаков большевики после своей победы не возобновили. Но общий курс на уничтожение казачества сохранился. Только теперь физическому истреблению подлежала лишь часть казаков, а основную массу следовало сломить морально, расказачить и ассимилировать. Так, в 1920 г. на Кубани было арестовано 6 тыс. станичных атаманов, членов станичных правлений, офицеров, войсковых чиновников. Их отправили в Холмогоры и всех перебили. На Тереке объявили «контрреволюционными» и репрессировали 1,5 тыс. семей. Приехав в Екатеринодар, Троцкий реализовал еще один из своих чудовищных замыслов: каким бы невероятным это ни казалось, он начал эксперимент по «социализации» женщин. Составлялись списки семей офицеров, чиновников, купцов, богатых казаков, в которых девушки подлежали «социализации» (обобществлению). Красноармейцам, чекистам в качестве поощрения выдавались удостоверения, скольких девушек предьявитель может «социализировать», т. е. совокупиться с ними. Проводились и облавы с отловом молодых девиц для этой цели. Дальнейшего распространения «эксперимент» не получил, но сам факт такой кампании установлен, она была вполне официальной, в Краснодарском краевом архиве сохранились подлинники удостоверений на «социализацию». А монастыри по приказу Троцкого были превращены в «коммуны». Монахов под конвоем гоняли на работы, кормили вместе со скотом похлебкой из буряка и брюквы. В Екатерино-Лебяженской пустыни 120 монахов попытались протестовать — их заперли в церкви и взорвали.

Уничтожались и красные казачьи лидеры, когда большевистское руководство сочло, что в них отпадала нужда. В 1920 г. по надуманному обвинению был расстрелян Думенко со всем штабом. Сталин пытался заступиться, писал, что «его шашка нам пригодилась бы», но успеха не добился. В 1921 г. был арестован и убит в Бутырках Миронов. Вообще без суда, по тайному приказу. Документы по его делу сразу были изъяты и бесследно исчезли. А тех казаков, кто ушел в эмиграцию, переманивали обратно. Несколько раз объявлялись амнистии, широко пропагандировались за рубежом. И многие возвращались. Крупные фигуры вроде генерала Секретева большевики не репрессировали, оставляли в качестве «рекламных». Но большинство вернувшихся отправляли в места не столь отдаленные или под расстрелы — дескать, сама служба у белых амнистирована, но в ходе этой службы совершались еще и такие-то «преступления». Часть отпускали, они возвращались в родные станицы. Но и они, и даже такие, кто, подобно Григорию Мелехову, успел «искупить» службу белым, послужив потом у красных, оказывались под дамокловым мечом. Их держали под надзором, и одного неосторожного слова, доноса было достаточно для ареста.

Еще в 1917 г. Советская власть объявила об отмене сословий. Но в 1920 г. сочла нужным «персонально» повторить упразднение «казачьего сословия». И вот что любопытно — упразднили-то «сословие», но отнесли его к национальным признакам. Во всех анкетах казаков в графе «национальность» ставился прочерк! Они как бы признавались не русскими, а людьми без национальности. Вне общества. Неприкасаемыми. А территории Казачьих Войск правительство принялось расчленять. Войско Донское сперва было преобразовано в Донскую республику, но в 1920 г. ее упразднили. Западные округа передали в состав Украины, они вошли в Луганскую и Донецкую губернии. Часть войсковых земель отошла к Воронежской, Саратовской, Царицынской губерниям, а оставшаяся территория стала Донской областью. В 1920 г. была образована Автономная Киргизская республика (Казахская), ее вообще наделили чрезвычайно щедро. Отдали в ее состав территорию Уральского, Семиреченского Войск, южную часть Сибирского, почти все Оренбургское Войско, даже столицей республики стал Оренбург. Северную часть земель оренбургского казачества передали в состав Башкирии. А то, что осталось от Сибирского Войска, поделили между несколькими губерниями. Из Астраханского Войска вычленили Калмыцкую автономную область, из Забайкальского — Бурят-Моногльскую автономную республику.

На Северном Кавказе главной опорой большевиков считались «революционные» горцы, и в 1920 г. были провозглашены Горская и Дагестанская автономные республики. Из

Кубанского Войска южную часть отдали Горской Республике, несколько станиц — Ставропольской губернии. А Терская губерния сохранила лишь 19 % земель Терского Войска — узкую полосу по северному берегу Терека от Минвод до Кизляра и Каспия с центром в Пятигорске. Большую часть войсковой территории включили в Горскую республику. При этом 11 станиц было решено отдать горцам, 70 тыс. казаков подлежали депортации. Район Владикавказа предназначался для заселения ингушами. Казаков из здешних станиц и хуторов выгнали из родных хат и под конвоем повели на север. Но «упростили» проблему, чего с беженцами возиться? По пути красные каратели и «революционные» ингуши набросились на беззащитные колонны, принялись рубить и резать, ударили пулеметы. Дорога на Беслан была завалена трупами. Всего в ходе депортации было уничтожено 35 тыс. казаков, казачек, детей.

Но и распропагандированного улучшения хозяйства горцев не произошло. Потому что в «очищенные» станицы они не переселялись. Предпочитали оставаться там, где привыкли жить. Наезжали выломать что-нибудь из брошенных домов. Или пограбить казачьи селения, которые не были выселены. Казаки жаловались: «Разрушаются здания, инвентарь, рамы, стекла и проч. увозятся в аулы, портятся фруктовые деревья. Сельскохозяйственный инвентарь разбросан, изломан, ржавеет и гниет... Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки 12–13 лет вооружены с ног до головы, имея револьверы и винтовки. Таким образом получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо».

Большевики, став хозяевами всей страны, утверждали свою власть крутыми методами, что привело к восстаниям. В 1921 г. по всему Югу России, Украине, Приуралью, Сибири развернулась «малая гражданская». На Правобережье Украины пытался вести борьбу атаман **Юрко Тютюнник**, создававший казачью Повстанческую армию. На Левобережье и в Таврии действовал Махно. Были восстания на Дону в Усть-Медведицком, Хоперском округах. На Кубани возникли «зеленые» отряды **Пржевальского, Ухтомского, Назарова, Трубачева, Юдина, Кривоносова, Дубины, Рендскова**. Но и в борьбе с повстанцами Советская власть использовала казаков — только перебрасывая их подальше от дома. Например, из пленных семиреченцев был сформирован полк и направлен в Башкирию, против мятежа Валидова. Назначенные в часть комиссары обращались с казаками жестоко, запрещали молиться, за малейшую провинность подвергали наказаниям. В апреле 1921 г. полк под командованием **Охранюка** взбунтовался, перебил комиссаров. Однако у села Тогустемир был окружен превосходящими силами и в бою погиб полностью, казаки в плен не сдавались. Подавить восстания помогли не только военные действия, но и засуха, неурожай и голод, охвативший области от Украины до Поволжья. По Дону вдобавок прошла эпидемия чумы.

Кубани стихийные бедствия не коснулись, и здесь зеленые противостояли Советский власти дольше, чем в других местах. **Василий Рябоконт** с отрядом соратников держался в приазовских плавнях до осени 1924 г., заявляя большевикам: «Ваша суша, наша вода». Но и такие очаги сопротивления рано или поздно ликвидировались. Расправа с пойманными повстанцами была однозначной, а больше погибало не самих зеленых, а мирного населения. Расстреливались семьи тех, кто ушел в повстанческие отряды. В станицах и хуторах, с которыми эти отряды поддерживали связь, брались и уничтожались заложники. В целом же в результате гражданской войны, подавления восстаний, эпидемий, голода, казачество пострадало очень сильно. Общие потери России в 1917–1922 гг. составили, по разным оценкам, 17–21 млн. человек. Какая часть из них приходится на казаков, точных данных нет. Но немалая — ведь война каталась как раз по казачьим областям. **Г. Кокунько** указывает, что Войско Донское потеряло половину довоенного населения. А число жителей Северного Кавказа уменьшилось на треть — в значительной мере за счет казаков [23]. Хотя такие оценки весьма приблизительны. Жертвы никто не считал, а переписей в послевоенные годы не проводилось.

Но подчеркнем и то, что не у всех ветвей Советской власти и не у всех ее лидеров отношение к казакам было однозначным. И со временем оно стало корректироваться. На Кавказе Горская республика стала серьезнейшей проблемой. Ее раздирали межнациональные ссоры и споры. Бесконтрольность и безнаказанность со стороны «своих» властей порождали злоупотребления и бандитизм. Горцы грабили и притесняли не только казаков, но нападали и друг на друга, угоняли скот у русских крестьян, доставалось и советским хозяйствам. И правительство стало пересматривать политические акценты в этом регионе. Из Горской республики были выделены Кабардино-Балкарская, Чеченская, Карачаево-Черкесская автономные области. А в 1924 г. Сталин окончательно упразднил республику, возникли Северо-Осетинская и Ингушская автономные области. При этом в Москве уже поняли, что безоглядно делать ставку на горцев нельзя. *И южные терские станицы составили отдельный, Сунженский автономный округ. Права автономных округов получили также города Владикавказ и Грозный.* Часть кубанских и терских станиц осталась в составе Карачаево-Черкессии и Северной Осетии, а из Кубано-Черноморской области была еще выделена Адыгея. Но для компактно проживающих народов вводились «малые формы автономии» в виде национальных районов и национальных сельсоветов. *И в указанных образованиях были созданы 3 казачьих национальных района.*

В конце 1924 г. реформа завершилась созданием огромного Северо-Кавказского края с центром в Ростове. В его состав вошли Дон, Кубань, Ставрополье, Терская губерния, северокавказские национальные области (без Дагестана). Кроме того, Сталин отобрал у Украины и присоединил к Северо-Кавказскому краю Донецкий, Таганрогский и Шахтинский округа. А в 1925 г. из состава Киргизской АССР (переименованной в Казакскую) была изъята Оренбургская область (столицу республики перенесли из Оренбурга в Кзыл-Орду).

Пагубность прежней опоры на «революционные народы» вскоре проявилась особенно ярко. В 1925 г. шариатисты подняли артирусское восстание в Чечне, в 1926 г. оно перекинулось на Дагестан. Подавили его быстро и сурово. Двинули войска, артиллерию. Кто оказывал сопротивление, не церемонились. В то время ходила поговорка: «Большой арба (т. е. пушка) кричал — весь аул кончал». Эти события еще раз показали правительству необходимость пересмотреть свою линию по отношению к казакам.

71. КАЗАЧЕСТВО И ШОЛОХОВ

И все же, несмотря на отдельные послабления, несмотря на то, что ни о каком сопротивлении Советской власти больше и речи не было, антиказачья направленность коммунистической политики сохранялась. Казаки оставались людьми «третьего сорта». Их облагали повышенными сельхозналогами. Их не выдвигали на руководящие посты, не принимали в высшие учебные заведения. А на партийную, хозяйственную, педагогическую работу в казачьи районы назначались, как правило, представители «самой революционной нации» и прочие инородцы. В современных источниках гуляет версия, будто казаков до 1936 г. вообще не брали в армию. В целом это неверно. До 1925 г. в Красной Армии были даже части, имевшие названия «казачьих». Но в 1925 г. прошли реформы, отменившие всеобщую воинскую повинность (и ее не было до 1939 г.). А армия состояла из немногих кадровых частей и территориальных — где местные жители обучались на военных сборах. Кадровых казачьих полков не стало, а территориальные в казачьих регионах действительно не создавались. Хотя в принципе-то казаков призывали, они служили. Но у них возникали препятствия при поступлении в училища, при повышении в должности. Их не брали в авиацию, танковые, технические и другие «элитные» войска.

И любая погромная кампания в СССР в первую очередь прокатывалась по казакам. Допустим, в конце 1920-х по всей стране развернулись очередные антирелигиозные гонения — и уж в казачьих областях они проводились с особым размахом. В Оренбуржье в 1929 г. на Пасху комсомольцы закидывали камнями крестный ход, подожгли одну из станиц, чтобы сорвать праздничную службу. На Кубани под Рождество закрыли вдруг церкви и устроили в

них молодежные вечеринки. Директор Старочеркасского музея Эфрон топил печи иконами Воскресенского собора. Начиналось раскулачивание — его тоже нацеливали так, чтобы покрепче ударило по казакам, приравнивали к кулакам не только зажиточных, но и среднего достатка. Само слово «казак» было изгнано из обихода, применялось только к прошлому — в ругательном, оскорбительном тоне. А называть казаком себя было слишком опасно. Это было бы открытым вызовом. И затравленные, затерроризированные люди предпочитали «забыть», что они казаки. Смешаться с иногородними, крестьянами. В 1926 г. прошла всесоюзная перепись населения — и на Северном Кавказе вдруг оказалось 44 % украинцев! Потому что большинство казаков (даже и не украинского происхождения) обозначили себя «украинцами». А те, кто имел родство с горцами, писались осетинами, кабардинцами, адыгами. То же самое происходило в других местах. Так, будущий маршал донской казак **Штеменков** для поступления в военное училище стал украинцем Штеменко [218]. Многие и без раскулачивания, сами уезжали на промышленные стройки, где никто не знает происхождения. Подделывали документы.

И вдруг... вот в такую пору в журнале «Октябрь» появился «Тихий Дон». Молодого автора **Михаила Александровича Шолохова**. Он родился внебрачным сыном, по казачьим понятиям, бесправным «нахаленком». Но его мать-казачка была выдана за казака **Стефана Кузнецова**, который благородно признал ребенка, и Михаил получил статус «сына казачьего». Лишь после смерти Стефана мать смогла обвенчаться с настоящим отцом Шолохова. Юношей Михаил учился в гимназии, воевал с бандами, дослужившись до продкомиссара. Но не пошел по партийно-советской линии. Потому что почувствовал в душе призвание... А «призвание» — это значит Кто призвал?

В 1922 г. Шолохов едет в Москву. Поступить на рабфак не удалось: он не состоял в комсомоле и не имел «нужных» рекомендаций. Пошел на литературные курсы, которые вели В. Шкловский и О. Брик, но быстро разобрался, что это не творцы, а губители русской культуры. И стал писать сам, зарабатывая на жизнь каменщиком, грузчиком, чернорабочим. С 1923 г. в газетах стали появляться фельетоны, рассказы. И вышли отдельной книжкой «Донские рассказы». Высокую оценку она получила гораздо позже, а сперва ее «не заметили» — обратил внимание лишь казак-писатель Серафимович. А Шолохов задумал большую вещь — но понял, что в Москве написать ее не сможет. В 1925 г. он вернулся на Дон. Снова жил впроголодь, перебивался грошовыми заработками — и писал. Над ним смеялись, считали, что парень дурью мается. А он был уверен в себе и работал, работал, работал. Причем сперва-то замышлял обычный «революционный» роман под названием «Донщина», начав с корниловского мятежа. Но, углубляясь в тему, общаясь с казаками, стал осознавать — не то. И отбросил все, что успел написать за целый год! Начал с нуля, изменив и название.

Роман, предложенный журналу «Октябрь», столпы тогдашней «культуры» восприняли враждебно, лишь благодаря настойчивости главного редактора Серафимовича две книги в 1928 г. все же увидели свет. И вызвали настоящую бурю среди казаков! Читая роман, выли, рыдали. Это было о них! И не карикатурно, а правдиво, красиво, величественно. Перевернулась и всколыхнулась сама оплеванная и растоптанная душа казачья. Снова расправляли плечи — да ведь мы ж казаки! И этого не стыдиться, а гордиться нужно! Такое произведение попросту не могло появиться на свет, оно было невозможным, нереальным. Однако оно появилось! И это считали чудом.

Но когда в 1929 г. стала публиковаться третья книга, о геноциде и Вешенском восстании, тут уж товарищи «интернационалисты» спохватились. И после трех номеров печатание было прекращено. А Шолохов, хотя в черновике была уже и четвертая книга, засел за «Поднятую целину». Почему? Возможно, кто-то подсказал — напиши, мол, не только о белых, зарекомендуй себя. Но очевиден и другой фактор. По стране катилась коллективизация с очередными бедствиями и репрессиями. И Шолохов спешил показать советское, отнюдь не «контрреволюционное» казачество, чтобы тем самым защитить его. Шла и борьба за «Тихий Дон». К ней Серафимович подключил Горького, но и его оказалось

недостаточно. Вопрос о публикации «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в конечном итоге решил сам Сталин [36].

И нельзя не отметить, что Шолохов с первых же шагов литературной славы стал не только «певцом», но и заступником казачества. В 1931 г. как раз была объявлена кампания по созданию Красного Воздушного Флота, но казаков она тщательно обошла стороной. А вскоре после этого Шолохов находился у Горького, и вдруг приехал Сталин. Это была первая личная встреча вождя и писателя. Совсем молодого, «начинающего таланта». Чьи книги, к тому же, пребывали в подвешенном состоянии. И о чем же говорит «начинающий» с главой государства? О своем материальном положении? О личных трудностях? Нет! Спрашивает, почему казаков не берут в авиацию! Дескать, это ж такие лихие бойцы. Но что самое удивительное, и Сталин счел его вправе поставить такой вопрос. Не одернул, не пресек. То есть, прочитав «Тихий Дон», увидел в Шолохове не только хорошего писателя, а нечто большее, особенное. Человека, к которому стоит прислушаться. Подумал и посоветовал завтра позвонить Ворошилову. Разумеется, и сам указания дал — Ворошилов Шолохова принял, и вопрос о службе казаков в авиации был решен. Благодаря Сталину, продолжилась и публикация «Тихого Дона». Мало того, он дал указание об экранизации книги.

Но на казачество уже накатывалось новая страшная беда. Коллективизация шла плохо. Люди не хотели идти в колхозы, да и сами они разваливались. Обобщественный скот подыхал без присмотра. Получая за труд мизерные пайки, колхозники воровали, работали спустя рукава. А назначенные сверху председатели доламывали хозяйства, воруя куда больше рядовых колхозников, осуществляя дурацкие проекты вроде вырубания на Кубани виноградников и выращивания хлопка. Добавился неурожай 1931–1932 гг, планы хлебозаготовок провалились. И «силы неведомые» в советском руководстве решили использовать этот предлог для окончательной ликвидации казачества.

Теперь главный удар пришелся по Кубани. Она в гражданскую войну пострадала меньше других Войск. Не знала геноцида, как Дон, разорения горцами, как Терек. Хотя много народу погибло, но при этом освободились земли. А покупать за свой счет коней и снаряжение, отвлекаться на службу казакам больше не требовалось. И при нэпе Кубань вполне оправилась. Расцвела, разбогатела еще и больше, чем при царской власти [106]. Но затем грянула коллективизация. Эшелоны раскулаченных поехали в ссылки. В 1930 г. с Кубани и Терека в «отдаленные северные районы СССР» было депортировано 50 тыс. казаков. В 1931–1932 гг. из Северо-Кавказского края выселили еще 38 тыс. семей — 172 тыс. человек. 26 тыс. семей депортировали на Урал и за Урал, 12 тыс. семей переселили внутри региона [21]. Казакам, которых раскулачивания не коснулись, тоже пришлось не сладко. Тех, кто не шел в колхозы, разоряли налогами, кто шел — разорялись вместе с колхозами.

А осенью 1932 г. на Кубань был прислан корреспондент «Правды» Ставский, «высветивший» сплошную «контрреволюцию». Дескать, прежняя «белогвардейская Вандея» проводит «организованный саботаж», в станицах живут отсидевшие свой срок белогвардейцы, и «местные власти не предпринимают никаких мер». Вывод делался: «стрелять надо контрреволюционеров-вредителей». В Ростове, центре Северо-Кавказского края, вопли Ставского подхватила краевая газета «Молот»: «Предательство и измена в части сельских коммунистов позволили остаткам казачества, атаманине и белогвардейшине нанести заметный удар». И тут же начались репрессии. Ростовское ГПУ выслало на Кубань 3 отряда особого назначения (и опять, как в гражданскую, из латышей, мадьяр, китайцев!). Только в одной Тихорецкой было арестовано и расстреляно 600 стариков — причем публично, 3 дня подряд в 12 часов на главную площадь выводили по 200 человек и косили из пулемета. Потом отряды палачей поехали и по другим станицам. Развернулась партийная чистка — по Северному Кавказу было исключено из партии 26 тыс. человек, 45 % сельских коммунистов. Многих из них тут же отправляли в ссылки. Для руководства операциями из Москвы прибыли в Ростов Каганович и Ягода (Иегуди).

Но даже не расправы, не ссылки оказались самой жуткой мерой. 4 ноября

Северо-Кавказский крайком принял постановление: за срыв хлебозаготовок занести на «черную доску» станицы Новорождественскую, Медведовскую, Темиргоевскую. «Позорно провалившимися хлебозаготовки» объявлялись и Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Кущевский, Брюховецкий, Павловский, Кропоткинский, Новоалександровский, Лабинский районы. Из них предписывалось вывезти все товары, закрыть лавки, досрочно взыскать все долги. Но хотя «позорно провалившимися» признали часть районов — а те же самые меры были распространены и на все другие районы Кубани! И на Дон тоже!

Любая торговля прекращалась, пошли повальные обыски для «отобрания запасов хлеба у населения». Выгребали не только излишки, а все, подчистую. Если находили спрятанное, еще и штрафовали. А если не находили, и если людям нечем было платить штрафы, вымогали продовольствие и деньги угрозами, пытками. Били, сажали на раскаленные печи, запирали в холодных амбарах. За несдачу заготовок, за неуплату штрафов конфисковывали дома, выгоняя семьи со стариками и младенцами зимой на мороз. Некоторые кубанские станицы взбунтовались — так это же и требовалось для доказательства «контрреволюционности»! Их уничтожали карательными войсками. Красноармейцев и командиров, которые отказывались участвовать в кровавых акциях, расстреливали самих, иногда целыми подразделениями.

А те, кто не восстал, стали вымирать от голода. Очевидец на Кубани писал: «Смертность такая в каждом городе, что хоронят не только без гробов (досок нет), а просто вырыта огромная яма, куда свозят опухших от голодной смерти и зарывают; это в городе, а в станицах сплошной ужас: там трупы лежат в хатах, пока смердящий воздух не привлечет, наконец, чьего-либо внимания». Питались пойманными сусликами, мололи на «хлеб» рыбы кости, дошло и до людоедства. Добавилась чума... Организованный искусственно «голодомор», как его называли, охватил Кубань, Дон, Украину и унес 5–7 млн. жизней [106].

Но на Дону раздался голос Шолохова! 4 и 16 апреля 1933 г. он отправил два письма лично Сталину. Рассказывал о голоде, о методах, которыми ведется кампания по выколачиванию продовольствия, о страшных злоупотреблениях краевого руководства, просил экстренной помощи. И Сталин откликнулся немедленно. Запросил (не у властей, а у Шолохова!) размеры требуемой помощи. Во второй «молнии» от 22 апреля попенял: «Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой, получилась потеря времени». Был направлен хлеб Вешенскому и Верхне-Донскому районам, многим это спасло жизнь. Правда, в письме от 6 мая Сталин указал и на то, что «уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба... по сути дела вели «тихую» войну с Советской властью». Но оговорился — «конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдывать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание» [125].

Шолохов писал Сталину только о том, что видел сам, о своем и соседнем районах. Однако обличил в качестве виновных руководство Северо-Кавказского крайкома партии, назвав его в статье для «Правды» «врагами народа» за то, «что под предлогом борьбы с саботажем... лишили колхозников хлеба». А тому же крайкому подчинялись и Кубань, Ставрополье. Факты, изложенные Шолоховым, легли в основу постановления ЦК «О перегибах». И кампания по уничтожению казачества стала сворачиваться. Как бы «сама собой», исподволь. Снова вдруг открылись лавки, появились продукты... В 1934 г. Северо-Кавказский край был расформирован, казачьи станицы левобережья Терека вошли в Ставропольский (Орджоникидзевский) край.

А в 1936 г. последовала полная «реабилитация» казачества. Официальная версия — 15 марта казаки Дона, Кубани и Терека обратились к Сталину с письмом о желании служить Советской власти, а уже 23 апреля приказом наркома Ворошилова ряд кавалерийских дивизий стали казачьими. Это, конечно, только внешняя «вывеска» — ну неужели донцы, кубанцы и терцы смогли бы по своей инициативе даже просто собраться для выработки

письма? Существует и неофициальная версия — СССР заключил союз с Францией, и, побывав на наших маневрах, французские генералы высказали мнение, что у русских нет такой конницы, какой была казачья. Вот, мол, и отреагировало советское руководство. Но и это не более чем анекдот.

Правда гораздо проще, но и глубже. За многоголосыми разоблачениями «репрессий 37-го» оказалось скрыто важнейшее явление: с середины 1930-х Сталин совершил резкий поворот всей советской политики. Если в начале 1930-х, разгромив троцкистов, он, по сути, продолжил их «революционную» линию, то потом вдруг стал перестраивать государство на основах российской державности! Известна и причина такой перемены, хотя ее тоже постарались скрыть. В ходе процессов над троцкистами вскрылись их связи с зарубежными масонскими кругами. Обнаружились факты, как эти круги через своих эмиссаров в коммунистической партии инициировали и поддерживали революцию, направляли ее в выгодное для себя русло разрушения России. И Сталин, когда до него дошла такая информация, стал переосмысливать действительность и менять политический курс.

Факты говорят сами за себя. Судите сами: в 1931 г. взрывается храм Христа Спасителя, а в 1933 г. Политбюро запрещает уничтожение 500 церквей, намеченных к сносу (в т. ч. храма Василия Блаженного). В 1929 г. посадили весь цвет российских историков — в 1936 г. их выпустили. И вместо школьного учебника истории Покровского, оплевывавшего все прошлое до 1917 г., ввели учебник Шестакова, восстановивший преемственность между Россией и СССР. Появляются фильмы о Петре I, Александре Невском, Иване Грозном. В это же время Сталин разогнал РАПП, и в советскую культуру вернулись «изгнанные» из нее Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Достоевский. В 1935 г. вводятся маршальские и офицерские звания, в 1940 г. генеральские. В 1936 г. Сталин прекращает финансирование Коминтерна.

А 11 ноября 1939 г. Политбюро принимает постановление «Вопросы религии»: «...Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. № 13666-2 «О борьбе с попами и религией»... и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся служителей русской православной церкви и православно верующих — отменить». Запрещались аресты священнослужителей, преследования верующих. НКВД предписывалось «произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью» и освободить «осужденных по указанным мотивам»[49]. Пост патриарха Московского и всея Руси был восстановлен в 1943 г., но сам патриархат возродился еще до войны! Митрополит Сергей уже был местоблюстителем патриаршего престола, в Москве действовал аппарат патриархии [82, 146].

В рамках всех этих преобразований, а отнюдь не французской критики, возрождалось и казачество. И ведь это знаменательно, возрождалось вместе с российской державностью и Православной Церковью! А изменил отношение Сталина к казачеству Шолохов. Конечно новые казачьи дивизии отличались от прежних. Служили не с собственными конями и вооружением, на общих основаниях Красной Армии, с общеармейскими званиями. С комсоставом, в большинстве неказачьим. Впрочем, тут дело зависело не от происхождения, а персонально от человека. Были такие, что оказывались чуждыми для казаков (да, наверное, и для солдат были чуждыми). Но разве повернется у кого-нибудь язык назвать «не настоящими» казаками белоруса Доватора? Бывшего гусара Белова?

Ну а что касается репрессий 1936–1939 гг., то и здесь закономерность прослеживается. Разве и впрямь не были врагами русского народа бухарины, якиры, тухачевские, петровские? Нет, оправдывать репрессии не берусь. Уж слишком много невиновных захватила машина террора вместе с пакостью. И опять Шолохов вступался за пострадавших. И все, за кого он ходатайствовал, были освобождены! Да ведь и его самого уничтожить пытались. Донос от Союза писателей состряпал все тот же Ставский. Ростовское НКВД в 1938 г. открыло дело «О контрреволюционной деятельности писателя Шолохова». Но и в НКВД нашлись его почитатели! Рискуя жизнью, предупредили его. Он приехал в Москву, был принят Сталиным — и у ненавистников сразу глотки заткнулись... Подчеркнем, Сталин никому из писателей,

даже с мировыми именами, не позволял лезть в политику. Жестко давал понять, что их это не касается. Шолохов был единственным исключением. Что еще раз показывает, Сталин видел в нем нечто большее, чем писателя. Правда, и писатель писателю рознь. Большинство-то литераторов роилось в Москве, поближе к «кормушке», грызлось за подачки, премии, должности. Шолохов в этот клубок не лез никогда. Он не мог работать вне казачьей среды, родной природы, станицы.

Но и станица при нем расцвела! В 1937 г. в Вешенской было 2 школы, техникум, больница, кино, молодежный театр, водопровод, электростанция... А гонорары Шолохова были еще не такими, чтобы обеспечивать все это. Конечно, станица стала «показательной», ей в первую очередь выделяли средства, технику. Но главным было другое — она оказалась защищенной. Ведь сама по себе колхозная система вовсе не являлась злом для казаков, они традиционно не стремились к частному землевладению! Иное дело, что колхозы становились подобием лагерей принудительного труда почти без оплаты, разорялись произволом и самодурством начальников всех рангов. И Шолохов, оградив земляков от этого, видимо, как раз и хотел создать образцовую станицу — показать, на что способны казаки, если их не давят и не мешают. Они и показали, в короткий срок добившись завидного благосостояния. И сам Шолохов не отделял себя от станичников. В станице были хлеборобы, агрономы, школьники, милиционеры — и писатель. Каждый делал свое дело, и все вместе жили общей жизнью...

72. ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ

Приближение войны внесло в русскую эмиграцию новое разделение. В Маньчжурии сторону японцев держал атаман Семенов. Который, в общем-то, и в гражданскую с ними сотрудничал и не видел от Японии ничего плохого, из всех держав Антанты она проявила себя самым надежным союзником белогвардейцев. Семенов объединил дальневосточные белые организации в «Бюро по делам русских эмигрантов», в 1938 г. на станции Сунгари II был создан казачий отряд «Асано» — по имени командира, японского майора Асано [116]. Позже стал формироваться Захинганский казачий корпус генерала **Бакшеева**. В нем белогвардейцы проходили военное обучение, после чего зачислялись в «Союз резервистов». Всего такую подготовку прошло 6 тыс. человек. Но... это из 100 тыс. эмигрантов в Китае! Потому что при японской оккупации жизнь русских значительно ухудшилась, и движение Семенова популярностью не пользовалось. Да и Япония альтруизмом отнюдь не занималась. Свои интересы она преследовала более открыто, чем в гражданскую, планируя аннексию Забайкалья и Дальнего Востока. А белые формирования состояли в подчинении разведывательного отдела штаба Квантунской армии, членов этих формирований предполагалось использовать главным образом в качестве разведчиков, диверсантов, переводчиков, проводников.

В Европе эмиграция раскололась на прогерманскую и антигерманскую. Одна часть полагала, что блокироваться с внешним врагом против своего Отечества нельзя. Другая подхватила лозунг Шкуро: «Хоть с чертом против большевиков», поскольку Советская Россия перестала быть Отечеством. Выбор в пользу Германии облегчался для российских немцев, получивших германское гражданство. Облегчался для украинских, кавказских, прибалтийских националистов. И «облегчался»... для казаков! Все теми же теориями сепаратизма. Ведь получалось, что воевать против русских — это вовсе и не против соплеменников. И не против Отечества, если сузить его до размеров казачьих областей. Активным сторонником союза с Германией был П.Н. Краснов. Он и в гражданскую с немцами сотрудничал, и жил в Берлине. Но беспринципность проявил полнейшую. Как уже отмечалось, он в 1909 г. восхвалял сближение казачества с российской «гражданственностью», в 1918 г. провозглашал донской суверенитет, в эмиграции, связанный с БРП и монархистами, громил сепаратистов, выпустив, например, работу «Казачья «самостийность». А теперь переметнулся к самостийникам! Которые в новом

раскладе стали производить казаков даже не от «страны Казакии», а от германцев-готов, захвативших Северное Причерноморье в III в., а в IV в. изгнанных гуннами и славянами.

Краснов представил руководству Рейха подробный доклад по истории казачества (в соответствующем ключе), стал главным консультантом по казачьим вопросам, вызывался поднять массовое казачье движение. И оказалось, что для нацистов теории сепаратизма тоже облегчают сотрудничество. Гитлер со своими весьма специфическими взглядами на историю, согласился, что да, мол, прирожденные воины-казаки, это, несомненно, «готы». То есть «полноценная» нация, в отличие от русских. А областнические претензии ничуть не противоречили планам германской колонизации России, в отличие от идей «единой и неделимой». Но все же полного доверия не было. Вопрос о создании казачьих частей спускался на тормозах, и даже после нападения на СССР был решен не сразу. Эмигрантские лидеры напоминали, просили. Краснов и войсковые атаманы в изгнании, донской — **Абрамов**, кубанский — **Науменко**, терский — **Вдовенко**, астраханский — **Ляхов**, осенью 1941 г. обратились к германскому командованию и МИДу, приветствуя «приближающиеся к границам казачьих земель победоносные германские войска». Из адресации МИДу видно, что они претендовали на роль суверенных союзников (пусть и младших), а это немцам понравиться не могло. Но Германия несла потери, план «блицкрига» трещал, и разрешение было дано.

В Югославии началось формирование из добровольцев-эмигрантов, в основном казаков, Охранного корпуса, возглавил его «русский немец», белый офицер **Б.А. Штейфон**. Однако набралось в корпус лишь 2 тыс. человек. Нет, далеко не все казаки стремились к немцам. Некоторые пошли воевать против Германии и Японии в рядах американских, английских, французских частей, как, например, полковник Ф.И. Елисеев. Но и большинство белогвардейцев, оказавшихся под германской оккупацией, на службу к нацистам не пошло. Вступали в организации Сопротивления, симпатизировали советским воинам. От сотрудничества с немцами отказались А.И. Деникин, генерал В.М. Ткачев, предводитель Вешенского восстания П. Кудинов и многие, многие другие.

Хотя велась усиленная агитация. В составе Охранного корпуса формировались сотни для отправки на Дон и Кубань. Активную роль в этом играл Шкуро, выражал готовность самому рвануть с отрядом по советским тылам. Говорил: «Мне бы только на Кавказ приехать, там меня каждый знает. Как приеду, сразу весь Кавказ подниму». Но не тут-то было. Ни на какой Дон и Кубань казаки не поехали. Их оставили в Югославии для охраны заводов, шахт, дорог, чтобы снять на фронт германские части. А заодно был вбит клин между казаками и югославами — они же приняли эмигрантов по-братски, а те пошли служить поработителям!

Однако на Востоке шел другой процесс. В первые месяцы войны германские войска захватили миллионы пленных. Сказывалось то, что возврат Советского Союза к патриотическим ценностям начался лишь в 30-х, на войну пошло поколение, воспитанное на идеях «пролетарского интернационализма». Ну а раз немцы — «братья по классу», то чего ж кровь лить? Многие переходили на их сторону с оружием в руках, не забыв красного террора, «раскулачивания». Были среди перебежчиков и казаки — например, командир полка майор **Иван Кононов**. Вот таким доверяли. Кононов был принят на службу, стал формировать из пленных часть «Kosaken Abteilung 102», потом ставшую 5-м Донским полком. Были и другие подобные формирования. Самостоятельности они не имели, воевали в составе вермахта, носили немецкую форму, которая дополнялась лампасами и кубанкой с немецкой кокардой.

Когда был захвачен Дон, то и здесь многие помнили геноцид, голодомор. Помнили и «культурную» немецкую оккупацию 1918-го. И едва в Новочеркасске под эгидой германского командования возник Донской казачий комитет и было объявлено о наборе добровольческих частей, призыв нашел достаточно широкий отклик. Сперва эти части возглавил походный атаман **Павлов**, потом к фактическому руководству выдвинулся **Т.И. Доманов** — сотник белой армии, успевший за это отсидеть. То же самое было на Кубани,

где немцы допустили аналогичную «автономию» (в документах германского командования она квалифицировалась как «эксперимент»).

Но на самом деле условиями «автономии» немцы себя не стесняли. Скажем, в Армавире расположили еще одну «автономию», армянскую, во главе с Драстаматом Канаяном, и его «легионеры» принялись грабить и изгонять казаков (наверное, в благодарность за то, что в Первую мировую, когда Канаян командовал на Кавказском фронте армянской дружиной, казаки не раз его выручали). На Тереке немцы хорошо сошлись с чеченцами и ингушами — которые уже с 1941 г., едва началась война, стали нападать на казаков, убивать и грабить исподтишка (см. напр. Е.Алеев, «Жаркое лето 41-го», М., «Преображение», № 1–2, 2004). Можно вспомнить и факт, что испытания знаменитых «душегубок» проводились в казачьих областях, Таганроге и Краснодаре. И отнюдь не только на евреях — истребляли семьи советских офицеров, жертвы доносов. На Кубани было уничтожено множество скопившихся там лечебных заведений, в том числе детских — и персонал, и больные. Измывались немцы и над казаками. Взять хотя бы случай в Старонижестеблиевской, где за мелкий проступок были зверски замучены и заживо сожжены юные девушки **Тая Троян** и **Галя Степура** — подобное происходило и в других станицах. И отметим, что Государственная чрезвычайная комиссия по расследованию гитлеровских преступлений начала свою работу как раз на Кубани.

«Автономные» воинские формирования донцов и кубанцев называли «красновцами» и «шкуринцами», но и это оказывалось лишь вывеской. Самых Краснова и Шкуро германское руководство в Россию так и не пустило, держало при себе для рекламы, написания воззваний. Но все же головы задурили многим. И когда под ударами Советской Армии гитлеровцы покатались на запад, настал очередной акт казачьей трагедии — всем, кто поверил в «освобождение» приходилось отступать с оккупантами. Теперь-то уж знали, пощады не будет. И с Кубани, с Дона в начале 1943 г потянулись огромные обозы. Снова, как в 1920 г., уходили с женами, с детьми. Только путь теперь предстоял гораздо дальше. И безнадежнее.

Сражались отчаянно. Г. Чухрай вспоминал, как под Раздорской красновцы вырезали части 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Туда послали 33-ю дивизию, но в Раздорской казаки с семьями преградили ей путь, заявили: «Умрем с бабами и детьми, но безбожников в станицу не пустим!» Комдив Утвенко докладывал командованию: «Не могу я... понимаю, что задерживаю операцию... Не могу стрелять в женщин и детей! Снимайте, но не могу!» Тогда штаб фронта прислал две «катюши». Шарахнули, и станицы не стало... Но когда расположились в уцелевших домах, ночью мальчишка швырнул в окно гранату... А отступивший обоз донцов из 15 тыс. человек в степях попал в окружение вместе с немецкими частями. Доманов, возглавив боеспособных казаков, прорвал кольцо и вывел беженцев и немцев, за что был награжден Железным крестом.

Словом, внешние силы опять добились своего, раскололи казаков и стравили брата с братом. Беженцев с Кубани и Дона сосредоточили в Белоруссии под Новогрудком, формируя из них «Казачий Стан», нечто среднее между табором и войсковым соединением. А в Польше в 1943 г. из эмигрантов и пленных стало создаваться еще одно казачье соединение — дивизия **Гельмута фон Паннвица**. Он тоже был из «русских» немцев, служил в царской и белой армиях, потом получил германское гражданство и дослужился в рядах вермахта до генерала. Впрочем, в таких частях, как у него, далеко не все были казаками. Для пленных вступление в подобные формирования часто было лишь способом выжить, вырваться из лагерей. Где внушали — Родина вас все равно бросила. Такие записывались куда угодно. Приезжал вербовщик от украинцев — объявляли себя «хохлами», от власовцев — «борцами со сталинизмом», от казаков — казаками. Иногда в самообмане, что это способ при удобном случае вернуться к своим. Некоторые и впрямь перебежали. Другие задумывались — у своих еще неизвестно что ждет, а здесь, вроде, жив, сыт, одет. И «прирастали». И в боях участвовали. После чего путь к своим был отрезан. Сделали первый шаг, а дальше плыли по течению, куда вынесет. Были и такие, кто искренне верил во «вторую гражданскую». Но

война велась не гражданская, а Отечественная. Речь шла не об идеологии, а о судьбах народов, быть им или не быть. И казаки, пошедшие за своими прогерманскими вождями, откололись от одного берега, но не пристали к другому. Потому что его и не было, другого. Готовы были «хоть с чертом против большевиков» — забыв, что с чертом связываться нельзя. А уж тем более воинам Христовым.

В Белоруссии казаков бросили вместе с власовцами против партизан — вот, мол, они, ваши враги, большевики и чекисты. Но направляли не только воевать. Гиммлер своим приказом запретил использовать эсэсовцев для массовых казней, поскольку расстрелы женщин и детей плохо действуют на психику солдат. И на кровавые акции стали посылать русских, украинцев, казаков. Так, упоминавшаяся часть Кононова «Kosaken Abteilung 102» действовала именно в качестве карательной айнзацкоманды, а не на фронте. Кстати, казачьей она была только по названию. Современники свидетельствовали, что она «преимущественно состоит из народностей Кавказа, но имеются донцы и кубанцы». Когда же к карательным операциям начали привлекать казаков, отступивших с Дона и Кубани, многие этого не выдерживали. Начались переходы к партизанам. Гестапо доносило о «ненадежности» таких частей. Однако в это же время немцев постиг еще один удар, капитулировала Италия, возникли огромные дыры во фронтах. И казаков перекинули на их затыкание. «Казачий Стан» — в Италию, дивизию Паннвица в Югославию.

Краснов 10.11.1943 г. опубликовал «Декларацию казачьего правительства», где говорилось, что за оказанные услуги Германия признает казаков своим союзником, обещает после победы вернуть им их земли и привилегии, а пока намеревается «устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющихся в распоряжении немецких властей». Правда, подписали этот документ «казачьего правительства» Кейтель и Розенберг. И лишь 30.03.1944 г. нацисты разрешили создать Главное Управление Казачьих Войск, «как политический и административный орган Дона, Кубани и Терека» — будто в насмешку, когда казачьи области остались далеко за линией фронта. Начальником управления был назначен Краснов, заместителем — Науменко. Да и то над ними поставили генерала Кестринга, командующего «Остгруппен» (частями из советских граждан). Но вскоре нашелся другой командующий. Гиммлер. Готовясь к борьбе за власть, он плюнул на прежние требования «расовой чистоты» СС и начал подгрести себе формирования из иностранцев — мусульман, горцев, украинцев, прибалтов. Летом 1944 г. и казаков перевели в ведение СС.

При этом дивизию Паннвица было решено развернуть в 15-й кавалерийский корпус СС за счет частей Штейфона и новых наборов в эмиграции и лагерях. А при главном штабе войск СС создавался «казачий резерв» во главе со Шкуро. И снова были бои — на чужбине, не пойми за что, за чужие интересы. В Италии серьезных сражений почти не было, и казаков использовали в районе Фриуле в качестве охранных войск. У них установились неплохие отношения с местными жителями, и они здесь оставили о себе весьма благоприятные воспоминания. Иное дело в Югославии, где освободительная война соединилась с гражданской и с межнациональной резней. Ожесточение было крайним, казаки погибали, теряли своих и тоже озлоблялись. По приказам немцев-командиров вешали заложников, громили и жгли партизанские селения.

Была сделана и попытка объединения соотечественников, очутившихся на стороне Германии. В ноябре 1944 г. в Праге прошла конференция Комитета Освобождения Народов России с участием власовцев, части эмигрантов, казаков, националистов. Но Рейх уже рушился. Корпус Паннвица понес большие потери в боях в армии Тито, был потрепан советскими войсками, вступившими в Югославию. Краснов, выехавший к своим частям, в неразберихе отступления попал в плен. В марте 1945 г. казачий круг выбрал походным атаманом Паннвица и высказался за объединение с Власовым. Но Гиммлер дал разрешение на подчинение казаков Власову лишь 28 апреля, накануне падения Германии.

В последние дни войны корпус Паннвица с обозом беженцев пробился в Австрию. Сюда же отступил из Италии «Казачий Стан». Вместе собралось 40–50 тыс. человек. Они

сдались англичанам и просили отправить их куда угодно, в Африку, Америку, Азию, только не выдавать на родину. В этом случае казаки пообещали биться насмерть. И вот ведь что любопытно. Американцы и англичане безоговорочно выдавали Сталину русских власовцев. Прибалтов, украинцев, кавказцев не выдавали, приберегали на будущее. Но казаков западные мasonicкие правительства сочли для себя ненужными. И их обманули. Заверили, что о выдаче речи нет, и их примут на службу. Разместили в лагере у г. Лиенца, выдали английское обмундирование. И отобрали оружие — мол, получите английское. 28 мая всех офицеров повезли в Югдебург, якобы на совещание с британским командованием о дальнейшей службе. А в дороге взяли под охрану и передали советскому конвою. 1 июня и остальным объявили о депортации. Начался общий ужас. Кричали «не пойдем», в походных церквях служили панихиды по самим себе. Но лагерь уже был оцеплен войсками. Англичане еще и поиздевались! Бросили на казаков Палестинскую бригаду из евреев [229]. Солдаты избивали людей прикладами и дубинками, двинулись танки. Возникла давка, где погибли сотни людей. Толпа хлынула на мост через Драву. Многие кончали с собой целыми семьями, стрелялись, бросались в пропасть. А солдаты хватили людей и заталкивали в грузовики. Тех, кто сумел вырваться и бежал в горы, вылавливали с собаками и пристреливали на месте.

Выданы были и те казаки, кто никогда не являлся советскими гражданами — эмигранты, успевшие получить югославское, болгарское, французское, германское гражданство. И только немецкие офицеры, служившие в казачьих частях, были признаны военнопленными и выдаче не подлежали. Но Паннвиц, узнав о судьбе подчиненных, пожелал разделить ее [229]. Что ж, надо отдать должное, поступил, как казак. Во время войны с Японией специальными десантами был захвачен Семенов и его окружение. И состоялись несколько процессов. В августе 1946 г. над Семеновым, Бакшеевым, Родзаевским, Власьевым, Шепуновым, в январе 1947 г. над П.Н. и С.Н. Красновыми, Шкуро, Домановым, Паннвицем и Султан-Гирей Клычем [163]. Все они были казнены. Казаки, служившие в их частях, сгинули в лагерях.

73. ЕДУТ-ЕДУТ ПО БЕРЛИНУ НАШИ КАЗАКИ

22 июня 1941 г. первым с воззванием к народу выступил не Сталин, не Молотов. Еще раньше это сделал местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей. В послании к верующим он говорил: «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой, и выходили победителями. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Господь нам дарует победу». По всей стране служились молебны. И сам митрополит Сергей в Москве при огромном стечении народа молился «о даровании победы русскому воинству» [82, 146].

А среди тех, кто останавливал врага, важную роль играли казаки. В первые же часы боев, в страшном Белостокском сражении, встали насмерть 94-й Белоглинский, 152-й Ростовский, 48-й Белореченский казачьи полки... На начальном этапе войны кавалерийским соединениям пришлось особенно трудно. Как уже отмечалось, миллионы красноармейцев попали в плен или сами сдавались, фронт рухнул. И для спасения положения на участки германских прорывов бросалась конница. Нет, не из-за недоумия и бездушия командования. Когда инициатива была в руках противника, обстановка менялась стремительно, подготовленных резервов не имелось, а транспорт был парализован, кавалерийские части оказывалась самыми мобильными. Кони против танков — это была жесточайшая необходимость. Необходимость хотя бы задержать врага — в прямом смысле любой ценой.

Но казаки оказывались и одними из самых надежных частей. В июле в район Ярцево были переброшены с Северного Кавказа 50-я и 53-я кавдивизии (из кубанских и терских казаков), составившие 3-й кавалерийский корпус **Льва Михайловича Доватора** . 3 тыс.

конников совершили дерзкий рейд за линию фронта, за 10 дней прошли 300 км, погромили тылы 9-й германской армии и успешно вырвались к своим [93]. А на южные подступы к Москве был переброшен 2-й кавкорпус **Павла Алексеевича Белова** (из донских, кубанских и ставропольских казаков), уже зарекомендовавший себя в боях на Украине. Нанес контрудар по правому флангу 4-й германской армии, задержав ее продвижение.

В ноябре гитлеровцы начали решающее наступление на Москву, беря ее в клещи ударами с запада и юга. И оба кавкорпуса очутились на решающих участках. Танковая группа Гота прорывалась вдоль Волоколамского шоссе, где держали оборону доваторовцы и дивизия Панфилова. Героев-панфиловцев знают все. Это действительно так, дивизия стойко дралась и умирала, заслужив, чтобы ее солдат называли героями — несмотря на то, что историю о 28 панфиловцах придумали газетчики. Но в тех же боях реальный подвиг совершил 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка доваторовцев. 37 казаков с несколькими противотанковыми пушками встретили бронированную лавину врага у деревни Федюково. Подробностей боя не знает никто, полегли все. А перед их позициями остались 25 горящих немецких танков [130]. Известно и другое, что доваторовцы знали о своей участи и шли на нее сознательно — понимая, что бой будет для них последним, они по старинному казачьему обычаю отпустили на волю коней.

А на южном фланге Гудериан, не в силах взять Тулу, повернул танки на Каширу. Наперехват ему командование бросило корпус Белова. Верно оценив ситуацию и придя к выводу, что пассивную оборону враг сомнет, Белов с марша атаковал фланговыми контрударами — и сорвал германские планы. 26 ноября ряду наиболее отличившихся соединений были присвоены гвардейские звания, 2-й кавкорпус Белова стал 1-м гвардейским, 3-й кавкорпус Доватора — 2-м гвардейским. И может быть, характерно, что как раз казаки Белова начали контрнаступление под Москвой первыми, на 10 дней раньше, чем на других участках. И отбили у врага самые первые километры, вернуть которые немцы уже не смогли. Первые километры на пути к Берлину.

В ходе преследования врага корпус Доватора был направлен под Звенигород, пошел в новый рейд по тылам фашистов, громя их отходящие войска. Но в бою у деревни Палашкино любимец казаков бесстрашный генерал Л.М. Доватор пал, возглавив атаку. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А корпус Белова двинулся в глубокий рейд на Вязьму. Несколько месяцев воевал во вражеских тылах, контролируя обширную территорию. И немцы в числе прочих войск попытались использовать против него «белоказачков». Но столкновений с советскими казаками они не выдерживали и старались их избегать. Постепенно вражеские силы наращивались, против беловцев было брошено 7 дивизий, и в июне 1942 г., понеся большие потери, корпус вырвался из кольца к своим.

Поскольку казаки проявили столь высокие боевые качества, формировались новые части. И если на стороне Германии воевало около 2 корпусов казаков, то в Советской Армии количество кавкорпусов (по составу в основном казачьих) в 1942 г. было доведено до 17. Некоторые соединения комплектовались добровольцами — 10, 12, 13 Кубанские, 11, 15, 16 Донские казачьи дивизии. Формировались, как в старину. Приехал в родную Урюпинскую генерал **С. И. Горшков** — и пошло по станицам и хуторам: «Начдив приехал, Аксиньи Ивановны сын, Сережка. Казаков скликает». И стали съезжаться бородачи, молодежь, колхозы давали лошадей. 52-летний **С.К. Недорубов** из Березовской сам сформировал сотню, в ее составе был и 17-летний сын. 62-летний **П.С. Куркин** из Нижне-Чирской привел 40 казаков... Так же и на Кубани формировал дивизии генерал **Н.Я. Кириченко**. 63-летний казак из Родниковской **М.Ф. Грачев** пришел служить с 6 сыновьями, **Г.А. Зубенко** — с женой, сыном и двумя дочерьми. Из этих добровольцев составил 17-й казачий корпус — который позже станет 4-м Кубанским гвардейским, а донские дивизии дали начало 5-му Донскому гвардейскому казачьему корпусу **А.Г. Селиванова** [7, 94, 96]

Но сперва у казаков было тяжелое отступление. Сдерживая врага, дрались страшно. Под Кущевской кубанцы и донцы атаковали вражеские танки на конях, с бутылками горючей смеси в руках. В донесении писалось: «Рвение казаков в бой неумолимо высоко...

оставление территории без боя отражается крайне болезненно на состоянии казаков, которые желают до последней капли крови отстаивать свою донскую и кубанскую землю». Под Буденновском дивизию Горшкова окружили танки. Раздавили половину пушек, погибли начальник штаба **Бучнев**, командиры полков **Орел**, **Кузнецов**, самый старый казак дивизии, 67-летний **Ерохин**. А Горшков перед атакой надел полную генеральскую форму — если погибать, так гордо, по-казачьи. И отбились. Во время сражений в предгорьях Кавказа военфельдшер **Маруся**, которую казаки звали **Малышкой** вывозила тяжелораненных. Уложила сколько могла в кузов полуторки, в кабину, сама 100 км ехала на крыле. На разбитых ухабах машину трясло и кидало. И чтобы не завывать от нестерпимой боли, да еще и при казачке, донцы заиграли песню: «Скакал казак через долину...» [167].

И задолго до того, как обозы беженцев потянулись за «красновцами» и «шкуринцами» уходили из родных мест обозы женщин и детей с частями Селиванова и Кириченко. Прятали имущество. Так, только в Отрадненском районе Кубани колхозники сумели спрятать в горах и лесах сотню тракторов и полсотни комбайнов. И партизанское движение разворачивалось. В той же Отрадной отряд погиб почти весь. Партийные и комсомольские билеты партизаны сдали в райком. Место, где их зарыли, знали трое, один оказался предателем. 112 человек было выловлено и казнено.

А потом наконец-то в войне наступил перелом. Кавалерийские корпуса сыграли важную роль в оборонительных сражениях, но были очень уязвимы с воздуха, от танков, пулеметов. И их количество в 1943 г. сократилось до 8. Но они укрупнились, усиливались зенитками, артиллерией. И использовать их стали стали в составе конно-механизированных групп, придавая танковые полки, бригады, а позже и корпуса. В январе 1943 г. 4-й Кубанский и 5-й Донской казачьи корпуса, усиленные танками и объединенные в конно-механизированную группу под командованием Кириченко, прорвали фронт на Куме, освобождали Минводы, Ставрополье, Кубань, Дон. Казаки, как и в прежние времена, проявили себя профессионалами высочайшего класса. Так, ветеран трех войн Недорубов только в одном бою на Кагальнике лично уничтожил более 70 гитлеровцев и стал Героем Советского Союза. Но они были очень нелегкими, эти победы в морозных снежных степях. Когда фронт остановился на р. Миус, в полках осталось по 40 сабель. И Константин Симонов записал о Горшкове: «Генерал сидит, молчит, подперев голову руками, потом говорит неожиданным голосом, в котором чувствуется слеза: «А теперь вот боюсь и появиться в станицах. Спросят: «Ну куда ты их дел, а?» Мало кто после всех боев остался сейчас в строю...»

А старик Куркин говорил Симонову: «Ох и злые мы сейчас на этих немецких казаков, которые у них со значками, что добровольцы. Загнал бы их всех в Крутую балку и пожег» [167]. Да, в этом отношении ожесточение было взаимным. На Кубань, в советский тыл, немцы пытались засылать «шкуринцев» — их уничтожали отряды «истребителей» из мальчишек во главе со стариками. В Петровскую пришел эмигрант, то ли заброшенный, а скорее, просто отбился от своих и пробрался к родному куреню. Хотел сына увидеть, но тот воевал у Кириченко. Встретил 15-летний внук-«истребитель». Арестовал деда и повел в станичный совет. И не довел, застрелил. Объяснял: «Эта контра меня агитировала его отпустить». Хотя, может, всего лишь перепугался, что и его потянут за такого родственника.

Но казаков-добровольцев в Советской Армии после гитлеровской оккупации отнюдь не убавилось, а прибавилось. Из них на Кубани была сформирована 9-я пластунская дивизия **П.И. Метальникова**. С.М. Штеменко описывал ее: «Бойцы — молодец к молодцу, много храбрых добровольцев с Георгиевскими крестами на груди». В боях за Тамань и Крым эта дивизия показала настолько высокие боевые качества, что была взята под контроль Ставкой и использовалась только по указаниям Москвы [218]. А Борис Полевой, посетивший ее уже в Галиции, рассказывал про **Ивана Екотова**, старого казака станицы Архангельской. Он командовал взводом связистов, а «по совместительству» вел работу с молодым пополнением. И Полевой записал его беседу с новобранцами: «Было раз еще в ту, царскую войну, когда ваши папы и мамы еще под стол пешком ходили, было такое дело. Надо было взять вражью

крепость. Она вот тут вот где-то недалеко. Пошла стрелковая дивизия в атаку, а из крепости по ней «максимы»: та-та-та. Отбита атака. Пошли снова. И опять отбита. Стоит эта крепость, и ни черта ей не делается, как его там достанешь, австрияка?... У них каждая травиночка в предполье пристреляна была... Ну видит начальство такое дело и посылает оно нас, казаков. С вечера нас офицеры с головы до ног осмотрели: как и что, не бренчит ли что, не валюхается, а как ночь сгустелась, мы и поползли. Без выстрела. Гренадеры наши на другой стороне крепости пальбу открыли, а мы молча, тишком. Еще в предполье бешметы скинули, разложили их, будто цепь залегла, а сами дальше... Проходы в проволоке проделали, и все молча. Расчет такой: утром, как рассветет, они с укреплений беспрерывно бешметы наши заметят. Ага, мол, вон где цепь, и начнут по ним палить. А мы ползем да примечаем, где у них офицерский блиндаж, где пулемет, где орудие, и врага себе по плечу выбираем. Когда солнышко поднялось, заметили австрияки наши бешметы, и ну по ним палить. Палят, а мы уже у самого вала. Тут господин офицер свисток дает. Ура-а! До их траншеи два шага. Они ахнуть не успели, а мы уже кинжалами орудуем... Вот, зеленые, что это есть, пластуны». Причем, как пояснил писателю замполит, потери во взводе Екотова всегда были самыми маленькими [144].

Но, конечно, казаки воевали не только в казачьих соединениях. Сотни тысяч служили в пехоте, в артиллерии, танковых войсках, авиации. Был замучен в плену, не пожелав идти на службу к врагу, видный военный инженер, сибирский казак генерал **Дмитрий Михайлович Карбышев**. Многие казаки прославились в лихих и яростных воздушных атаках — в том числе Дважды Герой Советского Союза **Александр Ефимов** (будущий Маршал Авиации), Герой Советского Союза **Георгий Кузнецов** (впоследствии — командующий авиацией Военно-Морского Флота), Герой Советского Союза **Виктор Коняхин** (в 1991 г. он станет первым атаманом возрожденного Терского Войска). Казачки, старики, ребягня, оставшиеся в тылу, пахали землю, чтоб накормить страну и армию. Становились за станки заводов. Создавалось оружие, новая грозная техника. И испытывалась. На уральском аэродроме Кольцово 15 мая 1942 г. состоялся первый в мире полет самолета БИ-1 с реактивным двигателем. Поднял его в небо кубанский казак станицы Бриньковской **Григорий Яковлевич Бахчиванджи** [124]. Он успел повоевать, сбил десяток вражеских машин, был представлен к званию Героя, но не получил из-за неправильно оформленных документов. 27 марта 1943 г. при очередном полете БИ-1 Бахчиванджи погиб и Героем Советского Союза стал посмертно. Его именем назван кратер на Луне, поселок и станция, где располагалась его часть. Ю.А. Гагарин сказал: «Без полетов Бахчиванджи не было бы 12 апреля 1961 года».

А на фронтах казаки вместе с другими советскими частями продолжали громить врага. Все 8 кавалерийских корпусов заслужили звания гвардейских! В южной степной полосе шли на запад 4-й Кубанский (его возглавил **И.А. Плиев**), 5-й Донской (его принял С.И. Горшков), 6-й гвардейский (им командовал **И.Ф. Куц**) казачьи корпуса. В знаменитом Корсунь-Шевченковском сражении в условиях распутицы, полного бездорожья, в снегах, когда окруженная немецкая группировка пошла на прорыв, маршал Конев устроил врагу ловушку, сосредоточив в лесах у Шендеровки танковые части и донские казачьи дивизии. Германские колонны, двинувшиеся ночью сквозь пургу к своим, были атакованы с нескольких сторон, раздавлены и вырублены.

Казаки доблестно участвовали в Ясско-Кишиневской операции, в тяжелых боях в Венгрии. Три гвардейских кавкорпуса, 4-й, 5-й и 6-й вместе с 6-й танковой армией, 23-м танковым и 33-м стрелковым корпусами разгромили крупную неприятельскую группировку под Дебреценом. Брели Будапешт. День Победы кубанцы встретили в Праге, донцы в Вене. И, кстати, бородатый ветеран 5-го Донского **Парамон Самсонович Куркин** сумел благополучно пройти весь этот славный путь, за войну дослужился от младшего лейтенанта до майора, получил 4 ордена Боевого Красного Знамени — которые он носил на груди вместе с 4 Георгиевскими крестами. На подступах к Праге завершила бои и 9-я пластунская дивизия (ныне 131-я отдельная мотострелковая Краснодарская Кубанская казачья бригада).

Ворвались казаки и в самое «логово» врага. В составе 1-го Белорусского фронта

наступали на Берлин 7-й гвардейский кавкорпус **М.П. Константинова** и 3-й гвардейский кавкорпус **Н.С. Осликовского**. Вели тяжелые бои на Одере, потом были введены в прорыв вместе со 2-й гвардейской танковой армией, обходя Берлин с северо-запада. Брли Бранденбург, Фризак, Райнберг и совершили бросок к Эльбе, где встретились с американцами. А в составе 1-го Украинского фронта воевали беловцы и доваторовцы. 1-й гвардейский кавкорпус **В.К. Баранова**, прорвав оборону врага на Нейсе, устремился в глубину расположения немцев, вышел к Эльбе и вел бои, не допустив отхода на запад дрезденской группировки противника. А 2-й гвардейский кавкорпус **В.В. Крюкова** ворвался на окраины Берлина с юго-востока, потом, совершив бросок к Фюрстенвальде, преградил вместе со стрелковыми частями путь 9-й германской армии, пытавшейся деблокировать Берлин, отразил 6 ожесточенных атак эсэсовцев.

И по Берлину, как поется в песне, ехали наши казаки. Поили коней из Шпрее, Хафеля, Эльбы. За годы войны 279 казаков стали Героями Советского Союза, более 100 тыс. были награждены орденами. Но эти данные, разумеется, далеко не полны. Разве можно участь всех казаков, рассеянных по Советскому Союзу и воевавших в разных родах войск? Ну а кубанцам Плиева предстояла еще одна война. Они были переброшены далеко на восток и вместе с монгольскими конниками громили Японию. В общем с лихвой рассчитались за 1904 — 1905 гг.

И напоследок еще раз подчеркнем: Великая Отечественная на всем своем протяжении оставалась священной войной. Если оккупанты провозглашали, что борются с «безбожниками», то действительной глубинной основой нацизма являлись темные магические учения. Даже не языческие, а близкие сатанизму, предусматривающие замену христианства так называемой «арийской церковью». Впрочем, очень близкие к сакральным масонским учениям, а в значительной мере и иудаизму, только с заменой «избранного» еврейского народа «избранным» германским. Эти теории исповедовал сам Гитлер, а реализацией занимался Гиммлер, и как раз в качестве зародыша «арийской церкви» создавался оккультный орден СС. Так что несчастные казаки, решившиеся идти «хоть с чертом против большевиков», получается, пошли именно с ним — пусть даже и не сознавая этого.

А для России война во многом стала искуплением и очищением от той мрази, на которую соблазнились люди в ходе революции. И Церковь была с народом. На средства верующих были построены танковая колонна им. св. Дмитрия Донского, авиационная эскадрилья им. св. Александра Невского. И дело было не только в нескольких танках или самолетах. По мысли блаженного митрополита Сергия (Страгородского) Церковь таким образом посылала воинам свое зримое благословение, как св. Сергий Радонежский послал Дмитрию Донскому иноков-ратников Пересвета и Ослябю. Главной же поддержкой была благодать Божья, приведшая Россию к победе [82, 146]. И сама Церковь оживала в ходе всенародного подвига. В годы войны было открыто более 14 тыс. храмов, 85 монастырей, 8 духовных семинарий, 2 академии. За огромную патриотическую работу ряд священнослужителей получил высокие правительственные награды (в том числе архиепископ Краснодарский и Кубанский **Алексий**). Среди верующих упорно ходил слух, что Господь даст Свое знамение, и война кончится в один из великих христианских праздников. Так и случилось. Великая Отечественная завершилась, когда Церковь праздновала высший из праздников! Пасху Христову! И когда в Москве гремел победный салют, по всей стране в православных храмах приветствие «Христос Воскресе» дополнялось поздравлением «С Победой!» Мой отец в возрасте 13 лет был со своей бабушкой на этом богослужении в сельской церкви и помнил его всю жизнь. Даже спустя полвека не мог вспоминать без глубокого душевного волнения.

74. ТИХАЯ СМЕРТЬ...

После войны в Советском Союзе казачество котиривалось очень высоко. И

пропагандировалось: ставились фильмы, выходили книги по казачьей тематике, создавались казачьи ансамбли. Этот процесс, вроде бы, продолжился и после смерти Сталина. Например, была осуществлена вторая, самая известная экранизация «Тихого Дона». Консультировал постановку сам Шолохов, и любопытно, что на главную роль вдруг был выбран малоизвестный актер **Петр Глебов**. Шолохов, когда ему показали кинопробы разных артистов, сказал: «А я только одного казака видел». Прозорливости писателя можно только подивиться — Глебов действительно был казаком, прямым потомком героя 1812 г. Орлова-Денисова.

Но подобные фильмы снимались уже «по инерции». На самом же деле в жизни казачества в 1950-х наступил резкий перелом. И опять прослеживается четкая закономерность! Этот перелом совпал с общей ломкой российской державности! За вбитым в массовое сознание прославлением «хрущевской оттепели» очень многое оказалось спрятано. Хрущев являлся бывшим троцкистом (покаявшимся), одним из главных палачей 30-х. А прославила его очень небольшая группа творческой интеллигенции, обласканная им. Реальные же заслуги Никиты Сергеевича выглядят более чем сомнительно. Разрушение ГУЛАГа? Его разрушил Берия. Реабилитация? Но кого реабилитировал Хрущев? Все тех же убийц русского народа и казачества — якиров, тухачевских, петровских.

Резко изменилась государственная политика. Сталин ставил во главу угла интересы России. Хрущев вернулся к курсу Троцкого на «мировую революцию», и огромные средства потекли за границу «дружественным» режимам. Но при этом произошло и первое разрушение вооруженных сил. Массовые сокращения, расформирование множества соединений, училищ, уничтожение огромного количества первоклассных самолетов, кораблей, разгром стратегической разведки, спецназа. Плюс разгром перспективных направлений науки, таких как кибернетика. И — случайное ли совпадение? — возобновление гонений на Церковь. После войны М.А. Суслов представил Сталину доклад о том, что Церковь сделала свое дело, и ее пора снова прижать. Сталин отклонил предложение, вместо этого развернув кампанию против космополитов (после чего очень скоро ушел в мир иной). А в «оттепель» покатило! Если за несколько военных и послевоенных лет в СССР открылось свыше 14 тыс. только новых приходов, то при Хрущеве их осталось всего 7523! [209] Снова развернулись преследования верующих, священников.

А на роль «серого кардинала» выдвинулся не кто иной как Суслов. И вокруг Хрущева очутились всевозможные «теневые» советники. Которые, кстати, и дирижировали громким прославлением «оттепели». И заметьте, за рубежом эти оценки тоже подхватили, даже несмотря на разыгравшиеся при Хрущеве берлинский, венгерский, карибский кризисы! Нет, конечно же, совпадения стольких случайностей быть не могло. Просто Никиту Сергеевича протолкнули к власти те самые закулисные силы, которые укрепление российской державности никак не устраивало. А уж дальше, зная его самодурство, осталось только регулировать.

Стоит ли удивляться ударам, обрушившимся на казачество? 07.02.1957 г. при реабилитации депортированных народов была восстановлена Чечено-Ингушская республика. В ее состав вернули сунженские казачьи станицы, но теперь уже без всякой автономии. *И мало того, от Ставропольского края отчленили 4 района терского левобережья, которые раньше в Чечню никогда не входили. И в качестве «компенсации» их тоже присоединили к воссозданной автономной республике!* А восточная оконечность терских земель — Кизлярский район, оказался отрезанной от Ставропольского края, и его отдали Дагестану. При этом возвращаемым из ссылки чеченцам власти всячески препятствовали селиться в горах, направляли на казачьи земли. Уже к 1959 г. в Наурском районе чеченцы составили 7,3 %, в Шелковском 5,7 %. В дальнейшем эти цифры росли. А в Дагестане и других районах Кавказа развернулась кампания по переселению горцев на равнину — тоже в районы проживания казаков.

В Казахстане началась похожая кампания — по переводу казахов на оседлое поселение. И «осаживать» их стали, опять же, в казачьих районах. В рамках выдвижения

«национальных кадров» представители «титულных» народов получали ключевые посты в администрации, партийных органах, системе образования, здравоохранения. А коренное, казачье население, превращалось во «второсортное». Еще одной «бомбой замедленного действия» стала внезапная передача Крыма Украине. По казакам прокатились и все прочие преобразования. Армейские реформы? Конечно, в первую была ликвидирована кавалерия, как отжившая свой век. А в связи с этим погибли коневодческие хозяйства. Гонения на Церковь — и снова закрывались казачьи храмы. Причем в кампаниях 1920-х самыми стойкими оказались старообрядческие общины, они ведь могли обходиться без священников. Теперь добрались и до них. Объявлялись «сектантскими» и закрывались молитвенные дома, очень заинтересовались этими погромами искусствоведы и этнографы. Из гребенских станиц целыми грузовиками вывозились драгоценные иконы XVII–XVIII вв., древние церковные книги, рукописи. Везли в запасники Грозненского музея, хранилища Грозненского университета. В 1990-х все погибло [23].

Катастрофой стали и сельскохозяйственные реформы. Был взят курс на ликвидацию «неперспективных деревень». А какие считать «неперспективными», оценивали «специалисты», неведь откуда взявшиеся. Сокращалась и прекращалась государственная поддержка станиц и хуторов. Вместо этого средства и техника направлялись на освоение целины. В Казахстан. Туда же по комсомольским и иным разнарядкам слали молодежь, лучшие кадры механизаторов, трактористов, шоферов, зоотехников. Очень много людей было направлено с Дона, с Кубани — что по сути напоминало массовую депортацию, но как бы «почетную», с музыкой и бравурными лозунгами. Грянула и «вторая коллективизация». При Сталине колхозникам были оставлены подсобные хозяйства, кое-какая домашняя скотина. В 1959 г. пленум ЦК запретил иметь приусадебные участки, а личный скот предписывалось «скупить». Были ликвидированы машинно-тракторные станции — от колхозов требовалось выкупить сельхозтехнику у государства. Итог: скупленный скот передох без кормов, распыленная техника выходила из строя, попав к неспециалистам, в неподходящие условия хранения, а колхозы разорвались, вынужденные за все платить. Страна опять очутилась на грани голода [209].

И в 1962 г. грянул бунт в Новочеркасске. Забастовало 7 тыс. рабочих из-за «затягивания поясов», роста цен, снижения тарифных расценок. Подавили жесточайше: 80 убитых, сотни раненых, 9 казненных, более 100 посадили. При этом главный центр казачества еще и капитально «почистили» — изрядная доля жителей была выселена в Сибирь. Переселялись и сознательно. Колхозы приходили в упадок, и молодежь стала уезжать в города. В областные центры, в столицу. А многие перебирались в другие республики. Потому что и начавшаяся «вторая индустриализация» с задачей «построения материально-технической базы коммунизма» велась, мягко говоря, своеобразно. Российские регионы оставлялись без внимания, а огромные средства вбухивались в развитие Прибалтики, Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Тут уж волей-неволей закрадываются подозрения, что уже тогда «силами неведомыми» закладывались основы плана, коему суждено было реализоваться в 1991 г.

Кстати, в это время опять перестали носить казачью форму. Официальных запретов по данному поводу не издавалось. Но носить перестали повсеместно. Значит, прошли какие-то централизованные указания местным руководителям, те внушили подчиненным. И слово «казак» снова изъясилось из обихода. На этот раз «мягкими» методами. Соответствующей регулировкой органов печати, системы образования в казачьих областях. Перестановками административных, педагогических, культурных кадров. Казаков — куда-нибудь на целину, а к казакам — «интернационалистов». А в совокупности с миграциями и перемешиванием населения результат получился «подходящий». Геноцида, вроде, и не было, а «рассказывание» осуществилось.

Случилось так, что в этот же период пришла к концу и история казачьей эмиграции. Некоторые изгнанники, даже не воевавшие на стороне Германии, были арестованы советскими органами за прошлое. Генерал В.М. Ткачев, захваченный в Югославии, получил

10 лет лагерей. Был освобожден в 1954 г. Доживал век в Краснодаре, в полуподвальной комнатухе, работал в артели инвалидов-переплетчиков. Получал мизерную зарплату и грошовую пенсию по инвалидности. Написал книги «Русский сокол» о Нестерове и «Крылья Родины» — она осталась неизданной, при содействии кубанского писателя **Степанова** и журналиста **Андрианова** были опубликованы лишь отрывки. Скончался Ткачев в марте 1965 г. [26, 184]. Успел отсидеть и Павел Кудинов. Вышел на свободу в 1955 г., вернулся в Болгарию и работал в колхозе. Обращался к Шолохову с наивной просьбой, нельзя ли выхлопотать ему российскую пенсию как полному Георгиевскому кавалеру.

А в Западной Европе и Америке правами казаков вдруг очень озаботились те же самые державы, которые только что выдавали казаков Сталину! Началась «холодная война», и в 1947 г., всего через 2 года после трагедии Лиенца конгресс США без всякого смущения принял закон о «порабощенных нациях» — согласно коему «русский коммунизм» поработил народы «Казакии» и «Идель-Урала». Кое-кто из эмигрантов нашел выгодную работу в рамках пропаганды этих идей. Но такая деятельность относится уже не к истории казачества, а к истории операций зарубежных спецслужб. А эмиграция как таковая угасала. Ведь до войны она жила и поддерживала себя надеждами на возрождение прежней России, а теперь надежды развеялись — и пошла быстрая ассимиляция. Нет, эмиграция угасала не бесследно. Столь энергичные люди, как казаки, лишившись службы на благо Отечества, реализовывали свой потенциал в других сферах. Видный исследователь казачьего зарубежья **Н.А. Хохульников** называет в своих работах 130 замечательных поэтов, нескольких писателей, прославившиеся хоровые коллективы, 10 знаменитых оперных певцов, 4 хореографов, 13 художников и скульпторов, известных спортсменов, ученых [202]. Увы, их таланты оказались отданы не своему, а чужим народам. А то, что осталось не востребовавшимся иностранцами, «утекло в песок». Или собирается по крохам нынешними энтузиастами.

Самая большая зарубежная колония казаков, станицы забайкальцев в Маньчжурии, просуществовала до победы китайской революции. Потом Мао Цзэдун начал свою коллективизацию, а потом и антисоветскую кампанию с травлей вообще всех русских. А в Советском Союзе, наоборот, провозглашалась «оттепель», и с 1954 г. казаки начали возвращаться на родину. Последняя партия, около 30 тыс., вернулась из Китая в 1960 г. [166] Их охотно брали колхозы и совхозы как редких работников — хозяйственных, трудолюбивых, не воруящих и не спившихся. Но расселяли их небольшими группами по Сибири, Казахстану, Средней Азии, и о сохранении казачьих особенностей уже речи не было.

А в Турции был взят курс на национальную и религиозную нивелировку населения. Это совпало с очередным витком «потеплений» в отношениях с СССР, и после переговоров состоялось переселение некрасовцев. Часть из них перебралась в Болгарию, Румынию, в 1962 г. 999 человек с о. Майнос прибыли в Россию. По данному поводу была поднята пропагандистская шумиха — вот, мол, «царизм» их не принимал, и только советское правительство приняло. Некрасовцев поселили в ставропольских селах Новокумское и Бургун-Маджары. Но главные их ценности, святыни и утварь двух старообрядческих церквей, турецкое правительство не вернуло. А хрущевское правительство не настаивало.

Еще жив был главный защитник казачества, Шолохов. Он находился в пике своей славы, в 1965 г. был удостоен Нобелевской премии. Что вызвало (в отличие от бездарного «Доктора Живаго») истерический вой всякой эмигрантской шушеры вроде НТС с «Посевом» и «Гранями». И советские диссиденты, как по команде (впрочем, без «как»), устраивали демонстрации протеста. Надо ж, мол, «сталиниста» наградили! Ну а от них и по всей западной прессе полились потоки грязи о «плагиате» и т. п. Что же касается советского правительства, то оно попросту нейтрализовало Шолохова, поместив в «золотую клетку». Он все меньше писал. А его все теснее окружали «секретарями», решавшими без него, кого он примет, куда поедет, на какое событие откликнется. И саму Вешенскую превратили не в «показательную» станицу, а в показушную — для иностранцев, высоких делегаций. Шолохов тяжело болел, перенес два инсульта. И все же еще пытался бороться.

В 1978 г. он направил Брежневу письмо, указывая, что отечественная культура в опасности: «Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру...» Но Брежнев спустил письмо на рассмотрение в Секретариат ЦК, где М.В. Зимянин отписал: «Изображать дело таким образом, что культура русского народа подвергается ныне особой опасности... означает определенную передержку по отношению к реальной картине. Возможно, т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то отнюдь не позитивным влиянием. Стать на высказанную им точку зрения означало бы создавать представление об имеющемся якобы в стране некоем сионистском политическом течении или направлении... это не соответствует действительности». А «выдвижение тезиса о русской культуре в качестве объекта особой защиты» было бы «чревато» по отношению к «культуре других народов». Постановлялось: «Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране», и «никаких открытых дискуссий по поставленному им особо вопросу... не открывать» [141]. Как видим, у разрушительных антироссийских сил уже в 1978 г. было «все схвачено» в самых верхах государства!

В 1984 г. Шолохова не стало. И последняя искра казачества погасла. Оно не было убито. В 1950-1960-х гг. оно было придушено, растрепано, искалечено, заморочено — и умерло. Люди-то остались, но уже и сами не осознавали себя казаками. Собирая материалы для данной книги, я обратился к герою Афганистана, донскому казаку генералу **Юрию Петровичу Генералову**, попросил привести примеры действий казаков на той войне. Он ответил: «Да ведь мы тогда об этом не думали». И я понял, что его ответ как раз и есть самый полный и исчерпывающий. Имеет ли смысл выискивать яркие дела казаков, если не было казачества?

75...И ВОСКРЕСЕНИЕ

Возрождения казачества не ожидал никто. Да и сами казаки не ожидали! И вдруг оно свершилось... Начало процесса можно датировать 1986-87 гг. Сперва он шел подспудно, малозаметно. К теме казачества вновь стала обращаться творческая интеллигенция. Появляются романы **В. Семенихина** «Новочеркасск», **А. Знаменского** «Красные дни», **Е. Лосева** «Миронов», **Ж. Бичевская** запела казачьи песни (и Розенбаум тоже — видать, уловив струю). Перемены стали происходить и в сознании людей. В казачьих областях вдруг возрос интерес к своему прошлому. Люди начали разыскивать информацию о предках. Журналисты местных газет — писать первые, еще робкие заметки по истории казачества. Но процесс шел не только в казачьих регионах. Общаясь с людьми, казаки начинали выделять «своих». Обменивались теми же роман-газетами, зачитанными до дыр. Люди «вспоминали», что они — казаки!

Правительство к данным явлениям не имело никакого отношения. Наоборот, оно продолжало политику ассимиляции. В 1989 г. вышло постановление о переселении в русское Нечерноземье жителей «трудоизбыточных регионов» — Средней Азии, Кавказа. Прошла и вторая волна реабилитаций «репрессированных народов». И «трудоизбыточных» реабилитированных месхетинцев, чеченцев и т. п. принялись переселять не в вымершие тверские деревушки, а снова в казачьи области! На Дон, на Кубань... К возрождению казачества не имели отношения и политические движения. В мое распоряжение попала огромная подборка газетных статей 1980-х — начала 1990-х гг., собранная усилиями ветерана казачьего движения полковника **В.Х. Казьмина**, и вот что любопытно: казаки для всех оказывались «чужими»! «Демократическая пресса» надрывалась, доказывая, что они — детище «партократов». Ну а как же, мол, «реакционеры», «нагаечники». А «партократы» относили казаков к «демократам» — поскольку они заговорили о славном дореволюционном прошлом, о геноциде, о православных ценностях.

Возрождение не инициировалось и не поддерживалось никакими государственными и

политическими силами! Но оно шло. Не «сверху», а «снизу», и не из одного или нескольких центров, а всюду. В 1989 г. стали возникать казачьи общины, землячества. В том числе и в «не казачьих» регионах — ведь в XX в. казаков размело по всей стране. Появились организации московские, Санкт-Петербургские, Мурманские, Тверские, Псковские и т. п. И, наконец, 28–30 июня 1990 г. в Москве в клубе завода «Серп и молот» состоялся Учредительный Большой Круг, на который съехалось 263 делегата от разных организаций, представляющих более 80 тыс. казаков, 450 гостей. *И это событие можно считать точкой отсчета возрожденного казачества*. Прошел Круг с огромным энтузиазмом, был создан Союз Казаков России, атаманом которого стал донской казак **А. Г. Мартынов**.

Начали воссоздаваться Казачьи Войска. *Среди них появились и такие, которые до революции были упразднены — Украинское, Запорожское, Волжское. Возникли и новые Войска — Калмыцкое, Ставропольское, Крымское, Белорусское. Было создано также Центральное Войско, объединившее ряд казачьих структур в Центральной России.*

Однако изначальное единство, увы, оказалось непрочным. Традиционный патриотизм казаков отнюдь не устраивал силы, ведущие раскачку страны. В ряды казачества постарались влезть «Демократическая Россия», НТС и прочие радикальные организации. И 20–21 июля 1991 г. прошел еще один Учредительный круг, 65 делегатов от 25 организаций провозгласили создание другой организации — Союза Казачьих Войск России, а Союз Казаков объявили «коммунистическим». И раскололи казачество на «красных» и «белых». Пошло деление и на других уровнях, по разным признакам: по политическим, по месту жительства — на «станичных» и «асфальтовых», по фигурам атаманов, конкурирующих между собой...

В целом же в новейшей истории казачества можно условно выделить три этапа: 1) период эйфории; 2) период надежд на государственную власть; 3) период отрезвения и надежд на собственные силы. Эйфория — это конец 1980-х и начало 1990-х, когда казалось, что самое главное уже осуществилось. Войсковые атаманы исчисляли своих подчиненных не иначе как на миллионы (по крайней мере, на сотни тысяч). Любые дела выглядели по плечу. Разнобой царил полнейший. Уральские, сибирские, семиреченские казаки устраивали акции протеста против намерения Казахстана отделиться. А донские митинговали и добивались провозглашения Донской республики в составе РСФСР. В одном месте требовали официальной реабилитации казачества, в другом — наделить землей, и непременно по 30 десятин, иначе, мол, казак не казак. В третьем зазывали на пустующие земли для организации станиц и хуторов.

Казачество бурлило вольной силушкой. Там-то выпороли мелкого воришку, там-то — приговорили выпороть клеветника-журналиста. Казаки наводили порядок на базарах, боролись со спекуляцией и порнухой. Устанавливали свои таможи, чтобы при перестроечных пустых прилавках продукты и товары не уплывали неведомо куда. Восстанавливали памятники казачьим героям, храмы Божьи. Несли в Дивеево мощи св. Серафима Саровского. Патрулировали улицы, пресекая разгулявшуюся преступность. Возникали первые казачьи заставы в Вооруженных Силах, и туда торжественно отправляли призывников, веря, что это только начало. А на Тереке казакам уже приходилось защищаться. Уже был убит атаман Сунженского отдела **А.И. Подколзин**, лилась кровь и горели дома в погромленной Ингушам Троицкой. Да и в Казахстане националисты сорвали празднование 400-летия Уральского Войска. Но трудности казались преодолимыми. Возродились же, значит — со всем справимся...

Оборвал эйфорию умело разыгранный и внезапный «распад» СССР. В серии войн и конфликтов, сопровождавших эту катастрофу, казаки, как и в далеком прошлом, проявили себя доблестными воинами. Они стояли у Белого Дома в августе 1991 г. Стояли и в октябре 1993 г. Безоружные — разоружали ОМОН. Одна из баррикад называлась Казачьей заставой — руководил ее обороной сотник **Морозов**. Как раз возле этого места сейчас находится часовня в память 2 тыс. погибших защитников. При штурме Казачьей заставы пал и священник **о. Виктор**, вышедший с иконой в руках навстречу атакующим, расстрелянный в

упор из крупнокалиберного пулемета БТР и раздавленный колесами [101].

Казачи спасли Приднестровье, ринувшись по зову сердца на выручку русским людям. Участник событий донской казак генерал **Альберт Макашов** пишет: «Первыми в России на помощь республике приехали казаки, целые ватаги, быстро окрепло и свое Черноморское войско. Воевали крепко, часто бесшабашно... Отсюда потери. Казак — всегда патриот, но не всегда организован» [115]. Не молдаване атаковали — кадровые румынские части и спецназ. Но дали им по зубам, остановили и отбросили. Прибывшие из разных концов страны казачьи отряды соединялись с местными добровольцами. Приднестровье ведь тоже казачий край, здесь в разные времена селились некрасовцы, Черноморское Войско — ушедшее на Кубань, части Бугского, Екатеринославского, Дунайского Войск. Вот и вспомнили приднестровцы, что и они казаки. Впрочем, кто там и кого спрашивал о происхождении? Взял оружие, пошел в бой — значит казак. *И по памяти прежнего Черноморского Войска было создано новое, которое также назвали Черноморским.* Полторы тысячи казаков разных Войск были награждены крестом «За оборону Приднестровья», более 70 — посмертно.

Храбро воевали и в Абхазии. Из воспоминаний сотника **Сергея Малькова** : «На поминки собираются казаки разных сотен — вот сидят неунывающие кубанцы, там расположились молодецкые казаки-уральцы, вот волжане и сибиряки. Смерть витает над всеми ними, и не всем суждено вернуться домой... Чеченцы уважают казаков, ибо казаки остаются на позициях даже тогда, когда отходят чеченцы» [119]. Изгнали бесчинствующих грузин, помогли отстоять республику. *Из местных казаков и тех, кто решил остаться здесь, был образован Сухумский особый отдел Кубанского Войска.* Казаки-добровольцы сражались в Боснии, участвовали в обороне Северной Осетии от ингушей, а Южной от грузин.

И все же казачество далеко не везде смогло помочь своим братьям. Заложенные во времена оны «мины замедленного действия» сработали четко. Передо мной две драгоценности. Одна — пожелтевший номер газеты «Казачий вестник», вышедший в мае 1991 г. в Уральске. Фотографии, информация о местных событиях, о ранее «закрытых» страницах прошлого — газета типичная, каких было много в перестройку. А читать горько. Особенно, например, присланную на тогдашний конкурс «Песню о казачьей судьбе» — об исходе в Персию в 1920 г. Читаешь и думаешь, а скольким brave казакам с газетных фотографий пришлось вскоре повторить эту судьбу? И не только уральцам, а сибирцам, семиреченцам, да и прочим казакам и не казакам, чьи предки поднимали и благоустраивали казахские степи? Сколькие были вынуждены бросать родные города и селения и уезжать, спасаясь от разгула бандитизма и национализма, от незащищенности со стороны властей, от экономической разрухи, голода, безработицы? Хотя, конечно, многие остались. Некоторые вполне нашли общий язык с властями. Или с преступностью. А остальные стараются как-то выжить.

Вторая драгоценность вообще редкостная, «Восточный форпост» — газета общины казаков «Амударьинская линия». Не типографская, а отпечатанная на 4 машинописных страничках. Но ведь тоже старалась выглядеть настоящей газетой! Заметочка по истории, информация о круге, о том, что установили связи с казаками Дона, Оренбурга, Сибири. Что «достигнута договоренность об обучении малолетков в Новосибирском университете». Что создается «предприятие надомного труда по пошиву и вязанию — подспорье казачьим семьям». Одна из заметок так и называется «С надеждой на лучшее в жизни!» А напечатано в апреле 1992 г. в Душанбе. И невольно задумаешься — кто из этих казаков и казачек, надеявшихся на лучшее, успел бежать, а кто погиб в ходе гражданской войны, когда резали не только русских, но и таджиков, симпатизировавших русским? И что случилось с казаками упомянутых в газете станиц в узбекском Ташкенте, туркменском Чарджоу? Российские казаки пытались помочь своим братьям. В 1994 г. круг, созданный в Омске, объявил об объединении казачьих союзов России и Казахстана для защиты прав русскоязычного населения. Но со стороны московских правителей миллионы русских людей, очутившихся в «ближнем зарубежье», ни малейшей поддержки не получили.

Да что уж говорить о «зарубежье», если внутри Российской Федерации стала возможной трагедия на Тереке? Правда, сценарий раскручивался хитро, кого хочешь с толку собьет. Конфликт сперва разгорался с ингушами, а чеченские власти декларировали дружбу. И когда Чечено-Ингушетия стала делиться, казаки заявляли, что желают быть в чеченской половине. Да и в Абхазии были союзниками с чеченцами! А потом все вдруг перевернулось наоборот: враждебная Чечня и дружественная Ингушетия... Хотя на самом-то деле чеченцы и ингуши — это один народ, вайнахи. Впрочем, а как вообще можно было помочь другим и защитить себя с голыми руками? Приднестровье и Абхазия провозгласили независимость, их правительства привечали добровольцев, обеспечивали оружием, снабжением. А Северный Кавказ остался в ведении российского правительства! Казалось просто невероятным, что оно не защитит своих граждан. И не поймет, что казаки — его вернейшая опора.

И в истории возрожденного казачества наступил новый этап, надежд на государственную власть. Которая, вроде бы, с распростертыми объятиями шла навстречу. При Ельцине было издано 76 законов, постановлений правительства и указов президента, касающихся казачества! [257] Казаков в 1991 г. включили в закон «О реабилитации репрессированных народов». В дальнейших постановлениях и указах конкретизировалась «реабилитация» — «возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада, культурных традиций», «установление территориального общественного самоуправления в местах компактного проживания», возрождение «традиционных для казачества форм землевладения, землепользования», государственной службы казаков. Так чего ж еще надо? И казалось, все это реализуется. Вышел указ о «государственной поддержке казачества», ряду воинских частей, погранзастав, кораблей присвоили наименования «казачьих», при президенте возник Совет по делам казачества, позже — Главное управление казачьих войск.

Да и на то, что творилось в Чечне власть «реагировала». Когда у казаков вскипало негодование, круги и советы атаманов принимали заявления — если, мол, государство не способно нас защитить, будем защищаться сами, когда на Дону и Кубани начинался набор добровольцев, президент тут же вводил «чрезвычайные положения». На дорогах появлялись войска и милиция, получавшие приказ не допускать конфликтов. И тем самым прикрывавшие боевиков от казачьего вмешательства. Потом «положения» отменялись, и средства массовой информации дружно заверяли народ, что ситуация нормализуется. Словом, разрушители России тоже учли уроки Приднестровья и Абхазии и постарались впредь этого не допускать. А тем временем в городах и станицах Чечни вооруженные банды грабили и убивали русских людей. Умыкали девушек и женщин, обращали в рабов юношей. Врывались в дома и пытали старух, вымогая деньги. И нарастал поток беженцев. Те, кто ушел первыми, могли считать себя счастливыми — устроились в колхозах Ставрополя, Кубани. Следующим было труднее. Многие просто мыкались по вокзалам. И об этих беженцах ни правозащитники, ни телевидение даже не заикнулись, благоустроенных лагерей и гуманитарных раздач для них не было...

Об использовании казачества заговорили, когда началась война. Но был сформирован только один 694-й казачий батальон им. Ермолова. Его короткая история — смесь высочайшего героизма и гнуснейшего предательства. Ведь одно дело — вооружить всех терцев и кубанцев, а другое — единственный батальон. Кинуть затравку для пущей ненависти чеченцам. Создавали его как контрактную часть, подразумевалось — для обороны станиц, прикрыть от чеченских банд терское левобережье. Но бросили в самое пекло, в Заводской район Грозного, где батальон сразу попал в засаду. Понес урон, но дрался храбро и бой все же выиграл.

О ряде, мягко говоря, «странных» случаев казаки рассказали в замечательном видеофильме «Живи и веруй». Например, батальон взял Орехово. А «по телевизору объявляют, что поселок взят МВД без потерь, на самом деле мы потеряли 20 человек убитыми и 45 раненых, из них 10 тяжело раненных»... «После этого нас перевели в район Шали, в это осиное гнездо, где находятся крупные бандформирования, где находится большое количество наших пленных, и мы получаем приказ не применять огня, вести себя

лояльно, не останавливать проезжающие машины, хотя через действующие блок-посты проезжают и Масхадов, и полевые командиры»... «Когда мы действовали в Заводском районе, и когда на огонь, ведущийся с нефтяного завода, ответили массированным огнем, взвыла администрация, взвыло командование. Как потом выяснилось, акционерами этого завода являются г-н Гайдар, г-н Шумейко, и один из лидеров, фамилии не называли, сегодняшнего чеченского, если можно так выразиться, сопротивления, то есть из главарей бандформирований»... «Мне, как военному профессионалу, как казаку, такой ход боевых действий непонятен»... «Мы попали в этот непонятный водоворот перемещений, передислокаций, указаний»...

800 казаков побеждали там, где не справлялись кадровые части. Дрались за Самашки, Старый Ачхой, Бамут. Десятки казаков отдали свои жизни, 140 получили ранения. Станичники молились на батальон. Старушки просили: «Казаки, только не уходите!» «Не бросайте нас!» «Сынки, не оставляйте нас, чеченцы обещали нашей кровью руки мыть...» А они не могли не уходить — их снова перебрасывали то туда, то сюда. В Терском Войске надеялись, что батальон будет развернут в полк. И знамя изготовили — 1-го Терского Казачьего полка им. Ермолова (до революции его имя носил 1-й Кизляро-Гребенской полк). Но, как говорил терский войсковой атаман **Шевцов**, «некоторые должностные лица правительства и президента делали все возможное, чтобы знамя это не вручать». Его все же вручили. Однако вскоре ермоловцев вывели из Чечни и расформировали. Без объявления причин. И атамана Шевцова сместили.

А в это же самое время средства массовой информации целенаправленно охаивали и оплевывали казаков! Выходили передачи, статьи, книги о Кавказской войне, где казаки представлялись хищниками и грабителями, захватившими земли у несчастных мирных горцев [175]. Словом, ату их! Ну а верховная власть организовала Хасавюртовское предательство. И отдала все оставшееся в Чечне русское население на расправу «победителям». 30 тыс. человек было вырезано, 300 тыс. стали беженцами [122]... Генерал **Г.Н. Трошев** пишет: «Летом 1999 г. зверски замучен последний русский житель станицы Шелковской. 90-летнего старика молодые «дипломированные» специалисты из учебных лагерей после долгих пыток зарезали ножницами для стрижки овец, видно, хотели растянуть удовольствие»...

На Тереке шел этот кошмар — а власть в Москве продолжала «игры» с казаками. И в 1995 г. вышел указ «О государственном реестре казачьих обществ» — пояснялось, что по прошлым законам и указам казакам положены всякие блага. Но мало ли кто к казачеству примазался? Вот и надо выделить «настоящих». И закутился новый виток. Казачьи организации отработывали и утверждали уставы, чтобы попасть в реестр. Казаки заполняли декларации как госслужащие — и уже числили себя на службе. Из общего количества около 5 млн. казаков в реестр попало 647 тыс. (с членами семей). Пошла вторая волна постановлений и указов о целевом земельном фонде, финансировании, о казачьей форме и чинах — но теперь уже только для реестровых. Однако единственным реальным итогом стал еще один раскол казаков: на «реестровых» и «общественных». А из всех правовых актов в отношении казачества не был выполнен ни один! Оно не получило ничегошеньки. За отсутствием «механизма реализации». Ходил анекдот, что Ельцин сказал о казаках: «Все им обещать, но ничего не давать». Так оно было или нет, но вышло именно так.

И службы казаки тоже не получили. О «казачьих» частях много писали, восторгались, что там нет дедовщины и других пороков. Но потом как-то замолчали. И количество таких частей, казачьих по названию и составу части призывников, стало исподволь сокращаться. Очень удачным был и эксперимент по невойсковой охране границы. Например, после отделения Казахстана граница с ним стала «дырой», через которую хлынули наркотики, шайки грабителей, воровавшие все подряд, даже пилившие на металлолом вышки высоковольтных линий. Прикрыть всю степь пограничниками было невозможно. В 1997 г. привлекли казаков, 1780 человек. Предоставили им только «гражданское оружие для самообороны», финансирование копеечное, по 500 р. на человека в год. Но за 5 месяцев

эксперимента было задержано 230 нарушителей, изъято контрабанды на 2 млрд. руб., 500 кг наркотиков, предотвращен угон крупных партий скота. Уполномоченный по казачеству правительства Москвы **И.В. Ченцов** сообщает: «Казачи встали поперек этого грабежа до такой степени, что президент Казахстана Н. Назарбаев при встрече с Б.Ельциным ставит вопрос — отвести казаков от охраны границы... Кончился эксперимент, отчитались, попросили деньги на следующий — говорят: «Да хватит уже. Пусть воруют, лишь бы отношения не портились» [204]. Но бесконечно обманывать людей нельзя. Началось отрезвление...

76. С ВЕРОЙ В БОГА И НАДЕЖДОЙ НА СЕБЯ

В начале казачьего возрождения жила и наивная вера в то, что «заграница нам поможет». Ну а как же — ведь там эмиграция! Братья! Армяне-то своих поддерживают, евреи тоже... Однако этого не случилось. Впрочем, и сам термин «эмиграция» уже неправомерен. Эмигранты — изгнанники, которых только обстоятельства вынуждают пребывать на чужбине. И первое их поколение действительно мечтало вернуться. Объявляло, что готово, засучив рукава, взяться за восстановление своей страны. Но следующие поколения такой потребности уже не испытывали. И обратного исхода на Дон и Кубань, как, например, евреев в Израиль, отнюдь не последовало. Для нынешних потомков эмигрантов это уже вовсе не «земля обетованная», ради которой можно пожертвовать привычками и благосостоянием.

Старшие поколения еще стараются сохранять «заряд» памяти, полученный от предков, но сами себя с Россией и происходящими в ней процессами отнюдь не связывают. У их детей подобный «заряд» неизбежно угасает. Теперь это просто американцы, французы и пр., помнящие о своем казачьем происхождении — точно так же, как есть американцы и западноевропейцы индийского, африканского, китайского происхождения. И говорить о некоем едином «казачьем зарубежье» было бы нелепо. Оно разное. Так, знакомый рассказывал о казачьей общине в Париже. Она содержит музей Лейб-гвардии казачьего полка, но на контакты идет крайне неохотно — дескать, попасть к казакам труднее, чем в какую-нибудь секту. Что ж, их можно понять. Видать, успели обжечься на дряни и провокаторах. Хорошо известна и община в штате Нью-Джерси США. Здешние казаки помнят русский язык, ходят в православную церковь, по праздникам меняют американские костюмы на традиционные, поют казачьи песни. Молодцы, честь и хвала, что еще не забыли. Существует там и музей, где хранятся вывезенные за кордон регалии Кубанского Войска. Но когда общину посетил кубанский атаман **В.П. Громов**, выяснилось, что эти регалии уже являются собственностью частных коллекционеров, а некоторые (как грамота Екатерины о даровании земель черноморцам) даже американских банков. То бишь заложены-перезаложены.

Есть и «казаки» другого рода — например, в Германии «Общество 15-й кавалерийский корпус им. Гельмута фон Паннвица». Почти все члены — немцы. Да оно и понятно, казаков-то выдавали, а германских офицеров, служивших в корпусе — нет. А от самовыдачи, в отличие от Паннвица, они воздержались. И теперь их потомки тоже причисляют себя к «казакам». Кстати, писали, что и в Израиле существует 12 «казачьих станиц». Интересно, куда ходят «за зипунами»? К палестинцам? Или в Россию? Ходят слухи, что в Южной Америке есть «настоящие» станицы — то бишь (если они действительно есть) селения или фермы, сохранившие какие-то черты казачьего быта. Известны и станицы в Австралии, США, Канаде, Англии и др. Но это лишь подобия номинальных землячеств. Часто они группируются вокруг своих православных церквей, вокруг 2 или 3 сохранившихся там казачьих изданий. Зарубежные казаки иногда приезжают с экскурсиями на родину предков. Если попадают на наши казачьи мероприятия, охотно сидят в президиумах. Вступают в контакты с теми российскими атаманами, которые провозглашают всевозможные «всемирные» организации. Но ждать от них чего-то большего было бы бессмысленно.

Однако есть на Западе и такие, чье казачье происхождение оказалось востребованным. В середине 1990-х атамана **А.Ф. Ткачева**, внучатого племянника генерала В.М. Ткачева, и кубанского писателя **В.Г. Левченко** пригласили вдруг в редакцию известного журнала, перепрыгнувшего в Москву из эмиграции — на встречу с американским казаком. Как рассказывал Ткачев, пошли с энтузиазмом, «земляка» повидать. В редакции увидели — в сторонке стол накрыт. Вышел этот самый зарубежный казак лет пятидесяти, с ним дама-американка и несколько сопровождающих. Знакомились, говорили ни о чем. А дама молча в сторонке села, уставилась на приглашенных и в течение всего разговора неотрывно глядела на них. Потом обменялась с представителем «американского казачества» какими-то малозаметными знаками, и оба удалились. А их сопровождающие повели гостей за стол. И после нескольких тостов неожиданно прозвучало: «Помоги отделить Кубань от России». «Мы, — говорит Ткачев, — опешили. А нас убеждают — все тебе будет, любое финансирование, помощь...» Когда ответили не совсем цензурно, и стало ясно, что взаимопонимание не достигнуто, один из собеседников даже разрыдался: «У тебя же такой предок был! Мы на тебя так надеялись, а ты...» Посмотрели, как он сопли размазывает, плюнули и ушли...

В общем-то все закономерно. Закон «О поработанных нациях», в том числе казаках, принятый конгрессом США в 1947 г., до сих пор не отменен. И используется вполне целенаправленно, для дальнейшего разрушения России. Когда на заре своего возрождения казачьи организации начали искать связи с зарубежьем, оттуда хлынул широкий мутный поток соответствующей литературы. Подобные издания гуляют по стране и сейчас, их легко узнать по отличной бумаге, великолепному оформлению — и по тому, что в них снова и снова пропагандируются одни и те же имена. Краснов, Шкуро, Паннвиц. Но без Ермака, Платова, Бакланова, Каледина... Патриотические лидеры казачества у авторов такой литературы не в чести. И отметим, в период резни и изгнания казаков из Чечни ни конгресс США, ни другие зарубежные поборники «прав казаков» об этих самых правах почему-то не вспомнили.

Но, конечно, подозревать всех заграничных казаков в подыгрывании иностранным спецслужбам, было бы глупо. Они граждане своих стран, черпают сведения о нас из западных СМИ, а о реальных наших делах и трагедиях просто не знают и не могут их понять. И постепенно растворяются в других народах. Так, на церемонии перезахоронения Деникина и Ильина в Свято-Донском монастыре к товарищу атамана Московского кубанского отряда **В.П. Балакиреву**, заинтересовавшись формой, подошел господин, который по-русски только и мог сказать: «Оу, коубански козак...» И лишь через переводчика удалось выяснить, что это англичанин, чей предок тоже был кубанцем. Ну и какой же поддержки можно ждать от таких «казачков»? У них своя жизнь, свои проблемы, у нас — свои.

Что же касается надежд на государственную власть, то новый их всплеск произошел в 1999–2000 гг. в связи с водворением в Кремле Путина. Когда он, вроде бы, демонстрировал патриотизм, взялся наводить порядок. И снова заговорили о казачьих частях, представители президента на встречах с атаманами заявляли о необходимости восстановить казачьи поселения по всему периметру границ. Снова принимались постановления и программы по поддержке казачества. Рапортовали, что для реестровых казаков, выразивших готовность к «государственной и иной службе» создано 35 тыс. рабочих мест, 500 добровольных народных дружин [71, 204]... Но в точности повторился прежний сценарий: «Все обещать и ничего не давать». Казаки опять не получили ни земель, ни финансирования, ни самоуправления, ни службы.

Во время второй чеченской войны создавались отряды самообороны в Дагестане, Северной Осетии, оружие выдавали чуть ли не с грузовиков. Но в казачьих областях никаких отрядов формировать не позволили. На Ставрополье завезли лишь десяток старых карабинов, да и то запретили выдавать на руки. «Государственная и иная» служба для реестровых стала «иной», и 35 тыс. рабочих мест оказались обычными охранными

предприятиями. Сторожить покой и имущество тех, кто распродал и разворовал Россию. А большинство ДНД быстро развалилось. Ну кому интересно с одной нагайкой идти на вооруженных бандитов? Таскать опившихся бомжей и наркоманов, с которыми ментам неохота возиться? И опять же, приобретать славу «псов» и «нагаечников», утихомиривая буйную молодежь?

Очень много надежд возлагалось на принятие закона о казачестве. Считалось — вот будет закон, и все встанет на свои места. Эта работа началась еще в середине 90-х. Предлагались разные проекты, четырежды они принимались Думой, но отвергались Советом Федерации, годами утрясались разночтения [92]. Наконец, в 2005 г. был принят вариант, предложенный со стороны президента — федеральный закон «О государственной службе российского казачества». Который и поставил точку на всех надеждах. Поскольку узаконил всего лишь то, что казаки имеют право нести службу... на общих основаниях с другими гражданами. И даже пункт о направлении их в сохранившиеся «казачьи» части дополнился оговоркой «по возможности». Что фактически перечеркнуло особый принцип комплектования. Очевидно, и сам закон был нужен только для того, чтобы с его принятием признать утратившими силу все прежние законы, указы и постановления. Отменить то, что успели наобещать.

Ну а в целом, чтобы охарактеризовать отношение государственных властей к казачеству, процитирую красноречивую статью **А. Аськарова** о посещении Казани генералом Трошевым: «Трошев со свитой «государевых людей» объезжал вверенных ему Путиным казаков. Вечером, изрядно «навстречавшись», в конференцзале, где, кроме казаков, были и военные, и интеллигенция города и республики, Трошев отвечал на острые вопросы казаков. Костяк казанского землячества составляют казаки-старообрядцы, а народ этот упорный и бескомпромиссный. Они довели Трошева до откровения и он заявил: «Казачество такое, какое оно есть сегодня, государство, т. е. власть, не устраивает. С 1990 г. возрождение стихийное. В XXI в. казачество с его «навозным патриотизмом» — анахронизм; общины, традиции — средневековое мракобесие, «упертое казачество» современному государству европейского уровня просто вредно. Мы создадим новое казачество из чего угодно без так называемых казачьих потомков, тянущих нас назад к феодализму». Мы встали и ушли из зала» [10].

Кстати, ведь и Путин, когда ему предложили стать верховным атаманом, отказался, сказав о казачестве, что «не видит его роли» в жизни страны [71]. И это вполне логично. В такой жизни, когда правители давно забыли об интересах своей страны и народа, а главной задачей считают угодливо стелиться перед иностранцами и ублажать антирусские «общественные мнения», увидеть роль казачества и впрямь трудно. Для таких правителей, пожалуй, действительно было бы интереснее создать совсем другое казачество — чтобы только пело и плясало, развлекая иностранных туристов. В общем, напрашивается любопытное сравнение. Нейтрализацией казачества впервые озаботился еще Стефан Баторий. Но казаки ему все же требовались для пограничной и военной службы. Вот он и придумал выделить реестровых — чтобы получали плату и служили. А остальных объявил «не настоящими». Нынешним же правителям России, в отличие от Батория, и реестровые оказались не нужны! Поэтому казачество раскололи, но получилось так, что реестровые и «общественные» по сути, ничем друг от друга не отличаются! Кроме одного — реестровых легче регулировать. Что и делает государство периодическими перерегистрациями и перетрясками.

И заговорили о том, что «возрождение не состоялось». Нет прежних многочисленных казачьих полков, монолитных и могучих Казачьих Войск, нет традиционных войсковых и станичных хозяйств. Государству казаки не нужны, политики вспоминают о них лишь перед выборами. Значит, остается только ностальгировать по славному прошлому. И ждать — авось когда-нибудь ситуация переменится. Что ж, эмиграция так и прождала, пока не загнула. Хотя на самом-то деле подобные взгляды никак нельзя назвать состоятельными. По одной единственной причине — мы плохо знаем свою историю. И когда речь заходит о

«возрождении» почему-то рассматривается одна единственная модель — казачества, каким оно было перед революцией. Совершенно не принимая в расчет, что эта модель соответствовала не сегодняшнему, а тогдашнему состоянию казачества и всего государства! Поэтому для реставрации казачьего хозяйства и службы по образцам «Тихого Дона» потребовалось бы сперва реставрировать Российскую империю времен Николая II. От которой нынешняя Россия, как нетрудно понять, очень сильно отличается.

Но не стоит забывать и о другом — казачество никогда не было закаменевшей, раз и навсегда заданной схемой. Оно — живой организм, развивавшийся и видоизменявшийся в зависимости и от внешних, и внутренних условий. Возьмем хотя бы формы хозяйствования, которые принято считать традиционными. Но они далеко не всегда были таковыми! Казаки стали земледельцами лишь в XVIII–XIX вв. Способы хозяйства в разные времена и разных Войсках выбирались самые различные, какие представлялись более удобными. Жили рыбными ловцами, охотой, торговлей, скотоводством, речными перевозами, да и «за зипунами» ходили. А если коснуться нелепого деления на «станичных» и «асфальтовых», то не лишне вспомнить, что были и городские казаки, в некоторых Войсках до XX в. существовали городские полки. Были и казачье дворянство, казачья интеллигенция, торговые казаки — отнюдь не земледельцы.

Казачество раздроблено? Но и такое бывало раньше. Было время, когда оно, как и сейчас, существовало в виде множества городков и станиц со своими атаманами. А если нынешние власти и «общество», желая попрекнуть казаков, выпячивают несколько случаев, когда вывесками казачьих организаций пользовался криминал, то ведь и это уже было в нашей истории — «воровские казаки». (Впрочем, «крышами» преступников куда чаще становятся кавказские, среднеазиатские и иные фирмы, но народам Кавказа и Средней Азии это в вину не ставится). Пренебрежительное отношение к казакам государственной власти? И это уже было! Взять хотя бы казаков в составе Речи Посполитой. Да и на Дону, Волге, Урале, Тереке служба не всегда была государственной. Кому служили казаки? В первую очередь — Господу, своему народу и родной земле. А уж потом стали служить русским царям — как Помазанникам Божиим, оплоту Православия, защитникам веры и народа. Но приоритет оставался прежним. По своей инициативе, не дожидаясь указов Москвы, отбивали пленников, громили отряды врагов. Иногда за это получали награды. А случалось, что и головы теряли, входя в противоречие с высокой государственной политикой. И, тем не менее, продолжали служить так, как сами это понимали, руководствуясь велениями совести.

Казачья служба отличалась в зависимости от местных особенностей — сравните, допустим, службу сибирского землепроходца, белгородского пограничника и запорожского сечевика. Виды и порядок службы менялись со временем. Так что воссоздавать казачество по рецептам начала XX в. было бы столь же нереально, как в начале XX в. копировать образцы времен Платова. Модели разных эпох очень сильно отличались, но при этом казачество все равно оставалось казачеством! Сохранялась основа — казачий дух, традиции братства и общности, осознание себя воинами Отечества. А конкретные формы жизни и деятельности могли трансформироваться. Поэтому вполне закономерно, что и нынешнее казачество отличается (и будет отличаться) от того, которое известно нам по историческим фильмам и книгам. Конечно, период надежд на «доброе дядю» нанес огромный вред. Многие разочаровались, отошли от казачьих структур. И часть этих структур развалилась. Но другие очистились от иллюзий. И такие организации успешно существуют и действуют — осознав, что надеяться можно только на собственные силы. И на Божью помощь, а это уже немало. А когда приходит это осознание, тогда-то оно и начинается, настоящее возрождение.

77. НА КАКУЮ ПОЛКУ ПОСТАВИТЬ?

О феномене воскресшего казачества не утихают бурные споры. Но стоит ли придавать им большое значение? А то ведь можно только в этом и увязнуть, доказывая, что ты не верблюд. И главное, кому доказывать? Не проще ли вспомнить пословицу: собака лает —

ветер носит. Вот и представьте, что казак встал на четвереньки и пытается перелаять пархатую шелудивую шавку. И все равно ж не перелаете! Шавка-то гавкает не сама по себе, а чтобы показать усердие хозяину, который за это кидает ей кости. А споры порождены именно тем, что в систему «западных ценностей» и западных моделей (которые с какой-то стати объявляются «общепризнанными» и насаждаются в качестве образцов) казачество не вписывается, оказывается непонятным и «лишним». Поэтому и силятся придумать ему какую-нибудь соответствующую классификацию, как директор Института этнологии РАН Тишков, заявивший что казаки — это всего лишь «ложная этничность» [71]. Или, не мудрствуя, повторяют определение насчет служилого сословия. Помилуйте, какое уж служилое, если ему упорно не позволяют стать таковым? И какое же сословие, если сословия сгинули вместе с Российской империей! Слышали ли вы, чтобы кто-нибудь гордо заявлял: «Я — потомственный чиновник»? Или про организации потомственных крестьян? Уж на что мощным было когда-то дворянство, и в перестройку даже пробовало свои организации создавать. Но они быстро сошли в разряд маргинальных. Ну представьте хотя бы, чтобы потомки дворян по всей стране решили все вместе торжественно отметить юбилей Пушкина — дескать, он же наш, дворянин! А для казаков юбилей Шолохова был огромным событием.

Давайте вернемся к вопросу, поставленному в первых главах этой книги и посмотрим, как все-таки правильнее классифицировать казачество? Конечно, производить его в «отдельную нацию» нельзя. Не только из-за того, что оно во все времена (кроме полувека 1868–1917 гг.) подпитывалось извне — ранее было показано, что широкий приток извне получали и русские, французы, американцы и т. д. Но сами подумайте, возможна ли «отдельная нация», которая в течение веков, на протяжении всей своей истории выбрала специальность защищать и охранять некую «другую», «чужую» ей нацию? И сейчас ей не дают этого делать, а она стремится, требует, настаивает... Абсолютная чепуха получается. Казаки до революции отличали себя от «русских» — имея в виду иногородних, приезжих из Центральной России. Но при этом от великорусской нации себя не отделяли. В царской России, кстати, вообще не было деления по национальностям, только по вероисповеданиям. А быть православным — значило быть русским. И казаки сражались за «русскую землю», за «русскую веру», за «русский народ».

Вся история казачества неразрывно связана с Россией и русским народом. И украинского казачества тоже! Оно формировалось под эгидой православных князей Украины, потомков князей Киевской Руси. И сами православные украинцы, будучи в составе Польши, до XVII в. называли себя «русскими». А потом и воссоединились с Московской Русью в одно государство. Даже история некрасовцев, и то связана с Россией! Поскольку они рассматривали себя как «неповредившуюся» часть России и воевали с той, которую считали «повредившейся». А позже старались хотя бы сохранять эти «неповредившиеся» кусочки. И казачья эмиграция XX в. жила только до тех пор, пока была хотя бы мыслями и надеждами связана с Россией. Да и при последней переписи населения подавляющее большинство казаков обозначало себя как «русский» или «русский, казак».

Однако существуют и термины «казачий народ», «самобытная этническая формация» — и их также следует считать вполне правомочными. Потому что у казаков четко выражены и этнические признаки. И дело отнюдь не в особом говоре (диалекте). Диалекты могут быть чисто местными, принадлежащими социальной или профессиональной группе. Дело и не в бытовых обычаях — они тоже могут быть местными. А вот культура — это совсем другое. Создать огромный пласт самобытной яркой культуры может только народ. И пройти через все горнила испытаний XX в., подвергаться геноциду, давлению, рассеянию, но все равно сохранить самосознание казаков — это отнюдь не «сословие». Это народ. Народ внутри народа. То есть субэтнос. Что в общем-то и было доказано многими видными учеными [39, 41, 192].

В главе 4 уже приводился критерий Л.Н. Гумилева, определявшего, что главными отличительными чертами этноса или субэтноса являются особые стереотипы мышления и поведения. И такие отличия у казачества мы увидим без труда. Например, в конце 1980-х

перестроечные СМИ дружно взялись поливать армию, «закосить» от службы стало считаться вполне нормальным, да и не трудным делом. А Дон и Кубань в это же время перевыполняли план по призывникам, «отказников» там не было! Другой пример. В наше время в Москву и прочие мегаполисы нахлынула масса молодых женщин для заработков своим телом — проститутками, стриптизершами, «фотомоделями», «массажистками». Съезжаются отовсюду: русские, украинки, белоруски, латышки, эстонки, молдаванки и т. д. Казачек среди этой категории вы не найдете.

Чтобы наглядно представить различия в стереотипах поведения, можно привести несколько случаев из жизни. Скажем, в вагоне столичного метро пьяный юнец измывается над пассажирами. Все прижалось и молчат. Пожилой седобородый есаул **Н.В. Воробьев** встает и палкой, на которую опирается при ходьбе, учит негодяя. А когда выгоняет из вагона, на него начинает вопить другой пожилой человек: «Таки што ви себе позволяете? Таки как можно такое рукоприкладство?» Вагон молчит. Вот вам три стереотипа поведения. Казака, средних москвичей и представителя «народа избранного».

Еще более яркий случай — в г. Кургане банда терроризирует микрорайон, держит всех в страхе. Когда подонки среди бела дня бьют стекла, осмеливается вмешаться только 70-летний казак **В.И. Сулима**. Его избивают до полусмерти, но он берет наградное ружье и пытается задержать нападавших. Группа пьяных громил бросается на окровавленного старика — отнять двухстволку и добить. Казак принял неравную схватку Один убит, один ранен. А прокуратура отправляет Сулиму на скамью подсудимых, и он получает 7,5 лет строгого режима. Это еще один стереотип поведения, нынешней «российской демократии» — дави любого русского, если он попытается защитить себя, своих близких, свою честь и достоинство

Или такой пример. На русских, оставшихся в «ближнем зарубежье», наше правительство давно махнуло рукой, ими никогда не интересуются никакие «правозащитники», да и большинство этих людей, отданных под власть инородцев, стараются хоть как-то приспособиться и вести себя тише воды, ниже травы — стену не прошибешь. А вот казак **С.И. Бритвин** из Усть-Каменогорска, отошедшего к Казахстану, не сдается. Сколько раз его избивали националисты, сколько раз штрафовали и арестовывали местные власти, а он все равно не сгибается и продолжает бороться за права даже тех русских, кто сам предпочел забыть о своих правах. И казаки таких оценивают по-своему, говорят — «настоящий казак», «поступил по-казачьи».

И вот еще любопытный феномен. Казаков каким-то образом тянет друг к другу, они четко выделяют своих, даже не будучи знакомыми. Атаман Московского Казачьего округа **Ю.И. Рыжов** сказал об этом: «Казаки — как капельки ртути. Все время сливаются вместе». А полковник **А.И. Елесин** пишет, как о чем-то само собой разумеющемся: «Мы же сами распознаем, кто казак, а кто нет — достаточно быстро» [50]. Необъяснимо? Но это факт. Как видим, особые стереотипы мышления и поведения не только существуют, но оказываются очень устойчивыми, раз из далекого прошлого дожили до наших дней. Что подтверждает вывод: казачество — не сборище земляков, не клуб по интересам, а субэтнос. Мало того, этот субэтнос сам состоит из ряда субэтносов — казаков донских, кубанских, терских, уральских и др., отличающихся друг от друга рядом особенностей. Но и они, в свою очередь, состоят из более мелких субэтносов — верхнедонских и нижнедонских, черноморцев и линейцев и т. п. Противоречия тут нет. Молекула — единое целое, но состоит из атомов, атомы из элементарных частиц и т. д. И, кстати, чем сложнее система, тем более жизнеспособной она оказывается! (А терминов «ниже» субэтноса современная наука этнологии, находящаяся в зачаточном состоянии, попросту не знает).

Относительно того, кто и с какой целью пропагандирует идеи «отдельной казачьей нации», ранее уже говорилось. И в ходе работы над книгой мне доводилось получать письма и наказания казаков, требующих «дать достойный отпор проискал ЦРУ». Тем не менее, все не так просто. И процесс «этнизации» казаков в наши дни действительно имеет место. Причем не только и не столько в результате «происков ЦРУ», сколько под влиянием других

факторов. Один из них — политика правительства, направленная на защиту и обеспечение национальных, культурных, территориальных прав всех народов России, кроме... русского. Отсюда и реакция: «Раз так, то и мы — отдельный народ».

Второй фактор — начавшееся разрушение великорусского народа. Казачество бережно сохранило не только свою систему ценностей и традиций, но и общерусских! Сохраняет не только свою специфическую, но и общерусскую (и советскую) культуру. В то время как в русском народе (особенно в крупных городах) идет стирание национального и усиленная космополитизация. Включите-ка телевизор и «попрыгайте» по каналам. Где вы там найдете хоть что-то русское? Да и русских увидите немного. Разве что «обрусевших» в два этапа — сперва путем смены фамилий, а потом упразднением графы национальности. Под влиянием информационных потоков меняется и психология тех, кто их воспринимает. И казаки ощущают все более отчетливую разницу между собой и такими вот «осовремененными». Не обязательно «новыми русскими», а и «золотой» молодежью, бездуховными потребителями, зомбированными «американизирующимися» обывателями.

Да и как не возникнуть и не углубляться разнице, если изрядная доля русских уже избегает называть себя русскими, считая это чуть ли не «экстремизмом»? Ограничивает для себя «отечество» пределами дачи? Если слово «честь» встречает недоумение, само понятие «службы» вызывает отвращение, а жизненные ценности воспринимаются только в денежном (ну и еще в сексуальном) эквиваленте? В то время как у казаков Вера, Отечество, честь, товарищество по-прежнему остаются высшими ценностями. Казаков никто не понуждает — а они сами, добровольно становятся в строй, приносят присягу, подчиняются атаманам. Их никто не финансирует, а они тратят собственные деньги на издание и распространение литературы, на проведение своих мероприятий... И казаки волей-неволей чувствуют себя «другими» — не такими, как многие из окружающих. Впрочем, когда тенденции «этнизации» вступают в противоречие с традициями патриотизма, побеждает второе.

Исследователи пытались классифицировать казачество не только в этническом, но и в историческом плане, найти ему сходные аналоги. Его сравнивали с конкистадорами, флибустьерами, пионерами Дикого Запада. Но все подобные попытки оказываются несостоятельными. Поскольку главной целью и конкистадоров, и флибустьеров, и американских «первопроходцев» была обычная нажива. А если удавалось разбогатеть, они охотно порывали со своей средой и находили более «респектабельные» занятия. Кстати, в таких сравнениях имеется и немаловажный подтекст — сыграв свою роль, эти группировки исчезали. Значит, мол, и казакам пора сойти со сцены. Но в действительности близкий аналог казачества существовал только один. И, случайно ли? — тоже в православном государстве, в Византии. Хотя там подобное явление не получило достаточного развития, поскольку возникло не в период рождения и роста империи, а во время ее заката [197].

Между прочим, в Византии происходили процессы, весьма сходные с современными российскими. Династия Комнинов принялась вовсю наводить «дружбу» с Западом. Запустила в страну иностранных купцов и банкиров, дав им громадные привилегии. Внедряла западные обычаи, модели управления: децентрализацию власти, передачу частным лицам сбора налогов, государственных предприятий и промыслов. Развилась чудовищная коррупция. Из народа выкачивались средства на обогащение хапуг, значительная часть утекала за рубеж. Константинополь стал мегаполисом, где росли дворцы знати, деляг, иноземцев. А провинция разорялась, села и города пустели. Люди уходили в столицу, где можно было прокормиться, а на их место заселялись колонии арабов, армян, персов, евреев. Могучую армию Комнины тоже развалили. Но, в отличие от российских властей, не мешали людям обороняться самим. И у славян, поселенных в Малой Азии, организовались общины, подобные казачьим, успешно отбиваясь от набегов соседей.

Но западные державы друзьями Византии, несмотря на все ее потуги, не стали. Вели подрывную деятельность, инициировали «бархатные революции» — отделились армянская Киликия, грузинский Трапезунд, Болгария, Сербия. А потом последовала оккупация. Десант из 20 тыс. крестоносцев в 1204 г. легко захватил Константинополь с полумиллионным

населением. Однако молодой аристократ Феодор Ласкарь бежал в Малую Азию к «казакам», был провозглашен императором и возглавил сопротивление. И если почти вся страна беспомощно покорилась поработителям, то здесь их отразили. К Ласкарю стали стекаться патриоты, лучшие культурные силы, православное духовенство — так как оккупанты насаждали католицизм. И возникла великолепная Никейская империя. Прежде нищая провинция вдруг стала самым богатым государством Средиземноморья! Потому что Ласкари, опираясь на «казаков», создали народное царство. Выдвигали людей не по богатству и роду, а по способностям, обеспечили защиту подданных, организовали развитые государственные хозяйства.

Никейская империя достигла и военного могущества, выбила крестоносцев с большей части византийских земель. Но просуществовала всего полвека. Знати и олигархам порядки народного царства не нравились, зрели заговоры. Третий царь из династии Ласкарей, Феодор II, в 1258 г. был отравлен. А глава заговорщиков Михаил Палеолог стал регентом при малолетнем царевиче Иоанне. И в 1261 г., когда удалось освободить Константинополь, произвел переворот, свергнув и ослепив царевича. Патриарх Арсений отлучил Палеолога от Церкви, возмущенные «казаки» восстали. Но Михаил сместил патриарха, заключил унию с папой римским, а на восставших бросил наемников и подавил массовой резней. Хотя это предрешило и судьбу Византии, дальнейшая ее история стала всего лишь агонией... А византийские «казаки»? Они влились в другой народ. По соседству, в приграничье, обитала община османов. Сперва небольшая, но крепкая и сплоченная. Жила духом воинского братства, своих в обиду не давала. И принимала всех желающих, кто признавал османские порядки. «Казаки» стали перетекать к османам, меняли веру, язык, и возник грозный и великий народ, турки...

Вот такой урок истории. Впрочем, проводить прямые параллели с Россией и строить на них прогнозы, разумеется, нельзя. И время было другое, и ситуация иная. Но в народе упорно живет убеждение, что спасут Россию именно казаки. И нередко бывает, что совершенно незнакомые простые люди, встретив казаков, заводят разговор: «Казаки, ну что же вы?... Казаки, ну когда же народу поможете?» На такие вопросы привожу самый удачный, на мой взгляд, ответ полковника В.Х. Казьмина: «А сами-то вы что же? Если казаки — вперед, а остальные в кусты, что ж получится? Спасти Россию можно только всем вместе».

79. МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Что же представляет собой казачество в начале XXI века? Оно остается разобщенным. Но после всех обманов и самообманов размежевание между «красными» и «белыми», реестровыми и «общественными» сглаживается. И более актуальным стало другое разделение: на тех, кто сохранил иждивенческие настроения, и тех, кто от них избавился. Некоторые все еще ждут, когда же кто-нибудь начнет их «возрождать». Или поучают, что главное — добиться признания «отдельной нацией» — и тогда, мол, «нам все дадут» (забывая, что любые законы в отношении казаков оказываются «неработающими», и признай ты их не то что нацией, а хоть отдельной расой, хоть инопланетянами, ничего от этого не изменится).

Но казачество было всегда сильно традициями самоорганизации. И развивается, воссоздает себя само. Процесс это трудный, во многом стихийный. Но отнюдь не хаотичный. Сам собой выработался определенный порядок иерархии и структурирования. Во-первых, считается, что настоящая, солидная община должна иметь «корни» в традиционных казачьих областях. А во-вторых, должна создаваться не «диким» образом, по прихоти случайных людей, а учреждаться от других организаций, к которым она входит в подчинение. Казачьи Войска учреждают более мелкие структуры — казачьи округа, отделы, станицы, отряды. Но и они, в свою очередь, если вырастут и окрепнут, могут создавать свои дочерние станицы, отряды, хутора, заставы. И по разным городам и областям возникают системы казачьих

организаций.

Таких систем много. Но если, допустим, община учреждена от Войска Донского, это вовсе не значит, что в нее входят одни донцы. Чаще бывают смешанные. Казаки примыкают к ним по месту жительства, по личным знакомствам, наконец, оценивая те или иные организации, занимаются ли они реальным, живым делом, или это «пустышки». Устанавливаются и поддерживаются связи не только по «вертикалям», но и по «горизонталям». Если организации активные, ведут плодотворную работу, то они интересны и друг для друга. И легко находят между собой общий язык, налаживают взаимодействие, независимо от подчинения разным Войскам, независимо от того, к реестровым они относятся или к «общественным».

Кстати, в стихийности развития выявляются не только отрицательные стороны. «Официальную» структуру легко разогнать, выхолостить, парализовать. А что сделаешь со «стихией»? Не спорю, хватает и мешающего, наносного. Порой появляются «липовые» организации сомнительного свойства. Но оказывается, что и они... приносят определенную пользу! Потому что всякая дрянь, лезущая в казачью среду, сливается именно в такие организации, подобное к подобному. И происходит как бы самоочищение казачества. Ну кто скажет, что организму не нужны органы выделения? Важно только не путать их с головой и лицом.

Кем пополняются ряды казаков? В 1992 г., когда считалось, что казачество «реабилитировали» и вот-вот посыплются всякие блага, Совет стариков Союза Казаков России выработал весьма строгие правила верстания в казаки. Таковыми признавались лишь потомки казаков по отцу и матери или только по отцу. Болдырей (потомков казаков только по материнской линии) и иногородних дозволялось верстать в казаки выборочно, с испытательными сроками и прочими сложностями. Однако в действительности оказалось, что генетическая преемственность далеко не всегда играет определяющую роль. С одной стороны, многие потомки самых что ни на есть «родовых» казаков не только не примкнули к казачеству, а преднамеренно дистанцируются от него. Считая, что это может помешать их бизнесу, работе на фирмах и вообще «цивилизованному» стереотипу жизни, который они для себя выбрали. То есть, как в известной поговорке: дед был казак, отец — сын казачий, а внук — хрен собачий. А с другой стороны, в казачьих отрядах в Приднестровье, Абхазии, в батальоне Ермолова дрались не только потомственные.

Ну а теперь стало окончательно ясно, что никаких материальных благ звание казака не сулит, а дает только обязанности и труды. Точно так же, как это было в давние времена, когда атаман Каторжный набирал добровольцев штурмовать Азов. И на практике правила приема в казачьи общины выработались иные. Если организация серьезная, то даже стопроцентной родословной для вступления бывает недостаточно. Неужто среди потомственных не бывает дураков и проходимцев? Сперва к человеку присматриваются, оценивают. Однако если в организацию придет, пусть и без всяких казачьих родословных, настоящий патриот, болеющий душой за Отечество, если он искренне тянется к казачьему братству и готов принять его традиции, ему тоже не откажут. В подобных случаях формальным признаком для вступления в общину может служить происхождение из казачьих регионов (а кто в России так или иначе не связан с каким-нибудь из этих регионов). Но и такого признака может не быть. Организация, опять же, присматривается, проверяет кандидатов. И верстает в казаки тех, кто оказывается «своим» не обязательно по землячеству, но обязательно — по духу.

В результате перестроек и демократизаций казачество фактически потеряло целое поколение молодежи — то поколение, которое росло под лозунги пропаганды «западных ценностей». Но примерно с 2005 г. молодежь снова потянулась в казачьи ряды. Это наблюдается повсеместно. Потому что подросло следующее поколение, в меньшей степени наглотавшееся идеологической отравы, но прекрасно видящее ее результаты. И если такие молодые люди, даже и совершенно не казачьего происхождения, обращаются с вопросом: «А можно ли стать казаками?» — настоящие казаки их не оттолкнут и не прогонят. Примут в

организацию, будут обучать вместе со своими казачатами и малолетками — ведь в наше время казачьи дети и внуки тоже очень редко получают достаточную подготовку от отцов и дедов. Словом, выработалась та же самая система, которая существовала у казаков до XVIII в., а у запорожцев, кубанцев и терцев до XIX-го: родовое казачество является костяком, носителем духа и традиций, а обрастать этот костяк может как за счет потомственных казаков, так и внешнего притока.

Особенные нападки со стороны «прогрессивной общественности» вызывают такие элементы казачьих традиций, как чины и форма. Кстати, в центре Москвы сейчас каких только экзотических нарядов не увидишь, это давно уже никого не шокирует. Но вот казачья форма почему-то оказывается жутким раздражителем. Тут же появляются ярлыки «ряженных», в средствах массовой информации раздаются вопли о том, что казаки натягивают мундиры несуществующей армии, навешивают сами себе несуществующие генеральские и офицерские звания...

Поэтому стоит пояснить данные вопросы. В этой книге уже говорилось, что прежде казаки носили форму не обязательно на службе, но и в быту, она стала не только воинской, а национальной одеждой. Это гордость казака. В гражданскую войну казаков отправляли на расстрел не только за «контрреволюцию», но и за отказ спороть лампасы. Если же считать это пустой формальностью, то можно договориться и до того, что воинское знамя — кусок ткани, стоит ли его беречь? И в наше время форма действительно играет роль поднятого знамени. Показать, что казаки есть и расказачиваться не собираются. И, между прочим, негативное отношение «прогрессивной общественности» выражает взгляды далеко не большинства народа. В той же самой Москве, в районах, где регулярно собираются казаки, форма никого не смущает и никакого недоброжелательства не вызывает. Наоборот, незнакомые люди здороваются, с праздниками поздравляют

Приведу и случай из своей жизни. На встречи с читателями всегда хожу в форме — потому что «свой» читатель обязательно обратит внимание, подойдет. А «чужой» поймет, что здесь книги не в его вкусе, и не будет зря отнимать свое и мое время. И вот на одной из международных книжных выставок появляется человек и с ходу раздраженно бросает: «Я не люблю ряженных». Жму плечами: «Тогда почему вы говорите это мне, а не им?» — и показываю на проходящих мимо хасидов в широкополых «фликер-теллерах». Он взорвался: «Какое я к ним имею отношение?» Отвечаю: «Вот и я не имею. У них своя традиционная одежда, у нас своя». Выяснилось, что передо мной писатель со Смоленщины, которому жить не на что, и он приехал в столицу устраиваться швейцаром в какую-то фирму. Но не сдается. Говорит: «Мало ли у кого какая народная одежда! Я же не натягиваю на себя какую-нибудь уродливую шапчонку, армячишко, лапти». Поясняю: «Вы не правы. Любой народ старался одеваться красиво. А что касается армячишек, то и казаки пахали землю не в парадных мундирах. Но в ваших словах есть и доля истины. Если вы в картузе, расшитой рубашке, поддевке появитесь не только в Смоленске, но и в смоленской деревне, то вас, пожалуй, засмеют. А меня, если появлюсь на Дону или Кубани, никто не засмеет. Скажут — «брат». И они, — указываю на хасидов, — видят друг друга издали и понимают, что «братья». А вот вас «братом» не назовут. Хорошо ли это?» Смотрю, призадумался смолянин. И возражений больше не нашлось.

О казачьих чинах в предшествующих главах тоже говорилось — они возникли задолго до того, как казаки стали служить в составе армии, и присваивались внутри Войска или внутри полков. А по указу Александра III, никем не отмененному, казачьи чины разрешается присваивать не только на действительной службе, но и в запасе или отставке. И сейчас производство далеко не произвольное. Как правило, при вступлении в казачью организацию присваивается звание на одну ступень выше того, которое казак получил на военной службе. Поэтому на критику, что в казачьей среде «слишком много» офицеров, ответить легко — это как раз из-за того, что многие успели заслужить офицерские погоны в Вооруженных Силах.

В казачьих организациях возможно и повышение в званиях, для нижних чинов — по выслуге лет, для офицеров — за какие-то заслуги. Но осуществляется оно не единоличными

решениями, а кругами и атаманскими советами высокого уровня. Генералов в казачьих организациях действительно «сверх комплекта». Что правда, то правда, этого у нас не отнять. Бывают и казачьи генералы, которые на действительной службе были младшими офицерами. Однако надо иметь в виду, что нередко в подчинении у них состоят казаки, достигшие армейских генеральских чинов, и отнюдь не считают зазорным подчиняться. Почему бы и нет, если атаман — талантливый организатор и руководитель? А уж если по большому счету, по справедливости, то многие казачьи генералы куда в большей степени заслуживают свои звания, чем некоторые «официальные» генералы Российской Армии — например, те, которые предавали своих солдат в Чечне. Есть, конечно, и другой сорт, самозваные «генералы без войск». Но подобные одиозные фигуры хорошо известны самим казакам, и всерьез их не воспринимают.

Чем занимаются казачьи структуры? В разных Войсках ситуация различается. В Приднестровье Черноморское Войско стало составной частью вооруженных сил республики. На Украине государственная власть декларирует поддержку казачества, старается вести с ним совместную работу. Но и без государственной поддержки очень активно действует Крымский Казачий Союз, он стал, по сути, оплотом русского населения Крыма, успешно противостоит и татарскому экстремизму, и украинскому национализму, борется с присутствием войск НАТО.

В России государственная служба казаков сведена к обычной службе призывников и контрактников. Но ведь казак, по самому своему званию, служит всю жизнь. Его призывает Господь, и отставку дает Господь. А уж в наши дни понятие казачьей службы стало куда шире, чем только «государственная». Точно так же, как ее понимали наши предки, это служба Вере Православной, народу, земле, казачьему братству. Разве не была казачьей службой, например, работа атамана Грозненского отдела Терского Войска **Г.Н. Галкина**, пытавшегося защитить русское население в Чечне, отдавшего свои силы на эвакуацию и устройство беженцев? Разве не на казачьей службе безвременно оборвалась жизнь помощника кубанского атамана **И.П. Пузикова**, спасшего из чеченского рабства 42 человека, боровшегося с рыбной мафией и чиновниками, распродающими Азовское побережье? Разве не были напряженнейшей казачьей службой творчество, политическая и общественная деятельность Народного художника России **В.М. Клыкова**?

Если старик, забыв про недуги, идет передавать молодежи опыт и традиции, это его служба. Если казак-предприниматель на свои средства создает музей, реставрирует памятник, если принимает и устраивает на своем предприятии казаков-беженцев, безработных, разве это не служба? Если казаки владеют крупным рынком, а на вырученные средства создают и содержат великолепный учебный центр для подготовки призывников в погранвойска, это что, не служба? А работа по самой организации, поддержанию и развитию казачьих структур? Создаются казачьи земледельческие и скотоводческие хозяйства — без всякой государственной поддержки, наоборот, преодолевая массу препятствий, на собственном упорстве и энтузиазме. Они носят «очаговый» характер, но успешно функционируют в различных регионах. В городах действуют казачьи фирмы и предприятия. Издаются казачьи газеты и журналы — за свой счет, безвозмездным трудом редакторов, фотографов, корреспондентов. Во многих местах заслужили прекрасную репутацию казачьи кадетские корпуса, кадетские классы. И родители считают удачей пристроить детей в такие учебные заведения.

Если в целом попытка превратить казаков во вневедомственную охрану и дружинников не состоялась, то в определенных случаях и это оказывается нужным. Существуют структуры, взявшие на себя охрану храмов Божьих, монастырей. Есть организации, занявшиеся природоохранной деятельностью, создавшие казачью егерскую службу. В Оренбуржье, Сибири, где из-за развала промышленности люди стараются выжить подсобными хозяйствами, огородами и дачами, не знают как благодарить казаков, занявшихся охраной этих хозяйств от наплыва воров и грабителей. А во многих станицах Кубани и Ставрополя при нехватке милиции казачьи дружины оказываются единственной

эффективной силой, поддерживающей законность и порядок. Казаки ведут военно-патриотическую работу со школьниками, студентами, тесно контактируют с Церковью, оказывают помощь нашим братьям, попавшим под власть антирусских режимов «ближнего зарубежья». Но плодотворно сотрудничают и с российскими государственными структурами — если для высшего эшелона власти казачество считается «лишней обузой», то на других уровнях и в силовых ведомствах, и в органах администрации есть патриоты и честные, здравомыслящие люди, понимающие пользу совместной работы. А казаки к такой работе всегда готовы.

Политической организацией в узком смысле слова казачество не является. В одной и той же общине могут мирно уживаться монархисты, коммунисты, демократы. Но казачество и не вне политики. Да и что в наше время не политика? Получается, что быть православным и ходить в церковь — уже политика, поскольку предполагает определенный образ мыслей и позицию человека. И казачество постоянно взаимодействует с теми политическими партиями, движениями, общественными организациями, которые соответствуют традиционным казачьим ценностям — устоям патриотизма и Православия. И противостоит тем из них, которые прямо или в завуалированных формах враждебны этим принципам.

И все это тоже — казачья служба. По старой, дореволюционной классификации, ее следовало бы отнести к «внутренней». Но сейчас уже трудноато определить, какая служба «внешняя», а какая «внутренняя». Потому что борьба за судьбу Отечества и народа идет не только на границах и в «зонах конфликтов». Ее «фронты» и «засечные черты» пролегли и внутри городов, станиц, внутри самого человека. Идет жестокая борьба за умы и души людей. А казачество сумело создать огромный интеллектуальный и культурный потенциал! В его рядах множество видных ученых, десятки и сотни замечательных художников, скульпторов, артистов, режиссеров, кинематографистов, поэтов, писателей, журналистов. Сейчас все это тоже оказывается оружием, не менее важным, чем автомат и шашка.

Я перечислил только некоторые направления деятельности казаков — вовсе не имея в виду, что этого достаточно, и этим стоит удовлетвориться. Казачество могло бы сделать больше, гораздо больше. Однако оно и не собирается останавливаться на достигнутом. Ищет, пробует, дерзает. Конечно, бывают и неудачи, ошибки. Как же без них? Но для того, чтобы оценить, правильно ли идешь, Господь дал человеку особый инструмент — совесть. Впрочем, когда казак оказывается на верном пути, он это обычно сам чувствует. Подпитка сил приходит, дела удаются...

Ну а в конце книги вернемся к вопросу: что же это такое — казачество? Приведу определения, которые слышал от разных казаков и выписал из разных источников. «Казачество — братство людей, объединенных особым состоянием духа и сознания, нравственности и морали». «Казаки — народ, имеющий свою культуру, историю и память». «Это народ, но и часть русского народа». «Это самая энергичная часть русского народа». «Это русские пограничники». «Это русское рыцарское братство». «Казак — это состояние духа». А вот иностранцы, ошеломленные в 1990-х гг. непонятным для них явлением, после глубокомысленных разбирательств приходили к выводу, что казаки — это, мол, «русские самураи». Может, в какой-то мере и близко к истине, но неточно. Потому что Бусидо — «путь воина». А казачество — путь воинов Христовых. Именно Вера Божья всегда была основой казачества. Именно она во все времена являлась истинным стержнем — определявшим и казачью службу, и хозяйство.

Но только не стоит трактовать это звание, как пытались некоторые наши «теоретики»: «Казак — воин Христов, подобие ангела во плоти, от Бога выведенного в материальный мир... Мы — Силы Бога Всевышнего...» [135]. Тут уж не знаешь, то ли гордыня зашкаливает, то ли пустой неумный треп. На страницах этой книги перед вами прошло много поколений казаков, и они не были ангелами. Они были живыми людьми со своими слабостями, грехами, недостатками, но прошли свой казачий путь честно, красиво и доблестно. И принять на себя высокое имя казака — значит только встать на этот путь. Не

более того. Встать и стремиться быть достойными звания воинов Христовых. А уж сочтет ли Он нас достойными, кого Он решит использовать в качестве Своих Сил — это Его, а не наше дело. И вообще не дело рядовых воинов судить об этом.

Конечно, предугадывать, какими путями дальше пойдет развитие казачества, было бы слишком сложной задачей. Но сам факт его возрождения нельзя воспринимать иначе, как великое чудо. Оно же умерло, его не было! И по человеческой логике уже не могло быть. Еще не так давно, в 1980-х, никто из казаков ни за что не поверил бы, что оно может воскреснуть! А оно есть, оно воскресло. Такое чудо можно сравнить разве что с воскрешением Лазаря — четыре дня назад умершего, уже смердевшего и похороненного. Но раз уж Господь воскресил его — значит, не просто так, а зачем-то воскресил. С какой-то целью...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При написании этой книги не требовалось ничего придумывать и приукрашивать. За века своей истории казачество сотворило столько великого и яркого, что автору оставалось только обобщить, систематизировать и изложить эти факты. Причем рассказать удалось, разумеется, не обо всем. Чтобы вся казачья история улеглась в один том, приходилось отбирать не просто главное, а лишь самое-самое главное. Волей-неволей нужно было опускать ряд событий, подробностей, деталей, бытовых картин.

Не стал я описывать и быт современного казачества, это вы и без меня знаете. Большинство казаков живет так же, как и другие люди вокруг них. Те, кто несет воинскую службу, кое-как сводят концы с концами. Рабочие — в лучшем случае сохранили хоть какую-то работу. Или любят на мертвые коробки заводских корпусов с пустыми глазницами окон. Те, кто остался трудиться на земле, перебиваются подсобными хозяйствами в запущенных хуторах, фермах, селах. Те, кто уже отслужил и отработал свое — пенсионеры, ветераны, инвалиды, тоже бедствуют, прилагая немалые усилия, чтобы как-нибудь выжить...

Но все же закончить книгу на подобной ноте было бы не по-нашему. Казак ведь, даже когда совсем туго, начинал играть песню. Вот и хочу завершить песней донского казака, ветерана Афгана и Приднестровья, замечательного поэта **Валерия Мошнякова** :

«Мы казаки — мы победим!
Вперед, мой брат, за нашу долю!
Врагу с тобой не отдадим
Ни нашу Русь, ни нашу волю!

Нам говорят: «Вы не народ,
Служилый люд, того не боле...»
Вперед, мой брат! Мой брат, вперед,
За нашу Русь, за нашу волю!

Мы казаки — и с нами Бог!
Вперед же, воинство Христово!
Дадим врагам святой урок,
Его давать для нас не ново.
Оковы с Дона сбросим мы,
И цепи сбросим мы с народа,
Вперед, донцы! И кубанцы!
За нами Вера и свобода!

Мы казаки — мы победим!
Вперед, мой брат, за нашу долю!
Врагу с тобой не отдадим
Ни нашу Русь, ни нашу волю!..»

Из песни, как говорится, слова не выкинешь — но добавить можно. Не только донцы и кубанцы. А еще и терцы, астраханцы, волжцы, уральцы, оренбургцы, сибирцы, семиреченцы, енисейцы, забайкальцы, амурцы, уссурийцы, ставропольцы, приднестровские черноморцы, казаки украинские, белорусские, крымские... Что, мало нас? Да нет. Пожалуй, что мало не покажется...

Слава казачеству!

24.10.2006 г.

Монино — Царицыно — Сев. Бутово

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. М., Воениздат, 1995.
2. Акты Московского государства, т.2, СПб, 1894.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т.2, СПб, 1865.
4. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг., Чтение ОИДР, кн. 4, М., 1911.
5. Алабин И.М., Судравский В.Д. Донской генералитет в изгнании. М., Академия Военных наук, 2001.
6. Андреев О.А. Казачий офицер Прасковья Куркина // Преображение, № 3, 2006.
7. Анзин А. На защите кубанской земли // Казаки, № 6–7, 2006.
8. Апостолова А. Запорожье, страна и народ. Харьков, 1903.
9. Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, Айастан, 1971.
10. Аськаров А. Оренбургское казачество // Преображение, № 12, 2005.
11. Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., Голос, 1992.
12. Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., Голос, 1992.
13. Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 1–6. Берлин, 1928.
14. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время, М., 1907.
15. Бережковский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918. Военно-исторический очерк. М., 1964.
16. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в конце XVII–XVIII веке. М., 1968.
17. Бибииков Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. // Исторические записки, т.32, М., 1950.
18. Большая советская энциклопедия, т. 1–30, М., 1970–1978.
19. Бритвин С.И. Сибирское Казачье Войско // Преображение, № 9, 2004.
20. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., Воениздат, 1983.
21. Бугай Н. Был ли геноцид казаков? // Казачья слобода, № 1–3, М., 1994.
22. Будберг А. Дневник./ Архив русской революции (АРР), т. 12–15. М., Терра-Политиздат, 1991.
23. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
24. Висковатов А.В., Историческое описание одежды и вооружения российских войск, ч. 1. СПб, 1899.
25. Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб, 1994.
26. Водолазский Е. Казачий сокол // Преображение, № 4, 2005.

27. Военный энциклопедический словарь. М., 1984.
28. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля, ч. 1–2. М, Терра, 1992.
29. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3 томах. М, 1953.
30. Всемирная история в 24 т. Минск, Литература, 1996.
31. Гаденко А.П. Азовское Казачье Войско (1830–1865), Кашира, 1912.
32. Голобуцкий В.А. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого. М., Госполитиздат, 1954.
33. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
34. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956.
35. Гордеев А.А. История казаков в 4 т. М, Страстной бульвар, 1992.
36. Горовой Л. Загадки гения // Казаки, № 1–2, 2005.
37. Грушевский М.С. История украинского казачества, в 2-х т., Киев, 1914.
38. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., Айрис-пресс, 2002.
39. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., Айрис-пресс, 2002.
40. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, Азернешр, 1991.
41. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб, Азбука-классика, 2002.
42. Гусев В.И. Чтобы чужие люди... безвестно не приходили // Военно-историч. журнал, № 5, 1997.
43. Деникин А.И. Очерки русской смуты. // Вопросы Истории, 1990–1994 г.г.
44. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., Современник, 1991.
45. Демин Л.М. Семен Дежнев. М., Мол. Гвардия, 1990.
46. Дмитренко И.И., Сборник исторических материалов по истории Кубанского Казачьего Войска, т.1 — 4. СПб, 1898.
47. Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив, № 4, 1959.
48. Долинин Н.П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.
49. Дудко Д. Он был верующим // Преображение, № 2, 2003.
50. Елесин А.И. Казаки — кто они такие? // Преображение, № 5, 2005.
51. Елисеев Ф. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. М., Воениздат, 2001.
52. Ефимов Ю.А., Тайна вершины холма // Казаки, № 3–4, 2005.
53. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков в 2-х т., М, 1858.
54. Жилин П.А. Кутузов. М., Воениздат, 1978.
55. Задонский Н.А. Донская либерия /Избр. произв. в 2-х т, т.2, М., Худ. Литература, 1981.
56. Замятин Г.А. К истории Земского Собора 1613 г./ Труды Воронежского гос. университета, т.3, 1926.
57. Запорожская Сечь. Рыцарский орден Днепра. Сб. документов, М., Алгоритм, 2004.
58. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, состав. Снесарева С., М., Благовест, 2001.
59. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., Наука, 1982.
60. Знаменский А. Красные дни. // Роман-газета № 1–2, 1989.
61. Зубарев А., Егоршин В. Казачьи звания // Казачий вестник, Самара, № 2, 1992.
62. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., Воениздат, 1988.
63. Иллюстрированная история казачества, Волгоград, Вздо, 1994.
64. Иностранцы о древней Москве: Сборник док. / Сост. М.М. Сухман. М., Столица, 1991.
65. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., Изд. восточной литературы, 1960.
66. История военного искусства. Сборник материалов. Вып. III, М., Воениздат, 1952.
67. История гражданской войны в СССР. В 5 томах. М., 1960.
68. История России с древнейших времен до конца XVII в. М., АСТ, 1996.
69. История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 2000.
70. История Украины в документах и материалах, т.3. Киев, 1953.

71. Казачество в XXI веке: место и роль в обществе // Станица, № 2, 2002.
72. Казачество: Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2003.
73. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. СПб, 1912.
74. Карамзин Н.М. История государства Российского. Предания веков. М., Правда, 1988.
75. Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М., Патриот, 1990.
76. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк, ч.1. Уральск, 1911.
77. Керсновский А.А. История русской армии в 4 т. М., Голос, 1994.
78. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций, т.2. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000.
79. Кожин В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., Чарли, 1997
80. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества, СПб, 1996.
81. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая Мировая война. Калинин, 1979.
82. Кондаков С. Как устояла Русь // Витязь, № 1, 2005.
83. Короленко В.Г. У казаков. Из летней поездки на Урал. Челябинск, 1983.
84. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска. 1696 — 1896 гг., Екатеринбург, 1896.
85. Короленко П.П. Первые четыре атамана бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска. Екатеринбург, 1892.
86. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днепре и Днестре, Екатеринбург, 1900.
87. Короленко П.П. Черноморцы, СПб, 1884.
88. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.
89. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., Чарли, 1994.
90. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. М., Чарли, 1994.
91. Котошихин Г.К. Россия в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.
92. Кочетов В.Н. Воры в законе. А казаки? // Преображение, № 11, 2004.
93. Кочетов В.Н. Генерал Доватор // Преображение, № 5, 2005.
94. Кочетов В.Н. Кубанский казачий корпус // Преображение, № 2, 2003.
95. Кочетов В.Н. Самоубийство или убийство? // Преображение, № 2, 2005.
96. Кочетов В.Н. 5-й Донской казачий корпус // Преображение, № 1–2, 2004.
97. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. / АРР, т. 5, М., Терра-Политиздат, 1991.
98. Краснов П.Н. На внутреннем фронте. / АРР, т.1, Терра-Политиздат, 1991.
99. Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи, СПб, 1858.
100. Кубанское Казачье Войско: 1696–1888 / Под. ред. Е.Д. Фелицына, Воронеж, 1888.
101. Кудрявцев Е. Памяти октября — 93 // Преображение, № 1, 2003.
102. Кузьмин А.Г. Татищев, М., Молодая гвардия, 1981.
103. Левченко В.Г. Беседы с кубанцами. М., Парад, 2002.
104. Левченко В.Г. Казаки на чужбине. М., Парад, 2002.
105. Левченко В.Г. Матвей Платов — легенда Дона. М., Парад, 2000.
106. Левченко В.Г. Россия воскреснет. М., Парад, 2000.
107. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах, М, Политиздат, 1971–1975.
108. Летопись Величко, т.1. Киев, 1848.
109. Летопись Самовидца, Киев, 1878.
110. Лимонов Ю.А., Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета, М., 1982.
111. Лихачев Д.С. Русские летописи. М., Изд. АН СССР, 1947.
112. Лосев Е.Ф. Миронов. М., Молодая Гвардия, 1991.
113. Лотоцкий С.С. и др. История войн и военного искусства. М., Воениздат, 1970.
114. Матющенко П. Казаки и земля // Крестьянские ведомости, № 19, 1992.
115. Макашов А.М. Знамени и присяге не изменил! М., Алгоритм, 2006.
116. Малахов И.Н. «Батьки-атаманы» / Комментар. Кочетова В.Н. //Преображение, № 6,

- 2004.
117. Маленко Л.М. Азовское казачье войско (1828–1866). Запорожье, 2000.
 118. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус, Краснодар, «Кубанькино», 2003.
 119. Мальков С.В. Страна души // Преображение, № 6, 2005.
 120. Манягин В.Г. Правда грозного царя. М., Алгоритм, 2006.
 121. Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990.
 122. Меркулов Д.Н., Бобровник В.М. Контрреволюция и национальная идея России. М., 2003.
 123. Михайлов О.Н. Суворов. М., Воениздат, 1978.
 124. Муравьев В.К. Испытатели ВВС. М., Воениздат, 1990.
 125. Мурин Ю. Шолохов и Сталин // Казаки, № 5, 2005.
 126. Мяснов Л. Гибель Уральского Казачьего Войска. Нью-Йорк, Всеславянское изд-во, 1963.
 127. Наволочкин Н.Д. Амурские версты. М., Воениздат, 1978.
 128. Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков, Алматы, 2003.
 129. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., Наука, 1987.
 130. Никитин Ф.Н. Не стреляйте в белых лебедей // Единство, № 4, 1999.
 131. Новицкий В. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1931.
 132. Омельченко И.Л. Терское казачество, Владикавказ, 1991.
 133. Орлов В.Г. Двойной агент: записки русского контрразведчика. М., Современник, 1998.
 134. Осипов К. Богдан Хмельницкий. М., 1948.
 135. Основы современного казачества // Казачий Спас, № 4, 1996.
 136. Очерки истории СССР. XVII век / Под ред. Дружинина Н.М. М., 1955.
 137. Палицын А. Сказание Авраамия Палицына, М.-Л., 1955.
 138. Пашков Б.Г. Русь, Россия, Российская империя: хроника событий. 862-1917 гг. М., 1994.
 139. Петелин В.В. Фельдмаршал Румянцев. М., Воениздат, 1989.
 140. Петровський М.Н. Нариси з історії України, вип IV, Киев, 1940.
 141. Письмо М.Шолохова Л.Брежневу // Казаки, № 5, 2005.
 142. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв., М., 1937.
 143. Платонов О.А. Русская цивилизация. М., Роман-газета, 1995.
 144. Полевой Б. Эти четыре года, т. 1–2. М., Молодая гвардия, 1974.
 145. Полное собрание русских летописей. М., Изд. восточной литературы, 1962–1965.
 146. Поляков Г. Военное духовенство России. М., ТИИЦ, 2002.
 147. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Вып.1. Гребенское войско. СПб, 1880.
 148. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту, СПб, 1858.
 149. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801), т.1. Владикавказ, 1912.
 150. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI- начале XVII в. М., 1972.
 151. Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII вв. глазами иностранцев / Под ред. Н.М. Рогожина. М., Международные отношения, 1991.
 152. Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты, ПСС в 10 т., изд. IV, т. IX. Л., Наука, 1979.
 153. Пушкин А.С. История Пугачева, Приложения, ПСС в 10 т., изд. IV, т. VIII. Л., Наука, 1979.
 154. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года, ПСС. в 10 т., изд.

IV, т. VI. Л., Наука, 1979.

155. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбургское кн. изд., 2000.
156. Ригельман А. Летописное повествование о Малой России. М., 1948.
157. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., Лениздат, 1986.
158. Рубан В.Г. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год. СПб, 1777.
159. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., Воениздат, 1977.
160. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
161. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., Вече, 2005.
162. Сазонов А.А. Крестный путь. За присуд казачий. Кн.1. М., Русская книга, 1996.
163. Самойлов Е. От белой гвардии к фашизму./ Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
164. Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XVI–XVIII вв. М., 1962.
165. Семенов Г.М. О себе. М., АСТ, 2002.
166. Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска. Примечания Б. Трофимова. /Минувшее, т.1. М., Прогресс, 1990.
167. Симонов К.М. Разные дни войны: собр. соч. в 10 т., т.9. М., Художественная Литература, 1983.
168. Синегуб А. Защита Зимнего дворца./ АРР, т.4. М., Терра-Политиздат, 1991.
169. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского: Извлечения из собственного запорожского архива. Одесса, 1841.
170. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, Наукова думка, 1977.
171. Скрынников Р.Г. Ермак. М., Просвещение, 1986.
172. Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М., 1986.
173. Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., Мол. Гвардия, 1981.
174. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. М., 1946.
175. Соболев Б.И. Штурм будет стоить дорого: Кавказская война XIX в. в лицах. М., 2001.
176. Советская историческая энциклопедия, т. 1–16. М., 1961–1976.
177. Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984.
178. Советский энциклопедический словарь. / Под ред. А.М. Прохорова. М., Сов. Энциклопедия, 1987.
179. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. V–VIII. М., 1962.
180. Стариков Н.В. История России: Справочник студента. М., ПРИОР, 2001.
181. Стрейс Я. Три путешествия / Ред и пер. Бородин Э. М., 1935.
182. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., Воениздат, 1974.
183. Сулима В.И. Вступление русской Кавказской армии в Турцию // Преображение, № 3, 2006.
184. Сулима В.И. Помяни их, Господи, в Царствии Своем // Преображение, № 12, 2004.
185. Сулима В.И. Семейные реликвии — страницы истории государства Российского // Тобол, № 1, 2003.
186. Старообрядец, № 6–8, Коломыя, 1881.
187. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год, М., Воениздат, 1992.
188. Татищев В.Н. История Российская. М., Изд. АН СССР, 1962–1963.
189. Тернавский Н. Казачьей славы имена, Краснодар, 1994.
190. Тимофеев И. Временник, М.-Л., 1951.
191. Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1979.
192. Ткаченко П.И. Где спит казацкая слава. М., Пресс-соло, 1995.

193. Ткаченко П.И. Дар Екатерины // Казаки, № 3–4, 2005.
194. Ткаченко П.И. Затерянное войско // Патриот, № 10, 2002.
195. Толстой Л.Н. Казаки. Собр. соч. в 22 тт., т. III. М., Худ. Литература, 1979.
196. Угаров М. Незаживающее горе // Казаки, № 3–4, 2005.
197. Успенский Ф.И. История Византийской империи в 5 тт., М., АСТ, 2001.
198. Филимонов. Разгром Кубанской Рады./ АРР, т.5. М., Terra-Политиздат, 1991.
199. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., Мол. Гвардия, 2003.
200. Фурманов Д.А. Сочинения в 2-х томах. Л., 1971.
201. Харитонов И. За Царя, за Родину, за Веру! Ростов-на-Дону, Феникс, 2000.
202. Хохульников К.Н. Возвратить в Отечество! // Преображение, № 3, 2005.
203. Хрестоматия по русской военной истории. М., Воениздат, 1947.
204. Ченцов И.В., Таболина Т.В. Казачество в системе национальной безопасности России. М., 2001.
205. Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск, Русич, 2000.
206. Шалашов В. Крах атамана Анненкова./ Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
207. Шамбаров В.Е. Бей поганых! М., Алгоритм, 2005.
208. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., Алгоритм, 1999.
209. Шамбаров В.Е. Государство и революции. М., Алгоритм, 2001.
210. Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М., Алгоритм, 2003.
211. Шамбаров В.Е. Окультизм корни Октябрьской революции. М., Алгоритм, 2006.
212. Шамбаров В.Е. Правда варварской Руси. М., Алгоритм, 2006.
213. Шамбаров В.Е. Прадедушки русского флота // Инженер, № 7, 2004.
214. Шамбаров В.Е. Русь — дорога из глубин тысячелетий. М., Эксмо, 2002.
215. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., Мысль, 1986.
216. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991.
217. Шолохов М.А. Тихий Дон. Собр. соч. в 8 тт., т. 1–4. М., Правда, 1980.
218. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1975.
219. Шумов В.В. История казачества в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2003.
220. Щербаков М. Одиссеи без Итаки./ АРР, т.18. М., Terra-Политиздат, 1993.
221. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска, т. 1–2. Екатеринодар, 1910, 1913.
222. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. М., Элис Лан, 1993.
223. Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI–XVIII вв., М., 1996.
224. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков: в 3 тт. Киев, 1990–1992.
225. Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий /Библиотека Ф. Павленкова, т.18, Челябинск, Урал, 1996.
- ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ (сайт «Казачество XV–XXI в.»; www.cossackdom.com)
226. Александров П.Г. Уникальный документ по истории Подпильненской Сечи.
227. Александров С.Г. Традиционные рукопашные состязания кубанских казаков сер. XIX — нач. XX вв.
228. Анцупов И.А. Казаки и военные поселенцы на Днестре и Буге в конце XVIII — начале XIX вв.
229. Бармин Ф. Тирольская обедня.
230. Бачинская Е.А. Дунайское (Новороссийское) казацкое войско: 1828–1868 гг.
231. Бачинська О. Задунайські Запорожці у вірі російсько-турецької війни 1806–1812 рр.
232. Великая Н.Н. Модернизационные процессы второй половины XIX в. и терское казачество.
233. Великая Н.Н. О взаимоотношениях кабардинцев и казаков в Причеречье.
234. Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки.

235. Великая Н.Н. Система самоуправления у гребенского казачества.
236. Грибовский В.В. Ногайское казачье войско: условия и процесс формирования.
237. Заруба В. Борьба за устья Днепра и Буга в 1697–1698 годах.
238. Лепявко С.А. Казацкие походы на татар в 1570-1580-х годах.
239. Лепявко С. Казаки и татары в начале 1580-х годов.
240. Маленко Л.М. Задунайская Сечь.
241. Маленко Л.М. Обзор истории Азовского казачьего войска.
242. Маленко Л.М. Осип Гладкий: человек и деятель.
243. Маленко Л.М. Переселение бывших «некрасовцев» на земли Азовского казачьего войска в 30-х годах XIX в.
244. Маленко Л.М. Причины ликвидации Азовского казачьего войска и переселение азовцев на Кубань.
245. Маленко Л.М. Усть-Дунайское Буджацкое казачье войско.
246. Маленко Л.М. Южноукраинское казачество и Крымская война.
247. Малукало А.Н. Казачье законодательство: история становления и развития, сфера применения.
248. Малукало А.Н. Кубанское казачество в вооруженных силах Российской империи. Проблемы истории и историографии.
249. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв.: основные тенденции развития.
250. Мильчев В. Гайдамацтво на Нижньому Побужжі у 1750-х — на початку 1760-х років.
251. Мильчев В. Запорожцы в Банате и Бачке.
252. Мильчев В. Запорожцы и некрасовцы в понизовье Дуная. 1780 г. (по материалам Российского государственного архива древних актов).
253. Мильчев В. Запорожцы на военной границе Австрийской империи в конце XVIII века.
254. Мильчев В.И., Князьков Ю.П. Проект реформирования устройства Запорожья генерал-майора Карла Штофельна (1765 г.).
255. Мильчев В. Сербські граничари на півдні України у 1709–1734 роках, як альтернатива Запорозькому козацтву.
256. Мицьк Ю.А. После падения Сечи...
257. Нормативные правовые акты Российской Федерации по вопросам казачества (1991–1998 гг.).
258. Олийник А.Л. Разведывательная деятельность запорожцев по документам архива Новой Сечи (1734–1775 гг.).
259. Пригарин О.А. Казаки-некрасовцы на Дунае. Конец XVIII — первая треть XIX вв.
260. Сапожников И.В. Задунайская Сечь в Дунавцах по воспоминаниям последнего запорожского кошевого атамана Осипа Гладкого.
261. Сапожников И.В. Запорожцы в Очаковской области и Украине Ханской в период «крымской протекции (1711–1734 гг.)».
262. Сапожников И.В. Иван Сухина — неизвестный кошевой атаман Черноморского войска.
263. Сапожников И.В. Иван Юзбаша — полковник и бунчуковый товарищ Черноморского казачьего войска.
264. Слуцкий А.И. К истории организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске.
265. Соклаков А.Ю. Казачий флот в контексте рассмотрения развития системы комплектования казачьих войск.
266. Тернавский Н.А. Войсковой судья Антон Головатый.
267. Тернавский Н.А. Кошевой атаман Захарий Чепига.
268. Федина А.И. Павел Шамрай.

269. Фролов Б.Е. Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX века.
270. Фролов Б.Е. Адыгейское влияние на оружие черноморских казаков.
271. Фролов Б.Е. Дискуссионные вопросы биографии атамана З.А. Чепеги.
272. Фролов Б.Е. Институт наемничества в Черноморском казачьем войске.
273. Фролов Б.Е. К вопросу о месте хранения регалий кубанских казаков в конце XVIII — начале XX вв.
274. Фролов Б.Е. К истории реставрации оборонительных сооружений Екатеринодарской крепости первой четверти XIX века.
275. Фролов Б.Е. «Командир без ошибок» (к биографии генерал-майора А.Д. Бескровного).
276. Фролов Б.Е. Награды З.А. Чепеги и А.А. Головатого.
277. Фролов Б.Е. Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787–1860 гг.).
278. Фролов Б.Е. Мокий Семенович Гулик — «войсковый есаул и кавалер».
279. Фролов Б.Е. Переход казачьей флотилии к Тамани в августе 1793 года.
280. Фролов Б.Е. «Порядок общей пользы»: опыт исторического комментария.
281. Фролов Б.Е. «Постройка» мундиров образца 1816 г. в Черноморском казачьем войске: планы и реалии.
282. Фролов Б.Е. Реформа строевого состава Черноморского казачьего войска в начале XIX века.
283. Фролов Б.Е. Ручное огнестрельное оружие кубанских казаков.
284. Фролов Б.Е. Свита — традиционная верхняя одежда черноморских казаков.
285. Фролов Б.Е. Строевой состав Черноморского казачьего войска в конце XVIII века.
286. Фролов Б.Е. Формирование Черноморской гвардейской сотни.
287. Фролов Б.Е. Черноморские казаки в польском походе 1794–1795 гг.
288. Чебан В.Л. Слободзея — бывшая резиденция Черноморского казачьего войска.
289. Шиян Р.И. Греческое (Албанское) казачье войско. 1775–1859 гг.
290. Шиян Р.И. Екатеринославское казачье войско (1787–1796 гг.).
291. Шиян Р.И. Крымско-татарское казачье войско (1784 — 1796 года).
292. Шиян Р.И. Черноморское казачье войско. 1788–1792.
293. Шпиталев Г.Г. Запорожская конница в боевых действиях российской армии 1735–1739 годов.
294. Шпиталев Г.Г. Запорожская конница в русско-турецкой войне 1768–1774 годов.
295. Шпиталев Г.Г. Запорожская флотилия в русско-турецкой войне 1768–1774 годов.
296. Шпиталев Г.Г. Запорожское войско во второй половине 30-х годов XVIII века.
297. Шпиталев Г.Г. Запорожское войско периода Новой Сечи.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
26.04.2010**

**Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора**